

▲ ▲ ▲
СОЦИОЛОГИИ

Т. Р. Гарр

ОЧЕМУ ЛЮДИ БУНТУЮТ

▲ П Т -

by Ted Robert Gurr

WHY MEN REBEL

Princeton University Press
Princeton, New Jersey

Т. Р. Гарр

ПОЧЕМУ ЛЮДИ БУНТУЮТ

 ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2005

ББК 88.5
УДК 316.48
Г21

1134147

Гарр Т. Р.

Г21 Почему люди бунтуют. — СПб.: Питер, 2005. — 461 с.: ил. — Серия «Мастера социологии»).

ISBN 5-469-00134-2

Работа Т. Р. Гарра «Почему люди бунтуют» представляет собой многогранное и многоаспектное — во времени и пространстве — исследование причин возникновения в обществе социальных противостояний и конфликтов, гражданской борьбы, в том числе и сопровождаемой насилием. Показаны причины возникновения политического насилия, его движущие силы, а также типовые механизмы протекания этих процессов.

Книга адресована социологам, политологам, специалистам в области иных гуманитарных наук, а также студентам, аспирантам, всем интересующимся проблемами конфликтов.

ББК 88.5
УДК 316.48

Права на издание получены по соглашению с Princeton University Press. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 0-691-02167-8 (англ.)

ISBN 5-469-00134-2

© 1970 by Princeton University Press

© Перевод на русский язык
ЗАО Издательский дом «Питер», 2005

© Издание на русском языке, оформление
ЗАО Издательский дом «Питер», 2005

Оглавление

И вечный бунт?.. (Предисловие переводчика)	9
Предисловие автора к русскому изданию	30
Введение	38
Глава 1. Объяснения политического насилия	42
Что подлежит объяснению?	46
К интегрированной теории политического насилия	50
Примечания	55
Глава 2. Относительная депривация и побуждение к насилию	59
Определение относительной депривации	61
Источники агрессии	68
Относительная депривация и аналогичные причины политического насилия	75
Паттерны относительной депривации	83
Устремленная депривация	88
Прогрессивная депривация	90
Модели RD: некоторые свойства и применения	94
Примечания	96
Глава 3. Интенсивность и масштаб относительной депривации	103
Детерминанты интенсивности: степень относительной депривации	104
Детерминанты интенсивности: ценностная отчетливость	110
Относительная значимость классов ценностей	112
Близость цели и ценностная отчетливость	115
Детерминанты интенсивности: число возможностей	117
Некоторые эффекты антиципации и постоянства RD	124
Детерминанты масштабов относительной депривации	128
Подход социальной стратификации	130
Паттерн депривационного подхода	132
Примечания	137

Глава 4. Социальные истоки депривации: источники возрастания экспектаций	142
Демонстрационные эффекты: показ новых образов жизни	144
Демонстрационные эффекты: новые идеологии	154
Демонстрационные эффекты: ценностные приобретения референтных групп	155
Демонстрационные эффекты: ценностная неустойчивость	160
Некоторые эффекты ценностной мобильности	163
Примечания	172
Глава 5. Социальные источники депривации: детерминанты ценностных возможностей	178
Общие детерминанты ценностных возможностей	179
Паттерны ценностных резервов	179
Негибкость в исполнении желаний и в ценностных возможностях	182
Ценностные возможности благосостояния и политическое насилие	185
Межличностные ценностные возможности и политическое насилие	190
Идеациональная согласованность	190
Статус	197
Ценности власти и политическое насилие	199
Желание власти	200
Использование власти	204
Примечания	210
Глава 6. Взгляды на насилие и политику: социализация, традиция и легитимность	215
Две базовые гипотезы	216
Психокультурные оправдания насилия	221
Культурные традиции политического насилия	229
Политизация неудовлетворенности	237
Легитимность политической системы	244
Примечания	252
Глава 7. Взгляды на насилие и политику: идеологии, утилитарность и коммуникация	259
Доктринальные оправдания политического насилия	260
Некоторые функции идеологии революционности	260

Восприимчивость к доктринальным оправданиям политического насилия	264
Воздействие альтернативных доктрин политического насилия	267
Утилитарность насилия	276
Тактическое использование насилия	278
Источники утилитарных оправданий политического насилия	281
Коммуникация символов агрессии	289
Резюме	295
Примечания	298
Глава 8. Коерсивный баланс	304
Баланс насилия со стороны режима и диссидентов	306
Коерсивные способности режима	310
Масштаб контроля	310
Сдерживание и санкции	311
Лояльность военных	324
Замечание о моделях рационального конфликта и негативных санкциях	332
Коерсивный контроль со стороны диссидентов	333
Масштаб и экология диссидентского контроля	335
Военные ресурсы диссидентов	341
Примечания	347
Глава 9. Баланс институциональной поддержки	353
Баланс институциональной поддержки режима и диссидентов	354
Некоторые структурные детерминанты институциональной поддержки	361
Организационный масштаб	363
Организационная сплоченность и сложность	364
Некоторые функциональные детерминанты институциональной поддержки	375
Социетальные ценностные возможности	376
Политические ценностные возможности	379
Каналы для выражения протеста	384
Инструментальные функции ассоциированных групп в сравнении с экспрессивными	389
Примечания	395

Глава 10. Причины и процессы политического насилия:	
заключение	403
Детерминанты политического насилия	405
Детерминанты потенциала коллективного насилия	410
Детерминанты политического насилия как такового	413
Детерминанты величины политического насилия	417
Детерминанты общих форм политического насилия	422
Сфера действия относительной депривации и формы насилия	423
Типы относительной депривации и формы политического насилия	427
Каузальные модели детерминант форм	429
Процессы политического насилия	436
Модель процесса	437
Стратегия для инкамбентов	441
Стратегия для революционеров	443
Стратегия для недовольных	445
Примечания	450
Приложение. Суммарный перечень гипотез и следствий	453
Связи между первичными и вторичными переменными	453
Детерминанты интенсивности относительной депривации	454
Детерминанты групповых ценностных экспектаций	455
Детерминанты групповых ценностных возможностей	456
Детерминанты оправданий политического насилия	456
Детерминанты режимного коерсивного контроля	457
Детерминанты диссидентского коерсивного контроля	458
Детерминанты режимной институциональной поддержки	458
Детерминанты диссидентской институциональной поддержки ...	459
Детерминанты внутренней войны	459
Детерминанты беспорядков	460
Детерминанты заговора	460

И вечный бунт?.. (Предисловие переводчика)

Имя профессора Мэрилендского университета (США) Теда Роберта Гарра довольно слабо известно даже профессиональным отечественным социологам и политологам. На русский язык его работы не переводились, поэтому, например в Интернете, нам удалось найти лишь 17 ссылок на его работы. Причем, в этих ссылках ту книгу, которую мы намереваемся предложить вашему вниманию — «*Why Men Rebel*», — именуют по-разному. Например, «Почему повстанцы сражаются». Или — на украинском политологическом сайте — «Чому повстали чоловіки»^{**}. Мы решили использовать дословный перевод: «Почему люди бунтуют». А вообще в Интернете чаще упоминают профессора Гарра в контексте его более современных работ, связанных с изучением этнополитических конфликтов и борьбы национальных меньшинств за свои права^{***}. Это говорит о том, что он уже более четырех десятилетий остается верен своей стержневой теме — исследованию проблем **внутриполитической гражданской борьбы**, поскольку проявления межнациональных столкновений различных этнических групп, входящих в состав одного государства, и борьба их за свою независимость или хотя бы автономию — это лишь один из углубленных аспектов такой борьбы.

Сегодня на полках книжных магазинов и библиотек появляется все больше работ по политической конфликтологии, в том числе и отече-

* <http://www.washprofile.org/arch0403/05.02%20-%20wars%20of%20independence.html>.

** <http://www.ji.lviv.ua/n27texts/nagel.htm>.

*** См., напр.: *Gurr, Ted. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflict.* — US Institute of Peace Press, 1993. — P. 427; *Gurr R. Peoples Against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System / International Studies Quarterly*, 1994. Vol. 38. — №. 3. — P. 347–377; *Gurr, Ted. Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century.* — US Institute of Peace Press, 2000. — P. 448.

ственных авторов*. Еще два десятилетия назад такое было бы немислимо — советское общество считалось социально однородным и априорно бесконфликтным. Ну там какие-нибудь внутривы производственные или внутрисемейные разборки — словом, то, с чем вполне в состоянии справиться местком, это еще может быть... Но чтобы межнациональные или, упаси бог, классовые столкновения?! В общем, признавалось наличие конфликтов незначительных и, во всяком случае, не стоящих внимания серьезных ученых-обществоведов. Возможно, в какой-то степени так оно и было — социальные противоречия, как и общество в целом, дремали в состоянии стагнации.

Во второй половине восьмидесятых эти вирусы вырвались из латентного состояния и расцвели махровым цветом, подогреваемые беспорядочными, часто непродуманными и непоследовательными политическими и экономическими реформами. Последние десятилетия показали, что потенциальная опасность конфликтов в социальной жизни на постсоветском пространстве не только не уменьшается, но, кажется, имеет тенденцию к возрастанию. Причем, благодаря совершенствованию техники — в том числе военной — губительная сила их многократно возросла. Да и в спокойной Европе не все с этим благополучно — достаточно вспомнить Белфаст или Косово.

Вероятно, не имеет особого смысла перечислять пагубные последствия внутренних конфликтов для жизни любой страны. Возьмем лишь один, может быть, не самый бросающийся в глаза аспект таких последствий. Многие из российских политиков и экономистов сетуют на слишком слабый приток иностранных инвестиций в нашу экономику. Однако попытайтесь поставить себя на место топ-менеджера крупной транснациональной корпорации, ответственного за принятие решений о зарубежных инвестициях в какой-то из развивающихся стран. С одной стороны, вы должны принимать во внимание, что своевременное принятие такого решения позволит компании занять свободное рыночное пространство, прийти на него первыми, получив серьезные преимущества перед конкурентами. Учитывая к тому же, что работа предприятий, в которые вкладываются инвестиции, будет повышать уровень занятости, а также содействовать развитию экономики страны, где они размещаются, решение, размещать или не размещать его именно здесь,

* См., напр.: *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. — М., 1999; *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997 и др.

представляется весьма важным. С другой стороны, вы обязаны защищать вложения корпорации, а потому стоите перед необходимостью тщательно оценивать, каковы шансы на то, что продукция может быть уничтожена, а персонал (из числа ваших соотечественников) столкнется с угрозой насилия, неизбежного, в случае если внутренние противоречия в принимающей стране выльются в вооруженный конфликт. А история XX столетия полна такого рода случаями.

Таким образом, вы придете к выводу, что для принятия решения об инвестициях вы нуждаетесь в обстоятельном экспертном анализе ситуации в стране и прогнозе перспектив ее дальнейшего развития. Словом, вам хотелось бы знать, какие факторы вообще ведут к возникновению внутреннего насилия в различных странах и как измерить эти факторы. Поэтому становится ясно, что вы нуждаетесь в теоретических объяснениях причин насилия, равно как и в эмпирической информации, которая позволила бы вам применить эти теории к оценке вероятности вспышки насилия в конкретных странах. Вот тут-то и приходит на память знаменитая фраза Людвиг Больцмана: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Одним из важных источников получения такого рода консультации как раз и может послужить предлагаемая вниманию читателя работа Теда Роберта Гарра *«Почему люди бунтуют»*. Эта книга — об особом рода конфликтах, тех, которые автор называет «гражданской борьбой», т. е. о противостояниях и столкновениях* достаточно больших социальных или этнических групп, составляющих единое общество. А поскольку одной из таких противоборствующих сторон в описываемых далее ситуациях, как правило, выступает государство (пусть даже в качестве не участника, а своеобразного рефери), постольку мы вправе назвать такие конфликты политическими**, хотя сам Гарр утверждает, что «данное исследование проводилось не в политических целях, а для объяснения на обобщенном уровне». Вероятно, главная опасность внутренних войн, в отличие от внешних, состоит в том, что они раскалывают общество, лишают его целостности. Хотя, конечно, нельзя не учитывать и материальных потерь, не говоря уже о человеческих. В одном из примечаний к главе 1 Гарр говорит о том, что самыми губительными в истории, за вычетом двух мировых войн, были именно внутренние

* Напомним, что само слово «конфликт» дословно означает «столкновение».

** Исходя из того, что *политика* — это не что иное, как сфера борьбы за завоевание государственной власти, ее удержание и использование.

конфликты — 11 гражданских войн, каждая из которых унесла более 300 тысяч человеческих жизней.

Интерес социологов (мы имеем в виду прежде всего исследователей, не связанных с марксистской традицией) к внутрисоциальным конфликтам, сопровождавшимся массовым применением насилия — как со стороны режима, так и со стороны противостоящих ему сил, — возникал волнообразно. Первая такая волна относится к концу XIX — началу XX в., когда появляется ряд работ таких социологов, как Б. Адамс, Г. Ле Бон, Ч. Эллвуд и др., которые интересовались, главным образом, исследованием проблем социальной нестабильности и социального конфликта и именно через эту призму рассматривали все, что было связано с революцией.

Вторая — и очень сильная — волна интереса социологов к этой проблеме была вызвана Русской революцией* и последовавшей за ней жестокой Гражданской войной. В этот период появляется даже особая теория среднего уровня, именуемая «социологией революции». Она тесно связана с именем непосредственного участника этих событий — Питтирима Сорокина, который в 1925 г. опубликовал книгу под аналогичным названием**. В этой работе он весьма аргументированно, на основе анализа множества исторических событий, утверждал, в частности, что Первая мировая война и Русская революция, неразрывно связанные друг с другом, явились результатом огромных сдвигов и переворотов во всей социокультурной системе западного общества. При этом он довольно мрачно прогнозировал, что последствия этих исторических событий сулят человечеству еще более серьезные потрясения в не столь отдаленном будущем (что, увы, и подтвердилось).

Вполне понятен исторический контекст третьей волны, в котором и проводилось исследование Т. Гарра. 60-е гг. прошлого века были одним из самых беспокойных десятилетий после Второй мировой войны. Распад колониальной системы и последовавший за этим каскад гражданских войн в освободившихся странах; бурное развитие движения за гражданские права черного населения США (в том числе и с активным применением насилия); эскалация Вьетнамской войны; студенческие беспорядки во Франции; события в Польше и Чехословакии 1968 г. —

* В западной социологии не принято, как у нас, разделять ее на Февральскую и Октябрьскую: для них это просто различные этапы одной и той же *Русской революции*.

** Выдержки из этой работы см. в сборнике: *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество.* — М., 1992.

это далеко не полный перечень крупных событий, наполнивших бурное шестое десятилетие века. Понятно, что в этих условиях стремительно нарастал интерес к теоретическим объяснениям социальных условий, в которых возникает угроза гражданских войн, и к тем механизмам, по которым они развиваются. Многие из отмеченных выше событий вошли в состав эмпирической базы исследования Гарра, которое как бы подытоживало «грозовые шестидесятые» (книга увидела свет в 1970 г.). Хотя вообще временной диапазон изучаемых в работе явлений гораздо более широк — от религиозных движений средневековья до современных партизанских войн в Азии, Африке и Латинской Америке. Мы опять-таки говорим «современных», имея в виду время издания книги. Появись она двумя-тремя десятилетиями позднее, багаж кейз-стади автора стал бы значительно объемнее, обогатившись в том числе и самыми свежими событиями российской истории.

Несмотря на свою сугубо политическую направленность, перед нами — исследование, носящее отчетливо выраженный социологический характер: теоретические изыскания Гарра опираются на большой объем эмпирических данных, приведенных в работах других ученых, в том числе историков и социальных психологов (правда, в главе 1 он сетует на недостаток экспериментальных исследований, имеющих дело с социально-психологическими механизмами коллективного насилия, особенно в незападных странах). Ссылки на данные полевых исследований и повторный статистический анализ этих данных, сопоставленных с множеством кросс-национальных сравнений, занимают огромное место в работе.

Автор начинает свое исследование на уровне «микрокосма» — с анализа психологических мотивов, побуждающих к агрессивному поведению на индивидуальном уровне. Это действительно важно, хотя социология в чистом виде имеет дело с массовыми формами поведения. Бесспорно, истоки человеческой агрессивности во многом заложены на подсознательном уровне — в инстинктах, унаследованных нами от предшественников по линии эволюционного развития. Большинство этологов указывают на сходство в проявлении агрессии у человека и животных: «Агрессия всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию. Если на группу животных нагоняют страх, они становятся агрессивнее. То же происходит и с толпой людей или с обществом в целом. Агрессивно-трусливое состояние — самое опасное»^{*}.

* *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. 3-е изд. — СПб.: ЧеРо-на-Неве, Паритет, 2003. — С. 195.

Однако нельзя, разумеется, забывать и о том, что практически каждый шаг в поведении любого человека, как разумного и социального существа, определяется его стремлением к удовлетворению своих потребностей, а потребности эти в подавляющем большинстве являются не столько инстинктивно унаследованными, сколько приобретенными в ходе социализации, т. е. выступают результатом непрерывного социального взаимодействия. Существуют ли какие-то общие — и для отдельных личностей, и для больших и малых социальных групп, и для разных обществ — детерминанты возникновения агрессии и применения насилия во внутренних конфликтах? Поискам таких детерминант и посвящена работа американского исследователя.

Т. Гарр достаточно корректным образом дает многие рабочие определения вводимых в ходе изложения новых концептов (понятий) — таких, например, как ценностные экспектации, ценностные возможности и т. п. Однако многие из этих понятий он употребляет имплицитно — как нечто само собой разумеющееся. И автор, конечно же, прав, но только лишь по отношению к своему искушенному западному читателю. В современную отечественную социологию многие из них начинают внедряться лишь в течение последнего десятилетия. Поэтому в ряде случаев мы сочли необходимым и целесообразным дать соответствующие подстрочные примечания* (аналогично мы привели свое понимание некоторых мест в оригинале, которые вызывали сомнения и суть которых улавливалась лишь в общем контексте). В работе активно применяются также специальные психологические термины. Причем два из них встречаются наиболее часто. Первый — *фрустрация*, т. е. психическое состояние, возникающее вследствие какой-то непреодолимой помехи, препятствующей достижению цели; проявляется оно в ощущениях гнетущего напряжения, тревоги, отчаяния, гнева.

Это действительно очень важно, но, как справедливо отмечает в главе 2 Гарр, «большинство релевантных общепсихологических теорий имеют дело с источниками и характеристиками агрессивности *всех* людей, независимо от характера культуры». Действительно, психология может дать определенные теоретические объяснения индивидуальным актам насилия, в лучшем случае — объяснить мотивы, по которым втягива-

* В конце данного предисловия мы приводим перечень определений наиболее часто употребляемых в работе терминов прикладной социологии (понятно, что в подстрочных сносках их уже не будет).

ются в коллективный конфликт отдельные, но далеко не все его участники. Однако это еще не дает нам ответа на вопрос о том, каковы факторы применения насилия целыми коллективностями — хотя бы на уровне малых групп. Поэтому в работе вслед за чисто психологическими последовательно анализируются социально-психологические и общекультурные причины возникновения насилия в групповых и общесоциальных масштабах.

Второй наиболее часто употребляемый концепт — *депривация*. В психологической терминологии депривация (от англ. *deprivation* — потеря, утрата, лишение) означает определенную ущербность сенсорных датчиков — органов чувств, например слепоту, глухоту. Однако хотелось бы обратить внимание читателя на то, что стержневым в работе выступает не психологическое, а социологическое понятие, а именно *относительная депривация*^{*}. При этом сам автор подчеркивает (в примечании 2 к главе 7), что «сенсорную депривацию» — ситуацию, в которой поглощение сенсорных данных минимизировано, — следует отличать от понятия относительной депривации». Потому что это уже собственно социологический термин. В главе 1 автор, наряду с целым рядом других дефиниций, дает свое **определение относительной депривации** следующим образом: «Воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями». А вот более развернутое определение, приведенное в одном из британских толковых словарей по социологии: «Это понятие, сформулированное С. А. Стоуффером и др.^{**} и развитое Р. К. Мертонем^{***}, полагает, что люди испытывают чувство депривации, главным образом, в тех случаях, когда они находят свое положение неблагоприятным в сравнении с положением других индивидов или групп. Сравнения могут производиться как с индивидами, с которыми люди взаимодействуют, так и с посторонними; при этом имеет значение, какую референтную группу личность или группа выбирает в качестве средоточия сравнения»^{****}.

Здесь, вероятно, следует обратить особое внимание на прилагательное «относительная». Во-первых, его использование указывает на то,

* Relative deprivation.

** *Stouffer, et al.*, *The American Soldier*. — Princeton: Princeton University Press, 1949. Vol. I

*** *Merton R. K.* *Social Theory and Social Structure*. — N.-Y.: Free Press, 1957.

**** *The Penguin Dictionary of Sociology*. — London: Penguin Books, 1988. — P. 206.

что это состояние не абсолютно, оно возникает именно в результате сравнения себя с другими. Во-вторых, подразумевается, что различные социальные группы, обитающие в разных обществах, могут по-разному воспринимать практически одинаковые жизненные обстоятельства. Одни могут подолгу жить впроголодь и не испытывать страданий, если они уже привыкли жить именно так и не ожидают для себя в дальнейшем более счастливой судьбы; другие же люди в других обществах (или социальных стратах), находясь в более благополучном по сравнению с первыми состоянии (в абсолютном выражении), ощущают глубокую неудовлетворенность и даже фрустрацию.

Для объяснения и предсказания политического насилия Гарр развивает общую *концепцию относительных деприваций*. Концепция эта основывается на его уверенности в том, что к агрессивности людей чаще всего приводит крушение их надежд и чаяний. Гарр констатирует, что может существовать разрыв (расхождение) между уровнем потребности в каком-то благе, с одной стороны, и теми условиями, на которые они в состоянии реально рассчитывать, с другой. Этот разрыв (который и составляет сущность относительных деприваций) неизбежно вызывают фрустрацию — причем, одновременно у многих людей, — и при соответствующих условиях именно нарастание относительных деприваций и ведет к политическому насилию. Относительная депривация может быть результатом:

- 1) снижения реальных возможностей на фоне возрастания ожиданий;
- 2) снижения возможностей на фоне сохранения ожиданий на прежнем уровне;
- 3) возрастания ожиданий (притязаний), в то время как реальные возможности достижения этих ожиданий воспринимаются остающимися на прежнем постоянном уровне.

Соответственно этому выделяются и три типа относительной депривации.

В главе 3 приводятся примеры операционализации, используемые различными авторами для эмпирического исследования относительной депривации. Кстати, я сам проводил расчеты RD (этой аббревиатурой в работе обозначается относительная депривация) по описываемой у Гарра методике Хадли Кантрила и пришел к довольно интересным результатам*. Кантрил в своем опросе 1955 г. получил следующие

* См. Анурин В. Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования, 1995. — № 1.

данные: уровень RD для итальянских рабочих составил 0,54, а для французских рабочих — 0,33 (значение RD в соответствии с формулой Кантрила изменяется в пределах от 0 до 1). В нашем исследовании экономической стратификации, проведенном в 1994 г. в Нижнем Новгороде, RD, рассчитанная для различных экономических страт, составила 0,58 по выборке в целом. Если сравнить их с RD, которые мы рассчитали по данным всесоюзного социологического исследования, проведенного под руководством И. Т. Левыкина в 1986–1987 гг.¹ (где расчет RD дает количественные меры в 0,22 для заработной платы и 0,28 для среднедушевого дохода), то нетрудно сделать вывод о значительном нарастании уровня относительной депривации, а значит, существенном ухудшении социального самочувствия населения России в середине 1990-х гг. Любопытно отметить, что в нашем исследовании 12 респондентов (а это составляло около 2% от общего объема выборки) показали парадоксальный результат: отрицательное значение RD! Другими словами, достигнутый уровень дохода у этих респондентов превышал ожидаемый.

Относительная депривация как центральное понятие исследования рассматривается не только в статическом, но и в динамическом аспекте. Причем второй из них, вероятно, даже более важен для понимания и теоретического объяснения реальных случаев развития гражданской борьбы в тех или иных обществах. Люди могут претерпеть и снести в настоящем времени многие лишения — даже в тех случаях, когда они с горечью отмечают ухудшение своих позиций по сравнению с тем, чем они располагали в прошлом. Однако лишите человека надежд на грядущие положительные изменения в его жизненной ситуации (т. е. лишите его будущего) — и он впадет либо в полное апатичное отупение, либо в неистовое отчаяние. Вероятно, в этом и заключается суть сакраментальной марксистской позиции: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей», согласно которой именно рабочий класс и объявлялся в качестве наиболее революционного в истории человечества.

Весьма впечатляюще и актуально выглядит проведенный в главе 4 анализ влияния так называемых демонстрационных эффектов на возникновение относительной депривации. Если многие из обсуждаемых факторов носят достаточно универсальный характер и могли неоднократно наблюдаться на многих исторических фактах, то демонстрационные эффекты начинают работать лишь на достаточно высоком уровне

¹ Покровская М. В. Социальная справедливость и этнокультурные стереотипы // Социологические исследования, 1990, № 3. — С. 49.

развития индустриализации, а главным образом, в ходе модернизации^{*}. Правда, при анализе этих эффектов автор, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяет мощному воздействию средств массовых коммуникаций. В самом деле, советские люди моего поколения помнят, как нас — через наши газеты и журналы — настолько настойчиво информировали о бедственном положении американских и западноевропейских трудящихся, что мы со слезами на глазах готовы были скинуться, чтобы помочь им. Когда же в эпоху так называемой «гласности» с экранов телевизоров хлынул поток реальной информации — в частности, о том, как на самом деле живет средний американец или европеец, слезы опять готовы были хлынуть из глаз, но уже совсем по другой причине.

Можно считать, что, в общем и целом, перед нами развернутая, последовательно изложенная и эмпирически выверенная теория гражданских (или, как их часто называют, внутренних) политических конфликтов, применимая к анализу различных ситуаций в разные времена и у разных народов. Возьмем, например, максимально краткое определение, которое дает Гарр понятию путч: «Попытка захвата власти лидерами, которые делают расчеты, основываясь на ошибочных предположениях»^{**}. Уже вошедший в отечественную историю путч 19 августа 1991 г. — он ведь тоже может быть описан с научным беспристрастием всего двумя фразами из главы 7: «Путчиизм произрастает не из простого недостатка информации и рассудка, а из неправильного понимания фундаментальных правил политики и психологии. Путчи являются продуктом рационального расчета, основанного на ошибочных предположениях, таких как теория “жизненной силы”, метафизическая идея государства или романтическое понятие политической мобилизации».

* Комплексное понятие, которым в социологии обозначают процесс развития индустриализации в тех странах, в которых индустриальная революция началась намного позднее, чем в продвинутых обществах. Можно было бы определить модернизацию как «запоздавшую индустриализацию». В результате такого запаздывания и субъективного стремления правящих кругов модернизирующегося общества забежать вперед, ускорить, подхлестнуть его, этот процесс, который в западноевропейских и североамериканских странах развивался более или менее естественно-органическим путем, претерпевает множество деформаций. Пожалуй, именно модернизацией, а не индустриализацией можно было бы назвать те экономические и социальные сдвиги, которые происходили в СССР в 30-е гг. прошлого века.

** Невольно приходит на память афористичная фраза Роберта Бернса: «Мятеж не может кончиться удачей — тогда он называется иначе».

Думается, что читателю было бы небезынтересно ознакомиться с историей создания перевода этой и других социологических работ, тем более что она — история — в какой-то степени отражает в себе и общие судьбы развития социологии в России в последние годы. Первую социологическую работу с английского языка на русский я перевел где-то в конце 1980-х гг., еще в советские времена. Мой коллега Е. Волков предложил мне несколько рулонов фото пленки, на которые он переснял книгу американцев Дженнет Джонсон и Ричарда Джослина «Исследовательские методы политической науки»^{*}. Это был вузовский учебник, содержащий систематическое изложение методик, процедур и технических приемов проведения прикладного социологического исследования — того, что сегодня получило общепринятое название эмпирической социологии. Правда, необходимо отметить, что в качестве многочисленных примеров в этой работе фигурировали исключительно исследования политической сферы. И хотя к этому времени у меня за плечами был уже пятнадцатилетний практический опыт проведения прикладных исследований и преподавания прикладной социологии, в этой книге я нашел массу новых и полезных для себя вещей. Не буду останавливаться на организационных и технических перипетиях, связанных с тем, чтобы не только перевести эту работу на русский язык, но вначале перевести сами фото пленки в удобочитаемый вид. Отмечу лишь, что после перебора разнообразных вариантов подготовки текста пришлось остановиться на самом простом: сделать с негативов отпечатки достаточно большого размера, чтобы не портить глаза. На перевод ушел почти год. Кстати, в ходе этой работы я обнаружил, что одной из основных проблем начинающего переводчика является не столько слабое знание языка, с которого переводишь, сколько недостаточно хорошее владение родным языком.

Спустя год один из сотрудников кафедры, на которой я работал, предложил мне ксерокопию так называемого Пингвиновского словаря по социологии^{**}, которую он привез с факультета повышения квалификации Института молодежных проблем. Сам он не знал английского языка (в школе и институте изучал немецкий), а содержание представляло интерес для нас обоих. Перевод этой работы продвигался быстрее и успешнее — сказывался приобретенный опыт, да и специальный

^{*} *Johnson J., Joslyn R. Political Science Research Methods.* — Washington: Congressional Quarterly Inc., 1986.

^{**} *The Penguin Dictionary of Sociology.* — London: Penguin Books, 1988.

словарный запас основательно расширился. К тому же это была практически первая попавшая мне в руки книга по общей (теоретической) социологии, что, конечно же, подогревало интерес. На дворе было уже начало 1990-х гг., и теоретическая социология постепенно утверждалась как полноправная вузовская дисциплина. К тому же как раз тогда я был назначен заведующим вновь образованной кафедрой социологии и социальной психологии в Волго-Вятском кадровом центре (ныне — Волго-Вятская академия государственной службы). Так что приобретенные знания оказались как нельзя кстати.

Работу Питера и Бриджит Бергеров «Социология: автобиографический подход» я получил благодаря другому сотруднику нашей кафедры. Ему она досталась от знакомой, работавшей в отделе иностранной литературы областной библиотеки. В один прекрасный день там было принято решение списать и уничтожить те книги, которые не пользуются спросом у читателей (теснота в фондах, хранить негде). В числе таких потенциальных жертв оказалась и замечательная, на мой взгляд, книга, которую, судя по библиотечной карточке, действительно никто ни разу не востребовал, хотя в городе расположен весьма солидный институт иностранных языков*. Это, кстати, лишний раз говорит о том месте, которое занимала в то время социология в системе нашего вузовского преподавания.

Понятно, что эта деятельность весьма основательно пополнила мой научный багаж и расширила общий социологический кругозор. Дополнительная польза, которую я извлек, работая с этими книгами (а переводил я их, понятно, как лицо, заинтересованное в значительно большей степени, нежели просто переводчик), — составление довольно обширного списка американских и английских работ по социологии, которые, как я считал, мне необходимо проштудировать, чтобы стать более квалифицированным социологом. Однако одновременно это поставило меня перед еще одной серьезной по тем временам проблемой: а где же можно получить в свое распоряжение эти работы? В принципе это было известно. В Москве есть, например, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), где имеются в огромном объеме книги и периодические издания, выходящие за рубежом. Во всяком случае, во время первого посещения ИНИОН я убедился, что практически все работы, вошедшие в мой список, там были (за исключением некоторых — в основном старых лет издания). Пожалуйста, приходи

* Сегодня он называется Нижегородским государственным лингвистическим университетом (НГЛУ).

и работай. Что я и делал, проводя в ИНИОНе значительную часть времени, когда приезжал в Москву на курсы повышения квалификации.

Однако и здесь возникали свои технические и организационные трудности. Время пребывания на любых курсах ограничено, и за месяц-два, даже не выходя целыми днями из читального зала, перевести всю книгу я не успею. Неоднократные попытки заказать ксерокопию книги целиком ни к чему не приводили: огромные очереди в отдел копирования и ограниченное число страниц за один заказ. Довольно показательен пример с моими усилиями заполучить домой (т. е. за пределы Москвы) оригинал той работы, которую вам предстоит прочесть. О существовании этой книги я прочел в упомянутой выше работе Джонсон и Джослина, которые ее неоднократно цитируют. Я и сейчас считаю, что такую книгу полезно было бы сделать настольной не только ученым — социологам и политологам, но и действующим политикам. Пролистав ее, я понял: это то, что нужно. Убедившись, что получить ксерокопию практически невозможно, я пошел на преступный шаг. У меня на памяти был эпизод с самым первым переводом — с фотопленок. Поэтому я раздобыл у друзей фотоаппарат и купил несколько рулонов пленки. Затем попросту вынес книгу из ИНИОН, привез ее в гостиницу, переснял, как шпионы переснимают секретные документы, а затем вернул на место. Когда я вернулся домой (я имею в виду свой город) и проявил пленки, то, к своей глубокой досаде, убедился, что техника меня подвела: оказался, вероятно, неисправным механизм перемотки, который просто рвал перфорацию, и все кадры налезали один на другой.

Спустя примерно месяц после этого печального события наш нижегородский философ, профессор Лев Зеленов на одной из научных конференций с пафосом доказывал, что провинциальная научная интеллигенция во всех отношениях на голову выше столичной. Мне пришлось возразить ему, приведя описанный выше случай в качестве аргумента: если бы я был столичным жителем, у меня определенно не возникло бы никаких заморочек. Увы, интересующую меня книгу, пусть даже не переведенную на русский язык (это меня уже не утешало), в этой огромной стране я мог заполучить только в одном месте — в Москве. Я с завистью смотрел на книжные полки моего друга Альберта Кравченко, где стояли великолепные американские и английские издания, — он работал в Институте социологии Академии наук и мог брать литературу домой на неограниченное время. Поэтому по возможностям ознакомления с научной информацией ни один провинциальный ученый не мог тогда стать вровень со своим столичным коллегой. Вот это и было одним из многих противоречий между городом и деревней, которое, как

обещали классики марксизма (памятуя, вероятно, и о печальной судьбе Фейербаха), сотрется с построением коммунизма.

Впрочем, следует признать, что это пророчество, кажется, действительно сегодня сбывается в наиболее продвинутых обществах*. Тенденции такого рода докатились и до России. Спустя всего два года мне удалось-таки получить ксерокопию книги Гарра и перевести ее на русский язык. И все было вполне буднично: достаточно было прийти в тот же самый ИНИОН, сделать заказ, оплатить его и наутро получить полную копию книги, которой я так безуспешно добивался совсем недавно. Вот так рыночная экономика решает проблемы научной коммуникации. Не говоря уже о стремительно расширяющихся перспективах Интернета, о которых мы 10–15 лет назад просто не слышали.

И последний момент. Как я уже говорил, работа Гарра носит не только чисто теоретический характер, он активно пользуется методами прикладной социологии. Выше уже упоминалось, что он пользуется большим числом специфических терминов, исходя из молчаливого предположения, что читателю они знакомы. Наш опыт общения с российскими коллегами показывает, что это не всегда так: сегодня в российской социологии (во всяком случае среди вузовских преподавателей в провинции) происходит довольно отчетливое профессиональное разделение труда — на теоретиков и на прикладников. Поэтому мы считаем не лишним пояснить некоторые специальные термины прикладников, используемые в работе, для читателей, не искушенных в социологии (тем самым выражается завуалированная надежда, что книга привлечет внимание не только профессиональных социологов). Приведенные ниже определения (в том порядке, как они впервые упоминаются в книге Гарра) мы взяли из одной из собственных работ**.

- **Переменная** — социальное явление, характеристика или процесс, которые могут принимать различные конкретные значения.
- **Интервентная переменная** — переменная, занимающая в объяснительной схеме место между независимой и зависимой переменной.
- **Шкала** — алгоритм, по которому производится отображение изучаемых социальных объектов в ту или иную числовую математическую систему.

* Подробнее об этом см. в нашей работе *Динамическая социология*. — М.: Академический проект, 2003. — Гл. 9.

** См. *Анурин В. Ф.* Эмпирическая социология. — М.: Академический проект, 2003. — С. 281–284.

- **Релевантность** — уместность, соотносимость.
- **Гипотеза** — научно обоснованное предположение о наличии (или отсутствии) связи между двумя и более переменными, а также о характере этой связи.
- **Независимая переменная** — явление, которое предполагается влияющим, воздействующим или выступающим в качестве причины некоторого другого явления.
- **Зависимая переменная** — явление, которое, как предполагается, вызвано каким-то другим явлением и испытывает на себе его воздействие, влияние.

Мы не будем сколько-нибудь подробно обсуждать проблемы расчета коэффициентов корреляции, которые столь активно использует автор для доказательства своих гипотез. Отметим лишь, что для выявления направления и силы связи между различными переменными он чаще всего использует так называемый коэффициент ранговой корреляции Спирмена — одну из наиболее часто применяемых в прикладной социологии мер парной взаимосвязи.

И несколько слов об оформлении научно-справочного аппарата. Мы сочли необходимым и целесообразным сохранить все особенности оформления ссылок на источники в том виде, как они приведены в оригинале, если даже здесь и наблюдаются некоторые отличия от стандартов, принятых в отечественной литературе (впрочем, стандарты эти не столь уж строги и заметно различаются от одного издательства к другому). Разумеется, мы перевели на русский язык все комментарии, которыми автор сопровождает в некоторых случаях ссылки на первоисточники, а также его собственные примечания. Учитывая, что в ряде случаев требовались определенные пояснения в виде примечаний переводчика (который, напомним, сам является профессиональным социологом), эти примечания приведены в подстрочниках (и обозначены звездочками), а авторские примечания собраны в конце каждой главы с той же нумерацией, что и в оригинале. Несколько пояснений об особенностях оформления примечаний, принятых в англоязычной литературе и сохраненных нами здесь:

- chap. (от chapter) — глава; chaps. — главы;
- ed. (от editor) — редактор (или под редакцией); eds. — редакторы;
- edn. (напр. 2nd edn.) — издание (2-е издание);
- ff. (напр. 452 ff.) — начиная со стр. 452 и далее;
- Ibid. (от лат. ibidem) — там же;

- mimeographed — ксерокопированный (или выполненный на ротатипе) тираж;
- op. cit. (от лат. opus citatum) — цитируемое выше;
- passim — повсюду, везде, в разных местах;
- quotations (с указанием страниц) — цитаты взяты с таких-то страниц;
- trans. (и далее — указание имени) — переведено на английский язык тем-то.

Отметим также, что мы не стали повторять обширный библиографический список, приведенный автором в конце работы, поскольку большинство работ из него уже указаны в авторских примечаниях. Кроме того, мы опустили последний параграф главы 1 — «Природа социальной теории», поскольку сам автор предваряет его следующими соображениями: «В этом разделе мне хотелось бы прокомментировать некоторые критерии для социальной теории и их приложения к политическому насилию. Эти критерии не столь существенны для понимания предмета данной книги, однако они помогают объяснить ее подход к анализу и форме представления. Читатели, не интересующиеся этими вопросами, могут перейти прямо к главе 2». Что мы и сделали.

Две гигантских по своим масштабам мировых войны, разразившихся одна за другой с интервалом всего в два десятилетия, оставили мощный и неизгладимый след в социальной памяти. Они, по-видимому, все же многому научили человечество. Шансов на то, что подобные катаклизмы могут разразиться в обозримом будущем, вероятно, куда меньше, чем это было в 1914 и 1939 гг. А вот что касается локальных военных конфликтов, гражданских войн и, в особенности, международного терроризма — здесь тенденции явно противоположные. Как ни парадоксально, фактором усиления этих явлений — крайне опасных и угрожающих прогрессивному социальному развитию — становится последовательная демократизация и гуманизация общественной жизни как на внутривнутриполитическом уровне, так и в международных масштабах. В самом деле, возможны ли были какие-то проявления национального сепаратизма или религиозного экстремизма в годы сталинского режима? Мы помним, как радикально решил Сталин чеченский вопрос. Итальянский фашизм был единственным режимом, которому оказалось по силам справиться с мафией. Однако тоталитаризм — это такой врач, который, как мы уже говорили, загоняет болезнь внутрь. Те же общества, которые выбрали демократический выбор, должны быть готовы к тому, чтобы решать эти проблемы политическим путем. А выработка достойных политических решений может быть эффективной лишь

в том случае, когда она опирается на теоретически обобщенный опыт многих стран и народов. Книга Теда Роберта Гарра «Почему люди бунтуют» — серьезный вклад в эту важную теорию.

Работой Теда Роберта Гарра «Почему люди бунтуют» издательство «Питер» открывает новую серию «Мастера социологии». Нам кажется, что книги этой серии будут представлять большой интерес для профессиональных социологов, которых в России насчитывается уже десятки тысяч, для преподавателей, студентов и аспирантов (поскольку социология сегодня стала федеральным компонентом, обязательным для всех государственных стандартов высшего и среднего специального образования). И не только для них.

Социология, пожалуй, одна из самых молодых научных дисциплин*. Время ее возникновения и становления в качестве самостоятельной сферы научных изысканий — середина XIX в. — совпадает с периодом наиболее бурного развития индустриальной революции. Это было весьма симптоматично: раньше она и не могла появиться на свет, поскольку в ней просто не было нужды. Можно с большой долей уверенности утверждать, что толчком к этому послужил целый ряд социальных (в основе своей — политических) революций, которые на протяжении девятнадцатого столетия прокатились практически по всем западноевропейским обществам. С другой стороны, эта наука просто не могла бы явиться миру, если бы этому не предшествовал длительный этап накопления фактов, дискуссий, размышлений, обобщений со стороны большого числа мыслителей, начиная с античных времен. Однако, однажды возникнув, она стала развиваться стремительными темпами — вначале в виде национальных социологических школ, а затем все более интегрируясь в единый, общепризнанный комплекс знаний о социальных процессах и сформировавшихся на этой основе парадигм и идейных течений. Этот информационный комплекс вырабатывался в ходе многочисленных дискуссий, споров, иногда довольно непримиримых. Что-то из выдвигаемых гипотез принималось сразу, что-то отвергалось навсегда, а что-то, будучи решительно раскрытированным и, казалось бы, навсегда безжалостно отброшенным, спустя какое-то время пересматривалось заново и признавалось соответствующим истине — но уже на новом витке приращения общенаучного знания.

* Сам термин «социология» впервые употребил Огюст Конт в четвертом томе своего «Курса позитивной философии», вышедшем в свет в 1838 г. Поэтом Конта считают родоначальником этой научной дисциплины.

На протяжении девятнадцатого столетия социология — наука об обществе как едином целостном образовании — быстро расширяла свое влияние и приобретала все больше последователей и сторонников как в Старом, так и в Новом Свете. К началу XX в. мы уже можем говорить об институционализации социологии в качестве самостоятельной, вполне автономной и общепризнанной научной дисциплины^{*}. Это говорило о том, что научные исследования начинают, наконец, вторгаться в изучение функционирования самого сложного из известных нам по составу и законам материальных образований — человеческого общества.

В очень недавние по историческим меркам времена социология в отечественном обществоведении разделяла участь целого ряда других «буржуазных лженаук», таких, например, как появившиеся уже после нее генетика и кибернетика. Тем не менее потребность в научной дисциплине, занятой изучением наиболее общих законов, по которым развивается человеческое общество, ощущалась и в советскую эпоху. В тот период эту функцию фактически выполняла другая научная дисциплина с претенциозным названием «научный коммунизм». Социология же проникала в советскую науку «через форточку». С начала 1960-х гг. партийные власти начинают проявлять интерес к эмпирическим социологическим исследованиям, данные которых активно использовались в идеологических, а затем и в управленческих целях. Что касается теоретической объяснительной базы для получаемых данных полевых исследований, то ею оставался все тот же научный коммунизм.

Так или иначе, через образовавшуюся «щель» постепенно просачивался и ручеек теоретико-социологических знаний, которые на Западе к этому времени уже сформировались в довольно мощную и влиятельную научную дисциплину. С конца 50-х — начала 60-х гг. XX в., когда были опубликованы первые русскоязычные переводы социологических изданий, достаточно регулярно начинают издаваться на русском языке работы всемирно известных социологов^{**}. Появляются и труды отече-

* Это событие обычно связывают с именем Эмиля Дюркгейма, организовавшего и возглавившего одну из первых в мире социологических кафедр (в Сорбонне) и основавшего первое в истории периодическое социологическое издание — *L'Année sociologique* (Социологический ежегодник), который он редактировал с 1896 по 1913 гг.

** См., напр.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. — М., 1961; Миллс Ч. Р. Властвующая элита. — М., 1959; Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М., 1969; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. — М., 1979; Мертон Р. К. и др. Социология сегодня: проблемы и перспективы. — М., 1965; Американская социология. — М., 1972 и др.

ственных теоретиков социологии — вначале под лозунгами критики «буржуазной», «идеологически враждебной» теории, а затем и самостоятельные исследования. Российская наука и российский читатель постепенно входят в общее русло мировой социологической мысли. Этот процесс был непростым, а порою весьма болезненным.

Тем не менее с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. теоретическая социология получает, наконец, полные права гражданства в России. Она вводится в качестве обязательной дисциплины (федеральный компонент) в государственные стандарты высшего образования всех специальностей, открывая для всех желающих доступ к общемировым научным достижениям и в сфере изучения социальных законов.

Пожалуй, с этого времени и берет свое начало быстрое нарастание потока переводной литературы по классической и современной социологической теории. По иронии судьбы, в начале 1990-х одними из первых увидели свет работы русского социолога Питирима Сорокина, переведенные с английского языка^{*}. В последние же годы русскоязычный читатель получил возможность ознакомиться с фундаментальными трудами Дэниела Белла, Энтони Гидденса, Толкотта Парсонса, Пьера Бурдьё. Русские исследователи, преподаватели и студенты все интенсивнее стали входить в мировое социологическое пространство. Вероятно, нельзя в чем-то не согласиться с ворчливым замечанием Л. Г. Ионина относительно того, что современные российские социологи во многом перпевают сегодня те мысли зарубежных теоретиков, которые были в действительности современны два-три десятилетия назад, а сегодня составляют задворки социологической мысли^{**}. Но нельзя не видеть и того, что любая серьезная наука начинается с ученичества — необходимо ведь освоить форсированным порядком то, от чего мы прежде были во многом отлучены.

Несколько слов об общих принципах составления серии «Мастера социологии». Во-первых, мы намерены включить в нее исключительно работы *современных* социологов. Социологическая классика, представленная трудами О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др., хотя в ней и был заложен фундамент социологии как особой науки и, в принципе, очерчен круг основных проблем, которыми предстояло

* См. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. Вслед за этим увидели свет в России ряд других работ первого президента Американской Социологической Ассоциации, в том числе написанная еще на русском языке и изданная впервые в 1920 г. двухтомная Система социологии.

** См. *Ионин Л. Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования, 1996. — № 2.

ей заниматься, это все же *история* социологии. Мы же поставили своей целью представить период *зрелости* этой дисциплины, поэтому серия будет охватывать работы, вышедшие не ранее второй половины XX в. Именно поэтому мы сочли целесообразным привлечь к переводам социологов-профессионалов — научных сотрудников и вузовских преподавателей, докторов и кандидатов социологических наук.

Некоторым читателям может показаться несколько тенденциозным подбор авторов — в первую очередь англоязычных и, прежде всего, американских. Однако нельзя не признать, что такой состав имеет свои объективные причины. Именно американские социологи наиболее плодотворно развивали и продвигали социологическую теорию на протяжении всего прошлого столетия. И трудно не согласиться с утверждением Питера и Бриджит Бергеров о том, что «американская социология продолжает удерживать преобладающие позиции в этой дисциплине».

Тем не менее мы постараемся не ограничиваться лишь американской и английской школами, а включить в состав серии также работы наиболее значительных немецких и французских авторов. Мы старались, по возможности, привлекать в серию работы, не публиковавшиеся еще на русском языке, либо издававшиеся ограниченными тиражами. Так, мы отказались от мысли включить в состав серии одну из крупнейших фигур современной социологии Толкотта Парсонса, поскольку два довольно объемистых сборника его трудов вышли два года назад трехтысячным тиражом в издательстве «Академический проект». Впрочем, была и еще одна важная причина, по которой мы не стали привлекать его в нашу серию. Дело в том, что работы Парсонса, создателя теории действия и системно-функциональной школы, являют собой образец современной социологической теории в *чистом* ее виде. Они действительно чрезвычайно интересны — но, главным образом, для профессиональных социологов, притом достаточно высокого уровня. Мы же ставили своей задачей показать, как мастера социологии решают самые разнообразные «земные» проблемы, вторгаясь в сферы политики, конфликтологии, экономики, брачно-семейных отношений и социальной работы.

Это действительно одна из главных особенностей социологии. В отличие от целого ряда других научных дисциплин о человеческом обществе

* Peter L. Berger, Brigitte Berge. Sociology: A biographical approach. — London: Penguin Books, 1981. — P. 392. Хотя нельзя не учитывать, что это было сказано более 30 лет назад (первое издание книги Бергеров увидело свет в 1972 г.).

(экономики, политологии, юриспруденции и т. п.), которые концентрируются на изучении конкретных сфер социальной жизнедеятельности, социология исследует *все* проявления общественной жизни, причем в тесной взаимосвязи и взаимном влиянии их друг на друга. При этом она, как и в случае истории, активно пользуется данными этих частных наук, обобщая и устанавливая их встречные воздействия. Однако верно и обратное: в последнее время специалисты в области изучения особых сфер общественной жизни все отчетливее начинают осознавать необходимость использования в своих исследованиях обобщающих данных социологической науки. ИмPLICITно эта необходимость присутствовала всегда, однако первыми ее почувствовали все же социологи. Действительно, социология активно пользуется данными, получаемыми в других научных дисциплинах, изучающих общественные явления, и в этом смысле существенно зависит от них. Однако более глубокое понимание этих явлений существенно зависит от социологического осмысления их. Неслучайно Питирим Сорокин, сравнивая все другие науки обществоведческого цикла с социологией, называл первые «индивидуализирующими», а вторую — «генерализирующей», т. е. обобщающей.

Теперь читателям серии «Мастера социологии» предстоит убедить себя самим, насколько глубоко социологический взгляд на многие острые проблемы нашего времени позволяет проникнуть в суть вещей и постигнуть их закономерности.

В. Анурин

Предисловие автора к русскому изданию

Книга *«Why Men Rebel»* (*«Почему люди бунтуют»*) была написана в конце 1960-х гг., когда наблюдатели в западном мире были глубоко озабочены политическим насилием в постколониальных государствах, особенно в Африке и Юго-Восточной Азии, и массовыми движениями протеста, в особенности против расовой дискриминации в Соединенных Штатах и военной интервенции во Вьетнаме. Я, будучи в то время молодым ученым, в свои 30 лет думал, что мог бы дать такое общее объяснение этим политическим протестам и мятежам, которое помогло бы читателям понять не только эти конкретные события, но и равным образом большое количество других аналогичных эпизодов*. Тогда меня убеждали, и убеждают сейчас в том, что для построения более спокойного и безопасного мира нужно начинать с анализа того, что происходит в умах тех мужчин и женщин, которые находятся в оппозиции плохим правительствам и непопулярным политическим курсам.

Суть аргументации той модели, которая была разработана в *«Почему люди бунтуют»*, состоит в следующем: чтобы понять протест и бунт — как в общем и целом, так и в отдельных проявлениях, — мы должны подвергнуть анализу три общих фактора. П е р в ы й — это изучение недовольства людей (относительная депривация) вместе с анализом тех социальных условий, которые порождают это недовольство. В т о р ы м фактором являются оправдания или убеждения людей по поводу того, оправдан ли тот риск, которому они подвергают себя, предпринимая политические акции, и по поводу вероятности того, что же именно они

* Терминология в исследованиях конфликтов со времен 1970-х гг. изменилась. Я употреблял термин «политическое насилие» как стенографическое понятие для обозначения мятежей, демонстраций и восстаний, направленных против правительств. Поскольку лишь некоторые из таких событий использовали насилие, в своих более поздних работах я относился к ним как к «протесту и бунту». Другие исследователи используют более общий термин — «коллективная политическая акция». В этом предисловии я употребляю эти понятия с взаимозаменяемым смыслом.

приобретают от этого. Третий фактор — это баланс между способностью недовольных людей к действию — т. е. теми способами, которыми они могут организовываться, — и способностью правительства подавить или каналировать их гнев. В нынешнюю эпоху люди почти повсюду озабочены международным терроризмом, конфликтом между палестинцами и Израилем, насилием в Исламском мире, нестабильностью в Африке и массовыми протестами против экономической глобализации. Применимо ли в 2004 г. объяснение года 1970-го?

Модель, разработанная в «*Почему люди бунтуют*», на протяжении последних 30 лет была проверена многими исследователями, включая и автора. Сравнительные аналитические исследования задавались вопросом, какое воздействие испытывает политическое насилие со стороны относительных деприваций, групповой организации, репрессий режима и международной поддержки и принимает ли оно при этом форму политического протеста или восстания. Эта модель применялась в детализированных кейз-стади и модифицировалась в них, для того чтобы объяснить конкретные события, такие как Венгерская революция 1957 г. и восстание на площади Тяньаньмынь в 1989 г. в Китае. Выдающиеся ученые, такие как Чарльз Тилли, Тед Скокпол и Сидни Тарроу подвергали эту модель критике и утверждали, что мы должны начинать объяснения:

- с изучения социальных и политических структур (Скокпол);
- политической мобилизации (Тилли);
- массовых социальных движений (Тарроу)*.

В свете более чем тридцатилетних исследований и размышлений я прихожу к выводу, что сердцевина модели, описанной в «*Почему люди бунтуют*» остается валидной, но в то же время несовершенной.

Во-первых, я по-прежнему продолжаю думать, что именно люди — со всеми их разнообразными идентичностями, желаниями и убеждениями — должны быть центром нашего анализа конфликта. Это означает, что нам необходимо использовать индивидов и социальные группировки в качестве призмы, через которую мы будем изучать воздействия социальных структур, убеждений и возможностей для мобилизации и политического действия. Является ли «относительная депривация» наилучшим концептом для этого? В более позднем моем собственном исследовании я использовал слова «обида» и «чувство несправедливости»

* См. список в конце этого предисловия для ссылок на наиболее важные цитируемые работы этих и других авторов.

для того, чтобы ухватить сущность того состояния ума, которое мотивирует людей к политической акции. Какую бы фразу мы ни использовали, сущностно первый шаг анализа состоит в том, чтобы понять, каковы обиды людей и из чего они проистекают.

Это приводит меня ко второму вопросу: какие обиды людей нам необходимо изучить в первую очередь для понимания тех социальных позиций, которые они занимают в обществе, и того, какие блага или убытки они получают от своих правительств? Недостаточно указать на крупные экономические и социальные структуры как на «объяснения». Нам необходимо понять, как люди интерпретируют те ситуации, в которых они оказались. К примеру, те, кто протестуют против эффектов глобализации, — это ведь главным образом молодые люди в продвинутых индустриальных обществах, которые объективно выигрывают от глобализации. Почему же протестуют они, а не бедняки глобального Юга? Некоторых молодых людей Исламского мира притягивают к себе военизированные и смертоносные движения, которые оправдывают свои действия призывами традиционной исламской доктрины; многие другие ищут свои возможности в современном мире в городах, в штатах побережья или в Европе и Северной Америке. Почему же они отвечают столь различным образом на политические призывы и возможности?

Одно из ограничений «Почему люди бунтуют» состоит в том, что здесь не обсуждается в подробностях, откуда приходят убеждения людей по поводу их оправданий и представлений о хорошей жизни. Это мой третий пункт. Чтобы понять эти убеждения, недостаточно и, может быть, даже не столь важно подвергать анализу абстрактное содержание идеологий, таких как Фундаментальный ислам или права туземного населения, или мотивы представителей революционных доктрин. Более важной является групповая идентичность: каковы клановые, этнические, религиозные и политические идентичности людей? С какими из людей они чувствуют сродство, с какими из сетей социальных взаимодействий и коммуникаций они связаны? Политические курсы, направленные на выявление идентичности, являются центральными для понимания референтных групп людей, их ощущения коллективной несправедливости и их восприимчивости к призывам к политическим акциям. В моих последних работах об источниках протестов и восстаний этнических групп, резюмированных в *Peoples versus States*^{*} (2000) исходным теоретическим пунктом является анализ групповой иден-

* «Народы против государств». — *Примеч. пер.*

тичности. Вопрос заключается в том, с кем люди идентифицируют себя и в каких обстоятельствах конкретная идентичность становится более или менее отчетливой для них? Такой подход не отбрасывает существенный принцип работы *«Почему люди бунтуют»* — «понимать в первую очередь людей». Но он признает, что в большей части мира, включая Запад, несмотря на его акцент на индивидуализм, именно групповой контекст и идентичность формирует и надежды людей, и их обиды.

Мой четвертый пункт касается групповой мобилизации. Эмпирический анализ причин политического протеста и мятежа по большей степени подтверждает то, о чем говорит Чарльз Тилли в работе *«От мобилизации к революции»* (1978): непосредственным источником политической акции является то, сумели ли люди организовать и как. Чем выше уровень мобилизации в группе, городе или стране, тем шире распространяется политический протест или восстание. Модель, разработанная в *«Почему люди бунтуют»*, также рассматривает степень распространенности (глава 8), но, главным образом, со структурной точки зрения, она не обеспечивает полного учета процессов, посредством которых люди организуются. Тилли уделяет гораздо больше внимания процессу, но с одним упущением: он не подвергает внимательному анализу то, каким образом людские обиды и убеждения формируют мобилизационный процесс. Поэтому полный анализ групповой мобилизации и последующей политической акции требует синтезировать проделанный в *«Почему люди бунтуют»* анализ обид и убеждений с анализом Тилли мобилизации как процесса. В итоге, для того чтобы понять, где и как люди готовятся предпринять рискованную политическую акцию, мы должны начинать с групповых идентичностей и разделяемых обид.

Пятое. Нам необходимо исследовать способы, которыми коммуникация идей и персональная мобильность трансформируют политическую акцию. Когда писалась *«Почему люди бунтуют»*, большинство протестных и революционных движений были специфическими для одной страны или даже одного региона или города внутри страны. То, что мы видим сейчас, это гораздо более частое и быстрое интернациональное движение идей и организаций. Сегодня гораздо легче, чем это было 40 лет назад, основать транснациональное движение в поддержку исламских принципов, прав туземного населения, защиты окружающей среды или сопротивления глобализму. Легче стало и создавать транснациональные сети революционеров, использующие терроризм. Другими словами, политическая акция больше не останавливается на национальных границах. Для того чтобы понять, почему и как это происходит, по-прежнему полезно начать с аргументов, приведенных

в «*Почему люди бунтуют*», которые включены в анализ роли коммуникации медиа в распространении политических идей (глава 4). Нам понятны эти механизмы. Что остается непонятным, так это то, каким образом искусным коммуникаторам удается создавать чувство идентичности и общей цели, которые выходят за пределы государственных границ и затем используются для мобилизации людей в различных местах на скоординированную политическую акцию. Работа Сидни Тарроу дает хорошую исходную точку для такого рода анализа.

Следующий момент — это некоторые наблюдения относительности рациональности политической акции. «*Почему люди бунтуют*» была написана на основе психологического предположения о том, что политическое насилие возникает как нерациональная реакция на фрустрацию. В главе 6 предпринимается определенное усилие инкорпорировать элементы анализа рационального выбора, показывая, как используются расчеты стоимости приобретаемых выгод — в особенности лидерами — для того, чтобы направить гнев на стратегические политические цели. В ретроспективе я думаю, что было ошибочным считать, будто люди, которые насильственным образом реагируют на свое ощущение несправедливости, нерациональны. Это верно, что последствия насилия чаще бывают деструктивными, нежели конструктивными, и могут привести к огромным страданиям тех, кто сделал шаг к насилию. Важным дополнением к «*Почему люди бунтуют*» является работа Марка Ирвина Личбача, который показывает, что элементы рационального расчета пронизывают весь процесс политического конфликта. Я теперь не думаю, что имеет смысл априорно предполагать, что конфликтное поведение рационально или иррационально. Вместо этого следует сосредоточиться на идентичностях, обидах и целях тех людей, которые инициируют политическую акцию, и задаться вопросом: вносят ли их действия свой вклад в достижение их целей и каким образом.

Далее позвольте мне обратиться к роли правительств в процессе конфликта. «*Почему люди бунтуют*» в главе 5 показывает, что легитимность правительств — это главная детерминанта того, будет ли народный гнев направлен против властей или каналирован в другого рода акции. Этот аргумент был верифицирован во многих последующих исследованиях: легитимные правительства редко становятся мишенями мятежа. Но эта модель также упрощает реальность, выдвигая линейное утверждение, что люди бунтуют, а правительства отвечают. Это выглядит как имплицитное предположение, что мятеж — это проблема, а правительство — решение. Более внимательное прочтение показывает, что правительства причастны к созданию и изменению условий возникновения конфликта на каждой

стадии этой модели. Насаждаемое правительством неравенство — это главный источник обид, репрессивная политика увеличивает гнев и сопротивление, отрицание права на использование конвенциональной политики и протеста толкает активистов в подполье и плодит террористическое и революционное сопротивление. Но это ведет к возникновению целого ряда вопросов, на которые *«Почему люди бунтуют»* не пытается дать ответа. Почему некоторые правительства правят с помощью репрессий, воспроизводя таким образом условия для будущего мятежа, в то время как другие управляют с помощью политики уступок, которая вносит свой вклад в социальный мир?

Здесь не предлагается никаких особых объяснений того, почему и как правительства отвечают на политическую акцию или на те обиды, из которых она вытекает, но делаются некоторые предположения. Демократии вообще делают это лучше, поскольку их лидерам приходится стоять лицом к лицу с перевыборами, и это подталкивает их к компромиссам. Но некоторые демократии бывают крайне репрессивными в отношении меньшинств, в то время как некоторые авторитарные лидеры выполняют долгосрочные программы социального реформирования, так что «демократия» — это не единственный фактор. В равной степени важны убеждения или идеология политических лидеров. Некоторые фундаментально привержены защите прав и благосостояния граждан, другие идеологически привержены таким целям, как радикальный национализм или религиозное очищение. Идеологии, базирующиеся исключительно на национализме или фундаментализме, могут быть использованы для оправдания дискриминации, репрессий и, в крайних случаях, физического уничтожения меньшинств, вызывающих раздражение, как показала Барбара Харф (2003) в своем анализе геноцида и массового политического убийства. Нам необходимо также осознавать, что все лидеры в каких бы то ни было политических системах обладают сильным инстинктом выживания, и, если их безопасность и безопасность их народа подвергается серьезной и повторяющейся угрозе, они прибегнут практически к любым средствам, чтобы нанести поражение тем, кто бросает такой вызов.

Наконец, правительства, точно так же и политические движения, подвержены международным влияниям. Одно из хороших последствий глобализации состоит в том, что теперь большинство правительств находятся в зависимости от международной торговли, инвестиций и внешней политической поддержки. Поэтому они сталкиваются с политическим давлением и вынуждены уважать права человека, полагаться в большей степени на реформы, нежели на репрессии, чтобы

сдерживать недовольство, и открывать доступ в свои политические системы для участия населения и разделения власти. Отказ от этого является рискованным, поскольку он ведет к международной критике, дипломатическому давлению, сокращает торговлю и инвестиции, а ответом на еще худшие злоупотребления может стать международная интервенция.

Работа *«Почему люди бунтуют»* продолжает признаваться классической, потому что она помогала выйти на путь систематического, основанного на людских нуждах и заботах понимания причин политического протеста и восстания. Сама эта книга и тридцатилетний критический анализ указывают также на некоторые вопросы. Мне хотелось бы побудить читателей в русскоязычном мире держать эти вопросы в уме при стремлении к пониманию причин народного недовольства.

- Начиная с исследования групповых идентичностей людей, оказавшихся в невыгодном положении, включая бедняков и представителей этнических, национальных и религиозных меньшинств.
- Старайтесь понять источники людских обид, исследуя их статус и обращение с ними со стороны правительств и других групп. Прислушивайтесь к тому, что говорят эти люди, а не к тому, что другие говорят о них.
- Задайтесь вопросом, почему групповые идентичности и невыгоды сделали их членов восприимчивыми к различного рода политическим призывам и идеологиям, которые оправдывают протест или мятеж.
- Анализируйте мотивы и стратегии лидеров, которые стремятся к созданию политических движений среди обозленных людей.
- Исследуйте мотивы и стратегии правительств в отношении групп, лишенных выгод. Являются ли правительства открытыми для политического участия со стороны таких групп? Увеличивает ли правительственная политика потенциал разрушительного конфликта или уменьшает его?
- Ищите свидетельства международных факторов — транснациональных движений, идеологий, примеры успешных политических акций, которые воздействуют на групповые обиды, мобилизацию и выбор среди различных стратегий политического действия.
- Анализируйте международные процессы и давления, которые оказывают влияние на те способы, какими правительства отвечают на политические акции своих оппонентов.

- Продумывайте, каким образом политические акции и правительственные ответы на них оказывают воздействие на группы, вовлеченные в эти акции. Много ли группа приобретает или теряет от этого? Восстанавливает ли правительственная политика общественный порядок или же провоцирует дальнейшее сопротивление?

Большинство цитируемых здесь исследователей конфликтов, включая и автора, пытаются быть объективными в своем анализе. Хотя имейте в виду, что конечная моральная цель данного анализа конфликта состоит в том, чтобы помочь всем нам — политическим активистам, политическим деятелям и ученым — понять, как построить более справедливое и мирное общество.

Тед Роберт Гарр,
профессор университета,
учредительный директор проекта
«Меньшинства в опасности»,
Центр международных исследований
и управления конфликтами,
Университет Мэриленда

Цитируемые работы

1. *Gurr, Ted Robert.* Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century. — Washington, DC: United States Institute of Peace, 2000.
2. *Harff, Barbara.* No Lessons Learned from the Holocaust? Assessing Risks of Genocide and Political Mass Murder since 1955 // American Political Science Review, 2003. Vol. 97. — P. 56–73.
3. *Lichbach, Mark Irving.* The Rebel's Dilemma. — Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1995.
4. *Skocpol, Theda.* Social Revolutions in the Modern World. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.
5. *Tarrow, Sidney.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics, 2nd edn. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.
6. *Tilly, Charles.* From Mobilization to Revolution. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.

Введение

Неужели мы в самом деле настолько мало знаем о причинах политического бунта и мятежа, что для объяснения их должны взывать к современным заклинаниям типа «агрессивный инстинкт» или «заговор»? Я так не думаю. Люди тысячелетиями восставали против своих правителей, и на протяжении этих тысячелетий восприимчивые наблюдатели предлагали вдумчивые объяснения причин, по которым они так поступали — и для конкретных случаев, и в целом. В известном смысле мы слишком много знаем о нашей склонности к насилию. Накопление монографий, отчетов и сведений о той или иной революции, о той или иной теории имеет тенденцию к тому, чтобы замутить наш взгляд определенным базовым ментальным и социальным единообразием. Данное исследование являет собой попытку идентифицировать и упорядочить некоторые из примеров такого единообразия. Являются ли люди прирожденно агрессивными или же они проявляют агрессию лишь в ответ на определенные социальные условия? Мы подвергнем проверке утверждение психологов, согласно которому люди обладают способностями к агрессии, но не потребностями в ней, и другое утверждение — о тех паттернах социальных обстоятельств, в которых люди используют эти способности коллективно. Обучаются ли некоторые люди использовать насилие? Ответ положителен с полной очевидностью; менее очевидно другое — почему и как некоторые группы усваивают это, в то время как другие избегают применения насилия. Конечно, применение государственной силы для того, чтобы противостоять частному насилию, и природа человеческой организации оказывают свое влияние на различия в формах и масштабах насилия. Здесь мы опять проводим различие между паттернами, приводимыми во многих отчетах и речах; в определенных случаях применение силы и некоторых типов ассоциаций обладает предсказуемым характером воздействия на политическое насилие.

Эта книга представляет собой опыт упрощенного подхода к построению теории. Я попытаюсь показать наиболее важные типичные моменты в причинах насилия в политике, извлекая примеры из данных по всем гуманитарным наукам. Я постараюсь также быть достаточно точным

в описании этих типичных моментов, даже рискуя впасть в некоторый трюизм, основываясь на том, что точно установленный принцип представляет собой лучший инструмент для понимания, нежели неясная аналогия. Типовые моменты документированы в соответствии с типовыми доказательствами: лабораторными работами экспериментальных психологов, размышлениями крупных теоретиков, изучением конкретных случаев мятежей, свидетельскими показаниями тех, кто учитывает нужды и смерти, а также измерениями на основе логической дедукции. Тем не менее экспериментальные объяснения, вытекающие из этих процедур, достаточно сложны. Насилие, равно как и те, кто его применяет, это достаточно сложное явление, однако не следует утверждать, что оно не поддается расшифровке. Во всяком случае, я надеюсь, что данная книга это продемонстрирует.

Обобщенное объяснение политического насилия, даже если оно не является идеально точным, может стать руководством и к действию, и к пониманию. Его можно использовать для оценки, для политических целей, для «революционного потенциала» конкретных наций, для оценки того влияния, которое оказывают на этот потенциал различные действия. Данная теория разрабатывалась не для этих приложений, однако многие из характеристик, которые приводят ее в соответствие научным требованиям, аналогичным образом делают ее соответствующей и целям политики. Социальная теория может служить как этичным, так и неэтичным целям, и автор обладает весьма слабым контролем за тем, как она используется, разве что отказавшись от публикации. Однако я убежден, что коль скоро это исследование будет использовано в политике, оно внесет более серьезный вклад в облегчение человеческих страданий, нежели в их увековечивание. Это нечто большее, чем самонадеянность. Влияние исследования может носить самое большее маргинальный характер, однако мир велик, и «маргинальное» воздействие может оказать влияние на тысячи жизней.

Эта книга, вероятно, будет прочитана как бунтовщиками, так и правителями, и первые найдут в ней столько же рекомендаций, сколько и вторые. Бунтовщики должны прочесть ее потому, что, как я думаю, она содержит в себе такие средства к достижению человеческих устремлений, которые могут оказаться более эффективными и менее деструктивными, нежели некоторые из тех тактик, которые они ныне используют. Это исследование будет, несомненно, прочитано и теми, кто ищет средства для сохранения общественного порядка. Они найдут в ней ряд приложений для стратегий, ведущих к такой цели, однако они найдут в ней мало оправдывающих обстоятельств для уверенности в правильности

тактики репрессивного контроля. Имеется немало доказательств того, что репрессивная политика разрушает самые благие намерения если не в ближайшей, то в отдаленной перспективе. Общественный порядок поддерживается — а он может *только* поддерживаться, — когда в рамках его люди обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений. Это не этическая точка зрения, точнее не совсем этическая. Она приближается скорее к статусу научного закона социальной организации. Некоторые формы силового воздействия могут оказаться необходимыми, если революционерам или правящим элитам приходится создавать и поддерживать социальный порядок во время кризисов с тем, чтобы упрочить конструктивные средства. Однако опора исключительно на силу в конечном счете пробуждает иные силы, разрушающие ее саму. Во всяком случае, данное исследование проводилось не в политических целях, а для объяснения на обобщенном уровне. Если ему удастся прояснить причины и следствия актов человеческого насилия, цель будет достигнута.

Использование иллюстративных материалов в этом исследовании может потребовать комментариев или пояснений. Многие из общих связей для своей достоверности должны изучаться с учетом генезиса каждого случая политического конфликта с использованием насилия. Однако ни один из случаев политического насилия не описан и не проанализирован исчерпывающим образом. Для подтверждения или иллюстрирования конкретных гипотез цитируются частные аспекты многих конкретных событий или же сравнительные обобщения о ряде из них. Ни одна из таких отсылок не может считаться полным описанием цитируемых событий или же служить доказательством того, что приводимые события важнее других. Например, период Французской революции может быть резюмирован в одном или двух предложениях без упоминания того факта, что это только один из ее аспектов. Такое исследование может быть подвергнуто справедливой критике по вопросу о том, являются ли приведенные характеристики правильными в узком смысле. Если же его критикуют на том основании, что конкретные события представлены в ложном свете, поскольку подвергнуты анализу лишь частично, то можно утверждать, что неправильно понят предмет исследования.

Я нахожусь в неоплатном долгу перед целым рядом исследователей за их советы и критические замечания в ходе данного исследования. Моя работа по этой теме началась с докторской диссертации «Генезис насилия: многомерная теория гражданской борьбы», выполненной на кафедре управления и международных отношений Нью-Йоркского

университета в 1965 г. под руководством Альфреда де Грация и Томаса Адама. Я чрезвычайно благодарен Гарри Экштейну, который был источником постоянной моральной и интеллектуальной поддержки на протяжении всех лет написания этой работы и который взял на себя подробную критику чернового варианта рукописи. Ряд других ученых из Центра международных исследователей и других мест снабжали меня вдумчивыми и полезными комментариями, среди них были: Леонард Берковиц, Мохаммед Гессос, Чалмерс Джонсон, Джон Т. Мак-Алистер-младший, Манкур Л. Ольсон-младший, Дж. Дэвид Зингер, Брайант Уэдж и Дэвид Уильямс. Уильям Дж. Мак-Кланг из *University Press* оказал особенно полезную и компетентную помощь по редактированию. Ответственность за неадекватность фактов, интерпретацию, суждения и логику лежит, разумеется, лично на мне, а они не могут не иметь места в работе такого масштаба. Мне хотелось бы также поблагодарить Джун Траубе и Мэри Меррик из Центра международных исследований, которые провели немало трудоемких часов за подготовкой рукописи, а также Джеймса Бледоу и Мэри Фозлер, которые оказывали помощь в подготовке библиографии.

На начальном этапе теоретическая работа получила поддержку за счет присуждения гранта Научного фонда Нью-Йоркского университета. Эмпирическая работа, которая внесла определенный вклад в пересмотр теоретической базы, получила поддержку Центра исследований социальных систем (бывший SORO) Американского университета. Написание окончательного варианта рукописи стало возможным благодаря поддержке Центра международных исследований и базовому исследовательскому гранту Агентства прогрессивных исследований Министерства обороны Соединенных Штатов. Поддержка из последнего источника не была обусловлена ни одобрением со стороны Агентства, ни моим одобрением политики Правительства США в отношении политического насилия.

ГЛАВА 1

Объяснения политического насилия

Конфликт... это тема, которая занимает мысли человека больше, чем любая другая, за исключением Бога и любви.

*Анатоль Рапопорт.
Сражения, игры и дискуссии*

Институты, личности и политика правителей инспирировали вспышки насилия на протяжении всей истории организованной политической жизни. Обзор истории жизнедеятельности европейских государств и империй, охватывающий двадцать четыре столетия, показывает, что в среднем на четыре мирных года приходится один год беспорядков, сопряженных с применением насилия¹. Не в лучшую сторону отличаются и современные народы: между 1961 и 1968 гг. определенные формы насильственных гражданских конфликтов имели место в 114 странах и колониях из 121². Большинство актов насилия оказали незначительное влияние на политическую жизнь, но некоторые из них были чрезвычайно губительны в отношении человеческих жизней и политических институтов. Десять из тринадцати наиболее смертоносных конфликтов за последние 160 лет были гражданскими войнами и мятежами³; начиная с 1945 г. попытки свержения правительств организовывались чаще, чем национальные выборы. Противовесом этому жестокому перечню может служить тот факт, что иногда политическое насилие приводило к созданию новых, более прогрессивных обществ. В пользу случайных благотворных результатов насилия свидетельствуют последствия Американской, Турецкой, Мексиканской, Русской революций.

В этом исследовании мы соотнесим политическое насилие со всеми видами коллективных атак против политического режима в рамках политической общины с их участниками, включая соперничающие политические группировки, равно как и их членов, — а также с их политическими курсами. Политическое насилие представляет собой ряд событий, общим свойством которых является реальное или угрожаемое

применение силовых акций, однако объяснение не ограничивается этим свойством. Это понятие относится и к революции, определяемой обычно как фундаментальное социальное изменение, осуществляемое через насилие. Оно включает в себя также партизанские войны, государственные перевороты^{*}, бунты и мятежи.

В свою очередь политическое насилие определяется через «силу», использование или угрозу насилия какой-либо партией или институтом для достижения своих целей в рамках определенного политического порядка или вне его. Это определение не опирается на заранее предпринятое мнение о том, что политическое насилие нежелательно. Подобно применению насилия государственными силами, конкретные акты политического насилия, используемые другими социальными институтами, могут быть хорошими, плохими или нейтральными с точки зрения стороннего наблюдателя. Участники процесса политического насилия могут оценивать его в качестве средства выражения своих политических требований или противостояния нежелательному политическому курсу. Ограниченное насилие может также оказаться полезным для правителей и политических систем в целом, особенно как симптом социального недоумения, когда становятся неадекватными иные средства выдвижения политических требований. Чтобы избежать такого рода выводов, в данном исследовании мы воздерживаемся от высказывания этических суждений. Однако нет нужды выносить этическую оценку, чтобы пронаблюдать, насколько деструктивным является интенсивное применение насилия: конкретные акты политического насилия оцениваются и гражданами, и правителями в том смысле, что чем больше их масштабы, тем ниже эффективность выполнения политической системой ее функций. Насилие обычно пожирает и людей, и материальные ценности, редко оказывая влияние на увеличение их количества⁴.

Несмотря на частоту проявлений и степень своего социального воздействия, политическое насилие в настоящее время не является общепринятой категорией в социальном анализе. Тем не менее основные свойства политического насилия притягивают внимание к нему в большей степени, нежели более общие или более специфические понятия. Теоретически любые акты такого рода угрожают политической системе в двух смыслах: они отвергают монополию силы, которая приписывается в политической теории государству; а с функциональной точки зрения они с большой степенью вероятности разрушают нормальное течение политических процессов. Эмпирически выбор политического

* В оригинале — *coups d'etat*. — Примеч. пер.

насилия в качестве объекта анализа обосновывается той статистической аргументацией, что политическое насилие охватывает события, отличающиеся от других по измеряемым характеристикам наций и достаточно гомогенные, чтобы подтвердить анализ их общих характеристик и причин. Например, страны, переживающие мощное политическое насилие какого-то одного типа — будь то мятеж, терроризм, переворот или герилья[•], — с большой степенью вероятности могут испытывать и другие его виды, но ни с большей ни с меньшей степенью вероятности не будут втянуты в иностранный конфликт⁵. Свойства и процессы, которые отличают мятеж от революции, сущностно и теоретически интересны и подвергаются проверке в рамках данного исследования, но на обобщенном уровне анализа они представляются различиями в степени, а не в типах⁶. Поиск общих причин и процессов политического насилия стимулируется, кроме того, конвергенцией^{**} последнего случая в сравнительных и теоретических исследованиях. Одна из важных характеристик таких исследований — это простота многих каузальных факторов и утверждений, которые они идентифицируют, — имеют ли они дело с революцией, городским мятежом или другими формами политического насилия. Эта простота наводит на мысль, что некоторые из этих исследовательских находок можно синтезировать в более эффективный ряд проверяемых обобщений.

Однако какими бы благоприятными ни представлялись перспективы общего анализа политического насилия, исследование его было бы совершенно неправомерным и в сущностном, и в дисциплинарном подходах. По данному предмету существует обширная европейская историческая школа, особенно по крестьянским восстаниям с XII по XIX в. в Англии, Франции и России. Американские и европейские ученые, большинство из которых также историки, в последние годы внесли большой вклад в современную литературу, состоящую из *case-studies*^{***}.

• Партизанская война.

** Схождением.

*** Изучение конкретного случая — особый вид социологического исследования, которое, «представляя собой детальное обследование единственного представителя какого-то класса явлений, изучение случая (кейз-стади), не может обеспечить достоверной информации о более обширном классе. Но оно часто бывает полезно на подготовительных этапах исследования, поскольку выдвигает гипотезы, которые могут быть подвергнуты систематической проверке на большем количестве случаев» (The Penguin Dictionary of Sociology. P. 28). — *Примеч. пер.*

Американские политологи не так уж много писали о причинах и предотвращении разрушительных войн, и труды их не имели серьезного политического и академического влияния. В недостатке внимания к этой теме нетрудно убедиться. Из всех буйных и мятежных толп, бушевавших на дорогах истории, серьезное внимание исследователей привлекали лишь европейские революционные движения XVIII и XIX вв. да бунтовщики американских гетто девятнадцатого столетия⁷. Мы располагаем относительно небольшим числом исследований случаев политического насилия в незападном мире и еще меньшим числом систематических сравнительных исследований или хотя бы попыток создания эмпирической теории. Для подсчета экспериментальных исследований, имеющих дело с социально-психологическими механизмами коллективного насилия, хватит пальцев одной руки⁸. Среди социальных исследователей наиболее активны историки. Американские политологи до недавнего времени пренебрегали этим предметом⁹. Из 2828 статей, появившихся в *American Political Science Review* со времени его основания в 1906 г. по 1968 г., лишь 29, как явствует из их заголовков, имели отношение к политическим беспорядкам или насилию. Кроме того, только 12 из этих 29 имели отношение собственно к революции, а 15 появились после 1961 г.¹⁰

От политологов можно было бы ожидать большего интереса к проблемам политического насилия, нежели от других исследователей. Авторитарное насилие на службе у государства — это ключевое понятие политической теории и к тому же вопрос продолжительных дискуссий¹¹. Некоторые определяют в качестве отличительной характеристики государства его монополию на физическое насилие. Вебер, к примеру, писал, что насилие — это «специфические средства» государства и что «право на физическое насилие делегируется всем другим институтам или индивидам лишь в дозволенных государством пределах; предполагается, что именно государство выступает в качестве исключительного источника права на использование насилия»¹². Гоббс, напуганный жестокой анархией со стороны людей, живущих за пределами сдерживающей силы государства, рассматривал суверенный контроль за применением насилия как основание и социальное условие государства¹³. Шатцшнейдер рассматривает конфликты, к которым он относит и насилие, в качестве центрального понятия политической науки¹⁴. Ниберг делает акцент на позитивных функциях неавторитарного насилия и угрозы его применения как инструмента социального изменения¹⁵. С любой из этих точек зрения проявление коллективно-неавторитарного насилия ставит перед политической наукой два

фундаментальных вопроса: из каких источников и вследствие каких процессов оно возникает и каким образом оно оказывает воздействие на политический и социальный порядок?

Что подлежит объяснению?

Данное исследование предлагает некоторые общие ответы на *три базовых вопроса* о возникающей у нас время от времени склонности к насильственному разрушению того порядка, над поддержанием которого мы так усердно работаем во всех иных случаях.

- Каковы психологические и социальные источники потенциала коллективного насилия?
- Что оказывает влияние на ту степень, до которой этот потенциал фокусируется на политической системе?
- Какие социетальные условия оказывают воздействие на величину, форму, а значит, и на последствия насилия?

Исследование сосредоточивается на четырех основных объектах. Два из них выступают в качестве интервентных переменных: потенциал коллективного насилия и потенциал политического насилия. Потенциал коллективного насилия является, как мы предполагаем, функцией масштабов и интенсивности недовольства, разделяемого членами общества; потенциал политического насилия — это функция той степени, до которой в такого рода неудовлетворенности обвиняют политическую систему и ее агентов. Оставшиеся объекты анализа являются зависимыми переменными: величина политического насилия и формы политического насилия и обсуждаются ниже.

Социологические теории революции обычно проявляют интерес к специфической связи между определенным рядом предварительных условий и возникновением революции как таковым. Однако, как мы предположили выше, политическое насилие — это явление вездесущее: немногие из синхронных для нас с вами обществ могли существовать без него достаточно долго. Для целей микроанализа может оказаться полезным определить, насколько вероятным может оказаться возникновение насилия в конкретный момент времени. Однако для макроанализа более интересными могут оказаться детерминанты протяженности насилия и форм его проявления. Если кто-то проявляет интерес к воздействию политического насилия на политическую систему, то одинаково релевантными могут оказаться вопросы и о его величине, и о его типе. И если кто-то интересуется этической стороной

политического конфликта, тогда он почти несомненно должен оценивать и его материальную и человеческую стоимость, а следовательно детерминанты его размеров. В современных сравнительных исследованиях используются различные индексы для измерения относительной степени политического насилия. Сорокин при оценке масштабов внутренних беспорядков комбинировал долю нации (социальную область), подверженную насилию, долю населения, активно вовлеченного в него, продолжительность, интенсивность и степень жестокости воздействия насилия. Тилли и Рул использовали периодичность участия. Руммель и Тантер применяли подсчеты числа событий. Фейерабендс разработал процедуру шкалирования, которая принимала в расчет как число событий, так и априорные суждения о жестокости различных типов событий¹⁶. Некоторые исследователи использовали вызывающие ужас расчеты численности смертей, которые влечет за собой применение насилия¹⁷.

Предполагаемая связь между воспринимаемыми депривациями и понятием фрустрации в теории фрустрации–гнева–агрессии, которая будет обсуждена в главе 2, дает рациональное обоснование для более общего определения величины насилия и более точного определения того, что она в себя включает. Базовое предположение о связи между фрустрацией и агрессией состоит в том, что чем сильнее фрустрация, тем больше величина агрессии, направленной на источник фрустрации. Этот постулат дает мотивационную базу для исходного предположения о политическом насилии: чем выше интенсивность депривации, тем больше размеры насилия (другие факторы восприятия и мотивации также релевантны политическому насилию, однако многие из них могут быть с помощью понятия депривации отнесены к какой-либо категории). Интенсивная фрустрация может мотивировать людей и на столь же интенсивные, но кратковременные, и на более длительные, но менее жесткие атаки против своих фрустраторов. Какая из тактик будет выбрана — это, вероятно, является функцией от предвидимой выгоды, возможностей и страха перед возмездием, которые ситуативно детерминированы в политическом насилии. Следовательно, жесткость депривации оказывает влияние и на степень интенсивности насилия, т. е. на пределы вызываемого им физического и морального страдания, и на его продолжительность. Кроме того, очевидно, существуют индивидуальные различия в интенсивности фрустрации, требующейся чтобы ввергнуть общество в откровенную агрессию. Протяженность действия этого принципа до связи депривация–насилие предполагает, что удельный вес населения, принимающего участие в насилии, должен

меняться в соответствии со средней силой воспринимаемой депривации. Незначительная депривация будет слабо мотивировать насилие; умеренное лишение будет толкать к порогу терпения; очень интенсивная депривация, вероятно, будет гальванизировать к действию значительно большие сегменты политической общности.

Такого рода аргументация предполагает, что размеры политического насилия имеют три составляющие переменные, которые и следует принимать во внимание при систематическом анализе:

- подлежащая исследованию степень участия (масштаб);
- разрушительность насилия (интенсивность);
- протяженность времени, в течение которого осуществляется насилие (длительность).

Эмпирическая работа Сорокина так же, как и моя, принимает в расчет все три аспекта¹⁸.

Интенсивность и масштаб относительной депривации и размеры насилия — это переменные одного порядка. Теоретические и эмпирически можно выявить степень каждой из них для любого государства. Однако различные формы насилия — это признаки, не образующие простого измерения. Общество может переживать мятежи, но не революции; революции, но не перевороты; перевороты, но не мятежи. Таким образом, гипотезы о формах насилия, как зависимых переменных, должны обязательно отличаться от гипотез о депривациях и величине насилия. Они выражаются скорее на языке вероятностей (чем больше X , тем более вероятным будет появление Y), нежели прямого соответствия. Вопрос состоит скорее в том, сколько видов политического насилия должно быть учтено в общей теории. Принцип *парсимонии*^{*}, который необходимо применять как в отношении зависимых, так и в отношении независимых переменных, предполагает использование типологии с небольшим числом категорий, каждая из которых охватывает довольно большое число событий.

Мало что дает прибегание и к общим таксономиям. Некоторые авторы, такие, например, как Лассуэлл и Камплан, используют простые типологии для революций, но не для политического насилия в целом¹⁹. Экштейн предполагает комбинированную технологию, включающую в себя: неорганизованное спонтанное насилие (бунт), внутриэлитные конфликты (перевороты), две разновидности войны и революций²⁰. Возможно, наиболее сложная типология — это руммелевский перечень

* Экономии слов. — *Примеч. пер.*

из 22 типов местных конфликтов, анализ которых дает эмпирическое решение проблемы экономной типологии. В анализе Руммеля, а также в ряде последующих исследований были собраны и табулированы по разным странам данные о сфере действия и характеристиках различных типов политического насилия, а также подвергнут факторному анализу «счет стран» (число бунтов, террористических актов, переворотов, мятежей, партизанских войн и т. п. за данный период времени). Какая бы типология ни использовалась — на базе ли данного периода времени, или данной страны — получались схожие по существу результаты. Измерение сильных беспорядков характеризуется в значительной степени спонтанной борьбой в виде мятежей и демонстраций. Это в корне отличается — и статистически, и по существу — от того, что может быть названо измерением революционности, которое характеризуется более организованной и интенсивной борьбой. Это измерение революционности имеет два компонента, представляющие в некоторых видах анализа как отдельные измерения:

- **внутренняя война**, как правило, включающая в себя гражданские войны, партизанские войны и некоторые виды переворотов;
- **заговор**, обычно охватывающий собственно заговоры, восстания и большинство государственных переворотов²¹.

Эти типы не следует считать абсолютно различными. Анализ, упоминавшийся выше, показывает, что на более обобщенном аналитическом уровне политическое насилие — это более гомогенный мир. Однако внутри этого мира некоторые виды насилия имеют тенденцию возникать одновременно, и появление некоторых видов насилия предотвращает появление других. Принципиальные различия между беспорядками и революцией — это различия в степени организованности и сосредоточенности, отмечаемые Экштейном в его композитной типологии. Основные различия между внутренней войной и компонентами заговора в революционном измерении образуют лишь одну из шкал. Общие определения этих трех форм политического насилия, рассматриваемых в данном анализе, приводятся ниже.

- **Беспорядки.** Относительно спонтанное политическое насилие с реальным и значительным участием населения, включая политические забастовки, бунты, политические столкновения и локализованные восстания.
- **Заговор.** Высокоорганизованное политическое насилие с ограниченным участием населения, включая организованные террористические акты политического характера, маломасштабный

терроризм, маломасштабные партизанские войны, перевороты и мятежи.

- **Внутренняя война.** Высокоорганизованное политическое насилие с широкомасштабным участием населения, предназначенное для свержения режима или уничтожения государства и сопровождаемое обширными актами насилия, включая широкомасштабный терроризм и партизанские войны, гражданские войны и революции²².

Короче говоря, данное исследование является попыткой анализа и разработки общих проверяемых гипотез о трех аспектах политического насилия: его источниках, величине и формах. Как часть этого анализа рассматриваются процессы, посредством которых развивается потенциал для насилия и типы условий, которые выводят его наружу. Две темы, часто рассматриваемые в различных теориях революции, затрагиваются здесь только мимоходом: непосредственные ускорители насилия, о чем в большинстве обобщений высказываются тривиальные суждения; и долгосрочные последствия различных типов насилия, относительно которых приводится мало эмпирических доказательств или детальных теоретических размышлений.

К интегрированной теории политического насилия

Базовая модель условий, ведущих к политическому насилию, используемая в данном исследовании, включает в себя как психологические, так и социетальные переменные. Начальные стадии анализа деятельностно-ориентированные — в том смысле, что многие из гипотез о потенциале коллективного насилия относятся к информации о динамике человеческой мотивации (а в некоторых случаях выводятся из нее). Однако такой подход не является всецело или преимущественно психологическим, и он может выглядеть как искаженная интерпретация представленных здесь аргументов и доказательств. Большинство связей и доказательств, проверяемых на последующих стадиях анализа, таковы, что они теоретически предполагаются или эмпирически проверяются между социетальными условиями и политическим насилием. Психологические материалы используются в основном для обеспечения каузальных связей между социетальными переменными и переменными, определенными выше: потенциал коллективного и политического насилия и вероятность того, что насилие примет форму беспорядков, заговора или внутренней войны. Использование психологических доказательств таким способом создает определенные виды социальных

единообразий, более очевидных и исчерпывающих, и вносит свой вклад в упрощение теории. В то же время анализ социетальных связей является решающим для идентификации источников некоторых общих психологических качеств людей, склоняемых к насилию, и для обобщения многих аспектов политического насилия, не имеющих параллелей в психологической динамике. Цель этого анализа, реализованная в лучшем случае частично, была предложена Инкелесом в контексте дискуссии о социальной структуре и индивидуальности следующим образом: «Что нам требуется... так это интеграция или координация двух основных рядов, данных в более широкой объяснительной схеме, а не редуцирование любого из видов анализа к другому, предположительно более фундаментальному»²³.

Теперь можно кратко набросать общие контуры будущей теории. В о - п е р ы х, каузальная последовательность в политическом насилии — это, прежде всего, развитие неудовлетворенности; в о - в т о р ы х, политизация этой неудовлетворенности; и, наконец, в - т р е т ь и х, реализация его в насильственном действии, направленном против политических объектов и деятелей. Неудовлетворенность, возникающая из осознания относительного лишения, выступает базовым побуждающим условием для участников коллективного насилия. Взаимосвязанные понятия неудовлетворенности и депривации объединяют в себе большинство из психологических состояний, явных или выраженных неотчетливо, в таких теоретических понятиях, как фрустрация, отчуждение, управляемые и целенаправленные конфликты, острая необходимость и напряжение (обсуждаемые далее в главе 2).

Относительная депривация определяется как воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями* и ценностными возможностями. **Ценностные ожидания** — это те блага и условия жизни, на которые люди, по их убеждению, имеют полное право претендовать. **Ценностные возможности** — это те блага и условия жизни, которых, как им кажется, они в состоянии реально достичь или удержать, используя доступные им социальные** средства. Социетальные условия, которые создают некий средний уровень интенсивности ожиданий без

* Русскоязычная калька (от англ. *expectation* — ожидание, надежда, предвкушение); здесь и далее мы предпочли употребление его вместо русского «ожидание» в силу смысловой многозначности последнего. — *Примеч. пер.*

** Точнее, социально одобряемые, или институциональные средства (см. *Merton R. Social Theory and Social Structure*. — N.-Y., London: Enlarged edition, 1968). — *Примеч. пер.*

роста соответствующих возможностей*, увеличивают интенсивность неудовлетворенности. Среди общих условий, оказывающих такое воздействие, могут быть преимущества, которыми обладают другие группы, и обещание новых возможностей (глава 4). Социетальные условия, которые снижают средний уровень реальной ценностной позиции человека без уменьшения его ценностных экспектаций, аналогичны возрастанию деприваций, за которым следует рост интенсивности неудовлетворенности. Негибкость ценностных возможностей в обществе, краткосрочное ухудшение групповых условий жизни и ограничения их структурных возможностей обладают таким же воздействием (глава 5).

Неудовлетворенность, которую индуцирует депривация, выступает привычным стимулом к действию. И психологическая теория, и теория группового конфликта предполагают, что чем больше интенсивность неудовлетворенности, тем более вероятно проявление насилия. Специфичность этого импульса к действию определяется человеческими убеждениями относительно источников депривации, а также нормативной и утилитарной справедливости актов, направленных на деятелей, ответственных за эту депривацию.

Социетальные переменные, которые влияют на сосредоточение неудовлетворенности на политических объектах, включают в себя:

- длительность культурных и субкультурных санкций на открытую агрессию;
- длительность и степень успеха политического насилия в прошлом;
- отчетливость и распространенность символических призывов, оправдывающих насилие;
- легитимность политической системы и типы ответов, которые она дает на относительную депривацию (главы 6 и 7).

Убеждение в том, что насилие полезно для достижения дефицитных ценностей, может оказаться независимым источником политического насилия, однако в рамках политических общностей наиболее вероятно, что оно, будучи рационализированным, окажется вторичным; первичным же выступает мотивация. Широко распространившаяся неудовлетворенность обеспечивает общий импульс для коллективного насилия. Однако огромное большинство актов коллективного насилия в последние десятилетия имели в качестве своей цели по меньшей мере несколько политических объектов. При этом более интенсивными являются те акты

* То есть тех средств, которые в данном обществе в данных социальных условиях доступны данному индивиду. — *Примеч. пер.*

насилия, которые с большей вероятностью сосредоточены — первично или вторично — на политической системе. Интенсивная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; первичное воздействие нормативных и утилитарных аттитудов к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать этот потенциал в какой-то точке.

Величина политического насилия в системе и формы, которые оно принимает, частично детерминированы масштабами и интенсивностью политизированной неудовлетворенности, которая выступает необходимым условием обращения к насилию в политике. Однако каким бы интенсивным и сосредоточенным ни был порыв к насилию, на его актуализацию в конкретной политической общности оказывают сильное влияние типы коерсивного^{*} контроля и институциональной поддержки. Если режим и те, кто ему противостоит, обладают приблизительно равными степенями коерсивного контроля и институциональной поддержки, мы будем иметь дело с политическим насилием максимальной величины, и оно с наибольшей вероятностью примет форму внутренней войны. Коерсивные возможности режима и обычная практика их применения — это решающие переменные, оказывающие влияние и на формы, и на длительность насилия — как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Имеется немало свидетельств (некоторые из которых будут резюмированы в главах 8 и 10) того, что определенные формы коерсивного контроля скорее увеличивают, нежели уменьшают интенсивность неудовлетворенности и могут способствовать трансформации беспорядков в широкомасштабные революционные движения. Диссиденты же, напротив, используют любые степени коерсивных возможностей, приобретаемых ими для групповой обороны и атак на режим. Степень институциональной поддержки диссидентов и режимов является функцией относительных пропорций численности национальных организаций, которые им удалось мобилизовать на службу себе, сложности и сплоченности этих организаций, их ресурсов и той степени, в которой они способны обеспечить упорядоченные процедуры для получения ценностей, разрешения конфликтов и каналирования агрессивности^{**}. Рост организации диссидентов может в короткие сроки способствовать развитию политического насилия, но

* В оригинале — *coercive*, т. е. подавляющий; далее везде при использовании данного понятия мы будем прибегать к этой русскоязычной кальке. — *Примеч. пер.*

** То есть выбора тех форм, в которые может выливаться эта агрессивность, и тех мишеней, на которые она может быть направлена. — *Примеч. пер.*

он также, вероятно, может обеспечить неудовлетворенных новыми средствами облегчения лишений в долгосрочной перспективе, минимизируя таким образом насилие.

Три предыдущих параграфа представляли собой набросок структуры, в которой разрабатывались гипотезы и определения данного исследования. Гипотезы, их взаимосвязи между собой и выводы из них более полно и систематически анализируются в главе 10. Приложение перечисляет все гипотезы, разработанные и категоризированные в соответствии с их зависимыми переменными и главами, где они выдвигаются.

В трех стадиях процесса политического насилия — там, где неудовлетворенность зарождается, актуализируется и реализуется, — каждая из них зависит от предшествующей, как указывает этот набросок. Вероятно, хотя и не обязательно, между тремя этими стадиями существует определенная темпоральная зависимость, которая выражается в том, что резкое возрастание интенсивности неудовлетворенности предшествует формулировке доктрин, оправдывающих насильственное действие, с последующими сдвигами баланса коерсивного контроля и институционального соблюдения правил. Однако все эти условия могут вступать в действие и одновременно, как это было при вспышке контрреволюционного движения в Вандее: введение процедуры воинской повинности интенсифицировало неудовлетворенность рабочих и крестьян, и без того враждебно настроенных по отношению к правительству и буржуазии. Массовые акции протеста против буржуазии начались в считанные дни; социальный контекст для действий диссидентов был отчасти обеспечен существованием сложившейся к этому времени коммунальной и политической организации, а также слабостью правительственных сил и институтов в регионе²⁴. Суть в том, что многие из аттитудов и социетальных условий, способствующих политическому насилию, могут присутствовать в обществе в относительно неизменном виде на протяжении длительного периода; они становятся релевантными политическому насилию и действенными в его генезисе только тогда, когда относительная депривация увеличивается в масштабах и возрастает по интенсивности. Интенсивно политизированная неудовлетворенность также может быть широкомасштабной и устойчивой в течение длительного периода, причем без явного выражения ее, поскольку коерсивный контроль и институциональная поддержка монополизированы режимом. Ослабление контроля со стороны режима или развитие диссидентской организации в такой ситуации с высокой степенью вероятности могут привести к массовому насилию, как это было

²⁴ Временная. — *Примеч. пер.*

в Венгрии в 1956 и в Китае в 1966–1968 гг., и как это, вероятно, может произойти в будущем в Южной Африке.

Понятия, гипотезы, модели причин и процессов, разрабатываемые в последующих главах, не являются самоцелью. Интеллектуально привлекательные фильтры, через которые рассматриваются и категоризируются явления беспокойного мира, — это еще не есть знание. Систематическое знание требует от нас предлагать, проверять и заново формулировать положения о том, как и почему случаются какие-то вещи. Мы знаем достаточно — и достаточно хорошо знаем — только тогда, когда можем с удовлетворительной степенью вероятности не только объяснить, почему какие-то вещи произошли вчера, но и то, какое влияние наши сегодняшние действия окажут на то, что произойдет завтра. До некоторой степени мы всегда можем надеяться узнать это лучше, хотя никогда не будем знать полностью. Такой анализ может продемонстрировать, что мы слишком мало знаем о насилии, осуществляемом одними людьми над другими, и что знание это слишком слабое и неточное. Мы планируем содействовать процессам, с помощью которых можно нарастить эти знания.

Примечания

¹ *Pitirim Sorokin. Social and Cultural Dynamics, Vol. III: Fluctuations of Social Relationships, War and Revolutions. (New York: American Book Co., 1937), p. 409–475.* Изучены двенадцать стран и империй за период, охватывающий от 500 г. до н. э. по 1920 г. н. э., но ни одна за весь период в целом. Фиксировались лишь «важные» возмущения, т. е. те, что упоминаются в стандартной истории.

² Сведения отчасти основаны на данных по 114 странам, приведенных в работе *Ted Robert Gurr «A Comparative Study of Civil Strife»* in Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds., *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969.

³ В соответствии с данными, собранными в *Lewis F. Richardson Statistics of Deadly Quarrels (Pittsburgh: The Vohwood Press, 1960)*, p. 32–43, дополненных событиями после 1948 г. Конфликтами, унесшими наибольшее количество жизней, были: I и II мировые войны. Из других 11 все, кроме одной, представляли собою внутренние войны, каждая из которых послужила причиной более 300 000 смертей: Тай-Пинский мятеж 1851–1864 гг.; Американская гражданская война; Великая война в Ла-Плате 1865–1870 гг.; послереволюционная война в России 1918–1920 гг.; первая и вторая Китайские гражданские войны 1927–1936 гг. и 1945–1949 гг.; Испанская гражданская война; общинные мятежи в Индии и Пакистане 1946–1948 гг.; Вьетнамская война 1961 г. — н. в. (следует учесть, что н. в. — настоящее время — относится к времени написания книги, т. е. к концу 1960-х гг. — *Примеч. пер.*); война между индонезийскими коммунистами и их противниками 1964–1966 гг.; Нигерийская гражданская война 1967 г. — н. в.

⁴ Возможно, что политическое насилие может повысить общую сумму удовлетворенности. Это может быть справедливым для тех случаев, когда само насилие и его непосредственное воздействие оценивается выше материальных и человеческих ресурсов, которые оно потребляет, или в тех случаях, когда насилие обеспечивает общепризнанную регуляторную функцию, как это было с американскими виджильянтами (реакционные организации, созданные для расправы с профсоюзными активистами под предлогом охраны порядка и поддержания законности. — *Примеч. пер.*). Гипотетическая связь такого типа показана на рис. А.

Вероятно, высокие значения насилия скорее связаны с разрушением, нежели с созиданием, во всяком случае на протяжении короткого отрезка времени. Однако, когда принимается в расчет мера времени, интенсивное политическое насилие, хотя и приносит много разрушений на протяжении короткого отрезка времени, может иметь эффект оплаты в долгосрочной перспективе или в качестве стимуляции правителей к увеличению выпуска продукции, или для перестройки общества таким образом, что всеобщая удовлетворенность существенно возрастает. Этот тип связи показан на рис. Б.

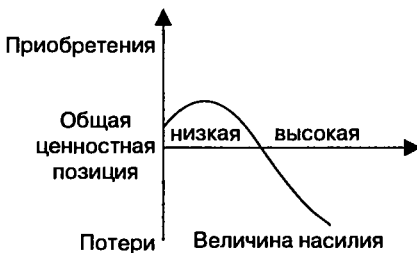

Рис. А. Гипотетические воздействия насилия на удовлетворенности в обществе, в котором само насилие выступает в качестве ценности в момент времени X

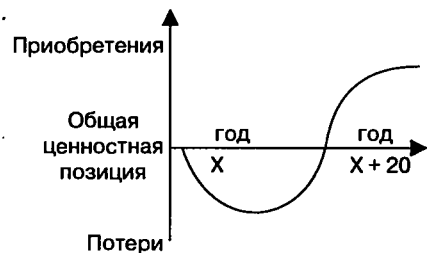

Рис. Б. Гипотетические воздействия интенсивного насилия на удовлетворенности в обществе, в котором насилие с течением времени приводит к реформам

⁵ *Rudolf Rummel*, «Dimensions of Conflict Behavior Within and Between Nations», *General System Yearbook*, VIII (1963), 1–50 и *Raymond Tanter*, «Dimensions of Conflict Behavior Within and Between Nations», *Journal of Conflict Resolution*, X (March 1966), 41–64. Здесь содержатся статистически значимые связи между некоторыми формами внутренних и внешних конфликтов, но они относительно слабы. В соответствии с данными факторного анализа эти типы политического насилия независимы от большинства измеряемых характеристик, см. *Rudolf Rummel*, «Dimensions of Nations Project; Orthogonally Rotated Factor Tables for 236 Variables», Department of Political Science, Yale University (New Haven, July 1964), mimeographed.

⁶ Например, *Биллингтон* указывает, что Российская революция содержала в себе «восстание» снизу — фактически обширные мятежи и бунты, — сопровождавшиеся государственным переворотом и затяжной гражданской войной.

James H. Billington, «Six Views of the Russian Revolution», *World Politics*, XVIII (April 1966), 452 ff.

⁷ Полезный обзор имеющейся информации о городских и сельских беспорядках в Европе XVIII в. содержится в *George Rude, The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964). Репрезентативный обзор современной информации о городском насилии в современных обществах представляет собой *Lois H. Masotti and Don R. Bowen, eds., Riots and Rebellion: Civil Violence in the Urban Community* (Beverly Hills: Sage, 1968).

⁸ Исследования, использующие различные экспериментальные методы, включают в себя: *Norman Polansky, Ronald Lippitt, and Fritz Redl, «An Investigation of Behavioral Contagion in Groups», Human Relations*, III (No. 3, 1950), 319–348; *G. E. Swanson, «A Preliminary Laboratory Study of the Acting Crowd», American Sociological Review*, XVIII (October 1953), 522–533; *Norman C. Meier, G. H. Menzenga and H. J. Stoltz, «An Experimental Approach to the Study of Mob Behavior», Journal of Abnormal and Social Psychology*, XXXVI (October 1941), 506–524; *Kurt Lewin, Ronald Lippitt, and Ralph K. White, «Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created Social Climates, Journal of Social Psychology*, X (May 1939), 271–299; *David Schwartz, «Political Alienation: A Preliminary Experiment of the Psychology of Revolution's First Stage», paper read at the Annual Meeting of the American Political Science Association, 1967.* Проблемам коллективного насилия релевантны многие другие экспериментальные работы; перечисленные имеют явное отношение к социально-психологическим факторам, способствующим насилию.

⁹ Ренессанс систематической теоретической и экспериментальной работы по проблемам политического насилия можно датировать публикацией трех статей, которые появились в 1962 и 1963 гг.: *James C. Davies, «Toward a Theory of Revolution», American Sociological Review*, XXVII (February 1962), 5–19; *Harry Eckstein, «Internal War: The Problem of Anticipation» in Ithiel de Sola Pool et al., Social Research and National Security: A Report Prepared by the research Group in Psychology and Social Sciences* (Washington, D.C.: Smithsonian Institution, March 5, 1963), published in revised form as «On the Etiology of Internal Wars», *History and Theory*, IV (No. 2, 1965), 133–163; and *Rummel, «Dimensions of Conflict Behavior».*

¹⁰ Для сравнения: 111 статей имели отношение к Великобритании, порядка 140 — к Конгрессу США и около 250 — к конституциям или конституционным проблемам. Эти подсчеты были облегчены благодаря использованию Индекса контекстных ключевых слов заголовков статей в *Kenneth Jaunda, ed., Cumulative Index to the American Political Science Review: Volumes 1–57: 1906–1963* (Evanston: Northwestern University Press, 1964).

¹¹ *Alfred de Grazia, Politics and Government, Vol. 1: Political Behavior*, rev. edn. (New York: Collier, 1952, 1962), 265–301.

¹² *Max Weber, «Politik als Beruf», Gesammelte Politische Schriften* (Tubingen: J.C.B. Mohr, 1958), translated in E.V. Walter, 359.

¹³ *Thomas Hobbes, Leviathan* (Oxford: Basil Blackwell, 1946).

¹⁴ *E. E. Schattschneider, «Intensity, Visibility, Direction and Scope», American Political Science Review*, LI (December 1957), 933–942.

¹⁵ H. L. Nieburg, «The Threat of Violence and Social Change», *American Political Science Review*, LVI (December 1962), 865–873, and *Political Violence: The Behavioral Process* (New York: St. Martin's Press, 1969).

¹⁶ Sorokin, op. cit.; Charles Tilly and James Rule, *Measuring Polemical Upheaval* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 19, 1965); Rummel, «Dimensions of Conflict Behavior...»; Raymond Tanter, «Dimensions of Conflict Behavior Within Nations, 1955–1960: Turmoil and Internal War», *Peace Research Society Papers*, III (1965); and Ivo K. and Rosalind L. Feierabend, *Aggressive Behaviors Within Politics, 1948–1962: A Cross-National Study*, *Journal of Conflict Resolution*, X (September, 1966), 249–271.

¹⁷ Среди других — Richardson, especially chap. 2 and 4; Rummel, «Dimensions of Conflict Behavior»; Tanter and Bruce M. Russett, «Inequality and Instability; The Relation of Land Tenure to Politics», *World Politics*, XVI (April 1964), 442–454.

¹⁸ Ted Gurr with Charles Ruttenger, *The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Causal Model* (Princeton Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 28, 1967); Ted Gurr, «A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1104–1124.

¹⁹ Harold Lasswell and Abraham Kaplan, *Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 261–268. Выделяемые типы: дворцовая революция, политическая революция и социальная революция.

²⁰ «On the Etiology of Internal Wars», 135–136.

²¹ Типология Руммеля приведена в «Dimensions of Conflict Behavior», 25–26. Две резюмирующие статьи по факторному анализу — Rudolf J. Rummel, «A Field Theory of Social Action With Application to Conflict Within Nations», *Yearbook of the Society for General Systems Research*, X (1965), 183–204; and Tanter, «Dimensions of Conflict Behavior».

²² Экуйтейн в «On the Etiology of Internal War» воспроизводит термин «внутренняя война», но определяет его значительно шире, как «любое обращение к насилию в рамках политического порядка для изменения его конституции, правления или политики» (133). Однако на обыденном языке эта фраза означает степень участия и организации конфликта, которая не характерна для событий, которые я разделяю категоризирую как беспорядки и заговор. Эти три категории отличны от таких же наименований в Gurr, «A Comparative Study of Civil Strife» и Gurr, «A Causal Model of Civil Strife» только в том, что они исключают ненасильственную борьбу и насильственный конфликт между аполитичными группами.

²³ Alex Inkeles, «Personality and Social Structure», *Sociology Today* (New York: Basic Books, 1959), 272, цитируемый в Marvin E. Wolfgang and Franco Ferracuti, *The Subculture of Violence: Towards an Integrated Theory in Criminology* (London: Social Science Paperbacks, 1967), 8.

²⁴ Charles Tilly, *The Vendee* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), passim.

ГЛАВА 2

Относительная депривация и побуждение к насилию

Наши желания и удовольствия проистекают из общества; поэтому мы измеряем их обществом, а не объектами, которые служат для их удовлетворения. Вследствие социального происхождения природа их относительна.

*Карл Маркс и Фридрих Энгельс.
Заработная плата и капитал*

Под комплексом человеческой мотивации нейрофизиологи понимают две большие «системы влечений», обеспечивающие чувства мотивации, опираясь на которые можно измерить и оценить все, что с нами происходит. Стимуляция одной из этих систем вызывает чувства удовлетворения, приподнятого настроения и любви. Стимуляция другой ведет к возникновению ощущений беспокойства, ужаса, депрессии. Эти чувства окрашивают наше восприятие мира и придают энергию нашим действиям. На этих системах влечения основано обучение, вначале прямо, затем косвенно: мы обучаемся делать и искать такие вещи, которые приносят удовлетворение, и избегать тех, которые имеют пагубное воздействие¹.

Однако обстоятельства, в которых живут люди, меняются, и то, чему они обучались, не всегда оказывается подходящим для извлечения удовлетворения из изменившихся обстоятельств. «Мы расстраиваемся, — пишет Кантрил, — когда ощущаем конфликт между смыслом, который мы придаем ситуации на основе приобретенного опыта в прошлом, и вновь возникшими обстоятельствами, с которыми столкнулись»². Этот конфликт, или напряжение, фундаментально неприятен: его необходимо избежать или преодолеть, если возможно, а если нет — избавиться от него экспрессивными, «нереалистическими» способами. Это фундаментальный источник как инновации, так и деструкции в человеческих делах. Достаточно ясно, почему в ответ на напряжение

возникает инновационное поведение: процесс социализации учит людей избегать неприятных стимулов, и только новые жесткие конфликты способны преодолеть адаптивные способности, приобретаемые в таком процессе. Деструктивное поведение можно объяснить, обратившись к другому фундаментальному свойству человеческого организма: если люди подвергаются вредному воздействию, которого они не могут избежать или преодолеть, вступает в силу врожденная предрасположенность возвращения к истокам. Инновация может либо уменьшить, либо не уменьшить фрустрацию, но она представляется врожденным ответом на напряженность, возникающую вследствие фрустрации³. Однако желание освободиться от фрустрации — это не единственный источник агрессии. Инновативные ответы могут содержать в себе и обращение к насилию. Наиболее важный выбор тактического или «реалистического» насилия как инновативного ответа на напряжение поддерживается создаваемой этим напряжением врожденной склонностью к насилию. Поэтому различия между «реалистичным» и «нереалистичным» конфликтом или насилием могут оказаться аналитически полезными, но физиологическая и психологическая аргументации предполагают, что элементы последних почти всегда имеют место⁴. Отсутствие их вероятно лишь среди тех, кто принуждается к участию в конфликте.

Эти принципы действуют для широкого спектра индивидуального поведения, включая деятельность тех, кто восстает против своей политической общности. Нам нужны понятия и гипотезы, которые в большей степени пригодны для анализа социальных и психологических моментов, создающих у членов коллективности побуждение к политическому насилию. «Относительная депривация» (RD') — это понятие, использованное в предыдущей главе для обозначения напряжения, которое развивается вследствие расхождения между «надо» и «есть» коллективного ценностного удовлетворения и которое побуждает людей к насилию. Определение этого понятия отличается от его общепринятого социологического употребления, но не слишком сильно от использования такого неологизма, как «спазм» или «острая

³ RD — здесь и далее мы будем употреблять данную аббревиатуру для обозначения понятия «относительная депривация» (*Relative Deprivation*). В дальнейшем мы будем также в силу некоторых причин лексического характера иногда употреблять вместо буквального перевода «*deprivation*» — «лишение» употреблять его русскоязычную кальку «депривация», тем более что само это понятие уже активно используется в русскоязычных текстах по социальной психологии. — *Примеч. пер.*

необходимость». В данной главе рассматривается RD и сопряженные с ним понятия: ценности, классы ценностей, ценностные ожидания, ценностные возможности*. Связь фрустрация—агрессия дает психологическую динамику предполагаемой связи между интенсивностью депривации и потенциалом коллективного насилия; поэтому она рассматривается более детально. С моделью относительных деприваций связаны и другие концептуальные интерпретации побуждений к насилию, включая такие понятия, как диссонанс, anomia и социальный конфликт. Наконец, в целях облегчения анализа предлагаются три паттерна потери равновесия между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями.

Определение относительной депривации

Гипотеза V. 1. Потенциал коллективного насилия существенно меняется с интенсивностью и масштабом относительной депривации среди членов данной коллективности.

Относительная депривация (RD) определяется как восприятие деятелем (Актером) расхождения между его *ценностными ожиданиями*** и *ценностными возможностями*. **Ценностные ожидания** — это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. **Ценностные возможности** — это блага и условия, которые они, по их мнению, могли бы получить и удерживать (более точно эти понятия определяются ниже). Гипотеза делает акцент на восприятии депривации; люди могут испытывать субъективное ощущение депривации относительно своих ожиданий, даже если объективный наблюдатель не заподозрит, что они чего-то желают. Аналогично существование в таком состоянии, которое сторонний наблюдатель оценит как крайнюю нищету, или «абсолютная депривация» вовсе необязательно будет оцениваться как безнадежное или несправедливое самими теми, кто его испытывает. Как выражается Рансимен,

* В оригинале — *capacity*. Здесь хотелось бы указать лексические оттенки этого понятия; оно многозначно и в зависимости от контекста на русский язык переводится различными способами: 1) вместимость; 2) емкость; 3) способность; 4) компетенция; 5) мощность, производительность; 6) положение, качество. В том контексте, в котором употребляет его автор, мы сочли наиболее подходящим перевести его как «возможность» — в смысле «доступность» и «способность к приобретению, к обладанию». — *Примеч. пер.*

** *Expectation* — ожидание, надежда; здесь, как и в других случаях, мы опять используем русскоязычную кальку. — *Примеч. пер.*

«если люди не имеют причин ожидать или надеяться на большее, нежели они в состоянии достичь, они будут менее недовольны тем, что имеют, или даже будут испытывать благодарность за то, что могут удержать это»⁵. Понятие RD было впервые употреблено систематически в 1940 г. авторами *Американского солдата* для обозначения ощущений индивида, переживающего недостаток статуса или тех условий, которыми он, по его мнению, должен обладать, стандартов, по которым он вообще должен быть детерминирован, в сравнении с тем, чем обладает какая-то другая личность или группа⁶. Это понятие широко использовалось в социологических исследованиях, в которых для операциональных целей обычно считалось, что целостные стандарты рассматриваются относительно какой-то группы или статуса, с которыми индивид идентифицирует себя (во всяком случае, так ему кажется)⁷. Однако в более общем виде признается, что ценностные стандарты могут иметь и другие источники. Относительная позиция индивида может корениться в условиях его собственного прошлого, в абстрактном идеале или стандартах, сформулированных лидером, равно как и «референтной группой». Используемое здесь определение не выдвигает предположений об источниках ценностных экспектаций; оно подобно определению RD, которое дает Аберле, — «негативное расхождение между легитимными экспектациями и реальностью»⁸.

Ценности в данном случае — это желательные события, объекты и условия, к достижению которых люди стремятся⁹. Ценности, наиболее релевантные теории политического насилия, — это общие категории условий, ценимых многими людьми, а не те, к которым идиосинкратически стремятся отдельные индивиды. С психологических позиций ценности — это целевые объекты человеческой мотивации, предположительно атрибутируемые «базовым потребностям» или «инстинктам», возникающим на их основе. Предпринимались бесчисленные попытки идентифицировать и классифицировать «потребности», «цели» или «ценности» в целях психологического, социологического и политического анализа. Фрейд постулировал единственную базовую потребность — эротическую; Муррей перечислял 12 «висцерогенных» и 28 «психогенных» потребностей¹⁰. В таблице 1 резюмированы и соотнесены друг с другом три влиятельных и разумно экономных перечня. Здесь используется трехчленная категоризация, которая включает в себя *ценности благосостояния*, *ценности власти* и *межличностные ценности*. Такая схема не претендует на оригинальность; это просто композитная технология, представляющая ценности, обычные для других схем и релевантных генезису коллективных RD.

Таблица 1
Четыре перечня ценностных категорий

Иерархия потребностей Маслоу ^a	Ценности по Каплану и Лассуэллу ^b	Меры социального неравенства по Рансимену ^c	Композитная типология
Ценности благосостояния			
Физические	Благосостояние	Экономический класс	Ценности благосостояния
Самореализация	Квалификация, образование	—	—
Ценности уважения			
Безопасность, порядок	Власть, влияние	Власть	Ценности власти
Любовь, чувство принадлежности	—	—	Межличностные ценности
Самооценка	Уважение, нравственность	Статус	—

^a A. H. Maslow. A Theory of Human Motivation // *Psychological Review*, 1943. L.; James C. Davies. Human Nature in Politics: The Dynamics of Political Behavior. — N.-Y.: Wiley, 1963. — P. 8–63. Маслоу постулирует иерархию среди потребностей: потребности в безопасности и порядке не возникают, пока не удовлетворяются физические потребности; потребность в любви возникает только после удовлетворения потребностей в безопасности и т. д. Потребности перечислены здесь в предложенном Маслоу порядке, за исключением потребности в самоактуализации, которая, как он предполагает, возникает после того, как удовлетворена потребность в любви.

^b Power and Society. — P. 55–56.

^c Relative Deprivation, chap. 3. Рансимен трактует их явно не как ценности или потребности, но как условия, которыми группы обладают в изменяющейся степени и относительно того, как люди оценивают свою относительную удовлетворенность или депривацию.

Ценности благосостояния — это те ценности, которые вносят прямой вклад в физическое благополучие и самореализацию. Они включают в себя физические блага жизни — пищу, кров, обеспечение здоровья, физический комфорт, а также развитие и использование физических и умственных способностей. Эти два класса ценностей благосостояния ниже рассматриваются как *экономические* или ценности *самоактуализации*. Ценности самоактуализации могут носить инструментальный характер по отношению к достижению других ценностей благосостояния, и наоборот. Однако отдельно от этого Маслоу и Дэвис убедительно доказали, что «самоактуализация» является самоцелью для многих людей: мы испытываем внутреннее удовлетворение, упражняя наш интеллект и наши руки¹¹.

Ценности власти — это те ценности, которые детерминируют степень, до которой люди могут оказывать влияние на действия других и избежать нежелательного вмешательства других в наши собственные действия. Ценности власти, особенно важные для политического насилия, включают желание участвовать в политической жизни, в коллективном принятии решений — голосовании, участии в политическом состязании, в том, чтобы войти в состав политической элиты, и относительные желания самодетерминации и безопасности, например свободы от подавляющей политической регуляции или от беспорядков. Эти два класса ценностей власти связаны с описываемыми ниже ценностями *участия* и *безопасности*.

Межличностные ценности — это те психологические удовлетворенности, которых мы ищем в неавторитарном взаимодействии с другими индивидами и группами. Эти ценности включают:

- 1) желания достижения определенного статуса, т. е. занятия общепризнанной роли, посредством которой нам даруется определенная мера престижа со стороны тех, с кем мы взаимодействуем;
- 2) связанную с нею потребность членства в стабильных поддерживающих группах — семье, общине, ассоциации, которые обеспечивают товарищество и приязнь;
- 3) ощущение уверенности, которое проистекает из разделяемой приверженности определенным убеждениям о природе, обществе и своем месте в нем и нормального взаимодействия.

Эти три класса ценностей именуется *статус*, *коллективность* и *идеациональная связь*.

Ценностные экспектации коллективности представляют собою усредненные ценностные позиции, на которые ее члены, как они сами считают, могут с полным правом претендовать. **Ценностная позиция** — это объем или уровень реально достигаемой ценности. Ценностные экспектации относятся как к настоящим, так и к будущим условиям. Люди обычно рассчитывают удержать то, чем они обладают; как правило, они также имеют ряд экспектаций и требований по поводу того, что должны иметь в будущем, и это — такой же или несколько больший уровень сравнительно с тем, что они имеют в настоящем. Важно отметить, что ценностные экспектации определяются по отношению к *законным* ценностным позициям, означающим, что люди убеждены в своем праве на получение или поддержание не только того, на достижение чего они едва надеются. Хозелиц и Уиллнер проводят точно сравнимое различие между экспектациями и устремлениями: «Эспектации являются выраже-

нием превалирующих норм, установленных непосредственным социальным и культурным окружением. Будучи выраженным с социальной и экономической точки зрения, базис, на котором индивид формирует свои экспектации, есть ощущение того, чем он полноправно владеет. Источником этого ощущения права может быть то, чем пользовались его предки, то, чем он сам обладал в прошлом, что приписывает ему традиция и его позиция по отношению к другим членам общества. С другой стороны, устремления есть то, чем он хотел бы обладать, но без особой необходимости...»¹²

Ценностные возможности коллективности — это усредненные ценностные позиции, которые сами ее члены воспринимают как способность к приобретению ценностей или их удержанию. Ценностные возможности также имеют как настоящее, так и будущее выражение. В настоящем ценностные возможности представлены тем, чего люди способны реально достичь или что обеспечивает им их окружение: их *ценностной позицией*. Ценностные позиции в будущем — это то, чего, как убеждены в этом сами люди, позволят им с течением времени достичь или удержать их собственные умения, друзья и те типы правления, которые благоприятствуют условиям их жизни: *ценностный потенциал*. Можно провести различие между воспринимаемым и реальным ценностным потенциалом: истинные способности людей к достижению их ценностных экспектаций могут быть существенно выше или ниже, нежели им кажется. Мы осознаем, однако, что реальное поведение детерминирует воспринимаемый ценностный потенциал. Представляется также вероятным, что воспринимаемый ценностный потенциал значительно более важен, нежели настоящая ценностная позиция в детерминации того, как люди оценивают свои возможности. Достигнутые ценностные позиции группы могут быть совсем низкими относительно ценностных экспектаций, но воспринимаемая депривация и выражение неудовлетворенности будут иметь тенденцию оказаться низкими относительно той степени, в какой потенциал воспринимается как высокий. Отчетливо выраженная связь характеризует некоторые общества, находящиеся в предреволюционном состоянии: достигнутые ценностные позиции довольно высоки относительно ценностных экспектаций, но потенциал для роста или даже поддержания ценностных позиций воспринимается как падающий. Эти утверждения будут аргументированы в последующих главах.

Доступные людям направления их деятельности для приобретения или поддержания желательных ценностных позиций — это их **ценностные благоприятствующие возможности**; среди которых можно выделить три типа:

- личностные;
- социетальные;
- политические.

Личностные благоприятствующие возможности — это унаследованные и приобретенные возможности для деятельности, направленной на приобретение ценностных позиций. Унаследованные возможности в большинстве коллективностей распределены нормально и поэтому мало релевантны для теории коллективного насилия. Технические умения и общий объем знаний, приобретенные с помощью образования, могут значительно повысить ощущения личной компетентности, в частности, относительно улучшения своих материальных ценностных позиций.

Социетальные благоприятствующие возможности — это усредненные направления деятельности, доступные членам коллективности, для прямого усиления своих ценностных позиций. Социетальные благоприятствующие возможности для приобретения экономических ценностей включают в себя диапазон и количество оплачиваемых видов занятий, легкость доступа к этим занятиям и экономические ресурсы для вознаграждения занятых. Ценности политического участия могут быть достигнуты по обычным рутинизированным каналам политического участия и рекрутирования в политическую элиту; достижение ценностей безопасности является в значительной степени функцией возможностей, которыми располагает политическая система для одновременной минимизации детальной регуляции человеческой деятельности и поддержания внутреннего порядка. Межличностные ценности усиливаются в той степени, в какой семейная и коммунальная (общинная) жизнь свободны от внешнего разрушающего воздействия, и в той степени, в какой действуют общепринятые нормы, на основе которых статус и уважение приводятся в соответствие межличностным связям.

Политические благоприятствующие возможности — это усредненные направления деятельности, доступные членам коллективности для того, чтобы побудить других людей обеспечивать им ценностное удовлетворение. Политические благоприятствующие возможности относятся к политическим действиям скорее как к средствам, нежели к цели; благоприятствующие возможности для политического участия как самоцели охватываются социетальными благоприятствующими возможностями. Те же самые процедуры и институты, которые обеспечивают последние, обычно предоставляют также средства, с помощью которых коллективности могут требовать от правительства ценностей благосостояния

и власти. Существуют и другие виды возможностей, являющихся «политическими» в подразумеваемом здесь смысле, включая процедуры коллективных сделок, посредством которых рабочие могут потребовать от своих работодателей повышения уровня благосостояния, и ассоциативную деятельность субкультурных групп, предназначенную для повышения статуса своих членов в процессе их взаимодействия с членами других групп.

Масштаб RD — это степень ее распространенности среди членов коллективности относительно каждого класса ценностей. Некоторые виды деприваций характерны для определенного числа членов всех групп. Депривация релевантна возможности применения коллективного насилия в той степени, в какой многие люди чувствуют себя неудовлетворенными по поводу одних и тех же вещей. Неожидаемые личные депривации, такие как неудача в получении ожидавшегося продвижения по службе или неверность супруга, обычно постигают в любое данное время небольшое число людей, и потому они не столь велики по своим масштабам. События и виды таких, скажем, условий, как поражение в правах целой политической партии, сильная инфляция или падение группового статуса, в соотношении с референтной группой, вероятно, усиливают RD среди целых групп или категорий людей и велики по своим масштабам. Аберле проводит дихотомию того, что именуется здесь масштабам, на два общих класса деприваций — личные и основанные на групповом опыте¹³. Масштаб лучше рассматривать как континуум: должна иметься возможность идентификации (например, с помощью опросных методик) в любой коллективности, людей, которые ощущают себя депривированными относительно какого-то определенного класса ценностей.

Интенсивность RD — это степень негативного воздействия, которая ассоциируется с ее восприятием или, другими словами, острота неудовлетворенности или гнева, который она вызывает. Рансимен говорит о «степени» депривации, определяемой как «интенсивность, с которой она ощущается»¹⁴. Интенсивность, подобно масштабу, поддается прямой эмпирической оценке: можно сделать вывод об интенсивности человеческих ощущений RD, используя среди других методик интервью, проективные методики и технику контент-анализа¹⁵. Кроме того, можно определить ряд свойств ценностных экспектаций и ценностных возможностей, которые увеличивают или уменьшают масштаб и интенсивность депривации и которые необязательно можно получить на основе опросных методик. Некоторые детерминанты масштаба и интенсивности RD рассматриваются в следующей главе.

Потенциал коллективного насилия — зависимая переменная в гипотезе, сформулированной в начале этого раздела, — определяется как масштаб и интенсивность предрасположенности членов коллективности к насилию над другими. Для многих целей исследования этот потенциал можно трактовать как гипотетический конструкт, предрасположенность к действию, предположительно существующую в сознании многих членов коллективности, но измеряемую только с точки зрения жизненного опыта, предшествовавшего RD, или же с точки зрения возможных последствий величины коллективного насилия. Если она не может быть определена прямо, то гипотезе о ней не на что будет опереться. Единственной проверяемой гипотезой окажется та, согласно которой чем больше интенсивность и масштаб относительной депривации, тем больше величина коллективного насилия. Однако в принципе потенциал коллективного насилия может быть оценен независимым образом. Одним из средств является использование техники интервью, в ходе которых людей специально спрашивают, готовы ли они принять участие в мятеже или задают такие вопросы, ответы на которые позволяют им проецировать чувство насилия в ответ на амбивалентные стимулы. Эти методики можно применять в структурированных или лабораторных ситуациях. Они также могут быть и были использованы для естественных популяций. Гаррис, например, подсчитывал голоса черных американцев относительно их готовности к мятежу¹⁶. Можно было бы также сконструировать симуляционные (игровые) исследования предреволюционных ситуаций и оценить ответы участников игры, как это было сделано, например, Шварцем¹⁷. Такое разнообразие подходов позволяет судить скорее о потенциале коллективного насилия как о решающей интервентной переменной между неудовлетворенностью, вызванной депривацией, и политическим насилием, нежели считать его просто гипотетическим и излишним конструктом.

Источники агрессии¹⁸

Психологические теории источников человеческой агрессивности дают подробное мотивационное объяснение предполагаемой каузальной связи между относительной депривацией и коллективным насилием. Имеется множество теоретических работ по этому вопросу, часть которых носит спекулятивный характер, некоторые же опираются на эмпирические исследования. Имеется довольно слабая основа для псевдопсихологических утверждений, что большая часть всех революционеров и заговорщиков — это просто девианты, или плохо при-

способленные люди¹⁹. Психодинамические объяснения «революционной индивидуальности» могут оказаться полезными для микроанализа частных событий, но мало что дает для общей теории коллективного насилия²⁰. Жертв агрессии, вследствие плохо адаптирующих процессов социализации, можно обнаружить в любом обществе и среди участников большинства вспышек политического насилия, однако они оказываются с большей степенью вероятности мобилизованными самим процессом борьбы, нежели теми личностями, которые развязывают сам конфликт. Общая теория политической борьбы не может базироваться также исключительно на специфически культурологических теориях, описывающих черты модальной индивидуальности, хотя она должна принимать в расчет их эффекты (мы обсуждаем их в главе 6). Большинство релевантных общепсихологических теорий имеют дело с источниками и характеристиками агрессивности всех людей, независимо от характера культуры. Такая психологическая теория дает мотивационную базу для теории политического насилия и средства для идентификации и определения действия некоторых объяснительных переменных.

Имеются три отчетливо различимых психологических предположения относительно родовых источников человеческой агрессивности:

- агрессивность носит исключительно инстинктивный характер;
- ей не только обучаются;
- она являет собой естественную реакцию на фрустрацию²¹.

То или иное из этих объяснений подразумевается в большинстве лишенных мотивационной основы теоретических подходов к гражданской борьбе. *Инстинктуальные* теории агрессивности представлены среди других теорией Фрейда (приписывающей разрушительный импульс инстинкту смерти) и взглядами Лоренца на агрессивность как на усиление инстинкта выживания. Они предполагают, что большинство людей имеют внутри себя некий автономный источник импульсов агрессивности, стимулы к агрессии, которые, по словам Лоренца, проявляются в «неотразимых вспышках, повторяющихся с ритмической регулярностью»²². Хотя такое предположение не имеет безоговорочной поддержки, его адвокаты, включая Фрейда и Лоренца, часто применяют для объяснения коллективной, равно как и индивидуальной агрессии²³. Такое предположение рассматривается как очевидное в гоббсовской характеристике человека в естественном состоянии и, возможно, подразумевается в современном его варианте в проявлении интереса Нибурга к «способности людей к незаконному, резкому и кровавому

насилию»²⁴, но не играет серьезной роли в современных теориях гражданской борьбы.

Прямо противоположное предположение о том, что агрессивное поведение является исключительно или изначально *продуктом воспитания*, характерно для работ некоторых детских и социальных психологов, в аргументации которых содержится указание на то, что определенные типы агрессивного поведения есть продукт обучения, и стратегически они служат достижению конкретных целей: агрессия детей и юношества — для привлечения внимания к себе; взрослых — как выражение борьбы за господство; групп — как средство борьбы за недостающие ценности военных — за интересы национальной политики²⁵. Это предположение о том, что насилие есть выученный отклик, рационалистично выбранное и беспристрастно используемое, является общим для ряда теоретических подходов к коллективному конфликту. Среди других теоретиков революции, Джонсон неоднократно, хотя и не всегда последовательно, говорит о гражданском насилии как о «формах поведения, направленных на то, чтобы дезориентировать поведение других посредством свержения ненавистной социальной системы»²⁶. Тимашов рассматривает революцию как «остаточное событие, средство, к которому прибегают, когда потерпели неудачу другие пути разрешения напряженности»²⁷. Моррисон относит недовольство сельского священника и борьбу в развивающихся странах к «относительным депривациям», определяемым так же, как в этой книге, но высказывает отчетливое предположение о рациональности поведения тех, кто испытывает депривации, когда формулирует гипотезу, что «все попытки уменьшить недовольство отбираются на основе восприятия деятелем вероятности достижения успеха в этом направлении»²⁸. Парсонс пытается подогнать политическое насилие под каркас своей теории социального взаимодействия, трактуя обращение к силе как образ действий, выбираемый деятелем в целях сдерживания, наказания или символической демонстрации готовности к действию²⁹. Шеллинг представляет тех теоретиков конфликта, которые неявно предполагают рациональное поведение и взаимозависимость решений, принимаемых противниками во всех типах конфликтов³⁰.

Третье психологическое предположение состоит в том, что значительная часть агрессии проявляется как *ответ на фрустрацию*. Фрустрация — это препятствие на пути целенаправленного поведения; агрессия — это поведение, предназначенное для нанесения вреда — психически или иным образом — тому, на кого оно направлено. Предрасположенность к агрессивному акту в состоянии фрустрации — это часть

биологической природы человека: у человека и животных имеется биологически врожденная склонность к атаке на агента фрустрации. Это необязательно несовместимо с двумя предыдущими предположениями. Однако теория фрустрации–агрессии разработана более систематически и в значительно большей степени обоснована эмпирически по сравнению с другими теориями, предполагающими, что все люди обладают неопределенным источником деструктивной энергии или что любая агрессивность носит подражательный и инструментальный характер.

Наиболее влиятельная часть формулировки теории фрустрации–агрессии была предложена Доллардом и его коллегами в Йеле в 1939 г. Их базовый постулат состоял в том, что «проявление агрессивного поведения предполагает наличие фрустрации и, наоборот, наличие фрустрации всегда ведет к определенным формам агрессии». Из сути данного исследования ясно, что вторая часть постулата не ставит своей целью предполагать, что агрессия является единственно возможным ответом на фрустрацию или что нет разницы между побуждением к агрессии, именуемым «гнев», и реальным проявлением агрессии³¹. Позже Миллер предложил внести ясность: фрустрация продуцирует побуждение к различным откликам, одним из которых является агрессия. Если неагрессивные отклики не могут ослабить фрустрацию, «тем больше будет вероятность того, что агрессивность станет в конечном счете доминантой, так что проявляется какая-то форма агрессивного отклика»³². Эмпирические исследования идентифицируют реакции на фрустрацию, отличные от агрессии. Химмельзэйт резюмирует экспериментальное утверждение, что фрустрация у детей может привести к регрессии в форме снижения интеллектуального развития и к эйвазии³³. В исследовании вызываемого фрустрацией поведения представителей одного из племен Новой Гвинеи было выявлено четыре типа ответов: подчинение, зависимость, уклонение и агрессия. У детей первичными эмоциональными откликами на агрессию бывают ярость или гнев, видоизменяемые приобретаемым позднее опытом³⁴. Отмечалось, что длительная фрустрация в форме продолжительной безработицы имеет своим результатом апатию³⁵.

Эти наблюдения и выводы служат скорее подтверждением базового тезиса о фрустрации–агрессии, а не опровержением его. Основной объяснительный элемент, который вносит теория фрустрации–агрессии в понимание человеческого конфликта, особенно в анализ политического насилия, — это принцип функционирования гнева в качестве побудителя. В новой формулировке теории, сделанной недавно Берковицем, говорится, что осознание фрустрации пробуждает гнев. Агрессивные

отклики имеют тенденцию к возникновению лишь тогда, когда они провоцируются внешним воздействием, т. е. когда разгневанный индивид видит перед собой объект достойный атаки или личность, которую он ассоциирует с источником фрустрации. Это утверждение и экспериментальные свидетельства, на которые оно опирается, предполагают, что разгневанный индивид склонен нападать не на любой объект в своем окружении, а только на те цели, которые он считает ответственными за свою фрустрацию. Решающим моментом является то, что проявление такой атаки является прирожденной реакцией на возникновение гнева; если атакующий причинил какой-то ущерб своему фрустратору, его гнев уменьшается, независимо даже от того, преуспел ли он при этом в снижении своей фрустрации как таковой³⁶. Если фрустрация продолжает сохраняться, агрессия, вероятно, может повториться. Если же в результате атаки она уменьшится, тенденция к повторению атаки может усиливаться, и вероятность того, что в будущем приступы гнева будут сопровождаться агрессией, возрастает.

Майер провел множество исследований, которые подтвердили тезис о том, что врожденное поведение, вызванное фрустрацией, становится для акторов самоцелью безотносительно к последующим целям и качественно отличается от целенаправленного поведения. Он полагает, что существуют четыре типа откликов, вызванных фрустрацией, включая регрессию, фиксацию, смирение (покорность), равно как и агрессию. Поведение, побуждаемое фрустрацией, отличается от целенаправленного поведения по целому ряду характеристик: оно имеет тенденцию закрепляться и становится принудительным; от него не всегда можно удержать с помощью наказания, которое вместо этого может повести к возрастанию фрустрации; оно принимает формы, наиболее доступные, и на него оказывают слабое влияние предвидимые последствия; оно является самоудовлетворяющим³⁷. Кроме того, первоначальная цель, трудности достижения которой вызвали фрустрацию, может стать irrelevantной поведению. «Агрессия становится функцией фрустрации в тех случаях, когда отклик на прежде существовавшую цель замещается поведением, находящимся под контролем совершенно иного процесса»³⁸.

Последствия угрозы-агрессии — это еще один бихевиоральный механизм, который ряд психологов трактуют как связь фрустрация-агрессия. Клиническая аргументация и данные наблюдений дают основание полагать, что чем сильнее воспринимаемая угроза жизни, тем сильнее насильственный ответ. Согласно Уэджу, «когда на карту поставлена такая ставка, как жизнь, насильственный отклик проявляется

скорее как испуг, нежели как гнев»³⁹. Обследования воздействий бомбардировок во время Второй мировой войны в японских, немецких и английских популяциях показали, что тяжелые бомбардировки, включая Хиросиму и Нагасаки, первым делом продуцируют острый приступ страха, а не гнева, но в общем случае ведут и к росту враждебности в отношении противника, а также собственного правительства, не сумевшего предотвратить бомбардировку⁴⁰. Эксперименты с животными приводят к важному выводу: события, непосредственно создающие угрозу дальнейшему существованию организмов, запускают механизмы избегания-выживания, которые могут включать в себя экстраординарное насильственное поведение. Последствия угрозы-агрессии можно интерпретировать как особый случай связи фрустрация-агрессия, как это делает Берковиц. Угроза жизни — это антиципируемая^{*} фрустрация; по мере того как возрастает степень угрозы, одновременно возрастают испуг и гнев, и степень, до которой преобладает страх, может быть «функцией осознаваемой индивидом силы, способной осуществить контроль над своим фрустратором или нанести ему ущерб, соразмерно с силой контроля или способностью фрустратора нанести вред ему, индивиду»⁴¹. Тем не менее представляется вероятным, что люди обладают фундаментальной предрасположенностью к агрессивному отклику на крайний испуг как таковой; если это так, то сам отклик может поддерживать гнев, вызванный фрустрацией, и в свою очередь поддерживаться им. Особенно релевантная связь проявляется при оценке влияния политических и военных акций в ускоренном и пролонгированном политическом насилии.

Механизмы фрустрации-агрессии и связанные с ними механизмы угрозы-агрессии дают базовую мотивационную связь между RD и потенциалом коллективного насилия. Однако они не являются несовместимыми с наличием в актах индивидуального и коллективного насилия элементов обучаемости и преднамеренности. Люди чувствуют себя обделенными в отношении того, что они приучились считать ценным, и того, что они научились делать. Верованиям (убеждениям) и символам, которые детерминируют согласованность и объекты насилия, обучаются. Если их гнев силен и постоянен, люди могут опираться на многие причины и выдумки при выборе способов его выражения с помощью насилия. Некоторые из таких людей могут приучиться ценить насилие и ради него самого. Но многое из такого процесса обучения приходит после того, как гнев уже возник; индивиды, хладнокровно

* Предвосхищаемая. — *Примеч. пер.*

применяющие насилие, используют способы, которые оказывались полезными и удовлетворяющими при ответах на прошлые фрустрации.

В большинстве вспышек коллективного насилия среди его участников существует также ясно выраженное чувство цели в том смысле, что они ожидают от насильственных акций улучшения своих ценностных позиций. Революционные лидеры направляют гнев своих последователей для достижения собственной цели — захвата власти; бунтовщики используют преимущества беспорядков, чтобы грабить продовольственные и мебельные склады; демонстранты надеются убедить своих правителей предпринять действия по исправлению существующего положения. Природа и сила этих целей являются основными детерминантами формы и тактики коллективного насилия. Но в большинстве случаев они усиливают или каналируют стимулы к насилию и нечасто выступают в качестве автономного мотива к насилию. Это утверждение высказано без попытки обосновать его, но оно поддается эмпирической проверке. Оно правильно, и связь фрустрация—агрессия является для политического насилия значимой до той степени, в которой акторы политического насилия выражают или допускают определенную степень гнева⁴².

Резюмируя сказанное, можно отметить, что первичный источник насилия представляется коренящимся в механизме фрустрации—агрессии. Фрустрация необязательно должна вести к насилию, и насилие для некоторых людей мотивировано экспектациями выгоды. Однако гнев, индуцированный фрустрацией, выступает мотивирующей силой, которая располагает человека к агрессии, безотносительно к способу ее происхождения. Если фрустрации продолжительны или ощущаются остро, агрессия возникает если не определенно, то с большой степенью вероятности. Вывод, что эта связь не релевантна индивидуальному или коллективному насилию, близок к той оценке, что закон гравитации иррелевантен теории полетов, поскольку все, что поднимается, падает обратно на землю, в соответствии с основным принципом гравитации. В этом смысле механизм фрустрации—агрессии аналогичен закону притяжения: фрустрированные люди имеют врожденную предрасположенность совершать насилие по отношению к источнику фрустрации пропорционально ее интенсивности точно так же, как объекты притягиваются друг к другу пропорционально своим относительным массам, и обратно пропорционально расстоянию между ними. В таких обстоятельствах на поведение людей и объектов оказывают влияние ряд других переменных: для людей это их убеждения и верования, их привычки и социальное окружение; для объектов в гравитационном поле это их энергии, конфигурация и свойства пространства, в котором они

расположены. Но представляется даже более легким объяснять политическое насилие без учета тех свойств людей, которые предрасполагают их к насилию, нежели сконструировать теорию полетов без учета закона гравитации. На Земле гравитацию можно считать константой; среди людей уровни фрустрации различаются в огромной степени.

Относительная депривация и аналогичные причины политического насилия

Относительная депривация, определяемая как воспринимаемое расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями, носит сущностно общий характер для того, чтобы охватывать или соотноситься с большинством из общих «предпосылок революции», идентифицируемых в других теоретических анализах. Некоторые из этих концептуальных связей рассматриваются здесь не для того, чтобы продемонстрировать, что RD — это «правильное» понятие, а другие нет, а чтобы показать, что дополнительно к ее относительно четкому определению она может синтезировать различные другие понятия.

Согласно Аристотелю, главной причиной революции является стремление к политическому или экономическому равенству со стороны людей, которым этого равенства не хватает, и стремление олигархов к еще большему неравенству, нежели то, которое уже установилось, т. е. расхождение в обоих случаях между тем, что люди имеют из политических и экономических благ в соотношении с тем, чем, как они считают, должны по справедливости обладать⁴³. Эдвардс, писавший примерно двадцатью тремя столетиями позднее, считает, что все революции обязаны своим возникновением «подавлению элементарных желаний» и что насилие в любой революции пропорционально степени такого подавления. Ощущение репрессии или «препятствия» развивается, когда «люди начинают чувствовать, что их законные стремления и идеи подавляются или извращаются, что их вполне пристойные желания и амбиции запрещаются и пресекаются...»⁴⁴. Введенное Петти понятие «спазм» также схоже с RD. Люди чувствуют «спазм», когда обнаруживают, что удовлетворение их базовых потребностей в свободе и безопасности подвергается чьему-то воздействию и более того, такое давление рассматривается как необходимое и неизбежное, а следовательно неподсудное⁴⁵.

Аналогичные понятия используются современными теоретиками. Лассуэлл и Каплан атрибутируют политическую нестабильность расхождению между ожиданиями и «степени... реализации ценностей

для масс... Именно низкая степень реализации — несоответствие между реально занимаемой ценностной позицией и ценностью требуемой и ожидаемой — оказывает наиболее прямое воздействие»⁴⁶. Золшан утверждает, что вся деятельность, включая революционную активность, начинается с «крайности», определяемой как «расхождение (для личности) между осознанно или неосознанно желаемым или ожидаемым состоянием событий и реальной ситуацией»⁴⁷. Оба этих понятия исходят из предположений о состояниях ума революционных акторов, равно как и понятия, упоминавшиеся в предыдущем параграфе. Джонсон не делает такого рода предположений, идентифицируя «выведенную из равновесия социальную систему» как необходимую предпосылку революции, подразумевая под этим макроаналитическое понятие. Однако его выражения на индивидуальном уровне анализа можно без труда интерпретировать с точки зрения RD: она устанавливает расхождения между ценностными ожиданиями людей (на коллективном уровне — их ценностными структурами) и теми средствами, которыми они располагают для получения этих ценностей (на коллективном уровне — «паттернами адаптации к окружению» социальной системы и ее способностью «выполнить функциональные требования»)⁴⁸.

Некоторые теоретики неявно используют понятия «фрустрация» или «депривация» для того, чтобы представить побуждение к коллективному насилию. Дэйвис атрибутирует революционные вспышки той фрустрации, которая проистекает из кратковременного спада в достижениях, следующего за длительным подъемом, который порождает экспектации своего продолжения⁴⁹. Подобно этому Лернер описывает разрыв между тем, чего люди хотят, и тем, что они получают, как «фрустрирование» и предполагает, что именно этот разрыв имеет революционные последствия. «Распространение фрустрации в регионах, развивающихся менее быстро, чем того хотелось бы живущим в них людям, может рассматриваться как глубокий дисбаланс между достижением и стремлением... Стремление обгоняет реальное достижение настолько далеко, что многие люди испытывают фрустрацию, даже если они имеют некоторый прогресс в продвижении к своим целям, вследствие того, что они получают гораздо меньше, чем хотелось бы»⁵⁰. Крозье говорит, что есть один элемент, общий для всех мятежей, это фрустрация, определяемая как «неспособность кого-то сделать что-то, чего он очень сильно хочет сделать, в силу обстоятельств, находящихся за пределами его контроля»⁵¹. Фейерабенды ассоциируют политическую нестабильность с агрессивным поведением, о котором говорится, что оно меняется со степенью «системной фрустрации». Степень системной

фрустрации — это отношение удовлетворения социального желания к конструкции социального желания, или, с точки зрения RD, расхождение между наличной ценностной позицией и ценностными ожиданиями⁵².

Козер связывал относительную депривацию с фрустрацией и применял эту связь к объяснению показателей самоубийства⁵³. Хозелиц и Уиллнер, расширяя различие между ожиданиями и устремлениями, связывают депривацию с потенциалом революции: «Нереализованные устремления продуцируют чувства разочарования, но нереализованные ожидания находят свой выход в ощущениях депривации. Разочарование обычно терпимо; депривация часто нестерпима. Депривированный индивид чувствует побуждение к тому, чтобы исправить какими бы то ни было доступными средствами возникшие у него материальные и психические фрустрации. Поскольку разочарование может порождать семена начинающейся революции, депривация служит катализатором революционного действия»⁵⁴.

Антропологическая литература, посвященная ответам американских индейцев на белое завоевание, также использует понятие депривации. К примеру, Нэш показывает, как может возникать депривация, будь то принятие или отвержение ценностей белых и их умений, и предполагает, что агрессивные компоненты индейской тактики выживания являются ответом на эту депривацию⁵⁵. Гешвендер относит мятеж американских негров 1960-х гг. к «относительным депривациям», определяемым в общепринятом социологическом смысле расхождения статуса в отношении референтной группы⁵⁶. Гальтунг, хотя и не пользуется понятием относительной депривации как таковым, относит агрессию внутри общества и между обществами к статусному расхождению или «неустойчивости ранга», что, в сущности, являет собой обобщенную перефразировку аристотелевского тезиса, с которого мы начали этот каталог понятий. Если люди или группы занимают высокий уровень в одном измерении стратификационной системы, но низкий в другом (например, они обладают высоким уровнем власти или образования, но низким доходом), то считается, что они склонны использовать агрессию для достижения высокой или равновесной позиции по всем измерениям⁵⁷.

Этот перечень можно было бы продолжать и расширять, но лишь с риском истрепать очевидные истины. Почти все теории, ставящие своей целью объяснить насильственное коллективное поведение, отводят центральное место переменным или понятиям, которые, как правило (и часто специфически) схожи с тем представлением о RD, которое

определено в нашей работе. Однако некоторые заметные характеристики RD необязательно инкорпорированы в эти и другие понятия. Некоторые из них, в частности те, что используют формулировки «хотеть/получать», не имеют отношения ни к законности или интенсивности ценностных экспектаций, ни к теоретической желательности принятия в расчет реальных или предвосхищаемых расхождений между целями и достижениями. Более того, в то время как многие из них определяются с помощью примеров различных социетальных и политических условий, конституирующих данную переменную или увеличивающих ее значение, только некоторые включают в себя специфические предположения о ее детерминантах, и лишь немногие предлагают какие-то категории для классификации выражения этой переменной. Наконец, многие теории не обеспечивают мотивированного объяснения для предполагаемой каузальной связи между переменными и теми событиями насилия, к которым они, как предполагается, подталкивают людей.

Существуют три понятия, часто используемые при анализе разрушительного коллективного поведения, которые не прямо аналогичны RD, а альтернативны ему:

- диссонанс;
- аномия;
- конфликт.

Не проводя оценки их аналитической полезности в других контекстах, можно предположить, что они относятся к условиям, в большей или меньшей степени специфичным, нежели RD.

Диссонанс — это понятие, широко используемое в индивидуальной психологии. Фестингер, формулируя понятие когнитивного диссонанса, выводит его из ситуации несовместимости между двумя когнитивными элементами, или кластерами этих элементов. Когнитивные элементы — «вещи, которые личность знает о себе, о своем поведении и об окружающих», — противоречивы, если составная часть одного элемента вытекает из другой⁵⁸. К примеру, о гражданине, убежденном, что его правительство начнет войну только в случае нападения на его страну, и затем узнавшем, что оно само развязало неспровоцированную войну, говорят как о человеке, испытавшем диссонанс⁵⁹. Завися от величины диссонанса, т. е. от важности или ценности для него диссонантных элементов, гражданин может изменить свои взгляды на правительство, попытаться принять меры по смене персонального состава или направления политики правительства путем политической акции или, что более вероятно в этом случае, отвергнуть обоснованность доказательств, что

война началась без повода, и принять любое доказательство провокации, пусть даже необоснованное. По влияниям диссонанса на принятие решений, податливость к восприятию информации, социальную поддержку массовых движений и процессы взаимодействия в малых группах было предложено немало гипотез и проведено эмпирических исследований⁶⁰.

Понятия диссонанса и RD не охватывают, а скорее частично перекрывают друг друга. RD воспринимается по отношению к благосостоянию друг друга, к власти и межличностным ценностным ожиданиям; диссонанс можно получить среди любого ряда когнитивных элементов, а не только тех, что относятся к ценностным благам и условиям жизни. Кроме того, лишь некоторые восприятия депривации влекут за собой диссонанс в его подлинном смысле, противоречия между когнитивными элементами. Большинство черных американцев очень хорошо знают, что их ожидания экономического и социального равенства если и будут удовлетворены, то лишь в малой степени и с большой неохотой; неудачи политической системы в проведении массовых оздоровительных акций «диссонантны» лишь для тех негров, которые твердо решили, что они будут успешны. Для огромного же большинства провал такого рода акций просто подтвердит прошлые представления и усилит неудовлетворенность. Понятия диссонанса и гипотезы представляются прямо применимыми лишь к одному частному аспекту процессов, посредством которых развивается восприятие RD: когда индивид впервые воспринимает неадекватности ценностных возможностей, которые он считал подходящими и удовлетворительными для достижения своих ценностных ожиданий, можно утверждать, что он испытывает диссонанс. Однако натиск RD через возрастание ценностных ожиданий или наличие расхождения между ожиданиями и возможностями как таковыми сам по себе еще не конституирует диссонанса, ибо, как указывает Фестингер, диссонанс возникает всякий раз, когда индивид сталкивается с сопротивлением или фрустрацией в своих попытках достичь какой-то цели⁶¹.

Аномия — в том смысле, в каком Дюркгейм употреблял это понятие в своей работе «*Самоубийство*», — это ситуация, в которой либо цели (ценностные ожидания) опережают средства, либо цели остаются постоянными, в то время как средства жестко ограничены, что очень близко к понятию RD. Более обобщенный смысл, которым Дюркгейм наделяет это понятие в книге «*Общественное разделение труда*», и которое популяризирует Мертон в своем эссе «Социальная структура и аномия», состоит в том, что аномия — это разрушение социальных

стандартов, управляющих социальным поведением, или отсутствие норм. Это специфически социологическое понятие: «Степень аномии в социальной системе определяется той степенью, до которой недостаток консенсуса по поводу норм оценивается как законный с сопутствующими ему неуверенностью и отсутствием безопасности в социальных отношениях»⁶². Выражения отсутствия внутренних норм индивидов характеризуются аномией. Розе, резюмируя литературу, идентифицирует три типа аномии:

- саму по себе слабость норм;
- наличие нескольких сильных, но конфликтующих между собой норм;
- игнорирование норм.

Все три ситуации ведут к распространению чувства неуверенности, которому в немалой степени атрибутируется девиантное поведение, включая преступность, суициды, наркоманию и гангстерское поведение. Мертон первоначально полагал, что аномия может вести к широко распространенному девиантному поведению и установлению альтернативных норм, конституирующих «мятеж». «Когда мятеж становится эндемическим для существенной части общества, он создает потенциал для революции, которая видоизменяет и нормативную, и социальную структуру». Однако позднее, кажется, не предпринималось существенных попыток связать аномию с проявлением коллективного насилия, за исключением гангстерского поведения⁶³.

Аномию можно связать с RD в том виде, как она (RD) определена здесь, двумя способами. Если групповые нормы слабы или находятся между собой в противоречии по вопросу о том, каким образом члены групп могут удовлетворять свои ценностные экспектации, это ограничивает ценностные возможности. Это в особенности относится к случаю личностных и социетальных возможностей: чем менее люди уверены в способах действия, подходящих для достижения их целей, тем больше их аномия, тем ниже ценностные возможности, тем, следовательно, больше RD. Следует отметить, что люди могут испытывать отсутствие норм или нормативный конфликт, находясь в любой социальной роли и вне социальных ролей, как, например, подчиненные в системе авторитарных отношений или как пассажиры в полете реактивного самолета. Таким образом, аномия конституирует или увеличивает RD только в тех случаях, когда она имеет отношение к нормам в нормативно-поддерживающей и нормативно-усиливающей деятельности.

Можно также утверждать, отчасти на основе теории когнитивного диссонанса, что ряды внутренне совместимых норм поддаются внутренней оценке и что поэтому разрушение нормативных систем конституирует RD по отношению к «когерентным» ценностям. Аргумент состоит не в том, что каждый, кто страдает от аномии, вследствие этого испытывает депривацию, а в том, что RD испытывают те личности, которые однажды приняли внутренне совместимый ряд норм в качестве ценностных проводников к действию, а впоследствии почувствовали, что эти нормы подверглись серьезному сомнению или даже пересмотру, не получив замены в виде другого внутренне согласованного ряда норм. В этом случае депривация проистекает из утраты ценностей, т. е. снижения ценностной позиции по отношению к идеациональному согласованию категории личностных ценностей. Однако в аномическом обществе найдется, вероятно, немало людей, которые никогда не обладали единственным совместимым, не вызывающим сомнений, рядом норм. Никогда не обладая согласованным рядом норм, они с меньшей вероятностью испытают неудовлетворенность при неудачах по сравнению с теми, кто ощущает утрату сильно действующих норм или угрозу такой утраты.

Наиболее мощное воздействие аномии на RD — это ее влияние на ценностные возможности. Являются ли нормативные системы внутренне оцениваемыми в том смысле, что оцениваются экономические блага, безопасность и статус, — это эмпирический вопрос, прямой ответ на который дается путем выяснения степени, до которой угроза системе норм возмущает людей. В общем случае аномия и аномические понятия соотносятся с RD способом, сравнимым с диссонансом: они перекрываются с RD, но не могут быть ни отнесены к его категории, ни инкорпорировать в себя большинство его аспектов.

Конфликт в его коллективном смысле определяется иногда как условие, иногда как процесс, иногда как событие. Гальтунг определяет его как условие следующим образом: «О системе деятельности говорят, что она находится в состоянии конфликта, если система имеет два или более несовместимых состояния целеполагания»⁶⁴. Козер первоначально определяет его как процесс, «борьбу за ценности и требования недостающего статуса, власти и ресурсов, в которой цели оппонентов состоят в том, чтобы нейтрализовать, ограничить своих соперников или нанести им вред»⁶⁵. В общепринятом употреблении конфликт — это событие, насильственное или ненасильственное столкновение между

* Здесь — согласованным. — *Примеч. пер.*

двумя группами. По любому из первых двух определений конфликт имеет более близкое сходство с RD, нежели диссонанс или аномия⁶⁶. Одно из отличий состоит в том, что RD относится к состояниям индивидуального сознания и распределению их в коллективе, в то время как социальный конфликт обычно трактуется как свойство коллективностей безотносительно к проявлениям сознания втянутых в него индивидов. Гальтунг идентифицирует более важное различие: «Конфликт необходимо... отличать от *фрустрации*, представляющей собой более общий случай, когда не достигаются цели (не удовлетворяются потребности, не получается удовольствие и т. д.) по определенным причинам. Очень простым случаем такого рода является голод... Другой простой случай — когда нечто *блокирует* доступ к источнику удовольствия... Но наиболее важным особым случаем... является такой *конфликт*, где усилия, направленные на получение какой-то ценности могут рассматриваться как источник фрустрации»⁶⁷.

Конфликт, определяемый как условие, — это особый случай RD, в котором источником расхождения между ценностными ожиданиями и возможностями выступает другая группа, конкурирующая в достижении каких-то ценностей. *Конфликт, определяемый как процесс*, связан с взаимодействием между группами в соответствующих попытках облегчить RD.

Понятие конфликта является менее подходящим и менее удобным для анализа политического насилия, нежели RD, по ряду причин. Одна из них состоит в том, что в своих сопутствующих значениях оно через определение некоторых переменных уже содержит в себе то, что этот анализ предлагает объяснить. Я надеюсь рассмотреть формы и степени политического конфликта, предложив некоторые общие для них детерминанты, а не «объяснять» их, определяя в качестве конфликта. Кроме того, конфликт, определяемый как условие, при котором группа X обладает тем, чего желает группа Y, относится к частному типу RD, но никоим образом не исчерпывает RD. RD связана с любым коллективно ощущаемым расхождением между искомой и достигаемой ценностной позицией, независимо от того, обладает ли какая-то другая группа искомой ценностью и пытается ли группа Y отнять ее у группы X. Существуют психологические основания, изложенные в предыдущем разделе, для ожидания того, что из любого RD может проистекать коллективное насилие, достаточно обширное по масштабам и интенсивности. Представляется также очевидным, что многие акты политического насилия, в частности, революционные движения, включающие в себя не столько борьбу за ценности, сколько требования реформирования

системы с тем, чтобы можно было создавать новые ценности. В этой связи одна из трудностей, возникающих, если трактовать политическое насилие как конфликт, состоит в том, что таким образом предполагается, что политическое насилие влечет за собой борьбу за дефицитные ценности — предположение, которое исключает изучение других причин.

Одно из последних ограничений использования теории конфликта для наших целей — это различие, обычно проводимое теоретиками конфликта между тем, что именуется «реалистическим» и «нереалистическим» конфликтом (Козер), или «рациональным» и «нерациональным» конфликтом (Шеллинг), или «деструктивным поведением» и «конфликтным поведением» (Гальтунг). Сущность этих различий состоит в разграничении действий, инструментальных для обеспечения достижения искомых ценностей, и действий деструктивных, предпринимаемых ради них самих. Аналитическая польза такого разграничения не подвергается сомнению; что сомнительно — так это попытки объяснить политическое насилие с использованием теоретических подходов, которые предполагают, что только инструментальные проявления насилия релевантны и подлежат анализу. Среди других теоретиков конфликта Козер и Гальтунг признают, что в большинстве конфликтов имеют место оба элемента. Козер критикует других за неспособность уяснить, что «конфликт может быть мотивирован двумя различными и все же связанными между собой факторами — реалистической конфликтной ситуацией и аффективным вкладом в нее...». Аналогично Гальтунг выдвигает теоретическое положение, которое лежит в основании всей дискуссии: «Конфликтное поведение имеет тенденцию стать деструктивным поведением (благодаря своему фрустрационно-агрессивному циклу), а деструктивное поведение имеет тенденцию стать самоподдерживающимся»⁶⁸.

Вопреки этому признанию, большинство понятий и гипотез теории конфликтов связаны с инструментальностью борьбы. Этот анализ придает вес и своим нерациональным источникам и проявлениям.

Паттерны относительной депривации

Со статической точки зрения RD — это расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными достижениями, его интенсивность и масштабы доступны определению в любой популяции путем использования опросов и других методик. Динамический анализ потребует инструментария, который принимает в расчет изменения в ценностных ожиданиях и ценностных возможностях. Можно начать с предположения, что

вследствие того, что RD представляет собой психологически некомфортабельное условие, люди склонны на протяжении длительных промежутков времени приспособлять свои ценностные экспектации к ценностным возможностям. Следовательно, социетальные условия, в которых искомые и достигаемые ценностные позиции находятся в приблизительном равновесии, могут рассматриваться как «нормальные», однако не всегда имеющие место в современном мире и образующие некую среднюю линию, от которой и производится оценка паттернов изменения. Можно определить три различных паттерна нарушения равновесия:

- 1) **убывающая депривация**, при которой групповые ценностные экспектации остаются относительно постоянными, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся;
- 2) **устремленная депривация**, при которой возможности относительно статичны, в то время как экспектации возрастают или интенсифицируются⁶⁹;
- 3) **прогрессивная депривация**, при которой наблюдается существенное и одновременное возрастание экспектаций и снижение возможностей.

Все три паттерна упоминались в качестве каузальных или предрасполагающих факторов политического насилия.

Рис. 1. Убывающая депривация

Модель, графически изображенная на рис. 1, представляет условия, при которых групповой консенсус относительно законно ожидаемых ценностных позиций с течением времени меняется слабо, а средний уровень доступных ценностных позиций существенно понижается.

В таких обстоятельствах люди испытывают раздражение вследствие потери того, что когда-то имели или, как они считают, могли бы иметь; они испытывают RD относительно прошлых условий жизни. Ценностная позиция общества в целом может падать вследствие снижения производства материальных благ, снижения способности политической элиты обеспечить порядок или устранить кризис, вмешательства иностранного правления, а также потерь в социальной интегрирующей системе убеждений и сопутствующих норм деятельности. Ценностные возможности могут также падать в одном или более сегментах общества вследствие того, что их члены проиграли в абсолютном выражении в борьбе с другими группам за недостающие ценности. Примеры включают в себя воздействие прогрессивного налогообложения богатых и регрессивного налогообложения бедных; утрату политического влияния элитой и оппозиционными группами, недавно отстраненными от политической деятельности; снижение статуса и влияния, ощущаемое группами среднего класса по мере возрастания статуса групп рабочего класса. Ценностная позиция или потенциал конкретной группы также могут рассматриваться как приходящие в упадок не вследствие какого-либо сокращения или перераспределения общей суммы доступных ценностей, а вследствие сокращения числа возможностей, например, в сфере занятости для работников неквалифицированного труда в высоко индустриализированных обществах, и недостатка устойчивых общинных связей у мигрантов, недавно прибывших в город из сельской местности. Систематизация источников снижения ценностных возможностей более детально рассматривается в главе 5.

Ряд теоретиков относят политическое насилие полностью или частично на счет убывающей депривации. О революциях, которые Аристотель считал характеристикой и демократий, и олигархий, говорилось, что они отчасти являются результатом такого типа деприваций. «Главная причина революций в демократиях — это несдержанное поведение демагогов, которое заставляет имущий класс объединяться, отчасти путем выдвижения обвинений против конкретных личностей... а отчасти путем возбуждения против них масс как против целого», тогда как в олигархиях в качестве одной из общих причин революции рассматривается подавление масс олигархами⁷⁰. В демократиях существует угроза относительно высокой ценностной позиции олигархов, в олигархиях — это устойчиво низкая ценностная позиция масс. В 1925 г. Сорокин выдвинул общий тезис о значении «репрессий» в генезисе революции, оказавший влияние на ряд более поздних авторов. Непосредственной причиной революции, писал он, «всегда является рост

“репрессии” основных инстинктов у большей части общества и невозможность получения для этих инстинктов необходимого минимума удовлетворения». Если испытываемое множеством людей желание пищи «репрессируется» голодом, происходят восстания. Если рефлекс индивидуального самосохранения «репрессируются» деспотическими экзекуциями, общей войной или терроризмом, результат будет тем же. Другие репрессируемые инстинкты, которые подталкивают людей к насилию, включают в себя коллективное самосохранение, желание обладать жильем, инстинкты собственности и самовыражения и т. д.⁷¹ Аналогичны взгляды Маркса. Маркс и Энгельс указывали на неминуемый рост глубокой неудовлетворенности пролетариата как следствие абсолютных деприваций или репрессий, которые могут находить следующие выражения:

- разрушение гордости рабочего класса путем подчинения его машине и рынку;
- экономическая депривация вследствие минимизации оплаты труда и отсутствия гарантий занятости, которые неизбежны при кризисах экономической системы;
- репрессивные меры со стороны буржуазного государства.

Убывающая депривация, вероятно, в наибольшей степени распространена в традиционных сегментах переходных обществ. Природные бедствия в традиционных обществах дают толчок коллективному насилию, как отмечает Кон в своем исследовании интенсификации движения миллениарианства^{**} в средневековой Европе: «Снова и снова обнаруживается, что конкретные вспышки революционного хилиазма были направлены против предпосылки бедствия: эпидемий чумы, которые предшествовали Первому крестовому походу и движениям флагеллянтов в 1260, 1348–1349, 1391 и 1400 гг... Наиболее мощная волна хилиастического^{***} возбуждения, которая охватила все общество,

* В смысле — подавления. — *Примеч. пер.*

** *Millenarianism* — в христианстве вера в то, что Мессия через тысячу лет (*миллениум*) вернется, породила множество социальных движений среди бедноты. С точки зрения социологов, *миллениарианистское* движение — это коллективное светское движение, обещающее тотальное социальное изменение с помощью сверхъестественных средств. Миллениарианизм в Европе расцвел между XI и XVI вв. среди тех, кто был лишен привилегий, например, среди анабаптистов. — *Примеч. пер.*

*** *Chiliasm* — еще один из вариантов наименования миллениарианистских движений (от греч. *chiliás* — тысяча). — *Примеч. пер.*

была ускорена самым универсальным бедствием средних веков — Черной Смертью...»⁷².

Хобсбом утверждает, что социальный бандитизм был наиболее распространен в докапиталистических крестьянских обществах Южной Европы, «когда было разрушено их традиционное равновесие; на протяжении и после периодов ненормальных лишений, таких как голод и болезни, или в моменты, когда челюсти современного динамичного мира вцеплялись в эти статичные общины для того, чтобы разрушить и трансформировать их»⁷³. Такие непреодолимые события навязывали убывающие депривации и вели к бандитизму крестьян, которые не обладали никакими эффективными способами политической агитации, т. е. не располагали никакими политическими возможностями. Такое же воздействие оказывала на западные народы деятельность отчужденной власти. Капитализм в той или иной степени разрушал межличностные связи, подрывал трайбалистскую^{*} и иные традиционные авторитарности. Межличностные и властные депривации навязывались многим народам одновременно с разрушением традиционных ценностных возможностей, особенно политических. Такие условия часто генерировали традиционалистское сопротивление, которое впоследствии трансформировалось в националистические мятежи⁷⁴.

Убывающая депривация может быть менее распространенной по сравнению с другими формами RD в обществах, подверженных социально-экономическим преобразованиям, но это не частое явление, и оно может иметь опасные последствия. Огромные человеческие и материальные жертвы русского народа на протяжении Первой мировой войны создали базовый потенциал для первой Русской революции; отказ режима Керенского положить конец участию России в войне прямо привел к захвату власти большевиками и косвенно — к последовавшей за этим гражданской войне. Почти все анализы послевоенных фашистских движений делают акцент на абсолютных депривациях, которые мотивировали большинство их приверженцев. В сравнительном исследовании фашистских движений в девяти странах Карстен приходит к выводу, что «определенные социальные группы гораздо сильнее других откликнулись на фашистские призывы. Это особенно верно в отношении тех, кто подвергался угрозе или искоренению вследствие социальных и экономических изменений, чьи позиции в обществе были подорваны, кто утратил свое традиционное место и был напуган будущим. Они были выше во всех сегментах, расположенных ниже средних классов...

* Родоплеменную. — Примеч. пер.

Может быть, даже более важную роль на ранних этапах играли бывшие офицеры Первой мировой войны, которые не могли рассчитывать ни на какую работу, которые привыкли к применению насилия и ощущали себя лишенными своего «законного вознаграждения»⁷⁵.

Аналогично звучит социально-психологический анализ корней нацизма, проведенный Кантрилом. Нацизм, как движение, имел успех вследствие того, что «старые нормы, старые культурные стандарты больше не могли обеспечивать основания, необходимого для удовлетворения адаптации индивидов, которые компоновали культуру». Убывающая депривация была интенсивной для различных групп по многим ценностям; имела место экономическая нужда, многие люди страдали от снижения статуса, и большинство испытывали глубокое ощущение отсутствия личных гарантий безопасности вследствие дезинтеграции и социальных структур, и нормативных систем⁷⁶.

Любое абсолютное снижение ценностных позиций или ценностного потенциала социальной группы конституирует убывающую депривацию, и можно было бы дополнительно привести множество примеров политического насилия, атрибутивного этому паттерну RD. Некоторые из них рассматриваются в главе 5. Несмотря на значительное внимание, уделяемое в современном социальном анализе «революциям возрастающих экспектаций», рассматриваемым ниже, на протяжении длительного периода человеческой истории убывающая депривация стала, вероятно, более распространенным источником коллективного насилия, нежели любой другой паттерн RD. И можно предполагать, что убывающая депривация данной степени провоцирует людей к более интенсивному насилию, нежели эквивалентный уровень устремленной депривации. Вероятно, люди склонны к более сильному возмущению, когда они теряют то, что имеют, нежели в том случае, когда они теряют надежду на получение того, что они еще не имели.

Устремленная депривация

Модель устремленной депривации, изображенная на рис. 2, характеризуется возрастанием ценностных экспектаций без сопутствующего изменения в ценностной позиции или потенциале. Те, кто испытывает устремленную RD, не предвидят или не испытывают значительной потери того, чем они обладают; они приходят в раздражение от ощущения того, что не располагают средствами для достижения новых или возрастающих экспектаций. «Рост ценностных экспектаций может отражать запрос все большего количества материальных благ и большей степени политического порядка и справедливости. Это может быть запрос

новых ценностей, какими никогда прежде не обладали, таких как политическое участие для жителей колоний и личное равенство для представителей низших классов и кастовых групп. В-третьих, это может представлять собой интенсификацию (или усиление) претензий на ценностную позицию, которой раньше добивались слабо, например интенсификацию запросов на предметы роскоши среди тех, кто испытывает упадок общинной жизни на ранних этапах модернизации, и интенсификацию требований на доступ к позициям политической элиты среди восходящих слоев буржуазии в Европе XVII и XVIII вв. Степень и отчетливость ценностных экспектаций очень часто возрастают одновременно, но необязательно в тесной связи между собой. Например, современные запросы черных американцев на социальное равенство, сравнимые с требованиями, выдвигавшимися в 1940-х гг., являются отражением возрастания отчетливости статусных ценностей среди негров, сдвига от едва ощутимых стремлений к равенству к интенсивно возрастающему убеждению, что они заслуживают равенства здесь и сейчас, — опережающего возрастание степени искомого равенства.

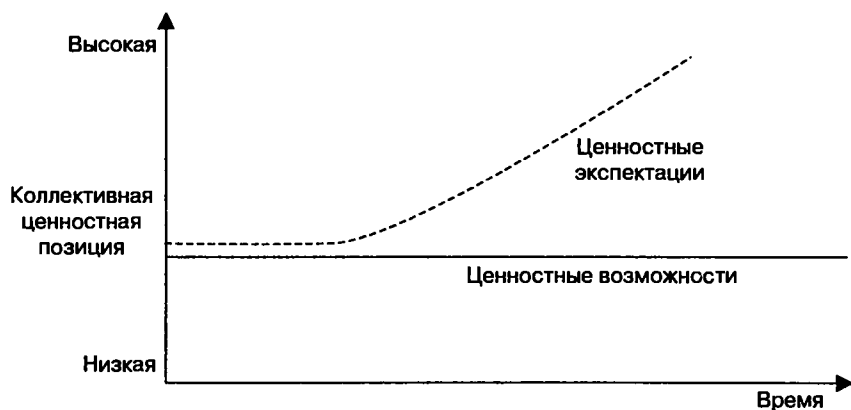

Рис. 2. Устремленная депривация

Многие из источников возрастания ценностных экспектаций идентифицируются в исследованиях RD и политической нестабильности. Для некоторых традиционных народов простой показ лучшего в материальном смысле образа жизни или знание о нем предполагают возрастание экспектаций. В Европе периода средневековья и раннего Возрождения рост индустриальных и коммерческих центров демонстрировал новые возможности, лежащие за пределами того, что могла предоставить жизнь крестьянина. Новые способы достижения этих возможностей

привлекали отчасти избыточное население, но также и тех, кто был по тем или иным причинам не удовлетворен жизнью в феодальном поместье. «По мере расширения социальных и экономических горизонтов, нужда, нищета и зависимость переставали быть неминуемой долей простого люда»⁷⁷. Особый случай демонстрации возможностей — это «относительная депривация» в узком смысле слова, т. е. размещение ценностных экспектаций по отношению к более высоким ценностным позициям какого-то другого индивида или группы. В частности, повышение уровня экспектаций нередко ускоряется демонстрацией примера других групп, положение которых улучшается, в то время как положение собственной группы остается без изменений. Брган наблюдал, как новые способы и новые богатства, порождаемые Индустриальной революцией пробуждали революционный пыл у многих интеллектуалов. Люди, подобные Фридриху Энгельсу, «были шокированы тем парадоксом, что средства благосостояния возрастали, и что прибыли этих благосостояний все более и более вознаграждались»⁷⁸. Расхождение между относительной долей благосостояния, которой обладает индивид или группа, власти и межличностных ценностей также особым образом соотносятся многими теоретиками с политическим насилием, и среди них Аристотель, который писал, что источником предрасположенности к революции «является стремление к равенству, провоцирующее людей к мятежу, когда они полагают, что обладают малой долей... даже если эта доля равна той, что есть у немногих привилегированных, и именно стремление к неравенству или, другими словами, — к превосходству провоцирует к мятежу олигархов, когда они считают, что, несмотря на наличие неравенства, их доля не больше, чем у других, а равна ей или даже меньше»⁷⁹.

Эти и другие условия, которые возносят уровни экспектации за пределы возможностей людей и, следовательно, побуждают их к применению коллективного насилия, более глубоко изучаются в главе 5. Некоторые сравнительные эффекты новых убеждений и идеологий рассматриваются в главе 7.

Прогрессивная депривация

Третий паттерн RD, изображенный на рис. 3, — это обобщенная версия модели, предложенной Дэйвисом, который относит ее к гипотезе так называемой «J-кривой»: революции с наибольшей вероятностью происходят тогда, когда продолжительный период экономического и социального восходящего развития сменяется периодом резкого изменения его направления на обратное⁸⁰. Его можно рассматривать как особый

случай устремленной RD, при котором долгосрочное, более или менее устойчивое улучшение ценностных позиций людей порождает у них экспектации продолжения улучшения. Если ценностные возможности стабилизируются или начинают снижаться после такого периода улучшения, результатом этого становится RD. Этот паттерн наиболее распространен в обществах, претерпевающих одновременные системные и идеологические изменения. Такое воздействие может оказать экономическая депрессия в растущей экономике. То же самое относится к артикуляции идеологии модернизации в обществах, обладающих структурной ригидностью, которая препятствует выходу ценностной экспансии за пределы заданных рамок. Эта модель может быть также использована для классификации некоторых теорий революции, использующих понятие «социального изменения», которые в общей их форме постулируют, что политическое насилие является следствием снижения отзывчивости социальных структур, убеждений, норм или всех их вместе взятых на объективно происходящие изменения.

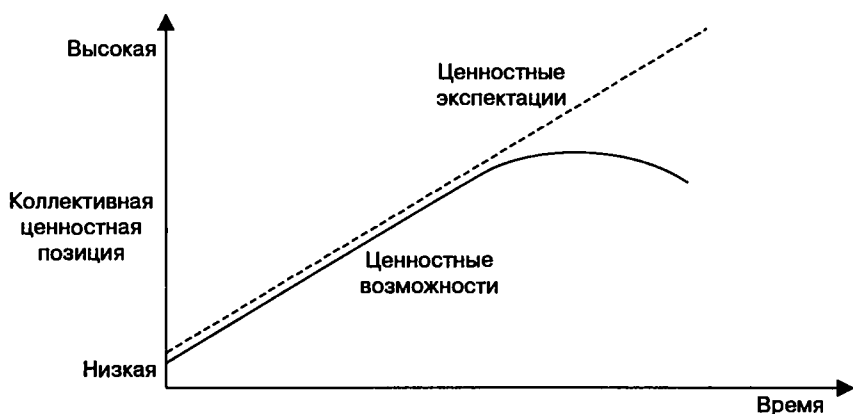

Рис. 3. Прогрессивная депривация

Дэйвис подчеркивает, что революционное состояние сознания требует «продолжительной, даже привычной, но динамичной экспектации более обширных возможностей для удовлетворения базовых потребностей», под которыми он подразумевает все типы ценностей — физических, социальных и политических. Кроме того, требуется «постоянная, неослабевающая угроза удовлетворению этих потребностей: не та угроза, которая реально возвращает людей в явное состояние борьбы за выживание, а та, что приводит их в ментальное состояние убежденности, что они не могут удовлетворить одну или более из своих базовых

потребностей... Решающим фактором является смутный или конкретно осознаваемый страх, что фундамент, создававшийся в течение длительного времени, будет утрачен».

Политическая система воспринимается как источник таких страхов; они генерируются, «когда существующее правительство подавляет или обвиняется в подавлении таких возможностей»⁸¹. В поддержку этого тезиса Дэйвис идентифицирует «J-кривую» паттерна прогресса, сопровождаемого относительным спадом, в кейз-стади предпосылок ряда революций и бунтов, включая Французскую, Русскую и Нацистскую революции, Американскую гражданскую войну и Египетскую революцию 1952 г. Он показывает, например, что восстание Дорра на Род-Айленде в 1842 г. произошло после сорокалетнего периода улучшения экономических условий и расширения политических прав. Экономическая депрессия 1835–1840 гг. и отказ олигархического правительства удовлетворить требования дальнейшего расширения прав привели к разработке проекта Народной конституции, попытке захвата государственных зданий и спорадическим вспышкам насилия. Свидетельством наличия паттерна прогрессивной депривации в экономическом статусе американских негров относительно белых. Доходы негров относительно доходов белых в сопоставимых единицах быстро выросли в направлении уравнивания между 1940 и началом 1950-х гг., а затем эти темпы начали уменьшаться, так что к началу 1960-х была утрачена половина прироста предшествующего периода⁸². По терминологии этого исследования оба кейза характеризовались возрастанием ценностных экспектаций, приведенным в движение продолжительным опытом повышения ценностных позиций. Снижение возможностей, проявившееся в нежелании политиков расширить политические права, в экономическом спаде создали базовые условия, необходимые для вспышки насилия.

Имеет сходство с аргументацией «J-кривой» и предложенное Ле Вайном объяснение неорганизованного насилия африканских колониальных народов, направленного против их правителей. Об этих беспорядках говорится, что они являлись следствием психологического конфликта, возникшего в результате поощрения экспектаций самоуправления со стороны колониальной администрации, заявленного в их политике и практической деятельности, но впоследствии сменившегося другой политикой, которая, как считали африканцы, приходила в столкновение с достижением этих экспектаций. Ле Вайн описывает семь случаев, которые подтверждают эту гипотезу⁸³. Гипотеза «J-кривой» подразумевает также в той интерпретации, которую Дейч приводит для объясне-

ния связи между способностями правительств и политической стабильностью в обществах, находящихся на ранних и средних этапах модернизации. Возрастание возможностей как объект правительственной политики требует усиления мобилизации граждан на участие в рыночной экономике и политической жизни. «Однако такая мобилизация сопровождается возрастанием потребностей и экспектаций, которые не должны быть фрустрированы, если желательно сохранить стабильность». Чтобы сохранить стабильность, т. е. минимизировать RD и последующее побуждение к насилию, производительность должна продолжать расти. Дейч приводит только два типа возрастания производительности: увеличение дохода на душу населения и расширение правительственной деятельности, но его аргументацию легко распространить и на другие классы ценностей⁸⁴.

Прогрессивная RD является общей темой во многих старых и новых теориях, которые атрибутируют революционный потенциал общему социальному изменению. Некоторые версии этих теорий подчеркивают структурную негибкость, т. е. неспособность социальных и политических институтов адаптировать свое производство ценностей к изменяющимся условиям. Йодер, например, полагает, что изменение в социальной жизни непрерывно и что организованная группа должна — и обычно делает это — приспосабливаться к изменениям ситуации, происходящим вследствие изобретений, открытий, культурных контактов и т. д. Однако в некоторых случаях группы внутри общества желают сохранения старого порядка — «традиционных институтов, испытанных временем обычаев, нравов», даже если они нерелевантны нынешним обстоятельствам⁸⁵. Разработанная Джонсоном теория социал-дисфункции источников политического насилия принадлежит к тому же жанру, хотя ее словарь более современен. Одним из условий революции является выведение социальной системы из равновесия, т. е. расхождение между структурой убеждений в обществе и разделением труда в нем, которое может быть результатом любой комбинации внутренних сил или внешних изменений в ценностях или технологиях. Второе необходимое условие — это отказ («непримиримость») элиты предпринять действия, направленные на уменьшение нарушения равновесия (разбалансировки). Следствием этого становится потеря элитой авторитета и возлагание ею надежд на укрепление своих позиций с помощью силы. Достаточной причиной революции в такой ситуации является «акселератор (ускоритель) дисфункции», любое условие, которое снижает способность элиты к осуществлению контроля над ее вооруженными силами⁸⁶.

Эти и другие теории социального изменения имеют отношение к системам, которые оказались способны адаптировать производство ценностей к изменяющимся требованиям окружения и к изменяющимся ценностным ожиданиям людей до какого-то момента времени, но постепенно или внезапно утратили свои адаптивные способности. В обществах, испытавших позитивное социальное изменение, условия, описанные в этих теориях, соответствуют «J-кривой» или модели прогрессивной депривации. Суть в том, что модель RD в общем соответствует многим абстрактным теориям предпосылок политического насилия.

Модели RD: некоторые свойства и применения

Ни одна из моделей RD не является неперменной характеристикой какого-то конкретного типа общества, хотя в абсолютном выражении убывающую RD можно обнаружить в статичных обществах, в то время как устремленная и прогрессивная RD чаще проявляются в обществах, подверженных существенным социоэкономическим изменениям. Однако в любом данном обществе в любое заданное время имеется вероятность того, что определенные группы испытывают RD каждого из типов. Кроме того, некоторые группы могут испытывать RD относительно различных классов ценностей. Например, большие сегменты рабочего класса в европейских странах, потерпевших поражение в I Мировой войне, испытывали одновременно убывающую депривацию относительно ценностей безопасности и участия и прогрессивную депривацию ценностей благосостояния. Выявление полного профиля RD в обществе потребует определения протяженности и паттернов RD относительно каждого класса ценностей для каждой из важных социоэкономических групп.

Одно из операциональных применений RD состоит в том, что оно облегчает систематизированные выводы о воздействиях в различных индексах экономического и политического действия. Примеры этому дают индикаторы экономического действия и фискальной деятельности правительства. Вместо обращения к выводам об экономической неудовлетворенности, основанным на таких показателях, как доход на душу населения в стране X по сравнению со страной Y или их относительных показателях роста, это можно было бы сделать более точно на основе таких паттернов, как кратковременное падение производства (убывающая депривация) и кратковременное изменение инфляции, цен на товары или общей продуктивности относительно показателей в более отдаленном прошлом (убывающая или прогрессивная RD).

Данные о расположенных во времени рядах зарплаты и жалования различных групп занятости, доступных многим современным и некоторым модернизирующимся обществам, позволяют сделать выводы о благосостоянии и некоторых примерах статусного RD. Можно также систематическим образом исследовать основания условий, связанных с возрастанием экспектаций, такие как показатели роста образования и грамотности, оповещение о программах реформ, формулировка политическими лидерами идеологий модернизации и мобилизации прежде безучастных граждан для целей политической и ассоциативной деятельности. Чтобы оценить эффекты правительственного воздействия, можно изучать изменение равновесия за период, прошедший между принятием ценностно-депривирующих и ценностно-удовлетворяющих решений, уделяя особое внимание относительным возрастаниям в прошлом. Можно также сделать выводы о межличностной RD из изменений во времени условий, различающихся по уровням внутренней миграции, религиозности, изменений и расстановки групп занятости и источников происхождения элитных групп. Здесь не рассматриваются процедуры принятия систематизированных сравнительных заключений такого рода; примеры некоторых из них излагаются в других опубликованных исследованиях⁸⁷.

Тремя предложенными моделями RD не исчерпываются все логически возможные связи между ценностными экспектациями и ценностными возможностями⁸⁸. Снижающиеся экспектации можно было бы обнаружить, к примеру, среди дисциплинированной колониальной элиты, которая могла рассчитывать лишь на постепенную утрату своего политического влияния на туземных правителей, или среди членов миллениариантской религиозной группы, которые ожидали ухудшения социального порядка и крушения его как прелюдии к наступлению нового порядка. Чем-то более распространенным может оказаться «буйный и разгульный» ряд ожиданий относительно ценностных удовлетворений, например в некоторых традиционных обществах, находящихся под гнетом тоталитарных режимов, и, может быть, среди некоторых групп и отдельных индивидов в модернизированных обществах. Покорное ожидание «времени бедствий», наступающего вслед за смертью короля, было распространено в тропической Африке так же, как и в средневековой Европе. Те, чьи средства пропитания зависят от земли, склонны вырабатывать подобную терпимость к капризам погоды: два года благоприятной погоды и один неурожайный год — таковы привычно сменяемые циклы сезонных условий. Племя Бемба на юге Центральной Африки, подобно многим другим людям, живущим на пределе

средств существования, строят свой образ жизни вокруг цикла, состоящего из девяти месяцев изобилия, за которыми следуют три месяца голодного сезона⁸⁹. Но во всех таких циклах имеется элемент предсказуемости, и если предсказуемость исчезает, вероятным результатом этого становится возникновение и нарастание RD. Если, к примеру, условия в таком цикле ухудшаются и остаются плохими, результатом становится убывающая RD; а если ценностные позиции стабилизируются на уровне, существенно превышающем ожидаемый от наступления следующего циклического спада, любой последующий спад будет, вероятно, генерировать потенциал для насильственного протеста.

В начале дискуссии о моделях RD предполагалось, что на протяжении длительного периода ценностные экспектации имеют тенденцию адаптации к своим ценностным возможностям; расхождения, вызываемые возрастающими экспектациями или снижающимися возможностями, носят временный характер. В конечном счете люди коллективно добиваются повышения своих ценностных возможностей или же, если их обстоятельства не поддаются изменению, снижают свои экспектации. Однако для интенсивных экспектаций это «в конечном счете» может измеряться годами, десятилетиями и даже поколениями, которые, вероятно, могут быть охарактеризованы как конструктивной, так и деструктивной борьбой. Некоторые из переменных, которые воздействуют на постоянство RD и типичные модели ответа на нее, рассматриваются в последующих главах. Если попытаться резюмировать в одном единственном предложении выдвинутую в этой главе аргументацию, то можно сказать, что люди быстро устремляются за пределы социальных средств, которыми они располагают и быстро впадают в гнев, когда эти средства оказываются неадекватными, но они медлительны в признании своих ограничений.

Примечания

¹ Краткое введение в нейрофизиологическую литературу и в интерпретацию ее приложений к мотивации дается в работе *Hadley Cantril*, «Sentio, ergo sum: Motivation Reconsidered», *Journal of Psychology*, LXV (January 1967), 91–107. Системы влечений были определены нейрофизиологами в 1950-х гг. и подвергались идентификации и изучению как для человека, так и для других млекопитающих.

² *Cantril*, p. 99.

³ Основные свойства агрессии, индуцированной фрустрацией, рассматриваются в работах: *Norman R. F. Maier*, *Frustration: The Study of Behavior Without a Goal* (New York: McGraw-Hill, 1949); *Leonard Berkowitz*, «The Concept of

Aggressive Drive: Some Additional Considerations», in Leonard Berkowitz, ed., *Advances in Experimental Psychology*, Vol. II (New York: Academic Press, 1965), 307–322. Они, подобно побудительным системам, вообще представляются характеристикой человека и высокоорганизованных животных.

⁴ Большое значение различию между реалистичным и нереалистичным конфликтами придается в *Lewis Coser, The Functions of Social Conflict* (New York: The Free Press, 1956), 48–55 и всюду. Это различие обычно проводится в теории конфликта, как указывается в *Raymond W. Mack and Richard C. Snyder, «The Analysis of Social Conflict: Toward an Overview and Synthesis», Journal of Conflict Resolution*, I (June 1957), 221–248.

⁵ *W. C. Runciman, Relative Deprivation and Social Justice* (Berkeley: University of California Press, 1966), 9.

⁶ См. примеч. 27, глава 1.

⁷ См., напр.: *Runciman, II, ff*; *David F. Aberle, «A Note on Relative Deprivation Theory», in Sylvia L. Thrupp, ed., Millennial Dreams in Action: Essays in Comparative Study* (The Hague: Mouton, 1962), 209–214; *Gordon Rose, «Anomie and Deviation: A Conceptual Framework for Empirical Studies», British Journal of Sociology*, XIII (September, 1962), 210–227; а также литература по статусной несовместимости, начиная с *Gerhard Lenski, «Status Crystallization on Social Status», American Sociological Review*, XIV (August 1954), 405–413.

⁸ *Aberle*, 209.

⁹ Следуя употреблению этого понятия в *Harold Lasswell and Abraham Kaplan, Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 55–56.

¹⁰ Суммарно перечисленных и обсужденных в работе: *James C. Davies, Human Nature in Politics* (New York: Wiley, 1963).

¹¹ *Maslow*, passim; *Davies*, 53–60.

¹² *Bert Hoselitz and Ann Willner, «Economic Development, Political Strategies and American Aid», in Morton A. Kaplan, ed., The Revolution in World Politics* (New York: Wiley, 1962), 363.

¹³ *Aberle*, 210.

¹⁴ *Runciman*, 10.

¹⁵ Соответствующая техника интервью — самозакрепляющая шкала использована в *Hadley Cantril, The Pattern of Human Concerns* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1965).

¹⁶ *William Brink and Lois Harris, Black and White: A Study of U.S. Racial Attitudes Today* (New York: Simon and Schuster, 1967), 266.

¹⁷ *David Schwartz, «Political Alienation: A Preliminary Experiment on the Psychology of Revolution's First Stage», paper read at the Annual Meeting of the American Political Science Association* (1967).

¹⁸ Части этого раздела впервые опубликованы в *Ted Gurr, «Psychological Factors in Civil Violence», World Politics*, XX (January 1968), 247–251.

¹⁹ См., напр.: *Kurt Riezler*, «On the Psychology of the Modern Revolution», *Social Research*, X (September 1943), 320–336; *Donald J. Goodspeed*, *The Conspirators: A Study of the Coup d'Etat* (New York: The Vilking Press, 1962).

²⁰ Недавнее исследование такого типа *E. Victor Wolfenstein*, *The Revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Ghandi* (Princeton: Princeton University Press, 1967).

²¹ Ниже обсуждаются последствия угрозы агрессии.

²² *Konrad Lorenz*, *On Aggression* (New York, Harcourt, Brace and World, 1966), chap. 4, quotation from xii. Об агрессивном инстинкте у человека и животных обычно говорят, что он вызывается присутствием или приближением другого существа. В отсутствие такого активатора агрессия возникает спонтанно. Такие утверждения подтверждаются отчетами о наблюдении за поведением животных.

²³ См., напр.: *Sigmund Freud*, *Civilization and its Discontents*, trans. *Joan Riviere* (London: The Hogart Press, 1930); Lorenz, chaps. 13, 14; *Franz Alexander*, «The Psychiatric Aspects of War and Peace», *American Journal of Sociology*, LXVI (1941), 504–520. Фрейдистская теория инстинктуальной агрессии разрабатывается в его более поздних работах; его ранняя точка зрения состояла в том, что агрессия — это отклик на фрустрацию поведения, ищущего удовольствия. В качестве обзоров и критики инстинктуальных теорий агрессии см.: *Leonard Berkowitz*, *Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: McGraw-Hill, 1962), chap. 1; *Ralph L. Holloway Jr.*, «Human Aggression: The Need for a Species-Specific Framework», in *Morton Fried and others, eds.*, *War: The Anthropology of Armed Conflict and Aggression* (Garden City, New York: Natural History Press, 1968), 20–40.

²⁴ *H. L. Nieburg*, «The Threat of Violence and Social Change», *American Political Science Review*, LXI (December 1962), 870.

²⁵ Характерной в этом смысле является работа *Albert Bandura and Richard H. Walters*, *Social Learning and Personality Development* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966), 12, 13.

²⁶ Характерным исследованием является *Albert Bandura and Richard H. Walters*, *Social Learning and Personality Development* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963).

²⁷ *Nicholas S. Timachoff*, *War and Revolution* (New York: Sheed and Word, 1965), 154.

²⁸ *Denton E. Morrison*, «Relative Deprivation and Rural Discontents in Developing Countries», paper read at the annual Meeting of the American Association for the Advancement in Science (1966), 6.

²⁹ *Talcott Parsons*, «Some Reflections on the Place of Force in Social Progress», in *Harry Eckstein, ed.*, *Internal War: Problems and Approaches* (New York: The Free Press, 1964), 34–35.

³⁰ *Thomas C. Shelling*, *The Structure of Conflict* (Cambridge, Maos, Harvard University Press, 1960), 4.

³¹ *John Dollard and others*, *Frustration and Aggression* (New Haven: Yale University Press, 1939), quotation from p. 1. *Мэйджор* дает обзор литературы, включая: *Hide*

T. Himmelweit, «Frustration and Aggression: A Review of Recent Experimental Work», in *Psychological Factors of Peace and War*, ed. T. H. Pear (London, Hutchinson, 1950), 161–91; Elton D. McNeil, «Psychology and Aggression», *Journal of Conflict Resolution*, III (June 1959), 195–294; Arnold H. Buss, *The Psychology of Aggression* (New York: John Wiley, 1962), especially chaps. 2–4; Berkowitz, *Aggression*.

³² Neal E. Miller and others, «The Frustration-Aggression Hypothesis», *Psychological Review*, XLVIII (July 1941), quotation from 339.

³³ Himmelweit, 172.

³⁴ J. M. V. Whiting, «The Frustration Complex in Known Society», *Man*, XLIV (November-December 1944), 140–144.

³⁵ Marie Lazarsfeld and Hans Zeisel, «Die Arbeitslosen Von Marienthal», *Psychologische Monographien*, V (1933), резюмирована в Himmelweit, 172.

³⁶ По поводу побудительных свойств гнева см.: Berkowitz, «The Concept of Aggressive Drive»; S. Feshbach, «The Function of Aggression and the Regulation of Aggressive Drive», *Psychological Review*, LXXI (July 1964), 257–272.

³⁷ Maier, 92–115, 159–161; см. также Yates, 24–30, 35–36.

³⁸ Norman R. F. Maier, «The Role of Frustration in Social Movements», *Psychological Review*, LXIX (November 1942), 587.

³⁹ Bryant Wedge, «The Case Study of Student Political Violence: Brazil, 1964 and the Dominican Republic, 1965», *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace* (New York: Vintage Books, 1968), 75.

⁴⁰ I. L. Janis, *Air War and Emotional Stress: Psychological Studies of Bombing and Civilian Defense* (New York: McGraw-Hill, 1951), 4–152. Сравнимые реакции наблюдались во многих исследованиях бедствий. См., напр.: George W. Baker and Dwight W. Chapman, eds., *Man and Society in Disaster* (New York: Basic Books, 1962).

⁴¹ Berkowitz, *Aggression*, 42–46, quotation, 45.

⁴² Гнев очень часто сопровождается другими аффективными элементами; предлагаемая здесь проверка направлена на выяснение того, имеет ли место гнев в значительной степени. Волнение не является независимым аффективным состоянием, а общим эмоциональным возбуждением, которое предшествует деятельности по достижению целей и сопровождает ее; разгневанный человек, который предвкушает мятеж, испытывает возбуждение по многим причинам, схожим с теми, по которым голодный человек возбуждается от запаха приготавливаемой пищи.

⁴³ *The Politics of Aristotle*, trans. J. E. C. Weldon (New York: Macmillan, 1883, 1905), 338–342.

⁴⁴ Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution* (Chicago: Chicago University Press, 1927), 3–3, 30–33.

⁴⁵ George S. Pettee, *The Process of Revolution* (New York: Harper, 1938), chap. 2, quotation from 33.

⁴⁶ Lasswell and Kaplan, 264.

⁴⁷ George K. Zolschan and Walter Hirsch, eds., *Explanation in Social Change* (Boston: Houghton Mifflin), 1964, XXV, 89.

⁴⁸ Johnson, chap. 5. Схожий анализ см. в Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press, 1963), chap. 2, 3.

⁴⁹ James C. Davies, «Toward a Theory of Revolution», *American Sociological Review*, XXVII (February 1962), 5–19. Тезисы Дэвиса используются также в Raymond Tanter and Manus Midlarsky, «A Theory of Revolution», *Journal of Conflict Resolution*, xi (September 1967), 264–280, где расхождение характеризуется как революционный разрыв.

⁵⁰ Daniel Lerner, «Toward a Communication Theory of Modernization: A Set of Considerations», in Lucian W. Pye, ed., *Communications and Political Development* (Princeton: Princeton University Press, 1963), 327–350, quotations from 330–335.

⁵¹ Brian Crozier, *The Rebels: A Study of Post-War Insurrections* (London: Chatto and Windus, 1960), 15–16.

⁵² Ivo K. and Rosalind L. Feierabend, «Aggressive Behaviors Within Politics, 1948–1962; A Cross-National Study», *Journal of Conflict Resolution*, X (September 1966), 2502–2551.

⁵³ Lewis A. Coser, *Continuities in the Study of Social Conflict* (New York: The Free Press, 1967), 56–62.

⁵⁴ Hoselitz and Willner, 363.

⁵⁵ Philleo Nash, «The Place of Religious Revivalism in the Formation of the Intercultural Community on Klamath Reservation», *Social Anthropology of North American Tribes*, ed. Fred Eggan (Chicago: Chicago University Press, 1937), 377–442.

⁵⁶ James A. Geschwender, «Social Structure and the Negro Revolt: An Examination of Some Hypotheses», *Social Forces*, XLIII (December 1964), 248–256.

⁵⁷ Johan Galtung, «A Structural Theory of Aggression», *Journal of Peace Research*, No. 2, 1964, 95–119. Гальтунг постулирует также несколько переменных, которые располагаются между «неустойчивостью ранга» и агрессией, включая недостаток альтернативных средств и меру культурного опыта в агрессии.

⁵⁸ Leon Festinger, *A Theory of Cognitive Dissonance*, (Stanford, Stanford University Press, 1957), quotation 4–13. Согласно Фестингеру, восприятие противоречия может возрастать по логическим, практическим, культурным и иным основаниям.

⁵⁹ Festinger, 18–24.

⁶⁰ Festinger, passim; Jack W. Brehm and Arthur R. Cohen, *Exploration in Cognitive Dissonance* (New York: Wiley, 1962).

⁶¹ Festinger, 278.

⁶² Robert K. Merton, «Social Structure and Anomie: Continuities», *Social Theory and Social Structure*, rev., ed. (New York: The Free Press, 1957), quotation from 266–267. Эта дискуссия о понятии аномии подтверждает правомерность положений, приведенных в Gordon Rose, «Anomie and Deviation», 29–45. Более пространное резюме работ по использованию этого понятия см. в Marshall B. Clinard, ed., *Anomie and Deviant Behavior: Discussion and Critique* (New York: The Free Press, 1964).

⁶³ Merton, 191. Одно из приложений к сфере политического насилия — это работа Elwin H. Powekll, «Reform Revolution and Reaction as Adaptations to

Anomie», *Review of Mexican Sociology*, XXV (1963), 331–355. David Schwartz разработал модель процесса революционного поведения, которая использует соотносимое понятие отчуждения и определяет обстоятельства, в которых проявляется политическое отчуждение, в «A Theory of Revolutionary Behavior» in James C. Davies, ed., *When Men Revolt and Why* (New York: The Free Press, 1970).

⁶⁴ Johan Galtung, «Institutionalized Conflict Resolution: A Theoretical Paradigm», *Journal of Peace Research*, No. 4, 1965, 348.

⁶⁵ Coser, *The Functions of Social Conflict*, 8.

⁶⁶ Понятие конфликта имеет также психологическое употребление, не исследуемое здесь, а именно наличие внутри индивида двух (или более) несовместимых мотивов. Обзор этого понятия см. в Yates, esp. chap. 5.

⁶⁷ Galtung, «Institutionalized Conflict Resolution», 349.

⁶⁸ Coser, 59; Galtung, 349. См. также Mack and Snyder, 219, 222–223.

⁶⁹ Эти паттерны описаны в Morrison, 5.

⁷⁰ Aristotle, *The Politics*, Book V, chaps. V and VI. Quotation from J. E. Weldon, trans., *The Politics of Aristotle* (New York: MacMillan, 1883, 1905), 355.

⁷¹ Pitirim A. Sorokin, *The Sociology of Revolution* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1925), 367–369.

⁷² Norman R. C. Cohn, *The Pursuit of the Millenium*, 2nd edn. rev. (New York: Harper, 1957, 1961), 315. См. также Smelser, chap. 6.

⁷³ E. J. Hobsbawm, *Social Banditism and Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movements in 19th and 2th Centuries*, (Glencoe: The Free Press, 1959), 23–24.

⁷⁴ См. напр.: William Kornhauser, «Rebellion and Political Development», in Harry Eckstein, ed., *Internal War: Problems and Approaches* (New York: The Free Press, 1964), 145.

⁷⁵ F. L. Carsten, *The Rise of Fascism* (Berkeley: University of California Press), 232.

⁷⁶ Hadley Cantril, *The Psychology of Social Movements* (New York: Wiley, 1941), 228–269, quotation from 266. См. также Frederick L. Schuman, *The Nazi Dictatorship: A Study of Social Pathology and the Politics of Fascism* (New York: Knopf, 1935). Личные документы о природе и жестокости этих фрустраций приведены в автобиографических эссе членов нацистской партии, анализируемых в Theodore Abel, *The Nazi Movement: Why Hitler Came to Power* (New York: Atherton Press, 1938, 1966).

⁷⁷ Cohn, 27–28. См. также Neil J. Smelser, *Social Change in the Industrial Revolution* (Chicago: Chicago University Press, 1959).

⁷⁸ Denis W. Brogan, *The Price of Revolution* (London: Hamish Hamilton, 1951), 30.

⁷⁹ The Politics, Weldon, trans., 343–344. Подтверждение аристотелевской позиции см. в «The Quantification of Aristotle's Theory of Revolution», *American Political Science Review*, LXVI (June 1952), 487.

⁸⁰ Davies, *Toward a Theory of Revolution*, 6.

⁸¹ Ibid, 8.

⁸² Кейз-стади Русской и Египетской революций, а также восстания Дорра приводятся там же. Другие исследования — в *James C. Davies*, «The J-curve of Rising and Declining Satisfaction as a Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion», in *Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds.*, *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969), 547–576.

⁸³ *Robert A. Le Vine*, «Anti-European Violence in Africa: A Comparative Analysis», *Journal of Conflict Resolution*, III (December 1959), 420–429.

⁸⁴ *Karl Deutsch*, «Toward an Inventory of Basic Trend and Patterns in Comparative and International Politics», *American Political Science Review*, XIV (March 1960), 39.

⁸⁵ *Dale Yoder*, «Current Definitions of Revolution», *American Journal of Sociology*, XXXII (November 1926), 440–442. Сопоставимые объяснения предлагаются в *Charles A. Ellwood*, *The Psychology of Human Society: An Introduction to Sociological Theory* (New York: Appleton, 1925), chap. 8; *Rex Hopper*, «The Revolutionary Process: A Frame of Reference for the Study of Revolutionary Movements», *Social Forces*, XXVIII (March 1950), 270–271; *Pettee*, *passim*.

⁸⁶ *Johnson*, *Revolutionary Change*, *passim*. Более раннее и более краткое изложение его теории содержится в его *Revolution and the Social System* (Stanford: The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University, 1964).

⁸⁷ См. *Ted Gurr*, *New Error-Compensated Measures for Comparing Nations: Some Correlates of Civil Strife*, *Center of International Studies* (Princeton: Princeton University, Research Monograph No. 25, 1966); *Ted Gurr with Charles Ruttenberg*, *The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Causal Model* (Princeton Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 28, 1967).

⁸⁸ Более исчерпывающий ряд моделей социального изменения, включая вариации предложенных здесь трех базовых моделей, изложен в *Ivo K. Feierabend*, *Rosalind L. Feierabend and Betty A. Nesvold*, «Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns», in *Graham and Gurr, eds.*, 497–542.

⁸⁹ См. *Audrey I. Richards*, *Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia* (London: Oxford University Press, 1939), esp. chaps. 1–3.

Интенсивность и масштаб относительной депривации

Люди, чуждые нашей земле и расе, составляют наше правительство; средний класс разорен скудостью пищи и обесценением денег; паразиты и негодяи обманули и ограбили нас и в невероятно короткий срок разрушили дома, на созидание которых у целого народа ушли столетия... Ощущая на своем пульсе результаты экономического краха, я был бы только слишком счастлив занять свое место в авангарде движения.

Член Нацистской партии, 1933 г.¹

Интенсивность нашего гнева при его возникновении является функцией четырех психокультурных переменных. Чем большее расхождение мы наблюдаем между ожиданиями и возможностями, тем сильнее наша неудовлетворенность. Чем большую важность мы придаем касающимся нас ценностям и чем ниже возможности других способов удовлетворения, к которым нам приходится прибегать, тем сильнее наша неудовлетворенность. Если мы располагаем многими альтернативными способами удовлетворения наших ожиданий, наша неудовлетворенность будет отсрочена до тех пор, пока не будут исчерпаны все попытки; если же мы располагаем немногими альтернативами, мы, вероятно, ощутим гнев и отчаяние. Пятой детерминантой является время: если наш гнев являет собой выражение отчаяния на достаточно коротком промежутке времени, он будет быстро интенсифицироваться, прежде чем пойти на убыль. Чем сильнее его интенсивность, тем дольше он будет продолжаться; множество людей проносят бремя глубокой обиды через всю свою жизнь и перекладывают его даже на своих детей. Первые четыре переменные схожи между собой. Однако они являются не просто коллективным выражением трех переменных,

о которых Доллард говорил, что они детерминируют силу побуждения к агрессии (гневу) в последовательности фрустрация–агрессия: сила побуждения к фрустрационному ответу (значимость или сила), фрустрационный ответ (степень) и число фрустрационных ответов–следствий (альтернативные ценности–возможности)². Рансимен определяет источники изменения RD следующим образом: «Величина относительной депривации — это степень различия между желаемой ситуацией и тем, как он ее реально видит... Степень относительной депривации — это интенсивность, с которой она ощущается»³. Ниже формулируются гипотезы и выводы о влиянии этих переменных и некоторых их взаимодействиях.

Детерминанты неудовлетворенности применимы и к каждому индивиду в отдельности, и к целым коллективам людей. Анализ неудовлетворенности должен включать в себя определения социетальных условий и паттерны событий, вызывающих неудовлетворенность и определения ее масштаба в коллективности. Последний раздел этой главы определяет типы условий и событий, ведущих к депривации, и предлагает определенные стратегии исследования для того, чтобы вывести заключения о масштабе неудовлетворенности исходя из структурных свойств общества, в котором она возникает.

Детерминанты интенсивности: степень относительной депривации

Гипотеза ID.1. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется в зависимости от средней степени воспринимаемого расхождения между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями.

Следствие ID.1.1. Любое возрастание среднего уровня ценностных ожиданий в коллективности, не сопровождаемое ростом ценностных возможностей, увеличивает интенсивность относительной депривации.

Следствие ID.1.2. Любое снижение среднего уровня ценностных возможностей в коллективности, не сопровождаемое снижением уровня ценностных ожиданий, увеличивает интенсивность относительных деприваций.

В случае устремленной и прогрессивной RD степень расхождения означает воспринимаемую дистанцию между искомой ценностной позицией и ценностным потенциалом. В случае убывающей RD степень расхождения есть воспринимаемая дистанция между первоначально

Corollary — нечто такое, что естественным образом следует из данного тезиса или сопровождает его. — *Примеч. пер.*

удерживаемой ценностной позицией и остаточной ценностной позицией. Ниже предлагаются операциональные определения.

Из гипотез V.1 (глава 2) и ID.1 дедуктивно вытекают два следствия и определения, даваемые с их позиций. Следствие ID.1.1 лежит в основе постулированной Лернером и другими «революции возрастающих ожиданий» и ее насильственных последствий. Модель убывающей RD характеризуется паттерном снижающихся ценностных возможностей, определяемым в следствии ID.1.2.

Психологические данные недвусмысленно показывают, что интенсивность гнева изменяется в зависимости от степени, до которой фрустрирован ответ. Например, Мак-Клелланд и Апицелла подвергли студентов, работавших над выполнением задания по сортировке карточек, воздействию различных уровней фрустрации (измеряемых по числу случаев неудач) и обнаружили, что частота агрессивных замечаний со стороны тех, кто подвергался воздействию эксперимента, возрастала по мере роста числа их неудач в выполнении заданий⁴. В некоторых исследованиях изучались фрустрационные воздействия групповых задач на внутригрупповую враждебность, которая изменялась в той степени, до которой члены группы зависели друг от друга при решении задач. Чем большее число членов требовалось для совместной работы, т. е. чем сильнее было вмешательство в дела друг друга при выполнении заданий, тем больше было выражений неприкрытой агрессии внутри группы. Однако, когда члены группы могли работать относительно независимо друг от друга, уровни враждебности становились более низкими⁵. Наиболее точное доказательство было получено в экспериментах Гамблина и других, которые твердо полагали, что побуждение к агрессии следует общим психологическим законам. В большинстве определяющих экспериментов проверялись три гипотезы: классическая — о том, что агрессия прямо изменяется в зависимости от степени вмешательства, и психофизические гипотезы о том, что агрессия есть логарифмическая или степенная функция вмешательства. Небольшие группы субъектов ставились перед необходимостью решения проблемы, побуждаемого денежным вознаграждением, имея лидеров, которые умышленно заставляли группу терпеть неудачу на каждом из последовательных этапов выполнения заданий. После нескольких этапов субъекты давали свою оценку лидерам различными методами, позволявшими произвести измерение враждебности по отношению к лидерам. Результаты показали, что агрессия является функцией от степени вмешательства в виде резко возрастающей «J-кривой»⁶.

Эти аспекты связи фрустрации–агрессии соответствуют общему психологическому закону человеческого поведения, по которому «величина субъективного ответа возрастает как степенная функция от величины психического стимула»⁷. Это лишнее подтверждение того, что последовательность фрустрация–агрессия представляет собой фундаментальный бихевиоральный механизм, а не девиацию. Гамблин обнаружил также, что степенные экспоненты, по которым возрастает величина агрессии, весьма широко варьирует для различных индивидов. Хотя было изучено слишком мало случаев, чтобы вычертить кривые распределения из того, что нам известно о других человеческих характеристиках, в больших популяциях с достаточной степенью вероятности можно обнаружить кривую нормального распределения величины агрессивных ответов. Одним из подразумеваемых смыслов этого является то, что было бы более правильным рассматривать вероятность и уровень агрессивного ответа с точки зрения распределительной или вероятностной, нежели с позиций «порогов». Наконец, представляется вероятным, что связь типа «J-кривой» между степенью фрустрации и величиной агрессии должна характеризовать соотношение между степенью RD и величиной коллективного насилия. Совместимой с этим воздействием, хотя и не имеющей к нему прямого отношения, является логарифмическая кривая распределения, которая характеризует степень межнационального коллективного насилия⁸.

Практически вся литература по проблемам коллективного насилия предполагает наличие каузальной связи между существованием RD или какого-то эквивалентного понятия и возникновением насилия. Обычно подразумевается прямая связь между степенью расхождения и интенсивностью насилия, как это формулируют Ридкер, Лассуэлл, Каплан и Фейерабенды⁹. Недвусмысленно высказался также Эдвардс. Он определил четыре класса человеческих мотивов и предположил, что «все революции можно считать обязанными своим происхождением подавлению одного или более элементарных желаний, и можно предположить, что насилие в любой революции пропорционально размерам такого подавления»¹⁰. Количественные данные также указывают на то, что степени депривации или неудовлетворенности ассоциируются со степенью беспорядков. Некоторые из этих исследований основаны на внутринациональном сравнении агрегированных мер. Росту показал графически, что скудные экономические условия — в форме высоких цен на пшеницу и высокого уровня безработицы — корреспондировали с жестокостью открытого протеста масс в Англии между 1790 и 1850 гг.¹¹ В революционной Франции можно обнаружить связи между

вариациями в ценах на хлеб и степенью насилия, производимого чернью¹². Существует корреляционное подтверждение того, что частота судов Линча на американском юге между 1888 и 1930 гг. изменялась обратно пропорционально индексам экономического благосостояния, хотя эта связь сравнительно слаба, имея корреляционные коэффициенты порядка 0,6 и 0,3¹³.

Кросс-национальные исследования, использующие агрегированные данные, также поддерживают эту гипотезу. Высказывалось предположение, что поддержка избирателями экстремистских политических партий — это не что иное, как ненасильственное выражение неудовлетворенности. Корнхаузер, например, сообщает о корреляции в $-0,93$ между размерами дохода на душу населения и долей голосов, поданных за коммунистов на национальных выборах в шестнадцати западных демократиях в конце 1940-х гг. и еще об одной корреляции в $+0,85$ между долей безработной рабочей силы и процентом голосования за экстремистов в девяти странах в период 1928–1932 гг.¹⁴ Бвай обнаружил, что в латиноамериканских странах показатели экономического роста в 1950-х гг. (предположительно являющиеся индикаторами экономических возможностей) коррелировали с коэффициентом $-0,63$ с уровнем группового организованного насилия и с коэффициентом $-0,33$ — с уровнем аномического насилия в 1960-х гг.¹⁵ Фейерабенды пришли к выводу о степени «системной фрустрации» в 84 странах исходя из пропорции между мерами «формирования желаний», такими, например, как грамотность и урбанизация, и мерами «удовлетворения желаний», таких, например, как доход и потребление калорий на душу населения. Корреляция между их индексом фрустрации и композитной мерой политической стабильности составляла 0,499¹⁶. Мною были сконструированы три композитные меры степени и масштаба RD, включающие в себя краткосрочную экономическую и политическую депривацию и соотносящуюся с ними меру величины гражданской борьбы для 114 государств; коэффициент множественной корреляции составил 0,60¹⁷.

Одно из ограничений такого рода исследований состоит в том, что их меры RD носят довольно косвенный характер; выводы о состоянии умов извлекаются из агрегированных измерений. Доступны и более прямые данные. Ринджер и Силлз обнаружили, что экономически неудовлетворенные ирландцы в конце 1940-х гг. в большей степени, нежели другие, склонны были занимать экстремистские позиции как слева, так и справа¹⁸. Цейтлин пришел к выводу, что кубинцы, с высокой степенью вероятности склонные до 1959 г. поддерживать движение Кастро, переживали в это время тяжелейшую безработицу¹⁹. Уэдж

провел сравнительное исследование в форме серии интервью относительно участия студентов в революционном насилии в Доминиканской республике в 1965 и в Бразилии в 1964 гт. Он пришел к выводу, что насилие было гораздо интенсивнее в Доминиканской республике — отчасти вследствие того, что бунтовавшие доминиканские студенты испытывали значительно более сильную депривацию, нежели их бразильские коллеги²⁰. Наиболее убедительное доказательство дается во вторичном анализе проведенного по 14 странам исследования «паттерна человеческих забот». Кантрил в своем исследовании среди прочих задавал респондентам вопросы о том, как они оценивают свои прошлые, нынешние и по возможности будущие ценностные позиции по сравнению с их идеалом хорошей жизни по одиннадцатибальной шкале. Усредненные по нациям расхождения между их реальным статусом в период проведения интервью (между 1957 и 1963 гг.) и их личным идеалом приведены в табл. 2 в соотношении с ранговой мерой величины беспорядков за 1961–1965 гг. Коэффициент ранговой корреляции между этими двумя мерами составляет 0,59: чем больше степень RD, операционально измеряемая здесь как разрыв между стремлением и реальной ценностной позицией, тем выше уровень беспорядков²¹.

Большая часть свидетельств, приведенных выше, основана на измерениях RD относительно ценностей благосостояния. Полная оценка степени RD относительно каждой из нескольких категорий должна была бы использовать общие шкалы ценностных позиций, такие как у Кантрила, или шкалы для измерения степеней RD относительно каждой из нескольких категорий ценностей, описанных в главе 2. Хотя изначально это исследование не имело дела с разработкой операциональных средств для оценки теоретических переменных, можно предложить два операционально полезных определения степени RD. Одно из них — отношение расхождения между ожидаемой и достигаемой ценностными позициями к ожидаемой ценностной позиции, или

$$\frac{V_e - V_c}{V_e},$$

где V_e — это ожидаемая ценностная позиция, а V_c — это ценностная позиция, воспринимаемая как достижимая. Определение с этой точки зрения полагает, что возможен определенный порядок количественных измерений.

Например, итальянских индустриальных рабочих в 1955 г. спрашивали, каков их реальный месячный заработок и сколько, по их мнению,

Таблица 2
Устремленная RD в тринадцати национальных популяциях (1960)
и размеры беспорядков в 1961–1965 гг.

Страна	Год обследования ^a	Средние величины депривации ^b	Ранговый порядок RD	Ранговый порядок величины беспорядков 1961–65 ^c
Доминиканская республика	1962	8,4	1	1
Индия	1962	6,3	2	4
Польша	1962	5,6	3	11
Бразилия	1961	5,4	4	5
Нигерия	1963	5,2	5,5	2
Панама	1962	5,2	5,5	3
Филиппины	1959	5,1	7	9
Югославия	1962	5,0	8	12,5
Япония	1962	4,8	9	6
Израиль	1962	4,7	10,5	7
Западная Германия	1957	4,7	10,5	8
Египет	1960	4,5	12	12,5
Куба	1960	3,6	13	10

Коэффициент ранговой корреляции: 0,59^d

^a Репрезентативные кросс-национальные выборки, о которых сообщалось в Hadley Cantril, *The Patterns of Human Concerns* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1965), p. 187. Из этого сравнения исключены данные по Соединенным Штатам на том основании, что там высокие уровни беспорядков можно отнести на счет сегментной RD черных американцев, которые неправильно репрезентированы в любом национальном измерении RD. Общий уровень средней депривации по США составляет 3,4.

^b Среднее число единиц измерения разрыва между ценностной позицией респондентов на момент измерения и устремлением их ценностной позиции по одиннадцатиположной шкале взято из Cantril, 184. Верхняя и нижняя граница шкалы были «закреплены» путем обращения к каждому респонденту с просьбой указать его возможно наилучшее и возможно наихудшее будущее; затем его просили указать реальную позицию на момент интервью.

^c Основано на пересмотре данных из Gurr, «A Causal Model of Civil Strife». Величина измерения беспорядков берет в расчет долю населения, принимавшего участие в таких беспорядках, как демонстрации и бунты, продолжительность событий и их пропорциональную интенсивность. Сравнительно высокий уровень депривации в Польше и Югославии в соотношении с размерами беспорядков можно отнести на счет функций коерсивной политики этих режимов.

^d Коэффициент корреляции Спирмена r . Для $n = 13$ корреляция значима при уровне 0,05.

они должны бы получать; они получали в среднем 90 долларов, но хотели бы 176. Для сравнения: французские рабочие получали в среднем 114 долларов, а рассчитывали на 170 долларов²². Если бы мы приравнивали V_c к реально получаемой зарплате, а V_c — к желаемой, то уровень RD для итальянских рабочих составил бы 0,55, а для французских рабочих — 0,35. Отдельно взятый рабочий, уволенный и не имеющий перспектив трудоустройства или других в будущем, будет испытывать RD максимально возможно высокого уровня RD в 1,00. Расчеты отношения могут быть также использованы для ценностных позиций, определяемых в дихотомических единицах. К примеру, можно было бы определить порог статусно-ценностного континуума и присвоить значение 1 индивидам и группам, обладающим ценностной позицией выше пороговой, а 0 — тем, чья ценностная позиция ниже пороговой. В этом случае единственными возможными значениями уровня RD будут 0 и 1, но такие отметки можно усреднить для любого ряда индивидов и групп.

Альтернативное операциональное определение уровня депривации заключается в том, что в качестве его принимают разность между ожидаемой и достигаемой ценностной позициями. Например, можно было бы сконструировать порядковую шкалу для ценностного измерения уровня политического участия, включающую такие категории, как «никакого участия» (0), «периодическое голосование с эффективным выбором» (3), «лидерство в местной политической организации» (5) и «политическое лидерство на национальном уровне» (8). Индивид или ряд индивидов, которые желают достичь уровня пятого порядка, но смогли достичь лишь третьего, будут иметь ранговое различие уровня RD в два, которое можно усреднить, а также подвергнуть сравнению с другими.

Детерминанты интенсивности: ценностная отчетливость

Гипотеза ID.2. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется со средним значением отчетливости данного класса ценностей, в отношении которого испытывается расхождение.

Гипотеза ID.3. Интенсивность относительной депривации умеренно изменяется пропорционально классам ценностей, в отношении которых испытывается расхождение.

Отчетливость какого-то класса ценностей для индивида — это сила мотивации к приобретению или поддержанию желаемой ценностной позиции. Отчетливость класса ценностей для коллективности — это средняя сила стремления к желаемой ценностной позиции. Отчетливость можно оценить в абсолютных терминах или относительно мотивации к другим ценностям. Иерархию ценностей в стране, население

которой ведет маргинальное существование, могли бы составлять в порядке убывания отчетливости экономические ценности, ценности безопасности, общинные ценности, ценности связи, статусные ценности, ценности участия и ценности самореализации. В модернизированном постколониальном обществе сила ценностей участия и ценностей безопасности могла бы оказаться более отчетливой, чем ценностей благосостояния или межличностных ценностей. Вообще, вероятно, для большинства людей наиболее отчетливы экономические ценности. Однако какой-то отдельный класс и функциональные группы могут иметь ценностные иерархии, совершенно отличные от более крупных групп. Поэтому любая эмпирическая оценка отчетливости ценностей должна принимать в расчет ценностные иерархии разнообразных субпопуляций, равно как и специфическое содержание и уровни их ожиданий.

Смысл гипотезы ID.2 состоит в том, что чем более сильно люди мотивированы на достижение цели или поддержание достигнутого уровня, тем более острое негодование вызывает у них препятствие и тем сильнее последующее побуждение к насилию. Однако их ответ на RD, касающуюся одного класса ценностей, отчасти детерминирована возможностями суррогатного удовлетворения²³. Например, интенсивность RD, вызванной препятствием к умеренно значимой (отчетливой) ценности, такой, например, как политическое участие, может снизиться, если в результате будут возрастать возможности достижения более значимых («отчетливых») ценностей благосостояния и безопасности. Подобно этому, налогообложение может оправдываться гражданами на тех основаниях, что оно необходимо для поддержания безопасности и коммунальных ценностей. Если чистый эффект любой политики такого рода состоит в том, что общие групповые ценностные возможности повышаются, интенсивность RD снижается; если в равной степени снижаются другие возможности, RD интенсифицируется.

Гипотеза ID.3 относится к «последней сомнительной» связи и извлекается из предшествующего аргумента. Люди, вероятно, будут готовы стерпеть потерю ценностей, умеренно значимых для них, если они все же могут приобрести ценности других классов. Но если они испытывают RD и по отношению к большинству (или ко всем) другим классам ценностей, то депривация, влияющая на прежде удовлетворенную ценностную экспектацию, будет сильно увеличивать интенсивность RD. Психологическая очевидность «значимой» и «последней сомнительной» гипотез убедительнее, нежели доказательства, вытекающие из исследований политического насилия. К примеру, Гамблин и др. обнаружили,

что те, кто работают из побуждения получения денег, гораздо более агрессивно реагировали на фрустрацию, чем те, кто не имел таких побудительных мотивов²⁴. Мак-Найл ссылается на пять исследований, в которых субъекты вели записи инцидентов, провоцировавших их гнев, мотивов, которые им мешали, и природы ощущаемой фрустрации. «Хотя дневники и перечни того, что раздражало людей, — не самая надежная форма доказательства, представляется очевидным, что, чем сильнее фрустрационное побуждение, тем сильнее будет стимул к интенсивному или агрессивному ответу»²⁵. Грэхем и др. обнаружили, что физические атаки, направленные против субъектов, с большей вероятностью продуцировали сильные агрессивные реакции, нежели менее прямые, вербальные, нападки²⁶.

Теории политического насилия вообще предполагают, что революции происходят тогда, когда возникает угроза для большинства значимых отчетливо выраженных или фундаментальных ценностей, однако аналитические исследования, где идентифицировались бы ценностные иерархии или показывалось бы, что значимость конкретных ценностей в предреволюционных ситуациях возрастает, встречаются нечасто. Какую-то часть влияния идеологии на политическое насилие можно атрибутировать переменной значимости. Выражение националистической идеологии на колониальных территориях Азии и Африки в первой половине XX столетия со всей очевидностью усилило существовавшее и прежде среди колониальной буржуазии стремление к независимости, в то же время оно посеяло совершенно новые политические экспектации среди других групп²⁷. Аналогично высказывалось утверждение, что стремление к лучшей экономической участи со стороны европейского фабричного рабочего в XIX в. интенсифицировалось по мере того, как обретало рациональные очертания под влиянием марксистского учения. Представляется также вероятным, что движение за гражданские права в конце 1950-х — начале 1960-х гг. имело тем большее воздействие на значимость экспектаций равенства со стороны черных, чем сильнее оно влияло на их относительный уровень.

Относительная значимость классов ценностей

Революционные теоретики полагают, что для политического насилия или, по крайней мере, для его революционного аспекта значимым является единственный класс ценностей. По Марксу, разумеется, основополагающие ценности — экономические, в то время как Арендт атрибутирует революцию подавлению стремления к свободе²⁸. Однако, согласно

Эдвардсу, Петти и Сорокину, *монокаузальность* — менее распространенное явление, нежели *панкаузальность*, и все они полагают, что подавление любого или всех типов человеческих ценностей может привести к политическому насилию. Такой же подход содержится в предположении Лассуэлла и Каплана о том, что политическая стабильность — это функция неравенства распределения экономических и властных ценностей²⁹. Ридкер затрагивает исключительно экономические ценности³⁰; Аристотель — экономические и властные ценности. Анализ подтверждает, что RD по отношению к любому классу обычно поддерживаемых ценностей — благосостояния, власти или межличностных ценностей — может повести к коллективному насилию.

Фактически базовый вопрос, поставленный этими и многими другими интерпретациями, таков: какие классы человеческих ценностей наиболее значимы в каких популяциях? Данные для универсального ответа на этот вопрос можно получить из результатов кросс-национального опроса, проведенного Кантрилом по проблемам человеческих забот. В двенадцати странах людям задавались следующие вопросы.

- «Все мы хотим от жизни каких-то определенных вещей. Когда вы думаете о том, что действительно имеет значение в вашей собственной жизни, каковы ваши желания и надежды на будущее?»
- «Теперь, принимая во внимание другую сторону картины, в чем состоят ваши страхи и беспокойства относительно будущего?»
- «А теперь — каковы ваши желания и надежды относительно будущего страны?»
- «А как насчет ваших страхов и тревог за будущее своей страны?»

Выраженные заботы или ценности подверглись классификации, процентные отношения по каждому типу были табулированы для каждой страны и проценты каждого типа взвешены в соответствии с численностью населения каждой страны. Результаты были проранжированы по шкале личностных и общенациональных забот, волнующих в общей сложности около 863 миллионов человек. 129 классов (или типов) специфических забот оказались сущностно общими по меньшей мере для четырех миллионов человек³¹. Семичленная типология, извлеченная из классификационной схемы ценностей, предложенная в главе 2, была использована для объединения этих данных с результатами, показанными в табл. 3.

Людей в мире значимо заботят материальные ценности; к этой категории принадлежат около половины всех упомянутых ценностей, например, надежды и страхи по поводу стандартов жизни, здоровья,

технологического прогресса, экономической стабильности и владения жильем или землей. Не наблюдается существенных различий среди стран по важности материальных ценностей: по меньшей мере 60 % респондентов в каждой стране выразили личные экономические надежды и опасения. Личные экономические надежды наиболее часто выражались в каждой стране, наиболее общими опасениями были экономические во всех странах, за исключением трех западных, где люди выразили несколько большее беспокойство по поводу своего здоровья³².

Таблица 3
Ценностные заботы 863 миллионов людей в 12 странах в 1960 г.^а

Класс ценностей	Удельный вес всех личностных забот	Удельный вес забот национального масштаба	Удельный вес всех забот в целом
Ценности благосостояния			
Экономические	55 %	35 %	46 %
Самоактуализации	7	4	5
Ценности власти			
Участия	<1	12	5
Безопасности	5	37	20
Межличностные ценности			
Статус	4	3	4
Коллективность	27	2	16
Идеациональная сплоченность	2	7	4
Всего	100 %	100 %	100 %

^а Из *Cantril*, p. 276–279, основано на моей классификации 129 категорий личностных и национальных забот. Проценты относятся к пропорциям (долям) всех забот, упомянутых респондентами, взвешенных по населению страны таким образом, чтобы провести суммарное сравнение. Респонденты представляют 12 стран, в которых проводились опросы между 1957 и 1963 гг.: Индия, Соединенные Штаты, Бразилия, Западная Германия, Нигерия, Филиппины, Египет, Югославия, Куба, Доминиканская Республика, Израиль и Панама.

Намного более распространенной ценностью является безопасность: страх войны почти вдвое чаще беспокоит людей, нежели любая другая национальная проблема. Интересы здесь классифицированы как выражение ценностей участия, включая опасения прихода к власти нечестного или непредставительного правительства и надежды на сохранение

или укрепление национальной независимости. Около половины межличностных ценностей относятся к семье, особенно к благосостоянию детей, здоровью и счастью семьи как целого. Другие ценности коллективности включают желание быть полезным для других, страх перед одиночеством и надежды на улучшение здоровья общества и общественную безопасность. Многие статусные устремление представлены в выражениях, классифицированных как экономические надежды или тревоги; особо идентифицибельные статусные заботы включают надежды на восприятие себя другими и страхи по поводу дискриминации и неравенства, а также тревоги относительно социальной несправедливости. Заботы, классифицируемые как выражения оценки когерентных нормативных систем и систем верований, включая надежды на повышение чувства социальной и политической ответственности в общине, тревоги по поводу снижения моральных или этических стандартов в общине.

Люди могут обладать несформулированными ценностями, важность которых становится для них очевидной лишь в случае возникновения угрозы для этих ценностей. Вероятно также, что иерархии ценностей могут существенно изменяться среди различных групп национальных популяций; к примеру, значимость ценностей участия, вероятно, выше для политических активистов, нежели населения в целом. Так или иначе, представляется вероятным, что заботы, которые выражают люди при ответах на неструктурированные вопросы типа тех, что задавались в опросах Кантрила, указывают на относительную важность различных классов ценностей внутри наиболее крупных гетерогенных (т. е. общенациональных) популяций. На основе этих данных можно сделать вывод из гипотезы ID.2.

Следствие ID.2.1. В любой гетерогенной популяции интенсивность относительной депривации наиболее велика по отношению к расхождениям действующих экономических ценностей, несколько меньшая по отношению к ценностям коллективности и безопасности и наименьшая относительно ценностей участия, самореализации, статуса и идеациональной связи.

Близость цели и ценностная отчетливость

В качестве другой релевантной психологической связи выступает принцип «градиента целей»: чем ближе индивид к цели, тем сильнее в нем тенденция приближения к ней. Экспериментальное исследование Ханера и Брауна предполагает возможность приложения его результатов к вопросам ценностной отчетливости и агрессии. Дети играли в игру, которая прерывалась по зуммеру, после чего они должны были нажать

на плунжер, завершающий игру. Чем ближе были они к окончанию игры, когда звучал зуммер, тем сильнее ударяли по плунжеру. Интерпретация, которую дал Берковиц этому и ряду других исследований, состояла в том, что «индуцируемые фрустрацией эмоциональные реакции явно возрастают по своей силе по мере приближения индивида к цели его деятельности, предположительно вследствие того, что сила препятствующей тенденции также возрастает с приближением к цели»³³. Этот вывод согласуется с тем, что мы наблюдаем при проявлениях политического насилия. Хоффер — один из представителей теоретиков, указывающих на то, что «неудовлетворенность, вероятно, является наивысшей, когда люди терпят невзгоды; когда условия улучшаются настолько, что идеал представляется почти достижимым... интенсивность неудовлетворенности становится обратно пропорциональной расстоянию от горячо желаемого объекта»³⁴.

Однако количество усилий, вложенных в достижение или поддержание ценностной позиции, представляется настолько релевантным, насколько близка желаемая позиция сама по себе. То есть если люди обладают сравнительно низкой ценностной позицией, и много работали в направлении достижения более высокой ценностной позиции и убеждены, что она близка, средняя интенсивность побуждения или отчетливость будет высокой — почти несомненно больше, чем в том случае, если бы затрачиваемое усилие было мало. Гипотетический прирожденный клерк, который изучал свое ремесло и десять лет совершенствовал свои умения в стремлении сдать экзамен на продвижение, будет, вероятно, испытывать при провале более сильное чувство депривации, нежели меланезийский приверженец *Marching Rule* или карго-культ^а, который совершил определенные ритуалы, а затем пассивно ожидает, чтобы боги или белые люди обеспечили его материальными жизненными благами³⁵.

Возрастание отчетливости цели по мере того, как люди приближаются к ней, измеряется не реальной близостью ее, а *воспринимаемой*. Событие, которое вызывает ощущение RD, может быть просто осознанием того, что цель, казавшаяся уже совсем рядом, тем не менее отодвигается. Сильное раздражение безработных выпускников университетов в развивающихся странах — это отчасти следствие их наивных предвыпускных и послевыпускных иллюзий, открытия того факта, что они не

^а Разновидность миллениарианистского движения, получившая широкое распространение в Меланезии в современную колониалистскую эпоху. — *Примеч. пер.*

в состоянии занять достойных позиций и высокого статуса, которые, как они ожидали, позволит им занять полученное образование³⁶. Движению африканских колоний к независимости немало повредило насилие, когда официальная непокорность обратила это движение вспять. В Конго фрустрация нереалистичных ожиданий по поводу утопических надежд на получение независимости подлила масла в огонь «второй независимости» в 1963 г.³⁷ Два современных примера дает нам Вьетнам. Французская реокупация 1946 г. была массивной атакой на властные позиции, приобретенные Вьет-Мином тяжелой ценой в период японской оккупации, привела к интенсивному революционному сопротивлению³⁸. Сравнимую с этим фрустрацию испытывали члены Национального Освободительного Фронта в Южном Вьетнаме, когда началась эскалация вторжения Соединенных Штатов в 1963 г., в то время, когда НОФ обладал полным и достаточно успешным контролем над страной. Возросшую в обеих ситуациях революционную активность можно отчасти отнести на счет решимости революционной элиты укрепить свои позиции, но принципы градиента цели и фрустрации заставляют предположить, что такие паттерны событий также генерировали резко интенсифицированные побуждения к «нереалистичной» агрессии среди кадровых и рядовых членов движения, так долго находившихся в гуще борьбы. Это обсуждение подкрепляют два дополнительных вывода о детерминантах отчетливости ценностных ожиданий.

Следствие ID.2.2. Отчетливость ценностей имеет тенденцию к изменению с размерами среднего усилия вложенного в достижение или поддержание позиции, желаемой для данной ценности.

Следствие ID.2.3. В случаях устремленной депривации отчетливость ценности имеет тенденцию к изменению с воспринимаемой близостью желаемой ценностной позиции в момент впервые испытываемого расхождения.

Детерминанты интенсивности: число возможностей

Степень RD есть функция расхождения между ценностными ожиданиями и возможностями; отчетливость — это характеристика ценностных ожиданий как таковых. Третья детерминанта интенсивности — это характеристика ценностных возможностей: число и диапазон альтернативных направлений действий, которыми располагают люди для достижения того, что они понимают под хорошей жизнью.

Гипотеза ID.4. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется с удельным весом ценностных возможностей, в отношении достижения которых испытывается или препятствуется.

Существует большое число доказательств и наблюдений в поддержку общего представления, более точно формулируемого гипотезой ID.4, относительно того, что увеличение числа возможностей, имеющих-ся у людей, снижает потенциал гражданских беспорядков. Релевантное предположение в модели фрустрации–агрессии состоит в том, что чем больше число фрустраций, тем сильнее побуждение к агрессии. Берковиц обнаружил, что субъекты, получавшие два следовавших один за другим враждебных замечания, были более агрессивны по отношению к своим партнерам, нежели те субъекты, которые имели одну недружественную коммуникацию или не имевшие ни одной³⁹. Палмер отмечал, что осужденные убийцы в детстве были подвержены значительно большим физиологическим и психологическим фрустрациям, нежели сравниваемая группа неубийц, а кроме того, прошли обучение меньшему числу социально приемлемых форм освобождения от агрессии⁴⁰. Миллер предлагал более общую интерпретацию гипотезы о «числе фрустраций». Он утверждал, что, хотя гнев может быть вызван любой фрустрацией, доминантными могут оказаться (как, вероятно, и должно быть у любого хорошо социализированного взрослого человека) и другие, неагрессивные, ответы. Если эти неагрессивные ответы снимают фрустрацию, недружелюбного поведения, вероятно, не возникнет. Но, если доступные индивиду альтернативные ответы не уменьшают фрустрации, от них, вероятно, откажутся, и с возрастающей степенью вероятности возникает агрессия⁴¹. Когда в экспериментальной ситуации, сконструированной Марквартом, взрослые люди подвергались фрустрациям, они постепенно обучались новым ответам. Перед ними ставили заведомо неразрешимые проблемы и подвергали различным степеням наказания за неудачи; затем руководителей заменяли на новых, неизвестных им, так что последующие ответы делали возможным разрешение проблемы. Члены группы, подвергавшейся наиболее суровому наказанию, затрачивали примерно вдвое больше времени на обучение правильному решению; Майер интерпретирует это как доказательство наличия порога фрустрации⁴². Члены группы, предположительно перешагнувшие порог, фиксируются на своей последней неагрессивной альтернативе ответа и, вероятно, уже не становятся агрессивными вследствие отсутствия доступных мишеней для проявления агрессии.

Имеются важные основания для предположения, что узкие диапазоны возможностей усиливают побуждения к коллективному насилию. Ольсон атрибутирует политическую нестабильность модернизирующихся обществ относительно дефициту социетальных ценностных

возможностей: «...на ранних стадиях индустриализации в обществах еще редко имеются необходимые институты для смягчения бедствий людей, терпящих лишения. В то время как традиционные социальные институты... часто обладают своими способами оказания помощи тем, кто испытывает бедствия, а зрелые индустриальные общества развили институты вэлферов, общества, находящиеся на ранних стадиях индустриализации, вероятно, не располагают адекватными институтами для заботы о тех, кто страдает от последствий экономического прогресса»⁴³.

Ридкер производит сравнение с более общих позиций. «Человек, который не видит возможностей удовлетворения своих стремлений продуктивным способом, с большей степенью вероятности будет выражать свою неудовлетворенность деструктивными способами, нежели тот человек, который убежден, что в его настоящем положении имеются социально приемлемые альтернативы». Он идентифицирует три ценностные альтернативы:

- 1) число приемлемых рабочих мест, открытых для индивида (социальные ценностные возможности);
- 2) восприятие индивидом возможностей создания приемлемых для него рабочих мест (индивидуальные ценностные возможности);
- 3) возможности миграции в те места, где имеются доступные ценностные возможности⁴⁴.

Теоретические по поводу повышающих уровень стабильности влияниях плюрализма предполагают действенность множественных политических ценностных возможностей. Танненбаум, например, утверждает, что политическая стабильность и свобода требуют существования множества малых обществ, каждое из которых обладает собственной сферой политического действия⁴⁵. Существование многих малых политических единиц означает большее число альтернативных структур или структурных позиций для удовлетворения властных ценностных экспектаций.

Кейз-стади и сравнительные доказательства также подтверждают этот тезис. Броган отмечает, что в середине девятнадцатого столетия английские рабочие избегали революционных методов, что находилось в резком противоречии с линией поведения рабочего класса, и выдвигает в качестве причин этого то, что английские трудящиеся прибегали к «самопомощи, самообразованию, организации и внедрению в сложившийся порядок... Создавались новые кооперативы; создавались товарищества взаимопомощи и тред-юнионы...»⁴⁶. Кинг атрибутирует

хронически происходящие в ряде латиноамериканских стран переводы недостатку адекватных возможностей для претендентов в элиту, обладающих экономическими амбициями. Считается, что политические должности, захватываемые в случае необходимости незаконно, обеспечивают возможности для удовлетворения таких амбиций⁴⁷. Ряд авторов указывают на миграцию как альтернативный ответ на возникновение неудовлетворенности. Сорокин, приводя данные по России, Ирландии и многим другим странам, показывает, что миграция является ответом на природные бедствия и войны, равно как и на предреволюционные ситуации⁴⁸. Грир показал, что самые беспокойные города и департаменты революционной Франции имели наивысшие показатели эмиграции — включая не только те департаменты, которые поддерживали революцию, но равным образом и контрреволюционные области⁴⁹. Суть состоит в том, что неудовлетворенность и лишения, которые вызвали революцию, и реакция на нее загодя подталкивали некоторых людей к эмиграции. Данные, которые Тилли компилировал по Вандее, аналогичным образом показывают значительные показатели эмиграции священников и аристократов из патриотически настроенных центров на протяжении ряда лет, предшествовавших контрреволюции⁵⁰.

В предыдущей главе были идентифицированы три типа ценностных возможностей: личностные, социетальные, политические, которые относятся соответственно к личностным возможностям (умениям) для достижения ценностей, нормативным средствам приобретения ценностей в обществе и способности оказывать влияние на других для обеспечения своего ценностного удовлетворения. Диапазон возможностей каждого типа существенно меняется как от одной страны к другой, так и внутри одной страны. К примеру, неграмотный крестьянин в модернизирующемся обществе обладает довольно ограниченными средствами для приобретения экономических ценностей: он знает, как вырастить небольшой урожай в пределах довольно узкого диапазона условий окружающей среды, как построить и содержать фермерское хозяйство, но если его традиционные методы не будут иметь успеха или если он стремится к извлечению денежного дохода, то положиться он может лишь на свои сельскохозяйственные умения да на рабочую силу, которую он может предложить на рынке труда. Экономические ценностные возможности в его непосредственном окружении, вероятно, также ограничены: деревня может иметь запасы продовольствия, накопленного на случай возможного голода, а сельскохозяйственные ссуды и расширение услуг вряд ли доступны, а возможности получения оплаты за труд

весьма низки, если он и не мигрирует в город. Еще сильнее ограничены его политические возможности. Если у него есть наемные работники или арендаторы, или если он обладает определенным влиянием в политической иерархии, он имеет возможность потребовать увеличения своей доли сверх обычного размера. Региональная или национальная политическая организация может повлиять на обеспечение определенного уровня потребления продукции местного производства, но мнение или избирательный голос одного человека вряд ли обладают при этом значительным эффектом.

Грамотный клерк в том же самом обществе имеет гораздо большие экономические возможности. Лично он имеет приобретенные умения, менее разнообразные, нежели у фермера, однако раскрывающие перед ним более широкий спектр возможностей для занятости. Ограничения в сфере занятости детерминируются отчасти экономической диверсификацией, спросом на определенные умения и дискриминационными барьерами на занятие определенных позиций или продвижение. Если он не видит шансов для удовлетворения своих ценностных экспектаций, он может прибегнуть к помощи сильнодействующих политических средств, включая свое членство в тред-юнионе, для того, чтобы принудить работодателей повысить зарплату, и участие в политических движениях, ставящих своей целью взломать традиционные барьеры на пути экономического роста и мобильности.

Тот факт, что клерк имеет более разнообразные ценностные возможности, не обязательно должен означать, что его способности к их достижению больше, чем у крестьянина. Почти несомненно, что ценностные экспектации клерка выше, чем у крестьянина, а его ценностные возможности при всем их разнообразии могут оказаться менее эффективными для удовлетворения экспектаций, нежели умение крестьянина добывать средства к жизни с помощью сельского хозяйства — для удовлетворения своих материальных потребностей. Гипотеза ID.4 выдвигает условие, что в тех случаях, когда крестьянин и клерк испытывают RD, их гнев будет возрастать пропорционально числу возможностей, остающихся закрытыми для них; гнев крестьянина будет, вероятно, возрастать быстрее, поскольку возможности его, будучи меньше по объему, исчерпаются раньше. Следствие ID.2.2 предполагает важную характеристику этого процесса: клерк, затрачивая большую энергию на поиски и выявление своих возможностей, становится во все возрастающей степени приверженным той ценности, которую он преследует, так что, если (и когда) он исчерпает все возможности, интенсивность его гнева будет, вероятно, больше, и соответственно большей

окажется и величина насильственного ответа. Графически эта связь и ее смысл для интенсивности RD, установленный в следствии ID.4.1, изображены на рис. 4. Кривая *A* на этом графике изображает возрастание интенсивности RD (гнева) для личности или группы, когда они исчерпают ограниченный ряд ценностных возможностей, кривая *B* — это возрастание RD для личности или группы, имеющих большее число возможностей. Вспышка насилия на *A* в точке X_a возникает, вероятно, более быстро, но с меньшей величиной, нежели вспышка на *B* в точке X_b .

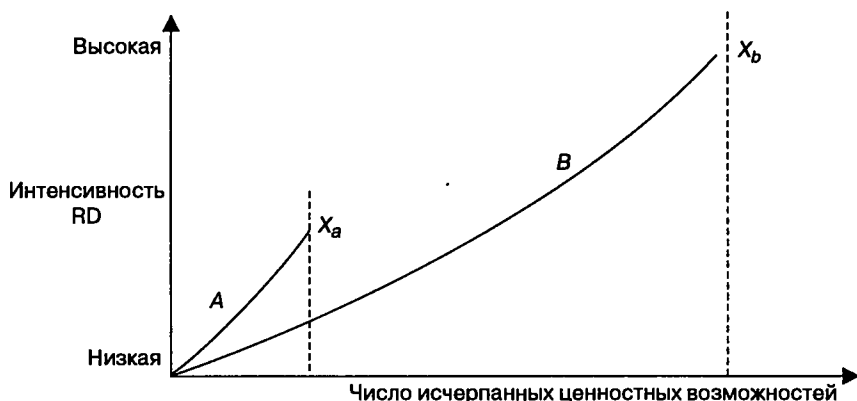

Рис. 4. Интенсивность RD, предшествующая вспышке насилия при данном числе ценностных возможностей

Следствие ID.4.1. Интенсивность относительной депривации умеренно возрастает по мере увеличения числа активно преследуемых ценностных возможностей, в отношении которых испытывается или предвидится препятствие.

Эта связь справедлива лишь для активно преследуемых ценностных возможностей, поскольку увеличение ценностной отчетливости, а следовательно, потенциального RD, являются функциями усилий, затрачиваемых на приобретение ценности; ограничение ценностных возможностей, считающихся таковыми, но не преследуемых вследствие предвидения неудачи, не влияет на увеличение ценностной отчетливости.

Если эта связь применима в общем смысле, то она имеет важное значение для последствий различных стратегий ответа правительства на требования роста объема распределяемых ценностей. Общий характер такого ответа состоит в том, чтобы основать новые программы, предназначенные для увеличения социетальных ценностных возможностей.

Требования земельной реформы в Латинской Америке были удовлетворены в некоторых странах с помощью широко разрекламированных программ переселения и перераспределения (например, в Мексике, Чили, Боливии, Венесуэле и Колумбии). Требования американских негров о расширении экономических возможностей привели к созданию корпусов занятости и ряда других государственных и частных программ, направленных на повышение рабочей квалификации и возможностей. Но такого рода программы обещают больше, нежели в состоянии выполнить. До той степени, в которой голодные крестьяне и безработные обитатели гетто воспринимают новые программы как увеличение их ценностных возможностей, пределы их неудовлетворенности отодвигаются. До той степени, в какой они пытаются использовать эти возможности и обнаруживают, что они не в полной мере окупают себя, их неудовлетворенность обостряется. Кроме того, горечь их, вероятно, фокусируется скорее на деятельности виновника их конечного разочарования — правительства, которое выдвинуло предложения, обманувшие их надежды, — нежели на источниках их прежних фрустраций. Короче говоря, обещание в программе реформ решить проблемы недовольства народных масс направлено на то, чтобы снизить непосредственный потенциал возникновения насилия, но оно терпит неудачу в той степени, в какой ведет к росту широкомасштабного потенциала и фокусирует его на тех, кто притязает на реформаторство.

В диапазоне ценностных возможностей, открытых для членов различных систем и групп, существуют систематические различия. Сравнение крестьянина с клерком предполагает, что ценностные возможности благосостояния будут наибольшими для тех групп, члены которых имеют целый ряд особых личностных характеристик. К таким характеристикам могут относиться: высокий уровень символических и манипуляционных умений и хорошее здоровье, а кроме того, наличие социального окружения, которое может предложить разнообразие профессиональных ролей, широкие источники экономических благ и минимальные барьеры вертикальной и горизонтальной мобильности. Политические структуры такого окружения способствуют плюралистическим отношениям, поощряют высокий уровень деятельности, имеют и развивают существенные способности для генерирования и перераспределения ценностей благосостояния. Это можно было бы принять в качестве описания идеального типа современной социальной демократии; такие условия могут также в той или иной степени поддерживать для таких субнациональных коллективностей как верхушка средних классов и традиционные олигархии в других обществах, радикально

отличающихся от этого идеального типа. Возможности для удовлетворения личностных ценностных экспектаций — статусных, общинных и ценностей связи — вероятно, будут наибольшими при наличии совершенно иного культурного окружения. Такие личностные характеристики, как неконкурентность, аккомодация, готовность к компромиссу и честность, представляются скорее инструментальными для достижения межличностных ценностей. Соответствующими социетальными характеристиками выступают стабильность родства и коммунальные паттерны, стабильность и гомогенность систем верования и доступ к политическим средствам для поддержания систем верования и защиты стабильных социальных связей от внешней и внутренней угрозы. Другими словами, социальная система или подсистема, обладающая сущностными характеристиками *Gemeinschaft*, предоставляет больше возможностей своим членам для достижения высоких уровней межличностных ценностей, нежели господство системы *Gesellschaft*^{*}. Это положение можно охарактеризовать следующим образом: в высоко индустриализированных обществах существует много относительно гомогенных стабильных общин и систем соседства, которые предлагают такие ценностные возможности и прилагают постоянные усилия для установления новых паттернов ассоциации, способных удовлетворить потребности межличностного характера.

Некоторые эффекты антиципации и постоянства RD

Гипотеза ID.5. Интенсивность относительного лишения изменяется криволинейно на протяжении времени, следующего за началом расхождения.

Следствие ID.5.1. Чем больше отчетливость ценности, вызванная расхождением, тем дольше продолжается существование RD.

В этой гипотезе и следствии из нее предпринимается попытка синтезировать и обобщить некоторые из разнообразных доказательств воздействий переменной времени на интенсивность и последствия RD.

* Введенная немецким социологом Ф. Тённисом дихотомия классической типологии социальности: *Gemeinschaft* — сообщество (община), наиболее широко распространенная в традиционном социуме, где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и *Gesellschaft* — общество (ассоциация), типовая в индустриальную эпоху, где преобладают формальные институты. — *Примеч. пер.*

Серьезная аргументация предполагает, что, если люди предвидят повторяющиеся препятствия их деятельности, устремленной на достижение конкретной цели, на протяжении длительного времени, они, вероятно, пересматривают свои ценностные экспектации. В антропологическом приложении гипотезы фрустрации-агрессии Бейтсон указывал, что балинезийские матери неоднократно подвергают своих детей какому-либо соблазну, а затем отказывают им в вознаграждении, вырабатывая у них таким образом высокий уровень толерантности к фрустрации и предрасположенности к поиску других способов действий или других целей, когда они предчувствуют возникновение фрустрации⁵¹. Аналогичным образом Коэн и другие в экспериментальном исследовании обнаружили, что изучаемые ими субъекты, будучи раз приучены к фрустрации, возникавшей вследствие того, что их желания не получали социальной поддержки, в дальнейшем с меньшей вероятностью устремлялись к их удовлетворению⁵². Берковиц, используя пары субъектов, которые в различных комбинациях получали друг от друга враждебные замечания, обнаружил, что самый высокий уровень недружелюбности (агрессии) возникал у субъектов, которые получали два враждебных замечания подряд, но при этом возрастание уровня враждебности после получения второго замечания было меньшим, нежели после получения первого замечания, вероятно, вследствие того, что субъекты уже предвидели получение второго враждебного замечания⁵³. Другое исследование показывает, что даже очень краткая отсрочка в выражении агрессивного ответа после начала фрустрации увеличивает интенсивность агрессии, когда она возникает⁵⁴.

Предполагаемые выше связи представляются совместимыми со всеми этими выводами. Предвидение фрустрации увеличивает интенсивность RD пропорционально значимости и отчетливости ценности (см. выше гипотезы ID.1 и ID.2). До той степени, в какой отчетливость ценности низка, и могут быть найдены заменители ценностных удовлетворений, интенсивность гнева будет невелика и может быть легко подавлена или отклонена. Однако если степень лишения и ценностной отчетливости высока и если жертва RD не имеет перед собой альтернатив или средств избежать RD, она будет реагировать с возрастающей интенсивностью гнева. Кроме того, если она предрасположена к тому, чтобы нанести удар по источнику своего дискомфорта, но не может сделать этого из страха возмездия, недостатка средств, ее гнев будет продолжать расти на кратком отрезке времени. Однако на продолжительном протяжении времени уровни ценностных экспектаций или отчетливости

ценностей будут, вероятно, снижаться; вероятно также, что жертва будет постепенно уступать обстоятельствам.

Аналогичный паттерн наблюдается в коллективном поведении. Апатия и покорность — это обычные ответы на продолжительную безработицу в районах гетто, ослабленных сельских регионах и в общинах, подверженных экономической депрессии. Химмельзуйт, комментируя одно из систематических исследований апатичного ответа на безработицу, высказала предположение, что «причина такой реакции кроется, вероятно, в продолжительном характере испытываемой фрустрации и может смениться реакциями протеста»⁵⁵. Такой характер носили ответы американских индейцев на покорение их армией Соединенных Штатов и белыми поселенцами на протяжении второй половины XIX в. Активные боевые действия против белых подавлялись с эффективностью, возросшей в 1870-х гг., и индейцы Равнин во все большем числе переселялись в новые регионы. Среди наиболее распространенных в 1880-х гг. было воинствующее движение Танцующих Духов, которое делало акцент на воображаемом уничтожении белых, но временами оно разражалось реальными вспышками насилия, такими, например, как восстание Сиуксов 1890–1891 гг. Подавление этих спорадических вспышек и движения Танцующих Духов сопровождалось появлением религии Пайотов, носившей скорее родовой, нежели воинствующий характер. Смелзер, у которого мы заимствовали этот пример, приходит к выводу, что под гнетом продолжительных репрессий такие движения эволюционируют в «прогрессивно в наиболее пассивные и наименее политически угрожаемые формы организации...»⁵⁶. Однако когда в начале двадцатого столетия войска были отведены, вспышек насилия не наблюдалось; уровни ценностных экспектаций и отчетливость явно снизились до достижимых в рамках жизни в резервациях под контролем белых.

Другим случаем такого рода является паттерн ответа небелого населения Южной Африки на политику апартеида. Эта политика, которая, в частности, навязывает небелым в городских зонах существенные и разнообразные ценностные лишения, в основном была приведена в действие в 1950-х гг. Парламентская дискуссия политиков и последовавшая за этим реализация выработанного политического курса в начале 1950-х гг. инспирировали значительную эскалацию насилия. Введение ограничительных законов и регулятивных актов и требование принудительной идентификации личности для африканцев, живущих за пределами племенных резерваций, вызвали волну забастовок и беспорядков, начавшихся в марте 1960-го и продолжавшихся в течение несколь-

ких месяцев. Однако в конце 1960-х гг., когда ограничения были сильнее, чем в любой предшествующий период, проявления насилия в отношении белых снизились до минимума. Отчасти это было результатом массированного и решительно проводимого подавления со стороны режима, однако та же решимость оказывалась недостаточной для сдерживания вспышек насилия в предшествующие периоды. Вероятно, можно предположить, что имело место некоторое снижение отчетливости ценностей участия и затрагиваемых статусных ценностей, если не уровня легитимных ценностных экспектаций как таковых⁵⁷.

Наличие внешнего ограничения в форме коерсивной политики или военного контроля над нелояльной частью населения — это наиболее общий источник смещения RD во времени. Если даже репрессия будет продолжаться в течение длительного периода, это необязательно поведет к снижению экспектаций. Студенты и средние классы Венгрии взбунтовались в 1956 г. после более чем пятнадцати лет сначала нацистских, а затем коммунистических репрессий. Конвульсивная народная реакция на военную диктатуру в Доминиканской Республике прорвалась в 1965 г., тридцать пять лет спустя после установления диктатуры Трухильо. Народ Бельгийского Конго находился под колониальным контролем более семидесяти лет до взрыва резкой враждебности в отношении белых, которая сопровождала приобретение независимости в 1960 г. Ни один из этих случаев нельзя считать четко выраженным. В каждом из них имеются свои источники экспектаций и новых деприваций, налагаемых слабеющими режимами, которые можно считать ответственными за побуждение к насилию. Тем не менее можно считать вероятным, что многие из этих людей разделяли чувство устойчивого недовольства, основанное на легендах или воспоминаниях о минувших временах личной свободы и общественной безопасности.

Другим источником смещения RD во времени является истощение экономических ресурсов или изменение структуры экономики, снижающие средства пропитания региональных или профессиональных групп, таких как шахтеры Аппалачей и Уэльса, которые лишились возможностей добывания средств к существованию вследствие изменения технологии и истощения ресурсов, а также надомных ткачей в Англии начала XIX в., которые потеряли все из-за механизации текстильной промышленности. Шахтеры ответили с самого начала стачками и вспышками спорадического насилия, ткачи — луддитскими мятежами, которые были направлены на разрушение новых ткацких станков⁵⁸. Эти события происходили в динамичных индустриальных обществах, где рабочие

могли найти альтернативные экономические возможности. Те, кто не мог, впадали в откровенную апатию. Однако при потере средств к жизни в более статичных обществах насильственный протест становится хроническим и эндемичным. Крестьянский анархизм, получивший развитие в Андалузии в шестом десятилетии XIX в., был явным ответом на массивные разрушения экономических и общинных связей, вызванные введением капиталистических правовых и социальных отношений в сельской местности; миллениариантские сельские восстания, происходившие в этом регионе до 1930-х гг., вышли за пределы жизни того поколения, которое испытало на себе воздействие первоначального разрушения⁵⁹. Еще более затянутым был ответ перуанских индейцев *сьерры* на отчуждение их земель креольскими землевладельцами — процесс, начавшийся в XVI в. и продолжавшийся до девятнадцатого. Сопrotивление индейцев было чрезвычайно спорадическим и неорганизованным, но никогда не прекращалось, и любого ослабления надежды было достаточно, чтобы с новой силой заявить о старых претензиях. Во время инаугурации президента Белонде 28 июля 1963 г., обещавшего во время своей избирательной кампании проведение земельной реформы, по всей стране прокатилась волна захвата земель индейцами⁶⁰.

Эти примеры демонстрируют, что ощущение RD может продолжаться в общине после своего начала неопределенно долго. Это представляется вероятным последствием убывающей RD, которая оказывает влияние на ряд классов ценностей групп, проживающих в сравнительно статичных обществах, т. е. обществах, располагающих немногими альтернативами ценностей и ценностных возможностей. В таких обстоятельствах вероятно передача от одного поколения к другому легенд об утраченной хорошей жизни и наставления новому поколению — требовать восстановления того, что было отнято у их отцов и дедов.

Детерминанты масштабов относительной депривации

Интенсивность RD — это психокультурная переменная; базовой единицей анализа здесь выступает индивид, и интенсивность последующего гнева в коллективности являет собой совокупность (или усреднение) гнева, ощущаемого ее членами. **Масштаб RD** — это социетальная переменная; единицей анализа здесь выступает коллективность, и операциональным вопросом является доля ее членов, которые разделяют

установленные уровни неудовлетворенности, — вопрос, ответ на который можно получить либо с помощью опросных методик, либо на основе вывода из свойств социальной системы. Например, паттерн продолжительного экономического роста, за которым следует резкий спад, можно наблюдать в различных обществах, не переживших революции, которую Дэвис постулирует как результат такого паттерна. Именно поэтому отчасти «J-кривая» паттерна прогрессивной депривации является не недостаточным, а лишь располагающим условием политического насилия. Более важным является то, что доля населения, подверженная воздействию прогрессивной экономической RD, значительно меняется для различных типов обществ. Резкое падение валового национального продукта Танзании или Таиланда, вероятно, испытывали на себе от 10 до 15 % рабочих, которые зависят от валютной экономики; относительный спад в Соединенных Штатах или Аргентине может иметь — и в случае Аргентины действительно имел — революционные последствия, поскольку фактически трудоспособная часть их населения уже испытывала на себе воздействие экономической депрессии. Подобно этому, оценка потенциала коллективного насилия в Соединенных Штатах и Южной Африке должна принимать во внимание и относительную интенсивность гнева небелой части населения по поводу дискриминации и его относительные масштабы; в Южной Африке дискриминационные факторы оказывают воздействие на 81 % населения, в Соединенных Штатах — на 12 %.

Некоторая неудовлетворенность существует почти у всех членов всех обществ, так что в глобальном анализе, который не делает различий между социальными группами или типами интенсивности RD, масштаб RD приближается к 1. Но, вероятно, в любой данной группе существует *диапазон неудовлетворенности*, в общей форме показанный на рис. 5. Решающий эмпирический вопрос заключается в том, какая доля населения или какие особые сегменты его, вероятно, будут неудовлетворенными за пределами некоего порогового значения X. Выбор порога зависит от конкретных эмпирических целей и процедур. При использовании опросных методик одним из возможных порогов может стать согласие респондента с таким ответом, как «я думаю, что люди должны предпринять любые действия, законные или незаконные, чтобы исправить сложившийся порядок вещей». Используя социетальные данные, можно оценить примерную долю населения, которая со структурных позиций будет, вероятно, испытывать неблагоприятное воздействие определенного типа событий или условий.

Поскольку последний подход наиболее применим для кросс-национальных сравнительных исследований коллективного насилия, он может оказаться полезным при выборе альтернативных стратегий и разработке выводов о масштабах RD и для того, чтобы наметить некоторые путеводные линии для определения масштабов RD, вызванной различными типами ценностно-депривирующих условий. Дискуссия будет также иллюстрировать типы дополнительных условий, способных вызвать RD.

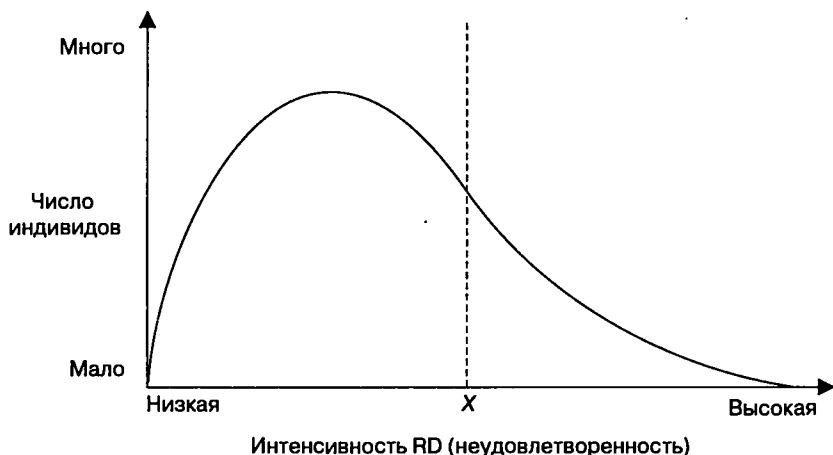

Рис. 5. Гипотетическое распределение интенсивности RD в коллективности

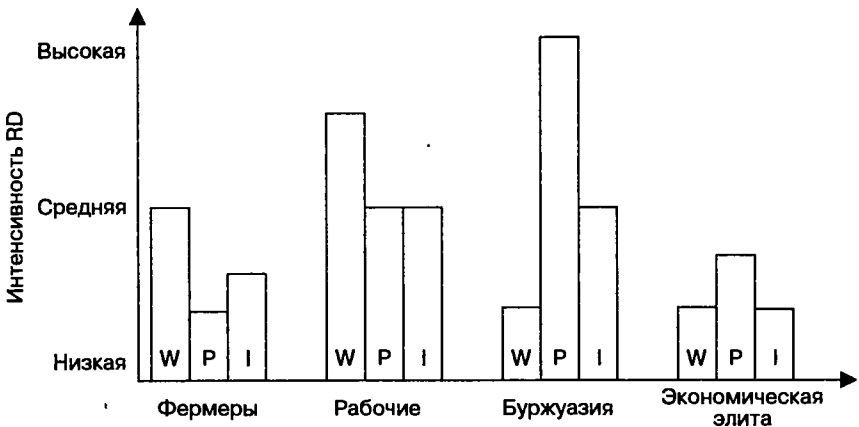
Подход социальной стратификации

В этом подходе вначале оцениваются размеры групп, потенциально испытывающих RD, а затем производится оценка интенсивности RD в этих predeterminedенных группах. Первый шаг состоит в том, чтобы идентифицировать ряд социоэкономических, политических или региональных страт, охватывающих все население общества, подвергаемого исследованию. Для целей кейз-стади этот ряд страт может оказаться слишком сложным и идиосинкразическим в отношении конкретных страт; более подходящим для целей сравнения будет небольшой ряд страт, определяемых в общем смысле. Затем могут быть использованы данные переписи или оценки относительных размеров классов, что даст возможность оценить размеры каждой страты. Ниже предлагаются два альтернативных ряда страт обществ, находящихся на средних стадиях экономического развития с определением гипотетических пропорций.

<i>Классовая и демографическая страта</i>		<i>Экономическая страта</i>	
Низшие классы:		Крестьяне, работающие на уровне пропитания	0,30
сельские	0,55	Фермеры товарного производства	0,30
городские	0,20	Неквалифицированные рабочие	0,20
Низшие средние классы:		Квалифицированные рабочие	0,10
сельские	0,10	Буржуазия и профессиональные служащие	0,06
городские	0,10		
Высшие средние классы:		Предприниматели и крупные землевладельцы	0,01
сельские	0,01	Политическая элита и правительственные чиновники	0,03
городские	0,02		
Высшие классы:			
сельские	0,01		
городские	0,01		

Следующий шаг при такой стратегии исследования состоит в том, чтобы поочередно изучить каждую группу или особые интересы группы, используя более или менее точные методики для оценки интенсивности RD каждой группы по отношению к тому или иному классу ценностей (рис. 6). Простейшая процедура — слишком неточная, за исключением наиболее общих сравнительных исследований, — состоит в том, чтобы на основе общей информации вынести впечатление о той степени, в какой степени (слабо, умеренно или сильно) каждая из групп испытывает депривации в отношении каждой из отчетливо выраженных ценностей. Предпосылкой для вынесения такого рода суждений выступает знание иерархии ценностей для каждой группы в ее прошлых и нынешних условиях существования. Чем более подробна доступная информация, тем более точными будут суждения. Альтернативно можно воспользоваться специальными индикаторами RD для каждого класса исследуемых ценностей, например уровнем относительных доходов в качестве показателей экономической RD, показателями миграции в качестве индикаторов разрушения общины, уровнем репрессивной политики в качестве RD в отношении ценностей власти и т. д. Какие бы процедуры ни были выбраны, их результаты можно представить графически в форме профилей RD по социальным стратам и классам ценностей. Количественные соотношения, определенные для каждой

страты, являются мерами масштаба каждого класса RD. Если числовые отметки определены по точкам вдоль континуума интенсивности RD, можно рассчитать сравнимые показатели по каждому классу RD для каждой страты, взвешенно по масштабу каждого класса RD и общий показатель RD для всей страты. Пример относится к стратам национальной популяции; такие же процедуры можно использовать для того, чтобы разработать сравнительные профили рядов стратифицированных коллективностей по любой шкале, включая нации, регионы, города, малые группы, а также любую из таких позиций в различных временных точках.

W = ценности благосостояния; P = ценности власти; I = межличностные ценности

Рис. 6. Гипотетическое распределение интенсивности RD в коллективности по социальным стратам и по классам ценностей

Паттерн депривационного подхода

Этот подход использует predeterminedные дефиниции событий и условий, которые индуцируют неудовлетворенность; масштаб RD выводится из структурных характеристик коллективностей, в которых наблюдаются такие события. Начальным шагом в такой исследовательской стратегии является операциональное определение условий, которые, как предполагается, выступают депривирующими в коллективности или в коллективностях, подвергаемых изучению; жесткость условий должна оцениваться в той степени, в какой они проявляются. О некоторых видах RD можно сделать вывод из таких данных совокупной статистики, как абсолютные уровни инфляции, относительные уровни спада экономической продуктивности и меры неравенства в распределении

земли и доходов⁶¹. Относительно других можно сделать вывод из анализа таких условий, как систематическая дискриминация по отношению к этническим, лингвистическим и религиозным общинам; расхождения между нормами распределения; ограничения политического участия⁶². Примеры нескольких типов таких паттернов предлагаются ниже — без общего определения, поскольку они используются здесь в иллюстративных целях — с методиками оценки их воздействия.

Примеры *общих экономических бедствий* включают в себя депрессию, инфляцию и падение цен на предметы потребления в экспортно-ориентированных монокультурных экономиках. «Популяция риска» в таких условиях охватывает зависящих от денежных доходов людей, большинство из которых, вероятно, каким-то образом испытает неблагоприятное воздействие экономического дисфункционирования, а следовательно в какой-то степени неудовлетворенность. Операционально можно предположить, что интенсивность неудовлетворенности будет изменяться по мере изменения жесткости депрессии или инфляции. Ее масштаб можно операционально определить как отношение числа всех наемных работников, находящихся на зарплате или на жаловании, к общей численности экономически активного населения. Такие данные для 1950-х и 1960-х гг. доступны по большинству стран, а по многим странам — и для более ранних периодов⁶³. Пропорции наемных работников в монетарных экономиках изменяются с изменением уровня развития: в неразвитых странах эта доля редко превышает 0,10, тогда как в странах, находящихся на ранних стадиях развития — между 0,50 и 0,80, а в наиболее развитых — 0,90 и выше⁶⁴.

Экономическое бедствие обычно по-разному влияет на различные группы, и часто оказывается возможным разделить такие группы и определить их размеры. Условия, подходящие для того, чтобы генерировать *экономические RD с основным воздействием на рабочих из числа «синих воротничков»*, включают в себя регулятивные меры, ограничивающие зарплату, ухудшающие условия занятости, интенсифицирующие требования улучшения зарплаты, а также правительственную политику, снижающую уровень социоэкономического и политического состояния рабочих относительно положения высших и средних классов. «Популяция риска» для многих таких условий, как можно предположить, включает тех занятых из числа «синих воротничков», которые живут на зарплату в неаграрных сегментах или в некоторых из аграрных. Другие типы экономического RD оказывают *основное воздействие на представителей агрокультурных секторов*, например, падением цен на сельскохозяйственные культуры, ухудшением условий занятости

в сельском хозяйстве, ограничением условий владения для мелких хозяев, засухой. Для большинства современных обществ существуют оценки пропорций численности людей, занятых в сельскохозяйственных и связанных с ними сферах, которые дают основу для оценки «масштаба» последующей неудовлетворенности.

Некоторые типы экономической RD, равно как и властной, и межличностной RD, с наибольшей вероятностью оказывают воздействие на конкретные классы или демографические группы. Можно прибегнуть к экономическому примеру, чтобы показать, что популяция риска, находящаяся в состоянии финансового бедствия, например бегства капиталов или конфискационной политики, направленной против предпринимателей, состоящих из капиталистов, владельцев бизнеса и тех представителей коммерческих классов, которые сами себя нанимают. В слаборазвитых обществах эти группы редко охватывают более 0,01 популяции; в странах на средних стадиях развития — около 0,02 и в наиболее развитых обществах редко превышает 0,05⁶⁵. *Другие условия, воздействующие, прежде всего, на высшие и средние классы* включают в себя политику прогрессивного налогообложения, правительственные акции, которые снижают относительные социоэкономические и политические преимущества средних классов и ограничительное регулирование коммерческого сектора. Можно также использовать данные переписи трудоспособного населения, чтобы сделать выводы о масштабах неудовлетворенности, вызванной такими условиями. Популяцию риска можно было бы операционально определить как профессионалов, администраторов, клерков, торговцев и связанных с ними «белых воротничков»; такие группы охватывают приблизительно 0,05 экономически активного населения неразвитых стран; 0,10 в странах на уровнях развития, приближающихся к среднему; 0,20 на средних стадиях и 0,30 на высших уровнях развития. В качестве примеров депривирующих условий, которые оказывают воздействие на конкретные демографические группы, можно было бы привести: введение всеобщей воинской повинности, предположительно оказывающее воздействие на мужчин специфически призывного возраста; сокращение набора в университеты, влияющее на нынешних выпускников средних школ; введение военного положения в той или иной провинции, которое оказывает воздействие на население провинции как части населения в целом.

Большинство из приведенных выше примеров относятся к депривирующим условиям, которые оказывают влияние на ценности благосостояния. Такого рода процедуры можно было бы разработать для сравнительного определения масштаба различных видов неудовлетво-

ренности, связанной с участием во власти. К примеру, один из наиболее распространенных типов RD политического участия проистекает из *ограничений и кризисов, оказывающих влияние на все виды политической деятельности*, таких как роспуск национальных представительных органов, запрет на деятельность политических партий и широко распространенное нарушение долга официальными лицами. Поскольку многие граждане даже в политически развитых обществах практически не интересуются политическими условиями своей жизнедеятельности, было бы сомнительно полагать, что все они чувствительны к такого рода действиям. Более удачной оценкой масштаба могла бы быть доля тех, кто добровольно принимает участие в политической деятельности. В многопартийных демократиях эту долю можно было бы операционально определить как долю населения избирательного возраста, принявшую участие в последних национальных выборах. Вывод о депривации политического участия можно также сделать из *ограничений и кризисов, оказывающих влияние на политическую фракцию*, например запрет или ограничение деятельности определенной партии, законодательство, предназначенное для того, чтобы поддержать в системе власти одну из партий в ущерб другим, или предложение о проведении в жизнь новой формы правления или политических процедур, препятствующих деятельности некоторых фракций. В этих случаях к группам риска RD относятся те, кто поддерживает политические фракции, испытывающие такого рода воздействие или разделяет их точку зрения. Хорошей оценкой масштаба является доля избирателей, которые поддерживают фракцию, испытывающую такое воздействие на самых последних конкурентных выборах, взвешенная на удельный вес той части населения, которая принимала политическое участие (выше). Поясним предлагаемую процедуру с помощью примера. Предположим, что 45 % населения Перу избирательного возраста принимали участие в президентских выборах 1962 г., где победил кандидат *Апристы* с 33 % общего числа поданных голосов. Вслед за этим власть захватили военные, чтобы не допустить занятия поста кандидатом *Апристы*, и потребовали проведения новых выборов, на которых победил Белонде из *Народного Действия*. В этом случае охват населения, которому была нанесена прямая и явная обида, составил электорат *Апристы* $0,45 \times 0,33 = 0,15$ от всего взрослого населения⁶⁶.

RD, воздействующую на ценности безопасности и межличностные ценности, можно вывести из ситуации *общей репрессии или широко распространенных требований свободы и порядка*, например состояния национальной блокады или опасности ее, нарушений общепринятых

конституционных гарантий, широкого разгула террора со стороны режима или его противников и общего разрушения общественного порядка. При таких условиях ни одна процедура не может быть использована для определения масштаба неудовлетворенности. Разрушение порядка и нарастание террора наиболее остро воздействует на тех, кто проживает в регионах, где это происходит, и на тех, кому есть что терять в смысле безопасности и благ. Временная или длительная приостановка гражданских свобод, вероятно, в наибольшей степени затронет более образованные группы; измерения масштаба могут быть обоснованы на оценках грамотности или удельного веса населения со средним образованием.

Сегментные ограничения, воздействующие на мобильность и распределительное равенство, дают последний ряд примеров условий RD, масштаб которых можно оценить исходя из данных о структуре общества. Сегментные ограничения имеют место, когда группам, определяемым на основе присваиваемых им характеристик, систематически отказывают в экономических, статусных ценностях или ценностях участия^{*}. Существование классовых, этнических, лингвистических, региональных или религиозных барьеров к достижению ценностей не обязательно ведет к неудовлетворенности, хотя требования социалистического равенства и дистрибутивной справедливости в современном мире настолько распространены, что можно было бы сделать вывод о существовании неудовлетворенности из одного лишь их наличия. Но любое установление сегментных ограничений там, где их никогда не было раньше, или широко распространившихся требований устранения существующих ограничений служат сильным свидетельством в пользу существования убывающей RD в первом случае и устремленной RD во втором. Неудовлетворенность недостатком ценностей участия часто выражается в требованиях большего политического участия и агитацией за реальную автономию. Сегментная экономическая и статусная неудовлетворенность может найти свое выражение в требованиях устранения ограничений или введения программ, выправляющих ситуацию, и предоставления компенсаторных^{**} ценностей, или же — в идеологиях, оправдывающих восстания низших классов. К такому заключению

* Этим обширным понятием (*participation*) в западной социологии и политологии обычно обозначают разнообразные формы участия членов общества в управлении его делами, чаще всего имея в виду возможности влияния граждан на выработку и принятие *политических* решений. — *Примеч. пер.*

** Возмещающих. — *Примеч. пер.*

можно прийти также, основываясь на анализе законодательных, бюрократических или военных нарушений традиционных привилегий или практики той или иной сегментной или региональной группы. Оцениваемый максимум масштаба RD конкретного сегмента пропорционален размеру сегментной группы, но нередко бывает так, что неудовлетворенность испытывают лишь некоторые ее члены⁶⁷. Так, интенсивные требования автономии в Бретани и Швейцарии, видимо, разделяли лишь немногие из обитателей этих регионов, поскольку реально эти требования не получили широкой политической поддержки. Однако требования большей автономии со стороны валлонов в Бельгии и со стороны франкоязычных канадцев выражаются в почти единодушной поддержке со стороны региональных политических партий и идеологий; видимо, масштаб неудовлетворенности в этих группах фактически тот же, что их пропорциональная величина в национальном населении.

Гипотезы о детерминантах масштаба RD предложены здесь не формально. Те из них, что я предлагал и рассматривал здесь, могли бы показаться или слишком узкими, или тривиальными. Однако специфические процедуры могут потребовать большей точности, нежели это возможно в сравнительных исследованиях, — в особенности для нескольких исторических эпох. Тем не менее общие подходы должны быть применимы, даже если они не всегда срабатывают для специфических предположений. Любая внимательная попытка понять, какая из социальных групп испытывает неудовлетворенность (и по какому поводу), даже если ее относительные размеры и интенсивность ее недовольства могут быть определены лишь приближенно, должна в конечном счете продвинуть и сделать более точной социальную историю бунта и революции.

Примечания

¹ Из автобиографического эссе, написанного в 1933 г., цитируется по *Theodore Abel, The Nazi Movement: Why Hitler Came to Power* (New York: Atherton Press, 1938, 1966), 125–126.

² *John Dollard and others, Frustration and Aggression* (New Haven: Yale University Press, 1939), 33.

³ *W. C. Runciman, Relative Deprivation and Social Justice* (Berkeley: University of California Press, 1966), 10.

⁴ *D. C. McClelland and F. S. Apicella, «A Functional Classifications of Verbal Reactions to Experimentally Induced Failures», Journal of Abnormal and Social Psychology, XI (July 1945), 376–390, cited in Leonard Berkowitz, Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: McGraw-Hill, 1962), 60.

⁵ J. R. P. French, Jr., «Organized and Unorganized Groups Under Fear and Frustration», in Kurt Lewin et. al., *Authority and Frustration* (University of Iowa Studies in Child Welfare, Iowa City: University of Iowa Press, 1944), and Edwin J. Thomas, «Effects of Facilitating Role Interdependence on Group Functioning», *Human Relations*, X (No. 4, 1957), 347–366, summarized in Berkowitz, 61–62.

⁶ Robert L. Hamblin and others, «The Interference-Aggression Law?», *Sociometry*, XXVI (June 1963), 190–216.

⁷ Hamblin and others, 193.

⁸ Bruce M. Russett et al., *World Handbook of Political and Social Indicators* (New Haven: Yale University Press, 1963), 97–100; Ted Gurr with Charles Ruttenger, *The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Causal Model* (Princeton Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 28, 1967), 38–41.

⁹ Ronald G. Ridker, «Discontent and Economic Growth», *Economic Development and Culture Change*, XI (October 1962), 1–15; Harald Lasswell and Abraham Kaplan, *Power and Society* (New Haven: Yale University Press, 1950), 261–268; Ivo K. and Rosalind Feierabend, «Aggressive Behavior Within Politics, 1948–1962; A Cross-National Study», *Journal of Conflict Resolution*, X (September 1966), 250–251.

¹⁰ Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927), 3–4.

¹¹ Walt W. Rostow, *British Economy of the Nineteenth Century* (Oxford: Clarendon Press, 1948), chap. 5.

¹² George Rudé, «Prices, Wages and Popular Movements in Paris During the French Revolution», *Economic History Review*, VI (April 1954), 246–267; and *The Crowd in History, 1731–848* (New York: Wiley, 1964), chap. 7.

¹³ Carl Houland and Robert Sears, «Minor Studies in Aggression, VI: Correlation of Lynching with Economic Indices», *Journal of Psychology*, IX (April 1940), 301–310. Более слабое сообщение содержится в повторной интерпретации данных: Alexander Mintz, «A Reexamination of Correlations Between Lynching and Economic Indices», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLI (April 1946), 154–160.

¹⁴ William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (New York: The Free Press, 1959), 160.

¹⁵ Douglas Bwy, «Political Instability in Latin America: The Cross-Cultural Test of a Causal Model», *Latin America Research Review*, III (Spring 1968), 46–48.

¹⁶ Feierabend and Feierabend, 258–262.

¹⁷ Ted Gurr, «A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1122.

¹⁸ Benjamin B. Ringer and David L. Sills, «Political Extremists in Iran: A Secondary Analysis of Communications Data», *Public Opinion Quarterly* (Winter 1952–1953), 258–262.

¹⁹ Maurice Zeitlin, *Revolutionary Politics and the Cuban Working Class* (Princeton: Princeton University Press, 1967), chap. 3.

²⁰ Bryant Wedge, «The Case Study of Student Political Violence: Brazil, 1964, and Dominican Republic, 1965», *World Politics*, XXI (January 1969), 183–206.

²¹ Данные взяты из *Hadley Cantril, The Patterns of Human Concerns* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1965), 187. См. примечания к табл. 2.

²² *Hadley Cantril, The Politics of Despair* (New York: Collier Books, 1958, 1962), 67.

²³ Обзор ограниченных психологических свидетельств заменимости человеческих целей см. в *Andrew J. Yates, Frustration and Conflict* (New York: Wiley, 1962), 76–77, 83–84.

²⁴ *Hamblin and others.*

²⁵ *Elton D. McNeil*, «Psychology and Aggression», *Journal of Conflict Resolution*, III (June 1959), 204–205.

²⁶ *F. J. Graham and others*, «Aggression as a Function of the Attack and the Attacker», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLVI (October 1951), 512–520. Более полный обзор свидетельств см. в *Berkowitz*, 52–58.

²⁷ См. напр.: *Rupert Emerson, From Empire to Nation* (Cambridge: Harvard University Press, 1960), especially chaps 10 to 14; *Thomas Hodgkin, Nationalism in Colonial Africa* (New York: New York University Press, 1956, 1957); and *S. N. Eisenstadt*, «Sociological Aspects of Political Development in Underdeveloped Countries», *Economic Development and Cultural Change*, V (July 1957), 289–307.

²⁸ *Hannah Arendt, On Revolution* (New York: The Viking Press, 1963), 2 and *passim*.

²⁹ *Lasswell and Kaplan*, 261–262.

³⁰ *Ridker*, *passim*; *Aristotle, The Politics*, Book V, chaps. V and VI.

³¹ *Cantril*, questions 23, summary data by categories, 276–279.

³² *Ibid*, chaps. 4–8.

³³ *C. F. Haner and P. A. Brown*, «Clarification of the Instigation to Action Concept in the Frustration-Aggression Hypothesis», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LI (September 1955), 204–206, discussed in *Berkowitz*, 53–54.

³⁴ *Eric Hoffer, The True Believer* (New York: Harper, 1951), 27–28.

³⁵ О карго-культах как обычных ненасильственных ответах на относительную депривацию см. *C. S. Beshaw*, «The Significance of Modern Cults in Melanesian Development», *Australian Outlook*, IV (1950), 116–125; *Peter N. Worsley, The Trumpet Shall Sound: A Study of Cargo Cult in Melanesia* (London: MacGibbon and Kee, 1957).

³⁶ Африканские интервью как свидетельство этого феномена см. в *Hugh H. Smythe and Mabel M. Smythe, The New Nigerian Elite* (Stanford: Stanford University Press, 1960), chap. 10. Латиноамериканские свидетельства см. в *Robert C. Williamson*, «University Studies in a World of Change: A Colombian Sample», *Sociology and Social Research*, XLVIII (July 1964), 397–413.

³⁷ О насилии, предшествовавшем независимости, см. *A. Le Viné*, «Anti-European Violence in Africa», *Journal of Conflict Resolution*, III (December 1959), 420–429. О Конго среди других см. *Crawford Young, Politics in the Congo: Decolonization and Independence* (Princeton: Princeton University Press, 1965).

³⁸ Одно их лучших исследований этого периода — *John T. McAlister, Vietnam: The Origins of Revolution*, (New York: Knopf, 1969).

³⁹ Leonard Berkowitz, «Repeated Frustration and Expectations in Hostility Arousal», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LX (May 1960), 426.

⁴⁰ S. Palmer, «Frustration, Aggression and Murder», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LX (May 1960), 430–432.

⁴¹ Neal E. Miller, «The Frustration-Aggression Hypothesis», *Psychological Review*, XLVIII (July 1941), 337–342, резюмировано в Berkowitz, *Aggression*, 62–63.

⁴² Maier, *Frustration: The Study of Behavior Without a Goal* (New York: McGraw-Hill, 1949), 71–76.

⁴³ Mancur Olson, Jr., «Growth as a Destabilizing Force», *Journal of Economic History*, XXIII (December 1963), 550–551.

⁴⁴ Ridker, 6.

⁴⁵ Frank Tannenbaum, «On Political Stability», *Political Science Quarterly*, LXXV (June 1960), 160–180.

⁴⁶ Denis W. Brogan, *The Place of Revolution* (London: Hamish Hamilton, 1951), 34. Сравнительные исследования насилия во французском и английском движениях протеста рабочих в XVIII и XIX вв. см. в Rudé, *The Crowd in History*, chaps. 4 and 8; Charles Tilly, «Collective Violence in European Perspective» and Ben C. Roberts, *The Origins and Resolution of English Working Class Protest*, in Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C., National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969), 197–220.

⁴⁷ Merle King, «Toward a Theory of Power and Political Instability in Latin America», *Western Political Quarterly*, IX (March 1956), 21–35.

⁴⁸ Pitirim A. Sorokin, *Man and Society in Calamity* (New York: Dutton, 1942), 107–111. См. также Edwards, 33; and Hoffer, 19–20.

⁴⁹ Donald Greer, *The Incidence of the Emigration During the French Revolution* (Cambridge: Harvard University Press, 1951).

⁵⁰ Charles Tilly, *The Vendee* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), 192–195.

⁵¹ Gregory Bateson, «The Frustration-Aggression Hypothesis and Culture», *Psychological Review*, XLVIII (July 1941), 354–355.

⁵² Arthur R. Cohen and others, «Commitment to Social Deprivation and Verbal Conditioning», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LXVII (November 1963), 410–421.

⁵³ Berkowitz, «Repeated Frustrations and Expectations in Hostility Arousal».

⁵⁴ J. W. Thibaut and J. Coules, «The Role of Communication in the Reduction of Interpersonal Hostility», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLVII (October 1952), 770–777. Дальнейшие свидетельства см. Leonard Berkowitz, «Aggressive Cues in Aggressive Behavior and Hostility Catharsis», *Psychological Review*, LXXI (March 1964), 104–122.

⁵⁵ Hilde Himmelweit, «Frustration and Aggression; A Review of Recent Experimental Work», *Psychological Factors of Peace and War*, ed. T. H. Pear (London: Hutchinson, 1950), 172, резюмировано в Marie Lazarsfeld and Hans Zeisel, «Die Arbeitslosen von Marienthal», *Psychologische Monographien*, V (1933).

⁵⁶ Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press of Glencoe, 1963), 366.

⁵⁷ О начальном периоде апартеида см. *Gwendolen M. Carter, The Politics of Inequality: South Africa Since 1948* (New York: Praeger, 1958).

⁵⁸ О восстаниях луддитов см. *Rudé, The Crowd in History*, chap. 5.

⁵⁹ E. J. Hobsbawm, *Social Bandits and Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movements in the 19th and 20th Centuries* (New York: The Free Press, 1959), chap. 5.

⁶⁰ David Chaplin, «Peru's Postponed Revolution», *World Politics*, XX (April 1968), 399–400, 415.

⁶¹ Обзор методов измерения неравенства см. в *Hayward R. Alker, Jr., Mathematics and Politics* (New York: Macmillan, 1965), chap. 3. Bruce M. Russell проанализировал связь между мерами неравенства распределения земли и мерами коллективного насилия по значительному числу стран в «Inequality and Instability: The Relation of Land Tenure to Politics», *World Politics*, XVI (April 1964), 442–454.

⁶² Примеры специфических индексов такого рода см. в *Gurr*, «A Causal Model of Civil Strife».

⁶³ См. *International Labor Yearbook*, various years (Geneva: International Labour Organization, annual).

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ См. *Richard W. Patch*, «The Peruvian Elections in 1963», American University Field Staff Report (July 1963). Оценка в 0,45 является гипотетической.

⁶⁷ Дискриминируемые и сепаратистские группы примерно в 100 государствах идентифицированы с определением их пропорций в *Ted Gurr, New Error-Compensated Measures for Comparing Nations: Some Correlates of Civil Violence* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 25), 67–90.

ГЛАВА 4

Социальные истоки депривации: источники возрастания экспектаций

Беседа однажды с шахтером, я спросил его, когда впервые стала острой нехватка жилья в его районе; он ответил: «Когда нам сказали об этом», имея в виду, что до недавнего времени запросы людей были столь низкими, что они воспринимали любую степень перенаселенности как нечто само собой разумеющееся.

Джордж Оруэлл. Дорога на Уайген Пир¹

Гипотезы предыдущей главы определяют ряд переменных, которые детерминируют потенциал коллективного насилия в любой группе в любое время. Этот потенциал будет наибольшим в той стране, где большинство граждан остро ощущают себя обделенными в отношении целей, представляющих для них наибольшую ценность, и одновременно лишенными — как индивидуально, так и коллективно — конструктивных средств, открывающих доступ к достижению этих целей, и лишенными возможности действовать с помощью ненасильственных методов, повинувшись побуждениям своего гнева. Можно идентифицировать группы и даже целые страны, которые, во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя, могли бы быть описаны таким образом: парижские рабочие в 1848 г., немецкие *Kleinburgerum*¹ в 1920, венгры в 1956, черные жители Южной Африки 1960-х. Состояния и действия людей, вовлеченных в эти события, дают подтверждение идее об интенсивной депривации в таких обстоятельствах, которые могут оказаться достаточными для ретроспективного объяснения. Анализу современности и более или менее точным предсказаниям могли бы способствовать обобщения социальных и политических процессов, которые с определенной степенью вероятности генерируют широко распространенное и интенсивное

¹ Мелкие буржуа. — *Примеч. пер.*

недовольство. Эта и следующая главы идентифицируют некоторые из таких процессов, развивая гипотезы, поддерживаемые утверждениями и эмпирическими свидетельствами об источниках возрастания экспектаций и восприятия снижающихся ценностных возможностей.

Основания этих гипотез были установлены выше в следствиях ID.1 и ID.2. Любое возрастание уровня или отчетливости ценностных экспектаций людей без сравнимого роста ценностных возможностей увеличивает их RD; любое снижение их ценностных возможностей имеет сравнимый эффект. Отсюда можно сделать вывод о вероятном возрастании RD как о результате социальных процессов и паттернов, систематическим образом связанных либо с возрастающей экспектацией, либо со снижением возможностей. Ниже исследуются три отчетливо различающих источника:

- 1) демонстрационный эффект в различных его проявлениях;
- 2) артикуляция новых убеждений, которая объясняет повышающиеся экспектации;
- 3) эффекты возрастания ценностных позиций.

Среди социетальных характеристик, ассоциируемых со статически или нисходящими ценностными возможностями, — это обсуждается в главе 5, — наличие фиксированной суммы доступов к ценностям, а также структурированные негибкости, которые снижают продуцирование ценностей или лимитируют ценностные возможности. Даже будучи принятыми в совокупности, эти гипотезы еще не могут объяснить процессов, детерминирующих ценностные экспектации и возможности исчерпывающим и экономичным образом как согласованный ряд социально-психологических гипотез, которые идентифицируют детерминанты интенсивности RD. Причин не надо искать далеко: в настоящее время наше знание того, как работает мышление отдельных людей, все же больше и точнее, нежели понимание того, как работает общество в целом, что оказывает влияние на коллективное восприятие. На сегодняшний день имеется гораздо меньше исследований, обобщающих динамику социальных процессов, нежели производящих статистический анализ их.

Люди, стремящиеся к тому, чтобы жить лучше, чем живут сейчас они сами или жили их родители, необязательно будут испытывать неудовлетворенность. Они даже могут быть в достаточной степени счастливы, оставаясь членами того общества, которое обеспечивает их средствами для удовлетворения их экспектаций. Поэтому самого по себе анализа масштаба возрастающих и интенсифицирующихся экспектаций еще

недостаточно для того, чтобы сделать заключение о возрастании RD; сравнение этих возможностей может быть дано лишь в параллельном изучении. Однако можно утверждать, что экспектации людей представляются более чувствительными для эскалации, нежели те ресурсы и институты, которые детерминируют их возможности. Вывод заключается в том, что условия, которые порождают возрастание экспектаций, могут и не быть потенциальным источником RD (рассматриваемого в качестве нарушения равновесия между экспектациями и возможностями) как такового, но они тем не менее тесно ассоциируются с RD. В главе 2 указывалось, что возрастание экспектаций может быть выражено в требованиях большего количества уже имеющихся ценностей, требованиях новых ценностей или возрастания отчетливости не удовлетворяемых ценностных требований. Можно определить довольно большое разнообразие условий, обладающих таким воздействием в переходных и индустриализированных обществах.

Демонстрационные эффекты: показ новых образов жизни

Одно из самых легких, не требующих каких-то особых усилий обобщений исследований модернизации состоит в том, что показ материальных образцов культуры Запада незападным народам пробуждало у них стремление к новым благам и к новому образу жизни. К примеру, Блэнкстен определяет этот процесс как такой, в котором «люди, находящиеся на уровне более низких жизненных стандартов, знакомятся с преимуществами более высоких стандартов и вследствие такого демонстрационного эффекта приходят к желанию или требованию благ более высокого уровня»². Лернер характеризует последствия такого показа как «революцию возрастающих фрустраций» и постулирует, что ее источником выступает возрастающее стремление, не подкрепляемое достижениями. Среди источников возрастающих стремлений он идентифицирует «новых лидеров,.. которые поощряют свой народ к убеждению в имманентности прогресса и к исполнению новых, часто тысячелетних надежд» и более широко используют демонстрационный эффект содержания новых средств массовой коммуникации»³. Репрезентативным можно считать сделанное Холтоном на основе опросов по поводу благ и услуг, востребуемых в развитых экономиках, заключение о том, что большинство представителей рабочей силы в промышленности практикуют подражательное потребление, нередко в целях престижа, и что такое подражательное потребление является самоподдерживающимся и возрастает

во все ускоряющейся степени⁴. Ольсон цитирует ряд эмпирических исследований, которые полагают, что «демонстрация или очевидность паттернов более высокого потребления у чьих-то соседей будет увеличивать желание дополнительного потребления в том смысле, что оно ведет к сбережению меньшей доли дохода»⁵.

Приводятся разнообразные механизмы показа нового образа жизни. Коул, например, полагает, что главным источником возрастания экспектаций на ранних стадиях показа Запада незападным народам была миссионерская деятельность⁶. Тёрнбулл в своих набросках биографий некоторых конголезцев едко изображает дисфункциональное воздействие миссионерского образования на жизнь африканцев⁷. Говорят также, что развитие урбанистических центров ведет к насаждению новых жизненных стандартов для тех, кто живет на периферии, с целью привлечения новых рабочих, которым путем показа благосостояния городской буржуазии прививают новые вкусы, часто оказывающиеся недоступными для удовлетворения. Кон говорит о маргиналах, которых затягивали в новые европейские города, чтобы они просто приобретали новые желания, не будучи в состоянии удовлетворить их; и у них это созерцание богатства, недостижимого ни в прежние, ни в нынешние времена, вызывало горькое чувство фрустрации. Во всех перенаселенных высокоурбанизированных и индустриализированных областях существовало множество людей, живущих на задворках общества, в состоянии хронической безнадежности. Там промышленность даже в лучшие времена была не в состоянии абсорбировать, хотя бы приблизительно, излишнее население в целом. Нищие толпились на базарных площадях, бродяги собирались в шайки... Многие поступали в наемники... Но даже среди наемных ремесленников многие чувствовали себя беззащитнее крепостных крестьян⁸.

У. Янг и Р. Янг на основе данных своего мексиканского опроса утверждают, что города обладают сильным притягательным влиянием на жителей окрестных деревень, и это опосредуется через родственников, которые приобрели городские взгляды. «Молодой человек не только слышит об урбанизированно-индустриализированном мире, но и подвергается его «демонстрационному» воздействию, наблюдая или изучая жизнь родственника, работающего на фабрике»⁹.

Нередко в качестве главных источников возрастания экспектаций оцениваются грамотность и западное образование. Предполагается, что дитя традиционного общества, вкладывающее свое время и энергию в формальное образование, побуждается к движению по направлению к новым целям — вначале смутным, но по мере прогресса образования

все более отчетливым. Вероятно, уровни его экспектаций возрастают вместе с усилением отчетливости искомым ценностей. Общим является также представление о том, что завершение начального, среднего или высшего образования приближает его к достижению этих целей — будь то деньги, статус или политическое участие. И если он впоследствии обнаруживает, что работа скучна, оплата низка, родня настроена враждебно, а политические возможности ничтожны, следствием этого будет, вероятно, крушение иллюзий и гнев¹⁰. Фоллерз следующим образом описывает структурный паттерн, который ведет к таким последствиям во многих развивающихся странах: «В некоторых странах образовательные льготы в ответ на требования народа опережали рост и дифференциацию системы занятости, в результате чего большое число людей, вступающих на рынки труда с такими экспектациями, которые система труда выполнить не в состоянии. Чувство недовольства, испытываемое безработными выпускниками средних школ и университетов... проистекает из того факта, что правительства новых государств считаются прямо ответственными за благосостояние и прогресс своего народа, и это выражается в таких формах, которые были просто неизвестны на Западе на протяжении аналогичных фаз модернизации. Перед лицом такой ответственности правительства считают, что легче расширить образовательные льготы, нежели возможности занятости, что ведет к устойчивому снижению рыночной стоимости образования. Следствием этого становится то, что не полностью занятые и образованные граждане многих из государств являют собой более серьезный источник отчуждения и политической нелояльности, нежели индустриальные рабочие»¹¹.

Различные исследования стран и регионов поддерживают эту аргументацию. Опрос 600 студентов Колумбийского университета демонстрирует их убежденность в том, что именно образование они считают главным средством восходящей социальной и экономической мобильности, и в то же время испытывают неудовлетворенность как своим непосредственным окружением, так и перспективами удовлетворения своих экспектаций в социоэкономическом мире, которые предоставляет им образование¹². В психологическом исследовании гватемальских сельских жителей испанского происхождения, *латинос*, ориентированных на урбанистический, относительно современный мир, выявилась агрессивность при ответах на тесты Роршаха и другие проективные тесты, почти в пять раз более высокая, чем у их индейских соседей. Предполагаемое объяснение состоит в том, что индейская культура имеет тенденцию «к гомогенности, интегрированности и относительной самодостаточности», в то время как культура *латинос* менее интегрирована

и формирует «желания, которые не могут быть полностью удовлетворены культурными ресурсами сельской общины»¹³. Полевые исследования, проведенные Дубом среди трех африканских народностей — *Луо* и *Ганда* в Восточной Африке и *Зулу* в Южной Африке — с использованием проективных методик и техники интервью, выявили, что чем выше уровень образования, рассматриваемый в западной культуре как мера перехода в другое статусное состояние, тем больше степень выражаемой неудовлетворенности¹⁴. Эйнсуорты в аналогичном исследовании обнаружили, что менее аккультурированные* угандийские учащиеся средних школ были менее агрессивны, нежели более аккультурированные кенийские учащиеся. Угандийцы «реже оказывались фрустрированными авторитарностью, агрессивностью других и собственными неудачами или поражениями и менее часто испытывали страх перед агрессией или рассматривали мятеж против власти как нечто правильное»¹⁵.

Эти данные и выводы заставляют предположить, что показ результатов модернизации увеличивает экспектации благосостояния и межличностных ценностей — экономических благ, благ развития личности, статуса, удовольствий от урбанистической социальной жизни. Демонстрационный эффект действует также в отношении ценностей власти. Представляется, что такого рода демонстрационный эффект отчасти несет ответственность, например, за непрерывный ряд восстаний креольской элиты в Латинской Америке, приведший их между 1810 и 1830 гг. к освобождению от некомпетентной испанской автократии¹⁶. Революция парижских рабочих и либеральной буржуазии в феврале 1848 г., которая свергла Луи Филиппа, явно послужила инспирации восстаний немцев, итальянцев, греков и венгров, последовавших годом позже¹⁷. Получение политической независимости Ганой в 1957 г. интенсифицировало экспектации политической независимости среди африканских лидеров по всему континенту и таким образом оказало косвенное влияние на возникновение политического насилия в Бельгийском Конго и Анголе, где прогресс возрастания эффективного африканского политического участия носил замедленный или несущественный характер.

Восстания сомалийцев в Хорне, в Африке, в начале 1960-х гг. дают еще один, несколько менее обычный пример. До 1960 г. Сомали было разделено на Сомали под мандатным правлением Италии, Британский

* Аккультурация — понятие, используемое в социологии для описания как процессов контактов между двумя различными культурами, так и последствий таких контактов; в данном случае имеется в виду результат и степень усвоения африканцами ценностей современной культуры Запада. — *Примеч. пер.*

и Французский Сомалиленд, Северную Кению, Эфиопский Хауд и Огаден. В 1960 г. путем объединения двух первых из названных территорий была сформирована Республика Сомали, которая начала решительно отстаивать идею объединения Эфиопского, Кенийского и Французского Сомали в более крупную, общую страну. Хотя в Кенийском Сомали практически не было лидеров, получивших западное образование, и насчитывалось не более миллиона эфиопских сомалийцев, факта получения независимости Республикой Сомали и ее пропаганды объединения оказалось достаточно для того, чтобы развязать сепаратистское насилие по всему Хорну с 1961 по 1967 гг. Вывод состоит в том, что независимость Сомали и пропаганда идеи ее объединения послужили заметному росту политических экспектаций среди населения других сомалийских территорий; бескомпромиссный ответ Кении и Эфиопии на эти требования увеличил RD до той точки, которая поддерживала развивавшееся насилие¹⁸. Эти политические демонстрационные эффекты также тесно связаны с переменными, исследуемыми в последующих главах. Одна успешная революция может снабдить людей подходящими моделями действия в тех местах, где прежде попытки революций были неудачными (глава 7), и заставить их предположить, что новая попытка может оказаться более успешной, т. е. может снизить очевидную коерсивную способность режима, которому они противостоят (глава 8).

Имеются данные, ставящие под сомнение этноцентрическую аргументацию относительно неотразимой привлекательности западного образа жизни, когда простого показа или просветительской работы по поводу его оказывается достаточно, чтобы незападные народы испытали неудовлетворенность тем, что они имеют. Обершалл в недавно проведенном опросе не обнаружил никаких существенных различий в неудовлетворенности городских и сельских жителей Уганды, которые можно было бы приписать городскому или сельскому месту жительства. Более того, хотя значительное большинство респондентов испытывали озабоченность экономическими трудностями, чем моложе были респонденты и чем выше уровень их образования, тем лучше они отзывались о жизни в своих деревнях в течение последних пяти лет. Исходя из этих и других данных, Обершалл утверждает, что «в то время как даже в отдаленных сельских местностях существуют запросы, иногда даже очень сильные, на материальные улучшения, на потребительские блага и на работу, эти запросы проявляются в рамках спокойного жизнеспособного традиционного контекста, в котором обеспечение минимума социальных, экономических и психологических гарантий гасит любые фрустрации, порождаемые невыполняемыми запросами»¹⁹.

Опросы в шести странах Среднего Востока в 1950–1951 гг. показали, что «переходные» народы, попавшие в «революцию возрастающих ожиданий», были в целом более счастливы, нежели «традиционные». Даже в Египте и Сирии, странах, испытавших впоследствии некоторый социальный или экономический прогресс, «переходящие» группы были не в большей степени неудовлетворенными, чем «традиционалы»²⁰. Аналогичным образом свидетельство исследования в 119 странах связей между мерами образовательного уровня и гражданской борьбы опровергает простые предположения о дисфункциональных последствиях чрезмерного образования. Вообще говоря, чем большим был относительный рост числа квалифицированных людей в составе несельскохозяйственной рабочей силы страны в 1950-х гг., тем ниже была вероятность беспорядков и ниже уровень гражданской борьбы в начале 1960-х. Эта связь была наиболее сильной для стран, находящихся на ранних стадиях развития. Меры относительных уровней образования дают схожие результаты: чем больше доля населения, имеющая формальное образование и контролирующая уровень экономического развития, тем менее вероятна и менее экстенсивна борьба. Смысл этих и других, связанных с ними данных, состоит в том, что образование имеет тенденцию становиться функциональным и в развивающихся, и в развитых странах. Представляется, что оно в меньшей степени служит возрастанию ожиданий, нежели тому, чтобы дать амбициозным людям ощущение того, что они располагают лучшими средствами для удовлетворения своих ожиданий²¹.

Остается также открытым для вопросов тот аргумент, что миграция в урбанистические центры ассоциируется с возрастанием ожиданий людей до неудовлетворимо высокого уровня и, следовательно, ведет к насилию. Фолс Борда полагает, что в Латинской Америке бегство в город является в определенных отношениях консервативным движением, повышающим ценности, своего рода альтернативой для неудовлетворенных сельских жителей. Это бегство на кратком отрезке времени скорее снижает, нежели повышает потенциал революции²². Тилли провел серию исследований об участниках городского насилия во Франции XVIII и XIX вв. со сравнимыми результатами. При этом не было выявлено прямой связи между показателями роста городов и возрастанием массового насилия, несмотря на то, что участниками гражданской борьбы были преимущественно городские рабочие, действовавшие в контексте организованных политических движений, а не новые мигранты, действовавшие под влиянием анонии²³. Проведенное в 1967 г. исследование мятежей в гетто Ньюарка и Детройта показывает, что значительно больший удельный вес участников — по сравнению

с неучастниками — наблюдался в городских гетто, нежели на сельском юге, и что уровни гнева и симпатий в ходе мятежей были диспропорционально характерны для черных северного происхождения. В Детройте, к примеру, 75 % мятежников поднялись на севере по сравнению с 36 % невовлеченных; сравнительные показатели для Ньюарка — 74 и 52 %²⁴. Кросс-национальное исследование в 119 странах, упоминавшееся выше, дает дополнительные сведения, относящиеся к 1950-м и 1960-м гг., когда по всем странам не наблюдалось существенной и статистически значимой связи между показателями урбанистической миграции в 1950-х гг. и вероятностью или уровнями борьбы в начале 1960-х²⁵.

Эти, до некоторой степени противоречивые, оценки и свидетельства по поводу действия демонстрационного эффекта требуют объяснения, которое носит более общий характер. Никакие из полученных данных не указывают на то, что эффект демонстрации иного человеческого материала и иной культуры не оказывает своего воздействия. Смысл здесь состоит скорее в том, что такая демонстрация повышает экспектации только в определенных обстоятельствах, и что когда она действует подобным образом, то не обязательно с необходимостью ведет к возрастанию неудовлетворенности и к политическому насилию.

При каких же обстоятельствах действует демонстрационный эффект? Дуб предполагает, что одного лишь его редко оказывается достаточно для того, чтобы возбудить новые стремления. Его полевое исследование исходит из того, что обычно людей мотивирует к новым целям какая-то форма неудовлетворенности традиционной жизнью. «Человек в движении» — эта формула Дэниела Лернера может быть приведена в действие вследствие того, что этот человек «может быть вообще не удовлетворен своим обществом, или вследствие того, что многие из институтов, в которые он включен, оказываются не в состоянии удовлетворить его потребности, или из-за того, что какая-то одна достаточно жесткая фрустрация придает окраску его мировоззрению в целом. Этому последнему типу неудовлетворенности может способствовать мимолетное впечатление нового, поскольку радикальное отрицание старого с большей степенью вероятности появится после того, как индивид дойдет до убеждения, что жизнь в целом может быть и приятнее»²⁶. Исследование потребности в достижениях, произведенное Мак-Клелландом, которую в общем, хотя и не в точности, можно приравнять к интенсификации экспектаций, аналогичным образом показывают в различных культурных рядах, что частичная демонстрация чужой культуры с помощью образования сама по себе неэффективна для возрастания потребности в достижении. Демонстрация увеличивает потребность в достижении только

тогда, когда она включает в себя «идеологическую конверсию» целой группы, в которой проводится опыт. Имеется даже определенное свидетельство того, что... частичный показ других «иностранных» ценностей может иметь разрушительный характер и даже понизить потребность в достижениях»²⁷. Любая мотивация к тому, чтобы испытать новое, и к изучению способов, каким образом достичь этого, может разрушить старые нормы и убеждения, а сложность этого нового может и сама по себе оказаться разрушительной. Дуб предполагает, что в таких обстоятельствах люди могут почувствовать себя неуверенно по поводу своих ролей и, вероятно, испытать самым фундаментальным образом горечь и отчаяние, когда индивид, воодушевленный идеей изменить свою жизнь, обнаруживает, что по причинам, не поддающимся его контролю, путь к изменениям закрыт. Он не в состоянии получить средств, которые ему необходимы для получения образования. Он является жертвой предрассудков, а значит, определенные профессии для него автоматически закрыты. Он будет социально взаимодействовать с людьми, уже приобщенными к цивилизации и обнаружит, что они или отговаривают его, или не позволяют сделать этого²⁸.

Таким образом, первая из предполагаемых связей может быть сформулирована в виде следующей гипотезы.

Гипотеза VE.1. Восприимчивость группы к конверсии возрастающих экспектаций через символический показ нового образа жизни сильно меняется по мере изменения интенсивности и масштаба предшествующей относительной депривации в группе.

Конверсия в данном случае — это отказ от всех норм и убеждений, устанавливающих действующий уровень экспектаций, обеспечивающих средства для их достижения и оправдывающих возрастающие или иные экспектации. Другими словами, определенная степень RD выступает предварительным условием воздействия демонстрационного эффекта. Чем сильнее интенсивность RD, тем более люди бывают склонны к тому, чтобы искать нормы и убеждения (и принимать их), которые определяют новые экспектации и обещают дать средства для их достижения. Чем больше масштаб RD в коллективности, тем более вероятно, что новообращенные будут искать общинной поддержки своей конверсии.

Тот аргумент, что конверсия новых ценностей с наибольшей вероятностью имеет место среди тех, кто уже испытывает острую неудовлетворенность, может показаться решающим для центрального вопроса этой главы: какие паттерны изменений во времени вызывают изменения в ценностных экспектациях и возможностях? Однако другие гипотезы, выдвигаемые как выше, так и в других разделах, предполагают,

какими должны быть некоторые из этих изменений. Общий паттерн, который с наибольшей вероятностью может привести к интенсификации неудовлетворенности в статических, традиционных обществах, — это убывающая RD, т. е. временное ухудшение возможностей достижения ценностей сравнительно с более или менее устойчивой вековой тенденцией. Подобно этому, спад, который следует за продолжительным периодом улучшения ценностных позиций, вероятно, вызовет возрастающую депривацию (гипотеза VE.5, приведенная ниже). Как раз в подобных ситуациях люди с наибольшей степенью вероятности подвержены конверсии относительно новых жизненных перспектив, которые оправдывают новые и интенсифицированные экспектации. Одна из таких связей, представляющая собой модификацию модели убывающей RD, разработанной в главе 2, изображена на рис. 7. Пунктирная линия символизирует конверсионный эффект: показа новых образов жизни, сопровождаемого переживанием интенсификации RD.

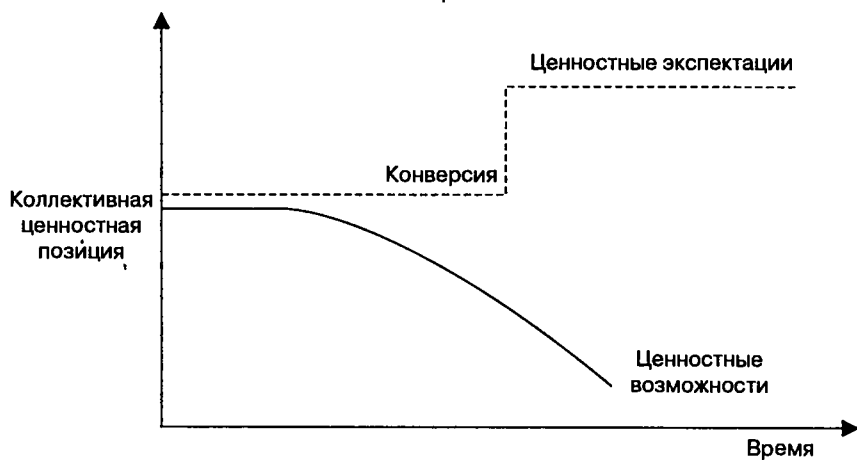

Рис. 7. Потенциальные эффекты интенсификации RD при конверсии новых ценностных экспектаций

Гипотеза VE.2. Восприимчивость групп к конверсии возрастания ценностных экспектаций умеренно изменяется с воспринимаемой доступностью ценностных возможностей для достижения этих экспектаций.

То есть демонстрация материальных выгод и преимуществ участия во власти при «лучшем образе жизни» вряд ли вызовет конверсию даже среди сильно неудовлетворенных людей, если они не видят, что имеется какой-то шанс самим приобрести эти блага. Крестьянин может приспособиться к лучшей жизни, но пока он не видит направления

действий, открытых для него, маловероятно, что он откажется от не вполне удовлетворяющего его, но привычного и известного ему образа жизни.

В любом обществе существуют, вероятно, «девиантные», «неприспособленные» или авантюрные индивиды, которые будут настолько не удовлетворены своей жизненной участью, что столкновения с представителями нового образа жизни могут привести их к конверсии. В «крестьянских» обществах число таких недовольных может быть больше, чем обычно кажется. В резком контрасте с идиллической картиной гармонии, сочувствия и взаимной поддержки, которую иногда представляют, характеризуя крестьянскую жизнь, находится утверждение Беквирия о том, что «крестьянин (имея при этом в виду большинство членов крестьянских общин на протяжении человеческой истории) находится в конфронтации к пропасти между ожиданиями и достижениями, которая не позволяет его достижениям во всех сферах деятельности дотянуться до его надежд». Это резюмируется в следующей его цитате: «Сильная лояльность и благожелательность внутри крестьянских групп порождаются не удовлетворенностью и довольством, а функционируют как необходимые противовесы разрушению и распрям: ...социальная благожелательность в этих первичных группах дает возможность их членам терпеть тяжкое бремя централизованной авторитарности и подавления расхождения во взглядах. Другими словами, и мир отдельного крестьянина — это мир страдающего и подавляемого инакомыслия, отражающий ответ среднего индивида на коерсивную авторитарность, неэффективное руководство и неоспариваемую власть старейшин, предписывающих природу крестьянских добродетелей, жестокий характер ригидных нравов и ограниченность стандартов, основанных на идентификации клана родственников»²⁹.

Если такая интерпретация по сути, или хотя бы отчасти, верна, она может объяснить готовность многих крестьянских общин испытывать довольно быструю конверсию к вестернизации и модернизации. Это совместимо с данными Лернера, упомянутыми выше, по поводу того, что крестьяне на Среднем Востоке испытывают больший уровень удовлетворенности, нежели их модернизированные односельчане. Она также дает эмпирические, основанные на опыте, объяснения различиям в отзывчивости незападных народов на западное влияние. Например, готовность, с которой племя йоруба из перенаселенной и сельскохозяйственной маргинальной части Западной Африки приняло христианское образование и западные нравы — в сравнении с упорным сопротивлением принятию большей части убеждений и одежды христианства со стороны

ганда — централизованного и хорошо обеспеченного племени. Эта интерпретация, наконец, предлагает объяснение сравнительно низких уровней участия в коллективном насилии недавних мигрантов в городах, что отмечалось в нескольких исследованиях, упомянутых выше. После ужасающей нищеты и разложения фавел и бидонвилей бывшие обитатели их, переселившиеся в рабочие пригороды и черные гетто, могут ощущать заметное улучшение своих жизненных условий — как в личной свободе, так и в экономических возможностях, сравнивая их с принуждением и безнадежностью традиционных сельских селтльментов*.

Демонстрационные эффекты: новые идеологии

Гипотеза VE.1 обеспечивает также интерпретацию эффектов, атрибутируемых иногда формулированию новых идеологий. Символом веры для многих коммунистических авторов, равно воспринимаемым и многими ярыми антикоммунистами, было то, что представления о земном рае, который предлагался доведенным до нищеты рабочему и крестьянину, окажется достаточно, чтобы мобилизовать их на революционную деятельность. Однако представляется, что в качестве необходимого катализатора восприимчивости к революционной идеологии их необходимо обеспечить и знанием о своем бедственном положении. Наиболее эффективно идеологии прогресса и революции звучат в статичных обществах, но наибольший отклик они находят среди людей, испытавших глубокие сдвиги. Троцкий утверждал в своем широко известном изречении, что «простого наличия лишений недостаточно, чтобы вызвать восстание: если бы это было так, массы находились бы в состоянии перманентного мятежа. Необходимо, чтобы банкротство социального режима, подвергаясь постоянному обличению, делало эти лишения невыносимыми и чтобы новые условия и новые идеи открывали перспективу революционного пути»³⁰.

Революционные хилиастические** движения позднего средневековья возникали в периоды природных и социальных бедствий, когда ухудшались материальные условия и общинные паттерны³¹. Хобсбом указывается, что период формирования социализма, первая половина девятнадцатого столетия, характеризовалась «депрессией, падением заработной

* *Сеттльмент* — обобщенное название поселений; *фавела* — обобщенное название трущоб Рио-де-Жанейро, заселенных люмпенами; *бидонвиль* — то же самое для Северной Африки. — *Примеч. пер.*

** Определение хилиазма см. в гл. 2. — *Примеч. пер.*

платы и ростом сомнений относительно грядущих перспектив развития экономики». Новых социалистических авторов вдохновляли такие условия, и их доктрины движения к новому обществу звучали убедительно для рабочих и интеллектуалов не потому, что были плохи условия сами по себе, а вследствие того, что они ухудшались в относительном, а для некоторых групп и в абсолютном смысле³². В Китае коммунистический национализм в начале 1940-х гг. стал эффективной идеологией для подпитки мобилизации крестьян на революционную деятельность не вследствие самих по себе экономических потрясений, а, как показывает Джонсон, в значительной степени благодаря репрессивной политике японских оккупантов, которая лишала крестьян даже того ничтожного ощущения безопасности, каким они еще обладали³³. Когда люди испытывают разруху, они становятся восприимчивыми к идеологиям, оправдывающим новые и интенсифицированные экспектации. Когда же их жизненные условия сравнительно статичны и понятны, вряд ли их смогут привлечь новые идеологии, даже если они объективно, с точки зрения внешнего наблюдателя, испытывают депривацию. Некоторые эффекты воздействия новых идеологий и верований на процесс формирования неудовлетворенности рассматриваются в главе 7.

Демонстрационные эффекты: ценностные приобретения референтных групп

Другим, более важным источником возрастающих экспектаций является демонстрационный эффект восходящей мобильности при возрастании социальных экспектаций других групп. Аргумент состоит в расширении общепринятого социологического взгляда на RD, где оказались полезными, в частности, разработки Рансимена. Об RD говорится, что она возникает в тех случаях, когда индивиды сравнивают собственные обстоятельства с обстоятельствами какой-то референтной группы, которая обладает тем, чего желают, и чем, как им кажется, должны обладать они сами. Чем сильнее негативное расхождение, тем больше RD. Люди, конечно, могут устанавливать собственные стандарты для различных референтных групп, и индивид, как указывает Рансимен, может либо черпать свои устремления из сравниваемой референтной группы, или же избирать ее в качестве референтной потому, что он не удовлетворен своей ценностной позицией. Для обществ, в которых нищета повсеместна, и для подчиненных классов в более развитых, но относительно статичных социальных системах имеется тенденция к ограничению сравниваемых референтных групп. «Ситуация, в которой множество наблюдаемых

людей гораздо богаче вас, переносится нелегко... В отсутствие внешних стимулов круг референтных групп, в результате сравнения с которыми возникает относительная депривация, удерживается на низком уровне... и имеет тенденцию к самосохранению... Разрыв заколдованного круга может возбудить возрастание по спирали экспектаций и сравнений, которое будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто новое равновесие. Но для этого требуется определенное внешнее воздействие»³⁴.

Среди внешних воздействий, которые упоминает Рансимен, — война и сопровождающие ее экспектации наград и социальных перемещений, введения извне группы новых стандартов и экономических изменений. Он предполагает, что «процветание может разорвать порочный круг нищеты и консерватизма, сделав людей осведомленными о возможности возникновения более высокого стандарта, нежели тот, к которому они стремились раньше. Напротив, упадок процветания, если он не носит слишком насильственного характера, может ограничить ощущение относительной депривации, сдерживая рост экспектаций при сравнении с более удачливыми группами»³⁵. Эта связь может лежать в основе того впечатления, что имеет место тенденция к возникновению революций в период все большего процветания: по мере того, как для одних групп возможности мобильности возрастают, а для других — нет, группы с более низкой мобильностью все более склонны соотносить свои экспектации с наиболее мобильными группами. Липсет в своей дискуссии об экономическом развитии и демократическом порядке, используя различные свидетельства, приходит к следующему выводу. Те люди, чей жизненный опыт и значимые коммуникации складываются главным образом в окружении индивидов, находящихся на том же социоэкономическом уровне, что и они сами, склонны быть «более консервативными, нежели те люди, которые могли оказаться реально богаче, но которым демонстрировали возможности еще более высокого уровня жизни. Динамическим компонентом этой ситуации является показ возможности лучшей жизни, а не бедность как таковая»³⁶. Исследование, в ходе которого были взяты интервью у 283 черных клерков, работающих в городах Южной Африки, выявляет отчетливую тенденцию возрастания фрустраций, связанных с работой, пропорционально увеличению числа контактов с европейским обществом³⁷. Моррисон и Стивз в своем резюме тринадцати исследований членов радикальной Национальной Фермерской Организации и более консервативного Фермерского Бюро показывают, что члены НФО были в целом более процветающими, однако они обладали завышенными устремлениями, выражали повышенный уровень недовольства и были сильнее

предрасположены к использованию решительных средств для перемен. Их экономические устремления можно было объяснить не членством в НФО как таковым, а более высоким уровнем образования и расширенным, в сравнении с консервативными фермерами, числом контактов с «экономически продвинутыми нефермерскими группами, а также наблюдением за стилями и стандартами таких групп. Это позволяет выдвинуть обоснованное предположение о возрастании вероятности того, что члены НФО в результате таких контактов приобретают завышенный уровень устремлений через более богатые референтные группы»³⁸.

В сопоставимых исследованиях выдвигается предположение, что в качестве референтных групп, скорее всего, выбираются *схожие* группы. Рансимен цитирует свидетельство из проведенных Хайменом опросов американских рабочих и Штерном и Келлером — французских, о том, что устремления менее удачливых из них видоизменяются в зависимости от той позиции, которую они занимают. Те, кто располагается ближе к нижним ступенькам социальной лестницы, «вероятно, даже в обществах с эгалитарной идеологией выберут в качестве референтных те группы, которые расположены гораздо ближе ко дну, нежели мог бы предположить застенчивый эгалитаризм»³⁹. В более современном исследовании «белых воротничков», проведенном Гамильтоном, было обнаружено, что те из них, кто выдвинулся на эти профессиональные уровни из рядов рабочего класса, продолжают идентифицировать себя с тем классом, из рядов которого они вышли⁴⁰. Вероятно, большинство людей неосознанно выбирают свои референтные группы из числа тех общностей, которые считают одинаковыми со своими в социоэкономическом отношении, но среди таких групп они, скорее всего, будут соотносить свои экспектации с теми, кто испытывает наиболее быстрый рост благосостояния. Так, нью-йоркские полицейские объясняли свои требования повышения жалования, соотнося их не с доходами муниципальных «белых воротничков», а с жалованием городских пожарных. Безземельные мексиканские крестьяне в десятилетия после революции 1910 г. требовали не тех зарплаток, которые получали городские рабочие, а свою собственную землю, которую другие крестьяне захватили или получили в ходе распределительных программ. Такую связь резюмирует следующая гипотеза.

Гипотеза VE.3. Показатель роста групповых экспектаций сильно изменяется с изменением показателя прироста ценностей наиболее быстро выигрывающей группы, имеющей однородный экономический статус.

Эту гипотезу, в частности, можно считать применимой к тем ценностным приобретениям, которые без труда воспринимаются и символизируются как экономические, статусные ценности и ценности участия,

а в том, что касается межличностных ценностей, отличных от статусных, она, скорее всего, не работает⁴¹.

Исследования структурных неравенств внутри стран и сравнения между странами также подтверждают справедливость гипотезы VE.3. Положения Парето о политическом подтексте изменений в распределениях дохода привели Дэйвиса к выводу, что политические возмущения возможны как в экономических системах с сильно дисперсными, так и с сильно концентрированными доходами, в то время как экономические системы с «нормальным» распределением доходов политически стабильны. Характерно, что революция оказывается весьма вероятной в тех случаях, когда превалирует критически высокая концентрация доходов; и всякий раз, когда показатель концентрации падает ниже критического минимума (т. е. наблюдается обширная дисперсия), возрастает вероятность гражданской войны. В качестве доказательства Дэйвис утверждает, что Французская и Русская революции, а также Испанская революция 1931 г. произошли в обществах с критически высокими концентрациями уровней дохода и что Испанская гражданская война 1936–1939 гг. и Американская гражданская война разразились в тот период, когда этот уровень опустился ниже минимума⁴². Рассетт предполагает, что крайняя степень неравенства в распределении земли с наибольшей степенью вероятности должна была привести к нестабильности «в тех бедных, преимущественно аграрных обществах, где ограничение на малые земельные участки почти неизбежно обрекало на бедность». Одновременные измерения бедности и неравенства во владении землей объясняют существенные различия ($r = 0,50$) в степени коллективного насилия для 47 стран, большинство из которых находятся на среднем или более высоких уровнях развития⁴³. Если гипотеза VE.3 верна, то можно было бы ожидать наличие предполагаемой Дэвидом-Парето связи между высоким уровнем концентрации доходов и возникновением революции, а также подтверждение гипотезы Рассетта относительно связи земельного неравенства и борьбы, которая с наибольшей силой проявляется в обществах, претерпевающих быстрые социоэкономические изменения, и наиболее слабо — в статичных обществах.

Наконец, имеются определенные свидетельства в пользу того, что региональные различия в экономическом развитии между странами и внутри них могут привести к политическому насилию со стороны населения менее привилегированных районов. Эль-Рой выдвигает такое предположение в качестве частичного объяснения неудовлетворенности, лежавшей в основе кубинской революции. «В развитии Кубы

не было такого отставания, как в развитии потребления, копируемого с потребления в соседнем, чрезвычайно продуктивном обществе, но не сопоставляемого с соответствующим характером производства... Возникшая в результате стагнация не была абсолютной, но оказалась в достаточной степени неудовлетворительной для всех»⁴⁴. Взаимопроникновение кубинской и американской экономик и влияние созерцания образа жизни американских туристов на Кубе интенсифицировали этот демонстрационный эффект. Мидларски и Танет выявили общие связи такого рода между Соединенными Штатами и Латинской Америкой. Чем более высокой оказывалась в середине 1950-х гг. вовлеченность Америки в экономику той или иной латиноамериканской страны, принимая в расчет концентрацию торговли и инвестиций на душу населения, тем большим было число заговоров и антиамериканских демонстраций в конце 1950-х⁴⁵. Изучение паттернов региональных мятежей в новейшей истории Индонезии заставляет предполагать, что межрегиональную враждебность нельзя систематическим образом ассоциировать с этническими, лингвистическими или иными расхождениями, с которыми привыкли связывать сепаратистские движения. Она связана с относительными уровнями социального и экономического развития; самые бедные регионы оказывались в наибольшей степени неудовлетворенными и самыми мятежными⁴⁶. Затянувшееся восстание черных, преимущественно языческих, южных суданцев против северных, преимущественно мусульманских лидеров, начавшееся в 1961 г., было отчасти следствием этнической и религиозной враждебности; однако в равной степени важным поводом недовольства послужило *преднамеренно возраставшее неравенство* между северным и южным Суданом⁴⁷. Такого же рода общее объяснение было предложено для Американской гражданской войны: многие из южан испытывали глубокую неудовлетворенность относительной экономической стагнацией перед лицом возрастающей индустриализации Севера, и рассматривали тенденцию аболиционизма как дальнейший (еще один) шаг к экономическому и политическому порабощению Юга⁴⁸. Дополнительное объяснение предлагаемого нами здесь регионального демонстрационного эффекта состоит в том, что в большинстве случаев более богатая страна высасывает из более бедной страны ресурсы для своей выгоды, или, во всяком случае, именно таким образом это и выглядит. Отношения эксплуатации — индивидуальной или коллективной — вероятно, интенсифицируют ощущение несправедливости, ассоциируемое с RD.

* Выделено мною. — *Примеч. пер.*

Демонстрационные эффекты: ценностная неустойчивость

О расхождении между относительной долей групповых ценностей благосостояния и долей ценностей участия или статуса говорят также, что оно представляет собой разновидность воздействия на ценностные экспектации. Короче говоря, аргумент состоит в том, что, если какой-то группой достигнут высокий по сравнению с другими группами уровень в распределении определенной ценности, ее члены потребуют такого же уровня относительно других ценностей. Аристотель рассматривает это нарушение равновесия относительно экономических ценностей и ценностей участия (глава 2). Подтверждение Кортон аристотелевского взгляда состоит в том, что неравенство в смысле несовместимости соответствующих политического и экономического статусов внутри социального класса является фактором, усиливающим политический беспорядок⁴⁹. Гальтунг полагает, что все виды человеческой агрессии, включая преступность, мятежи и войну, вызываются «нарушением рангового равновесия»: недостаток устойчивости в ранжировании индивидов, групп или наций по каким бы то ни было ценностным иерархиям, релевантным им»⁵⁰. Гешвендер использует следующее предположение по отношению к группе: «Группа, обладающая рядом статусных свойств, которые по-разному ранжированы в различных статусных иерархиях, будет чувствовать себя неудовлетворенной и склонной к мятежу»⁵¹.

Более узкая версия предположения Гальтунга атрибутирует предрасположенность к революции тем членам общества, которые обладают экономическими или статусными выгодами без сравнимого увеличения возможности участвовать в политике. Геберле приводит этот довод в качестве одного из необходимых условий революции: «Во-первых, должен быть социальный класс или несколько классов, не удовлетворенных существующим распределением политической власти; это происходит обычно вследствие расхождения между их реальной значимостью и их узаконенной политической позицией... Активно революционные группы — это обычно те классы или субклассы, которые именно вследствие того, что они уже не бедны, ощущают себя незаконно сдерживаемыми в своей экономической активности или в своем участии в принятии политических решений»⁵².

Смелзер предполагает аналогичные мотивы группового участия в «ценностно-ориентированных» (т. е. революционных) движениях: «улучшение по абсолютным основаниям не исключает наличия депривации

по относительным основаниям — для одних и тех же групп, наряду с приобретением новых выгод в одной сфере (например, экономической или культурной), часто имеет место сдерживание в другой (например, политической)»⁵³. Базис наблюдений для оценки этого вывода довольно обширен. Замкнутые купеческие олигархии, управлявшие многими городами раннего Возрождения, неоднократно получали вызов от экономически выдвигавшихся и мятежных цеховых гильдий, требовавших права голоса в муниципалитетах. Представители средних классов, принимавшие участие в Английской, Американской и Французской революциях, требовали своей доли участия в управлении государством, соразмерной с той ролью, которую они уже реально играли в экономической жизни. Движение чартистов в Англии в 1838–1842 гг. приняло формы отчетливо политических требований избирательного права, тайного голосования на выборах и ежегодно сменяемых парламентов, выдвигаемых представителями организованного и более прогрессивного рабочего класса. Недавнее исследование черной буржуазии Южной Африки идентифицировало напряженность, возникающую из контраста между ее высоким профессиональным и экономическим статусом — с одной стороны и ее же низким социальным и гражданским статусом — с другой⁵⁴.

Каузальный вопрос состоит в том, по каким причинам должна устанавливаться такая связь между статусной несовместимостью и интенсификацией группового недовольства. Аристотель отвечает на этот вопрос следующим образом: человеческая концепция социальной справедливости детерминирует отклик на то, что здесь называется ценностной несовместимостью. «Всякий раз, когда одна или другая часть не может быть удовлетворена таким политическим влиянием, какое согласуется с их собственной концепцией справедливости, она становится источником призыва к мятежу»⁵⁵. Другими словами, те люди, чья жизнь последовательно улучшается, будут стремиться к большему политическому участию, если они сохраняют убеждения, оправдывающие такое участие. Но такой ответ считает уже решенным вопрос о том, имеется ли какая-то человеческая черта, благодаря которой опыт продвижения к экономическому равенству делает людей убежденными в том, что все они должны обладать

* *Статусная несовместимость* (status inconsistency) — понятие, введенное американским социологом Герхардом Ленски и означающее ситуацию обладания высоким статусом в одном из социальных подпространств при одновременном обладании низким статусным уровнем в другом подпространстве. — *Примеч. пер.*

сравнимым статусом и по другим ценностям. Гальтунг предполагает, что имеется. Если личность испытывает нарушение равновесия, она «...будет получать постоянное напоминание об этом объективном нарушении равновесия. Это будет порождать требование соответствия между объективной ситуацией и субъективным восприятием ее... и может натолкнуть на идею об исправлении положения. Однако не следует предполагать, что идеология такого рода исправления окажется полностью развитой или воспринятой — речь идет лишь о том, что объективно существующее нарушение равновесия вызовет нестабильность в образе жизни личности или нации и породит то, что называют “само-имидж”»⁵⁶.

Гешуиндер предполагает в такой ситуации наличие более ограниченной связи. Если другие группы достигают каких-то ценностных выгод вследствие того, что они имеют, скажем, такие характеристики, как образование или богатство, и если воспринимающие эту ситуацию индивиды или группы обладают такими же характеристиками, то они чувствуют, что также имеют право на такие же выгоды, и будут испытывать недовольство от своей неудачи⁵⁷.

Однако, как нам кажется, предположение Гешуиндера не в состоянии объяснить многих случаев статусных или политических экспектаций, ассоциируемых с ценностными расхождениями. Французские буржуа, к примеру, не были возмущены какой-либо восходящей мобильностью аристократии, чья экономическая позиция представлялась им статичной или даже нисходящей в относительных терминах; они просто хотели введения какого-то соизмерения этого нынешнего статуса аристократии и ее прежнего политического влияния. Чартисты в XIX в. в Англии вполне могли соперничать с растущим политическим влиянием средних классов; в то время они также искали политических средств для защиты от распространявшихся и периодически повторявшихся экономических кризисов, оказывавших свое влияние на рабочий класс⁵⁸. Это фактически является общей темой в описаниях случаев ценностно-неустойчивого RD: люди восстают для того, чтобы приспособить свою властную или статусную позицию к своей восходящей экономической позиции, поскольку слишком низкий уровень властной или общей статусной позиции создает угрозу сохранению тех преимуществ, за которые они боролись. Например, в Британии, когда только что обретенное благосостояние английских средних классов оказалось под прямой угрозой со стороны Короны, произошла Пуританская революция. Как отмечает Эдвардс, «в силу этого английский средний класс подталкивали к революции два самых неотразимых экономических побуждения — перспектива большой выгоды и страх большой потери»⁵⁹.

Накануне Французской революции неустойчивая экономическая политика правительства, к примеру снижение тарифов по договору 1786 г. с Англией, создала серьезную угрозу для тех сегментов буржуазии, которые, помимо прочего, на протяжении нескольких поколений (без всякой революции) уже приобрели огромную экономическую и определенную политическую власть⁶⁰. Следующая гипотеза резюмирует предполагаемую каузальную связь между восходящей мобильностью по одному классу ценностей и возрастанием экспектаций по другому.

Гипотеза VE.4. Показатель умеренного возрастания ценностных экспектаций относительно противоречиво низких ценностных позиций соответствует той степени, до которой противоречиво низкая ценность являет собой базовую основу для других ценностей.

Понятие базовая ценность употребляется в том смысле, который определен Лассуэллом и Капланом: это та ценность, которую используют, чтобы оправдать стремление к повышенным позициям и по другим ценностям и завоевать их⁶¹. Другими словами, если недостаток власти как базовой ценности воспринимается в качестве угрозы поддержанию и возрастанию группового экономического благосостояния или относительного статуса, власть будет востребована. Эта связь, вероятно, носит наиболее общий характер для групп, переживающих восходящую экономическую мобильность без соответствующего возрастания степени политического участия, которое они могут считать необходимым для роста гарантий от экономических ограничений. Возможно также, что группы, испытывающие восходящую политическую мобильность, почувствуют, что их возможности удержания власти уменьшаются вследствие недостатка материальных благ или статуса, а поэтому требуют соразмерного возрастания экономической или статусной мобильности.

Некоторые эффекты ценностной мобильности

Суть теории революции по Дэйвису, которую мы резюмировали в главе 2, состоит в том, что «революции с наибольшей вероятностью происходят в тех случаях, когда продолжительный период объективного экономического и социального развития сменяется коротким периодом резкого изменения»⁶². Эту гипотезу можно было бы распространить и на другие формы политического насилия. Лежащий в основе ее каузальный механизм заключается в том, что период улучшения порождает экспектации дальнейшего продолжения этого улучшения. Если же такие экспектации оказываются фрустрированными вследствие падения производства ценностей или репрессивных акций правительства,

вероятным следствием этого будет насильственный протест. Экспектационно-интенсифицирующие эффекты можно было бы гипотетически резюмировать следующим образом.

Гипотеза VE.5. Показатели возрастания групповых ценностных экспектаций сильно изменяются с продолжительностью прошлого обладания группой ценностными выгодами, за исключением групп, занимающих максимально выгодные ценностные позиции.

Группы занимают максимально выгодные ценностные позиции, если они обладают максимально возможным количеством ценностей. Можно провести различие между «предельными» ценностями, такими, например, как власть и статус (только одна группа может иметь наивысший статус или всю полноту власти в обществе) и «непредельными», такими как богатство и возможности общения, которых можно добиваться в неограниченном количестве. Экспектации относительно первых предположительно стабилизируются, когда предел достигнут; экспектации относительно вторых могут продолжать расти и после того, как группа превзошла все остальные группы в обществе. Обычно представления о групповых ценностных выгодах складываются в тех обществах, где идет рост общего производства ценностей. Но даже в статичном обществе и даже в таком обществе, где суммарный объем ценностей в целом сокращается, некоторые группы могут испытывать относительное увеличение обладания экономическими, властными и другими ценностями за счет других групп. Необходимо отметить, что, в то время как гипотеза VE.4 имеет отношение к эффектам приобретения выгод одной ценности перед лицом экспектаций относительно других ценностей, гипотеза VE.5 утверждает, что мобильность относительно отдельно взятой ценности генерирует экспектации продолжения получения выгод относительно именно этой ценности.

Некоторые теоретические взгляды и случаи поддерживают эту гипотезу. Соуле является представителем ряда теоретиков, которые связывают с революцией скорее не угнетение, а изменение: «Достаточно часто, когда люди находятся в наиболее отчаянном и убогом положении, они в наименьшей мере склонны восставать, потому что в этом случае они теряют надежду... Только после того как их позиция каким-то образом улучшилась, и они начали ощущать возможность перемен, они могут подняться против угнетения и несправедливости. Если что и может дать отбой восстанию, так это само осуществление надежды, а не утрата ее, возрастание доверия, а не беспросветное страдание»⁶³.

Наличие дополнительной связи — относительно того, что отсутствие перемен вносит вклад в политическую стабильность, — постулируется Уилсоном в дискуссии о тайском фермере: «Молчаливая покорность

крестьянства правительству и безразличие к вопросам национальной политики носят фундаментальный характер для политической системы. В основе этой политической пассивности, без сомнения, лежит терпимое отношение к экономической ситуации, обеспечивающей стабильное существование без какой-либо особой надежды на быстрое улучшение. Довольно уверенный в своих правах собственности и обычно находящийся в безопасности от бандитов и грабителей тайский фермер может спокойно осуществлять свою жизнедеятельность»⁶⁴.

Наиболее общие объяснения Пуританской, Американской и Французской революций, предлагаемые такими учеными, как Бринтон и Соуле, согласуются с гипотезой Дэйвиса. Бринтон, пишущий об этих трех революциях, а также о Русской революции⁶⁵, атрибутируют первичную важность «наличию в группе или группах ощущения, что господствующие социальные условия препятствуют их экономической активности». Именно особенно преуспевающие в экономическом отношении, «лидирующие в предприимчивости» группы обнаруживали, что их возможности дальнейшего улучшения своего положения оказываются несправедливо ограниченными⁶⁵. Анализ тех же четырех революций, проделанный Соуле, приводит его к аналогичным результатам. Пуританская революция, к примеру, характеризовалась борьбой поднимающихся средних классов, особенно «мелкопоместного дворянства, которое становилось все богаче и агрессивнее вследствие огораживания, изгнания крестьянства и захвата церковных земель». Они стремились приобрести побольше земли, чтобы «освободиться от церковной десятины, налогов на поместье, законов и юрисдикции духовенства — с тем, чтобы накапливать капитал, свободно торговать и использовать все имеющиеся возможности для получения прибыли в зарождающемся капиталистическом мире...»⁶⁶.

Все эти взгляды подразумевают наличие возрастающих экономических экспектаций, порождаемых улучшением экономического положения у тех членов общества, чьи нарастающие достижения были прерваны, во-первых, вследствие экономических бедствий, во-вторых, вследствие неспособности, безволия или нежелания политической системы предпринять шаги по выправлению сложившегося положения. Аналогичную интерпретацию предлагают и некоторые исследования других форм насилия, такие, например, как анализ насильственного протеста сельского населения Франции в 1961 г., а также начавшегося

⁶⁵ Напомним еще раз, что в западной социологии Февральская и Октябрьская революции рассматриваются как составные части одной и той же *Русской революции*. — *Примеч. пер.*

среди бретонских фермеров (и включавшего в себя митинги протеста, мятежи и саботаж). Мендрас и Тавернье предполагают, что эти акты имели своим источником не экономические «репрессии», а неудовлетворенность темпами улучшения ситуации с ценами, инвестициями и правительственной помощью⁶⁷. Условия, которые привели к десятидневному мятежу, опустошившему Боготу в Колумбии в апреле 1948 г. и оставившему после себя 3000 смертей, характеризовались подобным, хотя и более сложным паттерном, но, в сущности, того же рода. Вслед за окончанием депрессии 1920–1930-х гг. имело место продолжительное постепенное улучшение экономического положения городских рабочих, но затем это положение с неизбежностью ухудшилось вследствие сдерживающего воздействия последствий II Мировой войны на экспортную экономику. В конце войны экспортные поставки резко возросли, и начался экономический бум, однако крутая инфляционная спираль вскоре канализовала большую часть выгод в руки предпринимателей и спекулянтов. Доходы рабочих и нижних слоев среднего класса все более отставали от кривой темпов роста стоимости жизни, в то время как среди них порождалось все больше экспектаций на участие в выгодах нового процветания. «Социальная рвота», как назвал последовавшие за этим бунты Кальман Силверт, была ускорена террористическими актами против либеральных политиков⁶⁸.

Политическое насилие также атрибутирует, в частности, провалу попыток элиты развить длительную экспансию политических прав или привилегий. Например, главным поводом к недовольству в восстании Дорра^{*} послужил провал попыток легислатуры Род-Айленда продолжить свою экспансию политических прав⁶⁹. Опираясь на более обширное шкалирование, Мерриман утверждает, что типичным фактором *Пуританской революции* 1640–1660 гг. было желание горожан, йоменов, сельского дворянства и других представителей средних классов продолжить расширение своей политической роли, которой угрожали неумение и непопулярные попытки королей Джеймса I и Карла I восстановить некоторые prerogatives роялистского абсолютизма⁷⁰. Попытки Георга III восстановить какую-то меру политического контроля над американскими колониями после столетия возрастания политической автономии^{**} явно послужили побудительным мотивом к восстанию⁷¹.

* О восстании Дорра на Род-Айленде см. гл. 2. — *Примеч. пер.*

** Речь идет о войне за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг., которую в западной социологии именуют Американской революцией. — *Примеч. пер.*

Среди колониальных народов в XX в. политическое насилие часто сопровождало введение ограничений после расширения политических прав. В качестве примера можно привести движение Мау-Мау. На протяжении 1920-х и 1930-х гг. возрастало внимание правительства Кении к политическим требованиям африканцев, особенно кикуйю. К примеру, благожелательный отклик получило движение протеста 1921 г. против снижения заработной платы африканцев. На протяжении 1930-х гг. и особенно после 1945 г. правительство проявляло значительную терпимость по отношению к политической активности африканцев, лидерами которых были преимущественно получившие западное образование кикуйю. Однако после 1945 г. британское правительство усилило политическую поддержку белого сеттльмента и молчаливо соглашалось с его возраставшими непреклонными требованиями повышения доли своего политического участия. Движение Мау-Мау стало организованным ответом наиболее отчужденных молодых кикуйю на эту политику; оно носило сравнительно ограниченный и главным образом внутриплеменной характер до принятия декларации о чрезвычайном положении в октябре 1952 г. и ареста ряда националистических лидеров. По форме движение Мау-Мау представляло собой в значительной степени традиционный отклик на репрессии, однако вызванные им фрустрации и представления оказали влияние на вестернизированных кенийцев с их требованиями интенсивной модернизации, и возникло оно лишь после начала постепенного улучшения политического статуса кенийцев, наиболее втянутых в политическую жизнь⁷².

Постколониальные требования расширения политических прав были неизбежным ответом на политическое насилие в некоторых странах. История Ганы после 1945 г. являла собой пример быстрого расширения политических прав. При объявлении независимости в 1957 г. городская буржуазия, имевшая давнюю традицию политического участия и влияния (ведущую отсчет с конца XIX в.), постепенно была ограничена в реализации его правительством Нкрумы, что нашло свою кульминацию в почти полном сокращении избирательных или назначенческих позиций и прекращении партийной деятельности. Явными последствиями этого стали маломасштабный терроризм в начале 1960-х и встретивший народную поддержку военный переворот 1960 г. Личности большинства террористов не были установлены, но важно, что многие из армейских офицеров, проявивших активность в перевороте, происходили из среды городской буржуазии⁷³.

Все приведенные выше примеры ассоциируют политическое насилие с прерыванием средне- или долгосрочных тенденций экономически

политической мобильности. Другие примеры вызывают предположение о том, что в некоторых обстоятельствах маргинального повышения ценностной позиции или простого обещания реформ бывает достаточно, чтобы ускорить применение насилия. Это, в частности, может быть случай политических или правительственных реформ в ситуациях, когда массы имеют мало или вовсе не имеют средств политического участия. Де Токвиль делает общий вывод такого рода: «Только большой гений может спасти князя, который обязуется облегчить участь своих подданных после долгого гнета. Зло, которое терпеливо носили как неизбежное, становится нестерпимым, коль скоро воспринята идея избавления от него. Тогда все устраненные злоупотребления представляются менее значимыми в сравнении с теми, что остались, так что ощущение их становится более болезненным. Зло действительно стало меньшим, но более острой становится чувствительность к нему. Феодализм на вершине своего могущества не возбуждал во французах столько ненависти, как на исходе своего существования»⁷⁴.

Другие примеры дают великие революции. В предреволюционной Франции созыв Генеральных Штатов впервые за 170 лет породил сперва осторожные, а затем экспоненциально нараставшие экспектации среди буржуазии, рабочих и в конце концов — крестьян, что несправедливости последних десятилетий будут исправлены⁷⁵. Петти отмечает, что в России 1918 г. «крайние репрессии и проявлявшееся время от времени варварство сопровождалось судорожными реформами в промышленности и политике»⁷⁶. С одной стороны, такие усилия создавали угрозу для относительно привилегированных групп; с другой стороны, более важным было то, что они возбудили большие надежды среди рабочих и недовольных представителей средних классов. В еще большей степени неудовлетворенные экспектации можно отнести к Февральской революции 1917 г., некоторые из лидеров которой обещали мир, но пришедшее к власти Временное правительство продолжало войну, и у него в Октябрьском перевороте оказалось мало воли, чтобы противостоять ему. Бринтон говорит, что одними из «наиболее очевидных единообразий революций, которые он изучал, были те усилия, которые предпринимались, чтобы реформировать аппарат правительства... Нет ничего более ошибочного, нежели изображение картины старого режима как неспособной к преобразованиям тирании, несущейся к своему концу в климаксе деспотического безразличия к воплям своих оскорбленных подданных. Карл I работал над «модернизацией» своего правительства... Георг III и его министры старались принудить к дружной работе разрозненные органы британского национального правитель-

ства... И во Франции, и в России имел место ряд попыток реформ... Верно, что эти реформы были незавершенными, что они отменялись или сводились к нулю саботажом со стороны привилегированных слоев. Но они являлись... существенной частью процесса, который вызвал революцию в этих странах»⁷⁷.

Однако в большинстве случаев обещанные или ожидаемые реформы оказывали воздействие на людей, которые уже накопили существенные и долгосрочные обиды. За исключением американских колоний, где воздействие реформ было направлено на ограничение средних и высших классов, попытки частичных реформ, как представляется, порождали широко распространенные экспектации того, что все несправедливости будут исправлены. Такая интерпретация предполагает следующий вывод из гипотезы VE.5.

Следствие VE.5.1. Маргинальные увеличения ценностных возможностей среди депривированных групп имеют тенденцию к усилению отчетливости групповых ценностных экспектаций.

То есть обещание улучшения для депривированных людей интенсифицирует их экспектации относительно того, что все лишения, от которых они страдали, будут облегчены. Если эти надежды угасают, последствия бывают страшными.

В поддержку этого обобщения можно привести ряд современных примеров. Крозье предлагает такую интерпретацию событий, предшествовавших четырем антикоммунистическим восстаниям 1950-х гг., включая революцию северовьетнамских крестьян 1956 г. и восстания в Венгрии, Восточном Берлине и, возможно, в Тибете. «Люди восставали в периоды незначительного спада напряжения и обманутых надежд. Едва ли стоит удивляться тому, что обманутая надежда послужила более сильным стимулом, чем отсутствие надежды вообще»⁷⁸. Этот паттерн особенно отчетливо проявился в Венгрии. Первый период либерализации в послевоенной Венгрии начался в 1953 г., после двенадцати лет жестокого политического подавления, и привел к некоторому волнению среди крестьян. Однако в 1955 г. партийная элита приостановила его и установила новые репрессивные меры. Второе ослабление контроля относится к началу 1956 г., когда «оттепель», начавшаяся в Советском Союзе и внесшая разлад в элиту, привела к смещению сталинистского премьера Ракоши и возрастанию агитации за политические реформы, вылившееся в студенческие демонстрации в Будапеште, с которых и началась революция. Два успешных периода ослабления, несомненно, пробудили надежды среди венгров, особенно интеллектуалов, профессионалов и городских рабочих, в наибольшей степени подвергавшихся

правительственным репрессиям, на то, что возможны коренные реформы (правда, остается не вполне разрешенным вопрос относительно их открытых заявлений о желательности этих реформ). Вторая волна либерализации, как представляется, должна была продемонстрировать, что режим слишком слаб, чтобы оказать сопротивление. Кешкемети пишет: «Революционное поведение венгров было внезапной реакцией отчаяния на непримиримое давление и депривацию. Это была скорее отсроченная реакция на негативный опыт прошлого, сработавшая когда проявились элементы слабости в имидже режима и элементы силы приобрели большее значение в собственном имидже»⁷⁹.

Два примера из политической жизни африканских стран заставляют предположить, что этот эффект не ограничивается монархическими или коммунистическими режимами. Колониальное и постколониальное насилие неоднократно ассоциировалось с обещаниями улучшений в политической и экономической деятельности, которые возбуждали существенные, но последовательно не выполнявшиеся экспектации. Восстание на Мадагаскаре 1947–1948 гг. — один из наименее известных послевоенных мятежей — коренилось, во всяком случае отчасти, во фрустрированных политических экспектациях. Мадагаскар имел длительную традицию доколониальной политической автономии, и власть его традиционной землевладельческой элиты никогда не подрывалась полностью со стороны французской администрации. Непосредственные события послевоенных лет, в особенности деятельность возрождавшейся политической партии и положения конституции Четвертой республики, относившиеся к дарованию самоуправления колониальным территориям, пробудили политические экспектации во многих группах, включая господствующий класс Мерина, который тоже ощущал недовольство. В то же время колониальная администрация становилась все более глухой к местным проблемам. Начавшееся в марте 1947 г. восстание открыто ставило своей целью свержение французской администрации и восстановление независимости и было подавлено ценою 11 000 жизней⁸⁰.

Таким же общим паттерном может служить опыт Конго-Киншаса после установления независимости. Народу Конго более интенсивно прививали европейскую культуру и образование в сравнении с практически любой другой страной тропической Африки, и большая часть его населения привлекалась в сферу оплачиваемой занятости. Фокс указывает, что как одно из последствий экспектаций «неудовлетворенность и фрустрация конголезцев, живших в городах и деревнях, были столь схожи, что их можно было считать почти идентичными... сложному соединению “традиционных” и “современных” элементов...»⁸¹. Очень бы-

стрый прогресс Конго в направлении независимости в 1959 и 1960 гг. породил экспектации, что все репрессии и несправедливости по отношению к «Боула-Матари» будут ослаблены и будет получено должное материальное благосостояние. Цель *le bien-ktre matùriel*⁸² впоследствии была записана в преамбулу Конголезской Конституции. Ожидания, сопровождавшие движение к независимости, были выражением враждебности к колониальному правлению в 1960 г. и в значительно большей степени в 1961. Гораздо более негативная и сопровождавшаяся насилием реакция на разочарование в независимости началась с восстанием Куилу в конце 1963 г., которое быстро разрослось и охватило в 1964 г. две трети страны. Новые конголезские правители присвоили себе все привилегии и начали учинять еще большие несправедливости и репрессии. Их некомпетентность и экономические ограничения окончательно лишили конголезцев иллюзий относительно их вековых экспектаций получения выгод от независимости. Об уровне насильственной реакции можно судить по тому, что в последовавших восстаниях, названных «второй независимостью», погибли более 50 000 конголезцев⁸².

Эти кейзы демонстрируют вероятность возникновения насилия в тех случаях, когда недовольным людям внушают неисполнимые надежды на то, что причины их недовольства будут исправлены. Ни эти кейзы, ни выводы из них не подразумевают того, что предвосхищения улучшения обязательно должно привести к насилию. Потенциал насилия может быть сведен к минимуму в течение ряда лет, если широко распространенная и интенсивная RD будет исправляться путем устойчивого роста возможностей. Это, в свою очередь, потребует проведения в жизнь таких направлений политики как продолжительное расширение возможностей и увеличение производства ценностей (глава 5), поддержание паттернов контроля (глава 8) и усиление институциональной лояльности (глава 9).

Резюмируя некоторые из приведенных выше аргументов, можно сказать, что вряд ли возможно с достаточной степенью вероятности мобилизовать людей с помощью новых революционных надежд, пока они не ощутят себя остро депривированными теми обстоятельствами, в которых они живут (гипотеза VE.1). Демонстрирование нового образа жизни или пропаганда идеологий, изображающих золотой век, сами по себе редко порождают неудовлетворенность или новые экспектации. Но в той степени, в какой люди уже испытывают неудовлетворенность и видят открытые для них возможности для достижения своих целей (гипотеза VE.2), они остро восприимчивы к идеологической конверсии.

* Материальное благосостояние (фр.).

Крайне насильственный, часто революционный, отклик вероятен тогда, когда людей, обделенных ценными ими вещами и условиями жизни, приводят к убеждению, что их правительство готово к тому, чтобы исправить их депривацию, а затем оказывается, что эти надежды обмануты (вывод VE.5.1). Когда начинаются перемены внутри какого-либо сегмента общества, вступают в силу другие процессы. Если ряд групп пользуется ценностными достижениями, те из них, кто пришел к этим достижениям быстрее других, избираются в качестве референтных групп, на которые люди ориентируют свои экспектации (гипотеза VE.3). Кроме того, группы, испытывающие постоянный рост благосостояния, развивают экспектации относительно продолжения улучшения (гипотеза VE.5). Опыт растущего благосостояния в одном секторе жизни может порождать экспектации относительно большего уровня ценностных приобретений в другом секторе, но обычно лишь в той степени, в какой благополучие в одном секторе зависит от успехов в других (гипотеза VE.4).

Способны ли люди удовлетворять свои новые экспектации — это зависит от возможностей их общества в производстве и распределении ценностей. Следующая глава исследует некоторые из условий, которые определяют то, как эти возможности воспринимаются.

Примечания

¹ *The Road to Wogan Pier* (London: Victor Gollanz, 1937), 64.

² *George Blanksten*, «Transference of Social and Political Loyalties», in Bert Hoselitz and Wilbert Moore, eds., *Industrialization and Urbanization* (Paris: UNESCO, 1963), 184.

³ *Daniel Lerner*, *The Passing of Traditional Society* (New York: The Free Press, 1958), 330–331, 335. Систематическим анализом может служить Elizabeth E. Hoyt «Want Development in Underdevelopment Areas», *Journal of Political Economy*, LIX (June 1951), 194–202.

⁴ *Richard L. Holton*, «Changing Demand and Consumption», in Wilbert E. Moore and Arnold S. Feldman, eds., *Labor Commitment and Social Change in Development Areas* (New York: Social Science Research Council, 1950), 210–216.

⁵ *Mancur Olson Jr.*, «Rapid Growth as a Destabilizing Force», *Journal of Economic History* (December 1963), 538.

⁶ *A. H. Cole*, «The Relation of Missionary Activity to Economic Development», *Economic Development and Cultural Change*, IX (January 1961), 120–127.

⁷ *Collin Turnbull*, *The Lonely African* (New York: Doubleday, 1962, 1963).

⁸ *Norman R. C. Cohn*, *The Pursuit of Millennium*, 2nd edn. rev. (New York: Harper, 1957, 1961), 28. Депривирующие воздействия урбанистической миграции на приобретение межличностных ценностей изучаются в следующих разделах этой главы.

⁹ *Frank W. and Ruth C. Young*, «Individual Commitment to Industrialization in Rural Mexico», *American Journal of Sociology*, LXXI (January 1966), 373–383, quotation 374.

¹⁰ О природе влияния грамотности на неграмотное общество см. *J. Goody and I. Watt*, «The Consequences of Literacy», *Comparative Studies in History*, V (April 1963), 304–345.

¹¹ *Lloyd Fallers*, «Equality, Modernity and Democracy in the New States», in *Clifford Gertz, ed., Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa* (New York: The Free Press, 1963), 192–193.

¹² *Robert C. Williamson*, «University Students in a World of Change: A Columbian Sample», *Sociology and Social Research*, XLVIII (July 1964), 397–413.

¹³ *Otto Billig, John Gillin and William Davidson*, «Aspects of Personality and Culture in a Guatemalan Community: Ethnological and Rorschach Approaches», Part II», *Journal of Personality*, XVI (March 1948), 326–368, quotation 365.

¹⁴ *Leonard W. Doob*, *Becoming More Civilized: A Psychological Exploration* (New Haven: Yale University Press, 1960), 282–283.

¹⁵ *Mary D. and Leonard Ainsworth*, «Acculturation in East Africa, II. Frustration and Aggression», *Journal of Social Psychology*, LVII (August 1962), 401–407, quotation, 407.

¹⁶ См. *Robert A. Humphrey and John Lynch, eds., The Origins of the Latin American Revolutions, 1808–1826* (New York: Knopf, 1965).

¹⁷ См. ообо *Priscilla Robertson*, *Revolution of 1848: A Social History* (Princeton: Princeton University Press, 1952), passim; а также *Robert B. Nerriman*, *Six Contemporaneous Revolutions* (Oxford, Clarendon Press, 1938), 209–210.

¹⁸ *Sadia Touval*, *Somali Nationalism: International Politics and the Drive for Unity in the Horn of Africa* (Cambridge: Harvard University Press, 1963), 73–76; *Ted Gurr*, «Tensions in the Horn of Africa», in *Felix Gross, World Politics and Tensions Areas* (New York: New York University Press, 1965), 316–334.

¹⁹ *Anthony Oberschall*, «Rising Expectations, National Unity and Political Turmoil» (paper read at the annual meeting of the African Studies Association, November 1967).

²⁰ *Daniel Lerner*, *The Passing of Traditional Society* (Glencoe: The Free Press, 1958), 100–103.

²¹ *Ted Gurr with Charles Ruttenberg*, *The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Causal Model* (Princeton: Center of Studies, Princeton University, Research Monograph No. 28, 1967), 58–60, 71–75.

²² *Orlando Fals Borda*, «Unfinished Revolution in Latin America» (paper read at a conference on the «United States in a Revolutionary World», Princeton University, April 1968), 4–5.

²³ См. *Charles Tilly*, «A Travers le chaos des vivantes cites», paper read at the Sixth World Congress of Sociology, Evian-les-Bains, September 1966, and *Charles Tilly*, «Collective Violence in European Perspective», in *Hugh Davis Graham and Ted*

Robert Gurr, eds., *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969), 5–34.

²⁴ См. *Report of the National Advisory Commission on Civil Disorder*, Otto Kerner, Governor of Illinois, Chairman (New York: Bantam Books, 1968), 173, and Governor's Select Commission on Civil Disorder, State of New Jersey, Report for Action (Trenton: State of New Jersey, February 1968), 129–131; and Robert M. Fogelson and Robert D. Hill, «Who Riots», Supplemental Studies for National Advisory Commission on Civil Disorders (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1968), 217–248.

²⁵ Gurr and Ruttenberg, 57–60. Среди «персоналистских» — преимущественно латиноамериканских — стран имела место значительная обратная связь типа, предполагаемого Фолсом Борда: чем выше показатели урбанистической миграции, тем ниже уровень борьбы.

²⁶ Doob, 72–73.

²⁷ David C. McClelland, *The Achieving Society* (Princeton: Van Nostrand, 1961), 411–417, quotation 416.

²⁸ Doob, 73.

²⁹ Mehmet Bequiraj, *Peasantry in Revolution* (Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1967), quotations 1, 8.

³⁰ Leon Trotsky, *The History of the Russian Revolution* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957).

³¹ См. Johan Huizinga, *The Waning of the Middle Ages* (London: Arndd, 1924), passim, and Cohn, passim.

³² E. J. Hobsbawm, *The Age of Revolution 1789–1848* (New York: Mentor, 1962, 1964), chap. 13, quotation 286–287.

³³ Chalmers, A. Johnson, *Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China 1937–1945* (Stanford: Stanford University Press, 1962, 1966), chaps. 1 and 2.

³⁴ W. G. Runciman, *Relative Deprivation and Social Justice* (Berkeley: University of California Press, 1966), 23–24.

³⁵ Ibid, 25.

³⁶ Seymour M. Lipset, *Political Man: The Social Bases of Politics* (Garden City, Doubleday, 1960), 63.

³⁷ Rae Sherwood, «The Bantu Civil Servant», unpublished ms. (Johannesburg, National Council for Social Research, National Institute for Personal Research, 1959), summarized in Doob, 75.

³⁸ Denton E. Morrison and Allan D. Steeves, «Deprivation, Discontent and Social Movement Participation: Evidence on a Contemporary Farmer's Movement, the NFO», *Rural Sociology*, XXXII (December, 1967), 414–434, quotation 424.

³⁹ Herbert H. Hyman, «The Value System of Different Classes», in Reinhard Bendix and Seymour M. Lipset, eds., *Class Status and Power* (Glencoe: The Free Press, 1953),

426–442, and Eric Stern and Suzanne Keller, «Spontaneous Group References in France», *Public Opinion Quarterly*, XVII (No. 2, 1953), 208–217, summarized in Runciman, 26–27.

⁴⁰ Richard F. Hamilton, «The Marginal Middle Class: A Reconsideration», *American Sociological Review*, XXXI (April 1966), 192–199.

⁴¹ Методы оценки относительной экономической депривации, возникающей вследствие неравенства в показателях улучшения жизни в различных экономических секторах, продемонстрированы в работе Alfred Sauvy et Françoise Leridon, «Du calcul des Revenus dans une population à la frustration sociale», *Population* (October–December 1961), 605–624.

⁴² Harold Davis, *Political Statistics* (Evanston: Northwestern University Press, 1948), 185–202, резюмировано в Fred Cort, «The Qualification of Aristotle's Theory of Revolution», *American Political Science Review*, XLVI (April, 1964), 490–491.

⁴³ Bruce M. Russett, Jr., «Inequality and Instability: The Relation of Land Tenure to Politics», *World Politics*, XVI (April, 1964), 442–454.

⁴⁴ Gil Alroy, «Revolutionary Conditions in Latin America», *Review of Politics*, XIX (July 1967), 419.

⁴⁵ Manus Midlarsky and Raymond Tanet, «Toward a Theory of Political Instability in Latin America», *Journal of Peace Research*, No. 3, 1967, 209–227.

⁴⁶ Mohammed Ansori Nawawi, «Regionalism and Region Conflicts in Indonesia» (Ph.D. dissertation, Department of Politics, Princeton University, June 1968), chap. 10.

⁴⁷ Относительная экономическая депривация Юга подчеркивается в работе Joseph Oduho and William Deng, *The Problem of Southern Sudan* (London: Oxford University, 1963) chap. 12 и в «Six-Year Revolt in Sudan Leaves Untold Casualties», *New York Times*, April 15, 1968, 1, 16. Другую интерпретацию см. в Mohamed Omer Beshir, *The Southern Sudan: Background to Conflict* (New York: Praeger, 1968).

⁴⁸ Об источниках гражданской войны и общих оценках ее причин см.: Lee Benson and Cushing Strout, «Causation and the American Civil War: Two Appraisals», *History and Theory*, I (No. 2, 1961), 163–185. Интерпретацию прогрессивной депривации см. в James C. Davies, «The J-Curve Revolutions and Declining Satisfactions as a cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion», in Graham and Gurr, eds.

⁴⁹ Fred Kort, «The Qualification of Aristotle's Theory of Revolution», *American Political Science Review*, XLVI (April, 1964), 487.

⁵⁰ Johan Galtung, «A Structural Theory of Aggression», *Journal of Peace Research*, No. 2, 1964, 95–119.

⁵¹ James A. Geschwender, «Social Structure and the Negro Revolt: an Examination of Some Hypotheses», *Social Forces*, XLIII (December 1964), 249.

⁵² Rudolf Heberle, *Social Movements: An Introduction to Political Sociology* (New York, Appleton-Century-Crofts, 1951), 368.

⁵³ Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York, The Free Press, 1963), 340.

⁵⁴ Leo Kuper, *An African Bourgeoisie* (New Haven: Yale University Press, 1965).

⁵⁵ Aristotle, *The Politics*, Book V., quotation from J.E.C. Weldon, выделено переводчиком.

⁵⁶ Galtung, «A Structural Theory of Aggression», 99.

⁵⁷ Geschwinder, 256.

⁵⁸ См. George Rudé, *The Crowd in History, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964), chap. 13; Ben C. Roberts, «On the Origins and Resolution of English Working-Class Protest», in *Graham and Gurr, eds.*

⁵⁹ Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927), 81.

⁶⁰ См. Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution* (New York: Norton, 1938), 45–46.

⁶¹ Harald Lasswell and Abraham Kaplan, *Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 83–96.

⁶² Davies, «Toward a Theory of Revolution», *American Sociological Review*, XXVII (February 1962), 6.

⁶³ George Soule, *The Coming American Revolution* (New York: MacMillan, 1935), 20.

⁶⁴ David A. Wilson, «Thailand», in George McT. Kahin, ed., *Governments and Politics of Southeast Asia* (2nd ed., Ithaca: Cornell University Press, 1959, 1964), 33.

⁶⁵ Brinton, 54.

⁶⁶ Soule, quotations 26, 27.

⁶⁷ Henry Mendras and Yves Tavernier, «Les Manifestations de Juin 1961», *Revue Française de Sciences Politiques*, XII (September 1962), 647–671.

⁶⁸ См. Vernon Lee Fluharty, *Dance of the Millions: Military Rule and Social Revolution in Columbia 1930–1956* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1957), chap. 6.

⁶⁹ Davies, 8–10.

⁷⁰ См. Merriman, 27–50. Обзор других интерпретаций см. в Philip A. M. Taylor, ed., *The Origins of the English Civil War: Conspiracy, Crusade, or Class Conflict* (Boston: D.C. Heath, 1960).

⁷¹ Об истоках Американской революции см., напр.: Edmund S. Morgan, ed., *The American Revolution: Two Centuries of Interpretations* (Engelwood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1967); John Miller, *Origins of the American Revolution* (Stanford: Stanford University Press, 1943, 1959).

⁷² Для сравнения интерпретаций см. Robert A. Le Vin, «Anti-European Violence in Africa: A Comparative Analysis», *Journal of Conflict Resolution*, III (December 1959), 423–424; Carl G. Rosberg, Jr. and John Nottingham, *The Myth of «Mau-Mau»: Nationalism in Kenya* (New York: Praeger, 1966). «Традиционалистская» природа Мау-Мау служит предметом некоторой дискуссии; предполагается, что многие из его ритуалов были заимствованы из экаунтов средневекового европейского колдовства, а не из традиции кикуйю. Более «туземную» версию восстания в духе убывающей RD дает Annete Rosenstiel, «An Anthropological Approach

to the Mau-Mau Problem», *Political Science Quarterly*, LXVIII (September 1963), 419–432. Колониальную интерпретацию см. в *F. D. Crfield, Historical Survey of the Origin and Growth of Mau Mau* (London: H.M. Stationery Office, 1960).

⁷³ См. *Henry Bretton, The Rise and Fall Kwame Nkrumah: A Study of Personal Rule in Africa* (New York: Praeger, 1966).

⁷⁴ *Alexis de Tocquville, L'ancien Regime*, trans. M.W. Patterson (Oxford: Basil Blackwell, 1947), 186.

⁷⁵ Релевантные интерпретации включают: *Hobsbawm*, 80–84; *George Lefebre, The Coming of the French Revolution 1789*, trans. R.R. Palmer (Princeton: Princeton University Press, 1947), chaps. 5, 6.

⁷⁶ *Brinton*, 51–52.

⁷⁷ *Brinton*, 51–52.

⁷⁸ *Brian Crozier, The Rebels: A Study of Post-War Insurrections* (London: Ghetto and Windus, 1960), 92–104, quotation 104; в поддержку этого свидетельства см. *Stefan Brant, The East German Rising* (New York: Praeger, 1957); *Paul Keskemeti, The Unexpected Revolution: Social Forces in Hungarian Uprising* (Stanford: Stanford University Press, 1961).

⁷⁹ *Keskemeti*, chaps. 2–8, quotation 117.

⁸⁰ *Crozier* дает краткое резюме на с. 199–201. Более обстоятельный взгляд изложен в работе *Virginia Thompson and Richard Adloff, The Malagasy Republic: Madagascar Today* (Stanford: Stanford University Press, 1965), chaps. 3, 4. Существенно иная, в основном психологическая, интерпретация предлагается в работе *O. Mannoni, Prospero and Caliban: The Psychology of Colonization*, trans. *Pamela Powesland* (New York: Praeger, 1956, 1964), где говорится, что мальгазийцы ощущали глубокую зависимость от колониальных европейцев, и эта психологически удовлетворяющая зависимость оказалась поставлена под угрозу преждевременным движением к большему самоопределению.

⁸¹ *Renee C. Fox*, «The Case of Congo-Kinshasa (paper read at the annual meeting of the African Studies Association, November 1967), 3–4. В качестве доказательства относительной модернизации конголезцев Конго конца 1950-х ранжировано в ряду тридцати более крупных тропических государств (исключая Южную Африку и Южную Родезию): первая по уровню грамотности, четвертая по удельному весу детей школьного возраста, обучающихся в школах, четвертая по удельному весу оплачиваемой занятости, четвертая по удельному весу взрослых, обращенных в христианство, седьмая по уровню урбанизации.

⁸² Это резюме основано на данных работ: *Fox; Crawford Young, Politics in the Congo* (Princeton: Princeton University Press, 1965) chap. 13; *Renee Fox and others*, «The Second Independence: A Case Study of the Kwily Rebellion in the Congo», *The Comparative Studies in Sociology and History*, VIII (October 1965) и на моих данных.

Социальные источники депривации: детерминанты ценностных возможностей

Человек и все политические, социальные, экономические, религиозные, интеллектуальные, эстетические и психологические системы, посредством которых он так основательно организовал свою жизнь, постоянно становятся непоследовательными... Этот разрыв связей и поэтому разрушение возможности решить большинство основных проблем является непрерывным и постоянным вызовом современности.

Манфред Халперн
Переопределение революционной ситуации¹

Ценностные возможности людей были определены в главе 2 как ценностные позиции, которые они способны приобретать и удерживать. Другими словами, они выступают функциями как того, чем они обладают, так и того, что, как они убеждены, могут приобрести. Наиболее фундаментальное структурное ограничение ценностных возможностей людей — это объем ценностей, имеющих в распоряжении общества для распределения. Если общество располагает обширными ресурсами и проявляет способность к превращению их в более удовлетворяющие людей условия жизни, и если люди обладают разнообразными и разумно-эффективными способностями к участию в прибылях, то воспринимаемые ценностные возможности, вероятно, будут высокими. Но если ресурсы ограничены, а предшествующие ценностные свершения малочисленны и узки, люди, вероятно, будут иметь слабые надежды на будущее.

Общие детерминанты ценностных возможностей

В нижеследующих гипотезах определяются четыре общих паттерна опыта и убеждений, которые ограничивают ценностные возможности людей. Мы последовательно изучим некоторые характеристики экономических и политических систем, а также систем убеждений, которые демонстрируют релевантность гипотез конкретным типам политического насилия.

Паттерны ценностных резервов

И внутренние, и воспринимаемые извне ограничения доступности ценностей в обществе различны для разных обществ и для разных групп внутри одного общества. Основное различие теория проводит между суммарно-фиксированными или суммарно-нулевыми ситуациями с одной стороны и суммарно-изменяющимися ситуациями — с другой. В суммарно-фиксированных ситуациях наличествует фиксированный объем желаемого блага или условия; любое увеличение чьей-то позиции по этой ценности с необходимостью влечет за собой снижение ценностных позиций других. В суммарно-изменяющихся ситуациях могут иметься или нераспределенные ценности (такие как нераспределенная земля, не занятые элитарные позиции) или определенный потенциал для возрастания ценностных резервов. Социальные группы, члены которых участвуют или считают, что могут участвовать в суммарно-изменяющихся ситуациях, неизбежно будут находиться в конфликте с другими группами. Они могут быть удовлетворены своими ценностными позициями или могут стремиться к тому, чтобы оставить не вполне отчетливую ценность ради другой, более отчетливой, хотя их возможности поступать так зависят от наличия других групп, которые пользуются излишками ценностей. В некоторых феодальных обществах, например, землевладельцы и бароны отказывались от обладания своими политическими и экономическими ценностями в пользу централизованной монархии в обмен на возрастание своей безопасности. Процесс аллокации*, посредством которого происходит совершение такого обмена или отказ от него, может повести к более или менее равномерному распределению как ценностей, так и деприваций; но вряд ли вероятно, чтобы в любом обществе с фиксированным резервом ценностей оказалось достаточно благ для удовлетворения всех экспектаций. Даже равновесная ситуация изначально нестабильна, потому что любая интенсификация экспектаций любой группы или

* Русскоязычная калька английского *allocation* — размещение. — Примеч. пер.

любого индивида, обладающего достаточно большой властью, с определенной степенью вероятности поведет к требованиям и действиям, нарушающим равновесие, если таковое действительно существовало².

Дихотомическое различие между суммарно-фиксированной и суммарно-изменяющейся ситуациями может быть применимо к игровым ситуациям. Для коллективностей ценностные резервы более полезно представить в непрерывных понятиях. Любая ценность более или менее расходуема, и ценности обычно так и воспринимаются — как более или менее расходуемые. Релевантность этого отличия понятию ценностных возможностей ясна. В обществах со сравнительно фиксированными или негибкими ценностными резервами ценностные возможности большинства групп, вероятно, статичны. Любое ценностное приобретение одной группы, скорее всего, будет уменьшать ценностные позиции других групп и восприниматься их членами как снижение собственных ценностных возможностей. В обществах с относительно гибкими ценностными резервами такие последствия менее вероятны. Конечно, нельзя предполагать, что реальная доступность ценностных резервов совпадает с восприятием их доступности. Могут быть и такие общества, в которых все ценности, или большинство из них, воспринимаются с суммарно-нулевой точки зрения, даже если увеличение ценностей технологически или политически осуществимо. Могут быть также общества, в которых долгосрочный экономический прогресс порождает широко распространенный оптимизм по поводу того, что ценности могут потребляться безгранично, безотносительно к естественно накладываемым ограничениям, например неясности относительно объема ресурсов. Так, Спрауты показали, что Британия в 1950—1960-х гг. столкнулась с дилеммой неадекватных ресурсов для продолжения роста, лишь частично решаемой правительственной политикой сдвига в размещении ресурсов и контроле за потреблением³. Это только характеристики основных базовых связей, резюмированных в двух общих гипотезах.

Гипотеза ВС.1. Воспринимаемые ценностные возможности сильно варьируют в той степени, до которой ценностные резервы в обществе воспринимаются как гибкие.

Гипотеза ВС.2. До той степени, в которой резервы любой ценности воспринимаются как негибкие, воспринимаемые групповые возможности для этой ценности изменяются сильно и обратно пропорционально восходящей мобильности других групп по этой ценности.

Примером суммарно-нулевой перспективы ценностных резервов представляется характеристика многих латиноамериканских обществ. «Субнациональное мышление» — таков ярлык, который Силверт присвоил образу мышления в Аргентине. «Аргентинская политика классового ограничения полагает, что никакая общественная мера не может быть

хорошей для всех, что приобретение выгод одной группой автоматически оборачивается потерей для других. Жизнь — это неэластичный пирог...» Революционные реформы, проводившиеся в жизнь режимом Перона, после его свержения в 1955 г. привели к контрреволюционному ответу, который на практике продемонстрировал такого рода аттитюд: «Аргентинцы принимают за аксиому, что возрастание свободы действий для низших групп между 1945 и 1955 гг., подразумевала неизбежное ограничение свободы для других, более высоких групп, и что с падением Перона был естественен возврат к ограничению свободы низших групп и новому росту свободы для тех, кто уже был наверху». Эти сдвиги оказали воздействие не только на политическую свободу и участие, но и на доходы: реальные заработки рабочих с 1945 по 1951 гг. возросли на 35 %, а к 1958 г. возвратились к уровню 1945 г. — отчасти вследствие экономического спада, но также и благодаря политике перераспределения⁴. Такие же аттитюды отражаются и в практике других латиноамериканских стран: ожесточенное сопротивление землевладельцев перераспределению земли или повышению ее продуктивности; нежелание многих демократических лидеров допустить эффективное политическое участие низших классов и их нежелание отказаться от однажды полученной власти; предпочтение, отдаваемое многими бизнесменами снижению продуктивности и повышению цен в ответ на обострение конкуренции; сопротивление высшего слоя средних классов восходящей статусной мобильности других групп.

Эти обобщения не претендуют на универсальную применимость; они в меньшей степени применимы для Мексики и Бразилии, нежели для большинства других латиноамериканских стран. Тем не менее суммарно-нулевое мышление широко преобладает в латиноамериканских культурах и, как представляется, лежит в основе многих политических беспорядков на континенте. Если есть тенденция рассматривать любую групповую ценностную выгоду как ценностную потерю другой группы (гипотеза VC.2), то группы с возрастающими ценностными ожиданиями, вероятно, имеют низкие ценностные возможности и убеждены, что их ожидания могут быть удовлетворены лишь путем захвата того, чего они желают, у тех, кто этим обладает. Подобно этому, возрастание требований со стороны любой группы создает угрозу ценностным возможностям других групп. Так, перуанские рабочие намеревались использовать демонстративное насилие для того, чтобы добиться выполнения своих политических и экономических требований, а предприниматели и гражданские власти ответили на это требование в пропорциональной степени угрожающими мерами⁵. Перевороты совершались хронически, особенно в слаборазвитых

латиноамериканских странах, потому что политическая власть была единственным мыслимым путем к богатству для амбициозных выходцев с неэлитарного дна⁶. Радикалы требуют революций в большей степени, нежели реформ, потому что не верят в то, что элиты готовы поделиться властными и экономическими ценностями, а элиты подтверждают интерпретацию радикалов, отвечая на каждое требование перемен как на угрозу непоправимой депривации. Распространены или нет эти attitudes в латиноамериканской культуре (а свидетельства их наличия носят косвенный характер), они никоим образом не являются идиосинкразическими для латиноамериканцев, как можно будет убедиться, рассматривая примеры, приводимые в последующем анализе.

Негибкость в исполнении желаний и в ценностных возможностях

Эластичность ценностных резервов оказывает сильное влияние на социальном уровне, но не выступает ни необходимым, ни достаточным условием высоких ценностных возможностей для отдельных групп. От предшествующего опыта группы и ее социальных условий зависит убежденность ее членов в том, что они могут удержать или улучшить свои жизненные обстоятельства. Гипотеза VE.4 (глава 4) оговаривает, что коллективный опыт ценностных приобретений порождает экспектации длительных коллективных достижений — частный случай более обширного тезиса о том, что предшествующий опыт людей впоследствии доминирует над их предвосхищением будущего. Аналогичная связь состоит в том, что группы, имевшие опыт стабильных или снижающихся ценностных позиций, вероятно, будут ожидать продолжения этих тенденций, преграждающих социетальные трансформации или групповую конверсию к доктринам тысячелетних перемен⁷. Если групповая экономическая или статусная позиция остается неизменной на протяжении поколений, как это обычно бывает в традиционных крестьянских обществах, члены их, вероятно, рассматривают свои возможности как статичные. Если доля людей, обладающих экономическими, политическими или иными ценностями, начинает снижаться, как это было у американских индейцев, вытеснявшихся белыми поселенцами, они могут на первых порах надеяться на возвратную тенденцию, однако чем дольше длится упадок, с тем более вероятной безнадежностью они будут оценивать свои перспективы. В долгосрочной перспективе их ценностные экспектации имеют тенденцию к снижению в соответствии с последователь-

⁶ То есть *миллениарианизма* (см. примечания в гл. 2).

ным снижением их возможностей, как определяет гипотеза ID.5 (глава 3), однако при этом в качестве краткосрочного эффекта может возрасти RD, а следовательно и потенциал коллективного насилия.

Гипотеза VC.3. Воспринимаемые ценностные возможности изменяются сильно и обратно пропорционально показателю прошлого группового опыта ценностных потерь.

Ощущение несостоятельности, вызванное суммарно-нулевыми перспективами приобретения ценностей и статичными или снижающимися групповыми ценностными позициями, может быть интенсифицировано, либо, напротив, уменьшено непосредственными социетальными условиями существования группы. Гипотеза ID.4, выдвинутая в главе 3, определяет, что интенсивность RD изменяется пропорционально сдерживанию ценностных возможностей индивидов. Предполагалось, что RD могла бы быть снижена, хотя бы временно, за счет увеличения числа и разнообразия ценностных возможностей. Гипотеза VC.4, приводимая ниже, обобщает эту связь применительно к коллективным ценностным возможностям: любое возрастание в направлении ценностно-усиливающего действия, открытого членам группы, увеличивает их ценностные возможности, любое снижение уменьшает их. Эти связи удерживаются независимо от ценностных резервов, доступных для распределения в обществе. Даже если материальные блага ограничены, молодые люди могут, к примеру, увеличить свои личные возможности экономического благосостояния, приобретая новые технические навыки и умения. Подобно этому, ценности участия изначально негибки, но расширение каналов политического участия и базы рекрутирования на элитные позиции увеличивает социетальные возможности элигивельных* групп. Такие экспансии привилегий и прав на избрание также увеличивают политические возможности: наличие права на политическое участие в дополнение к ощущению внутренней самооценности — это базовая ценность, которая может быть использована для усиления ценностей благосостояния, безопасности и межличностных ценностей.

Гипотеза VC.4. Воспринимаемые ценностные возможности сильно варьируют в зависимости от числа и протяженности ценностных возможностей, открытых членам группы.

Обратная связь состоит в том, что любое снижение групповых ценностных возможностей имеет тенденцию к тому, чтобы уменьшить способности членов группы к приобретению ценности, даже если ценностные резервы общества достаточно велики и продолжают увеличиваться.

* Русскоязычная калька *eligible*: (1) тот, кто может быть избранным; (2) подходящий, желательный. — *Примеч. пер.*

Частный случай такой связи — ситуация, в которой оказываются в развивающихся обществах группы, члены которых не допускаются к пользованию ценностными возможностями, открытыми для некоторых других групп. Гипотеза VE.3 (глава 4) подразумевает, что, к примеру, групповые ценностные экспектации относительно ценностей благосостояния и участия, скорее всего, будут возрастать на протяжении процессов экономической экспансии и политической демократизации. Это, вероятно, применимо даже для групп, не разделяющих выгод от экспансии, — вследствие их идентификации с более мобильными референтными группами. Гипотеза VE.5 подразумевает, что члены группы, которая обладает существенными преимуществами в ценностных позициях, не испытывают возрастания ценностных экспектаций. Если для этих групп предоставляемые возможности дифференциально низки, то собственные способности, вероятно, будут восприниматься особенно низкими, а ощущение обиды от этого — еще более интенсивным. Предлагается следующий вывод.

Следствие VC.4.1. Чем выше в обществе показатель экспансии ценностных резервов, тем больше интенсивность относительной депривации среди групп с дифференциально низкими ценностными возможностями.

Групповые ценностные возможности являются *дифференциально низкими*, если членам группы по аскриптивным основаниям препятствуют в использовании ценностно-усиливающих технических приемов, открытых для членов других групп. Работники, которых не допускают до определенных видов занятости вследствие их этнического или социального статуса, члены профсоюза, чьи права на заключение коллективной сделки ограничиваются правительственными решениями, будут, вероятно, испытывать большую неудовлетворенность в условиях развивающейся экономики, чем это было бы в статичной. Мы находим свидетельства наличия подобной связи при анализе коррелятов гражданского насилия в западно- и восточноевропейских странах начала 1960-х гг.: насилие было наибольшим в тех странах, которые переживали быструю экономическую экспансию и одновременно — статичные или даже снижающиеся возможности в получении образования⁷. Другим примером могут служить дискриминационные барьеры, которые ограничивали образовательную мобильность франкоязычных канадцев по сравнению с англоязычными, и которые не давали возможности профессионально подготовленным черным американцам получить работу, равную по оплате и статусу той, которую имели белые с такой же подготовкой. RD не обязательно присуща расовой, этнической или классовой дискриминации; дискриминация служит источником RD лишь в тех случаях, когда испытывающие ее воздействия стремятся

к большему, нежели готовы им позволить «вышестоящие». Но чем больше показатель роста или «прогресса» в обществе, тем больше вероятность того, что дифференциальный недостаток возможности участия в выгодах этого «прогресса» вызовет интенсивное возмущение.

Общий вопрос, поставленный предыдущими гипотезами, таков: какие из свойств социальных систем вносят свой вклад в суммарно-нулевые перспективы ценностей и в ограничения, накладываемые на производство ценностей и распределения, вследствие которых возникает так много групп, иногда целых обществ, с неясными перспективами реализации своих экспектаций для их членов? Ответ на этот вопрос отчасти дает анализ некоторых неотъемлемых и создаваемых социально ограниченных совершенствования социальных и политических систем. Некоторые источники низкого уровня производства ценностей благосостояния, власти и межличностных ценностей исследуются отдельно в следующих трех параграфах с указанием на теоретически и эмпирически ассоциируемое с ними политическое насилие. За пределами этого анализа остается резюмирование всех таких свойств социальной системы или разработка формальных гипотез, которые каузально связывают их с насилием через ряд интервентных переменных, которые мы изучали ранее, а именно ценностные возможности, масштаб и интенсивность RD. Тем не менее в дискуссии проявляются и каузальные связи.

Ценностные возможности благосостояния и политическое насилие

Большинство ценностей благосостояния носят изначально гибкий характер, хотя степень этой гибкости различна для разных типов обществ и соответствует перспективам групп внутри обществ. Дейч указывает, что экономические ценности изменчивы до той степени, в которой «неиспользуемые факторы производства могут быть быстро приведены в действие в адекватно сбалансированных комбинациях, как того требуют текущие функции производства». Он предлагает такую же интерпретацию гибкости других лассуэлловских ценностей, которые я суммарно обозначил как ценности благосостояния (см. табл. 1 в главе 2): «Благосостояние, умение и просвещение могут быть также в какой-то разумной степени приобретены практически каждым зрелым индивидом с помощью собственных усилий. До той степени, в какой благосостояние, умение и просвещение могут быть таким образом приобретены, — индивидами для себя автономно или малыми группами для своих членов — размещение этих ценностей становится суммарно-изменчивой

игрой... Однако они в меньшей степени подвержены обезличенному обмену среди индивидов, нежели сами по себе экономические блага»⁸.

Экономические блага могут быть увеличены до той степени, в какой общество обладает: неиспользуемыми природными ресурсами; технологиями и умениями, которые можно использовать; живым трудом, который можно приложить к этим ресурсам; капиталом, чтобы обеспечить труд орудиями для работы; социальными структурами, способными организовать эти факторы производства и распределить вновь изготовленные продукты; системами убеждений и норм, которые делают возможным сотрудничество при реализации производства и распределения. Первые четыре фактора до некоторой степени взаимозамещаемы, но при отсутствии всех факторов расширения объема экономических благ произойти не может. В такой ситуации ни одна из групп не может приобрести больше или стремиться к приобретению большего без ограничения ценностных возможностей других (гипотеза VC.2). Если экономические экспектации некоторых групп повышаются, возникающее в результате этого побуждение к политическому насилию будет сильнее, чем в обществе с возрастающей экономической производительностью. В последнем случае наличие устремленной RD у одной группы не обязательно подразумевает наличие убывающей RD для другой; в первом же такое имеет место. Особый аспект этого аргумента касается воздействия правительственной политики перераспределения ценностей. Режим может возбудить ощущение возрастания экономических ценностных возможностей у значительной части населения даже в экономически статичном обществе, предпринимая символические акции, такие как экспроприация богатства у меньшинства. Таким способом можно временно удовлетворить возрастающие экспектации больших по размерам групп за счет численно меньших, т. е. такая политика являет собой символическое свидетельство для бедных и безземельных, что политическая система способна улучшить их условия. Но если перераспределение или планы развития не увеличат резервов экономических ценностей, то эффектом в долгосрочной перспективе будет усиление побуждения к политическому насилию: экспектации, возросшие за счет маргинального роста ценностных возможностей, поведут к озлоблению и обидам, если экспектации окажутся невыполненными (следствие VC.5.1).

Другим общим моментом является то, что для большинства людей экономические ценности более отчетливы, нежели другие ценности, потому что для продолжения физического существования всегда необходимо наличие какого-то уровня экономических благ. Люди также склонны быть более чувствительными к незначительным изменениям

в этих ценностях, нежели к изменениям в других ценностях, поскольку степень, до которой они получают в монетарных обществах, равно как и во многих немонетарных, можно без труда выразить количественно. Индивиды, как правило, оценивают свое экономическое благосостояние с точки зрения месячного дохода в X долларов или крузейро, либо обладания Y голов скота, либо культивации Z гектаров рисового поля. Расчеты такого рода вряд ли возможны для определения их социального статуса, безопасности или политического участия. Тем не менее существует естественный порог, ниже которого деятельность по экономическому улучшению не ведет к революции, а именно «порог голода». Если экономическая депривация столь велика, что жизнь людей сведена к уровню физического существования или ниже его, они в буквальном смысле не способны к мятежу. Взгляд, очень близкий к литературному клише, высказывает, например, Хобсбом: «Когда люди действительно голодны, они слишком заняты поисками пищи, чтобы делать что-то еще, иначе они умирают»⁹; и Хоффер: «Для того чтобы позволить втянуть себя в отчаянную борьбу за пищу и кров, надо быть полностью свободным от ощущения тщетности такого рода усилий»¹⁰. Люди часто восставали за право получать большее количество пищи — например, в исполненных требований снижения цен «хлебных бунтах» XVIII в. в Англии и Франции, однако очевидно, что их участники были далеки от подлинного голодания. Они отвечали на повышение цен, грозившее голодом, а не на реальное наличие голода. Побуждение к насилью возрастает по мере того, как экономические позиции людей падают вниз, к грани существования, но резко снижается, когда эта грань достигнута.

Когда экономические ценности нерастяжимы и люди живут близко к порогу существования, почти любой маргинальный экономический спад может ускорить насилие. Природные бедствия, такие как засуха и чума, часто приводили к бунтам, особенно в крестьянских обществах. Увеличение налогов и цен на питание неоднократно имели такой же эффект. В рамках классической Жакерии крестьянские восстания в Северной Франции вспыхнули в 1358 г., когда французское дворянство потребовало от крестьян уплаты налогов для выкупа дворян, захваченных в плен англичанами при Пуатье¹¹. Негодование против требования новых налогов стало основной причиной восстания элиты и народных масс Каталонии против Кастильской короны в 1640–1652 гг. и революции неаполитанцев против испанского правления в 1647, равно как и фактором четырех других антимонархических революций XVII столетия¹². Из 275 мятежей в сельской Англии между 1735 и 1800 гг. две трети произошли

вследствие недостатка пищи или неожиданного повышения цен на нее¹³. Фермеры Западной Пенсильвании в 1794 г. подняли восстание против нового правительства вследствие того, что оно обложило налогом виски, который они перегоняли¹⁴.

Нарушения, сбои в производстве, как достаточно часто отмечается в источниках, служили причинами упадка экономического развития, который вел к возникновению коллективного насилия в экономически трансформирующихся обществах. Изменения в экономической структуре часто сталкивали некоторые группы рабочих в хроническую безработицу и насильственный протест. Безработица в текстильной отрасли в Вандее, начавшаяся в 1780-х гг., породила нищету, политический бандитизм, политическую агитацию, множество актов локализованного насилия и, наконец, пополнила ряды большинства активных участников контрреволюции в Вандее в 1793 г.¹⁵ Столетием раньше лондонские шелковщики неоднократно поднимали восстания и проводили демонстрации против вмешательства в их торговлю с Францией, французского импорта и внедрения ткацких станков¹⁶. В XX в. закрытие непроизводительных угольных шахт в Аппалачах, Уэльсе, Бельгии и Руре неоднократно приводило к насилию со стороны шахтеров. Подобно этому, с коллективным насилием ассоциируется инфляция, в особенности в экономически статичных обществах, где ее типичным результатом становится перераспределение доходов, которое приводит к возникновению убывающей RD среди рабочих, не обладающих большими возможностями в коллективных сделках¹⁷. Война также нередко выступает одним из наиболее общих источников экономической разрухи, приводящей к насилию. После Первой мировой войны Италия страдала от последствий демобилизации, безработицы и роста стоимости жизни, равно как и от продолжительных политических кризисов и неэффективности правительств. В конце 1920 г. там насчитывалось около 100 000 безработных, численность которых к началу 1922 г. возросла до 600 000, что было мерой и ухудшения экономических условий, и потенциальных рекрутов в ряды фашистских организаций, которые двинулись за Муссолини в его марше на Рим на исходе 1922 г.¹⁸ Подобные нарушения социальной ткани влекли за собой сравнимые последствия по всей послевоенной Европе.

Связь между экономическим спадом и коллективным насилием является настолько широко признаваемой, что исследования, посвященные оценке относительной важности этой связи в различных типах обществ и между различными формами насилия необходимы сегодня в большей степени, нежели дальнейшие документальные кейз-стади.

В качестве предварительного свидетельства можно привести кросс-национальное исследование, которое показывает, что для 114 стран в начале 1960-х гг. композитная мера краткосрочной экономической депривации коррелирует на уровне 0,44. Другими словами, среди современных стран около 20 % вариаций в уровнях борьбы можно атрибутировать экономическому спаду¹⁹.

Можно также упомянуть некоторые примеры ценностей благосостояния, которые *не* являются гибкими. Одна из наиболее примечательных из них — это сама жизнь. Когда она подвергалась угрозе или ограничениям, вследствие, например, призыва на военную службу, это нередко приводило к вспышкам политического насилия. Наиболее жесткие насильственные выражения франко-канадского сепаратизма имели место между двумя мировыми войнами и вплоть до 1968 г. именно в ответ на попытки правительства ввести воинскую повинность²⁰. Объявление воинской повинности вызвало взрыв вандейской контрреволюции в после-революционной Франции²¹. Самый кровавый бунт в американской истории произошел в Нью-Йорк-сити в июле 1863 г. в знак протеста против новой квоты военного призыва; бунт продолжался четыре дня, в течение которых было убито около 500 человек²². Оппозиция военному призыву была первичным мотивом и в общем движении антивоенного протеста в Соединенных Штатах в 1960-х гг. Между 1965 и концом 1968 г., по некоторым оценкам, 700 000 человек принимало участие в примерно 170 антивоенных демонстрациях, и около 25 из них сопровождались значительным применением насилия²³. В большинстве крестьянских обществ земля представляет собой негибкую ценность, и угрозы самой земле, пользованию ею или условиям владения ею часто становились источниками насильственного протеста. Например, в Мороро, горном районе Танганьики, внедрение террасной схемы для сохранения земли в начале 1950-х гг. не только оказалось неудачным в смысле повышения продуктивности, но и было воспринято как угроза традиционной практике землевладения. Традиционные политические лидеры наживались на ставшей следствием этого депривации; последовавшее за этим восстание, продолжавшееся до конца 1950-х гг., имело своим результатом временную потерю правительством контроля над этой территорией и отмену подобной схемы²⁴. Начавшееся на Филиппинах в 1945 г. восстание Хукбалахапов было в значительной степени мотивировано возмущением против угнетающей сущности аренды на основах долевого участия в урожае, которая практиковалась на гасиендах Центрального Лузона. Феодальная подчиненность арендатора хозяину усиливалась системой кредита под высокий процент, державшей

крестьянина в состоянии непрерывного долга. Крестьяне не всегда с неизбежностью восстают при нехватке земли или угрозах такого рода, но земля очень часто выступает общим знаменателем среди различных депривирующих факторов, мотивирующих крестьянские восстания²⁵.

Краткосрочные экономические спады неизбежны в развивающихся обществах, и восприятия спадов, вероятно, увеличивают потенциал коллективного насилия. Но большинство из этих условий подвержены — и теоретически, и просто в глазах многих людей — манипуляциям со стороны правящих институтов общества. Кроме того, резервы экономических ценностей несут гибкий характер в каждом обществе. Большинство обществ либо обладают какими-то неиспользуемыми факторами производства, либо, по крайней мере, — средствами получить их путем кооперации с другими странами. Принципиальными препятствиями к мобилизации этих факторов и минимизации разрушительного экономического конфликта являются нехватка эффективных идеологий сотрудничества и развития, а также недостаточность политических мероприятий. Высокий уровень исполнения относительно экономических ценностей требует высокого уровня межличностных и властных ценностных возможностей, некоторые аспекты которых обсуждаются ниже.

Межличностные ценностные возможности и политическое насилие

Идеациональная согласованность

Некоторые из наиболее общих объяснений источников революции и других форм коллективного насилия приписывают его потере **идеациональной согласованности**: утраты человеком веры или недостатка консенсуса по поводу убеждений и норм, которые управляют социальным взаимодействием. Идеациональная согласованность выступает и целью, и средством, и, следовательно, потеря согласованности представляет собой и снижение ценностных возможностей. Аргумент в пользу того, чтобы рассматривать идеациональную согласованность как цель, состоит в том, что люди обладают потребностью в наличии определенных убеждений, которые обеспечивают им интерпретацию мира, а также норм, которые соотносят эту интерпретацию с их каждодневным поведением. Если члены группы придерживаются ряда убеждений и норм, в правильности которых они уверены, можно считать, что они обладают достаточно высокой идеациональной ценностной позицией. До той степени, в какой они испытывают конфликт между конкурирующими идеациональными системами, они могут находить

некоторые нормы иррелевантными конкретным ситуациям или утрачивать доверие к общепринятым социальным мифам, и ценностные позиции их можно оценивать как низкие. Если они придерживаются норм целеустремленного поведения, которые облегчают удовлетворение их ценностных ожиданий, тогда их ценностные возможности адекватны по определению (глава 2), хотя они не обязательно будут многочисленными или разнообразными. Но если соблюдение норм, которые люди приняли в прошлом, во все меньшей степени соответствуют достижению их целей, тогда ценностные возможности, вероятно, снижаются²⁶.

Один из смыслов такой интерпретации состоит в том, что в социальном вакууме идеациональные системы редко теряют свою согласованность. Идеациональная дезинтеграция обычно является следствием других условий: культурного контакта с девиантными обычаями или убеждениями, либо, что встречается более часто, долгосрочное воздействие других ценностей вследствие структурных дисфункций или экологического изменения. Некоторые авторы придерживаются именно такой точки зрения. Петти, например, отмечает, что «фрустрированные люди будут ставить под сомнение символы, которые привели их к фрустрации, и в соответствии со своими возможностями будут находить или придумывать себе новые»²⁷. Аналогично этому Джонсон предполагает, что «инновация... в структуре ценностей продуцируется или принимается только по случаю». Он считает, что перемены, в наибольшей степени выводящие из равновесия, возникают не в самой идеациональной системе, а как следствие изменений в окружающей среде или технологических инноваций, которые демонстрируют неприменимость действующих убеждений и норм²⁸. Прецедентом такого рода может служить шумановская интерпретация успеха нацистского движения. Фундаментальной причиной здесь выступала экономическая RD, неудача разрешения которой ассоциировалась с «деградацией... символов патриотизма» и отсутствием сильной государственной власти, воплощавшей символы и принципы, заслуживающие уважения и достойные того, чтобы им подчиняться. Нацистская теория государства опиралась на *Führerprinzip*; роль личного лидерства символизировала «эмоциональное удовлетворение от того, что в Гитлере был, наконец, найден символ абсолютной авторитарности...»²⁹. Утверждение, что ощущение идеациональной рассогласованности — это в значительной степени функция снижающихся возможностей для приобретения других ценностных

²⁶ Принцип фюрерства. — *Примеч. пер.*

благ и условий, может быть принято в качестве вывода из гипотезы ID.3, которая определяет каузальную связь между долей ценностей, испытывающих воздействие RD, и интенсивностью RD.

Следствие ID.3.1. Чем больше интенсивность относительной депривации относительно ценностей благосостояния, власти, статуса и коммунальных ценностей, тем более вероятно снижение идеациональной согласованности.

В литературе рассматриваются две в определенной степени различающиеся связи между утратой идеациональной согласованности и возникновением политического насилия. Одна состоит в том, что потеря согласованности ведет к не всегда определяемому расстройству общественного порядка, которое, в свою очередь, приводит к насилию. К примеру, Себастьян де Грация атрибутирует насилие возникновению острой аномии, состоянию глубокой обеспокоенности, о котором говорят, что оно возникает из ухудшения и дезинтеграции систем убеждений. Он отличает такое ухудшение от простой аномии, растерянности, замешательства среди членов группы вследствие конфликта между системами убеждений, которые не имеют революционных последствий³⁰. Геберле объясняет все социальные движения, включая революцию, с точки зрения потери «чувства общинности»: «Неудовлетворенность социальным порядком возникает, когда индивиды не рассматривают более ценностей и норм, на которых базируется порядок, как наилучшие из возможных социальных ценностей и норм, что составляет сущность социальной солидарности... Чувство общинности — это основа любого социального порядка»³¹.

Разновидность этого утверждения атрибутирует революцию утрате элитой или массами веры в специфически политические мифы. «Мы можем рассматривать в качестве установленного исторического закона, — писал Михельс, — что расы, законодательные системы, институты и социальные классы с неизбежностью обречены на разрушение с того момента, когда они или те, кто их представляет, утратили веру в будущее»³². Версия этого утверждения, предлагаемая Лассуэллом и Капланом, состоит в том, что политическая стабильность зависит от интенсивности убежденности как элиты, так и масс в правильности политических доктрин, которые поддерживают элиту³³. Янош приводит важный пример: первой стадией революционного процесса является «снижение социального консенсуса. Возникают сомнения относительно политики и устремлений правящих классов, и эти сомнения сопровождаются дистанцированием и отчуждением народа»³⁴.

Второй тип каузальной аргументации состоит в том, что потеря идеациональной согласованности сопряжена — и в качестве причины, и в ка-

честве следствия — с появлением конкурирующих систем убеждений. Конфликт между приверженцами нескольких систем убеждений впоследствии приводит к насилию. Дейч предполагает, что система убеждений обычно рассматривается с позиций суммарно-нулевого подхода, когда несколько систем убеждений действуют в рамках одной системы. Его аргументация заслуживает подробного цитирования. Если ряд убеждений «...предписывает соответствующий код поведения, если субъект убеждения интернализировал этот код и если он теперь воспринимает себя живущим по этому коду, он, вероятно, также будет ощущать преимущества в собственных ощущениях справедливости...

В любой момент их переживание носит для него в значительной степени внутренний характер... Однако фактически справедливость содержит значительный и часто решающий межличностный компонент. Именно от других личностей, особенно от членов своих собственных семей, и, в конечном счете, от общества индивиды учатся кодам поведения, которые они затем делают своими собственными, и из которых они затем извлекают что-то для своего самоуважения...

До той степени, в какой ценность справедливости зависит от межличностных отношений, она подвержена процессам социальной и политической аллокации (локализации) и разделения суммарно-нулевых и суммарно-изменяющихся игр. Правительства могут оказывать поддержку и придавать легитимность изучению и реализации одних моральных кодов, наказывая и фрустрируя соблюдение других или ставя их в позицию непримиримого конфликта с возможностями поиска других ценностей... До той степени, в какой общество и правительство могут лишь поддерживать, допускать или облегчать соблюдение жестко лимитированного ряда кодов, политика становится суммарно-нулевой игрой. *Любое преимущество для одного кода, религии, философии или морали может привести лишь к ущербу для других*»³⁵.

Дейч указывает, что общества и правительства могут поощрять терпимое отношение людей к широкому спектру кодов поведения. Но многие согласованные общества, включая целые традиционные общества и многие группы меньших размеров внутри современных обществ, обладают весьма ограниченной толерантностью к конкурирующим кодам убеждений и норм. Благодаря самому факту своего существования, конкурирующий код убеждений и поведения может поставить под сомнение валидность чьих-то собственных взглядов и, следовательно, вызвать депривацию.

Общие теории причин революции часто делают акцент на идеологической несогласованности и конфликте. Примером может служить

используемое Петти понятие «идеологического спазма». «В интегрированном обществе все человеческие желания управляются общепринятыми символами, которые конституируют общие стандарты отношений». Посредничество этой системы или мифологии в отношении масс состоит в том, что она образует «целостную систему лидерства... Без нее не будет культурной непрерывности». Социальная солидарность и политическая власть будут наиболее слабы, когда это посредничество носит в наименьшей степени согласованный характер. Вообще «любое общество, в котором имеются противостоящие друг другу мифы, до определенной степени подвержено дезинтеграции и раздорам. Это... вносит свой вклад в спазм вследствие неупорядоченности пересекающихся целей»³⁶. Более точно представление о типах идеациональной рассогласованности, имеющей революционные последствия, дают три современных социологических концепции. Стинчкомб, проводя суммарное сравнение, атрибутирует революционный потенциал недостатку консенсуса по поводу средств или норм межорганизационной конкуренции; Фельдман приписывает его недостатку консенсуса между организациями по поводу иерархии целей; Джонсон — конкуренции между приверженцами альтернативных идеациональных систем.

Стинчкомб утверждает, что революционный потенциал в модернизированных обществах является функцией нестабильности в системе стратификации общества; эта нестабильность вызывается переносом акцента с ранжирования индивидов или семей на ранжирование организаций. Такой перенос сопровождается нехваткой консенсуса по поводу относительных рангов организаций и слабым восприятием их лидерами норм, управляющих распределением ценностей между организациями. По моему мнению, эта идеациональная рассогласованность находит свое выражение в недостаточной сдержанности в процессе конкуренции между организациями, что ведет или к росту безудержного насилия со стороны правительства, или к росту безудержной оппозиции, или к тому и другому вместе³⁷. Подобно этому Фельдман фокусирует внимание на процессе социальной дифференциации в обществах, подверженных модернизации. Дифференциация включает создание новых систем, конституирующих нормы, которые «в значительной степени *внутренне последовательны и внешне прерывисты*» по сравнению со старыми системами. Цели этих систем, вероятно, во все большей степени приходят в конфликт между собой — не вследствие изменения целей, а в силу того, что в их подсистемах развиваются различные

* В оригинале — *mediation*.

иерархии целей. «Когда такие изменения целей происходят сравнительно быстро или становятся относительно непредсказуемы... революционный потенциал будет достаточно высоким»³⁸. Джонсон проявляет интерес к источникам и последствиям дезинтеграции обширных рядов норм и убеждений общества. Он говорит, что одним из двух необходимых условий возникновения революции является нарушение равновесия между окружением и «ценностными системами» — теми общими для всех знаниями, которые обеспечивают людей определениями ситуаций* и стандартами поведения.

Системы ценностей создают оправдания для разделения труда и легитимации власти; они также, как правило, включают в себя нормы, с помощью которых могут быть разрешены конфликты. Паттерны синхронизации ценностей с окружением могут ухудшаться вследствие экзогенных источников изменения, т. е. разного рода внешних демонстрационных эффектов, или эндогенных источников изменения, особенно артикуляции новых систем ценностей или символов инновативных индивидов или групп. Следствием таких изменений, если они носят внезапный или интенсивный характер, может стать нарушение процедур, необходимых для самоподдержания, и повышение восприимчивости человека к новым идеологиям, которые содействуют рассинхронизации системы. «Располагая достаточным количеством времени... идеология заставляет разбалансированное общество разделиться на группы — с одной стороны союзников, стремящихся к изменению структуры системы, с другой — тех, кто стремится удержать ее в том же состоянии»³⁹.

В качестве примера восстания, спровоцированного конфликтом между системами убеждений, можно привести антиправительственное движение членов религиозной секты *Лумпа* в Северной Родезии на протяжении июля и августа 1964 г. Эта сепаратистская африканская церковь ратовала за «очищение и надежду, интенсивную групповую идентификацию, чувство личного достоинства и самоаккомодации» для тех, кто оказался под давлением культурного изменения. Однако среди *Лумпа* эти убеждения испытывали постоянное давление со стороны Объединенной Партии Национальной Независимости (*UNIP*), равно как и ортодоксальных религиозных сил, начиная с конца 1950-х гг. Формально *Лумпа*

* *Определение ситуации (definition of the situation)* — это социальная ситуация, рассматриваемая с «субъективной» точки зрения конкретного социального актора, группы или субкультуры. Как указывал У. Томас, который ввел это понятие в социологию, «если кто-то определяет ситуацию как реальную, она и будет реальной по своим последствиям». — *Примеч. пер.*

в 1963 г. отошла от политической деятельности по тем идеологическим основаниям, что «политика есть разновидность земного колдовства». Однако *UNIP* продолжала настаивать, чтобы Лумпа присоединилась к этой партии и назначила дату — 20 июля 1964 г., когда члены Лумпа должны были покинуть деревни, огороженные частоколом, который они поставили в качестве коллективного ответа на оказываемое давление. Фернандец интерпретирует это восстание как «реакцию на сложившуюся для движения ситуацию возрастания опасности перед лицом растущей политической и ортодоксальной миссионерской враждебности»⁴⁰. С точки зрения этого анализа, требования *UNIP* были главной угрозой согласованности убеждений, которая помогала соплеменникам приспособиться к депривациям, причиняемым социоэкономическими изменениями.

В равной степени важной характеристикой конкурирующих систем убеждений, воздействующих на генезис коллективного насилия, является то, что они устанавливают общие линии социального раскола и мишени для насилия, которые могут происходить из других источников. Эффект демонстрации приверженцам других убеждений иных кодов поведения может сам по себе представлять лишь умеренную угрозу, еще не превышающую порог насилия. Но если приверженцев одних убеждений невзлюбили представители другой группы, они сами могут стать мишенью насилия, возникающего в результате последующих деприваций, какими бы ни были подлинные источники этих деприваций. Психологический базис такого фокусирования, или эффект «козла отпущения», в межгрупповой враждебности обсуждается в следующей главе.

История отношений между группами различных социальных убеждений дает множество примеров геноцида, гражданских войн, общинных мятежей, репрессий, дискриминации и уходов в глухую оборону. Она дает также достаточно примеров ассимиляции и корпоративного взаимодействия, чтобы продемонстрировать, что идеациональная согласованность одной группы не обязательно представляет собой угрозу убеждениям другой группы. Группы, придерживающиеся различных социальных мифов, иногда оказывались способными к сосуществованию в тесной ассоциации, не осуществляя насилия друг над другом, поскольку в некоторых случаях они перетолковывали мифы таким образом, что они представлялись взаимно совместимыми; в других случаях — благодаря нормам терпимости к различным убеждениям в одной или обеих группах; а во всех остальных случаях, включая гетерогенные западные общества, — вследствие того, что многие люди становились привычными к убеждениям и обычаям своих соседей вследствие регулярного их наблюдения⁴¹.

Статус

В качестве источников коллективного насилия часто указывают на неудовлетворенные групповые статусные устремления и сопротивление, оказываемое таким устремлениям со стороны более высоких статусных групп. В своем анализе ценностной гибкости Дейч говорит о престиже (статусе), что его аллокация является суммарно-изменчивой игрой, «настолько долгой, насколько быстро могут быть приведены в действие дополнительные способности к взаимному вниманию, коммуникации и отзывчивости...»⁴². Свойства статуса могут быть в абсолютном смысле гибкими, но в *относительном* смысле вершину иерархии статусов может занять только одна группа. Если сам относительный статус оценивается выше, чем такие специфические статусные свойства, как взаимное внимание и отзывчивость, то статус выступает в качестве суммарно-нулевой ценности, и игры ради него будут иметь в потенциале насильственные последствия, что хорошо отражено в современной и исторической литературе.

Истоки фашистских движений в Западной Европе лежат в относительной утрате статуса маргинальными группами средних классов. Липсет утверждает, что основная поддержка австрийского, германского и итальянского фашизма в 1920-х и 1930-х гг., а также пужадизма и маккартизма в 1950-х гг. исходила от «мелких самостийников» сельских районов и провинциальных городков, «приходящих в упадок “либеральных классов”, проживавших в приходящих в упадок областях. Мелкая буржуазия в этих районах страдала не только от депривации вследствие относительного ухудшения положения своего класса, но они также являлись гражданами общин, статус и влияние которых быстро снижался в рамках более крупных обществ». Снижение ценностных позиций ведет к снижению ценностных возможностей и росту неудовлетворенности, а неудовлетворенность, в свою очередь, «ведет их к принятию иных, иррациональных, протестантских идеологий»⁴³. Фрустрация устремлений низших классов к социальной мобильности также ведет к политическому протесту. Липсет атрибутирует возрастание протестов левых неудовлетворенным потребностям в сохранении дохода, в устраивающей работе, в «социальном признании чьей-то ценности, а также свободы от дискриминации в социальных отношениях, приводящей к деградации»⁴⁴. Когда рабочие требуют для себя статуса, которого им не предоставляют высшие классы, поскольку это создает угрозу их собственному статусу и престижу, мы имеем ингредиенты классической суммарно-нулевой игры, которую Альфред де Грациа называет «классовой войной» современных

европейских наций: «Противостоят друг другу рабочий класс, апеллирующий к принципу всеобщего равенства, и средние классы, ощущающие ускользание своего собственного ранга. В то время как многие индустриальные рабочие организуются, добиваясь более высокой оплаты и лучших условий своего труда и провозглашая, что им принадлежит будущее, многие члены средних классов обнаруживают, что канцелярские умения ценятся реже и ниже, чем в прошлом. Они теряют свое финансовое преимущество перед работниками физического труда и приходят к выводу, что продвижение в позициях собственности и более высокого дохода достигается со все большим трудом. Высшие слои также испытывают прямую угрозу: почтительность, поклоны, уважительное обращение, веками оказывавшиеся их статусу, в процессе классовой борьбы становятся все более проблематичными... Использование насилия одним классом против другого становится более понятным, когда осознается угроза, которую создает рабочий класс для классов, стоящих над ним»⁴⁵.

Неспособность удовлетворить свои статусные экспектации, переживаемая восходяще мобильными африканцами и азиатами, была и остается источником побуждения к насилию в колониальных и постколониальных обществах. Крестьяне, мигрировавшие в колониальные города, часто достигали определенных ценностей благосостояния, которые служили компенсацией за межличностные депривации, порой весьма жестокие, от которых они страдали; их дети, получавшие западное образование, часто развивали статусные экспектации, удовлетворение которых наталкивалось на решительное сопротивление со стороны белых обществ. Примером этого могут служить лидеры Ньясалендского «восстания» 1915 г., первого из более модернизированных, нежели традиционных, мятежей в тропической Африке. Эти лидеры были «образованными родственниками» или просто «интеллектуалами-маргиналами», которые стремились к получению образования из-за тех личностных и социальных преимуществ, которые оно давало. Многие из них владели торговыми лавками и небольшими именьями, а Джон Чилембве, вождь мятежа, был основателем и директором процветающей миссии. И все же эти люди, излишне амбициозные, по мнению европейцев, в отношении экономических благ, неоднократно испытывали на себе воздействие предрассудков и враждебности европейцев. Эти воздействия были мелкими, порой жестокими: белые считали, что если уж африканцы-ньяса осмеливаются носить шляпу, «обезьянничая под европейцев», то они должны снимать ее при встрече с белыми; владельцы магазинов отказывались обслуживать африканцев, одетых

по-европейски. Чилембе и его жена были изгнаны из местного белого общества; три его миссии были сожжены на том основании, что они могли быть центрами агитации против управления на соседних европейских плантациях. Ясно, что многие представители этой нарождающейся буржуазии «испытывали сильную фрустрацию, которая отчасти могла быть результатом их собственных неудач в попытках перенять европейские манеры столь эффективно, как им хотелось бы, а отчасти проистекала из экономических, политических и социальных обстоятельств Протектората, который не создал благоприятных условий для быстрого прогресса пробуждающейся Африки»⁴⁶.

Ценности власти и политическое насилие

Распределение и использование ценностей власти в политической системе оказывает на ценностные возможности ее членов воздействие двух весьма различающихся типов. Если циркуляция в элите достаточно высока и имеются широкие возможности для политического участия, то ценностные возможности граждан, вероятно, высокие. Предполагается, что стремления к участию и лидерству мотивируют некоторых людей в любом обществе; если же ценности власти не относятся к широко разделяемым, распределяемым, то RD будет интенсифицироваться. Второе и более общее воздействие власти на ценностные возможности является функцией ее потенциала и реального использования в целях смягчения деприваций.

Власть может быть использована (и ожидается, что она будет использована именно с этой целью) для уменьшения недовольства людей. Ее можно использовать для увеличения социетальных и политических ценностных возможностей неудовлетворенных групп; для увеличения производства и перераспределения экономических благ, а иногда ценностей участия и статусных ценностей; для создания и поддержания условий безопасности; для укрепления идеациональной согласованности. До той степени, в какой лидеры распоряжаются своей властью для выполнения именно этих функций, ценностные возможности граждан будут, вероятно, высокими.

Власть всегда распределяется не слишком широко, равно как и не всегда эффективно используется для целей регулирования. Когда это бывает именно так, ценностные возможности будут снижаться до той точки, за которой вероятно применение коллективного насилия. Изучаемые ниже теория и практика определяют некоторые из источников и последствий дисфункционального использования власти.

Желание власти

Возможности политической системы удовлетворить ценностные ожидания политического участия у тех, кто стремится к достижению высоких уровней власти, претендентов на элитные позиции, является функцией отношения числа этих претендентов к числу элитных позиций, взвешенному частотой сменяемости инкамбентов*. Если величина отношения высока — много ролей и быстрый оборот их инкамбентов, а претендентов сравнительно немного, ценностные возможности участия во власти высоки. Тот же аргумент применим к возможностям системы для удовлетворения претензий на более низкие уровни влияния: если имеется достаточно много возможностей для участия в выработке и принятии решений** в сравнении с числом активистов, ценностные возможности участия велики. Однако, как указывает Дейч, ценности участия во власти не бывают слишком гибкими: «Власть над людьми зависит от их способности к повиновению таким путем, который представляет еще большую значимость и стоимость для власть предержащих, и от способности последних воспринимать такие акты повиновения как собственную функцию. До той степени, в какой эти способности могут быть быстро увеличены, некоторые акторы могут увеличить свою социальную или политическую власть без сокращения таких же возможностей для других. За пределами этого претензии на власть приобретают инфляционный характер, и аллокация реальной власти становится суммарно-фиксированной игрой»⁴⁷.

Ограничения на наличие ценностей участия, подлежащих распределению, весьма значительны, особенно в том, что касается высоких властных позиций. В большинстве обществ удельный вес элитных политических позиций очень мал, и инкамбенты неохотно уступают их. Эти удельные веса являются наименьшими для авторитарных и централизованных демократических систем. Наибольшей долей относительно высоких ценностных позиций характеризуются децентрализованные политические системы с их комплексами законодательных и исполнительных органов на нескольких уровнях ниже общенационального.

Если ценностные позиции участия рядовых граждан низки, их ценностные возможности участия можно без труда увеличить с помощью развития политических партийных организаций, ассоциаций по интересам, расширения избирательных прав и увеличения частоты прове-

* Инкамбент (incumbent) — лицо, занимающее должностную позицию в данный момент. — *Примеч. пер.*

** В оригинале — *decision-making*.

дения выборов. Элита в централизованных политических системах, как правило, противится такому расширению, а в более современных демократических системах возрастание сложности функций управления и процессов выработки решений снижает воспринимаемую эффективность общепринятых методов политического участия и, следовательно, снижает ценностные позиции неэлиты. На счет этого феномена можно отчасти отнести возрастание таких методов влияния на правительственную политику, как демонстрации, всеобщие забастовки и восстания. Многие группы, особенно студенты, оценивают институционализованные процедуры участия и выражения недовольства как неэффективные. Следовательно, начальные уровни их недовольства интенсифицируются воспринимаемым снижением своих ценностных возможностей, что ведет к нарастающей агрессивности протестов⁴⁸.

Некоторые общепринятые взгляды относят революцию к врожденному желанию свободы либо участия, либо власти. Подавление неотчуждаемых политических прав служило классическим оправданием революции в современном мире, приводимым с равной готовностью лидерами Французской и Американской революций, народами колониальных территорий и политическими философами. Так, Ханна Арендт пишет, что целью революции «была и всегда остается свобода». Она считает фундаментальным желание людей самим управлять делами, что находит реальное выражение в повсеместном развитии политического лидерства и советов, стоящих «вне революционных групп», на местном уровне, на протяжении и Американской, и Французской, и Русской революций. Этот поиск «пространств» политической свободы составляет сущность революционного духа, хотя обычно он разрушается путем перемещения центра тяжести власти в олигархические политические институты⁴⁹. Аргументация Арендт перекликается с тем, что было сказано в предыдущей главе: любой централизованный политический порядок имеет тенденцию к ограничению эффективного неэлитного участия в принятии политических решений. Подобный взгляд характерен и для интерпретации источников политической стабильности, которую дает Танненбаум: «Если и можно сказать что-либо определенное о политических революциях, так это то, что они не имеют и не могут иметь места в странах, где политическая сила рассеяна на тысячу мест и где мириады людей чувствуют себя лично включенными в решение проблем самоуправляемого церковного прихода, поселка и принимают участие в создании правил для более крупной единицы, графства, государства или нации»⁵⁰.

Другие интерпретации утверждают, что претенденты на элитные позиции обладают сильным желанием политической власти и что, если

им будет отказано в доступе в элиту и к центральной политической власти, их возмущение достигает точки революции. В таких ситуациях источник RD ограничен тем, что Келлер называет «циркуляцией индивидов элиты»⁵¹. Например, объяснение, даваемое Парето коллапсу любой политической элиты, принимает во внимание ограничения на циркуляцию элиты, равно как и снижение уровня идеациональной согласованности. Он атрибутирует эти явления и Французской революции, и окончательному развалу Римской империи, и различиям в базовых аттитюдах элиты и масс и требованиям власти изнутри элиты — со стороны тех, кто обладал элитными качествами, но фактически был отстранен от политической власти⁵². Бринтон предполагает, что «один из ключей к этой проблеме циркуляции может лежать в “закупорке” циркуляции в частной и очень деликатной сфере, такой как профессиональная деятельность и особенно “интеллектуальные” профессии; т. е. среди людей, особенно подверженных чувству фрустрации, вследствие недоступности к обладанию хорошими вещами»⁵³.

Вариантом этого тезиса является предположение Петти о том, что недостаток циркуляции препятствует использованию многими членами действующей элиты своих талантов или получению ими соответствующего вознаграждения за них. «Если члены подлинной элиты не могут найти другого выхода своим талантам, они всегда будут восставать»⁵⁴. О «новых нациях» часто говорят, что они особенно восприимчивы к революционному насилию, проистекающему из недостатка циркуляции элиты. Крозье предлагает такое объяснение для поведения некоторых из главных участников Индонезийской революции. Именно «фрустрация помешала звукотехнику выполнить свою работу», что привело двух высокопоставленных чиновников, д-ра Сумитро и д-ра Шафруддина, «в состояние дискомфорта и неуверенности по поводу восстания»⁵⁵.

Недостаток или утрата власти теми людьми, которым она необходима, ассоциируются с бесчисленными взрывами коллективного насилия. Восстание португальцев против испанской короны в 1640 г., раздуваемое португальской знатью и в значительной степени совершенное ее руками, было успешной попыткой политической элиты вернуть себе утраченную власть и привилегии⁵⁶. В Вандейской контрреволюции ведущую роль играли представители аристократии и высшего духовенства, смещенные Французской революцией. Моска предполагает, что восстание русских крестьян и казаков в 1773–1774 гг. было реакцией онемеченной централизованной бюрократии на ущемление ее свобод⁵⁷. Попытки британской короны утвердить свой контроль над колониальными легислатурами и администрациями в конце 1760-х гг., несомнен-

но, было основной причиной возмущения лидеров американской революции⁵⁸. Ирландские восстания 1916–1923 гг. и Венгерская революция 1956 г., помимо других причин, подпитывались множеством экономических и социальных обид и ощущением репрессии со стороны ненавистных политических режимов, не склонных мириться с расширением политических возможностей, соразмерным с требованиями народа⁵⁹.

Можно привести и другие примеры. В основании этнических столкновений между сингальской и тамильской общинами на Цейлоне в 1958 г. лежало распространенное среди образованных сингалезцев убеждение, что тамильцы обладают преимуществами в получении правительственных постов, т. е. ситуация, в которой чье-то групповое улучшение воспринимается как снижение ценностных позиций другой группы⁶⁰. Такого же рода базовые обиды ответственны за разгром общин Ибо в Северной Нигерии весной 1966 г., последовавший за январским переворотом, совершенным офицерами — выходцами преимущественно из северных Ибо и Йоруба в Биафре. Каждый из членов общины рассматривал политическую власть с позиций суммарно-нулевой игры с гибельными последствиями⁶¹. Занзибарская революция 1963 г., коренившаяся в комбинации разнообразных исторических политических репрессий вдоль линий арабо-африканского раскола, возникшего вследствие стремления одной группы усилить свою власть за счет другой. Арабское меньшинство веками удерживало контроль над политической и экономической жизнью Занзибара и сохраняло его после получения независимости, несмотря на то что было забаллотировано на выборах и вопреки растущему возмущению африканского большинства. Затем арабское правительство провело ряд законов, создавших еще большую угрозу властным позициям африканского большинства, одобряя проарабские настроения внутри бюрократии и замещая арабским персоналом полицию, состоявшую преимущественно из африканцев. Провозглашение такого политического курса еще сильнее снизило возможности участия членов националистической эгалитарной Афро-Ширазийской партии, уже вовлеченных в свою собственную «революцию поднимающихся политических экспектаций», и ускорило конвульсивную политическую революцию⁶².

Этот перечень можно было бы продолжать до бесконечности. Политические мотивы — требование ценностей власти и, более конкретно, участия и самоопределения — были выражены у лидеров большинства внутренних войн в прошлом столетии и многих аналогичных движений предшествовавших веков. Что не совсем определено, так это то, первичны ли были специфически политические депривации в сознании их

последователей. В главе 3 было продемонстрировано, что большинство людей в современном мире больше пекутся о ценностях благосостояния, безопасности и межличностных ценностях, нежели о политическом участии. Фрустрация мотивов власти является, вероятно, доминантной характеристикой у тех, кто возглавляет заговоры и революции, но у многих, может быть, у большинства политические ценности, вероятно, вторичны. Политические требования лидеров поддерживают у других надежду на справедливость в решении их экономических и коммунальных проблем. Этот довод и некоторые свидетельства в его пользу развиваются в следующей главе.

Использование власти

В конечном счете ответственность за смягчение экономических деприваций, за разрешение конфликтов между конкурирующими целями и идеациональными системами и за укрепление в обществе господствующей идеациональной системы и поддерживающих ее мифов возлагается на политический режим. Это не просто политическая декларация; можно доказать, что значительная часть граждан большинства стран в XX в. разделяют подобный взгляд на свои правительства. В более общем смысле ряд теоретиков считает, что любая революция возникает в результате провала попыток государства приспособиться к изменениям в обществе. Полвека назад Адам атрибутировал социальные революции неадекватному административному приспособлению к изменяющимся социальным условиям и требованиям⁶³. Элвуд писал, что «реальную причину стимулов, которые провоцируют социальную революцию должно искать в системе социального контроля», имея под этим в виду прежде всего политическую систему. «Когда система немобильна, негибка и особенно когда она подавляет свободное выражение, ...она обязана рано или поздно вызвать переворот огромных масс или группы»⁶⁴. В соответствии с Петти «никакая революция не может реально произойти, если государство не станет барьером на пути изменений, а государство не может стать барьером для изменений, если его собственная форма является некоторым образом приспособлением к обществу, которому, как предполагается, оно служит»⁶⁵. Другая необходимая причина революции, сформулированная Джонсоном, обозначена им как «элитная непримиримость» (традиционное объяснение в современной манере). «В наиболее грубой своей форме элитная непримиримость — это откровенное волевое проведение элитой реакционной политики, т. е. такой политики, которая скорее обостряет, нежели упорядочивает рассинхронизацию социальной структуры,

или политики, которая нарушает формальные ценностные нормы системы...»⁶⁶.

Более последовательный вопрос таков: какие атрибуты политической системы вносят свой вклад в ее приспособительные способности и, в частности, в ее способность поддерживать воспринимаемые возможности на уровнях, достаточно высоких, чтобы минимизировать насилие? Обширный обзор литературы заставляет предположить, что один из ответов может быть таким: «почти все» — от конституционной структуры до высоких уровней экономического развития и элитных идеологий мобилизации⁶⁷. Приспособительную способность считают высокой, если инкамбенты политической элиты обладают умениями, релевантными к стрессам системы; или если они обладают ресурсами, с которыми работают; или если они разделяют фундаментальные attitudes относительно желательности разрешения проблем в сотрудничестве; и если их роли дают им возможность осуществлять власть способами, знакомыми и им, и тем, над кем они осуществляют ее. До той степени, в какой этих условий недостает, приспособительная способность, вероятно, будет низкой и, как результат, — низкие ценностные возможности.

Несоответствие или неэффективность внешних элит — это каузальная переменная, часто упоминаемая в литературе по революции. Эти элиты могут быть относительно открытыми, но терпеть неудачу в привлечении талантов или же занимать такие ролевые позиции, или обладать такими умениями, которые иррелевантны для изменения потребностей; или они могут просто неадекватно выполнять элитные функции. Среди элиты, которая неспособна пойти навстречу изменяющимся ценностным ожиданиям, развивается, по выражению Келлера, «социальное отчуждение от мира реальности». Маловероятно, чтобы феодальная аристократия могла понять или решить проблемы экономического роста, хотя она может предпринять такую попытку. Здесь уместно классическое утверждение Моска: «Правящие классы неизбежно приходят в упадок, когда перестают находить сферу применения способностям, благодаря которым они поднялись к власти, когда они больше не могут оказывать социальные услуги, которые они оказывали, или когда их таланты и оказываемые ими социальные услуги утрачивают важность для социального окружения, в котором они живут»⁶⁸.

* Имеется в виду, что «внешняя» — по отношению к недовольной части народа или к революционным силам, т. е. официально занимающая властные позиции в обществе. — *Примеч. пер.*

Он атрибутирует периодические перевороты в династическом Китае снижению эффективности правительства, коррупции государственных чиновников и утрате воли к власти. При таких условиях авантюрист или мелкий чиновник, подстрекаемый общим недовольством, свергал старую династию и основывал новую, которая в свою очередь постепенно ослабевала⁶⁹.

Однако талантливая и преданная делу элита, обладающая, может быть, высокими регулятивными способностями, также нуждается в организационной эффективности и материальных ресурсах. Бринтон говорит, что неэффективность правительства была одним из четырех условий, общих для предреволюционных правительств в четырех великих западных революциях: «Правительственный механизм становится явно неэффективным отчасти вследствие небрежности, отчасти из-за провала попыток внести изменения в старые институты, отчасти вследствие того, что новые условия — а в обществах, которые мы изучали, складываются довольно специфические условия, сопутствующие экономической экспансии и росту новых денежных классов, новых способов транспортировки, новых методов бизнеса — эти новые условия создают невыносимое напряжение в правительственном механизме, приспособленном к более простым, более примитивным условиям»⁷⁰.

Неэффективность вела к попыткам реформ, но такую политику легче предложить, нежели выполнить, особенно в условиях ограниченности ресурсов. Болезненно воспринимаемые попытки модернизации могут породить силы, которые опрокинут реформы, как предполагает Зольберг в своем объяснении снижения политических возможностей и роста экономических беспорядков в новых африканских странах. При получении независимости их лидеры ставили перед собой двоякую цель: удержаться у власти и удовлетворить собственные и своих соотечественников экспектации модернизации. Ограниченность финансовых, природных и человеческих ресурсов вела к возрастанию разрыва между этими экспектациями и осуществлением требуемой политики. В попытках элиты обеспечить свою безопасность и удержаться у власти быстро расширялось политическое участие, которое повело к политизации общинных раздоров и споров. Почти одновременно разворачивалась «инфляционная спираль требований» среди тех групп, чья поддержка была наиболее важна для обеспечения действий правительства, а именно: правительственных служащих, военного персонала и безработной молодежи из числа выпускников школ. Возрастающие требования элиты, претендентов и возникающих средних классов, обострение исконных конфликтов между этими группами и очевидная

ограниченность ресурсов, которыми располагали системы, подрывали легитимность элит и приводили к необходимости для большинства из них перехода от опоры на власть как таковую к силе, чтобы удержаться в своих офисах. Этот процесс, который Парсонс называет «дефляцией власти», начался с конфликтов между инкамбентами и претендентами нарастающей элиты, а также с возрастания частоты, с которой военные принимали сторону оппонентов гражданских элит и захватывали власть⁷¹. Эти военные и другие революционные лидеры во всем развивающемся мире добиваются власти не только как самостоятельной ценности, но и с большей последовательностью — в силу убеждения, что ценностные возможности общества могут быть увеличены лишь в том случае, если они сами будут управлять политической системой.

Ряд политико-культурных переменных, влияющих на приспособительные возможности, являют собой аттитюды народа и элиты относительно политической системы. Определенные базовые ориентации на общинные проблемы — это принадлежность политического решения проблем. Одной из них является убежденность членов политической элиты в том, что на них лежит обязанность решения социетальных проблем, а не просто удержания и усиления собственных позиций. Это одна из проблем «идеологий модернизации», получивших широкое распространение в третьем мире. Чтобы сделать такой аттитюд действенным для решения проблем, необходимо фундаментальное осознание со стороны правителей, что такие обстоятельства поддаются манипуляциям. Многие традиционные группы все еще убеждены в том, что личные обстоятельства манипуляции не поддаются. Утверждают, что коренной причиной Йеменской гражданской войны, начавшейся в 1963 г., было недовольство полной некомпетентностью претендентов на роли модернизаторов и сопротивлением переменам со стороны Саидовской олигархии⁷². Третьей предпосылкой политической гибкости является ощущение сотрудничества и взаимозависимости как со стороны элиты, так и со стороны граждан. Определенная степень сотрудничества необходима всегда, если общество существует в течение длительного времени, но его аттитюды варьируют как по интенсивности, так и по масштабам. Например, Морено полагает, что весьма ограниченное ощущение того, что он называет социальной ответственностью, — это фундаментальное препятствие на пути эффективного правления в Латинской Америке⁷³. Если кооперативные аттитюды ограничены среди элиты, равно как и у большей части масс, — что, как представляется, имеет место во многих странах, включая такие европейские нации как Италия, Испания и в меньшей степени Франция, —

то перспективы политической системы в поддержании и увеличении ценностных возможностей ограничены, за исключением случаев, когда авторитарные лидеры, если они к тому расположены, проводят в жизнь коллективные решения.

Такие структурно-политические переменные, как конституции, дающие исполнителю власть распустить легислатуру, и наличие хорошо институционализированной партийной системы также оказывают влияние на жизнеспособность политических систем. «Конгруэнтная теория» Экштейна атрибутирует высокие достижения не конкретной структурной организации, а схожести политических и социальных структур. Базовая гипотеза состоит в том, что чем больше сходства между осуществлением власти в правлении и теми способами, которыми осуществляется власть в социальных институтах, наиболее важных для политической социализации и рекрутирования элиты, тем лучше действует политическая система. Основная причина состоит в том, что, если конгруэнтность между взаимодействующими социальными единицами умеренно высока, члены политической элиты должны быть достаточно хорошо знакомы со своими ролями, чтобы эффективно реагировать на кризисы, равно как и удовлетворять периодические требования правительственной активности. Кроме того, их директивы, вероятно, будут выполняться потому, что граждане воспринимают их исходящими от индивидов, исполняющих известные, легитимные роли и пользующихся легитимными средствами⁷⁴. Конгруэнтная теория особо, хотя не исключительно, применима к репрезентативным системам. Морено предложил схожую теорию «авторитизма», утверждающую, что предпосылкой стабильного и легитимного правления в обществах с авторитарной политической культурой является установление институционализированной авторитарной исполнительной власти. Эта теория особо применима к Латинской Америке, в которой, по утверждению Морено, только Чили и Мексика разработали и сохранили такую систему для любого периода времени⁷⁵.

В этой главе были определены четыре весьма общие детерминанты групповых ценностных возможностей, и гипотезы об их воздействии с очевидностью иллюстрировали теоретические утверждения о почти бесконечном разнообразии условий и событий, снижающих средства, которыми располагают люди, ниже предела их терпения. Если люди убеждены, что доступные ресурсы ценностей в их обществе ограничены, они, вероятно, расценят свои ценностные возможности как статич-

* Соответствие, совпадение. — *Примеч. пер.*

ные (гипотеза VC.1). Некоторые ценности изначально менее расширены по объему, нежели другие: в реальном политическом участии — особенно на элитном уровне, в идеациональной связи. Элитные позиции немногочисленны, их инкамбенты редко стремятся к их расширению. Это прискорбный, но, очевидно, распространенный аспект условий человеческого существования, что люди ощущают психологическую угрозу своей безопасности вследствие лицемерия людей, живущих в соответствии с рядом убеждений и норм, отличных от их собственных. До той степени, в какой любые ценные блага или условия негибки или воспринимаются как таковые, любая группа, которая стремится улучшить свои позиции, угрожает ценностным позициям другой группы (гипотеза VC.2). Когда люди имеют такие суммарно-нулевые взгляды на распределение ценностей, возникновение насилия более вероятно — и как тактика усиления собственных позиций, и как ответ на попытки других улучшить свои ценностные позиции, — нежели в том случае, когда люди верят в то, что имеются возможности производства новых ценностей.

На восприятие ценностных возможностей оказывают влияние не только общие размеры резервов ценностей, доступных для распределения, но и воспоминания людей о том, насколько хорошо или плохо им жилось в прошлом. Если они были не в состоянии улучшить свои условия или, хуже того, если их ценностная позиция устойчиво ухудшалась в абсолютном выражении или относительно других групп, они, вероятно, будут рассматривать перспективы своего будущего как статичные или снижающиеся. Чем хуже было в прошлом, тем, вероятно, ниже будут их ценностные возможности (гипотеза VC.3). Однако чем больше их возможности для удовлетворения своих ценностных ожиданий — фиксированы или нет ценностные резервы, и какой бы ни была их прошлая позиция, — тем большими, вероятно, будут их возможности (гипотеза VC.4). Один из смыслов этой связи состоит в том, что расширение ценностных возможностей даже вне других изменений способно привести к краткосрочному снижению потенциала насилия, хотя и способно увеличить этот потенциал в долгосрочной перспективе, если эти возможности окажутся ложными. Случайная связь, особенно релевантная для растущих обществ, состоит в том, что дифференциальные ограничения ценностных возможностей являются потенциальным источником депривации среди групп, которые вследствие этого исключаются из справедливой возможности участвовать в распределении благосостояния (вывод VC.4.1). Выражаясь проще, дискриминация плодит насилие, но эта связь, хотя и более точная и общая, предполагает наличие треугольника.

Данная глава завершает анализ источников коллективного насилия. В последующих главах изучаются психологические ориентации и социальные условия, которые фокусируются на побуждениях к коллективному насилию в отношении политической системы, и структурные условия, детерминирующие его форму и величину.

Примечания

¹ *Manfred Halpern*, «A Redefinition of the Revolutionary Situation», *Journal of International Affairs*, XXIII (No. 1, 1969), 57–58.

² Применение понятийного аппарата теории игр разрабатывается в *Karl W. Deutsch*, «Some Quantitative on Value Allocation in Society and Politics», *Behavioral Science*, XI (July 1966), 245–252.

³ *Harold and Margaret Sprout*, «The Dilemma of Insufficient Recourses», *World Politics*, XX (July 1968), p. 660–693.

⁴ *Kalman H. Silvert*, «The Costs of Anti-Nationalism: Argentina», in *Silvert, ed., Expectants Peoples: Nationalism and Développement* (New York: Random House, 1963), 350–351. Такая же суммарно-нулевая перспектива экономических ценностей атрибутируется кубинцам в *Wyatt MacCaffey and Clifford Barnett*, *Cuba: Its People, Its Society, Its Culture* (New Haven: Human Relations Area Files Press, 1962), 58.

⁵ См. *James Payne*, «Peru: The Politics of Structured Violence», *Journal of Politics*, XXVII (May 1965), 362–374.

⁶ По поводу соответствия между относительной бедностью и переворотами в 1907–1966 гг. см. *Egil Fossum*, «Factors Influencing the Occurrence of Military Coups d'État in Latin America», *Journal of Peace Research*, No. 3, 1967, 229–232. По поводу подразумеваемых мотивов *golpistas* см. *Merle King*, «Toward a Theory of Power and Political Instability in Latin America», *Western Political Quarterly*, IX (March 1956).

⁷ *Ted Gurr with Charles Ruttenger*, *The Conditions of Civil Violence: Tests of a Causal Model* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 28, 1967), 99.

⁸ *Deutsch*, 248–249, quotation 249.

⁹ *E. J. Hobsbawm*, *Social Bandits and Primitive Rebels* (New York: The Free Press, 1959), 79.

¹⁰ *Eric Hoffer*, *The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements* (New York: Harper, 1951), 26.

¹¹ *Maurice Dommanget*, *La Jacquerie: 600 anniversaries des «Effoies»* (Crell, Oise: Syndicate des Instituteurs de l'Oise, 1958), резюмируется в *Chalmers Johnson*, *Revolution and the Social System* (Stanford: Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University, 1964), 31–32.

¹² *Roger Merriman*, *Six Contemporaneous Revolutions* (Oxford, Clarendon Press, 1958), *passim*.

¹³ George Rudé, *The Crowd in History, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964), 47–65.

¹⁴ См. Leland D. Baldwin, *Whiskey Rebels: The Story of a Frontier Uprising* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1939).

¹⁵ Charles Tilly, *The Vendee* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), 308–314.

¹⁶ Max Beloff, *Public Order and Popular Disturbance 1660–1714* (London: Frank Cass, 1938, 1963), 82–87.

¹⁷ Долгосрочная инфляция была основополагающей причиной обширных восстаний в Чили в 1957 г. См. Kalman H. Silvert, *The Conflict Society: Reaction and Revolution in Latin America* (New Orleans: Hauser Press, 1961), 194–196. [Понятием «коллективная сделка» (collective bargaining) в западной теории и практике обозначают методы установления заработной платы, условий труда и других аспектов найма рабочей силы посредством переговоров между работодателями и представителями наемных работников, организованных в профсоюзы (примеч. пер.)]

¹⁸ F. L. Carsten, *The Rise of Fascism* (Berkeley: University of California Press, 1967), chap. 2.

¹⁹ Ted Gurr, «A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 117.

²⁰ Frank L. Wilson, «French-Canadian Separatism», *Western Political Quarterly*, XX (March 1967), 116–131.

²¹ Tilly, 308–314.

²² Willard A. Heaps, *Riots U.S.A. 1765–1965* (New York: Seabury Press, 1966), chap. 6. Более полный учет см. в David Garson «The Politics of Collective Violence in America: 1863–1963» (Ph.D. dissertation, Department of Government, Harvard University, 1969), chap. 2.

²³ Это мое резюме относительно данных, опубликованных в Irving Lois Horowitz, «The Struggle is the Message» (доклад, подготовленный для Группы по изучению задач группового протеста и насилия Национальной комиссии по выявлению причин и предотвращению насилия, сентябрь 1968).

²⁴ Roland Young and Henry A. Fosbrooke, *Smoke in the Hills: Political Tension in Morogoro District of Tanganyika* (Evanston: Northwestern University Press, 1960), 146–167.

²⁵ О восстании Хукбалахапов см. Alvin H. Scaff, *The Philippine Answer to Communism* (Stanford: Stanford University Press, 1955); Francos Lucille Stama, *Magsaysay and the Philippine Peasantry: The Agrarian Impact on Philippine Politics, 1953–1956* (Berkeley: University of California Press, 1961); Edward J. Mitchell, «Some Econometrics of the Huc Rebellion», *American Political Science Review*, LXIII (December 1969). Критическое исследование утверждений о мотивах участия крестьян в политическом насилии см. в Gil Carl AlRoy, *The Involvement of Peasants in Internal Wars* (Princeton Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 24, 1966).

²⁶ Это краткое повторение эффектов, атрибутируемых аномии в главе 2.

²⁷ George S. Pettee, *The Process of Revolution* (New York: Harper, 1938), 45.

²⁸ Johnson, *Revolutionary Change*, 65–67, quotation 67. См. также Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press, 1963), 59–64, 287–292, 338–347.

²⁹ Frederic L. Schuman, *The Nazi Movement: A Study in Social Pathology and the Politics of Fascism* (New York: Knopf, 1935), 107–108, 123.

³⁰ Sebastian de Grazia, *The Political Community: A Study of Anomie* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), especially 72–74.

³¹ Rudolf Heberle, *Social Movements: An Introduction to Political Sociology* (New York: Appleton-Century-Crofts, 1951), 454–455.

³² Robert Michels, *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracies*, trans. Eden and Cedar Paul (Glencoe: The Free Press, 1915, 1949), 243.

³³ Harold Lasswell and Abraham Kaplan, *Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 270.

³⁴ Andrew Janos, *The Seizure of Power: A Study of Force and Popular Consent* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph No. 16, 1964), 4.

³⁵ Deutsch, 249–250. Понятие «справедливость», используемое Дейчем, довольно близко соответствует моему понятию идеациональной согласованности. Психологическая дискуссия о суммарно-нулевой природе конфликтов между системами убеждений появляется в работе Jerome Frank, *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace* (New York: Vintage Books, 1967), 131–132.

³⁶ Pettee, 42–45.

³⁷ Arthur R. Stinchcombe, «Social Structure and Organization», in James G. March, ed., *Handbook of Organizations* (Chicago: Rand McNally, 1965), 169–180. Стинчкомб приводит несколько переменных, которые минимизируют революционные последствия безудержной конкуренции: нормативные ограничения на военное и полицейское насилие; наличие других средств конкуренции; и социализация элиты в деятельности по сотрудничеству.

³⁸ Arnold Feldman, «Violence and Volatility», in Harry Eckstein ed., *Internal War: Problems and Approaches* (New York: The Free Press, 1964), quotations 122, 123.

³⁹ Johnson, *Revolutionary Change*, 15–39, 64–87. Говорят, что такой же эффект имеют изменения окружающей среды. Параллельную интерпретацию см. в Smelser, 247.

⁴⁰ James W. Fernandez, «The Lumpa Uprising» Why?, *Africa Report*, IX (November 1964), 30–32. Об основах церкви Лумпа см. Robert Rodberg, «The Lenshina Movement of Northern Rhodesia», *Rhodes-Livingstone Institute Journal*, XXIX (June 1961), 63–78.

⁴¹ Некоторые случаи относительно мирного сосуществования культурно различающихся групп описаны в F. B. Tolles, «Non-Violent Contact: The Quakers and the Indians», *Proceedings of the American Philosophical Society*, CVII (April 15, 1963), 93–101; Morton Klass, *East Indians in Trinidad: A Study of Cultural Persistence* (New York: Columbia University Press, 1961); R. E. Crow «Religious Sectarianism

in the Lebanese Political System», *Journal of Politics*, XXIV (August 1962), 489–520. В более общем случае, конечно, проявляются напряженность и насилие. Р. Бернс описывает продолжительное христианское восстание против мусульман в завоеванном маврами королевстве Валенсия, вспыхнувшее, несмотря на эволюцию философии терпимости по отношению к мусульманам, со стороны клириков и правоведов, в R. I. Burns, «Social Riots on the Christian-Moslem Frontier (Thirteenth-Century Valencia)», *American Historical Review*, LXVI (January 1961), 378–400.

⁴² *Deutsch*, 248.

⁴³ *Seymour M. Lipset, Political Man: The Social Bases of Politics* (Garden City: Doubleday, 1960), 70.

⁴⁴ *Ibid.*, chap. 7, especially 232, 238.

⁴⁵ *Alfred de Grazia, Politics and Government, Vol. I, Political Behavior*, rev. edn. (New York: Collier, 1952, 1962), 273.

⁴⁶ *George Shepperson and Thomas T. Price, Independent African: John Chilembwe: and the Origins, Setting and Significance of the Nyasaland Native Uprising of 1915* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1958), 226–227, 240–247, quotation from 247.

⁴⁷ *Deutsch*, 249.

⁴⁸ Два полезных исследования политических протестов в Азии содержатся в *George Packard, III, Protest in Tokyo: The Security Treaty Crisis of 1960* (Princeton: Princeton University Press, 1966); *Anna Ruth Willner*, «Some Forms and Functions of Public Protest in Indonesia», paper read at the annual meeting of the Asian Studies Association, Philadelphia, 1968.

⁴⁹ *Hanna Arendt, On Revolution* (New York: The Viking Press, 1963), especially 259–278, quotations from 2, 266.

⁵⁰ *Frank Tannenbaum*, «On Political Stability», *Political Science Quarterly*, LXXV (June 1960), 161–180, quotation from 169.

⁵¹ *Suzanne Keller, Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society* (New York: Random House 1963), chap. 10.

⁵² *Vilfredo Pareto, Mind and Society* (New York: Harcourt Brace, 1935), paragraphs 2182–2193, especially 2191, 2199, 2250.

⁵³ *Crane Brinton, The Anatomy of Revolution* (New York: Norton, 1938), 78.

⁵⁴ *Pettee*, 11.

⁵⁵ *Brian Crozier, The Rebels: A Study of Post War Insurrections* (London: Chatto and Windus, 1960). Полное рассмотрение индонезийской революции в *George Mc.-T. Kahin, Nationalism and Revolution in Indonesia* (Ithaca: Cornell University Press, 1952). О ее последствиях см. *Herbert Feith, The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia* (Ithaca: Cornell University Press, 1962).

⁵⁶ *Merriman*, 1–10.

⁵⁷ *Gaetano Mosca, The Ruling Class*, trans. Hannah D. Kahn (New York: McGraw Hill, 1896, 1939), quotation 212.

⁵⁸ См. сноску 71 главы 4.

⁵⁹ Об ирландском восстании см. *Edgar Holt, Protest in Arms: The Irish Troubles, 1916–1923* (New York: Coward-McCann, 1961).

⁶⁰ *Tarzie Vittachi, Emergency '58: The Story of the Ceylon Race Riots* (London: Andre Deutsch, 1959).

⁶¹ См. *Edward Feit*, «Military Coups and Political Development: Some Lessons from China and Nigeria», *World Politics*, XX (January, 1968), especially 187–192; и «Six Views of Nigerian War», *Africa Report*, XIII (February 1968), 8–49.

⁶² См. *Michael F. Lofchies, Zanzibar: Background to Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 1965), especially 257–281.

⁶³ *Brooks Adam, The Theory of Social Revolution* (New York: Macmillan, 1914).

⁶⁴ *Charles Ellwood, The Psychology of Human Society: An Introduction to Sociological Theory* (New York: Appleton, 1925), 255.

⁶⁵ *Pettee*, 7, 8.

⁶⁶ *Johnson, Revolutionary Change*, chap. 5, quotation from 94.

⁶⁷ В неопубликованном исследовании *Гарри Экштейн* и его студенты из Принстонского университета резюмировали около 180 предположений из литературы о сравнении правительств, идентифицирующих условия, о которых говорят как об имеющих некоторые каузальные или интерактивные связи со стабильностью демократических режимов.

⁶⁸ *Mosca*, 65–66. Критический анализ работы *Моска* см. в *James H. Meisel, The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the Elite* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958).

⁶⁹ *Mosca*, 207.

⁷⁰ *Brinton*, 48–63, quotation from 287–288.

⁷¹ *Aristide R. Zolberg*, «The Structure of Political Conflict in the New States of Tropical Africa», *America Political Science Review*, LXII (March 1968), 70–87, quotation 76. Аргумент дефляции власти содержится в *Talcott Parsons, Some Reflections on the Place of Force in Social Proc.*

⁷² См. напр.: *William R. Brown*, «The Yemeni Dilemma», *Middle East Journal*, XVIII (Autumn 1963), 349–367.

⁷³ *Frank Jay Moreno*, «Latin America: Fear Within», *The Yale Review*, LV (December 1965), 165–166.

⁷⁴ Первоначальное установление конгруэнтной теории опубликовано в *Harry Eckstein, Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway* (Princeton: Princeton University Press, 1966), 225–288. Исправленная формулировка — в *Harry Eckstein*, «Authority Relations and Governmental Performance: A Theoretical Framework», *Comparative Political Studies*, II (October 1969).

⁷⁵ *Francisco Jose Moreno, Legitimacy and Stability in Latin America: A Case Study of Chilean Political Culture* (New York: New York University Press, 1969).

ГЛАВА 6

Взгляды на насилие и политику: социализация, традиция и легитимность

Агрессия порождает агрессию. Ожидается, что агрессия — это способ разрешения всех проблем... Так что агрессия — это в значительной степени привычка: чем больше вы выражаете ее, тем больше получаете.

Гордон Олпорт. Роль ожидания¹

Предыдущие главы приписывали склонность к коллективному насилию, сложному взаимодействию биосоциально детерминированных психологических качеств, их социального окружения и восприятия изменений в этом окружении. Такая неудовлетворенность являет собой лишь неструктурированный потенциал коллективного насилия. К политическому насилию неудовлетворенность людей ведет тогда, когда их аттитюды и убеждения фокусируются на политических объектах и когда институциональные каркасы заметно ослабевают, или когда организация оппозиции оказывается достаточно сильной для того, чтобы придать ощущение силы недовольным. Данная глава подвергает изучению некоторые источники основополагающих человеческих аттитюдов к насилию в политике и выдвигает предположения о том, каким образом эти аттитюды влияют на вероятность предпринятия акций против своих правителей и политических конкурентов. Люди также придерживаются своих особых убеждений по поводу использования политического насилия в качестве ответа на специфические ситуации, убеждений, которые они усваивают через воспитание, опыт, трезвый расчет или обращение в веру. Следующая глава идентифицирует некоторые источники и влияния доктринальных и утилитарных убеждений относительно веры в политическое насилие и роль коммуникационных систем в их распространении. Даже если члены данной политической общности привыкли проявлять насильственные действия против действующего политического правления и интенсивно мотивированы к нему, насилие

не возникает с фатальной неизбежностью. Паттерны коерсивного контроля и институциональной поддержки, которые управляются режимом и политическими диссидентами и выступают в качестве решающих детерминант в каузальной последовательности, связывающей враждебные мотивации с величиной и формами политического насилия, исследуются в главах 8 и 9.

Две базовые гипотезы

Люди обладают двумя взаимосвязанными, но различающимися типами взглядов на политическое насилие, которые оказывают влияние на их решение прибегнуть к насилию. Они должны придерживаться определенных норм относительно:

- 1) той степени, до которой допустимо насилие вообще и политическое в частности;
- 2) тех условий, при которых допустимо насилие вообще и политическое в частности.

Они также должны иметь определенные ожидания и представления об относительной пользе насилия как средства приобретения ценностей. Чем сильнее нормативное оправдание насилия людьми, с тем большей вероятностью они будут стремиться принимать участие в политическом насилии. Аналогичным образом, чем большую пользу люди приписывают тактике насилия в процессе достижения того, в чем они нуждаются, с тем большей готовностью они будут прибегать к политическому насилию. Аргумент в пользу раздельного анализа нормативных и утилитарных суждений состоит, коротко говоря, в том, что они имеют различные психологические и социальные источники, и изменяться они могут независимо друг от друга. Они независимы в том смысле, что не существует необходимой психологической и логической связи между обладанием убеждениями в том, что политическое насилие правомерно, и в том, что оно будет иметь успех. Люди, убежденные в том, что насилие и правомерно, и полезно, с большей вероятностью прибегнут к нему, нежели те люди, которые считают, что это не так. Но если они думают, что насилие правомерно, но не полезно, они все же могут предпринять какие-то насильственные действия для выражения своего гнева. А если существенно сильными оказываются утилитарные мотивы, нормативные барьеры могут быть преодолены. В следующих гипотезах резюмируются два базовых аргумента данной и последующей глав.

Гипотеза V.2. Потенциал политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом нормативных оправданий политического насилия среди членов коллективности.

Гипотеза V.3. Потенциал политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом утилитарных оправданий политического насилия среди членов коллективности.

Если бы эти гипотезы были триюстичны, они были бы установлены как постулаты. Они поднимают нетривиальные теоретические вопросы: в о - п е р в ы х, являются ли эти связи «сильными» в том смысле, как это было определено в главе 1, и, в о - в т о р ы х, правомерно ли эти связи оцениваются в качестве независимых. Из этих вопросов вытекают две базовые проблемы эмпирического анализа таких аттитудов:

- 1) важность нормативных и утилитарных аттитудов о политическом насилии, соотносящихся с другими каузальными переменными;
- 2) основные детерминанты интенсивности и масштаба взглядов людей на применение насилия в политике.

Некоторые из этих детерминант идентифицируются в двенадцати гипотезах, формулируемых в данной и следующей главе. Две базовые гипотезы и большинство из двенадцати определяемых гипотез могут быть применимы к коллективному насилию вообще, но поскольку основной мой интерес состоит в том, чтобы в первую очередь идентифицировать источники политического насилия, я привлекаю первоочередное внимание к обсуждению его аттитудных детерминант и ограничиваю гипотезы их политическими последствиями. Психологические и культурные механизмы, с помощью которых люди усваивают привычку к агрессии, являются тем не менее базовыми для понимания взглядов на политическое насилие и подвергаются последовательному рассмотрению в данной главе.

Политическое насилие определяется в главе 1 как все коллективные атаки на действующий политический режим внутри политической общины, на его деятелей — включая конкурирующие группы, равно как и инкамбентов, или на проводимую им политику. **Нормативные оправдания для политического насилия** — это те убеждения, которыми обладают люди по поводу изначально присущей им желательности предпринятия такого действия или угрозы им. **Утилитарные оправдания для политического насилия** — это те убеждения, которыми обладают люди относительно того, что применение насилия в политике или угроза его могут оказаться практически полезными для улучшения их общей ценностной позиции (определяемой в главе 2) и ценностной позиции той общины, с которой они себя идентифицируют. Взгляды как на угрожаемое, так и на реально используемое насилие включены в анализ вследствие очевидного соответствия их политических последствий. Люди, которые нормативно приемлют угрозу политического насилия в качестве

средства коллективного поведения, часто переступают порог, отделяющий вербальную агрессию от открытого насилия. Те, кто угрожает политическим насилием из утилитарных соображений, часто решают, что необходимо прибегнуть к реальному насилию, чтобы поддержать правдоподобность своих угроз. Мы считаем необходимым провести соотношение с «оправданиями политического насилия», чтобы обозначить как реальное, так и угрожаемое насилие, если они не определены тем или иным образом. Понятие «взгляды» используется здесь как родовое понятие для всех человеческих нормативных и утилитарных аттитюдов к политическому насилию и убеждений по поводу него.

Интенсивность является функцией, во-первых, диапазона обстоятельств, в рамках которых реальное или угрожаемое насилие считается подходящим ответом, и, во-вторых, относительной желательности насилия с нормативной или утилитарной точки зрения по сравнению с другими формами ответов. Масштаб оправданий относится к степени распространения поддерживающих аттитюдов и убеждений среди членов коллективности. Такие различия иллюстрирует сравнение между оправданиями политического насилия студентами скандинавских и южноевропейских университетов, производимое на уровне общего впечатления. Представляется, что интенсивность оправданий насилия, будучи соотнесенной с диапазоном обстоятельств, окажется меньше среди скандинавских студентов: насилие против политической системы является подходящим ответом только на угрозы для очень узкого диапазона значимых ценностей, включая их собственные жизни, существование политической общины и жизни тех групп, с которыми они себя тесно идентифицируют. Однако для южноевропейских студентов насилие является подходящим ответом на такие изменения обстоятельств, как нежелательная правительственная политика, оказывающая влияние на университетскую жизнь; политическое противостояние студентов и нестуденческих групп; идеологически неприемлемая внешняя политика правительства. Различия могут оказаться меньшими среди альтернатив ответов по относительной желательности именно политического насилия. Для скандинавских студентов насилие является последней мерой, оправданной лишь тогда, когда другие методы воздействия и протеста терпят неудачу. Южноевропейские студенты тоже могут обладать подобными нормами, но для них открыто меньшее число альтернатив. Подобно этому, представляются проблематичными различия в масштабах взглядов, оправдывающих насилие. Однако если принять за систему отсчета дифференциальные показатели участия в политически мотивированных студенческих забастовках,

то масштаб таких оправданий среди скандинавских студентов оказывается ниже, чем среди южноевропейских. Если бы представителей этих двух групп спросить о том, оправдано ли насилие как последнее средство, ответ «да» прозвучал бы у меньшего числа северян, нежели южан. Такой вопрос задавался, например, черным американцам в Уоттсе. Те, кто были воинствующими с точки зрения симпатий к черным радикальным организациям, с вероятностью в три раза большей, нежели невоинствующие, одобряли применение насилия как легитимной крайней меры. Кроме того, они с вероятностью вдвое большей по сравнению с нонмилитантами заявляли об участии в Лос-Анджелесских бунтах 1965 г.²

Эти примеры заставляют предполагать, что опрос общественного мнения может служить одной из приемлемых методик прямой оценки интенсивности и масштаба оправдания политического насилия в различных коллективностях. Оправдательные аттитюды и убеждения могут быть выведены из того, что делают и, конечно же, говорят мятежники. Подход к разработке приведенных ниже гипотез состоит в том, чтобы определить общие и более легко наблюдаемые свойства культур и соответствующих им коммуникаций, по которым можно было бы сделать выводы об интенсивности и масштабе оправданий насилия.

Прежде чем проверить некоторые свидетельства, необходимо сделать несколько других теоретических замечаний по поводу гипотез V.2 и V.3. Их зависимая переменная, потенциал политического насилия являются собой подсистему зависимой переменной гипотезы V.1 (глава 2) — потенциала коллективного насилия. Как для эмпирических, так и для теоретических целей необходимо формально определить связь, которая имеется между двумя зависимыми переменными, и какие связи могут быть более вероятными между определяемыми переменными, а именно интенсивностью и масштабом RD (гипотеза V.1) и интенсивностью и масштабом нормативного (гипотеза V.2) и утилитарного (гипотеза V.3) оправданий для политического насилия. При этом RD выступает необходимым предварительным условием коллективного насилия, включающего в себя и насилие политическое, однако эту связь нельзя считать строгой. Поскольку индуцированное с помощью RD недовольство зависит от взглядов людей на политику и насилие, оно может сфокусироваться на политической системе или отклоняться от нее. Если, например, правительство считают ответственным за чью-то неудовлетворенность — вследствие его деятельности или бездеятельности, — то большая часть неудовлетворенности или вся она сфокусируется на политических мишенях. В той степени, в какой ответственными за это считают других агентов, а политическая система окутана аурой

легитимности, неудовлетворенность, вероятно, поведет к направленности действий против других объектов. Тем не менее потенциал политического насилия должен сильно изменяться с потенциалом коллективного насилия вообще. Если бы подвергнуть прямой оценке обе переменные, то можно было бы ожидать корреляции в пределах от 0,7 до 0,9. В гипотетической форме это могло бы выглядеть так.

Гипотеза V.4. Потенциал специфически политического насилия сильно изменяется с потенциалом коллективного насилия вообще.

Предполагая валидность этой связи, можно прийти к выводу, имеющему отношение к связи между независимыми переменными, детерминирующими неудовлетворенность, которая, в свою очередь, детерминирует потенциал коллективного насилия и саму величину политического насилия. Если неудовлетворенность имеет доминантную каузальную связь с потенциалом коллективного насилия, тогда оправдания политического насилия должны иметь скорее случайную, нежели независимую связь с величиной политического насилия. Если оправдания сильны, а неудовлетворенность невелика, то вероятность политического насилия ниже, чем в тех случаях, когда слабы оправдания, а неудовлетворенность сильна. Наивысшей величины вероятность политического насилия достигает, когда сильны оба. Поэтому закономерно сделать следующий вывод.

Следствие V.4.1. Чем больше интенсивность и масштаб RD, тем сильнее связь между интенсивностью и масштабом нормативных и утилитарных оправданий политического насилия и величиной политического насилия.

Наконец, вероятны также эффекты взаимодействия между характеристиками нормативного и утилитарного оправданий. Если члены общности нормативно воспринимают некоторые виды насилия, то они в силу этого будут оценивать его как полезное; однако вполне возможно, что если они воспринимают насилие нормативно, то они с большей вероятностью будут делать утилитарные расчеты по поводу его последствий и будут восприимчивы к новым убеждениям по поводу его полезности, чем в тех случаях, когда они обладают сильными нормативными запретами на насилие. Представляется также вероятным, что, если люди предвосхищают достижение своих важных целей через насилие, но обладают нормативными барьерами против его применения, они становятся восприимчивы к конверсии новых норм, оправдывающих насильственное действие. Предполагается следующий вывод из гипотезы V.3.

Следствие V.3.1. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом утилитарных оправданий политического насилия в коллективности.

В этой главе мы планируем, во-первых, рассмотреть некоторые психокультурные источники нормативных оправданий насилия, а затем некоторые характеристики таких взглядов на насилие, которые оказывают влияние на нормативные и на утилитарные оправдания его.

Психокультурные оправдания насилия

Аналитически можно выделить несколько типов нормативных оправданий насилия. Некоторые из взглядов людей на насилие носят психокультурный характер и являются результатом паттернов социализации, поощряющих или осуждающих видимые проявления агрессии, а также культурных традиций, которые санкционируют коллективные насильственные ответы на различные виды депривации. Эти взгляды лежат в основании аттитюдов о насилии или предрасположенности к нему. В рамках большинства культур имеются значительные вариации таких аттитюдов, практика также подтверждает, что модальные предрасположенности к насилию существенно варьируют от одной нации к другой и внутри нации — от одной субкультуры к другой. Эти основополагающие аттитюды отличны от доктрин, которые люди усваивают на протяжении своей жизни и которые обеспечивают их специфическими оправданиями насилия в ответ на их непосредственные политические обстоятельства. Такие доктрины, общепринято именуемые «идеологиями», в своей наиболее разработанной форме могут служить тому, чтобы стимулировать взаимную осведомленность среди неудовлетворенных, обеспечивать их разработанными объяснениями причин этой неудовлетворенности, давать нормативную санкцию на насильственное действие, направленное против политических объектов и определять утопические цели, которые могут быть достигнуты с помощью таких действий. Однако развитой системой идеологических взглядов чаще обладают лидеры, нежели их последователи, и к тому же эти идеологии столь же часто формулируются как до революции, так и в ходе ее (см. главу 7). Идеи, непосредственно оправдывающие насилие в глазах большинства участников актов политического насилия, обычно носят характер лозунгов, слухов, предрассудков или упрощенных фрагментов идеологий, а не интегрированных систем убеждений.

В этой главе рассматриваются некоторые психокультурные факторы, а в следующей — идеологические. Имеются два типа психокультурных подходов к объяснению агрессии и последующего насилия, которые делают акцент на общих социальных воздействиях. Клейнберг характеризует их как «индивидуальную агрессивность» и «культурные» подходы.

Первое относится к объяснениям агрессии с точки зрения «реального опыта индивидов, обычно в разные годы жизни, который создает потребность или по меньшей мере тенденцию к агрессивному поведению». Культурный подход делает акцент на той «степени, до которой агрессия принимается или отвергается через мораль или традиции общины»³. Ниже проводится сравнимое различие между источниками и эффектами индивидуальной агрессивности в той мере, в какой она оказывает воздействие на общие нормативные взгляды на насилие, а также развитие и последствия культурных традиций коллективного политического насилия. В дальнейшем будет показано, что многие из свидетельств индивидуальной и коллективной агрессивности, резюмированных в дискуссии, релевантны вопросам нормативных и утилитарных оправданий.

Индивидуальная агрессивность

Базовое предположение в объяснении индивидуальной агрессивности состоит в том, что индивиды приобретают отличительную предрасположенность к агрессии или потребность в ней на протяжении процесса социализации. Больше других наносят фрустрации некоторые формы созревания индивида и межличностных отношений в семье. Существует также большое разнообразие среди психологических защитных механизмов и ответных реакций на фрустрацию, приобретаемых людьми в процессе социализации. Сложилась обширная теория специфических паттернов социализации, ведущих к повышенной агрессивности. Теория культурных стрессов в антропологии утверждает, что культуры существенно различаются по степени стресса, которому они могут подвергать своих приверженцев. Требования и запреты социализации, обеспечивающие пропитание и взаимодействия с другими людьми, могут быть более или менее болезненны для индивида. Чем более они болезненны или напряженны, тем более вероятны выражения личной дисфункции общего характера, включая неврозы, психосоматические болезни, суициды, убийства, алкоголизм, употребление наркотиков и т. д. Наролл, у которого мы заимствовали это краткое резюме, показывает, что культуры с высоким уровнем такого рода дисфункций имеют тенденцию к проявлению высокого уровня и других⁴. Многие исследования относят конкретные виды опыта социализации к расстройствам личности. Например, Бандура и Уолтер обнаружили, что у агрессивных юношей оба родителя, как правило, поощряли проявления агрессивности своих сыновей вне дома, однако их отцы не терпели проявлений агрессии по отношению к самим себе и проявляли недостаточно любви к мальчикам, поэтому агрессивные ребята приучались выражать

агрессию вне дома в относительно прямой и несдержанной форме, а вследствие того, что они негодовали на своих отцов, их агрессия переносилась на внешние авторитарные фигуры⁵. Изучение убийц заставляет предполагать, что они переживали довольно суровое детство, претерпевали фрустрации в зрелом возрасте и обладали довольно слабыми запретами на проявление агрессии⁶.

Другие исследования подчеркивают связь между агрессивностью и личностными характеристиками, приобретенными в ходе социализации. Айзенк нашел существенное эмпирическое подтверждение связи между жестокосердием, субсоциализацией, экстравертностью и агрессивностью⁷. Стагнер сообщает, что индивиды, агрессивные в одной жизненной сфере, склонны быть агрессивными и в других и проявлять агрессию как в вербальном, так и открытом поведении⁸. Центральной характеристикой «авторитарной индивидуальности», изучавшейся в ряде культур, является сдерживание сильной агрессивности, направленной изначально на родителей и другие властные фигуры, которое выражается в таких личностных чертах, как высокая оценка общепринятой морали, преувеличение различий между собственной и другими группами, мощный акцент на силу в отношениях между людьми и склонность к переносу агрессии на членов других групп. Эпштейн в репрезентативном экспериментальном исследовании обнаружил, что высокоавторитарные субъекты со значительно большей вероятностью, нежели низкоавторитарные, имитируют агрессивность, направленную против негроидных «жертв»⁹. Химмельзэйт резюмирует десять исследований-различий в толерантности к фрустрации, которые «убедительно демонстрируют, что нестабильная личность имеет более низкий уровень толерантности к фрустрации по сравнению со стабильной личностью»¹⁰. Можно было бы процитировать и много других исследований, однако и этого достаточно для иллюстрации того, что различия в социализации и паттернах индивидуальности ведут к различиям в потенциале агрессии.

Для того чтобы связать индивидуальные аттитюды к агрессии с политическим насилием, используют два до определенной степени различающихся подхода. Один фокусируется на источниках агрессивной предрасположенности лидеров. Лассуэлл, опираясь на психоаналитическую теорию и кейз-стади, утверждает, что политические агитаторы — это ярко выраженные нарциссичные люди, у которых сильная жажда эмоционального отклика, приобретаемая в процессе созревания, смещается на обобщенные объекты и выражается в желании получить эмоциональный отклик от той общности, которой они принадлежат¹¹. Тем же духом пронизано проведенное Уолфенштайном сравнительное

исследование «революционных личностей», таких как Ленин, Троцкий и Ганди. Результаты, к которым он приходит, поддерживают гипотезу о том, что «революционер — это тот, кто избавляется от бремени Эдипова комплекса с помощью амбивалентности, привнося свой личностный конфликт в политическую сферу. Чтобы такое произошло, должны иметь место два условия: должен действовать конфликт с отцовской личностью, не разрешаемый в семейном контексте к моменту окончания юности, и должен существовать политический контекст, в рамках которого этот конфликт может найти свое выражение»¹².

Такой подход является сущностно психологическим, соответствующим уровню микроанализа политического насилия. Изучение психологических характеристик, которые влияют на склонность конкретных личностей, в частности политических лидеров, к революционной активности, может обеспечить более полное понимание источников, природы и направлений определенных революционных движений. Но такого рода анализ может внести лишь маргинальный вклад в объяснение кросс-культурных вариаций в степени политического насилия.

Второй подход, связывающий личностные характеристики с коллективным насилием, выводит его прямо из возникновения в обществе революции и войны. Такой аналитический скачок делает Лассуэлл в своем утверждении, что «...политические движения питаются жизненными силами из перемещения частных аффектов на общественные объекты». Он пишет, что на протяжении политического кризиса подсознательное ликующе истолковывает падение лидера, воспринимая его как освобождение от всех ограничений, и индивиды в обществе, обладающие наименее твердой структурой личности, принудительно вовлекаются в акты грабежа и насилия¹³. Дурбин и Боулби дают сравнимое объяснение для войны. Первично возникающая от собственных побуждений и их фрустраций агрессия, говорят они, общее явление для всех людей. Идентификация себя с государством и подчинение власти, будучи распространенными явлениями XX в., трансформируют агрессию. Когда граждане становятся «настолько образованными, настолько фрустрированными и настолько несчастными», что внутренняя агрессия становится нестерпимой, можно считать, что «они достигли точки, при которой война становится психологической необходимостью»¹⁴. Другие примеры приводит Хоффлер, который атрибутирует революционные движения отчасти широкому распространению психологической встревоженности¹⁵, и Ризлер, который утверждает, что сердцевину революционных движений составляют глупцы, девианты и неприспособленные¹⁶.

Некоторое число «революционных личностей» предположительно имеется во всех обществах, и некоторые общества, вероятно, производят их в большем числе, нежели другие. Однако наиболее релевантные факторы — это те, которые ведут к существенным и культурно обширным различиям в нормативных предрасположенностях к агрессивности. Другими словами, наш первичный интерес должен проявляться к практике культурной или субкультурной социализации, а не к редко встречающимся девиациям, однако значительные проявления последних могут помочь интерпретации участия и лидерства в конкретных вспышках политического насилия. Более того, степень стресса или фрустрации в процессе социализации представляется менее важной, нежели способы, с помощью которых люди научаются справляться со своими агрессивными импульсами. Фрустрациями сопровождаются все процессы социализации, и, поскольку очевидны различия в их степени, эти различия относительно невелики и, как представляется, в большей степени связаны с вариациями в типах и уровнях индивидуальных отклонений, чем с коллективным поведением. Более впечатляющее кросс-культурное различие проявляется в той степени, в которой люди приучаются выплескивать наружу или же интернализировать свой гнев, и имеются свидетельства, которые связывают эти различия со специфическими типами индивидуальной и коллективной агрессии.

Одним из базовых измерений, вдоль которых происходит изменение социализированных аттитюдов к агрессии, является степень, до которой агрессия интернализуется представителями культуры. В некоторых обществах и среди некоторых субкультур и статусных групп эмфаза^{*} носит *интрапунктивный* характер, т. е. люди приобретают нормативную предрасположенность обвинять в своих фрустрациях самих себя и подавлять или загонять внутрь свои агрессивные чувства. В других условиях имеет место *экстрапунктивный* характер, т. е. люди склонны перекладывать вину за свои фрустрации на других и считают оправданным выплескивать на них свою агрессию. Представляется вероятным, что чем сильнее эмфаза на экстрапунктивность, тем чаще люди будут считать оправданным как коллективное, так и индивидуальное насилие. Вероятно, эта связь носит существенный и достаточно распространенный характер, чтобы оказывать влияние на аттитюды к коллективному политическому насилию, и заслуживает того, чтобы установить ее в гипотетической форме.

Гипотеза JV. 1. Интенсивность нормативных оправданий политического насилия умеренно изменяется со степенью смещения на экстрапунктивность в процессе социализации.

* Сила, акцент. — Примеч. пер.

Косвенное доказательство этой гипотезы дается в исследованиях, которые рассматривают изменяющиеся случаи суицидов и убийств с точки зрения различий между статусными и культурными группами в интрапунктивных и экстрапунктивных аттитюдах. Генри и Шорт утверждают, что интернализация суровых родительских требований, сопровождаемых наказаниями за внешние проявления агрессии, ведет к более высокой «психологической вероятности» суицида, нежели убийства, т. е. к высокому уровню фрустрации и интрапунктивным аттитюдам. С другой стороны, если родители суровы, но не угрожают лишить своей любви детей, ведущих себя агрессивно, агрессия будет, вероятно, проявляться вовне. «Психологическая вероятность» взаимодействует с «социологической вероятностью»: если во взрослой жизни имеются сильные ограничения, то более вероятными реакциями на фрустрацию будут экстрапунктивные ответы (убийства), поскольку источники внешних ограничений дают мишени для агрессии; если внешние ограничения слабы, то индивид с большей вероятностью обратит агрессию на себя. Вместе об этих паттернах говорят, что они объясняют эмпирические данные о том, что частота убийств изменяется обратно пропорционально социальному статусу, а частота суицидов — прямо пропорционально. Люди с низким статусом имеют тенденцию подвергаться воздействию сильных и видимых источников ограничений, а также быть «субсоциализированными» по отношению к индивидам высокого статуса¹⁷.

В другом сравнительном исследовании Хендин приписывает высокие показатели суицидов в Дании зависимости, постепенно создаваемой в детстве заботливыми матерями, которые подавляют у своих детей агрессию, манипулируя чувством вины как дисциплинарным средством, т. е. формируют некий интрапунктивный паттерн. Высокие показатели суицидности в Швеции считают результатом психологического травмирования вследствие раннего отделения от родителей и каналирования логически вызванного этим гнева в высококонкурентные действия и самоненависть, когда постигает неудача. В Норвегии, напротив, агрессия подавляется не столь жестко, и взаимоотношения мать—ребенок носят не столь сверхпокровительственный характер, не настолько травматичны, и отсюда — сравнительно низкие показатели суицидности¹⁸. Это означает не то, что норвежская культура внедряет экстрапунктивные аттитюды, а скорее то, что детские фрустрации здесь меньше и аттитюды менее интрапунктивны, чем в Швеции и Дании¹⁹. Историк Хадни ставит под сомнение такие интерпретации, как у Генри и Шорта и Хендина, которые он подвергает проверке, пытаясь объяснить высокие показатели убийств и низкие показатели самоубийств среди белых

и черных южан Америки в сравнении с белыми и черными северянами. Предлагаемое им объяснение делает упор на мировоззрении южан, которое оправдывает скорее экстрапунктивное, нежели интрапунктивное поведение путем перемещения «угрозы региону вовне региона, а угрозы личности — вовне себя»²⁰.

Эти и многие другие объяснения в общем согласуются между собой, хотя, может быть, и не в специфических терминах. Их можно интерпретировать как выражения культурной или субкультурной predisposition к экстрапунктивным или интрапунктивным ответам, а их различия могут быть атрибутированы различным источникам экстрапунктивных норм. Генри и Шорт делают акцент на взаимодействии возникающих в детстве и социально-структурных факторов как детерминант направленности агрессии. Хендин подчеркивает первичность факторов, возникающих в детстве, Хакни — историческую традицию, которая предположительно внедрена в процесс социализации и может найти свое выражение в опыте, приобретаемом в ходе взросления. Все три типа каузальных факторов, вероятно, взаимодействуют в развитии экстрапунктивных аттитюдов, при этом некоторые из них являются для каких-то групп более важными, нежели другие.

Более спекулятивный взгляд связывает характеристики социализации с коллективным насилием через экстрапунктивность. Например, Бейтсон идентифицировал среди жителей острова Бали паттерн воспитания, с помощью которого детей обучают не ожидать кульминации, а получать удовольствие на предварительных этапах, без определенной цели, «жить непосредственно настоящим, а не отдаленным будущим»²¹. Другая балинезийская характеристика — это сильный нормативный запрет на открытую агрессию, прививаемый предположительно как часть того же процесса. Эти два штриха могут помочь объяснить очевидную высокую толерантность балинезийцев к фрустрациям, превышение которой ведет к экстраординарно интенсивным вспышкам суицидального насилия, аналогичным малайскому амоку и к коллективному насилию наподобие массового избиения сотен тысяч индонезийских коммунистов в 1965–1966 гг., которые на Бали были особенно интенсивны²². Пай атрибутирует высокий размах политических убийств и других форм насилия в Бирме наиболее фундаментальным паттернам бирманской практики воспитания детей, а более непосредственно — напряжениям, созданным политикой модернизации и преобладанием убеждений в неизбежности насилия²³. Третий, менее прямой, пример дают результаты интервью с 67 гарлемскими неграми после бунта 1943 г. Кларк идентифицирует основные аттитюдные различия между

теми, кто принял бунт, и теми, кто его отвергал. Обе группы проявили себя равно заинтересованными в статусе негров; но те, кто отвергал насилие, давали свои ответы с позиций общего аттитюдного неприятия его, а те, кто принимал, — с позиций ограниченной структуры отношения, в котором было достаточно расовых несправедливостей, чтобы оправдать насилие²⁴. Различия в паттернах социализации двух групп не изучались, однако выводы совместимы с тем аргументом, что интрапунктивные индивиды овладевают обобщенными формами поведения, связанного с противлением агрессии, тогда как экстрапунктивные индивиды обучаются отвечать на конкретные фрустрации более прямо и открыто.

В качестве одного из сравнительных свидетельств в проведенном Липсетом анализе данных многонационального опроса показана довольно устойчивая связь между принадлежностью к низшему классу и неприятием «сильной руки». Психологические доводы, процитированные выше, указывали на связь между авторитарными аттитюдами и агрессивной предрасположенностью; в более общем виде агрессивные политические движения в индустриальных демократиях имеют тенденцию опираться на рабочий класс²⁵. Данные Хакни по Соединенным Штатам показывают, что отношения суицидных показателей к показателям убийства наибольшие среди черных американцев, меньшие среди южан и наименьшие среди северян, предположительным объяснением чему являются вариации в субкультурных экстрапунктивных аттитюдах. Такая же иерархия очевидна в величине коллективного насилия, в котором участвуют представители трех субкультур; в последнее десятилетие борьба, которую вели черные, была менее обычным явлением, чем борьба белых северян²⁶.

Это доказательство не следует считать всеохватывающим. В частности, неясно, до какой степени экстрапунктивные аттитюды, содействующие коллективному насилию, усваиваются скорее детьми в процессе детской социализации, нежели в зрелости, путем демонстрации норм, оправдывающих насилие, или в общем смысле фрустрирующих социальных условий. То основание, что культурные традиции политического насилия способствуют возникновению насилия среди последующих поколений, носит более обширный характер, как демонстрируют данные следующего раздела. Две переменные — социализация экстрапунктивных аттитюдов и наличие культурных традиций насилия — предположительно взаимодействуют между собою. Остается определить эмпирически, каким образом происходит это взаимодействие, и какая из них является более важной.

Культурные традиции политического насилия

Существуют устойчивые различия между обществами в стилях, масштабе и уровнях политического насилия. В рамках наиболее сложных обществ некоторые группы и некоторые регионы демонстрируют типы насилия, отличные от других групп и регионов, и более высокую степень использования насилия. Такая целостность является отчасти выражением устойчивых социетальных и субкультурных паттернов коерсивного контроля и институциональной поддержки, которая способствует насильственному протесту. Экштейн, однако, подчеркивает обратную связь между проявлением политического насилия и развитием аттитюдных предрасположенностей к нему: политическая дезориентация может сопровождаться формированием нового ряда ориентаций, устанавливающих предрасположенность к насилию, которая прививается самим опытом насилия. В таких случаях внутренние войны проистекают не из конкретных объективных условий и даже не из утраты конкретным режимом легитимности, а из общего недостатка восприимчивости к любого рода легитимности. Насилие становится политическим стилем, т. е. самосохраняющим фактором, невзирая на то, что само оно носит «дезориентирующий» характер²⁷.

Если говорить более определенно, то предлагаемые ниже свидетельства предполагают, что традиции, воплощающие эти аттитюды или «ориентации», определяют типы ситуаций, подходящим ответом на которые является коллективное насилие, устанавливают конкретные цели и способы насилия и посредством этого увеличивают нормативные оправдания насилия.

Аналитически полезно отделить воздействие событий насилия на восприятие вероятности будущего насилия от воздействия их на аттитюды оправдание насилия. Возникновение одного бунта, одного восстания или одного государственного переворота вряд ли с большой степенью вероятности приведет к возникновению широко распространенных экспектаций по поводу их повторения. Однако чем чаще они случаются и чем чаще повторяются, тем привычнее будут люди ожидать их в будущем. Американский опыт мятежей в гетто и политического терроризма в 1960-х гг., по-видимому, расценивался американцами как редкий, феноменальный случай, практически невероятный для повторения. К 1968 г. широко распространилось убеждение, что мятежи станут обычным явлением на протяжении неопределенного периода времени. Убийство президента Кеннеди в 1963 г. считали изолированным событием, требующим своего объяснения, но повторения не предвидели. После убийства его брата в 1968 г. американцы говорили друг другу со щекочущим нервы ужасом, что терроризм стал нормой американской политики.

Экспектация насилия не обязательно ведет к его нормативному оправданию. Тем не менее в таких ожиданиях имеется что-то вроде исполнения пророчества. Они могут отвлечь внимание от корректировки повторения основополагающих причин. Кроме того, люди с неустойчивым или внутренне противоречивым комплексом норм бывают довольно восприимчивы к восприятию в качестве собственных установок чужого опыта, особенно если этот опыт выглядит достаточно привлекательным — такова, например, агрессия для тех, кто испытывает неудовлетворенность условиями своей жизни. Моска называет такую предрасположенность «миметизмом», определяя ее как «тенденцию страстей, сантиментов и убеждений индивидов развиваться в соответствии с ходом событий, превалярующих в окружении»²⁸. Другими словами, если в обществе широко распространено недовольство, аномия становится обычным явлением, а политическое насилие — частым, то для аттитюдов ожидания насилия существует тенденция к превращению в нормы, оправдывающие насилие. Процесс ожидания насилия — это уже оправдание насилия, и оно имеет тенденцию к самоувековечиванию, которая зависит от продолжительности какого-то уровня RD и от благоприятного баланса в других смыслах между стоимостью и выгодами для его участников. Если цена для участников оказывается высокой и если интенсивность депривации уменьшается без очевидной связи с применением насилия, процесс, вероятно, будет заканчиваться.

Эта аргументация резюмируется в следующих гипотезах и выводах; «выводы» в данном случае обуславливают каузальные аргументы, из которых вытекает гипотеза JV.2.

Гипотеза JV.2. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется с исторически сложившейся величиной политического насилия в коллективности.

Следствие JV.2.1. Чем чаще проявление конкретной формы политического насилия в коллективности, тем больше ожидание того, что оно будет повторяться.

Следствие JV.2.2. Если ожидание насилия велико, интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия будет сильно меняться с интенсивностью и масштабом относительной депривации.

Масштаб оправданий, вероятно, изменяется с прошлыми уровнями политического насилия (гипотеза JV.2) на том основании, что чем более обычным было насилие, тем больше доля людей, которые, вероятно, подвергались его прямому или опосредованному воздействию. Операциональным вопросом является период, который должен рассматриваться при оценке «исторической величины насилия» (гипотеза JV.2) и «частоты» конкретного типа события (вывод JV.2.1). Коллективная

память людей о революциях и гражданских войнах более длительна, нежели о беспорядках. Хронические мятежи в сельской и городской Англии с семнадцатого по двадцатое столетие, кажется, оставили незначительный идеологический осадок в современной Британии; а вот французская революционная традиция оправдывает студенческие и рабочие акции. Для подтверждения свидетельства традиций внутренних войн необходимо изучить период по меньшей мере в столетие, поскольку одного поколения должно оказаться достаточно для оценки исторической величины беспорядков.

Различные свидетельства и аргументы косвенно поддерживают предмет дискуссии о том, что исторический опыт политического насилия в обществе оказывает воздействие на его взгляды на будущее насилие. Многие из свидетельств в равной степени применимы к разработке утилитарных оправданий насилия. Данные приводимых ниже психологических исследований позволяют выдвинуть предположения о том, как приобретаются привычки к индивидуальной агрессивности, но в этих исследованиях не проводится прямого изучения аттитюдов к агрессивности, которые, как можно предположить, приобретаются в процессе обучения. Другие психологические исследования и опросы документально подтверждают существование коллективных оправданий различных типов открытой агрессии без идентификации их источников. Сравнительные свидетельства демонстрируют наличие характерных паттернов насилия для конкретных групп на протяжении длительных периодов времени, но редко указывают прямо, какие аттитюды и убеждения формировали типичные ответы. Такое свидетельство подразумевает важность широко распространенных нормативных и утилитарных оправданий в качестве интервентных переменных, однако не определено, а предположительно.

Экспериментальные исследования идентифицируют некоторые паттерны, посредством которых развиваются привычки к индивидуальной агрессии. В ряде исследований одним детям указывали на других как на агрессивных, а затем помещали их в экспериментальную ситуацию. Если ребенок или взрослый, проявивший агрессию, получал вознаграждение или, по меньшей мере, не подвергался наказанию, другие дети были склонны имитировать такую же агрессию, равно как и изображать другие типы агрессивности. Если агрессивная модель поведения сопровождалась наказанием, дети не имитировали ее, если не устранялся источник наказания или запрета, в случае чего они показывали такой же уровень имитативной агрессии. Схожие результаты показывали эксперименты с юными субъектами, использующие последствия демонстрации фильма

с изображением агрессии: если насилие в фильме было представлено как оправдываемое другими «субъектами, выражающими одобрение, реальные зрители становились откровенно более агрессивными»²⁹. Другие исследования показывают, что, если индивид время от времени получал вознаграждение, у него развивались привычки к агрессии даже более сильные, чем если бы агрессия вознаграждалась всегда. Тем не менее другое экспериментальное свидетельство идентифицирует некоторое влияние катарсиса — уменьшения напряжения, сопровождающее проявление агрессии, — на развитие агрессивных привычек. Наивная аристотелевская версия аргументации катарсиса состоит в том, что, выражая эмоцию, индивид очищается. Имеются определенные свидетельства, что агрессия, направленная против фрустратора, уменьшает напряжение, если ей не сопутствует вина или наказание. Однако такое уменьшение напряжения приводит к удовлетворению, а значит, к нему с большей вероятностью будет прибегать личность, когда в будущем впадет в гнев. Более того, «даже если акт его агрессии уменьшает непосредственный гнев... фрустратор может приобрести стимулирующие свойства, которые при подходящих обстоятельствах могут послужить причиной вызова агрессивных ответов со стороны его жертвы по какому-то более позднему случаю»³⁰. Другими словами, «катарсис» не только имеет тенденцию к тому, чтобы превращать агрессию в привычку, но и равным образом к тому, чтобы делать привычными ее цели.

Релевантность этих данных для развития коллективных традиций насилия очевидна. Разгневанные люди склонны имитировать насилие по отношению к другим, особенно если у них складывается впечатление, что это насилие оправдано; такое впечатление создается либо вследствие того факта, что модели насилия помогают выиграть «соревнование», либо указаниями других на оправданность насилия. Если люди находят в насилии вознаграждение — либо через достижение своей цели, либо путем удовлетворения от выхода своего гнева без пагубных для себя последствий, они с возрастающей вероятностью будут применять насилие в будущем. И чем более обычным является такое насилие, тем более вероятно, что индивиды будут находить его вознаграждающим и, следовательно, будут готовы вовлечься в него в будущем. И чем более обычно такое насилие, тем более вероятно, что не участвующие в нем наблюдатели будут стремиться к тому, чтобы превзойти привычные модели, которые оно дает.

Данные некоторых опросов заставляют предполагать определенную степень групповых различий в коллективных аттитюдах нор-

мативного оправдания насилия. Недавние опросы показывают, что в афро-американской культуре широко распространена терпимость к насилию. От 20 до 23 % как южных, так и северных черных согласились в 1963 и 1966 гг. с тем, что они могут добиться своих прав лишь путем борьбы по принципу «око за око, зуб за зуб»³¹. От одной трети до половины жителей Уоттса, проинтервьюированных после мятежа 1965 г., одобрили тех, кто поддержал мятеж³². Другой опрос показал, что 29 % жителей Уоттса считают насилие оправданным в качестве способа привлечения внимания или единственного выхода из положения, такую же точку зрения высказали 13 % черных из Оукленда и Хаустона. Дополнительно к этому 47 %, 44 % и 24 %, соответственно, от числа проинтервьюированных в этих городах считали, что насилие оправдано при самообороне³³. Другими словами, от половины до трех четвертей черных американских горожан явно убеждены в том, что насилие в определенных обстоятельствах оправдано. Если такой аттитюд представляет собой современный феномен, его можно атрибутировать скорее демонстрационным эффектам мятежей 1960-х гг. или новой протоидеологии насилия, нежели историческому опыту черных мятежей (случающихся нечасто) и насилию белого расизма (более обычному). Однако одна часть данных, полученных в ходе интервью, заставляет предположить, что эти современные аттитюды отражают давнюю традицию. После гарлемских мятежей 1943 г. были проведены интервью с «близкими представителями», представлявшими собой выборку из 60 жителей Гарлема, и 30 % из них прощали мятежи, что довольно близко к данным по Уоттсу. Кроме того, принятия как утилитарного, так и нормативного оправдания, выраженные в высказываниях, имеют замечательно современное звучание: «Оно было действительно великим. Если бы таких восстаний было больше, для нас было бы лучше». «Единственный способ, с помощью которого негры могут привлечь к себе внимание правительства», «Громили магазины белых, чтобы показать им, что мы чувствуем»³⁴.

Большинство результатов других опросов дают приблизительный стандарт для сравнения. Интервью с 41 белым американцем в Женеве и Нью-Йорке в 1964 г. заставляют предположить, что черные американцы не одиноки в своем одобрении насилия: 39 % сказали, что они присоединятся к движению за насильственное свержение правительства, если его законы станут «очень несправедливыми и пагубными»; 51 % заявили, что поступят так, если президент вместе с армией распустит

* То есть не участниками, а непосредственными наблюдателями. — *Примеч. пер.*

Конгресс и назначит себя единоличным пожизненным правителем; и 37 % выразили желание играть активную роль в сражении³⁵. В противоположность этому можно привести проведенный в 1963 г. опрос по поводу сепаратистских чувств среди франко-канадцев. Хотя около 40 % из них были сепаратистами, желающими независимости или объединения с Соединенными Штатами, ни один из них не одобрил использование насилия для достижения этой цели³⁶. В 1966 г. проводились выборочные интервью с участниками маршей мира в Британии и Дании. Среди этих высоко заинтересованных в целях маршей индивидов оказались достаточно сильными нормы, направленные против насилия вообще: около половины опрошенных в каждой стране сказали, что не выйдут на марш, если будут «знать наперед, что могут оказаться разбитыми несколько окон»³⁷.

Другой род свидетельств в пользу наличия и продолжительности культурной традиции насилия приводится в описательных исследованиях хронических беспорядков в Европе XVIII и XIX вв. Частота, с которой парижские рабочие и лавочники выходили на улицы в течение десятилетий, прошедших после «великих дней» 1789 г., служит свидетельством традиции, установленной этими *journees*³⁸ с 1789 по 1795 гг. и находившей свое выражение во многих более поздних мятежах и демонстрациях, наиболее драматично — в революциях 1830, 1848 и 1871 гг.³⁸ Пинкни, например, полагает, что революция 1830 г. «была выражением вечного экономического недовольства, лояльности в рамках традиционных цеховых союзов, народного негодования против символов старого режима и идей XVIII в. — свободы равенства и братства»³⁹. Это утверждение можно было бы слово в слово применить к описанию французских мятежей и всеобщей забастовке в мае 1968 г. Столь же обычными были традиции насильственного протеста в сельской местности. Голодные бунты стали устойчивой характеристикой английской сельской жизни в XVIII в. По меньшей мере 275 из них произошло между 1735 и 1800 гг. из-за неурожаев и высоких цен на питание⁴⁰. Хобсбом документирует развитие традиций милленарианистского насилия среди южноевропейского крестьянства в виде стереотипного ответа на устойчивую депривацию: «Некоторые милленарианисты просто перестали ждать следующего революционного кризиса. Это, естественно, наиболее легкий вариант, когда экономические и социальные условия революции носят эндемический характер, как в Южной Италии, где каждое политическое изменение в XIX в., независимо

³⁸ Днями (фр.).

от того в какой из его четвертей оно происходило, автоматически продуцировало церемониальные марши крестьян с барабанами и знаменами, чтобы занять землю, или в Андалузии, где... миллениарианстские революционные волны происходили примерно с десятилетним интервалом в течение 60 или 70 лет⁴¹».

Традиция хранит память о формах и целях, равно как и о самих фактах протеста. Участники английских и французских голодных бунтов неоднократно призывали к установлению потолка цен на зерно, муку и хлеб; фермеров, мельников и пахарей либо принуждали к тому, чтобы продавать свои продукты по «справедливым» ценам, либо эти продукты у них конфисковывались, а затем продавались бунтовщиками по «справедливой» цене, а выручку отдавали хозяевам. Роуз приводит примеры такой практики в Англии в период с 1693 по 1847 гг.⁴² Разрушение машин в качестве ответа безработных ткачей на механизацию достигло своего пика в Луддитских восстаниях 1811–1816 гг., но оно имело место в английской традиции, и первые записи об этом относятся к 1710 г. Поджоги, в частности фермерских скирд, соломы или зерна были устоявшимися методами крестьянского насилия⁴³. Эдвардс выдвигает предположение, что «толпа открыта для предложений, которые находятся в соответствии с ее предшествующим опытом — и никаким другим», и в поддержку этого правила замечает, что «Толпы древних евреев всегда побивали свои жертвы камнями. Александрийские толпы почти всегда сбрасывали свои жертвы с крыш высоких зданий... Средневековые толпы регулярно обезглавливали тех, кого они обрекали на убийство. Американские толпы, за исключением необычных обстоятельств, пользуются лассо. Белфастская толпа могла бы быть с большим успехом втянута в линчевание негров, нежели чикагская толпа — в линчевание католиков»⁴⁴.

Нетрудно найти и неевропейские примеры. Фон дер Мехден сравнивал относительные уровни и типы политического насилия в Бирме и Таиланде в XX в. Бирма характеризовалась существенно более высокими уровнями сельского аномического насилия, такого как убийства, аграрные революции, религиозно ориентированные восстания и бандитизм. Аналогично более общим явлением для Таиланда были городские мятежи и демонстрации, которые возрастали в течение последних двадцати лет. Бирма, в отличие от Таиланда, имеет также и традицию широкомасштабных восстаний. Эти различия атрибутируются главным образом разрушению традиционной политической власти под влиянием колониального правления в Бирме, и в том, что Таиланд избежал иностранного правления. Но фактически это насилие реально продолжалось, а в Бирме даже возрастало, поскольку борьба за независимость

предполагает, что традиции использования конкретных видов политического насилия установились на протяжении колониального периода и продолжают существовать. В Таиланде также проявлялась традиция оправдания конкретной формы политического насилия, а именно переворотов и попыток переворотов, одиннадцать из которых имели место на протяжении двадцати шести лет — с 1932 по 1958 г.⁴⁵

Множество примеров социетальных традиций конкретных форм насилия дает также Латинская Америка. В Венесуэле, как указывает Гьюд, получение независимости сопровождалось столетием насильственных попыток введения конституционного правления. «Однако система стала вполне регулируемой. Применение насилия и вмешательство армии были предсказуемыми средствами политической преемственности. Таков был принятый де-факто стиль венесуэльской политики»⁴⁶. Сравнивая различные ответы бразильских и доминиканских студентов на революционные ситуации 1964 и 1965 гг., Уэдж предполагает, что в первой из стран насилие сдерживалось бразильской традицией разрешения политического конфликта с минимумом насилия и потери человеческих жизней. В Доминиканской республике, напротив, каудильо неоднократно свергались в насильственных восстаниях; среди тех, кто принимал участие в баталиях апреля и мая 1965 г., приверженцев революционной идеологии было немного, но доминиканская история дает немало таких примеров⁴⁷. Характеризуя это сравнение, Бьюзи показал, что бразильская традиция минимального насилия в политике не подтверждается историческими документами⁴⁸. Что представляется изначальным объектом изучения в бразильском случае, так это не реальные исторические размеры политического насилия, а внутреннее убеждение самих бразильцев, что они не склонные к насилию люди.

Другие свидетельства связи прошлых и будущих уровней гражданской борьбы дает упоминавшееся выше кросс-национальное исследование борьбы в 114 странах в течение 1960-х гг. Как частная проверка этого предположения была сконструирована приблизительная мера величины борьбы в стране в период 1946–1959 гг. и скоррелирована с более точными мерами величины трех основных форм борьбы в 1961–1965 гг. Прошлая борьба коррелировала с коэффициентом 0,30 с размерами беспорядков и с коэффициентом 0,24 — с размерами заговоров, все величины статистически значимые. Сюда включены также меры RD и институциональных характеристик. Анализ каузальной последовательности, подразумеваемый в корреляционной матрице, предполагает, что прошлая борьба выступает не непосредственной, а интервентной переменной по отношению к нынешней борьбе, за исключением беспорядков,

на которые она оказывает содействующее влияние. Эти данные прямо поддерживают гипотезу о том, что коллективное насилие порождает коллективное насилие. И они согласуются с тем аргументом, что хроническая борьба отражает и вносит свой вклад в аттитюды, которые способствуют будущей борьбе безотносительно к уровням постоянной депривации или изменениям в институциональной структуре⁴⁹.

Политизация неудовлетворенности

Одной из решающих характеристик гражданской борьбы в современном мире является степень, в которой ее участники обладают политическими мотивами и направляют свои требования на политические цели. Данные о численности, типах, декларациях по поводу целей и явных мотивов, исходящих от инициаторов событий гражданской борьбы в 114 странах за 1961–1965 гг., показывают, насколько сильной и распространенной является эта связь. Из 56 войн, определенных в главе 1 как внутренние, 49 возникли из переворотов или крутых изменений политической системы; 7 были «частными войнами», затянувшимся и распространившимся насилием между членами враждебных этнических или в нескольких случаях политических группировок. Отмечено около 200 насильственных заговоров, все они, за крайне редким исключением, носили политический характер. Случаи насильственных мятежей включают 315 изолированных вспышек и 122 ряда связанных событий. В целом 71 % носили характер антиправительственных мятежей и локализованных бунтов, 15 % представляли собой столкновения между политическими противниками. Остальные были неполитическими схватками и бандитскими стычками.

Таким образом, если основываться на одной лишь форме, около 90 % отмеченных вспышек коллективного насилия были «политическими». Неполитическое насилие могло, вероятно, остаться вообще незафиксированным, особенно если оно носило локализованный и спорадический характер. Однако можно почти уверенно утверждать, что почти все широкомасштабные взрывы коллективного насилия носили политический характер, равно как и большинство событий более мелкого масштаба.

Это обобщение подтверждается информацией о целях и мотивах участников. Были идентифицированы около 1000 случаев борьбы, включая ненасильственные события, такие как демонстрации, общие забастовки и заговоры. Таблица 4 показывает категоризацию мотивов, приписываемых в общем виде их участникам в сводках новостей. «Политические» мотивы включают требования к режиму или противостояние ему,

его представителям, его государственной системе, иностранным правительствам или конкурирующим политическим группам. «Экономические» мотивы включают в себя требования материальных благ и оппозицию экономическим деятелям (работодателям, конкурентам). «Социальные» мотивы включают продвижение идеациональных систем и коммунальной поддержки, оппозицию представителям иных систем убеждений (верований) и общин (языковых, этнических, религиозных и т. д.) и требования самореализации и межличностных ценностей. Во всех формах борьбы явно преобладают политические мотивы. Возможно, что источники новостей избирательно сообщают о политических мотивах, и очень вероятно, что они соглашаются с тем, как излагают эти мотивы лидеры или представители правительственных кругов. Однако анализ мишеней насилия — тех личностей или символов, которые подвергаются нападкам, — показывают тот же паттерн. Политические деятели были среди этих объектов или подвергались угрозам открытого насилия в 83 % зафиксированных случаев беспорядков и в 93 % внутренних войн, в то время как политические символы, такие как правительственные здания, оказались мишенями во многих из этих событий и некоторых других⁵⁰.

Таблица 4
Явные мотивы гражданской борьбы
(1007 случаев в 114 государствах в 1961–1965 гг.)

Мотивы	Беспорядки	Заговоры	Внутренние войны
	(n = 653)	(n = 295)	(n = 55)
Политические	90 %	93 %	98 %
Экономические	18	8	36
Социальные	43	32	87

^a Из *Ted Robert Gurr, «Comparative Study of Civil Strife», in Graham and Gurr, eds.* Сумма процентов превышает 100 вследствие того, что участникам атрибутируются множественные мотивы. События и данные о «мотивах», которые неизвестны, исключены из *n* и процентных соотношений.

Определенная часть информации наводит на мысль о том, насколько общим явлением была эта политизация насилия в другие эпохи. Изучение беспорядков в Европе с XVII до конца XIX в. отчетливо показывает, что беспорядки были в гораздо большей степени мотивированы коммунальными и экономическими проблемами и были направлены против

непосредственно ответственных за это конкурирующих ремесленников, жителей соседних деревень, булочников, спекулянтов и промышленников⁵¹. Главные восстания этой и более ранней эпох имели политические цели, как и современные внутренние войны, но экономические мотивы проступали более отчетливо, нежели в настоящее время. Весьма вероятно существование исторической тенденции к политизации коллективного насилия; менее определенной является ее степень. Естественный вопрос — почему это происходит? Один из возможных ответов состоит в том, что преобладание политического насилия в двадцатом столетии — это отражение лежащих в основе его неудовлетворенностей: насилие является политическим, потому что большее число людей и в большей степени, нежели прежде, получают депривацию в отношении власти, нежели в отношении экономических и межличностных ценностей. Однако данные кросс-национального опроса, анализируемые в главе 3, наводят на мысль, что в 1950-х и 1960-х гг. люди значительно чаще проявляли озабоченность своей экономической участью, нежели по поводу политических проблем. Более непосредственно — в кросс-национальном исследовании условий гражданской борьбы в начале 1960-х я обнаружил, что композитная мера экономической депривации в какой-то мере более плотно коррелировала с общей величиной гражданской борьбы ($r = 0,44$), нежели мера политической депривации ($r = 0,38$).

Смысл здесь состоит в том, что бóльшая часть недовольства в современном мире не столько политическая, сколько политизированная. Две характеристики современных обществ внесли свой вклад в фокусировку самых разнообразных видов недовольства на политической системе:

- неопределенность источников многих деприваций в усложняющихся обществах;
- фактическое расширение масштабов ответственности правительств в ожиданиях населения по поводу разрешения конфликтов, связанных с распределением ценностей и производством новых ценностей⁵².

Последствия неопределенности изучались в психологических исследованиях связи фрустрация–агрессия. Действительно ли фрустрация имеет место после агрессии — это зависит от наличия стимулов, ассоциируемых с источником фрустрации. Другими словами, во фрустрирующей ситуации должен быть какой-то намек, подсказывающий, кто или что несет ответственность за возникновение препятствия⁵³. В экспериментальной ситуации источник фрустрации обычно хорошо виден. Однако в современных и модернизирующихся обществах источники многих

деприваций неясны. Самый осведомленный гражданин может затрудниться в определении того, какая группа или институт несет ответственность за инфляцию, безработицу, падение религиозной морали или статусную неустойчивость. Если оно одновременно испытывает и сильное недовольство и не в состоянии обнаружить конкретные источники ответственности в его социальном окружении, он становится высоко восприимчивым к новым доктринам, которые дают каузальное объяснение⁵⁴, — характеристика идеологий, рассматриваемых в следующей главе.

Возрастающая социализация ролей и функций в современных обществах и соответствующее развитие комплекса социальных и экономических взаимозависимостей, охватывающих все большие территории, внесли свой вклад в увеличение неопределенности источников социально-экономического недомогания. Политическая система является институтом, на который с наибольшей вероятностью будет возлагаться ответственность в современной и модернизирующейся стране не просто за невыполнение обязательств, но и вследствие широко распространенных и порожденных элитой экспектаций относительно того, что государство принимает на себя ответственность не только за узкий ряд регуляторных и защитных функций, а за общее благосостояние своих граждан. Гессос утверждает, что как следствие этих процессов социального и экономического изменения в движении модернизирующихся обществ «социальная жизнь становится интегрированной таким образом, что ни одна локальная проблема не может быть решена без сопутствующего действия на более обширной социальной сцене, и никакая, даже ограниченная, цель не может быть достигнута без радикальной трансформации почти всех основных аспектов социальной жизни». Единственный институт, который, как представляется, управляет ресурсами и обладает полномочиями, необходимыми для такой трансформации, — это государство. Конечным следствием становится то, что «политическая система становится ведущим средством, равно как и главной целью действия»⁵⁵. Ахмед описывает этот процесс как «трансформацию частных проблем в общественные проблемы». Сельские жители в развивающихся обществах, полагает он, все сильнее испытывают на себе влияние развитых урбанистических центров и зависимость от них, в процессе чего местная община теряет многие из своих традиционных политических и экономических функций, переходящих к новым, часто политическим организациям. Одним из результатов этого является то, что люди начинают ощущать себя частью большего общества и атрибутировать свои частные и локальные проблемы более широкой системе, которая терпит неудачу в своих попытках улучшить их

жизнь и жизни сравнимых групп. Другой результат — это радикализация конфликта. Для людей, только что узнавших как об общих проблемах, так и о потенциале для их решения на национальном уровне, политика воспринимается не как состязание офисов, а как сила, способная трансформировать или не трансформировать общество в целом⁵⁶.

В нескольких исследованиях содержатся сведения об условиях, в которых имеет место политизация недовольства. Данцигер проанализировал «будущие автобиографии», написанные учащимися черных средних школ Южной Африки в различные периоды. Он обнаружил, что в силу социальных и политических ограничений, налагаемых политикой апартеида, интерес учащихся к индивидуальному экономическому успеху был пониженным и их устремления в возрастающей степени выражались в политических терминах⁵⁷. Этот процесс аналогичен описанным Гессосом и Ахмедом; в Южной Африке политическая система создает жестко ограниченные возможности для приобретения учащимися ценностей в будущем и, таким образом, делает для них более очевидным, что их перспективы зависят от политических возможностей. Уиллнер предполагает, что индонезийские демонстрации протеста имели тенденцию к тому, чтобы сфокусироваться на единственной проблеме, которая символизирует базовый источник неудовлетворенности и которая атрибутируется культурному предпочтению минимизации открытого насилия. Поэтому демонстрация против повышения цен на рис может отражать фундаментальную неудовлетворенность общим паттерном экономической политики правительства, а демонстрация против конкретной парламентской политики может быть основана на желании ее лидеров произвести фундаментальные изменения в структуре режима⁵⁸. Этот пример наводит на более общую мысль о том, что различные виды недовольства, возникающие из экономических и межличностных, равно как и властных деприаций, ясных или неопределенных по своим источникам, могут быть каналированы в действие протеста, которое имеет отчетливо узкую политическую направленность. Характеристикой политического режима, которая вносит свой вклад в политизацию недовольства, является степень, до которой власть и ресурсы концентрируются в конкретных политических институтах. Пейн предполагает, что вследствие высокоцентрализованной природы перуанского правительства «президента рассматривают всецело полноправным и, следовательно, всецело ответственным... и когда что-либо совершается неправильно, исполнительную власть обвиняют в грехе превышения полномочий или бездействия». В результате группы, побуждаемые деприациями любого мыслимого типа, склонны

организовываться и фокусировать насилие на единственной цели — исполнительной власти⁵⁹.

Некоторые из этих интерпретаций и примеров подразумевают, что недовольство, вероятно, политизируется до той степени, в которой режим воздействует, или считается, что имеет возможность воздействовать на жизни всех или большинства граждан. Чем больше его демонстрируемая или перспективная способность предпринять какие-то корректирующие действия и чем больше число групп и диапазон проблем, с которым ему приходится иметь дело, тем более вероятно, что он будет рассматриваться как способный на решение других проблем и смягчение недовольства других групп. Таким образом, эффективность деятельности по решению одного рода проблем, вероятно, порождает или поддерживает существующие нормативные экспектации, что он должен иметь дело и с другим рядом проблем, и утилитарные экспектации, что он может это. Если прошлые свершения режима были обширны по масштабам или сравнительно эффективны, ему, вероятно, придется иметь дело с новыми требованиями. Если требования, выраженные через общепринятые каналы, ведут к откликам, которые покажутся тем, кто недоволен, неадекватными, они с возрастающей вероятностью прибегнут к демонстративной, иногда насильственной тактике. В экстремальной ситуации, когда люди испытывают интенсивную неудовлетворенность и убеждены, что политическая система обладает возможностью и ресурсами для снятия их депривации, но чувствуют, что со стороны должностных лиц не будет предпринято никаких эффективных действий, они, вероятно, прибегнут к революционной или заговорщической тактике для того, чтобы увеличить свой контроль над режимом и поставить его на службу своим интересам. Трудности этого аргумента, гипотетически резюмированные ниже, состоят в том, что чем более эффективной была политическая система в разрешении прошлых проблем, тем больше экспектации населения, что так оно будет и в дальнейшем, и тем больше вероятность того, что недовольные граждане почувствуют оправданным как по нормативным, так и по утилитарным основаниям прибегание к политическому насилию, чтобы привлечь внимание к нерешенным проблемам.

Гипотеза JV.3. Интенсивность и масштаб нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяются с эффективностью и масштабами прошлой деятельности режима, направленной на смягчение относительной депривацию.

Предшествующий режим был эффективным до той степени, в какой он осуществлял политику, направленную на смягчение RD. Масштаб такого рода деятельности — это доля населения, которая получала выгоды от распределения ценностей.

Гипотеза выглядит парадоксальной в том смысле, что подразумевает, будто политические системы, которые эффективно разрешали проблемы в прошлом, более восприимчивы к будущему политическому насилию, нежели те, которые не имеют такого прошлого. Но отметим, что она применима к развитию аттитюдов, оправдывающих насилие, причем эти аттитюды, вероятно, действительны лишь тогда, когда система, успешно справлявшаяся с решением проблем в прошлом, терпит неудачу в принятии эффективных мер в ответ на нынешние проблемы. Недавняя борьба во Франции и Соединенных Штатах может быть выражением другого аспекта этой связи: политические системы и во Франции с 1958 г., и в Соединенных Штатах с 1930-х гг. продемонстрировали свою способность к разрешению проблем, но и та и другая были избирательны в отношении проблем, на решение которых направлялись ресурсы. В обеих странах группами, прибегавшими к коллективным акциям, были те, чьей неудовлетворенности уделялось меньше всего внимания: рабочие, студенты и фермеры во Франции, черные и пацифисты в Соединенных Штатах. Эти примеры предполагают наличие одновременной связи, аналогичной той, что показана в гипотезе JV.3, а именно: если политическая система одновременно выделяет экстенсивные ресурсы на решение одного типа проблем (в этих двух примерах на поддержание международных позиций), но оставляет мало ресурсов на решение других, то неудовлетворенные под влиянием нерешенных проблем с большей степенью вероятности найдут оправдание для своих насильственных ответов.

Гипотеза JV.4. Интенсивность нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяется пропорционально разности в размещении ресурсов режима для смягчения относительной депривации различных групп.

Если, например, политические шаги посвящены тому, чтобы обеспечить компенсаторные ценности для половины RD одной группы, но только 10 % другой, группа, оказавшаяся в менее благоприятном положении, вероятно, прибегнет к протесту, чтобы увеличить свою долю ценностей. Эта связь является отдельным случаем эффекта, идентифицированного гипотезой VE.3 (глава 4), и поддерживается параллельными аргументами: члены группы склонны устанавливать свои ценностные экспектации в соответствии с ценностными экспектациями тех групп общества, чье положение улучшается наиболее быстро. Эта связь относится к различным группам, повышающим свои ценностные позиции, каковы бы ни были источники этого повышения; гипотеза JV.4 утверждает, что если несколько групп испытывают депривации, а источником возрастания ценности, в которой заинтересованы, является

политическая система, то те группы, которым не повезло, почувствуют себя оправданными в направлении своего гнева на ответственных за это агентов системы. Масштаб воздействия не является внутренне вызванным разницей в приращении ценности, а определяется размерами ущемленной группы.

Легитимность политической системы

Густые дебри схоластических понятий и различий выросли из попыток определить источники, природу и следствия аттитюдов людей по отношению к их правителям и политическим институтам. Эти взгляды и связанные с ними условия были разносторонне описаны в таких понятиях, как «легитимность»⁶⁰, «политическая общность»⁶¹, «политический миф»⁶², «поддержка»⁶³, «авторитарность»⁶⁴, «политическое доверие»⁶⁵, «воздействие системы»⁶⁶, «политическая преданность»⁶⁷, «лояльность». Первые три из них используются как макропонятия: они относятся к свойствам политических систем. Они предполагают, явно или неявно, аттитюды населения к политике, описываемые как «чувства легитимности», «ощущение политической общности» и «приверженность политическому мифу». Другие являются микропонятиями, прямо идентифицирующими такие аттитюды. Микропонятия иногда рассматриваются в дихотомических суждениях: о режимах говорят, что они либо легитимны, либо нет. В дихотомическом виде микропонятия можно применить к отдельным индивидам — гражданин либо лоялен, либо нет, но в более общем виде их рассматривают в качестве переменных: граждане индивидуально или коллективно изменяют степени интенсивности своих чувств по отношению к правителям и институтам. Некоторые из этих понятий описываются с позиций полярности: Лейн, к примеру, различает чувства приверженности (позитивное), отчуждения (негативное) и разрыва (нейтральное)⁶⁸, в то время как Гамсон навешивает ярлык противопоставления «недовольства» политическому доверию⁶⁹. Голдрич различает три разновидности того, что он именует «ориентациями легитимности», — поддерживающую, покорную и противостоящую⁷⁰. Другие переменные, такие как воздействие системы и авторитарность, используются или могут быть использованы как переменные с нулевой точкой, изменяющиеся от нуля в направлении выше или ниже.

Некоторые авторы проводят различие между объектами аттитюдов к политике. Олмонд и Верба говорят о «влиянии продукции человеческих экспектаций, о том обращении, которого они могут ожидать от правительственных чиновников» и «влиянии проявления их чувств по поводу про-

цессов участия»⁷¹. Истон среди других аттитюдов выделяет аттитюды поддержки политической общины, режима и его инкамбентов⁷². Гамсон идентифицирует четыре объекта «политического доверия»: инкамбенты, политические институты, публичная философия режима и политическая община. «Они могут рассматриваться иерархично, являясь каждый обобщением аттитюдов на предшествующем уровне»⁷³. Оправдание такого рода различий состоит в том, что граждане могут изменять интенсивность своих чувств по отношению к политическим объектам: человек может определенно сказать об интенсивности своей поддержки, лишь взвешивая свои чувства по отношению к различным объектам.

Основополагающая тема данной теоретической работы состоит в том, что позитивные взгляды на политику делают людей «хорошими» субъектами политической машины — готовыми поддерживать и повиноваться и не склонными нападать на политическую систему. Типы взглядов, которые наиболее тесно связаны с политическим насилием, — это те, которые обычно обсуждаются в связи с легитимностью. Бихевиоральным проявлением легитимности является согласие граждан с директивами режима, аттитюдный характер обобщенного чувства идентификации с режимом и чувства обязательств по отношению к нему, которые мотивируют граждан к согласию. Граждане могут иметь для согласия иные мотивы, чем чувство идентификации и обязательств, в наиболее общем случае это может быть страх перед санкциями за проявление несогласия. Современные дискуссии о легитимности обычно предполагают, что режимы не являются легитимными, если согласие изначально базируется на принуждении, поскольку в этом случае согласие, вероятно, уменьшается всякий раз при устранении принуждения. Поэтому большинство определений связывают легитимность с аттитюдами поддержки. Нижеследующая гипотеза резюмирует подразумеваемую каузальную связь между аттитюдами к режиму и политическим насилием.

Гипотеза JV.5. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия изменяется сильно и обратно пропорционально интенсивности и масштабу легитимности режима.

Исходя из целей настоящего анализа, о режимах говорят, что они легитимны до той степени, в какой граждане оценивают их как правильные и заслуживающие поддержки. Понятие «режим» используется в общем смысле для обозначения самой по себе политической

* От *behavior* — поведение; соответственно в психологии существует особая школа — «бихевиоризм». — *Примеч. пер.*

единицы, ее правящих институтов (режим в узком смысле) и ее инкамбентов. По этим определениям высоколегитимный режим необязательно пользуется всеобщим согласием. Отдельные законы могут вызвать широкое неповиновение из принципа или узкоэгоистических интересов. Адвокаты гражданского неповиновения в Соединенных Штатах могут служить иллюстрацией возможности того, что сам по себе режим может быть высоколегитимным, но некоторые его законы — выглядеть весьма нелегитимно в глазах некоторых из его граждан. Однако обычно существует тесная связь между легитимностью и согласием. Если люди испытывают интенсивное ощущение правильности действий своего правительства, только сильные противоположные мотивы могут побудить их действовать против него. Однако в общем случае связь между легитимностью и политическим насилием, вероятно, не так сильна, как между легитимностью и согласием. Если высоколегитимный режим насаждает политику, которая существенным образом нарушает ожидания народа относительно того, каким должен быть режим, у людей возникают мотивы к протесту против политики — не только вследствие прямой депривации, но и вследствие того, что она несовместима со сложившимся у них имиджем режима. Если режим сопротивляется оказываемому на него давлению к изменениям через нормальные каналы, RD участия могут расти до точки, в которой возникает демонстративное насилие, направленное как против самой политики, так и инкамбентов, проводящих ее. В качестве последнего прибежища интенсивно недовольные граждане могут почувствовать, что высоколегитимная единица может быть сохранена только путем насильственного сопротивления — как инкамбентам, так и институтам, действующим неподходящим, т. е. нелегитимным образом. В общем случае люди, оценивающие свои режимы как легитимные, будут считать политическое насилие неоправданным, но если высоколегитимный режим действует с помощью методов, несовместимых с ожиданиями, на которых основывается его легитимность, он в большей степени рискует скатиться к политическому насилию, нежели тот режим, которому просто не хватает народной поддержки. Однако такие обстоятельства встречаются редко.

Интенсивность легитимности режима — это степень, до которой о политической единице, ее правящих институтах и инкамбентах думают как о правильных и заслуживающих поддержки. Следуя иерархии, предлагаемой Гамсоном, граждане, вероятно, расценивают легитимность политической единицы более важной, чем легитимность института, а легитимность института — более важной, чем легитимность

инкамбентов. Но между интенсивностью поддержки трех типов политических объектов существует необходимая связь. Например, в новых нациях легитимность (или недостаток легитимности) национальных лидеров, таких как Насер, Айюб-хан или Ньерере, могут играть гораздо более важную роль в аттитюдах людей относительно легитимности режима в целом, нежели их чувства по поводу правильности государства или его институтов. **Масштаб легитимности** — это доля людей среди населения политической единицы, обладающих чувствами легитимности выше какого-то определенного порога.

Связь в гипотезе JV.5 специфически ограничена чувствами легитимности выше нулевой точки нейтральности или незаинтересованности. **Нелегитимность** (иллегитимность) полярно противоположна легитимности и может быть определена в той степени, в какой люди оценивают свои режимы негодными и заслуживающими сопротивления. Но чувства иллегитимности представляют собой особый тип неудовлетворенности, которая возникает из RD относительно ценностей власти — т. е. расхождения между ожиданиями людей о типах ценностей участия и безопасности, которые должны им обеспечить их режимы, и тем, что они реально обеспечивают. Если континуум легитимности-нелегитимности связан с величиной политического насилия в его полноте, эта связь будет, вероятно, линейной и обратной на всем протяжении, но на каждую из сторон от нулевой точки действуют различные каузальные механизмы: позитивные чувства к режиму связаны с нормативными запретами на политическое насилие (гипотеза JV.5), негативные чувства к режиму выступают прямым побуждением к насилию, хотя маловероятно, чтобы их было достаточно одних, без комбинации с другими типами неудовлетворенности.

О различных каузальных и темпоральных последовательностях говорят, что они лежат в основе развития легитимности или недостатка ее. Некоторые объяснения фокусируются на индивиде и детерминантах его враждебных или одобрительных чувств по отношению к режиму. Например, Лейн выводит портрет «исчерпавшего себя» режима из своих интервью с 15 американцами и из теоретической литературы. Маловероятно, чтобы индивиды, характеризующиеся низким уровнем самооценки, самоуважения и слабой силой эго, поддерживали демократические процессы правления. «Демократическая личность» обладает всеми этими качествами в существенной степени⁷⁴. Мерельман утверждает, что развитие легитимности аналогично индивидуальному процессу обучения. Он интерпретирует источники легитимности как «особый случай подкрепления обучения, посредством которого

символические вознаграждения призваны вытеснить вознаграждения материальные, в результате чего такие вознаграждения, а также процессы и усилия, необходимые для их получения, рационализируются в чувство легитимности. «В той мере, в какой эти процессы имеют место, символы легитимности, наподобие “нашего образа жизни” и Конституции», выступают в качестве “учебных пособий”, которые могут быть привлечены политическими лидерами для того, чтобы “ускорить принятие и согласие с новой политикой, инициируемой в системе”». Хотя этот аргумент иногда формулируется в органических понятиях, как если бы общество в целом было обучаемым организмом, ясно, что Мерельман рассматривает этот процесс как типично сконцентрированный в одном или нескольких поколениях национальной истории, представители которых овладевают символами легитимности, передаваемыми последующим поколениям; в целом процесс не обязательно должен повторяться в политической социализации всех будущих граждан⁷⁵.

Другие интерпретации развития легитимности делают акцент на системных характеристиках. Олмонд и Верба, например, предполагают наличие структурной корреляции воздействия высокого уровня потребления в демократиях: «Эффективно функционирующая демократия подразумевает, что существенная доля ее членов включается в количественную систему через переплетение более диффузных структур общины с более дифференцированными структурами государства». Если имеется неадекватная структурная артикуляция, государство может потерять контакт с сокровенными нуждами и чаяниями своих членов. Люди могут эмоционально отделиться от политической системы или связать себя с ней пассивным восприятием перемещений, метаний и других иррациональностей экстремистских движений⁷⁶. Экштейн атрибутирует степень чувств легитимности во всех типах режимов степени конгруэнтности между политическими и неполитическими институтами в структурах и процессах принятия решений и осуществления власти. Аргумент состоит в том, что, если директивы режима формулируются и проводятся в жизнь способами, которые ценятся индивидом и близки ему на основе его собственного опыта общения с властью в его первичной и непосредственной связи, он, вероятно, почувствует что власть правительства правильная⁷⁷. Гасфилд полагает, что «неспособность политических элит справиться с кризисом является одним из сильных источников отчуждения масс от политического института»⁷⁸. Различные свидетельства и теоретические соображения поддерживают предлагаемую в гипотезе JV.5 идею связи между легитимностью, каковы бы ни были ее источники, и оправданиями коллективного насилия.

В психоаналитических и психологических теориях высказываются предположения о том, почему чувства поддержки и идентификации с политическим объектом заставляют воздерживаться от нападков на него. Психоаналитическая теория атрибутирует запрет на индивидуальную агрессию прежде всего «инстинкту—отказу, обязанному породить страх перед агрессией со стороны внешней авторитарности... Затем следует рост внутренней авторитарности и инстинктивный отказ, призванный утрашить ее, т. е. утрашиться собственного сознания»⁷⁹. Франк полагает, что «повиновение легитимной авторитарности — это одна из сильнейших мотивирующих сил в жизни всех нормальных членов организованных обществ», повиновение, заставляющее людей к готовности совершить, в сущности, неограниченную агрессию по предписанию легитимных авторитетов, равно как и к послушанию их приказам, запрещающим применение насилия даже при жестком побуждении. «Личность, повинующаяся легитимным авторитетам, в сущности, подчиняет им свое сознание, поскольку в той мере, в какой власть решает, что правильно и что неправильно, самостоятельность собственного сознания подчиняющегося приостанавливается»⁸⁰. Чтобы связать эти аргументы в единую систему, люди могут в процессе социализации формировать у себя восприятие режима как верховного источника власти, интернализировать запрет на агрессию против него и в то же время реагировать на него как на некий высший суррогат сознания, чьи предписания вытесняют предписания сознания индивидуального.

Релевантным является определенное экспериментальное свидетельство связи фрустрации—агрессии. Например, Пасторе обнаружил, что, когда субъекты считали фрустрацию разумной или оправданной, они давали на нее меньше агрессивных ответов, чем в тех случаях, когда они воспринимали ее как следствие произвола⁸¹. Аналогичным образом Коэн констатирует, что агрессия представляет собой более вероятный экспериментальный ответ на деспотическую, нежели на произвольную фрустрацию⁸². Что считать «разумной» или «непроизвольной» фрустрацией — это, конечно, функция социального обучения. Производя экстраполяцию способов, которыми люди обучаются политике, представляется вероятным, что в стране с легитимным режимом дети и молодежь приучаются к тому, что депривации, причиняемые требованиями режима согласия и ценностных жертв, являются «разумными» вследствие того, что люди получают или получают за это компенсации в виде материальных и символических вознаграждений. Другое экспериментальное свидетельство предполагает, что «разумность» фрустрации не ослабляет самой по себе интенсивности гнева, но, как утверждает

гипотеза J.V.4, служит запретом на агрессивный ответ. Ротаус и Уорчел обнаружили, что под воздействием произвольных фрустраций люди впадают в гнев, но подавляют свою агрессию, учитывая природу ситуации. Однако чем хуже приспособлен индивид, тем с большей вероятностью будет носить агрессивный характер его реакция как на вызванные произволом, так и на произвольные фрустрации⁸³. В параллельном исследовании Крезерман и Уорчел обнаружили, что разумность фрустрации не ведет к значительному снижению мягких форм агрессии и что предвосхищение фрустрации — возможно, аналогичное expectation относительно того, что режим потребует согласия, — не уменьшает существенно гнева, а скорее ведет субъектов к запрету на внешние агрессивные ответы⁸⁴. Эти открытия, применяемые к обучению политике (либо через политическую социализацию, либо через опыт взаимодействия взрослых людей с правительством), предполагают, что люди будут склонны воздерживаться от агрессивных ответов на действия режима, которые они приучились рассматривать как правильные, и действия во благо их собственным долгосрочным интересам.

Исследования малых групп, проведенные Рейвеном и Френчем, показывают связь между легитимностью и согласием. Они обнаружили, что групповая поддержка лидеров связана с ощущениями легитимности положения лидера, и что легитимизация лидеров с помощью выборов дает им большее влияние, нежели присвоение лидерской позиции без выборов⁸⁵. Смысл состоит не в том, что выборы являются обязательным требованием легитимности власти: так оно, вероятно, и есть в демократических обществах, но необязательно в других. В более общем смысле люди с большей вероятностью подчиняются директивам лидера, избранного каким бы то ни было путем. Проведя интервью с 41 американским респондентом, Ким выявил отчетливо отрицательную связь между тем, что он называет «авторитативностью», и выраженным желанием принять участие в антиправительственном насилии. Авторитативность определялась им как степень, до которой респондент считал, что продукция правительства (директивы) должна восприниматься как обязательная. Чем более авторитативными были эти американцы к своему правительству, тем меньше они проявляли желание нападать на него⁸⁶. Релевантным можно считать и исследование желания студентов колледжей Среднего Запада присоединиться к тому, что они считали линчующей толпой: почти все, кто был готов на это, считали что закон будет неэффективен в применении к предполагаемым убийцам⁸⁷. В этом примере речь шла не о политическом насилии, но потенциальному участию в нем способствует недостаток доверия к эффективности судебной системы.

Правовые уровни легитимности или лояльности в новых нациях широко упоминаются в качестве источников политической нестабильности. Национализм, порожденный в движении за независимость, может обеспечить чувство лояльности и цели, но, по наблюдению Халперна, «национализация человеческих душ решает лишь проблему кого увлечь, но не проблему стабильности или цели»⁸⁸. Шилз подчеркивает нехватку в новых государствах позитивных аттитюдов к политической общности и ее правителям: «В наиболее рудиментарных условиях имеет место дополитическая матрица. Конституционные общества, на которых покоятся новые государства... определенно не формируют единого гражданского общества... Они испытывают недостаток положительных аттитюдов по отношению к правителям, личностям и действиям, необходимым для достижения консенсуса... Чувство идентичности, даже если оно существует, носит рудиментарный характер. Чувство членства в общенациональном обществе и предрасположенность к восприятию легитимности правительства, его персонального состава и издаваемых им законов невелики»⁸⁹.

Гирц делает акцент на трудностях приспособления «первобытных связей» к требованиям новых гражданских идентификаций⁹⁰. В своем сравнительном исследовании политического насилия в Бирме и Таиланде фон дер Мехден атрибутирует относительно высокие уровни насилия в Бирме в значительной степени разрушению паттернов традиционной авторитарности под воздействием колониализма. Британское колониальное владычество и власть националистов, наследовавших британцам, «не была ни знакомой, ни приемлемой большинству политизированных бирманцев и поэтому не содержала в себе узнаваемых санкций в той мере, какую можно было найти в более традиционно учрежденном Тайском Королевстве»⁹¹.

Результаты двух недавних кросс-национальных исследований дают некоторые количественные свидетельства. Была сконструирована и связана с величиной гражданской борьбы мера легитимности. Наивысшая легитимность приписывалась тем режимам, чьи институты изначально вели свое происхождение из туземных источников и которые надолго сохранились без существенных изменений; предполагалось, что наиболее низка легитимность в тех странах, чьи политические институты были краткосрочными и навязывались под иностранной опекой. Комбинированный индекс, основанный на этих двух мерах, коррелирует с величиной гражданской борьбы на уровне $-0,37$: чем больше подразумеваемая легитимность, тем ниже уровень борьбы. Когда 114 государств классифицировали в соответствии с характером их

режимов, были выявлены отчетливые различия. В наибольшей степени легитимность минимизирует борьбу в плюралистских, демократических нациях ($r = -0,45$) и в латиноамериканских нациях с лидерами типа каудильо ($r = -0,58$). Однако среди элитистских наций, охватывающих большинство новых государств, корреляция слабее и составляет $-0,26$, а среди высокоавторитарных государств она дает несущественную величину $-0,08$. Одна из интерпретаций этого состоит в том, что в двух последних группах наций принуждение может играть гораздо более важную роль в запрете политического насилия, нежели интернализированные запреты, связанные с чувствами легитимности⁹². В другом исследовании Бвай, используя ряд мер легитимности в латиноамериканских странах, основанных на степени их «демократичности», обнаружил, что легитимность коррелирует на уровне $0,71$ с организованным насилием, но незначительно ($0,14$) — с анонимическим насилием (беспорядки)⁹³.

И драсположенность к насилию, и миролюбие коренятся глубоко в человеческой культуре и весьма заметно различаются от одной культуры к другой. Люди приобретают базовые аттитюды о желательности осуществления агрессии, будучи детьми, а позднее развивают аттитюды об ответственности правителей за их благополучие. Эти аттитюды оказывают фундаментальное влияние на характер их ответов на депривированные политические обстоятельства. Люди могут также приобретать знания о выгодах, которые завоевали их предки, или о свободах, которые они отстаивали с помощью насилия. Эти знания, нередко обеспечивают продолжительные оправдания насилия в новых условиях. Гипотезы, которые точно устанавливают эти связи, резюмируются в заключение следующей главы. Основной смысл данной главы состоит в том, что есть общества насилия и мы кое-что знаем о том, как они порождаются и как они стараются себя увековечить, и что неудовлетворенность, которая предшествует возникновению в них насилия, вероятно, в большей степени поддается изменениям, нежели аттитюды, которые его оправдывают.

Примечания

¹ В *Hadley Cantril, ed., Tensions that Cause Wars* (Urbana: University of Illinois Press, 1950), 52.

² Т. М. Tomlinson, «The Development of a Riot Ideology Among Urban Negroes», *American Behavioral Scientist*, XI (March–April 1968), 28.

³ Otto Klineberg, *Tensions Affecting International Understanding: A Survey of Research* (New York: Social Science Research Council, 1950), 188.

⁴ Raoull Narroll, *Data Quality Control: A new Research Technique; Prolegomena to a Cross Culture Study of Culture Stress* (New York: The Free Press, 1962), chaps. 2 and 3. См. также John W. M. Whiting and Irvin L. Child, *Child Training and Personality* (New Haven: Yale University Press, 1953).

⁵ Albert Bandura and Richard H. Walters, *Adolescent Aggression* (New York: Ronald Press, 1959), especially chaps. 2 and 7. Аналогичные выводы содержатся в L. D. Eron et. al., «Social Class, Parental Punishment for Aggression and Child Aggression», *Child Development*, XXXIV (December 1963), 849–867.

⁶ Обзор таких исследований дается в Leonard Berkowitz, *Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: Mc-Graw-Hill, 1962), 318–322.

⁷ H. J. Eysenck, *The Psychology of Politics* (London: Routledge and Kegan Paul, 1954), chap. 7.

⁸ Первичное исследование — Theodor W. Adorno et. al., *The Authoritarian Personality* (New York: Harper, 1950). Последующие исследования и методики исчисляются сотнями.

⁹ Ralph Epstein, «Aggression toward Groups as a Function of Authoritarianism and Imitation of Aggressive Models», *Journal of Personality and Social Psychology*, III (No. 5, 1966), 574–579.

¹⁰ Hilde T. Himmelweit, «Frustration and Aggression: A Review of Recent Experimental Work», in T. H. Pear, ed., *Psychological Factors of Peace and War* (London: Hutchinson, 1950), 178–180.

¹¹ Harold Lasswell, *Psychopathology and Politics* (Chicago: University of Chicago Press, 1930), especially 125.

¹² E. Victor Wolfenstein, *The Revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi* (Princeton: Princeton University Press, 1967), quotation 307.

¹³ Lasswell, passim.

¹⁴ E. F. M. Durbin and John Bowlby, *Personal Aggressiveness and War* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1939), 7–50, quotations 27, 28. Здесь содержится много сравниваемых взглядов на врожденную или фрустрационно-индуцированную агрессию как истоки войны; см., например: J. F. Brown, «The Theory of Aggression Urges and Wartime Behavior», *Journal of Social Psychology*, XV (1942), 355–380; Franz Alexander, «The Psychiatric Aspects of War and Peace», *American Journal of Sociology*, XLVI (1941), 504–520. Эмпирические исследования источников войны дают им слабую поддержку. Quincy Wright в его монументальном труде *A Study of War* (Chicago: University of Chicago Press, 1942) приходит к выводу, что война между современными государствами «редко возникает из паттернов поведения масс, а скорее из расчетов лидеров» (144). Абель исследует 25 случаев решений о начале войны и приходит к выводам, что ни в одном из них среди тех, кто принимал решение, не доминировали эмоции или сантименты; война выбирается обдуманно, как инструментальное средство достижения специфических целей. Theodore F. Abel, «The Element of Decision in the Pattern of War», *American Sociological Review*, VI (December, 1941), 853–859.

¹⁵ Hoffer, passim.

¹⁶ Kurt Riezler, «On the Psychology of the Modern Revolution», *Social Research*, X (September 1943), 320–326. Обобщение Ризлера извлекается в значительной степени из изучения фашистских движений. Полезное и более сбалансированное обсуждение революционного лидерства содержится в *Carl Leiden and Karl M. Schmitt, The Politics of Violence: Revolution in Modern World* (Englewood, N. J.: Prentice-Hall, 1968), chap. 5. Подробный ряд исследований социальных оснований и паттернов карьер нацистских, фашистских, советских и китайских коммунистических лидеров, главным образом тех, кто проявлял активность после достижения власти, содержится в *Harold D. Lasswell and Daniel Lerner, eds., World Revolutionary Elites: Studies in Coercive Ideological Movements* (Cambridge: M.I.T. Press, 1965).

¹⁷ Эта классификация разработана в *Saul Rosenzweig, «Types of Reaction to Frustration: A Heuristic Classification», Journal of Abnormal and Social Psychology*, XXIX (October–December 1934), 298–300 и широко использовалась в литературе. Им была предложена также третья категория — «импунктивный» — для обозначения замещающих ответов.

¹⁸ Andrew F. Henry and James F. Short, Jr., *Suicide and Homicide: Some Economic, Sociological and Psychological Aspects of Aggression* (New York: The Free Press, 1954, 1964) chaps. 5 to 7. Кросс-культурное подтверждение см. в *Arthur L. Wood, «A Social-Structural Analysis of Murder, Suicide and Economic Crime in Ceylon», American Sociological Review*, XXVI (October 1961), 744–753.

¹⁹ Herbert Hendin, *Suicide and Scandinavia* (New York: Grune and Stratton, 1964).

²⁰ Sheldon Hackney, «Southern Violence», *American Historical Review*, LXXIV (February 1969), 906–925, quotation 925.

²¹ Gregory Bateson, «The Frustration-Aggression Hypothesis and Culture», *Psychological Review*, XLVIII (July 1941), 355.

²² Энн Уиллер из Центра международных исследований Принстонского университета предполагала некоторые из этих пунктов, но ответственность за основанную на них интерпретацию лежит на мне.

²³ Lucien Pye, *Politics, Personality and Nation Building: Burma's Search for Identity* (New Haven: Yale University Press, 1962), 136–143, 163–167.

²⁴ Kenneth B. Clark, «Group Violence; A Preliminary Study of the Attitudinal Pattern of its Acceptance and Rejection»: A Study of the 1943 Harlem Riot», *Journal of Social Psychology*, XIX (1944), 319–337.

²⁵ Seymour M. Lipset, *Political Man: The Social Bases on Politics* (Garden City: Doubleday, 1960), chap. 4. См. также William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (New York: The Free Press, 1959), passim.

²⁶ Предполагаемая связь с уровнями коллективного насилия принадлежит мне, а не Хакни. Он не высказывал в явной форме и предположения об экстрапунктивности как объяснении высокого уровня убийств среди черных американцев, хотя эта связь подразумевается в его анализе.

²⁷ Harry Eckstein, «On the Etiology of Internal War», *History and Theory*, IV (No. 2, 1965), 150–151.

²⁸ *Gaetano Mosca, The Ruling Class*, trans. Hannah D. Rahn (New York: McGraw-Yill, 1896, 1939), 184.

²⁹ *Richard H. Walters*, «Implications of Laboratory Studies of Aggression for the Control and Regulation of Violence», *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, CCCLXIV (March 1966), 63–66. Другое резюмирование см. в *Jerome D. Frank, Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace* (New York: Vintage Books, 1968), «How Children Learn Aggression», 68–71.

³⁰ *Walters*, 66–67, 70–71; *Leonard Berkowitz*, «Aggressive Cues in Aggressive Behavior and Hostility Catharsis», *Psychological Review*, LXXI (March 1964), 104–122, quotation 111. См. также *Berkowitz, Aggression*, chap. 8.

³¹ *William Brink and Lois Harris*, *Black and White: A Study of U.S. Racial Attitudes Today* (New York: Simon and Schuster, 1966), 260.

³² *Tomlinson*, 28.

³³ *Wilian McCord and John Howard*, «Negro Opinions in Three Riot Cities», *American Behavioral Scientist*, XI (March–April 1968), 26.

³⁴ *Clark*, 322–323.

³⁵ *Yong C. Rim*, «Authority: Some Conceptual and Empirical Notes», *Western Political Quarterly*, XIX (June 1966), 223–224.

³⁶ *Frank L. Wilson*, «French-Canadian Separatism», *Western Political Quarterly*, XX (March 1967), 126.

³⁷ *Robin Jenkins*, «Who Are these Marchers?», *Journal of Peace Research*, No. 1, 1967, 45–60. Можно предполагать, что на характер их ответов повлиял пацифизм.

³⁸ См., напр.: *George Rudé, The Crowd in History, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964), chap. 6 and 11; *Charles Tilly*, «Reflections on the Revolution of Paris: An Essay on Recent Historical Writing», *Social Problems*, XII (Summer 1964), 99–212; *Frank Jellinek, The Paris Commune of 1871* (New York: Grossesst and Dunlap, 1937, 1965).

³⁹ *David H. Pinkney*, «The Crowd in the French Revolution in 1830», *American Historical Review*, LXX (October 1964), 17.

⁴⁰ *Rudé*, chap. 2.

⁴¹ *E. J. Hobsbawm, Social Bandits and Primitive Rebels* (New York: The Free Press, 1959), chaps. 4 and 5, quotation 63–64.

⁴² *R. B. Rose*, «Eighteenth-Century Price Riots and Public Policy in England», *International Review of Social History*, VI (No. 2, 1961), 277–92; *Rude*, chap. 2.

⁴³ *Rudé*, 81; 241. Об условиях, которые вели к максимальному снижению аграрного и рабочего насилия в Англии см. *Ben. C. Roberts*, «On the Origins and Resolution of English Working Class Protest», in *Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds. Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969), 197–220.

⁴⁴ *Lyford P. Edwards, The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927), 99.

⁴⁵ *Fred R. von der Mehden*, «Political Violence in Burma and Thailand: A Preliminary Comparison» (paper read at the 1967 Annual Meeting of the Asian Studies Association, Philadelphia, March 1968).

⁴⁶ *Edward W. Gude*, «Political Violence in Venezuela: 1958–1964» (paper read at the 1967 Annual Meeting of the American Political Science Association, Chicago), quotation 10.

⁴⁷ *Brian Wedge*, «The Case Study of Student Political Violence: Brazil, 1964, and Dominican Republic, 1965», *World Politics*, XXI (January 1969), 183–206.

⁴⁸ *James L. Busey*, «Brazil's Reputation for Political Stability», *Western Political Quarterly*, XVIII (December 1965), 866–880.

⁴⁹ *Ted Gurr*, «Urban Disorder: Perspectives from the Comparative Study of Civil Strife», *American Behavioral Scientist*, XI (March–April 1968), especially 52–54; and *Gurr*, «A Causal Model of Civil Strife: A comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1104–1124.

⁵⁰ *Ted Robert Gurr*, «Comparative Study of Civil Strife», in *Graham and Gurr, eds.*, 459–460.

⁵¹ См. *Charles Tilly*, «Collective Violence in European Perspective», in *Graham and Gurr, eds.*; а также *Rudé*, chap. 14; *Hobsbawm*, passim; *Max Beloff*, *Public Order and Popular Disturbances, 1660–1714* (London: Frank Cass, 1938, 1963), passim; *George Rudé*, *The Crowd in French Revolution* (London: Oxford University Press, 1959), chap. 13

⁵² См., напр.: *R. C. Cohn*, *The Pursuit of the Millennium*, rev., edn. (New York: The Free Press, 1961), passim; *Gil Carl Alroy*, *The Involvement of Peasants in Internal War*, Research Monograph No. 24 (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1966).

⁵³ Историческая роль политических и трудовых организаций в политизации недовольства в Европе XIX в. исследуется в *Tilly*, «Collective Violence in European Perspective», in *Graham and Gurr, eds.*

⁵⁴ См. *Berkowitz*, *Aggression*, 32–35 и ниже, в главе 7, обсуждение восприятия революционной идеологии.

⁵⁵ *Mohammed Guessos*, «An Approach to the Study of the Algerian Revolution (Center of the International Studies, Princeton University, March 1965, mimeo), 22, 23.

⁵⁶ *Eqbal Ahmed*, «Unfinished Revolution in the Third World» (paper read to the National Conference on «The United States in a Revolutionary World», Princeton University, April 1968).

⁵⁷ *Kurt Danziger*, «The Psychological Future of an Oppressed Group», *Social Forces*, LXII (October 1963), 31–40.

⁵⁸ *Ann Ruth Willner*, «Some Forms and Functions of Public Protest in Indonesia» (paper read to the Annual Meeting of the Asian Studies Association, Philadelphia, March 1968), 3–5.

⁵⁹ *James Payne*, «Peru: The Politics of Structured Violence», *Journal of Politics*, XXVI (May 1965), 366–367.

⁶⁰ Наиболее влиятельны здесь позиции *Макса Вебера*, напр.: в *Theory of Social and Economic Organization* (New York: Oxford University Press, 1947), 124–132.

⁶¹ См., напр.: *Sebastian de Grazia, The Political Community* (Chicago: University of Chicago Press, 1948).

⁶² *Harold D. Lasswell and Abraham Kaplan, Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 116–125.

⁶³ *Richard Rose*, «The Problematic Nature of the Legitimacy of Regimes» (Department of Politics, University of Strathclyde, Glasgow, n.d., mimeo.) 9 ff; *David Easton, A System Analysis of Political Life* (New York: Wiley, 1965), 163 and passim.

⁶⁴ *Kim*, 223.

⁶⁵ *William A. Gamson, Power and Discontent* (Homewood, Ill.: Dorsey Press, 1963), chap. 4.

⁶⁶ *Gabriel A. Almond and Sidney Verba, The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* (Princeton: Princeton University Press, 1963), chap. 4.

⁶⁷ *Robert E. Lane, Political Ideology: Why the American Common Man Believes What He Does* (New York: The Free Press, 1962, chap. 10

⁶⁸ Loc. cit.

⁶⁹ *Gamson*, chap. 3.

⁷⁰ *Daniel Goldrich, Sons of the Establishment: Elite Youth in Panama and Costa Rica* (Chicago: Rand McNally, 1966).

⁷¹ *Almond and Verba*, 101.

⁷² *Easton*, 1963; *David Easton, A Framework for Political Analysis* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1965), 116.

⁷³ *Gamson*, 50–52.

⁷⁴ *Lane*, 409–412.

⁷⁵ *Richard M. Merelman*, «Learning and Legitimacy», *American Political Science Review*, LX (September 1966), quotations 560, 561. Исследование источников аттитюдов детей к инкамбентам см. в *Fred I. Greenstein, Children and Politics* (New Haven: Yale University Press, 1965). Квалифицированное свидетельство см. в *Frederic J. Fleron, Jr.*, «The Malevolent Leader: Political Socialization in American Sub-Culture», *American Political Science Review*, LXII (June 1968), 564–575.

⁷⁶ *Almond and Verba*, chap. 5, quotation 144.

⁷⁷ *Harry Eckstein*, «A Theory of Stable Democracy», Appendix B in *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway* (Princeton: Princeton University Press, 1966), 225–287.

⁷⁸ *Joseph R. Gusfield*, «Mass Society and Extremist Politics», *American Sociological Review*, XXVII (February 1962), 25. Исчерпывающий перечень переменных, которые вносят свой вклад в легитимность, приведен в *Richard Rose*, «Dynamic Tendencies in the Authority of Regimes», *World Politics*, XXI (July 1969), 602–628.

⁷⁹ *Sigmund Freud, Civilization and its Discontents*, trans. Joan Riviere (London: Hogarth Press, 1930, 1951), 112–113. Краткий обзор психоаналитической теории деструктивности, связанной с внутренним насилием, см. в *Alfred de Grazia*,

Politics and Government. Vol. 1: Political Behavior, rev. edn. (New York: Collier, 1962), 275–277.

⁸⁰ Frank, 81–84, also chap. 12.

⁸¹ Nicholas Pastore, «The Role of Arbitriness of Frustration in the Frustration-Aggression Hypothesis», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLVII (July 1952), 728–731.

⁸² Arthur R. Cohen, «Social Norms, Arbitriness of Frustration and Status of the Agent of Frustration in the Frustration-Aggression Hypothesis», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LI (1955), 222–226.

⁸³ Paul Rothaus and Philip Worchel, «The Inhibition of Aggression under Non-arbitrary Frustrations», *Journal of Personality*, XXVIII (March 1960), 108–117.

⁸⁴ John J. Kregarman and Philip Worchel, «Arbitriness of Frustration and Aggression», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LXII (July 1961), 183–187.

⁸⁵ B. H. Raven and J. R. P. French, Jr., «Group Support, Legitimate, Power and Social Influence», *Journal of Personality*, XXVI (September 1958), 400–409; «Legitimate, Power, Coercive Power and Observability in Social Influence», *Sociometry*, XXI (June 1958), 83–97

⁸⁶ Kim.

⁸⁷ Norman C. Meier, G. H. Mennenga and H. J. Stoltz, «An Experimental Approach to the Study of Man Behavior», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XXXVI (1941), 506–524.

⁸⁸ Manfred Halpern, *The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa* (Princeton: Princeton University Press, 1963), 210.

⁸⁹ Edward Shils, «On the Comparative Study of the New States», in Clifford Geertz, ed., *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa* (New York: The Free Press, 1963), 1–26, quotation 21.

⁹⁰ Clifford Geertz, «The Integrative Revolution: Primordial Sentiments in the New States», *Old Societies and New States*, 105–151.

⁹¹ Von der Mehden, 8–14, quotation 13.

⁹² Результаты анализа для всех видов политических систем излагаются в Gurr, «A Causal Model». Сравнение типов политических систем — в Gurr, «A Comparative Study».

⁹³ Douglas P. Bwy, «Political Instability in Latin America: The Cross-Cultural Test of a Causal Model», *Latin America Research Review*, III (Spring 1968), 17–66.

ГЛАВА 7

Взгляды на насилие и политику: идеологии, утилитарность и коммуникация

Новые истины всегда изготавливаются в винных погребках насилия.

Антуан де Сент-Экзюпери

Мы обретаем наши нормы, связанные с применением насилия, отчасти из того, как мы учимся обращаться с агрессивными импульсами, отчасти из усваиваемого культурного наследия, т. е. представлений по поводу гражданского мира или конфликта. Если мы обладаем недовольством, разделяемым другими, наши аттитюды относительно легитимности наших правителей и политических институтов или фокусируются на этом недовольстве, или же отклоняют его от политических целей. Если непосредственными психологическими детерминантами того, как мы ответим на специфические депривации, являются наши когнитивные представления о социальной каузальности и ответственности, то посредством их мы атрибутируем ответственность и наши убеждения об оправданности и последствиях конкретных типов действий в ответ на эти ситуации. Интенсивное недовольство порождает в нас восприимчивость к новым идеологиям и более упрощенным верованиям, отстаивающим правомерность и пользу политического насилия. Мы, вероятно, производим также расчеты, — исходя из собственной проничательности или самообмана, — относительно тех выгод, которые мы могли бы получить с помощью насилия. Наиболее мощные аттитюды по поводу насилия — это те, которые широко распространены среди членов общества. Почти любая группа в любом обществе может выражать новые и подкреплять старые убеждения, оправдывающие насилие, которые наиболее широко и эффективно распространены среди неудовлетворенных людей в обществах со многими и неподцензурными

средствами коммуникации. В этой главе дается анализ и гипотетическое резюме роли этих идеологических, утилитарных и коммуникационных факторов в оправдании политического насилия.

Доктринальные оправдания политического насилия

Концептуальные системы, предназначенные для интерпретации деятельности по поводу неудовлетворенности, заметно изменяются и по содержанию, и по развитию. По своему содержанию они простираются от гандианских доктрин ненасилия до сорелианского представления о насилии как таковом. Они изменяются по степени сложности от тщательно разработанных, сознательно пропагандируемых интеллектуальных структур, обеспечивающим всесторонним *Weltanschauung*¹, наподобие маоистской революционной идеологии, до временного сопоставления когнитивных элементов предубеждения к порокам общества, наподобие антипатии мятежников Уотта к белой полиции и безоговорочной веры в слухи о том, что полиция избивает беременных женщин. Эти идеи о насилии могут быть изучены с точки зрения их специфического содержания либо их психологических функций для недовольных, или в соответствии с типами социальных структур, в которые они внедрены, либо групповых интересов, в них выраженных, равно как и с других точек зрения. Этот раздел сосредоточивается на функциях идей о насилии для депривированных групп, принимая в расчет их содержание, с тем, чтобы продемонстрировать, как они выглядят с позиций соответствия в положении отдельных групп.

Некоторые функции идеологии революционности

Идеологии — это своеобразные «каркасы сознания», которые дают людям интерпретации мира для того, чтобы действовать в нем¹. **Политические идеологии**, по мнению Дайона, это «более или менее интегрированные системы ценностей и норм, коренящихся в обществе, которые индивиды и группы проецируют на политическую плоскость для того, чтобы способствовать устремлениям и идеалам, которые они намерены ценить в жизни»². Когда идеациональные системы людей оказываются неадекватными их целям и особенно когда они становятся интенсивно и непопра-

¹ Понятие, введенное *Максом Вебером* (англоязычный аналог — *world view*) для обозначения системы убеждений особой социальной группы, которое служит своеобразным «куполом», перекрывающим ее в качестве защиты от окружающего мира. — *Примеч. пер.*

вимо неудовлетворенными вследствие невозможности достичь своих целей, руководствуясь старыми нормами, они становятся восприимчивыми к новым идеям, оправдывающим различные способы действий. «Обобщенные убеждения» — таков термин Смелзера для новых идей, развивающихся в ситуациях социального напряжения, которыми нельзя управлять в рамках существующих структур деятельности. Такие убеждения мобилизуют людей на коллективные акции путем объяснения неопределенных ситуаций и создания «общей культуры, в рамках которой развиваются лидерство, мобилизация и конкретные действия»³.

Человеческие идеациональные системы, включая политические идеологии, обычно инкорпорируют в себя и нормы о желательности политического насилия. Они не могут запрещать использование насилия как инструмента политической конкуренции или предписывать насилие как исторически оправданный ответ на политическое подавление. Однако в условиях напряженности или неудовлетворенности среди недовольных людей циркулируют новые идеи, которые с большой степенью вероятности предлагают нормативные оправдания насилия. Дайон утверждает, что разрушительное содержание новых идеологий — это выражение предшествующих социальных напряжений и конфликтов, имеющих политическую окраску и каналированных в политическое действие. Он выдвигает гипотезу, что «чем более острыми являются напряженности и конфликты, тем более вероятно появление экстремистских идеологий, которые их выражают»⁴. Другие интерпретации революционной идеологии атрибутируют ее нормативное оправдание политического насилия тактическим требованиям революционного движения и особенно потребности получения массовой поддержки насилия. Наесс утверждает, что для осуществления «агрессивных намерений» требуются большее оправдание и рационализация, нежели для осуществления «благожелательных намерений». Техника создания впечатляющих надстроек, состоящих из самоцельных принципов и доктрин, используется для рационализации требований, которые кажутся наиболее легко удовлетворяемыми при помощи борьбы или подавления других людей»⁵. Лейден и Шмитт делают акцент на руководстве и оправданиях, которые дают революционерам усвоенные ими идеологии. «Каждая революция происходит под воздействием философий, доктрин, планов, мартирологов, которые доступны ее функционерам и совместимы с их взглядами, но каждая революция в изобилии продуцирует и оправдания». Нередко оправдание осуществляется задним числом. «Все революционеры считают необходимым защищать свое дело и консолидировать свои достижения... Продуцируемое оправдание редко бывает искренним»⁶. Вероятно, поэтому

до той степени, в какой революции свершаются через насилие, оправдывающие их идеологии подчеркивают желательность политического насилия в качестве инструмента завоевания революционерами власти.

Большинство участников политического насилия, будь то революционеры или кто-то другой, не забивают свои головы сложными идеологиями. Тонкости оправдания, формулируемые революционными лидерами, доходят до многих из их последователей в виде скоплений фраз, смутных идей и символов. Изучение разнообразных коммунистических движений с применением различных исследовательских методик показывает, что «ядром идеологов выступают изначально немногочисленные профессионалы и интеллектуалы из средних классов, привлеченные идеологическими призывами Маркса; представляется, что на коммунистов из низших классов идеология влияет слабо»⁷. Лозунги, достаточные для оправдания насилия в глазах многих участников борьбы, могут проистекать из сложных идеологий, но их действенная сила лежит не в самой идеологии, а в релевантности лозунгов восприятию акторами их положения, и в содержащихся в лозунгах намеках на насильственное действие. Берковиц, опираясь на экспериментальные свидетельства, показывает, что простое изречение враждебных слов, заведомо ассоциируемых субъектами с агрессией, имеет тенденцию к повышению уровня их агрессивности. Личность, высказавшая враждебные заявления, может реально обеспечить себя внутренним стимулом, который может увеличивать вероятность последующей агрессии»⁸. Такую функцию для разгневанного человека выполняет повторение вновь и вновь таких лозунгов, как «Свобода! Равенство! Братство!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, и вам нечего терять, кроме своих цепей!» или «Гори, дитя, гори!». Они выступают мысленным напоминанием о природе и причинах его недовольства и внутренних побуждениях, основанных на воспоминаниях и наблюдениях за тем, как другие используют лозунги для насильственного ответа. Защита Сорелем идеи всеобщей забастовки была запланирована, чтобы дать этот тип лозунга, возбуждающего рабочий класс на насильственные действия. Он рассматривал всеобщую забастовку как миф, «воплощение образов, способные вызвать все чувства, соответствующие различным выражениям войны, предпринимаемой социализмом против современного общества»⁹. Фанон пытался создать революционный миф из защиты очищающего насилия крестьянских революционеров против колониальных хозяев. «Насилие — это очищающая сила. Она освобождает родину от комплекса неполноценности, от отчаяния и бездействия; оно делает ее бесстрашной и восстанавливает ее самоуважение»¹⁰.

Лозунги, облеченные в воспоминания обид и насилия, могут служить оправданию политического насилия не хуже или даже лучше, чем идеологии. Такие лозунги могут порождаться идеологиями, как это было у Сореля или Фанона, или восприниматься недовольными для символизации своих действий, как это было в случае черных мятежников, или возникать из межгрупповой вражды, общепринято именуемой предрассудками. Враждебные аттитюды вдоль линий этнического, политического или классового раскола могут возникать различными путями: из истории группового конфликта, из угрожающих требований предоставить больше привилегий со стороны подчиненной группы или просто из частого контакта между людьми, принадлежащими к различным идеациональным системам и образам жизни (см. главу 5). В силу существования такой межгрупповой вражды сообщение о реальном или воображаемом нападении может дать достаточное оправдание для коллективного насилия. Анализ опрометчивых действий 76 американских расовых бунтов показывает, что 52 из них последовали за реальными или межрасовыми столкновениями или сообщениями о них¹¹. На основе своего исследования поведения толп в Англии и Франции в XVIII и XIX вв. Руде обнаружил, что даже в наиболее спонтанных вспышках обеспечивалось определенное единство с помощью основополагающих убеждений и лозунгов. К примеру, широко распространившиеся мнения о злонамеренности целей противоборствующих групп или ответственности правительств за неудачу попыток смягчения деприваций играли существенную роль в подготовке воинственного климата. Лозунги более прямого и непосредственного характера, такие, скажем, как «Уилкс и свобода!», «Нет папизму и деревянным башмакам!» «послужили объединению самой толпы и направлению ее энергии на точные мишени и цели»¹². Резня сторонников коммунистической партии (РКІ) в Индонезии в 1965–1966 гг. являла собой современный специфически политический современный пример. Ее отдаленными предшественниками были несколько исторических попыток РКІ захватить власть. Более непосредственной причиной ее было одобрение, данное РКІ своим последователям в 1964–1965 гг. на проведение в жизнь законодательства о перераспределении земли на уровне деревень, что кристаллизовало враждебность против РКІ. Попытка захвата власти лидерами РКІ 30 сентября 1965 г. и ставшие широко известными проводившиеся ими пытки и убийства правительственных чиновников в соединении с существовавшей ранее враждебностью дали оправдание для избиения от трехсот до пятисот тысяч сторонников коммунистов в течение пяти последующих месяцев¹³. Можно было бы привести и другие примеры. Однако

достаточно и этих, чтобы проиллюстрировать, что при наличии групповых предрассудков или враждебности сообщение о любой дополнительной обиде может активизировать нормы, оправдывающие коллективное насилие¹⁴.

Восприимчивость к доктринальным оправданиям политического насилия

На политическое насилие людей могут мобилизовать различные идеологии, лозунги и слухи. Они могут сделать это с наибольшей вероятностью, если люди, как это утверждалось в главе 4, испытывают интенсивную неудовлетворенность. Интенсивно недовольные люди наиболее восприимчивы к новым доктринам в тех случаях, когда они испытывают неуверенность по поводу источников своего недовольства, и чаще всего они беспокоятся по поводу недостатка уверенности в своем социальном окружении. Вследствие своей неудовлетворенности, они изначально предрасположены к доктринальному оправданию агрессивных акций. Приведем некоторые свидетельства в поддержку этих утверждений.

Некоторые ученые полагают, что новые доктринальные оправдания политического насилия сами по себе создают недовольство. Хекшер говорит о том, что «аукцион пропаганды» среди соперничающих групп, раздающих обширные обещания в предреволюционных ситуациях, обладает эффектом «создания общей смуты и недовольства»¹⁵. Хоффер утверждает, что идеологии подготавливают почву для массовых движений «путем дискредитации господствующих убеждений и утраты людьми лояльности этим убеждениям», они «косвенно создают голод веры в сердцах тех, кто без нее жить не может», «способствуя тем самым распространению новых убеждений»¹⁶. Однако революционные доктрины могут получить широкое распространение, даже если они не обладают очевидным воздействием. Уолзер показывает, что английские протестанты, которые уходили в континентальное изгнание в середине XVI в., после того как английский престол достался Марии, развивали в Англии замечательно «бранную идеологию, отстаивавшую насильственную революцию, но не имевшую явного эффекта»¹⁷. Недостаточность успеха идеологии в деле мобилизации народной поддержки отчасти происходит вследствие неадекватности каналов коммуникации; такое может иметь место также вследствие недостаточно высокого для обеспечения базиса действия уровня недовольства. Например, Петти утверждает, что «революционные мифы» развиваются «лишь в ответ на чувство нужды и поэтому могут передаваться и восприниматься лишь в эмоциональном контексте»¹⁸. Подобно этому Тох говорит, что люди

восприимчивы к призывам социальных движений только в тех случаях, когда они и осведомлены о проблеме, и верят в то, что изменение возможно. «Хотя сами по себе призывы не могут создавать проблем, они могут привлекать внимание к проблемным ситуациям или перетолковывать потенциальные проблемы так, чтобы создавать восприимчивость»¹⁹. Эти интерпретации совместимы с аргументами, резюмированными в гипотезе VE.1 (глава 4): новые убеждения могут усиливать и интенсифицировать экспектации и оправдывать насилие как средство их удовлетворения, но восприимчивость людей к этим убеждениям является функцией их неудовлетворенности.

Одного лишь наличия интенсивности недовольства бывает недостаточно для оправдания насилия. Экспериментальные свидетельства указывают на то, что недовольные люди действуют агрессивно только тогда, когда они осведомлены о предполагаемом источнике фрустрации, либо о чем-то или о ком-то, с кем они ассоциируют фрустрацию. В психологической терминологии вопрос о том, проистекает ли агрессия из фрустрации, существенно зависит от наличия высвобождающих агрессивию сигналов. Берковиц предполагает, что такие стимулы, как гнев, не ведут к специфическим стимулированным типам поведения (в данном случае агрессии), если не имеется соответствующих сигналов или «спусковых механизмов», и что «сила агрессивной реакции на некоторые препятствия — это совместная функция интенсивности возникающего в результате гнева и степени связи между побудителем и высвобождающим сигналом»²⁰. Применяя этот аргумент к коллективной неудовлетворенности, люди с наибольшей вероятностью будут восприимчивы к новым идеациональным системам, когда они испытывают интенсивное недовольство, а источники депривации неясны. В литературе по агрессивным движениям неопределенность и несфокусированная неудовлетворенность по большей части определяются с помощью распространенности убеждений, оправдывающих насилие. Кантрил подчеркивает потребность людей в ментальной организации своих переживаний. Критические ситуации «возникают, когда индивид сталкивается лицом к лицу с хаотическим внешним окружением, которое он не может, но желает объяснить — психологическое условие, в котором люди вполне поддаются внушению»²¹. Шварц изучал функции революционных призывов в контексте теории когнитивного диссонанса. Мишенью таких призывов, говорит он, являются пассивно отчужденные люди, которые воспринимают угрозу, бесплодность и утрату общности в своем политическом окружении и, как следствие, ощущают чувства напряженности и гнева. Революционные организации, наиболее

эффективные в мобилизации отчужденных людей, используют призывы, которые объясняют «утрату общности» или другие социетальные кризисы и поощряют выражение гнева²².

Разнообразные свидетельства связывают когнитивную неуверенность людей с их восприятием новых доктрин. Например, постулируется, что, когда воспринимаемая индивидом сложность его окружения или очень высока или очень низка, в его собственном поведении наблюдается низкая степень сложности²³. Когда окружение представляется сложным или хаотичным, равно как и тогда, когда оно простое и неизменное, дискриминация имеет тенденцию к снижению, с неопределенностью примириться трудно, и иерархия ответов сужает свой диапазон и приобретает определенную жесткость. Примером экспериментального свидетельства такого рода утверждению может служить открытие Сьюдфелда, что субъекты, подверженные депривации, становятся более восприимчивыми к пропаганде, нежели менее ограниченные субъекты²⁴. Другое экспериментальное свидетельство полагает, что эмоциональный всплеск, в особенности сильное волнение, облегчает изменение аттитюдов²⁵. Лифтон приводит психологические интервью с людьми, подвергнутыми «реформированию мышления» со стороны китайских коммунистов, формировавшему, как он обнаружил, психологический потенциал типа *все-или-ничего*, нацеленный на эмоциональное выравнивание. Это состояние он назвал «идеологическим тотализмом», характеризуемым «личностной замкнутостью, саморазрушительностью и враждебностью к аутсайдерам». Степень индивидуальной восприимчивости к идеологическому тотализму «сильно зависит от... раннего недостатка доверия, крайнего хаоса в окружающей среде, тотального господства родителя или его представителя, невыносимого бремени вины и жестких признаков идентичности». Превратится ли сознание людей, имеющих такого рода предрасположенность, в замкнутые идеологические системы, — это зависит от степени подверженности такого рода идеологическим воздействиям, и степени контроля, которую осуществляют над ними представители этих идеологий²⁶. Корнхаузер на основании наблюдений за коллективностями приходит к выводу, что «массовые» индивиды становятся доступными для мобилизации со стороны массовых движений благодаря возбуждениям, возникающим из неуверенности и самоотчуждения. «Отзывчивость активиста во многом лежит в основе массовых движений, так как индивиды пытаются заместить внешнюю идентичность на внутреннюю, вытеснить неизвестного и нежелательного себя коллективным имиджем»²⁷.

Воздействие альтернативных доктрин политического насилия

Группы, оказавшиеся в незнакомых и депривующих обстоятельствах, обычно подвергаются воздействию многих новых доктрин. Число и степень разработанности таких систем убеждений зависит от природы и интенсивности депривации, изобретательности в формулировках, предшествующего опыта и концептуальных способностей потенциальной аудитории и доступа авторов формулировок к каналам коммуникаций. Уиллер и Золашан отмечают, что в предреволюционные эпохи, которые характеризуются существованием таких малых групп, чьи «крайние нужды» или обиды не выражены, «вначале формируются идеологии, которые могут конкурировать на “рынке идей” по уровню своего восприятия»²⁸. Марксизм был лишь одной из многих революционных доктрин, имевших хождение в России до 1917 г.; среди них имели широкую поддержку и воплощались во множестве организаций доктрины Кропоткина и Милюкова²⁹. В Европе XIX в. недовольные могли выбирать из многих идеациональных схем действия, среди которых были либерализм, нейтивизм³⁰, социализм, синдикализм, анархизм и несколько их разновидностей³⁰. Обращения к недовольству черных американцев в 1960-х гг. включали в себя защиту революционного терроризма, программы ухода в оборону и сепаратизма, утверждение черного братства и культурной автономии, а также более приглушенные обращения к интеграционалистской доктрине, произрастающей из американского эгалитаризма.

Относительная эффективность таких доктрин изменяется с той степенью, до которой они обеспечивают людям объяснения, как нужно действовать по поводу их собственные неудовлетворенностей; они выполняют это до тех пор, пока их потребности совместимы с интересами и опытом депривированных слоев, фокусируют их гнев на вероятных агентах ответственности и способствуют чувству общей осведомленности о них. (Четвертый фактор — спецификация привлекательных целей, исследуется отдельно в разделе об утилитарных источниках удовлетворения.) Не все новые убеждения и идеациональные системы одинаково хорошо отвечают этим функциям. Те, которым это удается наилучшим образом, с наибольшей вероятностью убеждают недовольных

* *Nativism* — 1) теоретическая позиция, которая делает акцент скорее на важности наследственности, биологических оснований человеческого поведения, нежели воздействию социального окружения; 2) негативная ориентация на любую туземную популяцию иммигрантов (*Jary D., Jary J., Collins Dictionary of Sociology, 2nd edn. — Glasgow: HarperCollins Publishers, 1995. — P. 436*).

людей; до той степени, в которой они требуют использования насилия против политических мишеней, они увеличивают нормативные оправдания политического насилия. Предлагается резюмирующая гипотеза.

Гипотеза JV.6. Интенсивность нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется со степенью, до которой символические призывы предлагают правдоподобные объяснения источников относительной депривации, определяют политические мишени насилия и дают символы групповой идентификации.

Гипотеза применима только к воздействию новых убеждений о политическом насилии на интенсивность нормативных оправданий. Их масштаб, т. е. доля населения, которая, вероятно, воспримет новые идеи, санкционирующие насилие, является функцией масштаба RD (см. гипотезу VE.1 и вывод V.3.1) и протяженности и открытости сетей коммуникации, по которым могут быть распространены новые идеи (см. гипотезу JV.11). Многие из поддерживающих эту гипотезу свидетельств относятся к доктринам и убеждениям о коллективном насилии вообще, но основополагающие связи в равной степени применимы к убеждениям, оправдывающим политическое насилие.

Предназначение. Новые институциональные оправдания насилия эффективны до той степени, в какой они создают смысл для недовольных людей с точки зрения их специфических деприваций и того, что у них было в прошлом. Чем более специфичны новые идеи относительно идентификации источников депривации и предписаний акций для их смягчения, тем более вероятно обращение к источникам к группам, испытывающим высокоспецифичные депривации и тем менее вероятно обращение к другим неудовлетворенным группам. Так, например, Тох говорит, что социальные движения преуспевают в привлечении сторонников до той степени, в какой призывы движения предлагают решения, подходящие к конкретным ситуациям аудитории. В качестве примера движения, использующего метод «сатурации»³¹, дающего разнообразные призывы для удовлетворения разнообразных нужд, он ссылается на движение нацистов³¹.

Свидетельство из кейз-стади и сравнительных исследований иллюстрирует связь между применимостью новых идей о насилии к условиям тех, кто пользуется ими, а также доктринами, усвоенными недовольными в различных эпохах и культурах. На протяжении периодов чумы и голода волны хилиастического возбуждения охватывали средневековую Европу, в которой изобиловали слухи, предзнаменования и проповеди. Но, как указывает Кон, ересями, которые наиболее эффективно

³¹ Насыщения. — *Примеч. пер.*

мобилизовали недовольных, были те, которые удовлетворяли требованиям или могли быть сформулированы соответственно состояниям их ума. «Разнообразные “ереси” могли взывать ко многим различным нуждам и делали это многочисленными способами. Например, некоторые из великих, которые обращались к катарсису, явно были мотивированы эмоциональными конфликтами, такими, которые в наши дни привели бы их к психоаналитику... Но когда эти и подобные им эсхатологические доктрины проникали в лишившиеся корней и отчаявшиеся массы в городе и деревне, они приобретали новую редакцию и заново интерпретировались, пока, наконец, не оказывались способны инспирировать движения особо анархического толка»³².

Подобным образом были способны к модификации и исправлению доктрины Французского Просвещения — для того, чтобы соответствовать нуждам своих приверженцев. «Каждый класс пользовался этими доктринами и интерпретировал с их позиций свою собственную конкретную ситуацию. Аристократия... взывала к правам человека и гражданина, чтобы защитить своих членов от посягательств Короны»³³, средний класс и чиновничество подобным образом интерпретировали на этом языке свои условия, а для парижской бедноты схожие взгляды оправдывали насилие черни. Нацистская идеология имела успех отчасти благодаря тому, что она оправдывала этнические предрассудки и поиск «козлов отпущения» через теорию расового превосходства и экономическую программу, которая что-то обещала всем недовольным группам. Но ее эффективность в идентификации в «качестве козлов» отпущения евреев изначально опиралась не на непосредственное правдоподобие аргументации или врожденную потребность в жертвоприношении. Доктрина получила широкое восприятие, поскольку, как показал Пульцер, в период с 1867 по 1918 гг. развилось и получило организованное выражение чувства антисемитизма; нацистское движение просто эксплуатировало предрассудок, уже утвердившийся в сознании многих немцев³⁴.

Доктрины апокалипсического или сверхъестественного изменения, которое будет свершаться через насилие, с наибольшей вероятностью коренятся среди людей, привыкших к стабильному образу жизни и испытывающих интенсивные и разнообразные депривации из неопределенных источников. Так, Джонсон пишет, что «когда источники дисфункции неясны или когда тот, кто имеет реальное ощущение дисфункции, не получает ясного понимания своей собственной социальной роли относительно других ролей, одним из способов выражения изменений, требуемых для того, чтобы уменьшить дисфункцию, является принятие веры в то, что изменение произойдет с помощью сверхъестественных сил»³⁵.

Последствием восприятия такой доктрины будет, вероятно, «миллениарианское восстание». Широкое распространение миллениарианских доктрин в Южной Европе в XIX в., благодаря обещаниям Дня Перемен и наступления Нового мира, в котором блага будут разделяться поровну между всеми, Хобсбом объясняет соответствием этих обещаний настроениям крестьян и предполагает, что недовольство, лежащее в основе таких примитивистских реформистских движений, могло служить также развитию социальных революционных движений³⁶. Кон проводит параллели между популярным в средневековой Европе апокалипсическим учением и идеологиями коммунизма и нацизма, и те и другие наделяют «социальные конфликты и устремления трансцендентальным значением» и тем самым обеспечивают и оправдание, и пророчество насилия³⁷. С ними схожи миллениарианские верования бродячих нищих пилигримов северо-восточной Бразилии в середине XX столетия, чья вера в возвращение короля Себастьяна периодически приводила к обширным насилиям в сельской местности³⁸.

Краткое сравнение марксизма-ленинизма с доктриной гандизма могло бы дать современную иллюстрацию этого тезиса и показать, что эффективность идеологий нередко зависит от объективных обстоятельств, в которых оказываются их аудитории. Марксистская доктрина в ее изначальной формулировке ближе всего соответствовала условиям жизни городских рабочих индустриальных обществ. Она выводила источник их обид из экономической системы, а также основанных на ней социальной структуры и политических институтов; она способствовала их общей осведомленности об этом и утверждала неизбежность использования революционных средств. Эта доктрина на протяжении прошлого столетия приобрела приверженность значительной части европейских рабочих; но ее обращения к большинству крестьян, поработанных этнических меньшинств и к объектам колониального правления была малоэффективна вплоть до ее реинтерпретации Лениным, Мао и Че Геварой. Эти реинтерпретации не повысили уровня ее эффективности. Они были отвергнуты почти всеми умеренными и большинством воинствующих черных американцев: первыми, вероятно, вследствие фундаментального восприятия систем убеждений господствующей культуры; вторыми же — вследствие более распространенных расистских доктрин, созданных в противовес аналогичным белым теориям³⁹. Другой пример: марксизм-ленинизм не был воспринят

* Причем только в западноевропейском или североамериканском вариантах. — *Примеч. пер.*

и не смог получить широкого распространения в Латинской Америке даже в маоистской и геваристской интерпретации. Причиной здесь может быть то, что в качестве оперативной доктрины выдвигался анти-тезис некоторым общепризнанным в латиноамериканской культуре темам. В марксизме делается теоретический акцент на подчинении индивидуальных интересов и производительных способностей интересам общества, тогда как латиноамериканская культура подчеркивает желательность сильной формальной власти, которая дает возможность широкого диапазона для индивидуального отстаивания своих притязаний и гордости, но не поддерживает сильное коммунальное или общинное чувство. Поэтому коммунистическая доктрина в Латинской Америке стала скорее игрушкой интеллектуальных радикалов. Куба была, по сути, исключением. Здесь марксистская доктрина была навязана уже после того, как власть была захвачена, и к тому же подверглась коренному пересмотру в качестве действующей доктрины.

Напротив, гандийская доктрина свершения двойной революции — гуманитарной и социальной — через ненасилие оказалась весьма привлекательной для подчиненных групп, которые чувствовали свое относительное бессилие перед лицом отчетливо обозначенных угнетателей. Для колониальных субъектов и американских негров на разных этапах движения за гражданские права пассивное сопротивление представляло технику выражения недовольства, обещавшую успех в согласии с групповыми нормами о нежелательности открытого насилия против могущественных правителей. И марксистские, и ненасильственные доктрины исторически имели как успехи, так и неудачи. Однако современная* привлекательность доктрин ненасилия ослаблена драматическими свидетельствами того, что в Алжире, на Кубе и во Вьетнаме насилие оказалось более эффективным, однако редко бывает так, чтобы успехи сопоставлялись с неудачами. Поскольку неудовлетворенность фундаментальным образом предрасполагает к агрессии, *ceterus paribus*, доктрины, оправдывающие насилие, вероятно, будут казаться более подходящими, а значит, приобретут еще большее распространение⁴⁰.

Спецификация источников депривации. Если источники депривации неясны, эффективность новых доктринальных оправданий насилия увеличивается до тех пределов, в которых они дают правдоподобную идентификацию этих источников. Оправдание политического насилия возрастает до той степени, в какой идентифицируются политические агенты ответственности; чем более конкретно идентифицируется источник,

* Напомним, что эта книга увидела свет в 1970 г. — *Примеч. пер.*

с тем большей эффективностью сфокусируется на нем гнев. «Истеблишмент» — это неуловимый оппонент, и таковы же бестелесные сущности наподобие «духов зла» и «безбожного коммунизма». Абстракции оправдывают насилие главным образом в глазах революционных интеллектуалов; для того чтобы мобилизовать массовую поддержку и дать действительные мишени насильственной акции, требуются реальные злодеи. Эдвардс писал, что артикуляция революционной идеологии создаст «давление психоза», которое «превращает предшествующее, более или менее пассивное недовольство в активную эмоциональную ненависть к угнетателям. Ненависть к общему врагу — это наиболее могущественное средство группового единства. Публицисты своими предшествующими атаками указали на угнетателей как на общего врага. Недовольство большинства угнетенных превращается в ненависть к угнетателям...»⁴¹.

В равной степени хорошо осознают этот принцип и революционные деятели. «В любой революции должен быть непосредственный, хорошо известный враг, которого мог бы ненавидеть каждый, и в нашей революции это французская полиция, — говорил один студент репортеру в июне 1968 г. — Наша цель состоит в том, чтобы сбросить правительство и изменить общество, но мы сражаемся с полицией, чтобы напомнить Франции, кто мы есть и чего мы хотим»⁴².

Одно из требований эффективной специализации состоит в том, чтобы цели были уязвимы для атаки в нормативном и физическом смысле. Если недовольные убеждены в том, что их угнетатели неизмеримо могущественны, вряд ли они предпримут атаку на них. В таких обстоятельствах недовольные становятся склонны к изобретательству и восприимчивости альтернативных интерпретаций зла. Знать средневековых государств часто оправдывала свои мятежи против налогообложения со стороны королевской власти, опираясь на идею о том, что король введен в заблуждение дурными советниками. Для представителей знати такое атрибуирование зла было отчасти вопросом тактики: они имели имущественный интерес в сохранении политической структуры, связанной с институтом наследственного дворянства. Оно имело также нормативную функцию для них и их последователей. Монархия в средневековой мысли была божественно санкционированным институтом и нападать на личность короля или на его положение было равносильно нападению на Бога. А относительно таких же нападков на его советников такого рода последовательных теологических запретов не было⁴³. Это одна из устойчивых тем истории Запада. Шесть анализируемых Мерриманом революций середины XVII в. совершались во времена широко распространенного недовольства, но ускорявшие их обиды

носили фискальный характер и атрибутировались народом скорее непопулярным министрам, нежели монархам, которым они служили. Революционеры убеждали себя, что на их стороне король и старинные права, оправдывая таким образом свои нападки на министров⁴⁴. К такого же рода убеждениям были склонны французские и американские революционеры, оказывая во имя короля сопротивление неправильной политике королевских агентов. Но когда правитель не защищен аурой божественности или власти, ему, вероятно, приходится нести ответственность за великое множество деприваций: люди имеют обыкновение атрибутировать ответственность за свои депривации неопределенного происхождения, прежде всего тем, кто, по их мнению, обладает властью, чтобы смягчить их.

Люди также бывают восприимчивы к тем убеждениям, которые они идентифицируют в качестве источника депривации, и, следовательно, они могут выбрать в качестве мишени для атаки этнические, религиозные, политические или племенные меньшинства. Говорят, что в 30-х гг. Гитлера спрашивали, считает ли он, что евреев необходимо уничтожить. В ретроспективе его ответ звучит с гротесковой ироничностью. «Нет, — сказал он. — Тогда нам пришлось бы их придумывать. Суть состоит в том, чтобы иметь не абстрактного, а осязаемого врага»⁴⁵. Некоторые из видов межгрупповых насилий, поддерживаемых такими убеждениями, можно атрибутировать переносу с других объектов. Многие из современных психологических исследований предполагают, что ряд других факторов оказывает влияние на эффективность убеждений, оправдывающих поиски «козла отпущения». Одним из них является предшествующая ассоциация людьми внешней группы со своей враждебностью, например, рассматривая ее как источник внешних фрустраций или мишень для предстоящей агрессии. Если люди по тем или иным причинам уже не любят внешнюю группу, они становятся восприимчивы к слухам и верованиям, которые связывают с этой группой их нынешнее недовольство⁴⁶. Другой фактор — это возможность наблюдать внешние группы. Чем более они обозримы или «различимы», с тем большей готовностью люди признают внешние и ментальные намеки, которые ассоциируют такие группы с их недовольством. Предвосхищение вознаграждений или наказаний также играет важную роль при выборе внешних групп в качестве мишеней; чем более беззащитной кажется группа, тем легче приписывается ей вина и тем охотнее направляется против нее агрессия⁴⁷. Наконец, возникновение открытой враждебности, исходящей из внешней группы, также может поощрять насилие против нее⁴⁸. Хотя большинство исследователей касалось враждебности

к группам меньшинств, такие же характеристики, вероятно, применимы и в общем к спецификации подвергаемых атакам источников депривации.

Чувство общины. Эффективность новых оправдательных убеждений относительно политического насилия также варьирует в тех пределах, в которых они обеспечивают недовольных чувством общинности. Это чувство может быть создано или подкреплено использованием символов, которые дают людям осведомленность об их общих недовольствах, о достоинствах, которыми обладает их группа или организация, и о потенциале их совместного действия против угнетателей. Шварц утверждает, что революционные призывы успешны в тех пределах, в которых они дают чувство «исполненной гордости исторической общности, даже если она вымышленная: она объясняет отчуждение с точки зрения утраты этой общности и утверждает, что община может быть воссоздана через революционное движение»⁴⁹. Готтшалк утверждает, что вторая «причина революции — это кристаллизация общественного мнения, т. е. осведомленность недовольных о том, что в равной степени недовольны и другие, и они, вероятно, присоединятся ко мне в выражении моего недовольства. Взаимная осведомленность о возмущении... создает тот род требований перемен, который становится эффективным при свершении революций»⁵⁰.

Такая взаимная осведомленность питается символами общности, наподобие марксова изречения относительно того, что все рабочие подвергаются эксплуатации. Постоянной темой нацистской идеологии, неизменно подчеркивавшейся на бесчисленных церемониях, была историческая общность и особые достоинства народа Германии. Традиции, символизирующие германское единство, оживлялись или создавались заново, прославлялась германская культура, а силы зла в германском обществе проецировались на негерманские группы — евреев, международных банкиров, коммунистов, враждебные международные силы. Руде полагает, что философия Французского Просвещения давала основу для сравнимого чувства единения разнообразных групп французского общества, поскольку «...для свершения революции оно требовалось в большей степени, чем ощущение экономической нужды и фрустрации политических и социальных амбиций. Чтобы дать солидарность неудовлетворенностей и устремлений широких социальных слоев, должно было существовать какое-то объединяющее воплощение идей, общий словарь надежд и протеста... В этом случае почва была подготовлена писателями Просвещения»⁵¹.

Сравнимый пример приводит Хобсбом, подчеркивая практическую функцию миллениарианистских верований в процессе мобилизации

сельских жителей на насилие через взаимную осведомленность. Такие верования «...помогали организовывать массы неорганизованных до того времени людей в национальном масштабе и почти одновременно... Атмосфера высокой экзальтации чрезвычайно способствовала распространению новостей. Она окутывала даже малейшие организационные достижения ауры непобедимости и предстоящего триумфа, и нет ничего более заразительного, чем успех. С помощью таких средств движение может почти одновременно мобилизовать массы на обширных пространствах»⁵².

Революционный символизм редко подвергался сравнительному анализу или связывался с развитием и результатами революционных движений. Шубс в своем пионерском исследовании проделал контент-анализ почти 2000 речей, памфлетов и других документов, выпущенных в период генезиса американского революционного движения 1760–1776 гг., а также движения Суарах в Индии в 1925–1945 гг. Были учтены три типа символов и оценено их содержание:

- символы групповой включенности, такие как «братство» и «товарищество»;
- символы «благородного членства», такие как «нация» и «Ганди», которые ассоциировались с глубоко укоренившимися культурными нормами и, следовательно, давали стороннику революционного движения чувство принадлежности к достойной группе;
- символы цели наподобие «миролюбивой ассамблеи» и «единства».

Затем были проанализированы изменения во времени их содержания и частоты употребления. Оба движения характеризовались примечательно схожими паттернами в развитии революционных призывов. Содержание символов включенности заметно и регулярно возрастало от низких до очень высоких на протяжении обоих периодов. Содержание «благородного членства» было первоначально предельно высоким, снижаясь к середине периода в обоих случаях и опять возрастая в моменты, непосредственно предшествовавшие началу массового революционного действия. Шубс предполагает, что эти паттерны, вероятно, отражают желание лидеров раскрыть этот зонт насколько возможно шире. Кроме того, частота употребления всех этих символов заметно возросла в периоды 15–20-летней революционной подготовки; число их в обоих случаях приблизительно утраивалось⁵³. Такого рода анализ выдвигает предположения о том, какие типы символов воспринимаются аудиториями. Он показывает, что оба успешных революционных движения широко использовали символы, явно избранные для того, чтобы

породить чувства солидарности и группового достоинства среди своих потенциальных сторонников, и делали это с возрастающей интенсивностью, по мере того как они продвигались к массовым акциям.

Утилитарность насилия⁵⁴

«Вообще говоря, любое насилие имеет рациональный аспект — не только для преступника, а для кого угодно»⁵⁵. В ограниченной форме данное утверждение Нибурга является собой нечто вроде аксиоматического принципа политического насилия как предположения о том, что интенсивно недовольные люди изначально предрасположены к агрессии. Ограничение этого утверждения состоит в том, что большинство участников политического насилия имеет утилитарные, равно как и агрессивные мотивы: они верят в то, что через насилие получают шанс снять какую-то часть своей неудовлетворенности. Теоретики конфликта часто предполагают, что люди в конфликтных ситуациях рациональны или, по меньшей мере, рационалистичны: они склонны избирать для своих действий такие направления, которые, как они думают, максимизируют их шансы на получение того, чего они желают. Изучаемые здесь свидетельства предполагают, что в процессе борьбы многие участники воспринимают насилие утилитарно, однако их восприятие утилитарности оказывается не вполне «рациональным» в том смысле, что оно не основывается на точных расчетах вариантов воздействия альтернативных образов действия. Взамен этого они склонны извлекать его восприятие из идеологических предположений, или из ощущения того, что насилие оказывалось успешным в других, аналогичных, ситуациях.

Утилитарные мотивы часто носят случайный и вторичный характер по отношению к «нерациональной» мотивации насильственного действия вне гнева. Отнесение утилитарных мотивов насилия к категории «рациональных», а эмоциональных — к «нерациональным» или «иррациональным» — это, конечно же, ценностное суждение, навязываемое заинтересованным наблюдателем. Если разгневанный человек оценивает эмоциональное удовлетворение, которое он получает от утоления своей ярости, выше, нежели удовлетворение от простого облегчения ситуации, вызвавшей гнев, тогда, может быть, с его точки зрения более «рациональным» будет действовать ради самого насилия как такового, нежели просто использовать насилие для облегчения своего положения. Имеются также аргументы психоаналитического характера по поводу того, что межличностные ценностные депривации, связанные со статусной дискриминацией, могли бы быть прямо смягчены с помощью

самоутверждения через насилие⁵⁶. Разгневанные люди, вероятно, в большей степени восприимчивы к оправданиям действий, которые обещают одновременное удовлетворение всех таких мотивов. Следовательно, такой анализ утилитарных взглядов на насилие не выдвигает предположений о рациональности или иррациональности насилия как такового. О людях говорят, что они обладают утилитарными мотивами к политическому насилию в той степени, до какой они верят в то, что насильственная акция улучшит их ценностные позиции в целом.

Вряд ли выгоды от политического насилия отдельными индивидами или всеми членами коллективности воспринимаются с позиций *все-или-ничего*. Люди производят более или менее точные расчеты относительно будущих выгод, соотнося их с ценой применения тактики насилия для получения этих выгод. Такого рода расчеты, вероятно, более отчетливо характерны для лидеров и более неопределенно — для их потенциальных последователей. Чем сильнее они верят в возможность потенциальных выгод, тем более оправданным, вероятно, покажется им насилие. Эта связь была формально установлена в гипотезе V.3 (глава 4).

Ценностные позиции, которые люди надеются улучшить для себя, могут представлять собой их собственность или же принадлежать нынешней или будущей коллективности, с которой они себя идентифицируют. При этом рядовые участники, вероятно, более сильно мотивированы предвосхищением личных выгод: прекращения обременительной политики правительства или смещения репрессивных чиновников, увеличения зарплаты или снижения инфляции, более дешевого хлеба или телевизора. Лидеры, вероятно, в определенной степени облачают свои утилитарные мотивы в коллективную форму и воспринимают вероятность личной жертвы в свете предвосхищения будущих приобретений организации, общины или общества в целом. Например, убийцы и террористы подвергают себя чрезвычайному риску, служа тому, что они считают коллективным интересом. Революционные лидеры часто оправдывают свои действия, обращаясь к тому, что получают будущие поколения. Это не дает оснований полагать, что революционные идеалисты не находят личной выгоды в организации и направлении насилия. Первичное недовольство, которое мотивировало их, может быть экономической нуждой или фрустрированными желаниями членства в политической элите. Вряд ли акт революционного лидерства облегчает эти депривации непосредственно, но он, вероятно, дает им экстенсивное замещающее удовлетворение: большее ощущение самоутверждения, статуса и власти в самой революционной организации, а также чувство общинности и идеационального единства в тесно сплоченной группе единомышленников.

Тактическое использование насилия

Имеют место также важные различия между утилитарными функциями, которые обычно атрибутируют политическому насилию. Одно из них — это те пределы, до которых насилие расценивается в качестве прямой тактики, направленной на улучшение ценностных позиций. Другое — это относительное различие между демонстративными средствами насилия и его реальным использованием. Откровенно прямое утилитарное использование насилия — это захват желаемой ценности, как это делают мятежники, когда они грабят магазины, или заговорщики, когда они совершают государственный переворот. Менее прямое использование насилия — это протесты, выраженные в антиправительственных беспорядках и забастовках, предназначенных для того, чтобы побудить правителей изменить нежелательную политику, а также военные стычки между диссидентами и силами режима с целью обезопасить места базирования или фатально ослабить режим. В первых типах событий угрозы насилия являются более сильнодействующими средствами, нежели его реальное применение, во вторых, требуется насилие само по себе. Первичной детерминантой направленности и пределов тактического насилия является воспринимаемый его стратегами *баланс силы* между ними и тем, кому они противостоят. Чем больше несоразмерность, тем более вероятно, что стратеги будут делать акцент на непрямом и угрожаемом использовании насилия.

Обычное не прямое использование насилия состоит в символической демонстрации требований тех, кто его применяет, и их способность разрушить общество, если оно не удовлетворит этих требований. Нибург пишет, что «рациональная» цель угрозы насилия состоит в согласовании интересов и что «рациональной целью реального насилия является демонстрация воли и способности к действию, устанавливающая меру вероятности будущих угроз». Возникновение в государстве насилия, даже если оно носит спорадический и незапланированный характер, и даже если оно не имеет политических целей, может быть использовано лидерами и расценивается правителями как свидетельство интенсивности требований перемен со стороны недовольных и как угроза будущим беспорядкам, если эти требования не будут удовлетворены⁵⁷. Этот тип тактического использования и угрозы использования политического насилия является характеристикой участников и лидеров, которые допускают возможность смягчения депривации в рамках существующей политической системы. Но если диссиденты убеждены, что их цели могут быть достигнуты только путем изменения системы, они, вероятно, могут прибегнуть к террористической тактике, чтобы заявить

о своем существовании и об этих целях и чтобы расширить народную поддержку, давая символические модели агрессии и демонстрируя неспособность режима обеспечить свою защиту и надеясь, в конечном счете, свергнуть его. Торнтон, анализируя террор как орудие мятежников, относится к этому как к «рекламной функции»: террор привлекает внимание к деятельности диссидентов, их программам и целям⁵⁸. Кропоткин, пылкий защитник терроризма, подчеркивал конверсионный эффект подобных действий: «Через террористические подвиги, которые привлекают общее внимание, новые идеи постепенно внедряются в головы людей и производят переворот. Такое действие всего за несколько дней совершает больший пропагандистский эффект, нежели тысячи памфлетов»⁵⁹.

Если люди испытывают интенсивное недовольство и основательно симпатизируют целям мятежников, символическое насилие против ненавистного режима будет, вероятно иметь тот неконверсионный эффект, который определяет Кропоткин. Но самым общим последствием террора, если он широко распространен и беспорядочен, будет дезориентация и волнение масс. Проблематичным является то, откажет ли дезориентированная и терроризированная общественность в поддержке должностным лицам; может оказаться и так, что она окажет больше поддержки режиму в надежде, что он защитит их. Если терроризм носит жесткий характер, а режим слаб, то они могут оказаться вынуждены поддержать диссидентов, но поддержка, оказанная под принуждением, вряд ли разовьется в более постоянную лояльность, если не будет подкрепляться в течение достаточно длительного периода⁶⁰. Аналогичную точку зрения на эффекты ненасильственных протестов против непопулярной правительственной политики высказывает Боулдинг. «С наибольшей степенью вероятности протест будет успешен там, где он представляет взгляды, которые фактически получили широкое распространение в обществе, но к которым по каким-то причинам не было привлечено внимание людей». Однако если широкое распространение неудовлетворенности по поводу проблемы, вокруг которой организуется протест, не имеет место или если общество расколото или амбивалентно по поводу этой проблемы, есть вероятность, что движение протеста может стимулировать движение контр-протеста, которое окажется шире первого⁶¹.

Еще одной непрямой функцией открытого насилия, которое служит революционным движениям, является его роль спускового механизма для правительственных репрессий, а они часто увеличивают поддержку инсургентов. Ниже, в главе 8, приводятся свидетельства того, что непосредственные репрессивные меры режима в ответ на политическое

насилие имеют тенденцию отчуждения тех, кто поддерживал режим, и побуждения к активному сопротивлению многих из числа пассивно недовольных. В кубинской революции важность этого фактора была очевидна не только чисто академическим наблюдателям, но и Че Геваре и Режи Дебре, чьи статьи по революционной тактике подчеркивают среди других факторов полезность для мобилизации народной поддержки ответов террористического режима на революционные действия⁶². В Венесуэле радикальные инсургенты из *Movimiento de Izquierda Revolucionaria* применяли такую тактику против режима Бетанкура в 1960 г. Гьюд атрибутирует их неудачу в привлечении народной поддержки использованию войск в городах, что минимизировало тактику открытого широкомасштабного использования полицейских сил и создавало впечатление, что обстановка полностью находится под контролем, и при решении ситуации используются легитимные средства⁶³.

Лидеры политических движений и их последователи, вероятно, весьма неодинаково воспринимают полезность, которую они атрибутируют различным способам насилия, будь то угрожаемое или реально применяемое, прямое или косвенное. Рациональное, ценностно-максимизирующее размышление о применении насилия в большей степени характерно для лидеров, нежели для последователей. До той степени, в какой лидеры думают именно таким образом и могут ручаться за то, что их последователи действуют по директивам, предназначенным для осуществления революционной стратегии, полезно анализировать революционное поведение в рамках теории игр или стратегической теории конфликта. Такие теории предполагают наличие рациональных мотивов в решениях противника, взаимозависимость от них, а также экспектации относительно поведения друг друга⁶⁴. Основной предмет спора в таком анализе состоит в том, что эта аксиоматическая база неадекватна для интерпретации действий революционных акторов. С точки зрения Рапопорта, политическое насилие несет в себе элементы как «сражения», так и «игры», причем первое преобладает в психике участников и их коллективном поведении. Даже если принять для целей анализа эти два предположения, расчеты акторов относительно эффекта их действий в корне отличны. К примеру, Янош атрибутирует огромное множество безуспешных восстаний и переворотов тому, что он описывает как «путчизм» — попыткам захвата власти лидерами, которые делают расчеты, основываясь на ошибочных предположениях. Путчизм произрастает не из простого недостатка информации и рассудка, а из неправильного понимания фундаментальных правил политики и психологии. Путчи являются продуктом рационального расчета, основанного на оши-

бочных предположениях, таких как теория «жизненной силы», метафизическая идея государства или романтическое понятие политической мобилизации.

Среди многих иллюстраций он указывает, что Луи Огюст Бланки в середине и второй половине XIX в. тринадцать раз предпринимал попытки поднять население Парижа, и всякий раз его попытки были безуспешными. В 1870 г. «парижские рабочие оставались апатичными, когда Бланки и его штурмовой отряд были арестованы после безуспешного призыва к массам и лишь три недели спустя те же самые массы спонтанно поднялись, чтобы свергнуть правительство Луи Наполеона»⁶⁵.

Аргументация Яноша, в принципе, применима к инструментальным расчетам диссидентских лидеров. Рядовые участники, вероятно, могут иметь иные убеждения, примером чему могут служить современные интервью с участниками демонстраций мира. В 1965 г. участникам Маршей мира в Британии и Дании задавался вопрос, что они думают по поводу воздействия этих демонстраций. Наибольшая доля, хотя и меньше половины, считали, что демонстрации могут оказать прямое воздействие на общественное мнение. Некоторые из датчан (11 %) и несколько больше британцев (17 %) считали, что воздействие будет оказано не самими требованиями, а самой демонстрацией силы. Около половины датских демонстрантов и четверть британских чувствовали, что демонстрации усилят само движение за мир. Кроме того, некоторые датчане и около трети британцев приняли участие в этих маршах, чтобы продемонстрировать недовольство своими правительствами, т. е. действовали скорее во имя самой неудовлетворенности, нежели будучи подвигаемыми утилитарными мотивами⁶⁶. Другими словами, участники Маршей мира имели различные, хотя и не обязательно неправдоподобные восприятия своего политического окружения и влияния своих демонстраций на это окружение. Хотя мирные демонстраторы более или менее ясно формулируют и проявляют неплохую осведомленность по поводу своих утилитарных оправданий, основывающихся на непроверенных убеждениях об эффективности своих действий. Сравнимые предположения, вероятно, лежат в основе утилитарных оправданий участников как насильственных, так и мирных протестов.

Источники утилитарных оправданий политического насилия

Гипотеза V.3 (глава 6) связывает потенциал политического насилия с переменной восприятия, а именно с восприятием ценностно-улучшающего потенциала участников этого насилия. Имеются очевидные трудности

при прямом определении того, какие из утилитарных ценностей люди прямо атрибутируют политическому насилию. Проблема состоит в том, чтобы идентифицировать те условия, которые порождают и поддерживают ощущение его полезности. Если бы можно было предположить наличие какой-то рациональности у участников политического насилия, объективный наблюдатель мог бы сделать вывод о том, что мятежники чувствуют эту полезность, исходя из «затратно-прибыльных» расчетов последствий взаимодействия мятежа с режимом. Однако упомянутое свидетельство предполагает, что ощущения полезности обычно отражают сомнительные предположения о воздействии угрожаемого или реального насилия. Более реальный и практически осуществимый подход избегает предположений о рациональности, сосредоточиваясь на доступных прямому наблюдению социальных явлениях, которые, как можно предположить, оказывают прямое влияние на утилитарные оправдания.

Один из наиболее сильнодействующих эффектов «революционных призывов» состоит в том, чтобы убедить людей в том, что политическое насилие может обеспечить приобретение для себя ценностей, соответствующих цене риска и вины или даже превосходящих их. Революционные призывы, как правило, обеспечивают оправдание для новых или интенсифицированных ценностных экспектаций и усиливают ценностные возможности людей с помощью специфически соответствующих типов действий, которые и дают возможность удовлетворения этих ценностных экспектаций. Долгосрочные цели революционных движений нередко формулируются в таком утопическом выражении: «Новый социальный порядок зримый; институциональный хаос проложит дорогу гармонии и стабильности; зло будет исправлено; а результатом будет счастье человечества»⁶⁷. Такой утопизм помогает породить экстраординарные усилия, которые дают возможность свергнуть укрепленные режимы. Те, кто встал на революционную точку зрения, верят в то, что нет такого свершения, которое было бы им не по плечу, в то, что совершенствование человечества может быть достигнуто в рамках их движения сегодня и во всем мире завтра. «Люди, которые безудержно бросаются в вихрь обширных перемен, должны испытывать интенсивное недовольство и все же не быть совсем без средств, и они... также должны иметь весьма экстравагантное представление о перспективах и возможностях будущего»⁶⁸.

Не существует родовой связи между предписаниями революционных утопий, с одной стороны, и рационализацией насилия — с другой. Однако революционные призывы часто — и почти с необходимостью, когда основана революционная организация, — включают в себя предписания относительно тактики и практической деятельности. Типы предписываемых

действий — ценностные возможности, устанавливаемые участникам для достижения революционных целей, — обычно включают использование насилия. Относительный акцент на насильственные средства может варьировать. Кон, подчеркивая параллели между средневековым трансцендентализмом и современным миллениарианством, указывает, что столь различающиеся группы как флагеллянты, анабаптисты и коммунисты твердо верили в то, что земного коллективного спасения можно достичь только через использование насильственных средств. «Социальная борьба представляется как уникально важная, отличная по своему типу от всех других видов борьбы, известных в истории, катаклизм, в результате которого мир возникнет всецело преобразенным и освобожденным»⁶⁹. «Коммунистический манифест» особо предписывает применение силы: «Коммунисты... открыто провозглашают, что их цели могут быть достигнуты только с помощью насильственного переворота всех существующих условий»⁷⁰. Общепринятая коммунистическая доктрина также делает акцент на организационной подготовке и ожидании подходящих «объективных условий» для революции. Наиболее насильственные из современных доктрин революционной борьбы, такие как левореволюционные доктрины китайских и латиноамериканских революционеров, и менее доктринальные призывы некоторых левых воинствующих и черных радикалов в Соединенных Штатах уделяют меньше внимания ненасильственной тактике, подчеркивая взамен этого необходимость длительной насильственной оппозиции как средства для создания условий, которые сделают возможными революционные преобразования. На противоположном конце спектра находятся гандианские доктрины ненасильственного сопротивления (см. выше). Однако большинство революционных призывов предписывают насилие в качестве одного из многих возможных средств. Два примера тому дает история Китая. Движение «Тай-Пин», осуществлявшее правление на большей части территории Южного Китая с 1850 по 1865 г., основывалось на идее, производной от христианства идеологии, которая предписывала социальную, экономическую и политическую перестройку жизни Китая. Однако ее доктринально предписываемая тактика делала упор на организационных факторах; насилие здесь в принципе оправдывалось как служебная функция военной экономики, а позже — обороны территории, находившейся под контролем движения⁷¹. Доктрина «культурной революции» в современном Китае отстаивает непрерывную революцию в создании нового типа человека и нового типа общества

⁷¹ Напомним, что книга была опубликована в 1970 г. — *Примеч. пер.*

в Китае, но при этом делает акцент на социальной инженерии и чистке ревизионистов, основанной в качестве средств достижения этой цели скорее на методах убеждения, чем насилия. Политические конфликты, связанные с культурной революцией, были не столько выражением тактики, предписываемой в официальных версиях, сколько реинтерпретациями доктрины Красных охранников и их оппонентов⁷².

Чем сильнее акцент революционных призывов на насильственных действиях — сравнительно с ненасильственными средствами достижения утопических целей, — тем больше полезности насильственным средствам будут атрибутировать все те, кто присоединятся к революционному движению. Поскольку обычно революционные доктрины проникают в сознание рядовых участников скорее во фрагментарной, нежели связанной и последовательной форме, и поскольку недовольные изначально предрасположены к агрессии, весьма вероятно, что предписываемые насильственные средства будут представляться для революционной аудитории более важными, нежели ненасильственная тактика. Эта связь представляется достаточно важной, чтобы изложить ее в гипотетической форме.

Гипотеза JV.7. Интенсивность утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяется с той степенью, до которой новые символические призывы предписывают политическое насилие как эффективную ценностно-благоприятствующую возможность для повышения ценностных позиций.

Понятия ценностно-благоприятствующей возможности и ценностной позиции были разработаны в главе 2. Предполагаемая связь применима только к интенсивности утилитарных оправданий, а не к их масштабу. Первичные детерминанты удельного веса коллективности, которая, вероятно, подпадет под воздействие утилитарных призывов того или иного типа, представляют собой масштаб RD (гипотеза VE.1) и характеристики коммуникационных сетей (гипотеза JV.11).

Вероятно, наиболее мощным детерминирующим фактором восприятия полезности насилия является успех людей в достижении своих целей подобными^{*} средствами в прошлом. Психологические и сравнительные свидетельства, приведенные выше, предполагают, что люди, предъявляющие свои требования через агрессию, вероятно, будут использовать ее как тактику и в будущем. Перемежающиеся вознаграждения за агрессию ведут к формированию весьма устойчивой привычки к ней. Если агрессия в предшествующей жизни индивида всегда увенчивалась успехом, нередко бывает достаточно нескольких неудач,

* То есть насильственными. — *Примеч. пер.*

чтобы подавить такую привычку. Но, если агрессия имела успех лишь время от времени, к ней, вероятно, будут пытаться прибегнуть повторно — в надежде, что когда-нибудь этот метод окажется успешным. Сравнительно с этим, если люди видят, что коллективное насилие их предшественников было удачным, они будут предрасположены к тому, чтобы использовать его в схожих обстоятельствах⁷³. «Революционеры приходят к власти, разрушители машин замедляют темпы внедрения трудосберегающей техники, мятежники добиваются смещения государственных чиновников, — пишет Тилли. — Локальные хлебные бунты, столь широко распространенные в Западной Европе, начиная с XVII и вплоть до конца XIX в., часто приводили к временному снижению цен, заставляя выбрасывать на рынки зерно и стимулируя местных чиновников на новые усилия в обеспечении хлебом». Смысл не в том, что насилие изначально эффективнее ненасилия. Скорее «оно часто достигает больших успехов за срок, достаточно короткий по меркам участников, что не дает возможности автоматически отмахнуться от него, считая отходом от рациональных расчетов»⁷⁴.

Одной из основ культурных традиций является, как предполагает Тилли в своем примере с хлебными бунтами, их относительный успех. Рецидивы государственных переворотов в латиноамериканских странах можно в значительной степени приписать успехам предшествующих заговорщиков в захвате власти. Между 1907 и 1966 гг. в 20 латиноамериканских странах произошло 95 успешных переворотов, половина которых концентрируется в 5 странах (Аргентина, Гаити и Перу — по 8 в каждой; Боливия — 9; Эквадор — 13)⁷⁵. Путнам предположил наличие существенных корреляций между степенью военного вмешательства в этих 20 странах в различные периоды времени, принимая в расчет не только сами перевороты, но и различия в степени влияния военных на политику. К примеру, степень вмешательства в 1951–1955 гг. коррелирует на уровне 0,71 со степенью вмешательства в 1961–1965 гг. Паттерн более слабый, но все же значимый для гораздо более длительных периодов времени: уровни вмешательства в течение десятилетия 1906–1915 гг. коррелирует на уровне 0,46 с вмешательством в 1956–1965 гг.⁷⁶

Противоположного рода иллюстрацию развития паттернов в отдельных странах демонстрирует роль военных переворотов в аргентинской и колумбийской политике. К 1930 г. Аргентина пережила более чем семидесятилетнее гражданское правление, и ее военные становились все более апатичными. Неспособность гражданских лидеров справиться с депрессией привела в 1930 г. к военному перевороту и, начиная с этого времени,

военные преуспели и в смысле политического влияния, и в смысле перераспределения бюджета. Неудача последовавшего затем гражданского режима в закреплении этих успехов привела к борьбе за власть и перевороту 1948 г., приведшего к власти Перона. Последующие его нападки на католическую церковь и угрозы со стороны его режима в адрес высших и средних классов привели к его свержению в 1955 г. военными при гражданской поддержке. Вслед за этим последовало возрастание частоты военного вмешательства. Например, восемь переворотов или их попыток с середины 1959 до середины 1963 г., имевших своей кульминацией триумф в 1966 г. растущего Колорадо или фракции военных — *горилл*, — которые были убеждены, что единственно правильным лекарством от болезней страны будет скорее бесконечное правление военных, нежели надзор гражданских политиков⁷⁷. Рассуждая более широко, военные, которые вначале вмешались вынужденно, в силу необходимости, пришли к выводу, что перевороты — это все более удовлетворяющее средство для разрешения недовольства — прежде всего, их собственного, а также тех сегментов высших и средних классов, которые их поддерживали. Все большее число аргентинцев относилось к переворотам безропотно, особенно после 1955 г., и все большее число офицеров, благодаря своим относительным успехам в управлении страной, утверждались во мнении, что их вмешательство было оправданным с утилитарной точки зрения.

Колумбия также имела продолжительную историю военного вмешательства. Гражданское правительство пережило здесь период депрессии в начале 1950-х гг., но не устояло в 1953 г. — в контексте сельской гражданской войны, и гражданские политики выглядели скорее обеспокоенными, чем контролировавшими ситуацию. Власть принял на себя генерал Рохас Пинилья; его четырехлетнее правление было названо «может быть, самой бездарной военной диктатурой в анналах современного латиноамериканского деспотизма». На протяжении этого периода насилие в сельской местности несколько ослабло, однако экономические и политические последствия его режима были настолько губительными — не только для гражданского населения, но и в равной степени для военных, — что коллеги-офицеры отправили его в ссылку и вернули власть гражданским лидерам⁷⁸. Этот военный переворот принес больше вреда, чем пользы всем его участникам — как военным, так и гражданским политикам — и породил слишком много утилитарных оправданий для будущих переворотов в Колумбии. Они, конечно, могут произойти, но, скорее, вопреки той модели, которую дали события 1953–1957 гг., а не в подтверждение ее. Конечно, не все, кто планирует перевороты, преуспевают в этом. Соотношение неудач и побед при

попытках переворотов в Латинской Америке очень высокое, хотя и неопределенное, поскольку много неудавшихся попыток проходят без освещения, и поскольку в политических целях иногда сообщается о многих фиктивных попытках. Однако ценностные приобретения успешных заговорщиков в некоторых странах достаточно велики, чтобы подвигнуть на риск многих амбициозных и фрустрированных людей.

Влияние успехов, даже если они случаются нечасто, очевидны в развитии паттерна хронических беспорядков или где бы то ни было. В перуанской политике, утверждает Пейн, политический конфликт носит характер интенсивной биполярной и продолжительной конфронтации между гражданскими инкамбентами и их гражданскими оппонентами. Однако коллективное насилие становится более интенсивным, когда повышается вероятность готовности вооруженных сил выступить против действующего президента. Поэтому оппозиционные группировки регулярно работают через организации, представляющие их интересы, в частности, через профсоюзы, чтобы добиться повышения зарплаты и других выгод, используя демонстративное насилие в целях поддержки своих требований. Для уменьшения угрозы военного вмешательства президент должен идти на внушительные уступки атакующим группам. «Президент, равно как и рабочие, применяя насилие, действует так, как он должен действовать. Для них насилие — это эффективное оружие»⁷⁹. Такой же паттерн получил развитие в Индии после получения ею независимости. По мере того как партия Конгресса ослабевала, ее руководству приходилось становиться все более отзывчивым на требования своих оппонентов, часто находивших свое выражение в антиправительственных демонстрациях и мятежах. Благодаря возрастанию успеха публичных протестов, политические агитаторы стали заменителями институциональных средств влияния и фактически приобрели тенденцию к их вытеснению. Бейли пишет, что здесь «может работать порочный круг. До той степени, в какой агитационная активность воспринимается как эффективная, она вносит свой вклад в снижение восприятия полезности формальных демократических механизмов, а это, в свою очередь, возобновляет искушение использовать агитацию». Он предполагает, что теперь протесты и угроза насилия отчасти институционализировались и в будущем будут носить более рутинный характер⁸⁰.

До той степени, в какой политическое насилие и демонстрации протеста оказываются полезными — для их лидеров, рядовых участников, или для тех и других, — коллективное действие будет, вероятно, оцениваться с утилитарных позиций. Резюмируя гипотетически, это будет выглядеть так.

Гипотеза JV.8. Интенсивность и масштаб утилитарных оправданий политического насилия сильно меняются в зависимости от той степени, до которой коллективность в прошлом повышала средний уровень своих ценностных позиций через политическое насилие.

Здесь независимая переменная — это не частота, а степень прошлого успеха, подразумеваемого на основе психологического свидетельства того, что случайный успех представляется усиливающим оправдания по меньшей мере настолько, насколько это согласуется с успехом. Масштаб, равно как и интенсивность, считают зависимыми переменными, предполагая, что чем больше доля среднего ценностного приобретения, тем больше людей в коллективности, которые получают прямую выгоду. Не выдвигается каких-либо предположений относительно особого интервала времени, в течение которого действует этот эффект. Ценностные приобретения в непосредственном прошлом, вероятно, вспоминаются более отчетливо, чем отдаленные. Но драматические успехи предшествующих поколений, вероятно, сохраняются в групповых традициях дольше, чем потери и неудачи, и к ним в течение десятилетий или даже столетий вызывают для оправдания будущих мятежей.

Относительный источник утилитарных взглядов на насилие обеспечивается демонстрационным эффектом успешного применения или угрозы насилия со стороны других групп. Выше приведено психологическое свидетельство, которое рассматривает удовлетворение других через призму агрессии, побуждая, вероятно, к соперничеству с ними. Нетрудно провести экстраполяцию к коллективному насилию. Если постоянные жители одного черного гетто видят, что члены другого занимаются грабежами или с успехом протестуют по поводу своих обид против местных чиновников, они с готовностью увидят предполагаемую успешность таких же поступков со своей стороны. В 1966 г. национальный опрос показал, что каждый третий из числа американских негров был убежден, что мятежи помогли делу американских негров и лишь каждый пятый считал, что повредили⁸¹. Успешные голодные бунты в Европе времен индустриальной революции оказывали такое же воздействие на жителей соседних городов, в постиндустриальную эпоху студенческие восстания за усиление влияния на университетские дела оказывали сравнимое воздействие в рамках национальных границ и за их пределами. Возрождение региональных сепаратистских движений в западных странах аналогичным образом связывают с успехом колониальных движений за независимость. Такую параллель вызывают в памяти, к примеру, французские сепаратисты в Квебеке, отстаивающие цели большей экономической автономии и развития, что, в принципе, аналогично целям, с большим или меньшим успехом достигнутым с приобретением независимости

африканскими и азиатскими народами. Уилсон говорит, что, «возможно, наиболее важной причиной возникновения сепаратизма в Квебеке было воздействие крушения колониализма»⁸². Эффект будет, вероятно, наибольшим, если воспринимающая группа видит существенную сравнимость между ее статусом и статусом группы, с которой она могла бы соперничать. (Смотри аналогичное определение в гипотезе VE.3 в главе 4.) Успех заговорщиков, свергающих некомпетентные режимы в государствах тропической Африки, предположительно имеет большее значение для недовольных военных и политических лидеров в других африканских государствах, нежели для черных, находящихся под колониальным правлением в Южной Африке. Источники их гнева, их средства, их противники — все иное. Представляется, что успехи мятежников в Уоттсе в 1965 г. — успешные, по крайней мере, в утверждении своей гордости — оказали большее воздействие на жителей других гетто, нежели на успехи африканцев по освобождению их от европейского правления. В свою очередь, уроки африканской независимости, кажется, оказались более убедительными, чем попытки революционных ораторов увлечь черных американцев идеей идентифицироваться с борьбой азиатских и латиноамериканских крестьян. Демонстрационный эффект успешного использования насилия другими группами, вероятно, является достаточно распространенным и важным, чтобы резюмировать его в формальной гипотезе.

Гипотеза JV.9. Интенсивность и масштаб утилитарных оправданий политического насилия в коллективности умеренно изменяется с той степенью, до которой аналогичные коллективности в любом другом месте представляются повысившими свои средние ценностные позиции через политическое насилие.

Коммуникация символов агрессии

Характеристики систем коммуникации многими косвенными способами связаны с генезисом коллективного насилия. Развитие плотных всепроникающих коммуникационных сетей ускорило жизнь во всем мире. О развитии современных коммуникационных систем говорят, что они являются «и показателем, и агентом изменения социальной системы в целом»⁸³. Демонстрация более привлекательных образов жизни и последующая интенсификация ценностных экспектаций облегчается с помощью системных коммуникационных сетей (глава 4). Восприятия ответов режима на недовольство и беспорядки постигаются через средства коммуникации (главы 5 и 8). Коммуникация между недовольными, но рассеянными индивидами может заменять физические контакты в развитии организаций, принимающих на себя осуществление

насилия. Эффективное революционное лидерство требует открытых каналов коммуникации между лидерами и их последователями (глава 9). Существует ряд других еще более сильных воздействий коммуникационных систем на распространение агрессивно-санкционирующих доктрин и информации. Ниже развиваются две гипотезы, применимые к распространению некоторых типов символов политической агрессии: они воплощаются в культурных традициях политического насилия, в новых доктринальных оправданиях политического насилия и в самих сообщениях об актах коллективного насилия, которые могут возыметь демонстрационный эффект для недовольных людей где-то в другом месте. Таким образом, гипотезы релевантны оценке интенсивности и масштаба как нормативных, так и утилитарных оправданий насилия.

Характеристиками систем коммуникации, которые наиболее прямо влияют на распространение в коллективности символов политической агрессивности, является число медиа-каналов, плотность проходящих через них информационных потоков и доля населения, охватываемых этими медиа. Чем больше число медиа, тем более вероятно, что найдутся средства артикуляции агрессивных символов. Лифтон указывает, что политический контроль над коммуникациями может быть использован для того, чтобы облегчить идеологическую конверсию, и показывает эффективность, с которой китайские коммунисты использовали контроль над коммуникациями для создания того, что он называет «реформой среды мышления»⁸⁴. Чем выше плотность символов агрессии, проходящих через эти медиа, с тем большей вероятностью люди будут внимать им и испытывать их влияние. Чем больше аудитория средств коммуникации, тем больше доля недовольных, которые, вероятно, получают такие послания. Немногие из политических элит смиряются с коммуникациями убеждений, прямо враждебных им, хотя они могут поощрять агрессию против других. Некоторые элиты, в особенности в коммунистических системах, обладают достаточным контролем над средствами новостей, чтобы не допускать сообщений об основных вспышках политического насилия, молчаливо признавая их провоцирующую силу для возбуждения насилия в любых других местах. Другая тактика состоит в том, чтобы сообщать о таких событиях, но приписывать их «нежелательным другим»: реакционерам, хулиганам, коммунистам, евреям, бандитам. Если выразители революционного символизма потерпят неудачу в получении доступа к соответствующим медиа или обнаружат, что они закрыты цензурой, они могут основать новые медиа в виде газет и журналов. Если и их закроют, они могут прибегнуть к подпольным или зарубежным средствам коммуникации, прямой

агитации или к распространению слухов. Экспериментальные исследования показывают, что недовольные люди склонны уделять повышенное внимание агрессивным посланиям; это заставляет предположить, что даже если агрессивное содержание коммуникации невелико, она все равно может достичь своей потенциальной аудитории⁸⁵. Тем не менее подпольная коммуникация, в общем и целом, неэффективна, и ее послания будут достигать меньшего числа недовольных и с меньшей частотой. Предлагаются следующие гипотезы.

Гипотеза JV.10. Интенсивность нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяется с плотностью символов агрессии в содержании коммуникаций.

Гипотеза JV.11. До той степени, в которой плотность символов политической агрессии в содержании коммуникаций высока, масштаб утилитарных и нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется с числом и масштабом средств коммуникации.

Символы политической агрессии — это вербальные или графические представления насилия, направленного на политические цели, включая описание реально осуществляемого насилия в прошлом или настоящем, и утверждения желательности или нежелательности насилия против подобных мишеней. Предполагаемые воздействия, вероятно, более сильны для символов коллективного политического насилия и для символов, изображающих политическое насилие в нормативно нейтральных или позитивных тонах, нежели в негативных. Однако недовольным не обязательно нужно принимать те нормы, которые разделяет коммуникатор, и даже если они делают это, то сами символы агрессии могут подразумевать, что политическое насилие возможно, а для некоторых групп — применимо. Следовательно, эти отношения остаются в силе для любых политических символов, хотя для одних сильнее, чем для других. Плотность агрессивных символов — это их доля в общем объеме всех символов в содержании коммуникации. Ее можно изучать по отношению к содержанию коммуникации в целом, взвешенному в соответствии с изменениями внимания аудитории к изучаемым медиа. Масштаб средств коммуникации относится к относительным размерам аудитории.

Таким образом, средства коммуникации могут отсутствовать возникновению специфических всплесков насилия. При отсутствии других медиа в качестве агентов коммуникации могут служить странствующие пропагандисты или проповедники, как это имело место в процессе распространения анархистских настроений в Испании конца XIX и начала XX в.⁸⁶ В пред- и послереволюционном Египте и коммунисты, и Мусульманское братство рекрутировали свои кадры из числа безработных выпускников колледжей, которые «оказались способны

распространить по всему Египту оформленную сеть посланий», отстаивая экстремистские политические решения национальных проблем⁸⁷. Петрас и Цейтман показали, что политический радикализм чилийских шахтерских муниципалитетов оказывает радикализирующее воздействие на крестьянство прилегающих сельскохозяйственных районов, что находит свое выражение в довольно высоких показателях электоральной поддержки радикальной партии в сельскохозяйственных общинах, расположенных рядом с шахтерскими городками. О политизировании крестьянства под воздействием шахтеров говорят, что оно представляет собой и результат сознательного усилия, и «естественный процесс», т. е. имеют место и формальная, и информационная коммуникация радикальных идей⁸⁸. Коммуникация политических посланий более эффективна и достигает больших аудиторий, когда могут быть напечатаны и распространены брошюры или газеты или произнесены речи по радио. Диас писал о крестьянском анархизме в Андалузии 1918–1919 гг., что «Все всё время читают. Не было предела любознательности людей и их жажде познания... Предположительно от 70 до 80 % были неграмотны, но это не стало непреодолимым препятствием. Неграмотный энтузиаст покупал себе литературу и давал ее прочесть товарищу. Потом он заставлял его отметить места, которые ему понравились больше всего. Затем он обращался к другому с просьбой прочесть ему понравившуюся статью и после нескольких прочтений выучивал ее наизусть и повторял тем, кто ее еще не читал»⁸⁹.

Циркуляция нелегальных памфлетов среди потенциальных гражданских и военных оппонентов режима Перона в 1955 г. носила инструментальный характер для подрыва его легитимности и генерации поддержки или, по меньшей мере, нейтральности, требуемых для его свержения⁹⁰. Иностраные пропагандистские радиостанции могут подстрекать недовольных с тем же успехом, что и пропагандистские трактаты. Египетские радиостанции несут ответственность за подстрекательство к антиправительственным мятежам в большей части Северной Африки и Среднего Востока, например к бунтам, синхронно охватившим всю Иорданию в 1953 г. из-за ее предполагаемого присоединения к Багдадскому пакту⁹¹.

Формально каналы коммуникации также усиливают демонстрационный эффект «посредством призыва к оружию или сообщения новостей о вспышках насилия, что дает недовольным людям повод или модель для сопротивления»⁹². Обращение оратора к традициям насилия путем воскрешения в памяти прошлой коллективной акции побуждает людей к насилию. Дальке показывает, что накануне Кишиневского (Россия) еврейского погрома в 1903 и Детройтских расовых беспорядков

1943 г. действовали организованные сторонники и интенсивно возбуждали неприязнь к группам меньшинств⁹³. Лозунги, внедряемые революционными идеологиями, могут быть в значительной степени определенными в предписании насилия, чтобы их распространение давало достаточные поводы к насилию, хотя представляется невероятным, чтобы такие лозунги могли ускорить в целом новый незнакомый тип коллективной акции. Защита Сорелем всеобщей забастовки была выработана, чтобы вызвать образы насильственного конфликта с такой ясностью, которая могла бы мобилизовать на акцию призывами к стачке. Ее эффективность в качестве намека на действие тем не менее зависела от предшествующего опыта участия рабочих в забастовках как формах протеста. Невероятно, чтобы лозунги, призывающие, скажем, к линчеванию предпринимателей, могли бы иметь даже ограниченное воздействие мифа о всеобщей забастовке.

Призыв к оружию или взывание к традициям политического насилия представляются менее эффективными в качестве стимулов к насилию, нежели новости о повсеместном проявлении насилия. Демонстрационный эффект новостей о революционном насилии очевиден и в революционной «инфекции», которая распространилась из североамериканских колоний в испанскую Америку между 1776 и 1820 гг.⁹⁴; и в серии неудачных коммунистических революций после 1918 г.; и в заразительном антиколониальном национализме в Африке и Азии после 1945 г., первичные модели которого успешно проявили себя в обретении независимости Индией и Индонезией. Хобсбом приводятся европейские примеры взаимосвязи между групповыми традициями насильственного протеста и новостями о повсеместных проявлениях насилия, которая приводила к новым вспышкам. Среди хронически мятежного сицилийского крестьянства в XIX в., пишет он, «когда приходил сигнал от одного из великих и вечно бунтующих городов — Палермо, Катаньи, Мессины, — поднимались безрассудные и свирепые восстания, охватывавшие целые области, грабились городские дома, вырезались целые семьи, уничтожались коммунальные архивы и дворянские клубы. В Андалузии возникновение всеобщих крестьянских стачек в 1880-х гг. было очевидным результатом соединения традиций крестьянских восстаний с идеей новой доктрины всеобщей забастовки. Такие забастовки волнообразно возвращались, нередко ускоряемые известиями о повсеместных восстаниях: например, в 1920 г. они происходили в ответ на запоздалое известие о Русской революции»⁹⁵.

Воздействие различных видов коммуникационных медиа становится ясным из сравнения одновременности вспышек в различных эпохах

и культурах. Мерриман предполагает, что улучшение коммуникационных возможностей отчасти несет ответственность за ускорение, с которым последовали одна за другой 50 европейских революций и восстаний в сравнении с асинхронностью революций середины XVII в.⁹⁶ Главным медиумом, распространявшим народные восстания 1848 г., были газеты; их первичной аудиторией были недовольные интеллектуалы, буржуазия и те немногие городские рабочие, которые были грамотны. Среди неграмотных сельских жителей новости распространялись медленнее. Руде графически изображает временной лаг в географической экспансии от места первичной вспышки таких возмущений, как английские голодные мятежи 1766 г., французские хлебные бунты 1775 г. и Луддитские машино-разрушительные восстания 1811–1812 гг. Мятежи распространялись в окружающие области не быстрее скорости пешехода или всадника⁹⁷.

В конце XIX в. демонстрационные эффекты смуты проявлялись почти немедленно во всех народных восстаниях, проникая сквозь национальные границы. Один из примеров дает изучение влияния антиеврейских акций в Соединенных Штатах. Анализ распределения по времени «эпидемии свастики» в 1959–1960 гг. показывает, что они достигли пика за три недели и продолжались на сниженном уровне в течение еще пяти недель. Первоначальная вспышка носила антиеврейский характер, но большинство инцидентов на уровне пика носили нееврейскую направленность. Демонстрационный эффект, вызванный массмедиа, был очевидно оперативным, поскольку преступники распределялись по всей стране и предположительно не имели прямой коммуникации друг с другом; более того, преобладание нееврейских целей в период пика эпидемии указывает на то, что для первых инцидентов можно предположить механизм разнообразия атрибутируемых источников. Смелзер характеризует это как «извлеченную» (в отличие от «реальной») фазу враждебных вспышек⁹⁸. В качестве второго примера можно привести общенациональный охват населения известиями о беспорядках в американских гетто, особенно через телевидение, который послужил потенциальным толчком к насильственным действиям в других гетто. Пятьсот человек, водворенных в тюрьму во время детройтских мятежей 1967 г., опрашивали об источниках их информированности о других мятежах. 35 % узнали о них через телевидение, 33 % — из газет. Наиболее значимо, что 80 % наблюдали мятежи по телевидению, и, когда их спрашивали, что они видели, большинство из тех, кто участвовал в беспорядках, упоминали такие виды действий как грабежи, поджоги и драки⁹⁹.

Представляется, что на основе такого рода открытий было бы непозволительно делать выводы о том, что запреты на освещение новостей могут исключить демонстрационный эффект. Китайская «культурная революция» 1966–1968 гг. сопровождалась общенациональными беспорядками, несмотря на плотную цензуру. Блуждающие банды Красных охранников и их рекламные кампании эффективно распространяли вести о насилии. Если интенсивно недовольные люди являются членами грамотного и мобильного общества, они узнают о насилии, совершаемом другими, если не через формальные коммуникационные средства, то с помощью иных информационных средств. Контроль за символами политической агрессии в медиа может минимизировать непосредственные демонстрационные эффекты беспорядков и, благодаря этому, повести скорее к затяжному и спорадическому, нежели почти синхронному насилию среди недовольных где-нибудь в другом месте, но вряд ли в состоянии совсем исключить их.

Резюме

Фундаментальная связь между интенсивностью и масштабом относительной депривации и потенциалом коллективного насилия (гипотеза V.1) соотносится в этой главе с теми взглядами на политику и насилие, которыми обладают люди. Каузальная связь между потенциалом коллективного насилия (неудовлетворенностью) и потенциалом насилия, направленного на политические мишени, сильная (гипотеза V.4), но не совершенная (абсолютная). Две познавательные переменные, которые действуют, когда недовольство трансформируется в коллективное политическое действие, — это степень, до которой люди убеждены, что насилие и угроза насилия против политических мишеней оправданы в нормативном смысле (гипотеза V.2) и как утилитарные средства для ценностного удовлетворения (гипотеза V.3).

Оправдания подобного типа неудовлетворенности — это психологические переменные. На их интенсивность и масштаб оказывает влияние ряд более легко наблюдаемых социетальных условий. Две независимых переменных, которые способствуют развитию и приобретению взглядов, оправдывающих насилие, являются общими характеристиками общества. Интенсивность нормативных оправданий насилия изменяется с изменением акцента в практике культурной и субкультурной социализации на исключительное воздействие карательных мер (гипотеза JV.1). Масштаб и нормативных, и утилитарных оправданий политического насилия меняется вместе с числом и масштабом

средств коммуникации и плотности символов агрессии в их содержании (гипотеза JV.11).

Три общих характеристики политической системы имеют четко выраженное воздействие на взгляды людей по поводу специфически политического насилия. Недовольство имеет тенденцию к политизации, т. е. к обвинению режима, и внесению своего вклада в нормативное и политическое оправдание до той степени, в какой правительство в прошлом эффективно откликалось на недовольство (гипотеза JV.3), и до той степени, в какой оно покровительствует одной группе в ущерб другой в удовлетворении текущих потребностей (гипотеза JV.4). Другими словами, чем больше правительство в прошлом сделало для своих сограждан и чем больше оно делает в настоящем для других групп в сравнении с тем, что оно делает для моей группы, тем больше от него ожидают и тем более враждебными становятся люди, когда оно терпит неудачу. Этот аргумент не предполагает, что режимы могут минимизировать насилие, ограничивая сферу своей деятельности. Если деятельность уменьшится по сравнению с нынешним уровнем, политическое насилие возрастет. Если она поддерживается на текущем уровне, насилие возникнет с не меньшей вероятностью, но оно с меньшей вероятностью будет направлено против политических мишеней, во всяком случае на какой-то период. Но в современном мире есть убедительные и широко распространенные доктрины, утверждающие, что политическая система является и должна быть ответственной за решение социальных проблем. Если эти доктрины укоренятся в умах недовольных граждан, их вероятным ответом режимам, выполняющим свои функции на минимальном уровне, будет не протест и требование усиления внимания к их нуждам, а революция. Легитимность режимов — это третья характеристика, которая нормативно снижает политическое насилие. Чем более интенсивно ощущение гражданами достоинств своей общины, с тем меньшей вероятностью они будут склонны оправдывать нападки на нее (гипотеза JV.5). Они, вероятно, будут готовы примириться с ценностными жертвами в пользу своего правительства, а в случае сильного недовольства его действиями с большей вероятностью прибегнут к мирному протесту и ограниченному насилию, чтобы изменить политику и изгнать инкамбентов, нежели обратятся к революционному насилию против системы в целом.

Эти социетальные и политические свойства оказывают довольно косвенное воздействие на оправдание насилия. Более прямое влияние имеет само политическое насилие. Если насильственный конфликт стал обычным в истории коллективности, в ней, вероятно, будут развиваться

традиции, оправдывающие последующее насилие: чем больше историческая величина политической борьбы в общине, тем больше интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия в будущем (гипотеза JV.2). Этот эффект отчасти обязан своим возникновением развитию ожиданий, что политическое насилие повторится (гипотеза JV.2.1); если неудовлетворенность широко распространена и интенсивна, имеется вероятность того, что ожидания станут убеждениями и с таким же успехом будет оправдано политическое насилие (гипотеза JV.2.2). Успех борьбы за улучшение условий жизни общины в прошлом также вносит вклад в убеждения о полезности насилия как ответа на депривацию в будущем (гипотеза JV.8). Община может иметь ненасильственную традицию как таковую, но, если члены ее видят, что где-либо подобные им группы получают выгоды через политическое насилие, они, вероятно, увидят для себя утилитарные оправдания тактики насилия (гипотеза JV.9). В современном мире этот демонстрационный эффект успешного применения насилия одной группой может иметь почти синхронное распространение по миру соответствующих последствий.

Содержание новых доктрин, сформулированных недовольными, и призывов, направленных на них, также дают свидетельство интенсивности оправданий насилия. Революционные призывы, потенциально наиболее эффективные в том, чтобы дать людям нормативные оправдания политического насилия, и, следовательно, с наибольшей вероятностью воспринимаемые недовольными, — это те, которые обеспечивают объяснение источников RD, определяют цели политического насилия и подчеркивают символы групповой идентификации среди депривированных (гипотеза JV.6). Приемлемость этих призывов зависит, в конечном счете, от той степени, до какой они согласуются с непосредственными обстоятельствами недовольных. Воздействие революционных призывов на утилитарные оправдания насилия являются функцией относительной важности, которую они атрибутируют тактике политического насилия для повышения ценностных позиций людей (гипотеза JV.7). Наконец, интенсивность и нормативных, и утилитарных оправданий может быть выведена из плотности символов агрессии в содержании коммуникаций. Чем больше число изображений политического насилия в потребляемых людьми коммуникациях, с тем большей вероятностью они воспринимают такое поведение как образец поведения (гипотеза JV.10).

Эти связи не полностью детерминируют интенсивность и масштаб оправданий людьми политического насилия. Наиболее прямое средство такой детерминации — это спросить их об этом — подход редко

выполнимый, его результаты не вполне надежны и всегда подвержены изменениям с появлением новых событий и изменением доктрин. Но эти две главы должны, по меньшей мере, продемонстрировать, что, если мы хотим узнать, что думают люди о насилии в политике, нам необходимо изучать нечто большее, нежели просто «телевизионное насилие» или преобладание революционных идеологий.

Примечания

¹ Фраза из *David Apter*, «Ideology and Discontent», in *Apter, ed., Ideology and Discontent* (New York: The Free Press, 1964).

² *Leon Dion*, «Political Ideology as a Tool of Functional Analysis in Sociopolitical Dynamics», *Canadian Journal of Economic and Political Science*, XXV (February 1959), 49.

³ *Neil J. Smelser, Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press, 1963), chap. 5, quotation 82.

⁴ *Dion*, 56.

⁵ *Arne Naess*, «The Function of Ideological Convictions», in *Hadley Cantril, ed., Tensions that Cause Wars* (Urbana: University of Illinois Press, 1950), 275–276.

⁶ *Carl Leiden and Karl M. Schmitt, The Politics of Violence: Revolution in the Modern World* (Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1968), 97, 99–100.

⁷ *Samuel H. Barnes*, «Ideology and the Organizations of Conflict: on the Relationship Between Political Thought and Behavior» (Paper read at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Washington, D.C., 1965).

⁸ *Leonard Berkowitz*, «Some Experiments on Automatism and Intent in Human Aggression» (Paper read at University of California at Los Angeles, Brian Research Institute, November 1965), 6–8, quotation 6.

⁹ *George Sorel, Reflections on Violence*, trans. T. E. Hulme (New York: Peter Smith, 1915, 1941), 137.

¹⁰ См. *Franz Fanon, The Wretched of the Earth* (New York: Grove Press, 1966). Цитаты и критический обзор *Фанона* с этой точки зрения см. *A. Coser, Continuities in Study of Social Conflict* (New York: The Free Press, 1967), 214.

¹¹ *Stanley Lieberson and Arnold R. Silverman*, «The Precipitants and Underlying Conditions of Race Riots», *American Sociological Review*, XXX (December 1965), 889. Другие примеры см. в *Smelser*, 247–253.

¹² *George Rudé, The Crowd in History, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964), 245.

¹³ См. *Tarzie Vittachi, The Fall of Sukarno* (New York: Praeger, 1967).

¹⁴ Обзор и интерпретацию социально-психологических данных по межгрупповой враждебности см. в *Leonard Berkowitz, Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: McGraw-Hill, 1962), chaps. 6, 7.

¹⁵ *Gunnar Heckscher, The Study of Comparative Government and Politics* (New York: Macmillan, 1957), 16.

- ¹⁶ Eric Hoffer, *The True Believer* (New York: Harper, 1951), 129–139, quotations 139.
- ¹⁷ Michael Walzer, «Revolutionary Ideology: The Case of the Marian Exile», *American Political Science Review*, LVII (September 1963), 643–654.
- ¹⁸ George S. Pettee, *The Process of Revolution* (New York: Harper, 1938), 167.
- ¹⁹ Yans Toch, *The Social Psychology of Social Movements* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965), chap. 1, quotation 20.
- ²⁰ Berkowitz, *Aggression*, 32 ff, quotation, italics omitted.
- ²¹ Hadley Cantril, *The Psychology of Social Movements* (New York: Wiley, 1941), 63.
- ²² David C. Schwartz, «A Theory of Revolutionary Behavior», in James C. Davies, ed., *When Men Revolt and Why* (New York: The Free Press), 1970.
- ²³ См. O. J. Harvey, D. E. Hunt and H. M. Schroder, *Conceptual Systems and Personality Organizations* (New York: Wiley, 1961). Эта теория первоначально относилась к проблеме простоты/сложности обращения с информацией.
- ²⁴ Peter Sudefeld, «Attitude Manipulation in Restricted Environments: Conceptual Structure and Response to Propaganda» *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LXVIII (March 1964), 242–247. «Сенсорная депривация» — ситуация, в которой поглощение сенсорных данных минимизировано, — отличается от понятия RD.
- ²⁵ J. A. McNulty and J. A. Walters, «Emotional Arousal Conflict and Susceptibility to Social Influence», *Canadian Journal of Psychology*, XV (September 1962), 211–220.
- ²⁶ Robert Lay Lifton, *Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of «Brainwashing» in China* (New York: Norton, 1961), chap. 22, quotation 436.
- ²⁷ William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (New York: The Free Press, 1959), chap. 4; quotation from 112. Много аналогичных примеров приводит Smelser, 80–81, 86–89, 104–105.
- ²⁸ David Willner and George K. Zollachan, «Prolegomenon to a Theory of Revolution», in George K. Zollachan and Walter Hirsch, eds., *Explorations in Social Change* (Boston: Houghton-Vifflin, 1964), 140. Подобные утверждения сделаны и в Heckschner, 167, и в Louis Gottschalk, «Causes of Revolution», *American Journal of Sociology*, L (July 1944), 5–6.
- ²⁹ См., например: Franco Venturi, *Roots of Revolution: A History of the Populist and Social Movements in Nineteenth Century Russia*, trans. Isaiah Berlin (New York: Knopf, 1960).
- ³⁰ Оценка источников и воздействий идеологий протеста содержится в Jacob S. Schapiro, *Movements of Social Dissent in Modern Europe* (Princeton: Van Nostrand, 1962).
- ³¹ Toch, 13–19, 87–88. Иные теоретические положения содержатся в Willner and Zollschan, 137–138.
- ³² Norman Cohn, *The Pursuit of Millennium*, 2nd edn. (New York: Harper, 1957, 1961), 31.
- ³³ Smelser, 348–351, quotation 349.
- ³⁴ Peter C. J. Pulzer, *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria* (New York: Wiley, 1964).

³⁵ *Chalmers Johnson, Revolution and Social System* (Stratford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1964).

³⁶ *E. J. Hobsbawm, Social Bandits and Primitive Rebels* (New York: The Free Press, 1959), 64–65, 90–99.

³⁷ *Cohn*, 308 ff., quotation 308.

³⁸ О революционном миллениарианистском движении Антонио Консалжейро в северо-восточной Бразилии см. *Euclides da Cunha, Rebellion in Backlands*, trans. S. Putnam (Chicago: University of Chicago Press, 1902, 1960).

³⁹ Эмпирическое свидетельство приведено в *John Kosa and Clyde Z. Nunn*, «Race Deprivation and Attitude Toward Communism», *Phylon*, XXV (December 1964), 337–346.

⁴⁰ Примечательным и уничижительным анализом социологической природы, идей и исторической практики коллективной ненасильственной оппозиции является работа *Marsh Case, Non-Violent Coercion: A Study in Methods of Social Pressure* (New York: Century, 1923).

⁴¹ *Lyford P. Edwards, The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927), 55.

⁴² *New York Times*, June 13, 1968, 3.

⁴³ *Joel T. Rosental*, «The King's Wicked Advisers and Medieval Baronial Rebellions», *Political Science Quarterly*, LXXXII (December 1967), 599–604.

⁴⁴ *Robert B. Merriman, Six Contemporaneous Revolutions* (Oxford: Clarendon Press, 1938), 212.

⁴⁵ *Hermann Raushning, Hitler Speaks* (New York: Putnam, 1940), 234, cited in Hoffer, 90.

⁴⁶ См: *Berkowitz, Aggression*, 152–160.

⁴⁷ См. *Richard H. Walters*, «Implications of Laboratory Studies of Aggression for the Control and Regulation of Violence», *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, CCCLXIV (March 1961), 69–70.

⁴⁸ *Ralph Epstein*, «Aggression Toward Out-groups as a Function of Authoritarianism and Imitation of Aggressive Models», *Journal of Personality and Social Psychology*, III (No. 5, 1966), 574–579.

⁴⁹ *Schwartz*.

⁵⁰ *Gottschalk*, 5.

⁵¹ *George Rudé, Revolutionary Europe* (Cleveland: World, 1964), 74–75.

⁵² *Hobsbawm*, 105–106.

⁵³ *Peter Shubs*, «Symbols of Revolution» (Paper, Foreign Policy Research Institute, University of Pennsylvania, 1968). Более поздняя статья *Peter Shubs*, «Revolutionary Symbolology: Comparative Case Studies of the American and Indian Independence Movement» (Paper read at the Annual Meeting of the American Political Science Association, New York, 1969).

⁵⁴ Я весьма обязан Манкуру Ольсону-младшему за крайне настойчивые и убедительные аргументы, что утилитарные оправдания политического наси-

лия чрезвычайно важны и могут быть интегрированы в теоретическую модель, которая делает акцент на нерациональной мотивации борьбы. Однако ответственность за данную здесь трактовку лежит на мне.

⁵⁵ H. L. Nieburg, «The Threat of Violence and Social Change», *American Political Science Review*, LVI (December 1962), 867.

⁵⁶ См. Fanon.

⁵⁷ Nieburg, quotation 865.

⁵⁸ Thomas Perry Thornton, «Terror as a Weapon of Political Agitation», in Harry Eckstein, ed., *Internal War: Problems and Approaches* (New York: The Free Press, 1964), 82.

⁵⁹ Pierre Kropotkin, *Paroles d'un Revolte* (Paris: C. Marpon et F. Flamnerius, no date), 286, цит. по Thornton, 82–83.

⁶⁰ См. Thornton, *passim* и обсуждение легитимности в главе 6; а также E. V. Walter, «Violence and the Process of Terror», *American Sociological Review*, XXIX (April 1964), 248–257.

⁶¹ Kenneth E. Boulding, «Reflections of Protest», *Bulletin of the Atomic Scientists*, XXI (October 1965), 18–20, quotation 18.

⁶² Полезный обзор тактических и идеологических оправданий насилия, предлагаемых Че Геварой, Режи Дебре, а также Мао-Цзедунгом и Во-Нгуен-гья, см. в Henry Bienen, *Violence and Social Change* (Chicago: University of Chicago Press, 1969).

⁶³ См. Edward W. Gude, «Batista and Betancourt: Alternative Responses to Violence», in Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds., *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1964), 577–589.

⁶⁴ См. Thomas C. Schelling, *The Strategy of Conflict* (Cambridge: Harvard University Press, 1960, 1963), особенно chap. 1, and Anatol Rappoport, *Fights, Games and Debates* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960), part II.

⁶⁵ Andrew Janos, *The Seizure of Power: A Study of Force and Popular Consent*, Research Monograph No. 16 (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1964), quotations 40–41, 81, 84.

⁶⁶ Anders Boserup and Claus Iversch, «Demonstrations as a Source of Change: A Study of British and Danish Easter Marchers», *Journal of Peace Research*, No. 4, 1966, 333–335. Вопросы были открытыми и затем подвергались классификации. Число респондентов — 137 в Дании, 155 — в Британии. Исследование Nicos E. Deoletoglu, «Responsibility and Demonstrations: A Case Study», *Public Opinion Quarterly*, XXX (No. 2, 1966), 285–289 полагает, что релевантная проблеме информация, которой располагают участники демонстраций, также может быть низкой.

⁶⁷ Smelser, 348.

⁶⁸ Hoffer, 11. См. также Gottschalk, 5 и Rex Hopper, «The Revolutionary Process: A Frame of Reference for Study of Revolutionary Movements», *Social Forces*, XXVIII (March 1950), 274.

⁶⁹ Cohn, 308.

⁷⁰ *Karl Marx and Friedrich Engels, The Communist Manifesto*, cited in Leiden And Schmitt, 105.

⁷¹ См. *Li-Chien-ning, The Political History of China, 1840–1928* (Stanford: Stanford University Press, 1956), chap. 2. Тем не менее человеческие потери в последовавшей гражданской войне были огромны.

⁷² См. *S. H. Ahmad, «China's Cultural Revolution», International Studies* (Bombay), IX (July 1967), 13–54 и *Hans Granqvist, The Red Guard: A Report on Mao's Revolution*, trans. Erik J. Filis (New York: Praeger, 1967).

⁷³ См. *Walters*, 66–67, а также дискуссию о «Культурных традициях коллективного насилия» в главе 6.

⁷⁴ *Charles A. Tilly, «A Travers le Chaos des vivantes Cites»* (paper read to the Sixth World Congress of Sociology, Evians-les-Basins, September 1966), quotation 5.

⁷⁵ *Egil Fossum, «Factors Influencing the Occurrence of Military Coups d'Etat in Latin America», Journal of Peace and War*, No. 3, 1967, 229.

⁷⁶ *Robert D. Putnam, «Toward Explaining Military Intervention in Latin American Politics», World Politics*, XX (October 1967), 104–105.

⁷⁷ См. *James W. Rowe, «Argentina's Restless Military», in Latin American Politics: Studies of the Contemporary Scene, Robert D. Tomasek, ed.* (Garden City: Doubleday, 1966), 439–466; *Reuben de Hoyos, «Church and Army in the Argentine Revolution of 1955»* (Ph.D. dissertation, Department of Politics, New York University, 1969).

⁷⁸ *John de Martz, «Colombia: Qualified Democracy», in Martin C. Needler, ed., Political System of Latin America* (Princeton: Van Nostrand, 1964), quotation 215. Несколько менее критичную, но не слишком благожелательную интерпретацию см. в *Robert H. Dix, Colombia: the Political Dimensions of Change* (New Haven: Yale University Press, 1967), chap. 5.

⁷⁹ *James Payne, «Peru: The Politics of Structured Violence», Journal of Politics*, XXXIX (May 1965), 362–374, quotation 374.

⁸⁰ *David H. Bayley, «Public Protest and Political Protest in India»* (Paper read to the Annual Meeting of the Asian Studies Association, Philadelphia, March, 1968), quotation 11.

⁸¹ *Brink and Harris*, 264.

⁸² *Frank L. Wilson, «French-Canadian Separatism», Western Political Quarterly*, XX (March 1967), 121.

⁸³ *Daniel Lerner, «Communication Systems and Social Systems: A Statistical Exploration in History and Polity», Behavioral Science*, II (October 1957), 267. О роли средств коммуникации в модернизации на Среднем Востоке см. *Lerner, The Passing of Traditional Society* (Glencoe: The Free Press, 1958), chap. 2. Об отношении процессов коммуникации к общему политическому развитию см. *Lucian W. Pye, ed., Communications and Political Development* (Princeton: Princeton University Press, 1963). Оценка эмпирических исследований по вопросам эффектов массовых коммуникаций содержится в *Joseph T. Clapper, The Effects of Mass Communication* (New York: The Free Press, 1960).

⁸⁴ *Lifton*, особенно 420–422.

⁸⁵ См. *Berkowitz, Aggression*, chap. 9.

⁸⁶ *Hobsbawm*, 84 ff.

⁸⁷ *Lerner, The Passing of Traditional Society*, 256–257. Подробное рассмотрение деятельности братства см. в *Christina P. Harris, Nationalism and Revolution in Egypt: The Role of Muslim Brotherhood* (Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, 1964).

⁸⁸ *James Petras and Maurice Zeitlin, «Miners and Agrarian Radicalism», American Sociological Review*, XXXII (August 1967), 578–586.

⁸⁹ *Juan Diaz del Moral, Historia de las Agitaciones Campesinas Andaluzas* (Madrid: Alanza Editorial, 1929, 1967), trans. in *Hobsbawm*, 87–88.

⁹⁰ *De Hoyos*, op. cit.

⁹¹ *Lerner, The Passing of Traditional Society*, 255.

⁹² Теоретические комментарии к коммуникации инцидентов и созданию «социальных эпидемий» см. в *Schelling*, 74, 90, 146; и *Rappoport*, 47–59.

⁹³ *H. O. Dahlke, «Race and Minority Riots: A Study in the Typology of Violence», Social Forces*, XXX (May 1952), 419–425.

⁹⁴ Главные истолкователи этого тезиса, связавшего европейские и американские революции XVIII в.: *Jacques Godechot, France and the Atlantic Revolution of the Eighteenth Century 1770–1799*, trans. H. H. Rowen (New York: The Free Press, 1965) и *Robert R. Palmer, The Age of the Democratic Revolutions: A Political History of Europe and America, 1760–1780* (Princeton: Princeton University Press, 1959).

⁹⁵ *Hobsbawm*, 78–79, 96, quotation 96.

⁹⁶ *Merriman*, 209–210. Оценка числа революций 1848 г. взята из *Priscilla Robertson, Revolution of 1848: A Social History* (Princeton: Princeton University Press, 1952), vii.

⁹⁷ *Rudé, The Crowd in History*, maps on 25, 40, 82.

⁹⁸ *D. Caplovitz and C. Rodgers, «The Swastika Epidemic: A Preliminary Draft of a Report for the Anti-Defamation League», резюмировано и интерпретировано в Smelser, 257–259.*

⁹⁹ Manpower Administration, U.S. Department of Labor, *The Detroit Riot: A Profile of 500 Prisoners* (Washington, D.C.: author, March 1968), 21.

ГЛАВА 8

Коерсивный баланс

Сила наделяет силой своих собственных противников. Она сама порождает себе оппозицию. Она порождает свое собственное разрушение.

Рой Пирсон. Дилемма силы¹

Наиболее фундаментальным ответом людей на применение силы является противопоставление ей контрсилы. Сила создает угрозу и вызывает гнев людей, особенно если они убеждены, что она незаконна и несправедлива. Ощущая угрозу, они пытаются защищаться; испытывая гнев, они желают отплатить тем же. Режимы, сталкиваясь с вооруженным мятежом, обычно рассматривают компромисс как свидетельство слабости и направляют дополнительные ресурсы на вооруженные репрессии. Презумпция, оправдывающая проявление силы, состоит в том, что оно выступает как сдерживающая сила: чем больше способность режима к проявлению силы и чем более жесткие санкции он применяет к диссидентам, тем меньше насилия они творят. Такое предположение — не что иное, как саморазрушительное заблуждение. Если режим отвечает на угрозу или реальное применение силы с все большей мощностью, эффектом, вероятно, будет интенсификация сопротивления: диссиденты будут также прибегать к еще большей силе.

Есть лишь два ограничения на возрастание спирали эскалации силы и контрсилы: истощение ресурсов насилия каждой из групп или приобретение кем-то способности к геноцидной победе над своим противником. Существуют социетальные, равно как и психологические, ограничения, но они требуют наличия молчаливой связи между противниками: принятие одним ультимативной власти другого, подчинение третьейскому суду нейтральной власти, признание общего интереса, делающего сделку возможной — все это будет менее вредоносным, нежели верная перспектива истребления. В отсутствие такого рода основ

сотрудничества режимы и их противники, вероятно, будут втягиваться в насильственный конфликт до предела своих возможностей.

Приводимая ниже гипотеза очерчивает формальную связь между аргументами предыдущих глав и аргументацией этой и последующих глав. Базовые каузальные связи, развиваемые далее таким образом, таковы:

- 1) интенсивность и масштаб RD детерминируют потенциал коллективного насилия (гипотеза V.1);
- 2) потенциал коллективного совместно с оправданиями политического насилия детерминируют потенциал специфически политического насилия (гипотезы V.2, 3, 4).

Потенциал коллективного насилия, в свою очередь, является сильной, но не абсолютной детерминантой величины политического насилия.

Гипотеза V.5. Величина политического насилия сильно изменяется с потенциалом политического насилия.

Величина политического насилия, обсуждавшаяся в главе 1, имеет три составляющих переменных:

- 1) степень участия в политическом насилии внутри политической единицы (масштаб);
- 2) деструктивность действия (интенсивность);
- 3) протяженность времени, в течение которого оно длится (продолжительность).

Оно может быть оценено для политической единицы любой шкалы — город, регион или страна, и для любых периодов, например месяца, года, десятилетия. Его проявление предполагает какой-то потенциал политического насилия или политического недовольства среди членов общины. Но даже если их политизированное недовольство широко распространено и интенсивно, это не является достаточным условием политического насилия. Факторы, которые, в конечном счете, детерминируют его степень и формы, являются характеристиками социальной политики и структуры, изучаемыми в этой и следующих главах: соответственные балансы коерсивного контроля и институциональной поддержки между режимом и диссидентами. Если режим осуществляет всеохватывающий и постоянный коерсивный контроль над своими гражданами и обеспечивает плотную сеть поддерживающих институтов, побуждение к политическому насилию будет, вероятно, направлено в русло ненасильственной деятельности. С другой стороны, если

диссиденты обладают большими возможностями для осуществления насилия и поддержкой сильных организаций, это будет способствовать политическому насилию².

Баланс насилия со стороны режима и диссидентов

Наиболее распространенное для теоретических работ предположение в отношении политического насилия состоит в том, что его величина обратно пропорциональна коерсивным способностям режима³. Обычно это относится к абсолютной коерсивной способности режима, однако менее распространенное и более точное предположение признает, что эффективность коерсивных сил режима и его ресурсов является функцией их размеров относительно того, чем располагают его оппоненты. Тимашев полагает, что «революция, как правило, разражается тогда, когда обе партии обладают, или им кажется, что обладают, прекрасным шансом на победу», имея в виду, что эта связь применима как к беспорядкам, так и к революции. Например, в случае мятежей, вдохновляемых диссидентскими лидерами, целью может быть не завоевание, но «удержание политического подавления в терпимых пределах». Другими словами, инициаторы убеждены, что они имеют «неплохой шанс, по меньшей мере, на частичный успех»⁴. Янош формулирует гипотезу явно с точки зрения баланса возможностей оппонентов: «Характер, интенсивность и продолжительность насилия являются, помимо прочего, функцией относительной силы вовлеченных в него партий... По мере того как возможности противников приближаются к равновесию, интенсивность и продолжительность конфликта возрастают, приобретая все более и более традиционный характер военных действий между двумя нациями...»⁵.

Аргументация Яноша применима и к величине, и к форме политического насилия. Первая связь формулируется здесь, другие — ниже.

Гипотеза V.6. Величина политического насилия сильно и прямо изменяется с величиной отношения коерсивного контроля диссидентов к величине коерсивного контроля режима до точки равновесия, а за пределами ее — обратно.

Диссиденты обладают коерсивным контролем в той степени, в какой они могут получать последовательные уступки (не мелкие) своим требованиям с помощью использования негативных санкций или угрозы их применения. Самое непосредственное проявление таких санкций — это сама сила; в более общем виде негативная санкция — это любой ценностно-депривировующий акт, применяемый в ожидании, что он изменит чье-то поведение. «Санкция могла бы заключать в себе манипуляцию

символами (похвала или порицание), перераспределение благ и услуг, или... вознаграждение, или наказание путем лишения какой бы то ни было ценности»⁶. Следующее ниже обсуждение детерминант коерсивного контроля будет в первую очередь касаться эффектов силы, т. е. угрозы и применения насильственных санкций; в любом случае ненасильственные санкции часто опираются на насильственные.

Необходимы два уточнения базовой гипотезы. Во-первых, коерсивный контроль изменяется и по масштабу, и по степени. Режим может осуществлять коерсивный контроль над большинством своих номинальных граждан (высокий уровень масштаба), но быть способным контролировать лишь малый сегмент их деятельности (низкая степень). Таким образом, степень его коерсивного контроля может быть не больше, чем у диссидентов, чей масштаб контроля очень мал, но которые могут получить почти абсолютное согласие контролируемых ими людей практически с каждой их директивой. Во-вторых, чтобы предотвратить неправильное понимание, — понятие «коерсивный контроль диссидентов» относится к способности любой группы политически недовольных лидеров оказывать давление на кого бы то ни было — будь то революционные кадры, лидеры оппозиционных партий и тредюнионов или нелояльные своему режиму официальные лица. В конечном счете, режимы и диссидентские организации применяют силу по-разному и, следовательно, получают различные эффекты. Режимы обычно используют «внутренние» возможности, осуществляемые их силами безопасности, судебной и пенитенциарной системами, против своих собственных «избирателей». Другими словами, силы режима выполняют изначально внутреннюю политическую функцию. Диссиденты также часто используют силу, чтобы обеспечить согласие своих последователей, но ее основное использование направлено против оппонентов вне своей группы. Таким образом, главный удар режима приходится на своих собственных граждан с риском последующего их отчуждения, если это давление применяется непоследовательно или грубо. Сила диссидентов, будучи направленной в основном на прямых противников, оценивается менее амбивалентно.

Приведенная выше цитата из Яноша предполагает, что форма политического насилия, равно как и величина его, испытывает воздействие баланса коерсивного контроля. Если режим и диссиденты обладают приблизительно равной силой, внутренняя война становится более вероятной, нежели другие формы политического насилия.

Гипотеза I.1. Вероятность внутренней войны возрастает по мере того, как соотношение коерсивных контролей диссидентов и режима приближается к равенству.

Если коерсивный контроль диссидентов существенно ниже коерсивного контроля режима — как по масштабу, так и по степени, — маловероятно, чтобы диссиденты оказались способны организовать и поддержать внутреннюю войну. Если их решения главным образом утилитарны, они могут прибегнуть к утилитарному насилию — беспорядкам — в надежде оказать тем самым какое-либо влияние на политику правительства. Даже при отсутствии утилитарных мотивов и перед лицом значительно превосходящей силы интенсивно недовольные диссиденты иногда инициируют насильственные столкновения или буйно реагируют на репрессивные меры. Таким образом, беспорядки с большей вероятностью происходят тогда, когда диссиденты слабее режима. Сорokin придерживается схожей позиции. Если социальные группы, которые защищают существующий порядок, сильны, пишет он, результатом «подавленных инстинктов» — абсолютной депривации — будет «лишь серия спонтанных подавляемых бунтов. Но когда группы, отстаивающие порядок, не способны осуществить такое сдерживающее влияние, революция неизбежна»⁷. Беспорядки часто случаются и тогда, когда режим ослабевает, но при этом недостаточность или неэффективность режима наводит диссидентов на мысль, что они обладают равным или более сильным контролем. В этом случае бунты, локальные восстания и всеобщие забастовки имеют тенденцию к быстрой трансформации в революционные движения, как это было во Франции в 1789, в Мексике — в 1912 и в Венгрии — в 1956 г.; или же они создают основу для успешного государственного переворота, как в России — в 1917 и в Египте — в 1953 г. Поэтому хронические беспорядки наиболее вероятны в тех случаях, когда коерсивный баланс заметно благоприятнее для режима.

Гипотеза Т.1. Вероятность беспорядков возрастает по мере того, как отношение коерсивного контроля диссидентов к коерсивному контролю режима приближается к нулю.

Заговоры — интриги, терроризм, перевороты — также систематическим образом связаны с балансом коерсивного контроля. Если диссиденты очень слабы по сравнению с режимом, они могут решить, что в ожидании увеличения своих коерсивных способностей и народной поддержки через длительный промежуток времени или, что менее вероятно, в предвосхищении захвата власти через длительный промежуток времени, наилучшей возможностью для достижения успеха будет создание тайных организаций. Наиболее вероятно, что они прибегнут к секретным операциям, если режим предпримет в большей степени репрессивный, нежели компромиссный ответ на требования, предъявляемые по обычным каналам или через публичный протест. Негибкие,

репрессивные ответы интенсифицируют враждебность диссидентов и снижают их надежды на получение реформ иным путем, кроме как через революционные преобразования. С другой стороны, если диссиденты обладают (или думают, что обладают) высоким уровнем коерсивного контроля по сравнению с режимом, также вероятно, что они прибегнут к заговору: нет нужды организовывать внутреннюю войну, если власть можно захватить, нанеся ослабленному режиму точный удар. Это классический паттерн успешного переворота: его лидеры правильно оценивают, что инкамбенты не могут привлечь ни военной, ни народной поддержки и просят или заставляют их уйти в отставку, часто лишь с минимальным использованием силы. Таким образом, вероятность конспиративной деятельности возникает в тех случаях, когда коерсивный баланс сильно благоприятствует или режиму, или диссидентам, но не в том случае, когда коерсивный баланс приближается к равновесию.

Гипотеза С. 1. Вероятность возникновения заговора изменяется со степенью расхождения между коерсивным контролем диссидентов и коерсивным контролем режима.

Эта связь линейная: чем больше расхождение — будь то в пользу диссидентов, или в пользу режима, — тем вероятнее заговор. Связи, определяемые в четырех приведенных выше гипотезах, схематически иллюстрирует приведенная на рис. 8 кривая, представляющая величину политического насилия.

Рис. 8. Эффекты изменения отношений коерсивного контроля диссидентов к коерсивному контролю режима по величине и характерным формам политического насилия

Существуют и другие детерминанты вероятности трех форм политического насилия, включая распределение и типы RD в коллективности, исторический опыт конкретных типов политического насилия и баланс институциональной поддержки между режимом и диссидентами. Некоторые из них взаимодействуют с балансом коерсивного контроля, а некоторые независимы. Институциональные факторы идентифицируются в следующей главе, другие детерминирующие переменные — в главе 10.

Коерсивные способности режима

Многие детерминанты степени коерсивного контроля идентифицированы в литературе по политическому насилию. Главные переменные, изучаемые здесь: это доля популяции, прямо подвластная аппарату безопасности или правосудия; размеры вооруженных сил и сил безопасности и ресурсы, которыми они располагают; лояльность этих сил режиму; а также жестокость и последовательность санкций.

Масштаб контроля

Необходимым условием коерсивного контроля режима является возможность воздействия активных агентств режима, безопасности и юстиции на все население. В большинстве современных стран масштаб контроля охватывает население всецело: силы безопасности с высокой степенью вероятности знают о всех видах деятельности диссидентов, хотя смогут ли они удержать или захватить диссидентов, это зависит от средств, которые имеются в их распоряжении и от степени сопротивления диссидентов. В некоторых регионах менее развитых обществ и в некоторых уголках более развитых надзор и сдерживание могут оказаться минимальными или несущественными иногда в силу нехватки у режима ресурсов, иногда вследствие труднодоступности, иногда нерадивости исполнителей. Некоторые режимы могут усматривать небольшое преимущество для себя в осуществлении контроля, скажем, над кочевниками или племенными группами в удаленных регионах, который не обещает устранения угрозы безопасности, не обещает дополнительное поступление налогов.

Гипотеза RC. 1. Коерсивный контроль режима умеренно изменяется с долей населения, подверженного регулярному надзору и сдерживанию.

Условие, хотя и необходимое для высокого уровня коерсивного контроля, имеет лишь умеренную силу для нынешней эпохи, потому что большинство режимов имеют довольно плотную сеть агентств, осуществляющих контроль во всех более или менее плотно населенных областях.

Решающей детерминантой коерсивного контроля является *качество* коерсивной деятельности в областях, охваченных сетью контроля режима.

Сдерживание и санкции

«Может ли что-нибудь привести в большее бешенство американца, чем оказаться избитым и подвергнуться тому или иному дурному обращению со стороны властей, которым вверена монополия на использование физической силы для четко выраженной цели его защиты?»⁸. Этот риторический вопрос может задать кто угодно в любую эпоху. Информативный ответ, поддерживаемый множеством психологических, исторических и сравнительных свидетельств, состоит в том, что угрозы и применение негативных санкций сердят людей тем сильнее, чем менее оправданными считают санкции их жертвы. Налагаемые санкции являются депривациями, угроза санкций эквивалентна понятию предвосхищаемой депривации, естественным эмоциональным ответом на то и другое будет гнев.

Но сами санкции также служат сдерживающим фактором, сдерживающим насильственный отклик на гнев. Если люди предвидят жесткое и конкретное возмездие за объявленные незаконными действия, они, вероятно, будут ограничивать свой гнев в ближайшей перспективе. В отдаленной перспективе, если они считают, что их мотивы к действиям легитимны, они будут пытаться заполучить средства — товарищей, организацию, оружие, — чтобы противостоять жестокости и неизбежности санкций режима. Вывод состоит в том, что чем более жестоки и неизбежны неоправданные санкции, тем больше степень крайних проявлений политического насилия. Однако в ближайшей перспективе угрожаемые и налагаемые санкции имеют криволинейную связь с величиной политического насилия. Люди, подвергаемые умеренным санкциям, не слишком сильно раздражаются из-за них; люди, подвергаемые жестким санкциям, испытывают интенсивный гнев, но со своей стороны удерживаются от санкций в отношении режима и — на протяжении краткосрочного периода — от мести агентам, осуществляющим санкции. Однако если люди испытывают или предвидят санкции промежуточной степени жесткости, их гнев, вероятно, перевесит страх. Такие связи справедливы в отношении санкций режима, вызванных любыми видами деятельности — нарушениями дорожных правил, публичной критикой властвующего режима, запланированным сопротивлением. Режимные санкции особенно сильно воздействуют на людей, обладающих политизированным недовольством. Если эти люди находятся на донасильственной стадии, будучи уже политически неудовлетворенными, но еще недостаточно

для того, чтобы предпринять открытую акцию, то дополнительное политическое давление или усиление военного надзора с новыми репрессивными мерами могут увеличить гнев людей до той точки кипения, за которой они взбунтуются. Если коерсивные санкции, запрещающие возмездие, были достаточно жесткими, но затем смягчились, возникновение насильственного сопротивления сохраняет свою вероятность. Если люди уже бунтуют, то санкции режима средней жесткости только интенсифицируют их гнев, и вряд ли вероятно, чтобы такие санкции смогли удержать их: эффект воздействия в этом случае должен быть направлен на то, чтобы интенсифицировать подавление.

Эти закономерности порождают две особые гипотезы. Одна состоит в том, что коерсивный контроль режима изменяется криволинейно в той степени, в какой угроза применения им насильственных санкций представляется вероятной настолько, чтобы вызвать страх перед ними или в большей степени стимулировать к сопротивлению, нежели к ненасильственным санкциям, осуществляемым через рутинные судебные процессы. Степень угрозы — будь то в намерениях режима, или в восприятии населения — не поддается легкой оценке. Однако главной и более легко определяемой детерминантой той степени, в которой диссиденты чувствуют угрозу силы, являются численность и мобильность применяемых для внутреннего использования вооруженных сил и сил безопасности. Предлагаемая связь определяется в гипотезе RC.2: умеренные уровни угрозы, выражаемые в умеренных размерах вооруженных сил и сил безопасности, с большей вероятностью увеличивают раздражение, а следовательно, сопротивление диссидентов при заданном масштабе контроля режима, нежели понуждают их к уступкам.

Гипотеза RC.2. Коерсивный контроль режима криволинейно изменяется с размерами и ресурсами его вооруженных сил и сил внутренней безопасности, имея наименьшее значение, когда размеры и ресурсы находятся на среднем уровне.

Размеры сил должны быть приведены в абсолютных и относительных единицах к общей численности взрослого мужского населения общины. *Ресурсы* должны быть соотнесены с боевыми возможностями и мобильностью наилучшим образом оснащенных современных сил. Сюда, наряду с силами безопасности, включаются и военные, поскольку во всех или почти во всех странах воинские подразделения время от времени или в большинстве случаев используются для поддержания внутреннего порядка; основным источником силы выступают именно они.

Вторая гипотеза состоит в том, что коерсивный контроль режима криволинейно изменяется по мере изменения жесткости реально применяемых негативных санкций: вероятный эффект применения санкций средней

степени жесткости или средней степени угроз скорее уменьшает, чем увеличивает повиновение. Эта связь должна быть применима не только к насильственным санкциям, но и в равной степени к другим видам санкций.

Гипотеза РС.3. Коерсивный контроль режима изменяется криволинейно с жесткостью направляемых режимом санкций, являясь наиболее слабым при средних уровнях жесткости.

Наиболее *жесткие* санкции — это те, которые депривируют людей по всем наиболее отчетливым ценностям. Наивысшей ценностью для большинства людей в большинстве стран является сама жизнь, но в некоторых странах это может быть честь, идеологическая чистота или свобода (см. главу 2).

Предлагаемые связи схематически изображены на рис. 9. Гипотезы не означают, что, когда силы малы, а санкции мягкие, не случится *никакого* политического насилия. В такой ситуации политизированное недовольство, вероятно, поведет к политическому насилию на уровне, пропорциональном его интенсивности. Но использование минимальной силы непременно минимизирует эскалацию насилия, особенно в виде беспорядков. Если политизированное недовольство настолько интенсивно и распространено, что ставит под угрозу существование режима, функциональным для режима будет, вероятно, только коерсивный ответ с быстрым увеличением уровня и угроз, и санкций.

Рис. 9. Воздействие угрожаемых и налагаемых санкций на коерсивный контроль режима и общую величину политического насилия (TMPV — Total Magnitude of Political Violence¹)

¹ Общая величина политического насилия. — *Примеч. пер.*

Психологические основания. Обзор некоторых свидетельств, приводимых психологами, заставляет предположить, что негативные физические санкции в лучшем случае проблематичны по своему воздействию на уровни агрессивности. В лабораторных условиях они имеют тенденцию содействовать усилению гнева и сдерживают агрессивные ответы лишь в присутствии карательного агента. Они увеличивают вероятность того, что агрессия будет направлена на другие, менее угрожаемые объекты и со временем перемещают и увеличивают агрессивный ответ — связь, обсуждавшаяся в главе 3 и резюмированная в гипотезе ID.5.

Доллард и др. предполагают, что наказание имеет два эффекта: один проявляется в сдерживании агрессивных ответов, другой накладывается на агрессивные ответы и, следовательно, увеличивает фрустрацию и в последующем подстрекает к агрессии⁹. Басс более определенно полагает, что низкие уровни наказания, вероятно, имеют своим результатом беспокойство или отступление. Средние уровни наказания вызывают фрустрацию и усиление агрессии, устанавливая последовательность агрессия—наказание—фрустрация¹⁰. Майер в своих исследованиях поведения животных обнаружил, что в условиях жесткой фрустрации наказание увеличивает интенсивность агрессивного и другого фиксированного поведения. Подобно этому, у человеческих субъектов чем сильнее наказание, с тем большей вероятностью они будут проявлять заученные образцы такого поведения, в котором выражено сильное сопротивление переменам. Оба исследования предполагают, что, если люди регулярно подвергаются наказаниям за агрессивное поведение, и если они не располагают позитивными альтернативами, они становятся повышено и нефункционально агрессивными и чрезвычайно затрудняются давать ответы иного характера¹¹. Берковиц резюмирует другое экспериментальное свидетельство того эффекта, что «пробуждение в личности агрессивных тенденций может отсрочить время, когда она приходит к предвидению наказания или неодобрению своей агрессивности»¹². То есть если гнев достаточно силен, не принимает во внимание запреты, связанные с предвидением наказания; если гнев полностью или отчасти является результатом предшествующего опыта или угрозы наказания, то воздействия предвосхищения будущего наказания могут быть таким образом нейтрализованы. Другое исследование предполагало, что мягкое наказание может быть более эффективным для удержания людей от неагрессивных актов, нежели жесткое наказание. Некоторых детей отговаривали от игры с привлекательной игрушкой с помощью угрозы мягкого наказания, других — обещая им более жесткое наказание. Спустя несколько недель их спрашивали

о привлекательности игрушки. Те, кому угрожали жестким наказанием, настаивали на прежнем желании обладать этой игрушкой, другие — нет¹³. Какие бы интерпретации ни накладывались на эти события, они согласуются с тезисом о том, что мягкие санкции могут иметь больший сдерживающий эффект, нежели жесткие.

В ряде исследований предполагалось, что наказания лишь временно налагают запрет на агрессию и что они способствуют вытеснению ее. Например, две группы детей на протяжении четырех сеансов играли с куклами, и в одной из групп детям во время второго сеанса делали замечания. Дети, которые подвергались воздействию замечаний, во время третьего сеанса проявляли меньше агрессии, однако в четвертом были столь же агрессивны, как и контрольная группа¹⁴. В исследовании, более релевантном политическому поведению, Левин, Липпитт и Уайт подвергали сравнительному анализу поведение десятилетних мальчиков, подвергавшихся воздействию авторитарного, демократического и попустительского стилей лидерства. Агрессивность мальчиков, находившихся под воздействием авторитарного руководства, проявлялась в восемь раз чаще, чем среди тех, кто испытывал на себе воздействие демократического, но эта агрессивность была направлена в значительной степени на цели избавления, но никогда — на авторитарного лидера. В последующие дни все мальчики подвергались воздействию всех трех типов лидерства. Под воздействием авторитарного лидерства они оставались в значительной степени пассивными, не проявляли резких всплесков агрессивности, когда авторитарный присутствовал в комнате, и повышенную агрессивность в те дни, когда находились в более свободной обстановке¹⁵.

Относительно тонкие виды социального давления — такие, например, как неодобрение и высокий статус фрустраторов — также удерживают от агрессии. Коэн экспериментально продемонстрировал, что люди с низким статусом, имеющие шанс повысить его, в большей степени сдерживают агрессию, направленную против старших, нежели те, кто не предвидит своей восходящей мобильности¹⁶. Тибо и Рикен заставляли резервистов выслушивать напыщенные, неприятные приказы от людей, которые, по их мнению, различались по рангу. Когда им предоставлялась возможность вступать в обратную связь, они проявляли гораздо большую агрессивность по отношению к людям с предположительно более низким рангом¹⁷. Такого рода открытия не имеют прямого отношения к криволинейным гипотезам; они скорее предполагают, что социальные санкции могут быть столь же эффективны в сдерживании агрессии, как и физические санкции. Уолтерс приводит обширные свидетельства того, что социальные вознаграждения (позитивные санкции) за неагрессивное

поведение оказываются более эффективными, нежели наказание, при убеждении детей воздержаться от агрессивных ответов. Многие исследования воспитания детей показывают, что если родители применяют физическое наказание, то они одновременно снабжают детей и моделями агрессивного поведения и тем самым повышают их агрессивность, направленную вовне семьи. А если детей вознаграждают за кооперативные или «просоциальные» ответы в тех ситуациях, когда у них возникает фрустрация, то они становятся все менее агрессивными¹⁸.

Свидетельства отрицательной связи между силой и насилием. Обычный аргумент относительно того, если полицейские силы и армия велики по размерам и режим твердо применяет силу, то беспорядки будут минимальными, представляется несовместимым с криволинейными гипотезами. К примеру, Хорли устанавливает в качестве общего принципа, что «восстания против профессиональной армии, в полную силу оперирующей своими техническими ресурсами невозможно перманентно выигрывать. Их можно выиграть только тогда, когда ударную мощь профессиональных вооруженных сил сломит какой-то внешний фактор»¹⁹. Смельзер подчеркивает важность эффективности «учреждений социального контроля» для минимизации проявлений враждебных вспышек (беспорядков) и в пресечении «ценностно-ориентированных движений» (включая революционные движения). Эффективность может снижаться, если социальное изменение ослабляет аппарат полицейского и военного контроля, если власти становятся безвольными в использовании этих сил или если они не лояльны. Если правительство отказывается ответить на требования реформ, но последовательно ослабляет свой контроль над коерсивными силами, возникает вероятность ценностно-ориентированного революционного движения²⁰. По мнению Яноша, революционный цикл начинается с загнивания власти. Ослабление легитимно принуждающих сил стимулирует «общие беспорядки, неумеренные конкретные требования и рост утопических устремлений»²¹. Готтшалк утверждает, что непосредственной причиной революции является «слабость консервативных сил... Если те, кто желает удержать статус-кво, еще не настолько слабы, чтобы не поддержать самих себя, успех революции будет маловероятен»²².

Эти и сравнимые с ними интерпретации атрибутируют политическое насилие не ограниченной силе как таковой, а *ослабленному* коерсивному контролю, нередко сопровождающему период репрессий. Можно предположить, что эта связь линейная, потому что она базируется на изучении ряда случаев на правой стороне кривой, изображенной на рис. 9: ослабленные режимы, наиболее восприимчивые к революционным движениям,

теряют способность привести в исполнение свои угрозы применения относительно жестких санкций, смещаясь в сторону более умеренных санкций. Такие режимы подвергаются не только несдержанному гневу, вызываемому новыми паттернами санкций, но и аккумулятивной враждебности, перенесенной с предшествующей эпохи применения более жесткого репрессивного контроля. Действенными могут оказаться и два других фактора. Ослабление силы режима может привести к уменьшению масштабов его контроля, что способствует возрастанию контроля диссидентов и последующему сдвигу баланса коерсивного контроля в сторону равновесия. Слабость другого рода — это снижение лояльности режиму со стороны вооруженных сил, аналитически отчетливая связь, которая будет подвергнута изучению в следующем разделе.

С таких же позиций можно интерпретировать многие из примеров, приводимых в поддержку обобщений о коерсивном контроле режима. Непосредственные antecedенты Французской революции включали в себя неэффективные попытки правительственных реформ, капитуляцию короля перед требованиями третьего сословия в июне 1789 г. и нежелание или неспособность королевских войск подавить восстания в июле и сентябре того же года²³. Объединившиеся армия и бюрократия сумели систематично подавить русских революционеров в 1905 г.; разваливающаяся бюрократия и потерпевшая поражение армия оказались бессильны подавить февральское восстание 1917 г., а позже защитить режим Керенского, когда он неэффективно пытался продолжать одновременно и внутренние реформы, и войну. Ослабленная политическая власть и неадекватный полицейский и военный контроль предшествовали победе фашистов в Италии и нацистов в Германии. Потеря коерсивного контроля, зависящая от военного поражения, часто приводила к политическому насилию²⁴. Хантер приводит 19 случаев революционного подъема, вызванного поражением в войне²⁵. Проводя краткое сравнение военной эффективности британцев в Малайе и на Кипре, Парет и Шай отмечают, что «террор против британского правительства, не обладавшего достаточной политической силой или волей, был эффективен на Кипре; в Малайе же, будучи направлен против британского правительства, проявившего решимость и способность сопротивляться и выжидать, он потерпел неудачу»²⁶. Снижение коерсивной способности французов, британцев, бельгийцев на протяжении Второй мировой войны и после нее стало одним из основных условий, поощривших африканцев к требованию политического участия, и заставило правительства метрополий

²³ Предшествующие события. — *Примеч. пер.*

сначала пойти на уступки, а в конечном счете примириться с их независимостью. Восстанию, мятежам и расколу в Конго 1960–1962 гг. предшествовало резкое снижение почти всех аспектов коерсивного контроля: хаотический переход власти от сильного режима к слабому, вывод бельгийских войск, недовольство среди конголезских войск и их нелояльность к белым офицерам и новому режиму.

В большинстве этих случаев, как и во многих других, которые можно было бы привести, политическое насилие сопровождало переход от высокого уровня угроз и жесткости санкций к реально более слабому спорадическому контролю. Почти во всех из них имели место массовая и широко распространенная враждебность, порожденная предшествующим режимом, депривации, возникшие вследствие военных поражений, либо и то, и другое. Эффекты терроризма против британского правления на Кипре и в Малайе являют собой контраст между паттернами характеристик коерсивного контроля, отображаемых средней точкой кривой на рис. 9 и, соответственно, правой ее частью. События 1960-х гг. в Конго характеризуются резким сдвигом от максимума к минимуму силы, т. е. от правого экстремума на кривой к левому. Высвобожденное подавлявшейся враждебности нашло свое выражение в значительном уровне насилия, однако с помощью Организации Объединенных Наций и двусторонней иностранной помощи конголезский режим сумел повысить эффективность своего военного аппарата до уровня, на котором можно было применять пульсирующие санкции; экаунты²⁷ событий с 1961 по 1963 гг. указывали на то, что армия была вовлечена в обширные террористические действия против гражданского населения, однако во многих регионах оказалось невозможно обеспечить их регулярное присутствие или применение систематической силы. Восстания «второй независимости», которые начались в 1964 г., были уже более распространенными и интенсивными, нежели вспышки 1960–1961 гг., благодаря тому (во всяком случае, отчасти), что угрозы и жесткость санкций находились на более дисфункциональном, промежуточном, уровне²⁷.

Другие примеры относятся к степени адекватности полицейского контроля над беспорядками. Экстенсивные восстания в Англии на протяжении конца XVII в. отчасти атрибутировались неадекватности действий местных констеблей и проволоккам в использовании военных для

²⁷ *Accounts* — «язык, посредством которого люди находят оправдание своему поведению, подвергаясь спросу со стороны другого индивида или социальной группы» (The Penguin Dictionary of Sociology. — London: Penguin Books, 1988. — P. 1).

восстановления порядка — во всяком случае, вооруженные силы испытывали весьма сомнительную лояльность к правительству. Луддитское насилие на протяжении английского регентства протекало в значительной степени в обстановке урбанистической концентрации, но при недостатке эффективной власти. Полиция почти не действовала, добровольные ассоциации были практически неэффективны, а территориальные силы и милиция были обучены для выполнения военных, а не гражданских функций²⁸. Эти волны английских восстаний выглядят характерными для левой стороны кривой на рис. 9: они были более или менее прямым выражением недовольства населения, чему способствовали (но не интенсифицировали) низкие уровни полицейского присутствия и ответа на возмущение масс. Весьма примечательно, что хотя беспорядки в Англии до середины XIX в. носили хронический характер, им редко противостояли массивированные силы, и они никогда после 1640-х гг. не трансформировались в народные революционные движения.

Насилию может также содействовать молчаливое одобрение со стороны властей. Очевидный пример — терпимость полиции в отношении белого насилия против негров. Подобный же паттерн обнаружил Дальке в сравнительном исследовании антиеврейских мятежей в Кишиневе (Россия) в 1903 г. и антинегритянских мятежей в Детройте в 1943 г.²⁹ Эффект здесь состоит в возрастании нормативных оправданий насилия.

Свидетельства положительных и криволинейных связей между силой и насилием. Более прямо поддерживают криволинейный характер гипотез другие теоретические взгляды и эмпирические свидетельства. Экштейн, Парсонс и Пассос описывают условия, в которых возрастание уверенности в силе увеличивают потенциал или величину насилия. Никому из них не требуется теоретических предположений о фрустрирующих воздействиях угрозы или коерсивных санкций; все они согласны с наличием положительной связи на левой стороне кривой на рис. 9. Экштейн указывает, что в обществах, обладающих потенциалом политического насилия, репрессия — это «нечто большее, чем наркотик. Она подхлестывает действие тех условий, которые она стремится контролировать, и требует применения все больших доз, чтобы удержать события в равновесии... Если она не основана на очень хорошей разведке и если ее применение является слишком безжалостным и продолжительным, ее воздействия могут оказаться совершенно противоположными. Некомпетентная репрессия ведет к смеси недовольства и презрения к элите. Репрессия может также повысить уровень компетентности врагов режима в искусстве заговоров; есть тенденция, что они будут

становиться все более опытными в искусстве тайной организации и подпольной коммуникации»³⁰.

Парсонс предполагает, что некоторые типы политических систем склонны к «порочному кругу дефляции власти», ускоряемой, когда возросшие и не удовлетворяемые требования общественности ведут к необходимости использования угрожаемых или реальных санкций для удержания от выдвижения этих требований. Один из наиболее обычных ответов на такую политику — это «активная, агрессивная попытка навязать требования против того, к чему склонны лидеры коллективности»³¹. Пассос утверждает, что политическая нестабильность в Латинской Америке является следствием нежелания традиционных элит следовать политике развития, которая ставит их перед необходимостью полагаться на коерсивный аппарат, чтобы свести нападки на себя к минимуму. Это, в свою очередь, заставляет элиты достигать компромисса с военными — путем увеличения их привилегий, политического влияния и ресурсов, уменьшая тем самым ресурсы для удовлетворения нужд развития и увеличивая потенциал насилия³².

Гальтунг определенно утверждает, что применение негативных санкций в различных странах скорее увеличивает, нежели уменьшает сопротивление, которое было проиллюстрировано в кейз-стади воздействия интернациональных санкций против Родезии. Общепринятая «естественная» теория экономической войны предполагает, что должна иметь место линейная связь между жесткостью экономических санкций и снижением политической поддержки или «экономической дезинтеграцией». Она предполагает, что на самом деле ценностная депривация создает такие социальные условия, при которых возможно возникновение гораздо большего числа жертв, так что предел политической дезинтеграции будет достигнут значительно позднее. Использование санкций увеличивает, а не минимизирует сопротивление, потому что они носят антагонистический характер. Данные о первых двух годах применения санкций в Родезии свидетельствуют о том, что они привели как раз к возрастанию политической интеграции и решимости белой части населения к сопротивлению. Такой ответ становится особенно вероятным, если санкции рассматриваются как атаки на группу в целом, включая как виновных, так и невиновных. И если группа имеет низкую или отрицательную идентификацию с непосредственным агентом санкций, то члены группы будут убеждены, что их собственные цели лучше любых альтернатив, предлагаемых атакующими³³. Эти три условия — как раз и есть именно то, что содержится в большинстве конфликтов между режимами и революционными движениями.

Томпсон проанализировал воздействие репрессий со стороны режимов по отношению к повстанцам в Южном Вьетнаме и Малайе и определил ряд причин неэффективности южно-вьетнамской армии. В силу своих абсолютных размеров, она привлекала в свои ряды наиболее талантливых людей, снижая тем самым эффективность и возможности гражданского правления. Кроме того, она была изначально организована для обороны от предполагавшегося иностранного вторжения, а также для оккупации иностранной территории и управления ею. Будучи направленной против внутренних мятежников, она действовала как захватчик в собственной стране, терроризируя и отчуждая то самое население, которое она должна была защищать. Огромные размеры армии и множество полувоенных сил, которые ставили перед собой такие же задачи, внесли свой вклад в создание «ситуации, в которой преобладало скорее правление силы, нежели правление закона». Томпсон приходит к выводу о рекомендации использования в населенных районах полицейских сил и малых мобильных армий для противодействия повстанцам. Большие размеры армии порождают военный ответ диссидентов. Он рекомендует также умеренные санкции против диссидентов и высказывается против кампаний ненависти, направленной на повстанцев. Жесткие санкции и кампании разжигания ненависти, эквивалентные угрозам, поощряют войска к террору против населения в контролируемых повстанцами районах, вынуждают диссидентов скорее драться насмерть, нежели согласиться со сдачей на милость победителя, и оттолкнуть всех тех, кому будет необходимо вновь инкорпорироваться в существующее государственное устройство в случае победы правительства³⁴. На всем протяжении этого анализа подразумевались криволинейные связи: малые, хорошо подготовленные вооруженные силы и силы безопасности могли бы быть более эффективны, нежели любые другие — большие по размерам; умеренные санкции были бы более эффективны, чем жесткие.

Многие конкретные кейсы иллюстрируют положительную связь, которую отражает левая сторона кривой на рис. 9. Иностранные армии вторжения всегда встречаются с народным сопротивлением — отчасти потому, что они создают недовольство, разрушая привычно ценные паттерны правления, а отчасти — в ответ на применяемую ими тактику коерсивного контроля. Наиболее интенсивное и широко распространенное сопротивление можно наблюдать на территориях, где иностранный контроль находится на среднем уровне. Так, во время Второй мировой войны это проявилось, например, в Китае, Югославии, западной России, но не в таких странах, как Нидерланды, Франция и Дания, где иностранные войска были многочисленны и довольно последовательно использовали очень

жесткие санкции³⁵. Сравнимое действие оказывают и принудительные действия вооруженных сил и сил безопасности на собственное население. Несколько восстаний северных фронтиров^{*} происходили в XVIII–XIX вв. в Америке как оборонительный ответ на экспансию федеральных полицейских властей³⁶. Во Франции в 1789 г. решение партии Двора скорее прибегнуть к силе, нежели принять требования Генеральных Штатов, прямо привело к организации сопротивления со стороны буржуазии и квалифицированных рабочих³⁷. Почти все городские восстания в Соединенных Штатах в 1960-х гг. подхлестывались рутинными действиями полиции в гетто, и почти все восстания избирали полицию в качестве главной мишени. Более того, усиление полицейского ответа на первоначальные инциденты обычно трансформировали их в крупномасштабные беспорядки³⁸. Достаточно иллюстративными являются и несколько незападных примеров. Вторая Марунская война на Ямайке началась после того, как губернатор колонии в 1775 г. настоял на проведении карательных военных и судебных акций против марунов (бывших рабов) в городке Трелони, угрожавших насилием в ходе выражения антиправительственного протеста. Хотя маруны были уже удовлетворены обещанием принятия мер по исправлению ситуации и не предпринимали никаких враждебных действий, губернатор настоял на судебном наказании их всех, а когда большинство из них отказались сдаться, послал войска для поддержки исполнения этого решения, вызвав тем самым пятимесячную партизанскую войну³⁹. В Таиланде в середине 1960-х маломасштабное восстание в северо-западных провинциях интенсифицировалось, когда правительство усилило полицейскую и военную активность в регионе. С одной стороны, экспансия правительственного присутствия дала диссидентам больше мишеней для атак; с другой — военные и полицейские репрессалии стимулировали более сильное сопротивление диссидентов⁴⁰. Эти примеры основываются на изучении одного, в лучшем случае двух кейзов, из которых не все представляются недвусмысленно релевантными. Несколько сравнительных количественных исследований были проведены по изучению связей между различными мерами военных сил или подразумеваемой жесткостью санкций с одной стороны и уровнем политического насилия с другой. Все они показывают отчетливо криволинейный характер связей. Уолтон сконструировал рейтинговую шкалу относительной коерсивности или дозволенности политических систем, основанную на таких условиях, как степень защищенности граж-

* *Frontier* — граница продвижения поселенцев в США в XVIII–XIX вв. — *Примеч. пер.*

данских прав, степень толерантности к политической оппозиции и степень репрезентативности и отзывчивости правительства. Показатели для 84 стран были сравнены с мерами их политической стабильности в 1955–1961 гг. Почти все из числа самых стабильных стран имели высокий уровень дозволенности, большинство из самых нестабильных стран имели средний уровень коерсивности; большинство высококоерсивных оказались или среди стабильных, или неумеренно нестабильных и редко — среди высоконестабильных⁴¹. Другие исследования сопоставляют расходы на оборону или размеры вооруженных сил и сил безопасности с коллективным насилием. К примеру, Бвай вычертил диаграммы, сопоставляющие расходы на оборону в латиноамериканских странах (в процентах от валового национального продукта) с мерой аномического насилия (беспорядков) в 1958–1960 гг. В странах с высокой или низкой долей расходов на оборону наблюдалось незначительное аномическое насилие; большинство стран со средними уровнями, включая Венесуэлу, Аргентину, Кубу, Панаму, Бразилию и Эквадор, имели относительно высокие уровни аномического насилия⁴². В третьем исследовании проводилось сравнение композитной меры, размеры вооруженных сил и внутренних сил безопасности с величиной гражданской борьбы в 1961–1965 гг. Связь оказалась криволинейной. Для проверки той возможности, что на размеры коерсивных сил, а следовательно на характер связи, оказывают воздействие внешний конфликт или затяжные внутренние войны, были исключены из рассмотрения страны, вовлеченные в такие конфликты, и был заново вычерчен график связей по 69 «низкоконфликтным» странам. Криволинейность связи по-прежнему оказалась отчетливо выраженной⁴³.

Эти сравнительные исследования также ставят проблему интерпретации. Меры степени угрозы и жесткости коерсивных санкций носят непрямой характер. Имеют место также существенные неизмеряемые изменения (вариации) внутри стран, равно как и между ними, в паттерне коерсивности. Ни одно из этих исследований не принимает в расчет относительный коерсивный контроль со стороны диссидентов. Однако если поставить рядом все приведенные здесь свидетельства, включая теоретические (умозрительные) рассуждения, психологические находки, кейз-стади и широкомасштабные сравнительные исследования, что наиболее парсимоническими* и убедительными объяснениями становятся гипотезы криволинейности.

* Парсимония (*parsimony*) — принцип экономии слов (речи), подразумевающий краткость и точность выражения, без употребления лишних и посторонних рассуждений. — *Примеч. пер.*

Лояльность военных

Способность режима к осуществлению любого типа устойчивого коерсивного контроля над своими гражданами на том или ином уровне угроз или жесткости санкций зависит от лояльности его вооруженных сил безопасности. Чем больше их лояльность, тем более вероятно при прочих равных условий эффективность режима в осуществлении коерсивного контроля. Чем ниже их лояльность, тем более вероятно, что они используют свою силу против самого режима, и тем более вероятно, что диссиденты будут считать успешными свои атаки на режим.

Гипотеза РС.4. Коерсивный контроль режима сильно меняется со степенью лояльности режиму его коерсивных сил.

Предлагаемая линейность связи не содержит в себе предположения о том, что элиты знают, каково наиболее функциональное использование силы, очень часто они могут этого не знать. Однако коль скоро они обладают таким знанием, они могут применять его на практике лишь в той мере, в какой лояльны вооруженные силы и полиция. Степень лояльности варьирует как по уровню, так и по масштабу, равно как и степень согласия в коллективности вообще. Некоторые офицеры и подразделения могут быть в общем лояльны, другие нет. Все они могут быть готовы повиноваться приказам защищать режим против внешней агрессии или вооруженного восстания, но отказаться открыть огонь по безоружным соотечественникам. Максимум коерсивного контроля, вероятно, требует максимальной лояльности — как по масштабам, так и по степени.

Гипотетическая стратегия режима для максимизации контроля состоит в том, чтобы использовать также умеренные, но постоянные санкции; такой была, по существу, политика, предпринятая Нью-Йорком в ответ на расовые беспорядки в период правления администрации Линдсея. Для осуществления такой политики необходима очень высокая степень лояльности (согласия), поскольку она требует от военного и полицейского персонала высокой степени контакта с диссидентами, но минимального применения силы, несмотря на частые проявления враждебности и вербальные и физические провокации со стороны диссидентов. Менее лояльный военный или полицейский истеблишмент будет, вероятно, реагировать гневно, как это делала чикагская полиция в ответ на студенческие и антивоенные демонстрации, а именно с непосредственно применяемой силой средней жесткости, т. е. используя более или менее редкие аресты и избиения — тактика, чрезвычайно дисфункциональная для долгосрочного коерсивного контроля⁴⁴. Аналогичным образом Вульф обсуждает дисфункциональные последствия

нарушений военной дисциплины во время внутренних войн. Военная дисциплина в этот период должна быть максимизирована по двум причинам: во-первых, для того, чтобы «избежать произвольных и необязательных дополнений к уже и без того большому перечню обид и неудовлетворенностей», и, что более важно, для того, чтобы «усилить сигналы, которые правительство пытается довести до людей» о том, какие действия желательны, а какие нет. Он также осознает, что конфликт с повстанцами «неизбежно увеличивает вероятность неправильного поведения правительственных военных сил как реакции на фрустрацию», а их неправильное поведение усиливает мятеж. Правительство Магсайсая на Филиппинах учредило военное бюро жалоб, которое посылало авиарейсами следователей для расследования жалоб на жестокость военных через несколько часов после их получения. Виновным быстро назначались жесткие наказания, что не замедлило сказаться на военной дисциплине и минимизации враждебности населения⁴⁵.

Основы лояльности могут варьировать. Лояльность офицеров, не говоря уже о тех, кто не призван на военную службу, будет, вероятно, наибольшей, если она базируется на ощущении легитимности режима, а не на угрозе негативных санкций. Согласие, основанное на угрозе, могут навязать лишь другие силы; поэтому общепринятой практикой в государствах, где режим сомневается в лояльности своих офицеров, является создание нескольких противостоящих военных и полувоенных формирований, например регулярной армии, сильных военно-воздушных или военно-морских сил, милиции и одной или нескольких полиций. Нелояльности одних может быть противопоставлена сила других. Третий мотив лояльности, который представляется наиболее характерным для стран третьего мира, обеспечивается манипулированием положительными санкциями со стороны режима. Военные и полиция в латиноамериканских, африканских и азиатских странах имеют тенденцию оставаться лояльными по отношению к гражданским лидерам настолько долго, насколько это соответствует их собственным интересам. При угрозах возникновения беспорядков, социального изменения (или, наоборот, недостаточности социального изменения), снижения поступающих к ним ресурсов, статуса или влияния военных они бывают склонны к вмешательству для защиты собственных интересов, а также интересов тех групп или классов, с которыми они себя идентифицируют. Одним из обычных оправданий военного вмешательства среди этих режимов считается некомпетентность гражданских режимов и некомпетентность гражданских властей в поддержке экономического роста или обеспечения порядка⁴⁶.

Существует также сильная обратная связь между лояльностью военных гражданским режимам и вероятностью заговоров как особых, отличных от других форм политического насилия. Военные, как институт силы, могут легко выступить против гражданского режима, и если их офицеры окажутся и нелояльными, и недовольными, то государственный переворот, вероятно, может показаться им наиболее удобным средством решения своих проблем. Менее прямая связь: если диссиденты думают, что какие-то фракции военных не вполне лояльны, они могут скорее заручиться их поддержкой, чем прибегать к беспорядкам или внутренним войнам. К примеру, упоминавшееся выше кросс-национальное исследование гражданской борьбы в 1961–1965 гг. выявило, что военный и политический персонал принимал участие в 48 % тех заговоров, в которых были идентифицированы их участники, в 30 % внутренних войн и лишь в 1 % беспорядков. Кроме того, они участвовали в 53 из 58 переворотов, идентифицированных в 114 изучавшихся странах⁴⁷.

Гипотеза С.2. Вероятность заговора изменяется обратно пропорционально лояльности коерсивных сил режима.

Важность лояльности коерсивных сил для поддержания режима против революций и заговоров утверждается или предполагается большинством исследователей. В предыдущем разделе изучалось атрибутирование революции снижению лояльности. Джонсон подчеркивал «центральное положение вооруженных сил в революции», полагая, что успех или неудача революции зависит от роли «вооруженных сил».

Говоря практически, революция включает в себя вооруженное восстание, а это подразумевает столкновение с профессионально подготовленными и экипированными войсками под командованием военной элиты. И успех, и неудача вооруженного восстания — на этапе развития сплоченного профессионального революционного братства — даже само принятие решения о попытке совершить революцию основаны на уверенности (или на оценке революционерами такой уверенности) в том, что вооруженные силы поддержат революцию⁴⁸.

Лассуэлл и Каплан аналогичным образом предполагают, что элитный контроль над инструментами насилия — это фундаментальная детерминанта стабильности режима. Однако устойчивость властных позиций элиты варьирует не с реальным применением силы, а только со способностью применить ее. «Эксклюзивная надежда на насилие для поддержания правительства — это показатель скорее слабости, нежели силы», поскольку в такой ситуации «нарушение верности инструментов насилия... может обернуться коллапсом. Самая сильная армия может быть направлена с точностью до наоборот в ее поддержке режима»⁴⁹.

Если режим с самого начала полагается исключительно на силу, чтобы удерживать себя у власти, любое условие, которое ослабляет лояльность военных, будет, вероятно, ускорять революцию. Джонсон идентифицирует четыре «ускорителя дисфункции», которые оказывают влияние на вооруженные силы. Один из них — это братание с народом, которое может ослабить единство армии и склонить некоторых ее членов к принятию революционных доктрин. Такое братание в 1956 г. привело некоторые советские части к тому, чтобы сражаться на стороне венгерских революционеров. Армия может взбунтоваться по поводу таких вопросов, как недостаточное жалование, медленное продвижение по службе или произвольная отставка офицеров — все это может ослабить явную лояльность военных режиму, равно как и фракционная конкуренция в рядах вооруженных сил. Сравнимое воздействие оказывает и нерешительность элиты в осуществлении контроля над вооруженными силами: армия и полиция могут быть лояльными, но ограничиваемыми в своих действиях против диссидентов. Однако наиболее часто костяк лояльности армии разрушается под воздействием поражения в войне, которое отчуждает офицерский корпус до такой степени, что он начинает верить в то, что ответственность за поражение несет режим, и которое служит для масс сигналом, что военные слишком слабы, чтобы поддержать внутренний порядок⁵⁰. К примеру, в Германии после Первой мировой войны среди офицеров и унтер-офицеров распространилась уверенность в том, что ответственность за капитуляцию 1918 г. лежит на некомпетентных гражданских политиках, а не на уменьшении относительного перевеса на полях сражений⁵¹.

Пятая детерминанта режимного коерсивного контроля — это *последовательность*, с которой применяются санкции. Санкции должны последовательно применяться в такой степени, чтобы все, кто вовлечен в запрещенную деятельность, подвергались наказаниям пропорционально их «вине», а к тем, кто не участвует в такой деятельности, санкции применяться не должны. Это понятие аналогично «справедливости» в ее общепринятом значении.

Как сила, так и ненасильственные санкции могут применяться к бунтовщикам различными способами. Например, полиция, как правило, арестовывает одних мятежников, оставляя других на свободе. Чем меньше доля арестованных, тем более вероятно, что другие будут склонны думать, что и сами они могут участвовать и в будущих мятежах, имея неплохие шансы на безнаказанность; для них угроза санкций оказывается заниженной. Другой общий паттерн — это неразборчивый арест всех подряд: и участников, и не участвующих наблюдателей.

Или, в контексте внутренней войны, разрушение деревень, некоторые обитатели которых поддерживали диссидентов. Невинные люди, которые страдают от подобных репрессивных мер, с высокой степенью вероятности будут разгневаны этими акциями и отчуждаются от режима, использующего такие методы. Число людей, у которых неразборчивые репрессии вызывают антагонизм, оказывается больше, нежели тех, на кого они оказывают сдерживающее воздействие, как это подразумевает криволинейная гипотеза. В третьем паттерне представители силы избирательно хватают участников банд террористов или заговорщиков, или, арестовывая только лидеров или наиболее активных участников бунтующих толп, но оказываются непоследовательными в применении санкций. Одних лидеров бунтовщиков могут избить и освободить без какого-либо другого наказания, в то время как других избивают, водворяют в тюрьмы и подвергают легальным санкциям. Некоторые террористы или заговорщики могут быть расстреляны для того, чтобы удержать других, а некоторых могут освободить в качестве проявления жеста снисходительности. Основанием для такой непоследовательности могут быть статус арестованных, их относительная влияние в системе режима или просто прихоть тех, кто их задержал. Каковы бы ни были причины, тех, кто страдает от непоследовательно жестких наказаний, и тех, кто идентифицирует себя с ними или просто симпатизирует им, и тех, кому удалось избежать наказаний с минимальным ущербом, эти наказания вряд ли удержат от дальнейшего участия, а возможно, и поощрят к риску.

Типичные паттерны полицейских и военных ответов на политическое насилие во все мире комбинируют в себе все три типа непоследовательности. Весьма вероятно, что, столкнувшись с враждебностью демонстрантов или бунтовщиков, полиция схватит тех участников или сторонних наблюдателей, которые просто попадутся под руку, некоторых из них избьют и арестуют, освободив других и проигнорировав большинство из тех, кто окажется в состоянии сбежать. Это описание с определенной степенью точности применимо к ответам американской полиции на многие мятежи в гетто и антивоенные демонстрации, а также к реакции французской, испанской и итальянской полиции на студенческие демонстрации, к южноафриканскому, малайскому и венесуэльскому ответу на некоторые протесты рабочих, равно как и сотни других кейз-стади. Вооруженные силы, на которые возложен контроль за восстанием, могут расстрелять или захватить некоторых диссидентов и многих из числа их предполагаемых сторонников, стереть с лица земли подозрительные зоны в сельской местности, расстрелять на месте

нескольких захваченных пленников, отправить других в реабилитационные лагеря, позволить некоторым скрыться. Современных примеров тому — легион: Алжир, Ангола, Южный Вьетнам, Куба в период режима Батисты, Конго на протяжении войн за «вторую независимость», Гватемала, Курдские регионы в Северном Ираке, Тибет под китайским правлением. Чем более непоследовательно проведение силы в ответ на любое политическое насилие, тем больше гнев и часто — тем больше риск для тех, кто подвергся воздействию и выжил, и, следовательно, тем менее эффективен коерсивный контроль, осуществляемый режимом, проводящим такую политику.

Гипотеза РС.5. Коерсивный контроль режима сильно изменяется со степенью последовательности «постоянства», осуществляемых режимом административных санкций.

Эта связь должна поддерживаться независимо от степени угрозы или реального применения жестких коерсивных санкций. Если и угроза, и жесткость велики, но санкции налагаются последовательно и постоянно, суммарно подавляемая враждебность населения будет, вероятно, меньше, чем в случае непоследовательных санкций. Представляется менее вероятным, чтобы ослабление контроля режимами, которые используют жесткие, но постоянные санкции, вызвало гражданские беспорядки, нежели ослабление контроля, когда санкции становятся непостоянными. Примеры первого паттерна дают Югославия в 1960-х, Малайя после окончания «критического положения» в 1960-м и, возможно, Южная Корея в 1960-м г. История дает гораздо больше примеров второго паттерна; среди них революционные Франция и Россия, Мексика в 1912 г., Восточная Германия в 1953 и Венгрия в 1956 гг. Если даже угроза и жесткость санкций находятся не на самом дисфункциональном уровне, будучи последовательно применяемы, они вызовут меньше враждебности, чем при непоследовательном использовании.

Это постоянство не абсолютно и подвержено определенной культурной вариативности. В некоторых обществах, к примеру, в сельских районах Китая, среди некоторых племен Восточной Африки предполагается, что весь род девианта или мятежника или община, в которой он проживал, несут ответственность за его действия и, следовательно, могут считаться оправданными санкции против фактически невиновных. Но весьма вероятно, что спорадический правительственный терроризм в отношении населения, укрывающего мятежников, или расстрел случайно отобранных заложников рассматриваются его жертвами как несправедливые и непоследовательные действия и вызывают больше враждебности, нежели акции, направленные прямо против известных диссидентов.

В некоторых исследованиях обсуждается необходимость постоянства коерсивных мер для минимизации политического насилия. Томпсон, извлекающий «принципы противостояния восстанию» из опыта Малайи и Южного Вьетнама, делает основной акцент на необходимости для режима, которому брошен вызов, использования последовательных легальных средств: «каждый новый закон должен быть эффективным и справедливо применяемым. Нельзя считать хорошими те законы, которые невозможно провести в жизнь... или которые ложатся несправедливым бременем на отдельные группы населения». В Малайе карательные законы против китайцев были прекращены, потому что равным образом карали и виновных, и невиновных. «С другой стороны, впоследствии были введены и эффективно использовались законы, устанавливающие точный комендантский час, обязательную смертную казнь за ношение оружия, пожизненное заключение за снабжение продовольствием или другую поддержку террористов, ограничение места жительства или задержание подозреваемых в поддержке террористов и т. п. Главным в них было то, что они оценивались как эффективные населением и применялись равным образом по отношению ко всем»⁵².

Среди его рекомендаций можно отметить следующее: жесткость санкций менее важна по сравнению с их постоянством. «На самом деле люди выдержат очень жесткие меры, если они будут убеждены, что эти меры точно проводятся в жизнь и справедливо применяются ко всем, эффективны в достижении своей цели и оцениваются в таком качестве». Однако такой политике можно следовать только в регионах, находящихся в пределах досягаемости для контроля режима. Если они спорадически проводятся в отношении людей, постоянно живущих в областях, находящихся под контролем повстанцев, у людей почти не остается выбора, кроме как поддержки инсургентов в их самообороне⁵³. Подобно этому Вульф полагает, что усилия, направленные против восстания, терпят урон, если военные и полувоенные силы безответственно злоупотребляют властью. Такие злоупотребления «антипродуктивны», потому что они «или случайны, или произвольны. Следовательно, для простого народа становится невозможно сделать какой-либо вывод о связи между жестким поведением правительственных сил и поведением самих сельских жителей»⁵⁴.

Иллюстрация такого рода дают Филиппины. Начиная с 1946 г. и через все 1950-е гг. политика сменявших друг друга филиппинских правительств по отношению к сторонникам восстания Хукбалахапа колебалась

Инсургент (от лат. *insurgens*) — участник восстания, повстанец. — *Примеч. пер.*

от «бронированного кулака» Рохаса к переговорам и опять к возобновлению полицейских акций на фоне роста экономического нездоровья. Начиная с 1950 г. одновременно с началом программ социально-экономической и политической реформы был приведен в действие ряд более последовательных военных и полицейских мер. Военные акции против мятежников были жесткими, но возрастающе эффективными, а политика в отношении сдавшихся мятежников — снисходительной. В результате усиленная жесткость и постоянство санкций плюс побуждающие стимулы к согласию в значительной степени подавили движение к 1954 г.⁵⁵ Латиноамериканский пример такого рода дает Венесуэла; Гьюд полагает, что движение коммунистических повстанцев, начавшееся в 1960 г., потерпело неудачу вследствие осторожного применения правительством силы в ответ на его начальные шаги и интенсивного применения силы в ответ на наиболее серьезные террористические акты мятежников. Режим Бетанкура свел к минимуму и использование войск в городских зонах и открытое применение широкомасштабной полицейской тактики во избежание отчуждения групп, потенциально восприимчивых к влиянию правительства. В то же время он успешно наращивал политический капитал на информировании населения о неразборчивом применении террора мятежниками и иностранной поддержке их с целью понижения легитимности. Продолжалась и политика реформ, и оставались открытыми большинство нормальных каналов политического участия. Резюмируя, можно отметить следующее: «Предпринимая правильные шаги в ответ на основные действия инсургентов, правительство оказалось в состоянии поддерживать ощущение своей легитимности. Вкладом в это была попытка в значительной степени оставаться в рамках легального кода. Другая же сторона в течение длительного времени предпринимала действия, рассматриваемые как нелегитимные. Она оказалась неспособна переместить внимание с собственной нелегитимности на нелегитимность правительственных акций»⁵⁶.

Можно процитировать и другое свидетельство, наводящее на размышления. Многие из революций, следовавших за ослаблением правительственного контроля, представляются связанными или с непостоянством коерсивных мер на протяжении предшествовавших периодов, или с усилением непоследовательности в течение периодов релаксации, либо и с тем и с другим. Восстаниям в гетто, которые последовали за убийством д-ра Кинга в 1968 г., часто противопоставлялась массивная угроза — скорее со стороны национальной гвардии, нежели местной полиции, но с устойчиво минимальным применением силы.

Их продолжительность, распространенность и цена человеческих жизней были существенно более низкими, чем в восстаниях летом 1967 г., когда применялись гораздо бóльшие силы, но с гораздо меньшим постоянством. Однако не существует свидетельств о воздействии на величину политического насилия постоянства санкций — заключение, которое не только интеллектуально неудовлетворительно, но и очень тревожно, учитывая, что режимы тысячелетиями полагались на силу как на последний довод, а часто и как на главное прибежище для поддержания гражданского мира.

Замечание о моделях рационального конфликта и негативных санкциях

Предположение политиков и ученых, использующих модели рационального конфликта и теории игр, состоит в том, что угрозы и реальные санкции оцениваются и получают ответ на основе стоимости выгоды или расчета максимизации прибыли. Чем более вероятна угроза, которую «игрок» X предъявляет своему оппоненту Y, тем более вероятно для Y потенциальное повышение цены за неповиновение и отказ от сотрудничества, если он не в состоянии повысить уровень вероятности контр-угрозы. Если для Y цена контругрозы выше цены сотрудничества либо других угроз уже не ожидается, то возникает вероятность сотрудничества или соглашения. Иногда ряд сменяющих друг друга угроз и контр-угроз сопровождается реальным применением санкций — для того, чтобы продемонстрировать их правдоподобие. Вероятность этого зависит от того, как противостоящие стороны оценивают намерения и способности друг друга. Неадекватная коммуникация между партиями, неточные расчеты или непоследовательная оценка иерархии ценностей могут привести к результатам ниже оптимальных, а конечная цель обеих партий состоит в том, чтобы извлечь из ситуации максимум выгоды за минимальную цену. Если применить такого типа анализ к конфликту между режимом и диссидентами, им *ceteris parabus*⁵⁷ придется прийти к компромиссу, основанному на их относительных коерсивных способностях⁵⁷.

Если предложенные выше аргументы криволинейности правильны, то такой тип модели конфликта необходимо основательно пересмотреть. Сущность пересмотра состоит в том, что угроза и применение санкций изменяют ценностные иерархии оппонентов. Чем сильнее угроза и чем больше санкции, налагаемые одной стороной, тем бóльшую

⁵⁷ При прочих равных условиях (лат.).

ценность другая сторона атрибутирует возмездию. Этот аргумент, конечно, основывается на свидетельстве того, что для разгневанных людей агрессия носит самоудовлетворяющий характер и что угрозы и негативные санкции вызывают гнев. Представим гипотетическую ситуацию, в которой диссиденты для улучшения своих экономических и политических ценностных позиций прибегают к всеобщей забастовке. Если режим отвечает на это силой и наложением санкций на лидеров забастовки, то для диссидентов все более отчетливой ценностью становится, вероятно, возмездие. Если применение силы носит массированный характер, а санкции жесткие, то возмездие становится даже более отчетливым, нежели экономические ценности и ценности участия, ради которых была начата забастовка. В той мере, в какой проявляется такой тип ценностного сдвига, диссиденты со все возрастающей вероятностью будут использовать силу возмездия уже безотносительно к своим изначальным целям, либо отодвинув их на второй план. А для режима в таких конфликтных ситуациях первичной ценностью становится поддержание внутреннего порядка. Однако такого же типа ценностный сдвиг может произойти у его инкамбентов в ответ на применение санкций со стороны диссидентов — и в особенности у тех командиров, рядовых военных и у полицейских сил, которые принимают на себя главный удар противостояния диссидентов⁵⁸.

Здесь этот аргумент применяется к конфликту диссидентов против режима. Если существует вероятность такого развития событий внутри наций, то она может оказаться правдоподобной и для международных конфликтов. Этот аргумент, в частности, можно было бы применить к настойчивым требованиям эскалации со стороны большей части американских военных в Южном Вьетнаме, несмотря на свидетельства того, что к 1967 г. доводы власти, которые требовали интервенции, были уже недостаточными, чтобы оправдать стоимость этой интервенции. Если имеется тенденция того, что в конфликтных ситуациях желание возмездия становится все более отчетливым, самодовлеющим, тогда стратегические и тактические решения, основанные на расчетах получения выгоды, применимых только к исходным целям акторов, могут иметь серьезные и непредвиденные последствия.

Коерсивный контроль со стороны диссидентов

Главные детерминанты коерсивного контроля диссидентов по своей сути иные, нежели детерминанты контроля режима — отчасти вследствие тенденций некоторых переменных условий режима контроля

к инвариантности для диссидентов. Например, имеется широкая вариабельность лояльности режиму со стороны военных и полицейских сил, в то время как военные формирования диссидентов (когда они имеются) всегда лояльны диссидентским лидерам. Бывают исключения, особенно в период гражданских войн, когда диссиденты контролируют значительные территории и могут использовать силу для того, чтобы привлечь людей в ряды своих сторонников, но эти исключения слишком редки, чтобы рассматривать их в качестве главной причины изменений в коерсивном контроле диссидентов.

Степень угрозы и жесткости негативных санкций, осуществляемых диссидентскими лидерами в отношении своих последователей, имеет, вероятно, столь же криволинейную связь с контролем диссидентов над режимом, но они также имеют тенденцию оставаться инвариантными для диссидентов, изменяясь от одного режима к другому. Так же, как и диссидентские войска, большинство рядовых последователей диссидентских лидеров сами выбрали для себя этот путь, и к ним вряд ли необходимо применять много негативных санкций. Вероятно, они повинуются директивам не под угрозами, а вследствие возможности противостоять своим врагам, надежды на успех в смягчении депривации, удовлетворенности от принадлежности к поддерживающей группе единомышленников, объединившихся для защиты своих интересов. В рядах партизанских и террористических движений есть невольные сторонники внутренних войн, инакомыслящие и недисциплинированные. Однако когда проявляются их разногласия или недостаток дисциплины, санкции бывают определенными и жесткими; иначе они могут нанести вред. Другими словами, паттерн коерсивного контроля диссидентов над своими последователями будет, вероятно, по преимуществу мягким и незначительным для большинства из них и очень жестким по отношению к немногим; лишь в сравнительно редких случаях, обычно в контексте внутренних войн, паттерн диссидентского контроля может существенно оттолкнуть многих последователей⁵⁹.

Ниже подвергаются изучению четыре измерения диссидентского коерсивного контроля: масштаб контроля, концентрация сторонников диссидентов на недостижимых территориях и их военные ресурсы, рассматриваемые в аспекте как возможностей их собственных сил, так и той степени, в которой они могут оказать влияние на лояльность сил режима. Хотя большинство примеров и иллюстративных материалов описывают коерсивные способности и акции организованных мятежей, в общем смысле эти связи применимы ко всем диссидентам. Если, к примеру, антиправительственные забастовщики, повстанцы и сочувству-

ющие им многочисленны и сосредоточены в столице, их коерсивный контроль по отношению к режиму будет сильнее, нежели в том случае, когда их меньше и они рассеяны по нескольким городам. Если они обладают оружием, равно как и симпатиями какой-то части военных и полиции, их коерсивный контроль будет равен коерсивному контролю режима или превосходить его. Комбинации этих факторов иногда дают диссидентам возможность сбрасывать правительства или получать главные уступки, не обладая развитыми революционными организациями или даже революционными мотивами. В подтверждение можно привести несколько кейз-стади — Коста-Риканскую революцию 1948 г.; Боливийскую революцию 1952 г.; Всеобщую забастовку, свергнувшую режим Мартинеса в Эль-Сальвадоре в 1944 г.; демонстрации, изгнавшие президента Юлоу из Конго (Браззавиль) в 1963 г.; демонстрации, стачки и бунты, которые довели до завершения в 1964 г. Суданскую революцию. Неорганизованные или частично организованные диссиденты с наибольшей вероятностью приобретают коерсивный контроль, чтобы свергнуть режимы в меньших по размерам и менее развитых странах, но даже в этих странах шансы на успех не слишком велики. Если даже повстанцы и получают временно власть, режимы, вероятно, чаще всего окажутся в состоянии собрать достаточно сил, а иногда прибегнуть к иностранной поддержке, чтобы подавить мятеж. Примерами таких временных успехов могут служить революция низших классов Неаполя против испанского правления, подавленная испанскими войсками в 1647 г.; революционные подъемы рабочих в Париже и Берлине в 1848 г. — обе подавлены правительственными силами после периода некоторого замешательства; восстания венгров в 1956 г. и доминиканцев в 1965 г., подавленные с помощью иностранных войск. Как бы то ни было, вряд ли можно считать, что необходимым условием для приобретения диссидентами существенного контроля является высокий уровень организации, хотя он, может быть, нужен для его поддержания⁶⁰. Организация способствует закреплению контроля, как будет показано в следующей главе, но ее необходимо аналитически отделять от баланса коерсивного контроля.

Масштаб и экология диссидентского контроля

Диссиденты необязательно должны испытывать потребность в регулярном административном контроле над какой-то частью населения для того, чтобы поддерживать коерсивный контроль или проводить эффективные атаки на режим. Их способность к осуществлению насилия зависит от тайной или открытой организации, лояльности

последователей и сочувствующих или способности передвигаться как «рыба в воде». Тем не менее их коерсивный контроль и их институциональная поддержка будут в значительной степени облегчены, если они осуществляют административный контроль в каких-то отдельных сельских регионах или центрах проживания населения.

Гипотеза DC.1. Коерсивный контроль диссидентов умеренно изменяется с размерами доли населения, подверженной их регулярному надзору и устрашению.

Более важным, нежели масштабы контроля, является *наличие труднодоступной для режима территории* (выделено мной. — А. В.), на которой диссиденты и их сторонники могут найти себе убежище, оружие, обучать военные формирования и готовить атаки против режима. Одно из пяти общих условий успешной тактики партизанской войны, которые определял Клаузевиц, состоит в том, чтобы территория, на которой она ведется, была неупорядоченной, трудной для передвижения и труднодоступной. Томпсон указывает, что, в принципе, повстанцы не нуждаются в контроле над обширными территориями; достаточную базу для успешной внутренней войны может обеспечить контроль и над ограниченными по площади, но достаточно удаленными областями⁶¹. Наблюдения военного эксперта показывают, что суровые условия внутренних областей Греции, служивших базой для операций коммунистического восстания на протяжении 1946–1949 гг., обеспечивали почти оптимальные условия для ведения партизанской войны⁶². Список диссидентов, которые использовали для своего укрытия труднодоступные территории — джунгли, горы, болота, городские трущобы, — мог быть очень длинен: Маруны в Кокпите на северо-востоке Ямайки в XVIII в.; Майя в Юкатанском буше во время кастовой войны 1847–1855 гг.; движение ЕОКА в горах Кипра после Второй мировой войны; профессионалы *мачетизма* в горных долинах Колумбии с 1948 г. по настоящее время; в Алжире — ФНО в горах и пустыне, начиная с 1954 г.; ОАС в «кроличьих садках» городов и противники режима Бен Беллы в горах Кабилии на севере и в Аурийских горах на юге. Отдаленные горные районы традиционно были зонами автономных и ирредентистских движений. В качестве кейзов можно было бы взять Кавказские горы на протяжении всего XIX столетия и после Русской революции 1917 г.; Нага

* *Ирредентизм* (от итал. *irredento* — неосвобожденный) — политическое и общественное движение в Италии конца XIX — начала XX в. за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением. — *Примеч. пер.*

Хиллз в Восточной Индии; заселенные традиционными племенами районы Западного Пакистана; Северный Ирак; северо-восточную Эритрею; и даже Швейцарскую Юру. Вообще любая область, являющаяся сравнительно недоступной в смысле территории, может служить убежищем группам, приверженным политическому насилию, обеспечивая им базу для операций, с которой они атакуют ненавистных администраторов, и дает более или менее безопасное укрытие от возмездия.

Партизанская война — это обычное явление для слаборазвитых стран прежде всего вследствие слабости транспортных и коммуникационных сетей, а также изоляции сельских районов, что облегчает партизанские налеты. Свободный доступ к сельским жителям дает возможность вести пропаганду, обеспечивает контроль над ними и поддержку с их стороны⁶³. Относительно плотная дорожная и железнодорожная сеть в Конго дала возможность силам ООН и правительственным конголезским войскам подавить ряд региональных мятежей между 1961 и 1965 гг.; а недостаток сравнимых благоприятных условий внес свой вклад в неспособность суданской армии установить контроль над мятежом Анья-нья в Южном Судане. Изоляция в 18 000 миль американских колоний от Британии способствовала успеху революции; сравнимая географическая отдаленность оказалась малоценной для мятежей в Португальской Анголе и Мозамбике. Партизаны Кастро оказались способны удержаться в Сьерра-Маэстре против гораздо большей по размерам армии, которая потерпела неудачу в наземной и воздушной мобильности; испано-американские диссиденты на более труднодоступной территории северного Нью-Мексико в июне 1967 г. не имели такого шанса против полицейских патрульных вертолетов. Учитывая технические возможности наилучшим образом экипированных современных вооруженных сил, территория, претендующая на эффективную защиту диссидентов, должна быть гористой, без шоссе или дорог, почти непрерывно покрытой облаками. Исходя из таких критериев, партизанские войны в Западном полушарии лучше всего вести в самых южных Андах или на побережье западной Канады и в южной Аляске.

Невыполнимость последнего предположения (в этих областях нет ни диссидентов, ни источников снабжения) направляет внимание на другую и в равной степени релевантную экологическую переменную, способствующую действиям диссидентов, а именно географическую концентрацию диссидентов и их сторонников. Если все население или большинство его являются диссидентами, или, как минимум, сохраняют нейтралитет в конфликте между диссидентами и режимом, то диссиденты

свободны в своей возможности организовать. И если они уже находятся в состоянии вооруженного сопротивления, они могут получать снабжение и передвигаться с относительной свободой и анонимностью. Че Гевара, к примеру, указывал, что, хотя партизаны на труднодоступных территориях находятся в наибольшей безопасности, в таких областях они редко находят достаточно снабжения или других преимуществ. Его собственная неудача и гибель в Боливии были отчасти следствием того факта, что территория была благоприятной, однако население — недружелюбным⁶⁴. Мао неоднократно подчеркивал необходимость такой народной поддержки, утверждая, например, что «партизанская война в своей основе организуется и поддерживается массами, и она либо возникает среди этих масс, либо ее выживание и развитие становятся невозможными, если она терпит неудачу в том, чтобы заручиться их участием и сотрудничеством»⁶⁵. Этот принцип применим в общем случае, концентрируются ли диссиденты в городских трущобах, в горных лагерях или в этнически однородной сельской местности. Но определенный тип защитной территории приобретает почти решающее значение, когда диссиденты, даже будучи сосредоточенными, должны поддерживать постоянную оппозицию сильному режиму. Немецкоязычные сепаратисты в итальянском Тироле оказались в состоянии вести длительную террористическую кампанию в долинах итальянских Альп; валлонские сепаратисты на плотно заселенной равнине южной Бельгии прибегли к забастовкам и демонстрациям, но обнаружили, что применение тактики маломасштабной гражданской войны на любой период времени практически невозможно. Защищающие территории и концентрация диссидентов являются дополнительными экологическими переменными, способствующими установлению диссидентского коерсивного контроля. Ни одна из них не является необходимой для коерсивного контроля; обе до некоторой степени необходимы для поддержания партизанских и гражданских войн.

Гипотеза DC.2. Диссидентский коерсивный контроль сильно меняется с той степенью, до которой диссиденты географически концентрируются на территориях с ограниченным доступом для сил режима.

Эти экологические факторы воздействуют также на форму политического насилия, как предполагается в приведенных выше примерах. Если диссиденты являются членами географически связанной группы, это облегчает скоординированные широкомасштабные акции. Если диссидентская группа к тому же компактна, окружение толпы покрывает ее щитом анонимности, который до определенного времени оказы-

вается настолько эффективным для наращивания коерсивной способности, насколько это может обеспечить покровительствующая территория. Теоретики XIX и начала XX столетий подробно размышляли о «бессознательной» природе поведения толпы и ее «деиндивидуализированных» воздействиях как факторах, способствующих агрессивному поведению⁶⁶. Часть таких воздействий может быть приписана окружению толпы. До той степени, в какой толпа состоит из индивидов, включенных в действия по сходной мотивации, она усиливает ощущения своих членов, что их восприятия, эмоции и импульсы валидны и что они вправе выражать их. Свидетельства таких эффектов изучаются в следующей главе. До той степени, в какой эти импульсы носят агрессивный характер, они, вероятно, будут думать, что могут выиграть состязание, выражая их, поскольку не могут быть с легкостью идентифицированы агентами безопасности. Шеллинг упоминает о «невосприимчивости, которая приходит с большим объемом действий»⁶⁷. В эксперименте Фестингера и других было обнаружено, что дети выражают большую вербальную враждебность к своим родителям, когда ощущают свою анонимность в группе⁶⁸. Майерс на основе изучения антикоммунистической толпы в Трентоне, Нью-Джерси, показывает, что анонимность группового действия среди других факторов вела к такому политическому столкновению, на какое ни отдельные члены, ни лидеры поодиночке бы не решились⁶⁹.

Толпа должна сформироваться до того, как возникнут такого рода процессы, а толпы диссидентов с большей вероятностью формируются не в сельской местности, а в городах. Ольсон пишет, что «концентрация населения в городах может порой сделать агитацию дешевле, а распространение новых идей — более быстрым» и что «мятежи и революции чисто технически легче организовывать в городах»⁷⁰. Поэтому крестьянские восстания имеют меньше шансов на успех, чем городские революции, на что указывал Маркс: «Сельское население вследствие его разбросанности по большим пространствам и трудностей достижения согласия среди значительной его части, никогда не сможет предпринять успешной попытки независимого движения; они требуют инициирующего импульса со стороны более концентрированного, более просвещенного, более легкого на подъем населения городов»⁷¹.

Во Франции и Англии на протяжении индустриальной революции сельские восстания были столь же обычным явлением, как и городские,

⁶⁶ Здесь — обоснованны. — *Примеч. пер.*

но, за несколькими исключениями, они начинались не в полях или изолированных фермах, а на рыночных площадях городов и сел⁷². Города и городки имеют особую притягательную силу для недовольных людей сельского образа жизни, а городские депривации могут добавить к их недовольству что-то еще, увеличивая вероятность политического протеста городских толп. Но в городах концентрируются также полицейские и военные силы, и, если диссиденты не включают в свое число большинство городского населения и не имеют сочувствующих в силах безопасности, они обычно скоро рассеиваются. Городская обстановка способствует возникновению беспорядков, но не внутренней войны. Шесть поколений парижан оказывались не в состоянии защитить свои уличные баррикады против серьезных военных противников. Война деревни против города с наибольшей вероятностью будет иметь успех благодаря не вооруженному истреблению, а изнурению.

Гипотеза Т.2. Вероятность возникновения беспорядков варьирует со степенью концентрации диссидентов в тех областях, где сосредоточены силы режима.

Географическая концентрация диссидентов, если они занимают удобную для обороны территорию, способствует возникновению скорее гражданской войны, чем беспорядков. Классический современный кейз — китайское коммунистическое движение после 1927 г. Столкнувшись с почти роковой неудачей попытки захвата контроля над городами, Мао со своими вооруженными соучастниками в период с 1928 по 1934 г. основали автономный анклав — Китайскую Советскую Республику — в горной провинции Кьянгси. После успеха пятой чайканшистской «кампании по искоренению бандитизма» коммунисты оказались способны отступить на 6000 миль через довольно трудную территорию, избежать уничтожения и воссоздать себя в провинции Шанси на северо-востоке. Когда территория была установлена и укреплена, появилась тенденция к тому, чтобы политическое насилие приобрело характер войны между государствами. Такие базы «обеспечивают продовольствие, убежище, производство военного оборудования, базу для военного обучения; кроме того, ослабляется статус-кво режима, поскольку эта территория изымается из производственной структуры его системы»⁷³. Базовые области могут быть основаны даже в относительно современных обществах, если население в целом пропитано диссидентским духом, а коерсивные способности режима умеренные, как это имело место в случае ирландских мятежей в южной и западной Ирландии в 1920 г. Холт пишет, что в этих зонах «администрация британской юстиции фактически умерла... Даже когда произошло публичное

убийство полицейских, не объявился ни один свидетель и общую работу британских судов приняли на себя суды шинфейнеров⁷⁴. Дебре чрезвычайно практичен в оценке ресурсов диссидентов в зонах самообороны и выражает уверенность в превосходстве мобильных партизанских сил по сравнению с фиксированными базами, но его практичность основана на двух предположениях, которые могут быть справедливы для современной Латинской Америки, но не обязательно для каких-либо других регионов: в о - п е р в ы х, правительство имеет такое превосходство в силе, что не будет мириться и сокрушит контроль диссидентов, и, в о - в т о р ы х, диссиденты будут сосредоточены скорее на обороне, нежели на атаках режима⁷⁵. Доктрина Дебре выглядит наиболее применимой к партизанским операциям, в которых территория благоприятна, а население нейтрально, т. е. это обобщение изначально основано на кубинском, колумбийском и боливийском опыте. Предлагаемая здесь общая связь состоит в том, что внутренняя война наиболее вероятна, если диссиденты географически сосредоточены на защищающей территории, независимо от того, является их контроль над этой территорией постоянным или временным.

Гипотеза 1.2. Вероятность внутренней войны изменяется со степенью географической концентрации диссидентов в областях, к которым силы режима имеют ограниченный доступ.

Военные ресурсы диссидентов

Приведенные выше детерминанты диссидентского контроля более релевантны способностям к обороне, нежели к наступлению. Анонимность городских толп временно увеличивают коерсивные способности диссидентов, поскольку обеспечивают ощущение безопасности от санкций режима. Сельская изоляция изначально эффективна вследствие того, что дает защиту от возмездия; она облегчает наступательные акции, если диссиденты располагают в своих базовых областях военными силами или могут создать их. Есть два переменных источника наступательной способности диссидентов:

- размеры и ресурсы их собственных военных формирований;
- степень, до которой военные силы режима убеждены в необходимости нанести вред диссидентам.

⁷⁴ Участники ирландского националистического движения. — *Примеч. пер.*

Гипотеза DC.3. Коерсивный контроль диссидентов сильно изменяется с размерами, обученностью и ресурсами их военных формирований в сравнении с размерами, обученностью и ресурсами сил режима.

Военные формирования включают в себя всех диссидентов, которые регулярно пользуются оружием, независимо от того, являются ли они членами организованных подразделений. Немногие из диссидентов, исключая тех, которые ведут внутренние войны, имеют военные подразделения. Какое-то исключение представляют собой полувойсковые организации консервативных политических движений, наподобие антисемитской *Camelots du Roi* во Франции после 1908 г., *Stahlhelm* и подобные им группы в Германии в 1920-х гг., *Фашистская милиция* и *Минитмены* в 1960-х гг. в Соединенных Штатах. Примеры полувойсковых организаций среди диссидентов левого толка включают в себя коммунистическую рабочую милицию в Германии между двумя войнами, рабочие бригады в Испании перед гражданской войной и крестьянскую милицию в Боливии в 1950-х гг. Основание таких организаций нередко предшествует внутренней войне, но вовсе не является необходимым условием возникновения ее или установления коерсивного контроля диссидентов. Например, широкое распространение оружия среди диссидентов может увеличить коерсивный контроль даже при отсутствии военной организации. Как указывалось выше, связь между военной способностью диссидентов и их коерсивным контролем носит скорее линейный, чем криволинейный характер, поскольку они изначально используются скорее для того, чтобы противостоять силам режима, нежели для осуществления контроля над своими последователями.

Диссидентские военные формирования по своим размерам обычно много меньше формирований режима, но нередко они бывают равными им, лучше обученными и более подходящим образом экипированы для ударной тактики, которая столь эффективна во внутренних войнах. Особенно важны экипировка и обученность. Они могут быть приобретены заранее и тем самым облегчить начало политического насилия, как это было, например, среди фермеров и местных милиционеров американских колоний в 1760-х гг. Сельскому восстанию Монмутов в Англии и последовавшему за ним в 1642 г. Великому восстанию способствовал военный опыт английских йоменов. Как полагает Моска, серьезные крестьянские восстания возможны «лишь в тех местах, где крестьяне приобрели определенную привычку в обращении с оружием или, по крайней мере, к охоте или к бандитизму, или же там, где фамильная и соседская вражда знакомит людей со звуками ружейного

огня»⁷⁶. В Индонезии и Вьетнаме японцы невольно породили послевоенные колониальные войны, спонсируя массовые политические организации и обеспечивая им военное обучение и экипировку для их наиболее приверженных членов. В Малайе, Китае и на Филиппинах участники антияпонских движений сопротивления получили оружие и высокий уровень навыков партизанской войны, которые затем были использованы диссидентами против других режимов.

Начав военный конфликт, диссиденты могут наращивать свою военную мощь, сосредоточивая атаки на казармах, военных заводах или изолированных патрулях, чтобы заполучить оружие, в котором они нуждаются, как это делали ирландцы в 1916 г. Если они контролируют подходящие базовые регионы, они могут наладить производство собственного оружия; большое количество достаточно сложного вооружения было изготовлено, например, во время гражданской войны в Америке и более грубого, но эффективного — в отдаленных регионах Южного Вьетнама. Контроль над населенными областями способствует формированию диссидентских организаций и рекрутированию их членов. Если дело диссидентов популярно в областях вне их контроля, к ним будут поступать рекруты и снабжение, как из алжирских городов на базы ФНО и из гватемальских городов — в отряды сельских повстанцев.

Наибольшее приращение военной мощи диссидентов дает внешняя поддержка. Не самым главным фактором здесь является доступность партизанских отрядов для спасшихся беженцев через национальные границы вооруженных противников соседних режимов, которую время от времени обеспечивают такие страны, как Гватемала, Никарагуа и Гондурас. Более важным является обучение тактике тайной оппозиции: Гана в период последних лет правления режима Нкрумы обеспечивала такое обучение для диссидентов полудюжины близлежащих стран; Алжир обучал рекрутов для ряда африканских и ближневосточных диссидентских режимов; Куба обеспечивает такую подготовку для многих латино- и североамериканцев; Китай — для более чем дюжины стран по всему миру. Несколько большая поддержка, нежели только рекрутирование и подготовка, может быть обеспечена для диссидентов в тех случаях, когда они контролируют базовые области, куда можно доставить военные припасы: такие базы можно легче всего обеспечить снабжением, если они прилегают к границе страны, чей режим покровительствует диссидентам. Если выполняется такое условие, диссиденты могут получать экипировку в той степени, в какой они могут ее использовать, что ограничивается лишь ресурсами обеспечи-

вающей страны и международным давлением на нее. Максимальная иностранная поддержка может включать в себя не только обучение и военную экипировку, но и воинские подразделения. Современные примеры иностранной военной поддержки диссидентов столь широко известны, что приводить их нет нужды. Такая поддержка — это не коммунистическое нововведение: к примеру, французы обеспечивали военную поддержку восставших американских колоний в Британской Америке, французы совместно с другими — Белого русского движения с 1919 по 1922 гг.

Теоретики немало внимания уделяли международным аспектам внутренних войн и меньше — специфическому воздействию интервенции. Розенау — представитель тех исследователей, которые сосредоточивали свое внимание на внутренней войне как «причине», а затем анализировали ее воздействие на международную систему⁷⁷. Дейч поставил ряд вопросов о воздействии различных типов и степени иностранной поддержки на продолжительность, уровень, характер и результаты внутренних войн⁷⁸. С теми же вопросами имели дело и некоторые эмпирические исследования. В рамках схемы такого анализа мы могли бы ожидать, что чем больше степень иностранной поддержки диссидентов, тем больше их военная мощь в противостоянии режиму, тем, следовательно, больше величина политического насилия до точки равенства сил диссидентов и режима. Если внешняя поддержка быстро наращивает коерсивный контроль диссидентов, который оставляет позади себя уровень контроля режима, диссиденты одержат быструю победу, и уровень насилия снизится. Однако большинство режимов в обстановке угрозы внутренней войны также стремится приобрести иностранных сторонников, которые отвечают наращиванием военной помощи режиму. Следовательно, иностранная поддержка имеет вероятность стать дисфункциональной для прекращения внутренних войн. Гораздо более вероятно увеличение шкалы конфликта до высокого уровня и продление его. Один из очевидных кейзов такого рода — взаимная эскалация во Вьетнаме. Эмпирические свидетельства дает и обсуждавшееся выше изучение гражданской борьбы в 114 странах. Была приблизительно оценена степень иностранной военной поддержки диссидентам и режимам, вызываемой внутренней войной, принимая во внимание степень поддержки и число стран, оказывавших такую помощь. Чем больше была поддержка диссидентов в течение 1961–1965 гг., тем более затяжной и более распространенной оказывалась гражданская борьба ($r_s = 0,37$ и $0,22$); подобным же образом соотносилась с про-

должительностью и распространенностью внешняя поддержка режимам ($r_s = 0,30$ и $0,28$). Тесная связь между поддержкой диссидентов и компенсирующей ее поддержкой режима (и наоборот) становится очевидной из того факта, что их корреляция составляет $0,83^{79}$. Природа этой связи определяется выше гипотезой ДС.3. Но иностранная поддержка, вероятно, также оказывает воздействие на форму политического насилия. В той степени, в какой внешняя поддержка, оказываемая диссидентам, увеличивает уровень их коерсивного контроля относительно режима, вероятность внутренней войны возрастает (гипотеза I.1). Мы обнаружили, например, что была оказана поддержка извне в 30 из 54 идентифицированных войн, тогда как о внешней поддержке событий, связанных с заговорами, сообщалось только в 12 % случаев, а с беспорядками — около 1 %. Предлагается следующая гипотеза.

Гипотеза I.3. Вероятность внутренней войны изменяется со степенью иностранной поддержки, оказываемой диссидентам.

Второй детерминантой наступательной способности диссидентов, в дополнение к военным ресурсам, которыми они прямо распоряжаются, является степень, в которой силы режима проявляют склонность к поддержке диссидентов. Силы, нелояльные режиму, необязательно будут лояльны к диссидентам; с большей вероятностью они останутся нейтральными. Однако если и когда они переходят на сторону диссидентов, они могут произвести решающий сдвиг в коерсивном балансе: прямо — увеличивая военную мощь повстанцев ценой потери ее режимом, косвенно — благодаря тому, что дают сигнал о слабости режима и иногда ускоряют отступничество от режима других его сил. Существуют два типа ситуаций, в которых вероятны такого рода сдвиги. В начале антиправительственного мятежа войска и их командование могут решить, что их симпатии на стороне оппозиции и присоединиться к ней. Если так поступят лишь немногие, как это было в польском и венгерском восстаниях 1956 г., насилие может быть без труда подавлено. Если от режима отступают многие, но не все, результатом может стать внутренняя война; если отступят почти все, режим неминуемо рухнет. Москва указывает, что поляки могли поднять свое главное восстание в 1830–1831 гг., потому что имели поддержку обученной русскими польской армии, в то время как восстание 1863–1864 гг. было быстро подавлено из-за отсутствия такой поддержки⁸⁰. Вторая ситуация — это конкуренция за влияние, которая сопровождает заговоры элиты перед вспышкой вражды. Диссиденты, планирующие переворот, могут включать в свои планы сотрудничество с военными

командирами и склонять их к этому. Если может быть гарантирована лояльность части военных, заговорщики увеличат свои коерсивные способности и с возрастающей вероятностью предпримут открытую акцию. Они с наибольшей вероятностью поступят так и наиболее вероятно преуспеют, если большинство военных (или все) лояльны к ним или занимают нейтральную позицию. Деликатные переговоры, предшествующие попыткам переворотов, особенно в Латинской Америке, имеют сходство с торговыми переговорами; цель их участников состоит в том, чтобы выяснить и насколько возможно изменить баланс коерсивного контроля. Если диссиденты получают власть, то инкаumbенты, если они джентльмены, пожелают уйти с минимально открытым конфликтом. Если диссиденты терпят неудачу в получении достаточного, по их оценке, преимущества, то они, вероятно, воздержатся от акций до более благоприятных времен⁸¹. Замена сделки более насильственными средствами определения баланса вероятна в тех странах, где заговоры элиты стали хроническими. Общая связь такого паттерна выражена в гипотезе DC.4.

Гипотеза DC.4. Диссидентский коерсивный контроль сильно меняется со степенью лояльности коерсивных сил режима к лидерам диссидентов.

Такое условие представляет собой нечастое явление в большинстве случаев беспорядков и внутренних войн: силы режима обычно не могут быть обращены в новую веру. Но когда такое случается, например, при заговорах, они фундаментальным образом влияют на результат. Заслуживает внимания тот факт, что такое обращение особенно маловероятно тогда, когда гражданская война уже развивается в течение какого-то времени. Силы режима, понесшие потери от рук диссидентов, более враждебны к ним и с меньшей вероятностью будут сотрудничать с ними. Главные сдвиги в лояльности происходят в начале конфликта и не позже. Впечатляющий пример дает Южный Вьетнам на протяжении 1960-х гг. Лояльность армии в целом любому конкретному гражданскому или военному лидеру никогда не была велика; этот недостаток лояльности нашел свое выражение во множестве переворотов и их попыток. Но вследствие вызванной конфликтом враждебности между армией и Фронтом Национального Освобождения не произошло никаких крупных дезертирств, и если они случатся в будущем, то они будут наиболее вероятны среди вновь рекрутированных войск, которые не участвовали или очень мало участвовали в боях.

Для режима использование насилия содержит в себе больше риска, чем для диссидентов. С другой стороны, обширное применение на-

сила будет, вероятно, носить дисфункциональный характер для их начальных целей. Сила, как отмечает в начале этой главы Пирсон, «порождает новое сопротивление. Более того, она имеет тенденцию становиться самоцелью как для тех, кто применяет ее, так и для тех, кто пытается защитить себя от нее. Для данной тенденции — и для тех, кто управляет, и для тех, кто им противостоит — симптоматично осознание того, что сила — это обоюдоострый меч, а также обвинение Бога или «козлов отпущения» в тех случаях, когда, прибегая к ней, они обнаруживают, что она поразила их самих.

Примечания

¹ Roy Pearson, «The Dilemma of Force», *Saturday Review* (February 10, 1968).

² Можно предполагать относительную силу независимых переменных: интенсивность и масштаб политизированного недовольства, вероятно, является следствием коерсивного и институционального балансов, комбинирующихся в детерминации величины политического насилия. Выражаясь языком статистики, около половины объясняемого изменения в величине политического насилия среди политических общин, вероятно, является результатом изменений политического недовольства. Эта пропорция имеет тенденцию становиться выше для беспорядков, ниже — для внутренних войн.

³ Некоторые из этих предположений и их доказательств будут рассмотрены и интерпретированы ниже.

⁴ Nicholas S. Timasheff, *War and Revolution* (New York: Sheed and Ward, 1965), 156–158, quotation 156, 158.

⁵ Andrew Janos, *The Seizure of Power: A Study of Force and Popular Consent*, Research Monograph No. 16 (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1964), quotations 91. Подобный аргумент см. в Peter A. Calvert «Revolution: The Politics of Violence», *Political Science*, XV (No. 1), 6 ff.

⁶ Harold D. Lasswell and Abraham Kaplan, *Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 48. Психологическое определение см. в John Dollard et. al. *Frustration and Aggression* (New Haven: Yale University Press, 1939), 4.

⁷ Pitirim A. Sorokin, *The Sociology of Revolution* (Philadelphia: Lippincott, 1925), 370.

⁸ Robert M. Fogelson, «From Resentment to Confrontation: The Police, the Negroes, and the Outbreak of the Nineteen-Sixties Riots», *Political Science Quarterly*, LXXXIII (June 1968), 227.

⁹ Dollard et. al., 39–40.

¹⁰ Arnold H. Buss, *The Psychology of Aggression* (New York: Wiley, 1961), 58.

¹¹ Norman R. F. Maier, *The Study of Behavior without a Goal* (New York: McGraw-Hill, 1949), Part I. Обзоры психологической теории и свидетельства воздействий наказания см., напр.: Russel M. Church, «The Varied Effects Punishment

on Behavior», *Psychological Review*, LXX (September 1963), 369–402; *Richard L. Solomon*, «Punishment», *American Psychologist*, XIX (April 1964), 239–253.

¹² *Leonard Berkowitz*, *Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: McGraw-Hill, 1962), 96.

¹³ *E. Arouson*, «Threat and Obedience», *Trans-Action*, III (1966), 26–27; резюмировано в *Jerome D. Frank*, *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace* (New York: Vintage books, 1967, 1968), 69.

¹⁴ *E. H. Chasdi and M. S. Lawrence*, «Some Antecedents of Aggression and Effects of Frustrations in Doll Play», in *David McClelland, ed.*, *Studies in Motivation* (New York: Appleton-Century-Crofts, 1955), summarized in *Berkowitz*, 75, 87.

¹⁵ *Kurt Levin, Ronald Lippitt and Ralph K. White*, «Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created Social Climates», *Journal of Social Psychology*, X (May 1939), 271–299.

¹⁶ *Arthur R. Cohen*, «Upward Communication in Experimentally Created Hierarchies», *Human Relations*, XI (1958), 41–54.

¹⁷ *J. W. Thibaut and H. W. Riecken*, «Authoritarianism, Status and the Communication of Aggression», *Human Relations*, VIII (No. 2, 1955), 95–120. Другие исследования этого эффекта резюмируются в *A. J. Yates*, *Frustrations and Conflict* (New York: Wiley, 1962), 73.

¹⁸ *Richard H. Walters*, «Implications of Laboratory Studies of Aggressions for the Control and Regulation of Violence», *Annals*, CCCLXIV (March 1966), 68–69.

¹⁹ *Katherine Chorley*, *Armies and the Art of Revolution* (London: Faber and Faber, 1943), 23, цитируется по *Chalmers Johnson*, *Revolution and the Social System* (Stanford: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964), 16.

²⁰ *Neil J. Smelser*, *Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press, 1963), 231–236, 261–268, 332, 365–379.

²¹ *Janos*, 5.

²² *Louis Gottschalk*, «Causes of Revolution», *American Journal of Sociology*, L (July 1944), 7.

²³ Интерпретацию относительной важности этих факторов см. в *Smelser*, 377–379; *Gottschalk*, 7; *Crane Brinton*, *The Anatomy of Revolution* (New York: Norton, 1938), 45–46, 51–52.

²⁴ Такие интерпретации предлагаются в *Feliks Gross*, *The Seizure of Power in a Century of Revolution* (New York: Philosophical Library, 1958), 63–79, 151–186; *Johnson*, 14–15; *Smelser*, 376–377.

²⁵ *Robert Hunter*, *Revolution: Why, How, When?* (New York: Praeger, 1940), 34–35.

²⁶ *Peter Parret and John W. Shy*, *Guerillas in the 1960's*, rev. edn. (New York: Praeger, 1964), 34–35.

²⁷ См. примечание 82 в главе 4.

²⁸ См. *Max Beloff*, *Public Order and Popular Disturbances 1660–1714* (London: Cass, 1938, 1963), chap. 7; *Frank Darwall*, *Popular Disturbances and Public Order in*

Regency England (London: Oxford University Press, 1934); and *George Rudé, The Crowd in History* (New York; Wiley, 1964), 79–91.

²⁹ *H. O. Dahlke, «Race and Minority Riots: A Study in the Typology of Violence», Social Forces, XXX (1952), 419–425.*

³⁰ *Harry Eckstein, «On the Etiology of Internal War», History and Theory, IV (No. 2, 1965), 154.*

³¹ *Talcott Parsons, «Some Reflections on the Place of Force in Social Process», in Eckstein, ed., quotations 64–65.*

³² *Alaor S. Passos, «Development Tension and Political Instability: Testing Some Hypotheses Concerning Latin America», Journal of Peace Research, No. 1, 1968, 70–73.*

³³ *Johan Galtung, «On the Effects of International Sanctions, with Examples from the Case of Rhodesia», World Politics, XIX (April 1967), 378–416, quotation 389.*

³⁴ *Sir Robert Thompson, Defeating Communist Insurgency (New York: Praeger, 1966), 60–62, 94, 104–105, quotation 104.*

³⁵ О движениях Сопrotивления во II Мировой войне см., напр.: *Chalmers A. Johnson, Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China, 1937–1945* (Stanford: Stanford University Press, 1962); *John A. Armstrong, Soviet Partisans in World War II* (Madison: University of Wisconsin Press, 1964); *European Resistance Movements 1939–45, Vols. 1 and 2* (Oxford: Pergamon Press, 1964).

³⁶ Такая трактовка развивается на всем протяжении работы: *Richard Rubenstein, Rebels in Eden* (Boston: Little Brown, 1970).

³⁷ См., напр.: *George Lefebvre, The Coming of the French Revolution*, trans. R. H. Palmer (Princeton: Princeton University Press, 1947), chap. 6.

³⁸ См. *Fogelson, 219–220; Morris Janowitz, Social Control of Escalated Riots* (Chicago: University of Chicago Center for Policy Study, 1968), passim.

³⁹ См. *Clinton V. Black, The Story of Jamaica* (London: Collins, 1965), chap. 13.

⁴⁰ См. *Lois E. Lomax, Thailand: The War That Is, The War That Will Be* (New York: Vintage Books, 1967), а также статьи по Таиланду в *New York Times*, May 17, 1965; June 26, 1966; August 18, 1966.

⁴¹ *Jennifer G. Watson, «Correlates of Coerciveness and Permissiveness of National Political Systems: A Cross-National Study»* (M. A., thesis, San Diego State College, June 1965). Аналогичные результаты см. в *Betty A. Neswold et. al., «Regime-Coerciveness and Political Instability»* (Paper read at Annual Meeting of the American Political Science Association, New York, 1969).

⁴² *Douglas Bwy, «Political Instability in Latin America: the Cross-Cultural Test of a Causal Model», Latin American Research Review, III (Spring 1968).*

⁴³ *Ted Gurr, «A Causal Model of Civil Strife: A comparative Analysis Using New Indices», American Political Science Review, LXII (December 1968), 117–118.* См. также *Ted Gurr with Charles Ruttenger The Conditions of Civil Violence: First Tests of a Causal Model* (Research Monograph. No. 28, Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1967), 82–83.

⁴⁴ См. *Daniel Walker, Rights in Conflict* (Washington, D.C.: Chicago Study Team, National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1968).

⁴⁵ *Charles Wolf, Jr.*, «Insurgency and Countinsurgency: New Myths and Old Realities» (Paper P-3131-I, Santa Monica: RAND Corporation, July 1965), 22.

⁴⁶ См., напр.: *Henry Bienen, ed., The Military Intervenes: Case Studies in Political Developments* (New York: Russel Sage, 1968); *Moris Janowitz, The Military in Political Development of New Nations* (Chicago: University of Chicago Press, 1964); *John J. Johnson, The Military and Society in Latin America* (Stanford: Stanford University Press, 1964); *Edward Liewen, Generals as Presidents: Neo-Militarism in Latin America* (New York: Praeger, 1964).

⁴⁷ Основано на ранее не публиковавшихся аналитических данных.

⁴⁸ *Johnson, Revolution and the Social System*, 14, 16–17; см. также *Chalmers Johnson, Revolutionary Change* (Boston: Little Brown, 1966), chap. 5.

⁴⁹ *Lasswell and Kaplan*, 265–266.

⁵⁰ *Johnson, Revolutionary Change*, 102–104. О братании советских частей с местным населением в Венгрии см. в *Feliks Gross, The Seizure of Power in a Century of Revolution* (New York: Philosophical Library, 1958), 316–323.

⁵¹ См. *Theodore Abel, The Nazi Movement: Why Hitler Came to Power* (New York: Atherton, 1938, 1966), especially chap. 2; а также *F. L. Carsten, The Rise of Fascism* (Berkeley: University of California Press, 1967), chap. 3.

⁵² *Thompson*, 53. Об исследовании мотивов и реакции участников см. в *Lucien W. Pye, Guerrilla Communism in Malaya: Its Social and Political Meaning* (Princeton: Princeton University Press, 1956).

⁵³ *Thompson*, 146–47.

⁵⁴ *Wolf*, 22.

⁵⁵ Двумя детальными исследованиями Филиппин этого периода являются: *Alvin H. Scaf, The Philippine Answer to Communism* (Stanford: Stanford University Press, 1955); *Frances Lucille Starner, Magsaysay and the Philippine Peasantry: The Agrarian Impact on Philippine Politics 1953–1956* (Berkeley: University of California Press, 1961).

⁵⁶ *Edward W. Gude*, «Political Violence in Venezuela: 1958–1964» (Paper read at the 1967 Annual Meeting of the American Political Science Association, Chicago, September 1967), 13–18, quotation 18.

⁵⁷ См., напр.: *George Kent, The Effects of Threats* (Columbus: Ohio State University Press, 1967); *Thomas Schelling, The Strategy of Conflict* (Cambridge: Harvard University Press, 1960, 1963).

⁵⁸ Полезный обзор использования и ограничений теории игр в исследовании реальных конфликтных ситуаций с акцентом на необходимость модификации теоретически игрового знания «рациональности» и введения динамических компонентов содержится в работе *William A. Welsh*, «A Game-Theoretic Conceptualization of the Hungarian Revolt: Toward an Inductive Theory of Games», unpublished ms. (Athens: Department of Political Science, University of Georgia, n.d. [1968]) mimeo.

⁵⁹ Теоретики, резко осуждающие восстания, делают большой акцент на использовании мятежниками получения народной поддержки. Подробно такая точка зрения представлена в *Nathan Leites and Chares Wolf, Jr., Rebellion and Authority: An Analytic Essay on Insurgent Conflicts* (Santa Monica: RAND Corporation, January 1969).

⁶⁰ Резюмировано в *Paret and Shy*, 13.

⁶¹ *Thompson*, 29–35, 115.

⁶² *Edward R. Wainhouse*, «Guerilla War in Greece, 1946–49: A Case Study», in *Franklin M. Osanka, ed., Modern Guerilla Warfare: Fighting Communist Guerilla Movements* (New York: The Free Press, 1962), 211–218.

⁶³ *James Eliot Cross*, *Conflict in the Shadows: The Nature and Politics of Guerilla War* (Garden-City: Doubleday, 1963), chaps 2, 3: *Mancur Olson, Jr.*, «Development and Guerilla War: The War of the Country Against the City» (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, no date [1966], mimeo).

⁶⁴ См. особенно *Ernesto Guevara, Che Guevara on Guerilla Warfare* (New York: Praeger, 1961).

⁶⁵ Цитата по *George B. Jordan*, «Objectives and Methods of Communist Guerilla Warfare», in *Osanka, ed.*, 403.

⁶⁶ Резюмирование взглядов *Фрейда, Ле Бона, Флойда Олпорта, Уильяма МакДугалла* на поведение толпы см. в *Roger W. Brown*, «Mass Phenomena», in *Gardner Lindsey, ed., Handbook of Social Psychology*, Vol. 2 (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954), 842–847.

⁶⁷ *Schelling*, 14.

⁶⁸ *Leon Festinger, A. Pepitone, and Theodor M. Newcomb*, «Some Consequences of Deindividuation in a Group», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLVII (1952), 382–389.

⁶⁹ *R. C. Myers*, «Anticommunist Mob Action: A Case Study», *Public Opinion Quarterly*, XII (Spring 1948), 57–67. Другое релевантное кейз-стади см. в *C. Davies*, «Riots and Rioters», *Western Political Quarterly*, X (December 1957), 864–874.

⁷⁰ *Mancur Olson, Jr.*, «Rapid Growth as a Destabilizing Force», *Journal of Economic History*, XXII (December 1963), 535.

⁷¹ *Karl Marx, Revolution and Counter-Revolution*, cited in *Pettee*, 87.

⁷² См. *Rudé*, 19–45.

⁷³ *Johnson, Revolution and Social System*, 82.

⁷⁴ *Edgar Holt, Protest in Arms: The Irish Troubles 1916–1923* (New York: Coward-McCann, 1961), 211.

⁷⁵ *Régis Debray, Revolution in the Revolution? Armed Struggle and Political Struggle in Latin America* (New York: Grove Press, 1967), especially 27–46.

⁷⁶ *Gaetano Mosca, The Ruling Class*, trans. Hannah D. Kahn (New York: McGraw Hill, 1939), quotation 212.

⁷⁷ См. *James N. Rosenau*, «Internal War as an International Event», in *Rosenau, ed., International Aspects of Civil Strife* (Princeton: Princeton University Press,

1964), 49–51. Свой вклад в этот общий объем работ вносят резюме недавних теоретических работ по связям между внутренними войнами и международной системой. Ряд кейз-стади по включенности Объединенных наций в политическое насилие содержится в работе *Linda Miller, World Order and Local Disorder: The United Nations and Internal Conflicts* (Princeton: Princeton University Press, 1967).

⁷⁸ *Karl W. Deutch*, «External Involvement in Internal War», in *Harry Eckstein, ed., Internal War: Problems and Approaches* (New York: The Free Press, 1964), 100–110.

⁷⁹ Используемые здесь меры более детально описаны в *Gurr*, «A Causal Model...» Указанные коэффициенты корреляции взяты из не публиковавшегося ранее анализа.

⁸⁰ *Mosca*, 210–211.

⁸¹ Некоторые кейз-стади, иллюстрирующие такую ситуацию, см. в *Liewuen; Martin C. Needler, Anatomy of Coup d'etat: Ecuador 1963* (Washington, D.C.: Institute for the Comparative Study of Political Systems, 1964); *James W. Rowe*, «Argentina's Restless Military», in *Robert D. Tomasek, ed., Latin American Politics: Studies of Contemporary Scene* (Gaden City: Dobleday, 1966), 439–466.

ГЛАВА 9

Баланс институциональной поддержки

Когда в былые времена толпа воспламенялась призывами к мятежу, она была безголовой массой, связанной воедино только кратковременным союзом слепой страсти; теперь она — организованная ассоциация, со своими секциями, секретными комиссиями и собственной казной.

*Роберт Саутс*¹

Использование принуждения для контроля над недовольными и поддержания стабильных паттернов социального действия имеет сложные и потенциально саморазрушительные последствия. Основной тезис этой главы состоит в том, что как политические элиты, так и диссиденты могут наилучшим образом создавать и удерживать для себя длительную поддержку, обеспечивая своих последователей паттернами действий, имеющими предсказуемо вознаграждающие последствия. Режимы могут сводить до минимума поддержку диссидентов и канализировать политическое недовольство на конструктивные или, по меньшей мере, недеструктивные цели в той мере, в какой они предлагают стабильные, эффективные институциональные альтернативы насильственным разногласиям. Однако если режимы изначально полагаются на силу, то диссиденты могут расширить масштабы своей поддержки и ее эффективность, создавая для своих последователей такие вознаграждающие паттерны действия, которые режимам обеспечивать не удастся.

Данная глава подвергает анализу некоторые источники институциональной поддержки и их воздействие на результаты политизированного недовольства. Предлагаемая базовая связь состоит в том, что при заданном наличии политизированного недовольства величина и формы политического насилия изменяются с изменением баланса институциональной поддержки между режимом и диссидентскими организациями. Степень институциональной поддержки детерминируется

такими структурными характеристиками режима и диссидентских организаций, как масштаб, связность и сложность и способности организаций к обеспечению своих членов ценностными возможностями и средствами выражения протеста.

Баланс институциональной поддержки режима и диссидентов

Последствия создания организованной ассоциации недовольных членов общества служат предметом в некоторой степени противоречивых предположений. Лассуелл и Каплан полагают, что чем выше уровень организованности среди противников элиты, тем больше политическая нестабильность². Моска пишет, что «одним из главных средств, с помощью которых поддерживается жизнь многих революционных традиций и страстей, стала политическая ассоциация, особенно тайное общество»³. Темплтон заключает свое обзорное исследование проблем отчуждения в Соединенных Штатах утверждением, что стабильность американской политической системы «представляется покоящейся... на отсутствии институциональных каналов, через которые может эффективно выражаться недовольство»⁴. Однако Керр утверждает, что институционализация трудового протеста ассоциируется с убыванием разрушительности различных форм протеста⁵. Уилсон поддерживает мысль о том, что иногда агрессивный пыл ранних стадий религиозных движений имеет тенденцию со временем трансформироваться вследствие практической и организационной необходимости в формальный неспонтанный демонстрационизм⁶.

Независимо от того, воздействуют ли различные степени организованности на уровень нестабильности или нет, в действительности гражданская борьба берет свое начало среди членов практически любого типа ассоциаций или институтов. Мы идентифицировали групповой контекст действий для почти 1000 случаев борьбы, имевших место между 1961 и 1965 гг. Чаще всего инициаторы действовали как члены легальных политических партий или движений — в 42 % всех случаев, включая половину случаев беспорядков и около четверти заговоров и гражданских войн. В 15 % случаев ответственность лежала на тайных организациях, включая 40 % заговоров и гражданских войн. 10 % всех событий такого рода, включая 22 из 54 внутренних войн были инициированы фракциями внутри самих правительственных иерархий. Экономические ассоциации (7 %) и неполитические студенческие группы (4 %) также нередко создавали базу коллективного протеста и насилия.

Ни степень организованности, ни типы организаций в обществе не имеют инвариантной связи со степенью и формами политического насилия. Воздействия данного паттерна организации на насилие зависят, прежде всего, от предшествующего состояния какой-то политической неудовлетворенности. Население — в соответствии с интенсивностью политического недовольства его представителей — может быть разделено на три простых группы:

- тех, чья неудовлетворенность интенсивна;
- тех, чья неудовлетворенность умеренна;
- тех, чья неудовлетворенность низка либо вообще отсутствует.

Население можно также подразделить по уровню политического недовольства и по политическим ориентациям на три различные категории — лояльных, нейтральных и активных диссидентов. **Лояльные** — это те, кто для смягчения своей депривации или заявления о ней склонен использовать лишь одобряемые режимом средства; **активные диссиденты** — те, кто склонен к использованию нелегальных средств; и **нейтральные** — представляющие, вероятно, большинство населения, — это люди апатичные или амбивалентные, не приверженные ни режиму, ни активной нелегальной оппозиции. Соотношение между недовольством и ориентацией, вероятно, не такое строгое: некоторые из лояльных, вероятно, могут испытывать умеренную и даже сильную неудовлетворенность; какая-то часть активных диссидентов может иметь слабую политизированную неудовлетворенность. Гипотетическое распределение этих двух рядов групп показано на рис. 10.

Рис. 10. Гипотетическое распределение населения по уровню политизированного недовольства политической ориентации

Первичная детерминанта воздействия организаций на величину политического насилия — это реальные размеры и распределение этих групп в составе населения. Вторичная детерминанта — уровень их организованности в поддержке режима или диссидентов. Не обязательно все диссиденты являются членами диссидентски-ориентированных организаций и не все лояльные граждане будут членами организаций, ориентированных на поддержку режима. Многие из людей, особенно в переходных обществах, могут принадлежать к нейтрально настроенным организациям, не оказывающим активной поддержки ни режиму, ни его противникам. Решающий вопрос для тех, кто является членами режимно- или диссидентски-ориентированных организаций, — в какой степени они готовы оказывать поддержку этим организациям. Организация обладает высокой способностью к борьбе или любому другому виду активности, если ее члены охотно отзываются на просьбы о практически любых материальных или личных жертвах. Если же члены с готовностью оказывают лишь финансовую поддержку, организация может оказаться парализованной в критической ситуации или должна будет опираться на насилие, чтобы достичь единства, — ход, поглощающий скудные ресурсы и имеющий весьма неустойчивое воздействие (глава 8).

Поэтому, чтобы определить воздействие организации на политическое насилие, необходимо оценить баланс институциональной поддержки режима и его противников. Предлагается следующая общая гипотеза.

Гипотеза V.7. Величина политического насилия изменяется сильно и прямо с изменением соотношения институциональной поддержки диссидентов к институциональной поддержке режима до точки равенства и обратно — за ее пределами.

Диссиденты и режим обладают *институциональной поддержкой* в той степени, в какой они могут направлять деятельность тех организаций, через которые они получают устойчивое согласие со своими требованиями и директивами, не прибегая к коерсивным санкциям. Уровни институциональной поддержки являются функциями относительного масштаба диссидентских (или режимных) организаций и той степени, до которой лидеры могут требовать и получать жертвы со стороны их членов в качестве службы в организациях. Эта связь аналогична той, что предполагалась по поводу баланса коерсивного контроля. Если уровень институциональной поддержки режима высок по сравнению с институциональной поддержкой диссидентов, политическое насилие будет, вероятно, носить ограниченный характер по своим масштабам, продолжительности и интенсивности. Если институциональная поддержка диссидентов приближается к уровню поддержки режима, то обе они, вероятно, способны подогревать затяжной конфликт. Если дисси-

денты обладают заметно большей поддержкой по сравнению с режимом, они, вероятно, одержат победу или добьются от режима желаемых уступок с относительной легкостью⁷.

Диссиденты могут упрочить организационную базу для активной оппозиции несколькими способами. Один из них состоит в том, чтобы создавать новые организации для себя и своих потенциальных сторонников. Если масштаб институциональной поддержки режима невысок и если недовольство столь интенсивно и распространено, что системы убеждений и норм утрачивают свою согласованность, эти организации, вероятно, будут представлять собой то, что Валлаче называет «движениями ревитализации» — организованными и, по существу, религиозными попытками конструирования некоей культуры, которые могут принимать форму революционных, миллениаристских или родовых движений⁸. Если неудовлетворенность носит менее жесткий характер или распространена в меньшей степени, диссидентские организации будут больше похожи на обычные, традиционные ассоциации. Однако если институциональная поддержка режима высока, наиболее вероятным типом организации являются тайные конспиративные общества, революционные ячейки и террористические группы.

Другим возможным организационным базисом институциональной поддержки является «захват» режимно-ориентированных организаций. Шансы диссидентов на то, чтобы это сделать, будут наилучшими в тех случаях, когда организации не контролируются режимом напрямую и когда их члены испытывают интенсивное недовольство. Активные диссиденты могут «захватить контроль» над режимно-ориентированными экономическими и политическими организациями, а также над военными подразделениями с помощью своеобразного внутреннего переворота. Но в этом случае их власть оказывается ограниченной, для того чтобы направить деятельность организации в русло открытой оппозиции. Однако это не уменьшает важности диссидентских лидеров в фокусировании недовольства. К примеру, о сепаратистском движении дравидов в южной Индии говорят, что оно базируется на недовольстве тамиллов, принадлежащих к более низким кастам в региональной элите, чье внимание лидеры движения сосредоточили на «иностранных», т. е. североиндийских «козлах отпущения»⁹. Паккард в своем исследовании японской мятежной оппозиции Договору о безопасности с Соединенными Штатами 1960 г. предполагает, что коммунисты в руководстве рабочих, студенческих и народных ассоциаций каналировали множество различных обид в нападки именно на эту конкретную проблему¹⁰. Лидеры диссидентов могут направлять недовольство членов

своих организаций на разнообразные виды деятельности: вряд ли вероятно, чтобы они получали и удерживали контроль над режимно-ориентированными организациями, если бы там не имело место существенное недовольство среди рядовых членов.

Такое же обобщение применимо к третьему организационному базису институциональной поддержки диссидентов — обращении нейтральной ассоциации в активное диссидентство. Традиционно управляемые местные и региональные общины в модернизирующихся обществах часто сохраняют нейтралитет в отношении режима, как это бывает и со многими трудовыми, религиозными, студенческими и этническими ассоциациями. Сдвиги организаций к активному диссидентству обычно происходят или в ответ на правительственное вмешательство в их дела, или — как вторая стадия ответа — после того как попытки участия через общепринятые каналы наталкиваются на неадекватные или репрессивные ответы со стороны режима.

Углекопы в Восточной Пенсильвании на протяжении 1870-х гг. прибегали к насильственным забастовкам после ряда легальных политических и экономических препятствий, которые ставились их стремлению сорганизоваться¹¹. Месснианский религиозный культ *Kimbanguisme* был в 1920-х гг. подавлен бельгийским правительством. О последователях и преемниках его заключенного лидера говорили, что они становятся «гораздо более организованными и все более националистичными в своих намерениях», что в последующие десятилетия дало основу для развития нескольких диссидентских движений¹². Важным фактором в способности *Peronistas* основать массовое движение промышленного пролетариата в Большом Буэнос-Айресе на протяжении 1940-х гг. была враждебность, которую вызвало подавление режимом рабочих профсоюзов на протяжении предшествующего десятилетия¹³. Коерсивный ответ французского правительства на требования парижских студентов в мае 1968 г. подтолкнули студенческие организации к революционной активности.

Однако когда диссидентские лидеры приобретают институциональную поддержку, то ее масштаб и степень устанавливают пределы типам действий, которые они могут предпринять. Если их последователи настроены по отношению к режиму интенсивно враждебно и готовы многим пожертвовать ради дела диссидентов, то лидеры могут организовывать заговоры и революционные движения. Если последователи немногочисленны, то с большей вероятностью осуществимы заговоры, нежели революции. Но если последователи диссидентской идеологии привержены ей не столь интенсивно, то какой бы ни была их численность, открытые виды действий в виде, например, восстаний и всеоб-

щих забастовок будут носить ограниченный характер. Предлагаются три общие гипотезы о формах политического насилия.

Гипотеза I.4. По мере приближения к равенству диссидентской и режимной институциональной поддержки вероятность внутренней войны возрастает.

Рисунок 11 показывает гипотетическое распределение режимной и институциональной поддержки, которое, вероятно, способствует возникновению внутренней войны. Поддержка режима в значительной степени ограничена численностью лояльных и имеет относительно низкий уровень, что символизирует слабая штриховка. Хотя поддержка диссидентов обладает меньшим масштабом, она охватывает большинство активных диссидентов и имеет больший уровень. Такой паттерн типичен для нецентрализованных государств на средних уровнях развития. Более того, наличие многих, но неорганизованных людей создает потенциал для экспансии институциональной поддержки диссидентов сравнительно недорогой ценой. Оптимальный паттерн институциональной поддержки диссидентов для целей внутренней войны — это закрытая организация всех активных диссидентов и относительно свободная организация нейтралов (которые, вероятно, будут сторониться закрытых организаций). Однако для диссидентов необязательно добиваться активной поддержки со стороны всех групп, находящихся под контролем режима и испытывающих умеренное или интенсивное недовольство. Наличие нелояльных агентов внутри самого режима может в большей степени препятствовать способности режима противостоять диссидентству, нежели помочь диссидентам в том случае, если бы эти нелояльные прямо служили им.

Рис. 11. Гипотетический паттерн институциональной поддержки, способствующей возникновению внутренней войны

Гипотеза Т.3. Вероятность беспорядков изменяется обратно степени институциональной поддержки диссидентов.

На рис. 12 приведена иллюстрация такого паттерна, который, вероятно, способствует беспорядкам. И режимный, и диссидентский институциональный контроль пересекают все три категории неудовлетворенности и ориентации режима.

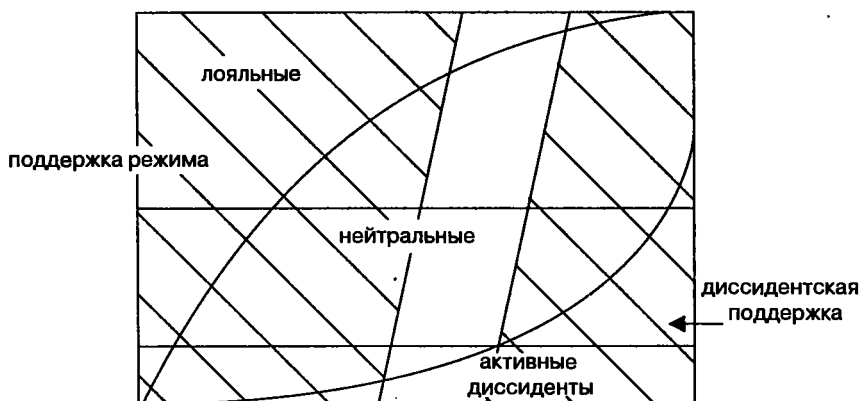

Рис. 12. Гипотетический паттерн институциональной поддержки, способствующей возникновению беспорядков

Такой паттерн вероятен для обществ на ранних стадиях модернизации, на которых паттерны групповых организаций еще не доросли до распределения изменяющихся групповых интересов и RD; и среди многих современных обществ, в которых развивается большое число пересекающихся ассоциаций. Низкий уровень поддержки диссидентов может быть следствием недостатка ресурсов организации и опыта у ее членов либо недостаточной отзывчивости нейтралов в диссидентских организациях на призывы к оппозиционной деятельности. В обоих случаях маловероятно, чтобы диссиденты обладали поддержкой в той степени, какая необходима для интенсивного затяжного конфликта. Если степень поддержки низка, но масштаб ее достаточно широкий, беспорядки будут, вероятно, носить весьма распространенный и хронический характер; если и масштаб невелик, беспорядки, вероятно, будут носить изолированный и спорадический характер.

Гипотеза V.3. Вероятность заговоров изменяется со степенью, до которой уровень институциональной поддержки диссидентов высок, а масштаб его низок.

Гипотетический паттерн, благоприятствующий заговору, изображен на рис. 13. Такой паттерн — наиболее обычное явление для централистских

государств, в которых ориентированные на режим институты пронизывают всю социальную жизнь страны или большую ее часть. Институциональная поддержка режима большинством секторов общества создает для диссидентов затруднения в организации своих потенциальных последователей. Они способны наилучшим образом выживать и эффективно функционировать в таких условиях, если имеют высокую степень организации и минимум внутренней разобщенности. Это не единственный паттерн, который толкает диссидентов к заговорам, и не единственный, который совмещается с гипотезой С.З. В традиционных обществах и в тех, которые находятся на начальных стадиях модернизации, ограниченный масштаб поддержки диссидентов может быть функцией политизированного недовольства или нехватки ресурсов (денег, кадров, средств коммуникации), с помощью которых лидеры диссидентов могут расширять масштабы деятельности своих организаций. Если диссиденты в таких обществах являются членами элиты или обладают умениями, которыми должна обладать элита, наиболее эффективным средством оппозиции становится заговор.

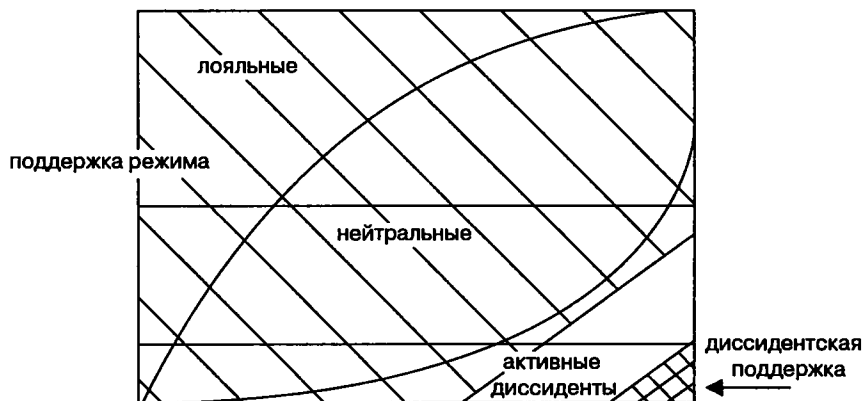

Рис. 13. Гипотетический паттерн институциональной поддержки, способствующей возникновению заговоров

Некоторые структурные детерминанты институциональной поддержки

Выше упоминались некоторые типы детерминант масштаба и степени институциональной поддержки режима и диссидентов, включая случаи политизированного недовольства и оппозиционных аттитюдов в популяции, организационные ресурсы и организационные навыки лидеров.

Данный и последующий разделы определяют более точно и обобщенно некоторые структурные и функциональные детерминанты институциональной поддержки, которые применимы к организациям как режима, так и диссидентов. Вариации в масштабах политизированного недовольства и оппозиционных аттитюдов не берутся в расчет в этом анализе, но если интенсивность политизированного недовольства населения пренебрежимо мала, столь же пренебрежимо малыми будут и масштабы его, какой бы ни была природа институтов. Можно изучить паттерны институциональной поддержки в таких популяциях с целью предсказания последствий будущего роста политизированного недовольства. Однако при этом не следует делать вывод, что незначительное политическое насилие является следствием этих паттернов. В начале и середине 1960-х гг. Румыния, Швейцария и Берег Слоновой Кости практически не испытывали политического насилия, несмотря на огромные различия между ними в типах институциональной поддержки режима. Отсутствие в них насилия не свидетельствовало об особой действенности различия в их институциональных характеристиках, а являлось, скорее, следствием очень низких уровней RD во всех трех странах, как это эмпирически оценивалось в одном из недавних исследований¹⁴.

Следует различать структурные и функциональные детерминанты. Структурные характеристики — масштаб, сложность и организационная сплоченность — детерминируют способность организаций к проведению любых согласованных акций и удовлетворению любых функций своих членов. Для недовольных решающими являются три функции организационной деятельности:

- обеспечение социетальных ценностных возможностей;
- политических ценностных возможностей;
- каналов выражения протеста.

Первые две функции — инструментальные, третья — экспрессивная. Социально-психологические основания, на которые они опираются, описаны в главах 2 и 3. Эти функции являются решающими в двух смыслах. В о - п е р ы х, те способы, которыми они удовлетворяются, позволяют сделать вывод о том, имеет ли недовольство деструктивные или конструктивные последствия для того индивида, который является членом и данного института, и более широкого общества, частью которого является сам этот институт. В о - т о р ы х, степень, в которой они удовлетворяются именно с помощью организации, отчасти детерминирует согласие и лояльность их последователей. Если функции удовлетворяются плохо или удовлетворяются одной организацией

хуже, чем другой, различные организации могут утрачивать не только свою сплоченность, но и своих последователей.

Организационный масштаб

Одна из двух обсуждавшихся выше детерминант уровня институциональной поддержки — это ее масштаб, доля популяции, которая принимает участие в деятельности режимных или диссидентских организаций. Масштаб таких организаций устанавливает пределы, в рамках которых действуют другие структурные и функциональные переменные.

Гипотеза R1.1. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с долей популяции, принадлежащей к режимно-ориентированным организациям.

Гипотеза D1.1. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с долей популяции, принадлежащей к диссидентски-ориентированным организациям.

Через литературу о восстаниях «красной нитью» проходит предположение о том, что сила диссидентов зависит от организованной базы народной поддержки и что предпосылкой успеха правительства является распространенность влияния правительственных организаций за счет уменьшения влияния диссидентских организаций. Парет и Шай проводят различие между «правительственной базой» и партизанской «народной базой»¹⁵. Например, в Алжире, Южной Африке, Малайе и Филиппинах использовалось переселение с целью уменьшения масштабов деятельности диссидентских организаций и их коерсивного контроля. Прогресс революционной войны в Южном Вьетнаме оценивался и участниками ее, и наблюдателями с точки зрения доли населения или числа поселений, находящихся под контролем Сайгона и Национального Фронта Освобождения¹⁶. Масштабы деятельности диссидентской организации сравнительно с режимом также оказывают свое влияние на формы борьбы, отличные от внутренней войны. Чем больше, например, масштаб экстремистских политических партий или оппозиционных профсоюзов, тем более вероятно распространение антиправительственных беспорядков. В большинстве стран профсоюзы носят режимно-ориентированный характер и численность их в отношении к несельскохозяйственной рабочей силе имеет тенденцию изменяться обратно пропорционально уровням гражданской борьбы. К примеру, в тропической Африке, где профсоюзные лидеры весьма лояльны к националистическим лидерам, масштаб охвата профсоюзов коррелировал с коэффициентом $-0,53$ с величиной гражданского насилия в 1961–1963 гг. Вывод заключается в том, что политическая ориентация профсоюзов удерживала их членов в рамках институциональной поддержки режимов. Однако в Латинской Америке, где профсоюзы

нередко находятся под контролем диссидентских лидеров, масштабы юнионизации* в тот же период коррелировали с величиной борьбы на уровне $+0,24^{17}$.

Организационная сплоченность и сложность

Чем больше консенсус по поводу цели и кооперативное взаимодействие между членами организации и чем больше внутренняя дифференциация, тем более эффективна будет организация в преследовании целей своих членов, какими бы эти цели ни были. С точки зрения режимов и режимно-ориентированных организаций, эти характеристики особенно важны для установления эффективных ценностных возможностей и поддержания неразрушительных средств выражения гнева. С точки зрения диссидентов они также способствуют эффективному созиданию и распределению ценностей, но наиболее важно то, что они дают диссидентам возможность защитить своих членов от атак и организовать эффективное сопротивление.

Гипотеза RI.2. Институциональная поддержка режима сильно изменяется в зависимости от уровня сплоченности и сложности режимно-ориентированных организаций.

Сплоченность — это степень консенсуса целей и кооперативного взаимодействия между членами; **сложность** — это степень иерархической и функциональной дифференциации внутри организации¹⁸. Высокий уровень сплоченности основывается на консенсусе по поводу средств и целей организационной деятельности; в иных случаях высокие уровни кооперативного взаимодействия трудны для достижения, за исключением использования насильственных средств. Сплоченность и сложность не обязательно совпадают. Возмущенные толпы часто обладают высокой степенью сплоченности, но редко — достаточно большой сложностью. Агрегатные политические партии обладают, как правило, высокой степенью организационной сложности, но гораздо меньшей сплоченностью. Революционные движения обычно отличаются высокой степенью и сплоченности, и сложности. Ни одно из них не является необходимым условием другого; однако они выступают усиливающими условиями, и степень институциональной поддержки, вероятно, является скорее функцией их результирующего действия, нежели их суммы.

Режимно-ориентированные организации. Многие теоретические аргументы атрибутируют нестабильность политических систем организаци-

* То есть вовлеченности работоспособного населения в состав профсоюзов. —
Примеч. пер.

онной слабости и утверждают или подразумевают, что политическая стабильность усиливается и может быть основана на учреждении дифференцированных сплоченных организаций, ориентированных на режим. Корнхаузер говорит, что высокий темп массового поведения, т. е. народных движений, действующих против политического порядка, наиболее вероятен, «когда элиты бывают доступны прямому вмешательству неэлит и когда неэлиты доступны прямому вмешательству элит» — условие, которое он атрибутирует недостатку или слабости ассоциированных групп, служащих связи элит и неэлит¹⁹. Хантингтон предполагает, что возрастающая мобилизация и участие в политике продуцируют политический распад — нестабильность — в той мере, в какой они не связаны с организацией и институционализацией²⁰. Эйк утверждает, что политически дезинтегративные эффекты мобилизации наилучшим образом минимизируются политическими системами, обладающими четырьмя характеристиками. Они должны быть: авторитарными, осуществляющими централизованный контроль над политическими и другими ресурсами; паттерналистскими, внушающими своим последователям ощущение цели и помогающими им «найти связи и значения» в изменяющемся обществе; создающими и поддерживающими взаимную идентификацию между правителями и управляемыми; создающими согласие в рамках контекста правящей элиты²¹. Аптер полагает, что напряжениями, которые вызываются социальными изменениями, можно управлять через «высокую степень правительственного регулирования социальной жизни для того, чтобы вносить большую согласованность ценностей и институтов...» Легитимация плотного контроля наилучшим образом осуществляется через «ретрадиционализацию», т. е. через утверждение текущей практики путем символического обращения к традиционно знакомым паттернам институционального контроля²².

Гипотезу относительно режима поддерживают также эмпирические свидетельства. Стабильность британской политической системы общепризнанно приписывают эволюции сложных и ответственных политических институтов, поддерживаемых широко распространенным фундаментальным согласием по поводу процедур политической деятельности, если не обязательностью целей политической деятельности. Подобным образом нестабильность французских правительств ассоциируют с фундаментальным недостатком консенсуса относительно форм, процедур или целей политической деятельности и недостатком организационного развития большинства французских политических партий²³. Экштейн атрибутирует стабильность и эффективность норвежской

политической системы высоко ценимому среди норвежцев поведению в стиле согласия и сотрудничества, а также масштабу схожести паттернов организации во всех секторах коллективного действия²⁴. Примером использования сравнительных данных может служить наш вывод о том, что стабильность политической партийной системы в 119 странах на протяжении 1961–1963 гг. сильно и отрицательно коррелировала с уровнями гражданской борьбы. Стабильность партийной системы измерялась дихотомически, различаясь между теми странами, где имелся продолжительный и большой опыт организационной партийной деятельности (включая как одно-, так и многопартийную системы), и теми, где партий не было вовсе либо они носили эфемерный или личностный характер. Эта мера коррелировала с общей величиной насилия на уровне $-0,34$. Связь также удерживалась, когда страны подразделялись в соответствии с типом политической системы: среди полиархических (плюралистских) стран корреляция составляла $-0,21$, среди элитистских (новых независимых) $-0,27$ и среди центристских $-0,47$ ²⁵.

Сплоченность диссидентских групп. Высокие уровни взаимодействия и взаимно усиливающие ощущения депривации и требований действия, обычно имеющие место среди диссидентов, необязательно могут обнаруживаться в организованном окружении. Многое из того, что говорится в литературе по поведению толпы и насилия черни, можно интерпретировать с позиций влияния толпы на усиление групповой сплоченности. Ле Бон утверждал, что участники революционных толп характеризуются «исчезновением сознательной индивидуальности, преобладанием неосознанной индивидуальности, обращением к средствам суггестии и заражением чувствами и идеями одного и того же направления»²⁶. Мартин подчеркивал влияние толпы на усиление разделяемых, но обычно подавляемых импульсов, дающих им нормативную санкцию: «Условия толпы — это высвобождение подавляемых импульсов, которое становится возможным вследствие того, что контролирующие идеи перестают функционировать в непосредственном окружении»²⁷. Другие авторы полагают, что толпа способствует коллективному действию лишь до той степени, в какой ее члены разделяют общие для всех ощущения и мотивы: «Толпа воздействует только на высвобождение подготовленных импульсов»; коллективность способствует выражению агрессивных импульсов, но не создает их²⁸. Некоторые теоретики делают акцент на важности бихевиористского заражения в таких группах. Франк пишет, что действия эмоционально возбужденной личности отчасти зависят от других людей, находящихся в ее

окружении. Наличие других людей, ведущих себя насильственным образом, является «мощным стимулятором... Заразительность любой сильной эмоции, будь то радость, горе или ярость, вероятно, выступает одной из наиболее потенциальных причин такого явления»²⁹.

Некоторые эмпирические исследования группового поведения показывают, что взаимное усиление ощущений и связи в условиях фрустрации способствуют возникновению агрессии. Стотленд сравнивал реакции субъектов на фрустрирующего супервайзера в двух вариантах ситуаций:

- когда они работали в одиночку;
- когда они имели возможность общаться с другими, работавшими над выполнением таких же заданий.

Вторые выражали более сильную открытую враждебность по отношению к супервайзеру — предположительно вследствие того, что у них формировалась точка зрения, независимая от фрустратора, и они могли более определенно выражать свое мнение³⁰. Пепистоун и Рейчлинг целенаправленно формировали сильно сплоченные и слабо сплоченные группы, а затем подвергали их воздействию оскорбительных нотаций. При этом они обнаружили, что сплоченные группы выражали более сильную враждебность и заявляли об этом более открыто, нежели другие³¹. Аналогичным образом Френч обнаружил, что организованные группы, члены которых прежде работали вместе, выражали агрессию более открыто и свободно, нежели группы неорганизованных незнакомцев³². Сравнимый феномен наблюдался в недавних экспериментах по выработке решений, где предполагалось, что при определенных условиях группы принимают гораздо более рискованные решения, нежели в тех случаях, когда их члены действовали раздельно³³. Некоторые типы фрустрации явно увеличивают сплоченность. Козер считал, что свой вклад в сплоченность группы вносит также враждебность в отношении других внешних групп³⁴, а Тибо обнаружил, что сплоченность низкостатусных групп ощутимо возрастала перед лицом продолжительной фрустрации³⁵.

Свидетельства о коллективных действиях выявляют важность высоких уровней взаимодействия и групповой сплоченности во всем, что содействует насилию. Индивидуальное поведение и в толпе, и в революционных организациях характеризуется высоким, иногда исключительно сильным взаимодействием их членов. В ходе развития революционных организаций; как полагает Хоппер, недовольные люди узнают друг о друге, принимая участие в совместной деятельности.

«Их негативные реакции на базовые факторы жизненных обстоятельств разделяются другими и начинают распространяться [среди всех членов организации]... Благодаря этому, индивидуальное недовольство имеет тенденцию становиться сфокусированным и коллективным». Такое коллективное возбуждение «служит тому, чтобы интегрировать недовольство и смуту, разрушать старые паттерны поведения и подготавливать путь для развития новых паттернов»³⁶. Такого рода процесс был законспектирован одной работницей из Йерреса, арестованной в качестве зачинщицы французских хлебных бунтов 1775 г., которая сообщала полиции, что, будучи далекой от того, чтобы стать лидером, она «была увлечена... была возбуждена, так же, как кто угодно другой, и что она сама не осознавала, что говорила и что делала»³⁷. Уэйда и Дэйвис на основе ретроспективного исследования японо-американцев, которые участвовали в восстании в Манцанарском лагере для перемещенных в 1943 г., описывают ощущение групповой идентификации, которое охватывает разгневанную толпу, поддерживая чувство правоты в своих действиях: «Там индивид утрачивает, возможно, большую часть идентичности и уникальности, которая делает его индивидом. Его роль как члена толпы обеспечивает его защитной маской, за которой он может присоединиться к такому действию, которое он не мог бы совершить в собрании друзей и знакомых. Теряя меру своей идентичности, человек в толпе теряет чувство индивидуальной ответственности и в то же время приобретает ощущение силы в выражении чувств, которые он разделяет с другими присутствующими, но которые сам он не мог бы выразить, во всяком случае выразить эффективно. Это ощущение силы, которое, как освобождение от напряжения, является одним из аспектов свободы, даже если оно выражает индивидуальность, и может отчасти служить объяснением, почему действия толпы могут приносить такое удовлетворение многим ее членам. Один из участников восстания, которое мы изучали, подчеркнуто утверждал, что он "чувствовал себя прекрасно", когда восстание было в прогрессивной стадии»³⁸.

В той степени, в какой недовольные чувствуют себя подобным образом, взаимодействие между ними облегчается. Два французских историка рабочего движения пишут о новом городском пролетариате, что «...спектакль однообразной бедности возникал вследствие идентичности условий, способствовавших взаимной осведомленности обездоленных. Рабочие массы, встречаясь на заводах, общались вновь в убогих лачугах и нездоровых окраинах больших индустриальных городов... Это чувство принадлежности к той же категории отверженных,

отделенных от остальной части нации, помогало в том, чтобы дать всем чувство принадлежности к одному классу париев, живущих вне коллективности»³⁹.

В качестве поддержки такой интерпретации можно привести сравнительное исследование склонности рабочих к забастовкам в одиннадцати западных странах на протяжении двадцатипятилетнего периода. Керр и Зигель обнаружили, что большинство из тех рабочих, которые тяготеют к участию в забастовках, работают в тех отраслях индустрии, где рабочие образуют относительно однородные группы, географически или иным образом изолированные от более крупных коллективов и сильнее «склонны к солидарности»⁴⁰. В более раннем исследовании Крук также обнаружил, что многие всеобщие стачки эволюционировали из диспутов в шахтах, на лесосеках, текстильных фабриках и портах, причем большая часть этих предприятий характеризовалась «изолированной» массой работников⁴¹. Подобно этому восстаниям черных американцев способствовала вынужденная сплоченность бедняков гетто. Свидетельства, которые приводятся в главе 4, показывают, что в некоторых восстаниях в гетто имела место дифференциация участников на недавних иммигрантов и старожилых, причем участие последних было более активным; старожилы, вероятно, испытывали не только большее недовольство, но также и более сильное стремление к взаимодействию с другими. Эффекты сплоченности, способствующие насилию среди многих групп диссидентов, очевидно, носят иной характер, нежели среди тех, кто находится в ситуации изоляции или деградации. Частоту студенческих демонстраций и бунтов отчасти атрибутируют относительной однородности и высокой степени взаимодействия, характерным для студенческой культуры, в сочетании с особенно сильным недовольством по поводу условий, складывающихся в более обширном обществе. Американская революция вряд ли могла бы стать успешной, если бы среди молодых людей из верхушки колониальных средних классов не было консенсуса относительно целей, основанного на их совместном обучении в школе и схожести социоэкономического происхождения, а также на их взаимодействии в колониальной политике и позже в комитетах корреспонденции.

Характеристики диссидентской организации. Выживанию и эффективности действий диссидентских групп в значительной степени способствуют развитие лидерства, дифференциация организационных функций и учреждение формальных структур для выполнения этих функций. Организационное развитие не является ни предпосылкой, ни суррогатом сплоченности; но оно может быть использовано для ее

увеличения и расширения групп до гораздо более крупных размеров. Организационная дифференциация равным образом важна для мобилизации ресурсов, как и для других групповых целей. Большое внимание, уделяемое лидерству в диссидентских организациях, — это молчаливое или открытое признание его роли в создании и расширении институциональной поддержки диссидентов. Лидеры формулируют доктрины, оправдывающие политическое насилие, и доводят их до своих последователей — как действующих, так и потенциальных; они устанавливают типовые способы действий и дают соответствующие санкции тем, кто их непосредственно использует; обеспечивают средства и сигналы к насильственным акциям; минимизируют вероятность возмездия для своих последователей. Точного соответствия между лидерством и развитием массового политического насилия не существует. Некоторые революции потерпели неудачу вследствие чьего-то желания установить эффективное лидерство, другие провалились, несмотря на его наличие, хотя некоторые из революций, увенчавшихся успехом, не обладали эффективными лидерами до тех пор, пока революционный процесс не развился в полной мере⁴². Тем не менее установление единого лидерства и руководство местными организациями играет важную роль, когда приходится сталкиваться с организованным сопротивлением.

Одной из функций, которые наиболее часто атрибутируют революционному лидерству, является формулировка доктринальных оправданий насилия. Кантрил так описывает эту функцию в условиях широко распространенного недовольства: «Эти критические ситуации... создают плодородную почву для возникновения лидера толпы, потенциального диктатора, революционного или религиозного пророка... Такого рода лидеры возникают благодаря тому, что они дают людям интерпретацию, которая вносит упорядоченность в их хаотичный психологический мир. Умный лидер почувствует причины неудовлетворенности своих последователей, осознает, какие из старых причин лояльности действующему режиму остались непоколебимыми, а какие подвергаются серьезным сомнениям. Он распространяет среди смущенных и нетерпеливых душ рациональные взгляды, которые, с их точки зрения, сочетают в себе лучшее из старого с лучшим из нового»⁴³.

Использование призывов и развитие организационных средств дает возможность синтезировать разнообразие интересов и неудовлетворенностей и поставить их на службу целям диссидентских лидеров. Розберг в своем исследовании организации движения Мау-Мау рассказывает о том, как лидеры кикуйю решили привести массы к присяге, на которой следовало базироваться движению для того, чтобы создать

широкую организацию, которая должна была преодолеть фракционность внутри племени. Поскольку организация уже существовала, контроль над ней смогли получить более воинственные группы⁴⁴. Воззвания, которые эффективны для мобилизации поддержки на короткий период времени, не обязательно будут благоприятны для поддержания деятельности диссидентов в течение длительного времени. Например, если диссидентские организации переходят от демонстративной деятельности к инструментальной, доктрины, которые служили для оправдания насильственных акций, потребуют, вероятно, новых интерпретаций. Биттнер утверждает, что радикальные убеждения имеют определенное полемическое неудобство, подвергая риску само продолжение радикальных движений, и что их принципиальной организационной задачей является компенсация этого неудобства⁴⁵.

О различных типах лидеров говорят, что они выполняют различные организационные функции. Хоффер атрибутирует ответственность за дискредитацию предшествующего политического порядка «человеку воинствующего слова». Если режим оказывается дискредитированным с его помощью или благодаря другому средству, революционное движение консолидирует «человек дела»⁴⁶. На самой ранней стадии развития революции Хоффер предлагает проводить различие между «спокойным, исполненным достоинства» агитатором, который «возмущает людей... тем, что он говорит», и активистом, который просто побуждает людей к действию. На последующей, «популярной стадии» лидерство обеспечивается пророком, который пропагандирует «особое, отличительное знание причин тревоги и недовольства», а позже — реформатором, который предлагает специфическую программу действий⁴⁷. Дискуссии о харизматическом лидерстве делают акцент на символических функциях лидеров; харизматический лидер символизирует всеобщую нужду и может даже превращать ее в доктрину революционного действия со стороны своих последователей⁴⁸. «Во всех случаях лидер — это символ, — пишет Петти. — В некотором смысле, подобно любому символу, он опосредует для своих последователей некоторые жизненные принципы»⁴⁹. Таких людей их последователи наделяют экстраординарным могуществом и наличием таких качеств, которые позволяют им выражать функции физиологического состояния тех, кого они ведут за собой, как свои собственные.

Высококвалифицированный лидер необходим для создания ситуации перманентного насилия и направления его в определенное русло. Мак-Алистер предполагает, что существует тесная связь между эффективностью революционного насилия и степенью революционной организованности

и единства⁵⁰. Сравнительное исследование сельского бандитизма в Колумбии и городского терроризма в Венесуэле приводит к выводу, что эффективное организационное единство является предпосылкой проведения целеориентированной революционной политики и что высокополитизированное лидерство необходимо, если диссиденты намерены поддерживать кампанию противостояния как правительству, так и большинству граждан. Если лидерство не является политически компетентным, политическое насилие может быть продолжено лишь при наличии широко распространенного политического недовольства⁵¹. Если диссидентская организация была создана как полувоенное формирование или же трансформировалась в него, предпосылкой успеха военных операций является иерархия лидерства. Политические и организационные умения их лидеров могут содействовать достижению личных целей самих лидеров, направляя спонтанное насилие на свои собственные мишени. Так с успехом поступали большевики в России в 1917 г.; такой же путь избрали лидеры Французской коммунистической партии в 1968 г.

Последний пример проясняет, что нельзя обнаружить точного соответствия между существованием диссидентского лидерства и расширением масштабов насилия. Компетентное лидерство и сложная обстановка способствуют институциональной поддержке диссидентов; эта поддержка может быть использована скорее для минимизации, нежели увеличения политического насилия. К примеру, государственный переворот в предреволюционной ситуации, может предупредить массовое насилие, быстро устраняя ненавистные символы политической репрессии и вселяя надежды на смягчение депривации⁵². Вообще, если диссидентские лидеры изначально в большей степени привержены к усилению ценностных позиций своих членов, нежели к самому осуществлению насилия, они будут приспосабливать свою тактику к потребностям ситуации, с которой сталкиваются. Если тактические соображения подсказывают им, что преимущества наилучшим образом достигаются с помощью минимального насилия, то они, вероятно, будут ориентировать своих членов скорее на минимизацию, нежели на усиление насилия. Возможно также, что необходимость удовлетворения потребностей своих наиболее интенсивно неудовлетворенных последователей в выражении враждебности из-за опасения утратить контроль над ними могут подвигнуть лидеров на более насильственные действия, нежели они сочли бы целесообразным по тактическим соображениям. Позднее, чтобы минимизировать деструктивные последствия такой тактики, они могут развивать более рутинные, менее насильственные

символические средства протеста тех типов, которые используют сами режимы (см. следующий раздел). Один из возможных результатов такого процесса — ритуальное использование демонстраций и забастовок, сопровождаемое высокими уровнями вербального выражения враждебности.

Другие организационные функции, в которые вносит свой вклад лидерство, — это обеспечение своим последователям нормативной и физической поддержки и, как следствие этого, усиление групповой сплоченности и ослабление коерсивного воздействия со стороны режима. Главная функция доктрин, формулируемых лидерами, состоит в том, чтобы обеспечить своих последователей нормативными оправданиями оппозиции. Осведомленность последователей о том, что они являются членами организованной группы единомышленников, усиливает групповую сплоченность и дает ощущение безопасности перед лицом внешнего давления. «Мы должны висеть все вместе, или же мы, без сомнения, будем висеть по отдельности!» — это чувство, общее для многих мятежников, включая тех американских колониальных лидеров, которые дали ему такое выражение. Само по себе наличие лидерства также может снижать воспринимаемую угрозу возмездия, действуя наподобие громоотвода. Рядовой член диссидентской организации может быть убежден, что основной удар негативных санкций режима падет скорее на лидера, нежели на него.

Специфические организационные характеристики диссидентских групп широко изменяются в зависимости от обстоятельств формирования группы, целей лидеров и последователей, социальной и экономической обстановки действия и характера ответа режима на их деятельность. Хотя здесь не предпринимается попытки анализа этих факторов, заслуживает внимания тот момент, что диссидентские организации обычно отражают паттерны, общие для социальной среды, в которой они действуют. Наиболее очевидная причина состоит в том, что многие диссидентские организации, особенно те, у которых цели носят скорее ограниченный, нежели революционный характер, бывают первоначально нейтральными или режимно-ориентированными ассоциациями и лишь впоследствии втягиваются или вовлекаются в открытую оппозицию режиму. Такие случаи имели место со многими миллениаристскими религиозными движениями, с политическими партиями и ассоциациями, которые прибегали к насильственному сопротивлению, когда общепринятые средства политической активности оказывались для них закрытыми, а также с радикальными профсоюзными организациями наподобие Интернациональных Рабочих Мира. Более

распространенная причина кроется в том, что люди просто лучше делают то, что умеют делать. Диссидентские лидеры с наибольшей вероятностью действуют эффективно, если используют организационные методы, в которых имеют опыт. Они с наибольшей вероятностью могут привлекать к себе последователей и приобретать их лояльность, используя свою власть теми способами, с которыми эти последователи знакомы. В литературе проводится немало параллелей между преобладающими паттернами групповой организации и диссидентской организации. Массовые протесты в средневековой Европе имели тенденцию принимать форму религиозных движений — единственного типа организации, отличного от родственных кланов и феодалов, известного большинству сельских и городских жителей того времени⁵³. Многие заговорщические организации в Европе XIX в. имели сходство с миролюбивыми тайными обществами той эпохи⁵⁴. Организация и тактика партизанских отрядов в менее развитых странах часто имеет значительное сходство с организацией и тактикой традиционных банд. Региональные сепаратисты и революционеры, контролирующие значительные территории, часто используют существующие административные структуры и процедуры, если же таковых не существует, — копируя модель того режима, которому они противостоят, либо зарубежные модели. Захваченные документы местного правительства, учрежденного мятежниками в провинции Конго Куилу в середине 1960-х гг., демонстрируют ритуалистическую приверженность административным процедурам национального и колониального конголезских правительств⁵⁵.

Коммунистические революции были главным источником организационного вдохновения для других революционных движений середины XX в., и описаны они более детально, чем любой другой тип революционных организаций. Наиболее подходящие и эффективные модели дают китайская и вьетнамская революционные организации, разработанные в ходе затяжных революционных войн. Русский коммунистический организационный опыт был связан с маломасштабными тайными операциями в России и Европе до 1918 г., а после этого и вне России — с процедурами для проведения революционной политики, когда большевики находились у власти. Организационные паттерны и процедуры, подходящие для такого рода операций, менее эффективны и, вероятно, во многих отношениях дисфункциональны для ведения революционных войн⁵⁶. База для азиатских революционных движений обеспечивалась кадровой партией — «организацией мастеров, которая может служить в качестве скелетной структуры сложного процесса

мобилизации и действия»⁵⁷. Мобилизация требует и агитации среди потенциальных сторонников, и создания сложных интегрированных структур, «способных сплотить своих членов, чтобы они выполняли приказы с безоговорочным повиновением»⁵⁸. Мао следующим образом описывает некоторые типы политических и военных структур коммунистов в районах Китая, находившихся под номинальным контролем японцев. Каждая область «должна быть подразделена на отдельные компании или батальоны, формируемые в соответствии с подразделениями. В каждый из “военных районов” назначаются военные командиры и политические комиссары. В подчинение им назначается необходимое число офицеров как военных, так и политических. При военных штабах должен иметься персонал, помощники, офицеры по снабжению, а также медицинский персонал. Контроль над ними осуществляет начальник штаба... В политических штабах создаются бюро пропаганды, организации движения народных масс и разнообразных смешанных функций. Правом контроля над ними наделяются политические председатели»⁵⁹.

Предписываемые паттерны связи между военными и политическими организациями могут изменяться, равно как и исполняемые административные процедуры. Однако без значительных исключений и сторонники, и противники, и аналитики современной революционной войны атрибутируют способность революционных организаций, созданных по коммунистической модели, выстоять и добиться успеха перед лицом массивированного противника, прежде всего, их организационной проработанности⁶⁰.

Некоторые функциональные детерминанты институциональной поддержки

Масштаб, сложность и сплоченность организованных групп оказывают важное влияние на их способность к выполнению функций любого типа: поддержание стабильности, захват власти, расширение элит, удовлетворение политических ожиданий, создание благ или получение удовлетворения от потребления. Люди, которые испытывают неудовлетворенность, имеют два основных типа мотивации участия в организационной деятельности: они желают получить компенсаторные ценности для смягчения RD, а кроме того, они обладают определенной врожденной предрасположенностью к агрессивным действиям против тех, кто повинен в их неудовлетворенности (см. главы 2 и 3). Если режим или диссидентские организации желают располагать постоянными

и высокими уровнями поддержки со стороны недовольных, они должны учредить средства для удовлетворения этих мотиваций. Три релевантные организационные функции, рассматриваемые ниже, предназначены для обеспечения прямых и косвенных средств к приобретению ценностей и средств выражения гнева. И режим, и диссидентские организации могут выполнять все три функции. Однако относительная важность различных функций для их членов может меняться в зависимости от природы их неудовлетворенности. Кроме того, способы, которыми выполняются эти функции, варьируют в зависимости от того, идет ли речь о режимных или диссидентских организациях, и имеют совершенно различные долгосрочные последствия для потенциала насилия.

Социетальные ценностные возможности

Наиболее очевидная, но не обязательно самая важная инструментальная функция организаций состоит в том, чтобы обеспечить своих членов типовыми и предсказуемо успешными способами деятельности для прямого ценностного удовлетворения. Сами по себе акты участия в организации могут обеспечить внутреннюю межличностную удовлетворенность потребностей в общении, самоопределении и усилении разделяемых убеждений за счет того, что члены ее следуют предписанным нормативным требованиям. Членство может также предоставлять средства для достижения ценностей власти. Члены стабильных, эффективных организаций могут получать ощущение и фактическое обеспечение безопасности от внешних воздействий, т. е. определенную меру свободы. До той степени, в какой они могут регулярно оказывать влияние на решения организации, они могут удовлетворять желание участия и в то же время поддерживать и, вероятно, увеличивать сферу своей личной свободы. Если организация обладает материальными ресурсами, ее члены могут получать возможность пользоваться ими: жалование для нанимаемых служащих и партийных работников, жилье и медицинское обслуживание для членов профсоюза. Для распределения таких ценностей организации должны располагать существенными ресурсами или, по меньшей мере, способностью к их производству. Производство ценностей благосостояния требует физических или денежных ресурсов. Аналогично и установление организационного контекста, в котором могут создаваться и разделяться межличностные ценности, требует определенных физических ресурсов, равно как и желания части членов и элиты предоставлять друг другу статус и права участия. Предлагаются две гипотезы.

Гипотеза R1.3. Институциональная поддержка режима умеренно изменяется с размерами ресурсов, находящихся в распоряжении режимно-ориентированных организаций.

Гипотеза D1.3. Институциональная поддержка диссидентов умеренно изменяется с размерами ресурсов, находящихся в распоряжении диссидентски-ориентированных организаций.

Важность физических ресурсов для улучшения институционального контроля режима подтверждается в результатах одного кросс-национального исследования. Выше приводились данные исследования гражданского насилия в 119 странах. Путем соотнесения размеров центрального правительственного бюджета с валовым национальным продуктом страны была сконструирована мера правительственного контроля над экономическими ресурсами и произведена ее корреляция с мерами величины гражданского насилия в течение 1961–1963 гг. Корреляция для всех стран оказалась на уровне $-0,34$: чем больше доля правительства в обладании экономическими ресурсами, тем меньше величина насилия. Эта связь подтверждалась для стран, находящихся на разных уровнях экономического развития, в предположении (в соответствии с гипотезой V.7), что она тем вернее, чем больше абсолютная доля ресурсов, которая детерминирует институциональную поддержку режима. Среди наиболее развитых стран корреляция составляет $-0,25$; среди среднеразвитых $-0,31$; среди наименее развитых $-0,45^{61}$. Аналогичным образом наличие физических ресурсов улучшает институциональную поддержку диссидентов, как можно предположить, исходя из примеров, приведенных в главе 8. Диссиденты, контролирующие базовые области или имеющие иностранные источники снабжения, в большей степени способны вести затяжные восстания. Снижение силы связи между ресурсами режима и уровнем насилия по мере повышения уровня развития, очевидное из приведенных корреляций, может показать, что чем богаче страна, тем легче контролируемые диссидентами организации могут получить существенные ресурсы для своего собственного использования, какая бы доля ресурсов ни находилась под правительственным контролем.

Важность нематериальных ценностных удовлетворений для сохранения институциональной поддержки получила документальное подтверждение в опросных (с помощью интервью и анкет) исследованиях связей между статусом, участием и отчуждением. Люди, обладающие небольшими возможностями для участия в организациях, контролирующих их жизненные дела, или имеющие низкий статус в этих организациях, проявляли тенденцию к отчуждению от организации и были в наибольшей степени расположены к активным «решениям» и внутри организации, и вне ее. В исследовании рабочих автомобильной

промышленности Корнхаузер и др. обнаружили, что те, кто чувствовал себя более всего бесполезным в политическом смысле, испытывали наиболее высокий уровень отчуждения от американской политической системы⁶². В опросе 450 рабочих, включая членов и нечленов профсоюзных организаций, Нил и Симен обнаружили, что членство в посреднических организациях — особенно в профсоюзах — снижало у рабочих чувство отчуждения и бессилия⁶³. Опрос, проведенный Темплтоном по вопросам связи между отчуждением и политическим участием, показал сходный результат — в большей степени по выборке в целом, нежели по выборке одного лишь рабочего класса. Отчуждение оценивалось путем использования вопроса об удовлетворенности или неудовлетворенности американцев жизнью в своем обществе. Те, кто испытывал сильное отчуждение, проявляли также сильную тенденцию самоидентификации с более низким социоэкономическим статусом, к обладанию враждебными аттитюдами к правительственным агентствам и процедурам, к проявлению низких уровней участия в политике и враждебности по отношению к неграм⁶⁴. Такие результаты совместимы с выводами почти всех опросов по отчуждению. В этих исследованиях не совсем отчетливо разделены причины и следствия: враждебность, ассоциируемая с отчуждением, может быть результатом недостаточного участия в жизни общества, в котором каналы такого участия формально открыты. Между эмоциональным состоянием, аттитюдами и поведением складывается, вероятно, сложное взаимодействие. Тем не менее эти данные совместимы с предполагаемой связью, в которой проявления враждебности со стороны недовольных имеют тенденцию к минимизации при обеспечении межличностных ценностей и ценностей участия.

До той степени, в какой организации могут обеспечивать своих членов ценностями, соизмеримыми с ожиданиями, потенциал политического насилия минимизируется. Эта оценка применима как к диссидентским, так и режимным организациям. До тех пор, пока диссидентские организации получают в свое распоряжение средства для обеспечения такого удовлетворения, политическое насилие уменьшается. Однако им редко удается достигать такого состояния, даже в меньшей степени, чем режимным и нейтральным организациям, чья неспособность обеспечить адекватные возможности и удовлетворения своим членам является изначальным источником недовольства, которое дает лидерам и рекрутам диссидентским организациям. Более того, неудовлетворенные ценностные ожидания членов диссидентских организаций обычно велики, и факт членства в них увеличивает потребность

в защите от внешнего возмездия; первое условие далее уменьшает вероятность того, что диссидентские организации могут существенно снизить депривацию своих членов, второе требует от лидеров выделять для групповой защиты диспропорционально большое количество ресурсов.

Существуют некоторые типы ценностных удовлетворений, для которых диссидентские организации приспособлены сравнительно хорошо, включая возможности удовлетворения межличностных ценностей — таких, например, как статус, чувство общинности и идеационального сцепления (солидарности). Многие из описаний революционных движений, рабочих организаций, находившихся в процессе их формирования, нередко содержат в себе указание на их важность в удовлетворении такого рода потребностей. Кон, например, утверждает, что большинство последователей миллениарнистских движений в средневековой Европе испытывали сильное отчуждение от церкви и находили в этих движениях решение проблем этого отчуждения. «Но если эти люди были отчуждены от церкви, они испытывали и страдание вследствие своего отчуждения... Неуверенность в возможности получения утешения, руководства и посредничества со стороны церкви усугубляли их чувство беспомощности и увеличивали их отчаяние. Именно вследствие этих эмоциональных чувств бедняков воинствующие социальные движения... были в то же время суррогатами церкви»⁶⁵.

Относительные успехи Фронта Национального Освобождения в Южном Вьетнаме в обеспечении лояльности со стороны сельских жителей отчасти атрибутируются тем возможностям, которые он предоставлял для повышения статуса и политического участия амбициозной деревенской молодежи — в противовес классовым и образовательным барьерам на пути восходящей мобильности, установленным в рамках военной и административной иерархии Сайгонского правительства. Остается фактом, что большинство диссидентских движений испытывают нехватку чисто физических ресурсов для прямого удовлетворения экономической депривации своих членов или для обеспечения их адекватной безопасностью против внешней угрозы. Важнее другое: удовлетворяя психологические потребности, они одновременно создают узы лояльности, дающие организациям упругость и способность сражаться за другие цели.

Политические ценностные возможности

Большинство политических организаций, как и многие другие ассоциативные группы, используются их членами в качестве средств — в равной степени, как и целей. Такого рода организации задают санкциони-

рованную линию действия, посредством которой можно, в конечном счете, получить выгоды от других индивидов, групп и институтов. Одна из главных функций политических систем и некоторых общинных и ассоциативных групп состоит в посредничестве и разрешении конфликта между их членами; т. е. они дают средства, с помощью которых индивиды и группы, конкурирующие за недостающие ценности, могут быть наделены более или менее справедливой долей этих ценностей. Члены политических партий в чувствительной политической системе получают определенные возможности для влияния на ценностно-распределительную политику режима, как и другие ассоциативные группы.

Эффективность предоставляемых политических возможностей для членов как режимных, так и диссидентских организаций детерминруется не непосредственными ценностными выгодами, которые обеспечивают эти организации, а ощущением возрастания собственных ценностных возможностей, которое они могут предоставить тем, кого привлекают на свою сторону. Такая же оценка справедлива и в отношении предоставляемых ценностных возможностей (смотри гипотезы IP.4 и VC.4 в главах 3 и 5). Для недовольного индивида непосредственная выгода присоединения к диссидентской организации состоит в увеличении предоставляемых ему ценностных возможностей, а значит, в возрастании вероятности снижения в ближайшее время его ценностной неудовлетворенности. Такой же эффект имеет учреждение режимом новых форм участия. Таким образом, организации всех типов могут усилить институциональную поддержку себе, увеличивая для своих членов число альтернативных направлений действия. Предлагаются две гипотезы.

Гипотеза RI.4. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с числом и масштабом ценностных возможностей, предоставляемых режимно-ориентированными организациями.

Гипотеза DI.4. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с числом и масштабом ценностных возможностей, предоставляемых диссидентски-ориентированными организациями.

Масштаб в данном контексте относится к доле членов таких организаций, выбранных для того, чтобы они могли пользоваться предоставленными средствами. Эти гипотезы нуждаются в двух оговорках. Если новые предоставленные средства окажутся неудачными для того, чтобы участники ощутили прогресс, а также в обеспечении компенсаторных функций, например, в том, что касается их статуса, участия,

а также общинных ценностей, интенсивность их неудовлетворенности возрастет, а вместе с этим будет расти организационная разобщенность, конфликт и отчаяние. Вторая состоит в том, что эти возможности должны быть открыты для всех, кто пожелает ими воспользоваться. Те, кто исключается из охвата новыми способами политической деятельности или отстранен от «авангарда работников движения», вероятно, не почувствуют какого-либо прогресса в условиях своей жизни и могут ощутить возрастающее недовольство вследствие дискриминации по отношению к ним (вывод VC.4.1).

Существуют две характеристики политических ценностных возможностей, которые являются наиболее последовательными для усиления институциональной поддержки режима, — это обеспечение механизма адекватного разрешения социального конфликта и значительная степень обратной связи при ответах на требования. Социальный конфликт вездесущ и неизбежен в социальной жизни. Его институционализация требует формализации правил, согласованных партиями в дискуссиях, и воплощения этих правил деятельности и поддерживающих их убеждений в процессах социализации и в действующих организациях. Галтунг идентифицирует пятнадцать условий, которые вносят свой вклад в институционализацию постоянных механизмов разрешения конфликта (к примеру, такие механизмы нуждаются в том, чтобы их направляли индивиды с элитным статусом, они должны быть общими и релевантными ближайшим проблемам, обеспечивать получение недвусмысленных результатов, определять точку, в которой конфликт завершается, распределять ценности или назначать в поддержку решений негативные санкции)⁶⁶. Эффективные методы разрешения конфликта могут быть институционализированы на общинном уровне, особенно в традиционных обществах, в которых большая часть конфликта бывает локализована. Ассоциированные группы могут также устанавливать процедуры для формального разрешения внутренних конфликтов, как это часто делают религиозные общины и университеты. Но в сложных современных обществах конфликты часто охватывают большие, дисперсные и могущественные группы. Обычно лишь режим обладает возможностью развивать институционализированные методы для ненавязчивого разрешения таких конфликтов⁶⁷.

Большинство требований, каналированных через режимно-ориентированные организации, являются требованиями дополнительных ценностей, а не разрешения ценностных конфликтов с другими группами. Различие между ценностными требованиями и ценностными конфликтами — это отчасти дело точки зрения: ценностные конфликты

по определению включают в себя ценностные требования одной из сторон конфликта. Здесь проводится различие между числом конкурирующих партий и соответствующими их ролями. Отличительной характеристикой конфликтно-разрешающих систем является то, что когда X требует ценностей, принадлежащих Y, проблема представляется на рассмотрение Z — независимой или иерархически вышестоящей организации — для вынесения решения. В простых ситуациях ценностных требований X требует ценностей Y, ожидая, что Y сам примет решение, основанное, как правило, на относительной силе двух сторон и разделяемых ими понятиях справедливости. Эффективность таких ценностных требований зависит, в о - п е р в ы х, от открытости каналов для выражения требований и, в о - в т о р ы х, — от желания и способности Y ответить на них. Истон описывает нехватку каналов или их закрытость как «провал канала», следствием чего может быть прибегание к публичному протесту для коммуникации и выражения своих требований. «Блокирование требований в этих случаях служит тому, чтобы отвергнуть их. Следствием этого становится трансформирование того, что могло бы стать миролюбивым продолжительным потоком требований, в спазматически извергаемое насилие»⁶⁸. Исследование студенческого национализма в Китае на протяжении 1920-х и 1930-х гг. идентифицирует действия Гоминдана, направленные на предотвращение участия студентов в политике как один из источников последующей студенческой поддержки коммунистов⁶⁹. Фундаментальной проблемой насильственной стачки сталелитейщиков в 1892 г. в Хоумстед, Пенсильвания, стал отказ сталелитейной компании Карнеги иметь дело с профсоюзом Объединенной Ассоциации рабочих железодельательной и сталелитейной промышленности⁷⁰.

Даже если каналы открыты, отсутствие адекватного ответа или «обратной связи» окажет крайне дисфункциональное воздействие. Аппелл резюмирует данные различных экспериментальных и полевых исследований, свидетельствующие о том, что если символическая обратная связь в организациях низка, то снижается групповое действие и возрастает враждебность. Его кейз-стади политической коммуникации в колониально управляемом племени показывает, что создание новых каналов в виде политических партий и института выборов снижало напряжение и враждебность лишь в той степени, в какой выдвинутые через эти каналы требования вели к модификации политики администрации самого округа⁷¹. Экштейн описывает более конкретные типы ответов на требования потенциальных диссидентов как «уступки», выдвигая в качестве кейза в точке трюизма, «что иногда самым дей-

ственным оружием в арсенале британского правящего класса были уступки...»⁷².

Подобно этому, диссидентские организации могут усиливать свою институциональную поддержку, обеспечивая механизмы разрешения внутреннего конфликта и свои каналы для выдвижения ценностных требований. Однако многие, а иногда и все члены диссидентских организаций настроены по отношению к режиму с интенсивной враждебностью, а поэтому сама агрессивная оппозиция к нему выступает для них в качестве внутренней ценности. Вследствие этого особенно важной для таких организаций функцией становится обеспечение средств выражения такой враждебности. Демонстрации и мятежи против правительственной политики и революционные войны одновременно выполняют и инструментальные, и экспрессивные функции; они являются способами и заявления требований и проявления враждебности. Вероятно также, как утверждает Козер, что внутренний разлад между диссидентами в этом случае имеет тенденцию к минимизации. Члены различных группировок, находящихся во внутреннем конфликте между собой, в ответ на сопротивление их противников, стремятся к объединению, ценностной сплоченности и конформности к организации в целом, чего, в принципе, и требует стремление к достижению их целей; при этом они налагают жесткие санкции на своих внутренних диссидентов. Кроме того, недовольство, возникающее из внутреннего конфликта, может быть без труда перенесено на противостоящую группу. Поэтому конфликт между диссидентской группой и режимом дает возможность разрешения внутреннего конфликта в группе. Для разрешения конфликтов редко требуются институционализированные механизмы. Когда они возникают, то это обычно происходит в контексте внутренней войны, в которой диссиденты осуществляют институциональный и коерсивный контроль над нейтральными группами, при осуществлении которого они обычно учреждают свои собственные судебные структуры, как это было, например, в Ирландии в начале 1920-х и в сельском Китае на протяжении 1930-х и 1940-х гг.

Поэтому члены диссидентских организаций с наибольшей вероятностью будут стремиться к тому, чтобы заполучить в свое распоряжение такие средства, которые удовлетворяли бы выполнению и инструментальных, и экспрессивных функций. Не следует ожидать, что неудача инструментальных средств с необходимостью повлечет за собой ослабление организации. Недостаток успеха в достижении требуемых ценностей скорее будет интенсифицировать, нежели ослаблять сопротивление, потому что первоначальная враждебность не только остается,

но и возрастает — вследствие усилий, затраченных на действие, повышающее возможность достижения цели (вывод ID.2.2 и гипотеза ID.4). Тот факт, что внешние группы — будь то режим или политические конкуренты, — несут ответственность за отсутствие отклика на требования, увеличивает вероятность того, что враждебность будет сосредоточена именно на них, а не на диссидентских лидерах, которые выбрали неудачный способ действий. Выражение протеста дает также внутреннее удовлетворение недовольным даже в отсутствие других ценностных приобретений (глава 2). Но каковы же последствия ценностных приобретений, полученных через враждебно выраженные требования? Они с высокой степенью вероятности усилят степень институциональной поддержки диссидентов; они также вероятно, при некоторых условиях снизят уровень приверженности диссидентов насильственному противостоянию, как это утверждается позднее.

Каналы для выражения протеста

Некоторые из членов почти каждого типа организаций всегда бывают недовольными, и вряд ли вероятно, чтобы даже самая эффективная организация могла бы дать ценностные возможности, адекватные для устранения всех RD. Чем более интенсивно бывает недовольство, тем более необходимы механизмы выходных клапанов каналов протеста — хотя бы для утверждения институциональной поддержки. Те же структурные паттерны действия, что и в каналах политического участия, часто служат и инструментальным, и экспрессивным целям. Идентичность структуры не должна скрывать двойственности функций таких структур, служащих тем, кто ими пользуется. Когда неудовлетворенность низка, их использование изначально инструментально; когда неудовлетворенность усиливается, они допускают выражение значительной враждебности. До той степени, в какой организации обеспечивают институционализированные каналы протеста, потенциально разрушительные последствия враждебности могут быть минимизированы для организации. Диссидентские организации каналируют большую часть гнева своих членов, каковы бы ни были его источники, в атаки на своих противников. Если этого не происходит, например в условиях жестких репрессий, недовольство может внести свой вклад в раскол, который находит свое выражение в распаде на экстремистские политические группировки. Однако недостаток способности для выражения некоторых типов внешней враждебности — довольно необычное явление среди диссидентских групп. Обеспечение адекватных средств для выражения внутреннего протеста обычно бывает гораздо более важным для

укрепления институциональной поддержки режима, нежели диссидентов. Эквивалентной функцией для диссидентских организаций является обеспечение возможностей для предпринятия более частых враждебных акций в отношении режима. Предлагаются две гипотезы.

Гипотеза RI.5. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с числом и масштабом упорядоченных каналов протеста, предоставляемых режимно-ориентированными организациями.

Гипотеза DI.5. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с числом и масштабом средств для антирежимных акций, предоставляемых диссидентски-ориентированными организациями.

Масштаб в этих гипотезах относится к удельному весу членов таких организаций, которые могут быть направлены для участия в таких видах деятельности. Те, кто исключены из этих действий, могут найти какое-то возмещающее удовлетворение в созерцании других, делающих то, чего хотелось бы им, однако такого рода возмещающее удовлетворение эмоциональных потребностей является изначально меньшим вознаграждением, нежели прямое удовлетворение.

Экспрессивные функции политической деятельности определяются во множестве аналитических исследований. Выше приводился аргумент Лассуэлла относительно того, что «политические движения черпают свою силу в перемещении частных аффектов на публичные объекты». Он предполагает, что человеческие «примитивные импульсы», в особенности агрессия, порождаются в семье, и что политика — это процесс, посредством которого такие импульсы находят публичное выражение. Политические требования, «вероятно, содержат лишь ограниченную релевантность социальным потребностям. Политический символ нагружается остатком успешных и негативных идентификаций и эмоциональным зарядом смещенных частных мотивов»⁷³. Американская демократия была сильна в той степени, в какой «национальные партии раздирались внутренними разногласиями»: под этим подразумевается, что партийная деятельность абсорбирует и перемещает потенциально деструктивные силы⁷⁴. Эллвуд формулирует эту позицию более отчетливо: «Политическая или экономическая система, которая воспринимается некоторыми как тягостная или репрессивная, возбуждает революцию, если она допускает выражения обид на себя, и относится к ним толерантно»⁷⁵. Революционные движения в плюралистических демократических обществах — сравнительно редкое явление, как полагает Мэй, потому что свобода слова и печати дают вербальный выход недовольству, а голосование против неугодных кандидатов утоляет некоторые агрессивные импульсы, а также потому, что участие

в деятельности добровольных ассоциаций рассеивает значительную часть агрессии. «Агрессивные движения в демократии редко достигают уровня революции, отчасти и вследствие того, что их так много»⁷⁶.

Более точно идентифицируют некоторые из связей, действующих в процессах использования коллективного выражения протеста, психологические аргументы. Так, психологический анализ смещения предполагает, что источник фрустрации известен и что естественный ответ на него — это физическая агрессия, направленная на источник. Агрессивный ответ «смещается» в той степени, в какой он направляется на других, предположительно связанных с объектом (объектное обобщение). Теория смещения в том виде, как она была разработана Миллером, утверждает, что агрессивные ответы обобщаются на объектах, которые воспринимаются как близкие к агенту фрустрации или подобные ему, и что чем сильнее гнев, тем менее схожие объекты подвергаются атаке. Такое обобщение может происходить вследствие того, что сам фрустратор недоступен, или из-за страха наказания. Одно из базовых предположений Миллера состоит в том, что чем сильнее страх перед возмездием в сравнении с силой гнева, тем меньше сходства у мишени агрессии с подлинным фрустратором, и тем более косвенный характер носит форма агрессии. Если страх испытывается только перед внешним возмездием, то сдерживание сужено в своем воздействии на объекты обобщения; вероятно все же, что сравнительно похожие объекты будут подвергнуты атаке и в довольно прямой форме. Если действуют интернализированные нормативные запреты, то сдерживание распространяется на более широкий диапазон объектов и форм. Если атаки вообще имеют место, они, вероятно, будут носить косвенный характер как по объекту, так и по форме⁷⁷.

Проявления такого рода обобщений демонстрируют различные свидетельства. Так, например, сравнительные исследования агрессивных и неагрессивных мальчиков дают подтверждение механизма обобщения ответа. Те неагрессивные мальчики, которые научились подавлять свои агрессивные реакции, проявляют более высокие уровни косвенных форм агрессии, например в фантазиях, нежели откровенно агрессивные мальчики⁷⁸.

В экспериментальном исследовании Миллера и Бугельски замерялись attitudes детей по отношению к мексиканцам и японцам, а после этого детей не пускали в кино; и, как следствие, было обнаружено повышение враждебности к мексиканцам и японцам⁷⁹. Берковиц предположил и продемонстрировал, что враждебность имеет тенденцию к обобщению от фрустратора не на любой объект, а на тех индивидов или

группы, которые не нравились раньше⁸⁰. Один из основных выводов, сделанных в экспериментальных исследованиях, состоит в том, что лишь узкий диапазон объектов отвечает тем требованиям, которые предъявляются к мишеням агрессивных ответов людей на фрустрацию, но что почти любая форма агрессии может быть удовлетворяющей настолько долго, насколько разгневанный человек пребывает в убеждении, что он имеет перед собой некоторым образом оскорбившего его фрустратора⁸¹.

Можно было бы привести немало примеров объективного обобщения проблем коллективного насилия. Во время перебоев с продовольствием в Париже в 1720 г. голодные парижане угрожали насилием королевской резиденции, однако не личности самого королевского Регента, которого они, вообще говоря, считали виновным за неуспех попыток предотвращения перебоев. А в конечном счете, линчевали кучера того спекулянта, который, по их мнению, нес более прямую ответственность за это. Когда добывание средств к жизни английских ручных ткачей оказалось под угрозой — вследствие введения новых ткацких машин, — они, в ходе луддитских восстаний в 1811–1816 гг., разрушили тысячи машин, но почти никогда не совершали прямых нападений на тех работодателей, которые внедряли на своих предприятиях эти новые машины и увольняли сверхштатных работников⁸². Линчевания негров на Юге между 1882 и 1930 гг. приобретали наибольшую частоту в те годы, когда ухудшались экономические условия. Можно предположить, что именно на негров возлагалась ответственность за экономические проблемы; причем большинство из тех, кто подвергался линчеванию, были уже фактически арестованными или обвиняемыми в преступлениях. Можно также сделать вывод, что гнев по поводу экономических бедствий перемещался на маргинально приемлемые объекты атаки⁸³.

Во всех такого рода свидетельствах подразумевается, что режимы и режимно-ориентированные организации могут минимизировать деструктивные последствия враждебности в отношении организации, возлагая вину за RD на другие объекты и давая санкционированные средства для выхода враждебности против этих целей. В качестве правдоподобных мишеней могут предлагаться любые внутренние «козлы отпущения», наподобие коммунистов, реакционеров или евреев. Предложение в качестве такого рода объектов внешних врагов может выглядеть более убедительно, поскольку в этом случае внутренние разрушительные последствия будут меньше. Общим местом является утверждение, что война выполняет функции смещения внутренней агрессии. Александер, к примеру, утверждает, что война — это своеобразный предохранительный клапан, необходимый для самосохранения

нации и обеспечивающий высвобождение постулированного враждебного инстинкта⁸⁴. Лассуэлл утверждает, что «войны и революции являются средствами разрядки коллективной неуверенности и конкурируют с любыми другими альтернативами “рассасывания” массовых напряженностей»⁸⁵. Хантингтон говорит о том, что снижение общего уровня межгосударственных конфликтов будет, вероятно, иметь своим результатом повышение уровня внутрисосударственного насилия⁸⁶. Иногда в качестве примера приводятся особые случаи. Как утверждает Экштейн, Англия дважды находилась на грани широкомасштабных гражданских войн — во время наполеоновских походов и в 1914 г. после мятежа в Каррахе⁸⁷. Испано-американскую войну 1898 г. можно рассматривать как своеобразную разрядку напряжения, порожденного закрытием американской границы. Мексикано-американская война пятьдесятю годами раньше отвлекла на себя внимание разгневанных южан от ограничений рабовладения в новых штатах и на новых западных территориях. Подобную же функцию, по мнению правительств, выполняли после окончания Второй мировой войны антииностранные демонстрации — популярная форма отдыха на свежем воздухе. Руммель и Уилсон нашли доказательства ограниченной связи между проявлениями внутреннего конфликта в 1950-х гг., основываясь на данных по большому числу стран. Но эти связи не устойчивы: различные типы политического насилия иногда имеют тенденцию к тому, чтобы предшествовать внешнему конфликту, иногда следовать за ним, типы и последствия насилия варьируют от одной группы к другой⁸⁸. В любом случае, если даже для режима оказывается возможным канализовать внутреннюю враждебность на иностранные объекты, цена такого деяния потенциально высока. Антииностранные демонстрации могут повести к уменьшению помощи и дипломатическим санкциям; цена войны часто бывает разорительно высокой.

Обобщение ответа — канализование недовольства в символическую, а не в деструктивную враждебность, оно легче институционализируется, может использоваться чаще и более предсказуемо в своих последствиях. Можно отметить и другое его преимущество: когда оно принимает форму требования прав на петицию и отзыв, выборов и мирных демонстраций, то может внести вклад в свое собственное разрешение, осуществляя доведение сути недовольства до правителей и угрожая им смещением в случае, если они не ответят. Свидетельства того, что обобщения имеют место в политической деятельности, неоспоримы. Любой понимающий политик в конкурентной политической системе знает о синдроме *знать-мошенника-вон*, сопровождающем периоды народного

возмущения. В течение шестидесятилетнего периода политиков Небраски изгоняли из офисов всякий раз, как количество осадков становилось ниже нормы. И делалось это с большим постоянством, чем могла удержаться у власти любая партия при количестве осадков, превышающем норму⁸⁹. С 1825 по 1924 г. северо-восточные штаты регулярно голосовали против находящейся у власти национальной администрации после снижения уровня осадков в одиннадцати из тринадцати случаев, исходя из предположения, что «скудный дождь означает плохой урожай, плохой урожай означает плохие времена, а плохие времена означают недовольство»⁹⁰. К этому можно добавить, что недовольство означает поиск «козлов отпущения». Саймон в своем анализе голосов, отданных в поддержку Нацистской партии с 1927 по 1933 гг., предполагает, что массовое голосование не является изначально выражением недовольства. К примеру, доля голосов, отданных нацистам в период экономического оздоровления, упала с 40 до 30 % в период между июлем и ноябрем 1932 г.⁹¹

В этих электоральных примерах предполагается, что голосование и другие формы политического участия обеспечивают выражение недовольства в сравнительно неструктивных формах. Вероятно, при отсутствии такого рода процедур недовольство выражается более насильственными способами, хотя из приведенных примеров этого не видно. Отчасти доказательством такого утверждения является открытие, что кампании за гражданские права сопровождаются существенным снижением уровня агрессивных преступлений, совершаемых неграми. Например, нападения негров на других негров в одном южном городе снизились на 31 % в течение одного года экстенсивных демонстраций за гражданские права, при этом схожие сообщения поступали из других городов⁹².

Инструментальные функции ассоциированных групп в сравнении с экспрессивными

Вряд ли можно считать вероятным, что каналы выражения протеста обеспечивают адекватный выход интенсивному недовольству. Когда недовольство интенсивно и широко распространено, появляется тенденция использования организаций, выполняющих обычно инструментальные функции каналирования протеста их членов и служащих (если они не находятся под прямым контролем режима) в качестве организационной базы политического насилия. Более того, при отсутствии формальных возможностей средства организованного выражения протеста

и насилия может обеспечить практически любой тип ассоциированной группы. Другими словами, изначальные функции ассоциированных групп по передаче недовольства их членов имеют тенденцию к изменению по мере его усиления, как показано на рис. 14.

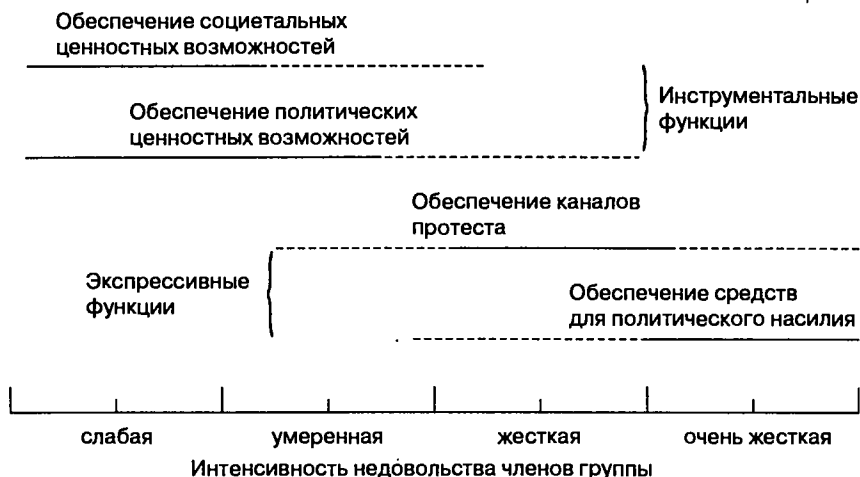

Рис. 14. Доминирующие функции ассоциированных групп в ответ на различные степени интенсивности недовольства

В условиях слабого и умеренного недовольства для членов организаций наиболее важны их инструментальные функции. Если жесткость недовольства возрастает, происходит перестановка функций по их важности; если недовольство очень жестко, организация, вероятно, будет обеспечивать своих членов средствами для осуществления политического насилия. Если люди не организованы, как это случается со многими в массовом обществе, они будут стремиться к тому, чтобы создать новые ассоциации. Приток сельских мигрантов в модернизирующиеся города Азии и Африки сопровождался пышным расцветом добровольных ассоциаций всех типов — традиционных, религиозных и в современном смысле светских. Некоторые из таких ассоциаций первоначально служили тому, чтобы сохранить старый общинный строй и поддерживать традиционные социетальные ценностные возможности, например паттерны взаимопомощи. Другие прибегали к политической активности, т. е. учреждались или видоизменялись для обеспечения ценностных возможностей выражения политического протеста⁹³. Организации черных в Соединенных Штатах в конце 1960-х гг. представляли все точки спектра. Кооперативные программы на сельском Юге и некоторые программы

общинной деятельности в северных гетто пытались обеспечить прямое ценностное удовлетворение своим членам. Традиционные организации по защите гражданских прав, наподобие NAACP и Урбанистической Лиги, делали акцент на политических ценностных возможностях. Кроме того, новые организации, такие как SCLC, CORE, SNCC, созданные первоначально для обеспечения средств политического действия, начали усиливать акцент на выражение протеста и оппозиции как таковых. Группы типа Дьяконов Обороны, Черных Мусульман и Черных Пантер были заняты мобилизацией своих членов на оборонное, а во многих случаях — наступательным насилием.

Вообще в условиях нарастающего недовольства существующие организации будут стремиться к своей трансформации для удовлетворения экспрессивных функций. В той степени, в какой они являются негибкими, вероятно, будут создаваться новые организации для обеспечения более открытого выражения недовольства. Если RD снижается, то организации, созданные для экспрессивных целей, либо приходят в упадок, либо смещают акцент в направлении обеспечения политических и социетальных ценностных возможностей, как это делали большинство западных профсоюзов и коммунистические партии Франции и Италии. Сдвиг от инструментальных функций к экспрессивным можно зафиксировать для ассоциированных групп всех типов, включая общины, профсоюзы и политические партии. Ряд иллюстраций дают и функции религиозных движений по разрешению и выражению недовольства.

Создание новых религиозных движений и сект является обычным ответом на возникающее недовольство. Своеобразную форму пролетарскому протесту придавали религиозные секты в Британии XIX в.⁹⁴ Говорят, что христианство пускало особенно глубокие корни в тех регионах Римской империи, где работники были беспокойны и не имели возможностей для выражения экономического и политического протеста⁹⁵. Сорокин приводит свидетельство того, что почти все великие религии, включая иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, джайнизм, некоторые античные и египетские культы, равно как и христианство, развивались и пользовались наибольшим успехом в смысле притока новообращенных именно во времена социальных кризисов⁹⁶. В Ашанти и в других местах тропической Африки в течение нескольких последних десятилетий было создано огромное количество религиозных сект для того, «чтобы дать сверхъестественную защиту и помощь людям, все более обеспокоенным чувством неуверенности». Филд подверг анализу более 2500 жалоб и записок, составленных в святилищах

Ашанти. Наиболее общим их содержанием является озабоченность экономическими благами и личным процветанием. Филд атрибутирует эту озабоченность неуверенности, которая распространена среди контингента этих сект, а также экспансии индустрии какао и монетарной экономики⁹⁷.

Можно предположить, что первичные мотивы участников таких религиозных движений носили инструментальный характер. Но если неудовлетворенность интенсивна и расширяется по масштабам, то существующие религиозные формирования часто смещают свои функции в направлении экспрессивной деятельности, и на основе этого могут развиваться новые — насильственно миллениариантские движения. Например в колониальной Африке до- и протонациональный протест часто принимает религиозную форму. Фернандес атрибутирует и национализм, и религиозные движения протеста в колониальной Африке чувствам зависимости и неполноценности, насаждавшимся колониальными правителями. Некоторые африканские религиозные движения носили первично инструментальный характер. Сепаратистская Западно-африканская церковь Лорда Аладура и реформистское движение Бвайти в Габоне характеризуется «весьма прагматичными попытками компенсировать депривацию и другие фрустрации, включенные в ситуацию подчинения, не подвергая опасности целостность и выживание религиозных групп, поскольку они представляются единственным институтом, который может достичь своих целей». Примеры экспрессивных религиозных движений включают в себя ксенофобные мессианские культы, такие как *кимбангуизм* в Нижнем Конго и родовые элементы в движении Мау-Мау. Такие группы делают акцент на «спасении с помощью символического смещения с ситуации, которая вызвала фрустрацию»⁹⁸. Как показывают исследования американских религиозных протестов в XIX в., символическая агрессия в такой экспрессивной деятельности нередко бывает высокой⁹⁹. Если неудовлетворенность носит жесткий характер, а внешний ответ — репрессивный, вероятно возникновение открытого проявления агрессии. В Африке имели место насильственные эпизоды *кимбангуизма*, а движение Мау-Мау подняло полномасштабное восстание. То же самое сделала Протестантская Индустриальная Миссия Джона Чилембве в Ньясаленде после того, как ее основатели потерпели основательную неудачу в своих усилиях создать европейский образ жизни; в 1915 г. секта предприняла преждевременную попытку восстания против колониального правления¹⁰⁰. Примеры, касающиеся Запада, включают в себя миллениариантское насилие в средневековой Европе, Гуситское восстание в Чехословакии

в XV в., религиозные войны Реформации, а в современную эпоху — насилия духоборов в Канаде, разрушающие личность. Даже столь основательно институционализированная организация как католическая церковь в Аргентине являла собой один из двух организационных центров (другой был в армии) антиперонистского движения в 1954 и 1955 гг. Церковь сдвинули с ее позиций нейтралитета по отношению к режиму в сторону активной оппозиции если не иерархи, то рядовые члены и активисты после закрытия религиозных школ, поджога нескольких церквей и вербальных атак на церковь со стороны Перона. В июне 1955 г. 250 000 членов движения Католического Действия организовали демонстрацию против режима в Буэнос-Айресе, а члены церкви приняли широкое и активное участие в заговорщической деятельности, которая привела, в конечном счете, к государственному перевороту в сентябре того же года¹⁰¹.

Тенденции социальных движений (многие из которых были революционными) к смещению от экспрессивной к инструментальной деятельности — это широко наблюдаемая характеристика диссидентских организаций. Самые очевидные примеры — это успешные революционные движения, приход которых к власти, как считает Бринтон, будет, вероятно, сопровождаться кратковременным господством террора и завершаться термидором, «выздоровлением от революционной лихорадки»¹⁰². Смелзер атрибутирует процесс институционализации необходимости группового самосохранения. «Движение должно генерировать новые типы лидерства, чтобы подкрепить саму организацию движения; оно должно найти постоянный источник финансирования; оно должно сделать рутинными способы рекрутирования»¹⁰³. Аналогично о движениях, которые хотят выжить, говорят, что они должны «подвергнуться адаптивным преобразованиям, которые производятся для усиления их привлекательности в конкуренции с другими организациями»¹⁰⁴. В этом процессе люди могут приходиться к осознанию ценности и самой организации, и того удовлетворения, которое она обеспечивает. Если лидеры поступают именно таким образом, цикл диссидентской организации после отката назад, вероятно, начнется сызнова, но уже внутри самой организации.

Переход к ненасильственной инструментальной деятельности переживают многие типы диссидентских организаций, и не только те, что успешно прошли такой конвульсивный процесс как революция. Таковы, к примеру, часто подтверждаемые документами характеристики религиозных сект¹⁰⁵. Подобным же образом участие индустриальных рабочих в ассоциативной деятельности формирует тенденцию уменьшения

их отчуждения и перевода протеста из насильственных форм в ненасильственные. Сравнительное исследование паттернов индустриальных конфликтов в пятнадцати европейских, североамериканских и азиатских странах показывает фактическое исчезновение разрушительных конфликтов во многих из них, где практикуются коллективные сделки, и обычным делом становится трансформация забастовки из насильственной конфронтации в короткую демонстрацию протеста¹⁰⁶. Другое обширное исследование приходит к выводу, что «рабочий протест в ходе индустриализации имеет тенденцию к тому, чтобы сравнительно рано достичь своего пика, и с этого момента — к спаду интенсивности», отчасти вследствие того, что одновременно с индустриализацией развиваются новые, более эффективные каналы выражения недовольства¹⁰⁷. Керр резюмирует этот процесс следующим образом: «Поначалу рабочий класс так мало связан с индустриальной жизнью, настолько лишен доступа к власти и к возможностям ее организации, что не имеет ни большого желания, ни достаточных средств для протеста. По мере того как возрастает его включенность в социальную жизнь и ее опыт, возрастает также и его влияние на индустриальное окружение, и у него возникает тенденция к протесту. Теперь индустриальная жизнь — это его жизнь, и он старается сформировать ее в соответствии с желаниями своего сердца. Позднее, по мере того как учреждаются механизмы для удовлетворения его обид, и цена конфликта начинает представляться более высокой, и индустриальный протест может иметь тенденцию к снижению... Оставшийся неудовлетворенным протест получает тенденцию к высокому уровню структуризации и формальному выражению»¹⁰⁸.

Трудовой конфликт в Соединенных Штатах носил более насильственный характер, нежели в любой другой индустриальной стране, и между 1870 и 1930 гг. имело место множество насильственных эпизодов. Типовая последовательность в этих конфликтах была такова: ненасильственная забастовка, побуждаемая инструментальными и экспрессивными мотивами, сопровождаемая насильственными попытками работодателей прекратить забастовку, что влекло за собой насилие — преимущественно экспрессивное — со стороны рабочих. Такого рода вспышки почти полностью подавлялись высокой ценой и с малыми выгодами для рабочих, однако они продолжались на протяжении почти трех поколений. Экономическое процветание, несомненно, внесло свой вклад в снижение насилия на трудовой почве после 1930-х гг., но, по мнению Тафта и Росса, наиболее важным фактором стало федерально регулируемое признание права рабочих на организацию и коллективную

сделку. Когда был сделан шаг к формальной институционализации, уровень насильственного трудового конфликта упал до ничтожного уровня¹⁰⁹.

Эти примеры трансформации трудового конфликта проясняют, что сдвиг диссидентских организаций от экспрессивной к инструментальной деятельности не является изначально и исключительно императивом стабильности организации. Вьет-Мин, его предшественники и последователи с возрастающей эффективностью наращивали институционализацию политического насилия в течение более чем тридцатилетнего периода без признаков какого бы то ни было спада в своей приверженности революции. Банды мятежников в горах Бирмы, в центральном Лусоне, индийском Нага Хилле и в колумбийском штате Талима поддерживали восстания на протяжении двадцати и более лет. Ирландская Республиканская Армия под тем или иным именем занимается терроризмом более сорока лет. Баскские сепаратисты совершенно педантично насильственным образом сопротивляются иностранным правителям, начиная со времен регистрируемой истории, хотя обычно это происходит скорее в контексте общин, нежели ассоциированной организации. Трансформация к мирной деятельности является функцией организационного старения, а не смягчения недовольства. Если политическое насилие носит оборонительный характер, как это бывает у многих коллективностей, которые стремятся сохранить или вернуть свою автономию, насилие, вероятно, будет убывать, как только минует угроза. Политические, рабочие и религиозные секты с наибольшей вероятностью сдвигаются в сторону инструментальной деятельности, когда они получают средства для удовлетворения ценностных экспектаций своих членов — либо из собственных ресурсов, либо путем развития регулярных и эффективных сделок и участия. Политическое насилие со стороны группы становится, вероятно, хроническим тогда, когда оно приводит к мимолетным успехам. Когда же диссиденты с помощью насилия приобретают средства для конструктивной работы над непрерывным разрешением своей неудовлетворенности, насилие вносит вклад, скорее, в свое окончание, нежели возобновление.

Примечания

¹ *Robert Southey, Essays, Moral and Politics* (London: John Murfy, 1832), 125–126.

² *Harold D. Lasswell and Abraham Kaplan, Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (New Haven: Yale University Press, 1950), 267.

³ *Gaetano Mosca, The Ruling Class*, trans. Hannah D. Kahn (New York: McGraw-Hill, 1896, 1939), 219.

⁴ *Frederick Templeton*, «Alienation and Political Participation: Some Research Findings», *Public Opinion Quarterly*, XXX (Summer 1966), 249–261.

⁵ *Clark Kerr et. al.*, *Industrialism and Industrial Man: The Problem of Labor and Management in Economic Growth* (Cambridge: Harvard University Press, 1960).

⁶ *B. R. Wilson*, «An Analysis of Sect Development», *American Sociological Review*, XXIV (February 1959), 3–15.

⁷ *Ted Robert Gurr*, «A Comparative Study of Civil Strife», in *Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds.*, *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969, 443–495). Кодирующие инструкции состояли в том, чтобы «определить тип социального группирования, в котором инициаторы выполняют действия или серии действий», используя ряд операционально определенных категорий группового типа. Категории и типы представлены в *Ted Gurr with Charles Ruttенberg*, *Cross-National Studies of Civil Violence* (Washington, D.C.: Center for Research on Social Systems, American University, 1969), Appendix B.

⁸ *Anthony F. C. Wallace*, «Revitalization Movements», *American Anthropologist*, LVIII (April 1956), 246–281.

⁹ *Selig S. Harrison*, «Hindu Society and the State: The Indian Union», in *Kalman H. Silvert, ed.*, *Expectants People: Nationalism and Development* (New York: Random House, 1963), 286–289.

¹⁰ *George R. Packard, III*, *Protest in Tokyo: The Security Treaty Crisis of 1960* (Princeton: Princeton University Press, 1966), especially chap. 3.

¹¹ См. *J. Walter Coleman*, *The Molly Maguire Riots: Industrial Conflict in the Pennsylvania Coal Region* (Richmond: Garrett and Vassie, 1936).

¹² См. *James W. Fernandez*, «African Religious Movements: Types and Dynamics», *Journal of Modern African Studies*, II (December 1964), 531–50; *Crawford Young*, *Politics in the Congo Decolonization and Independence* (Princeton: Princeton University Press, 1965), 284–286. Quotations from Fernandez, 243.

¹³ См. *Gino Germani*, *Integración Política de las Mesas y el Totalitarismo* (Buenos Aires: Colegio Libre de Estudios Superioris, 1956).

¹⁴ Выдержки из этих данных обсуждаются в *Ted Robert Gurr*, «A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1104–1124.

¹⁵ *Peter Paret and John Shy*, *Guerrillas in the 1960's*, rev. edn. (New York: Praeger, 1962), 43–46.

¹⁶ *Энтони Руссо* указывает (в личной переписке), что существует довольно тесное соответствие между суждениями участников боев о региональных паттернах контроля Национального Фронта Освобождения. Карта, опубликованная в *Los Angeles Times*, January 14, 1968, основанная на официальных источниках США, вполне согласуется с картой, опубликованной северо-вьетнамским правительством в *Vietnam* (December 1967), 9.

¹⁷ Эти корреляционные коэффициенты были приведены в аналитическом отчете *Gurr with Ruttенberg*, Part III. О политических ориентациях профсою-

зов в Латинской Америке см., например: *James Payne*, «Peru: The Politics of Structured Violence», *Journal of Politics*, XXVII (May 1965), 362–374; and *Germani*.

¹⁸ Эти переменные аналогичны двум из четырех переменных, которые *Сэмюэль П. Хантингтон* связывает (по определению) с уровнями институционализации в «Political Development and Political Decay», *World Politics*, XVII (April 1965), 395–404; сплоченность здесь определяется более широко, чем он определяет это понятие. Две другие переменные, которые он определяет, это *адаптивность*, которая выглядит скорее следствием, нежели причиной или определяющим качеством институционализации, и *автономия* — не качество организации как таковой, а характеристика ее связей с другими организациями.

¹⁹ *William Kornhauser*, *The Politics of Mass Society* (Glencoe: The Free Press, 1959), *passim*.

²⁰ *Huntington*, 386.

²¹ *Claude Ake*, «Political Integration and Political Stability: A Hypothesis», *World Politics*, XIX (April, 1967), 488–492.

²² *David E. Apter*, *The Politics of Modernization* (Chicago: University of Chicago Press, 1965), 66–67, 257, quotation 66–67.

²³ См., например, *Harry Eckstein*, «The British Political System», and *Nicholas Wahl*, «The French Political System», in *Samuel H. Beer, et. al., Patterns of Government: The Major Political Systems of Europe*, 2nd edn. (New York: Random House, 1958, 1962).

²⁴ *Harry Eckstein*, *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway* (Princeton: Princeton University Press, 1965).

²⁵ Ранее не опубликованные данные, описанные в *Gurr with Ruttenberg*, Part II.

²⁶ *Gustave Le Bon*, *The Crowd: A Study of the Popular Mind* (New York: Macmillan, 1896), and *The Psychology of Revolution*, trans. Bernard Miall (New York: Putnam, 1913).

²⁷ *Everett Dean Martin*, *The Behavior of Crowds: A Psychological Study* (New York: Harper, 1920), 48–49.

²⁸ *Roger E. Brown*, «Mass Phenomena», in *Gardner Lindzey, ed., Handbook of Social Psychology*. Vol. 2 (Reading Mass: Addison-Wesley, 1954), 845.

²⁹ *Jerome D. Frank*, *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace* (New York: Vintage Book, 1967, 1968), 79–80.

³⁰ *Ezra Stotland*, «Peer Groups and Reactions to Power Figures», in *Dorwis Cartwright, ed., Studies in Social Power* (Ann Arbor: Institute for Social Research, University of Michigan, 1959), 53–68, резюмировано в *Berkowitz*, *Aggression*, 81.

³¹ *A. Pepistone and G. Reichling*, «Group Cohesiveness and the Expression of Hostility», *Human Relations*, VIII (No. 3, 1955), 251–308.

³² *J. P. French, Jr.*, «Organized and Unorganized Groups under Fear and Frustration», *Authority and Frustration* (Iowa City: University of Iowa Studies and Child Welfare, Vol. XX, 1944), 231–308.

³³ См. *M. A. Wallach, N. Kogan and D. G. Bem*, «Diffusion of Responsibility and Level of Risk-Taking in Groups» *Journal of Abnormal and Social Psychology*, LXVIII (March 1964), 263–274.

³⁴ *Lewis A Coser, The Function of Social Conflict* (Glencoe: The Free Press, 1956), 87.

³⁵ *J. W. Thibaut*, «An Experimental Study of Cohesiveness of Underprivileged Groups», *Human Relations*, III (No. 3, 1950), 251–278.

³⁶ *Rex D. Hopper*, «The Revolutionary Process: A Frame of Reference for the Study of Revolutionary Movements», *Social Forces*, XXVIII (March 1950), 272–275.

³⁷ Цитируется по *George Rudé, The Crowd in History, 1730–1848* (New York: Wiley, 1964), 251.

³⁸ *George Wada and James C. Davies*, «Riots and Rioters», *Western Political Quarterly*, X (December 1957), 1864.

³⁹ *Gerard Dehove et Edward Dolleans*, *Histoire du Travail*, Vol. 1 (Paris: Domat-Montchrestein, 1953), 147, trans. in *Charles Tilly and James Rule*, *Measuring Political Upheaval* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph, No. 19, 1965).

⁴⁰ *Clark Kerr and Abraham Siegel*, «The Interindustry Propensity to Strike», in *Arthur Kornhauser et al., eds.*, *Industrial Conflict* (New York: McGrawHill, 1954), 189–212.

⁴¹ *Wilfred H. Crook*, *The General Strike* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1931).

⁴² См., например: *Lois Gottschalk*, «Causes of Revolution», *American Journal of Sociology* (July 1944), 6.

⁴³ *Hadley Cantril, The Psychology of Social Movements* (New York: Wiley, 1941). Схожие с этим утверждения см. в *Lyford P. Edwards, The Natural History of Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1927), 3; *Herbert Blumer*, «Collective Behavior», in *G. B. Gittler, ed., Review of Sociology* (New York: Praeger, 1966).

⁴⁴ *Carl S. Rosberg, Jr.*, «The Mau Mau as a Political Mobilization Institution» (Paper read at the Seventh Annual Meeting of the African Studies Association, Chicago, October 1964). См. также *Carl S. Rosberg, Jr., and Nuttingham*, *The Myth of «Mau Mau»: Nationalism in Kenya* (New York: Praeger, 1966).

⁴⁵ *Egon Bittner*, «Radicalism and the Organization of Radical Movements», *American Sociological Review*, XXVIII (December 1963), 928–940.

⁴⁶ *Eric Hoffer, The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements* (New York: Harper, 1951), 129–151.

⁴⁷ *Hoffer*, 272, 274–275.

⁴⁸ Понятие харизмы было разработано в *Max Weber, The Theory of Social and Economic Organization*, trans., A. M. Henderson and Talcott Parsons (Glencoe: The Free Press, 1947), especially 358–359, 362. Современный анализ см. в *Ann Ruth Wilner, Charismatic Political Leadership: A Theory* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph, No. 32, 1968).

⁴⁹ *George S. Pettee, The Process of Revolution* (New York: Harper, 1938), 75.

⁵⁰ См. *John McAlister, Vietnam: The Origins of Revolution* (New York: Knopf, 1969).

⁵¹ *John D. Martz*, «Urban and Rural Factors in Contemporary Latin American Violence», *Western Political Quarterly*, XVIII (September 1965), Supplement, 36–37.

⁵² По этому поводу см. *Andrew Janos, The Seizure of Power: A Study of Force and Popular Consent* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph, No. 16, 1964), 6–39; *Chalmers Johnson, Revolution and the Social System* (Stanford: The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University, 1964), 49–57.

⁵³ См. *Norman Cohn, The Pursuit of Millenium*, 2nd ed., rev. (New York: Harper, 1957, 1961).

⁵⁴ *E. J. Hobsbawm, Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movements in the 19th and 20th century* (New York: Norton, 1959, 1965), especially chaps. 8 and 9.

⁵⁵ В соответствии с работами *Герберта Уэйсса* из Нью-Йоркского университета, который изучал многие из этих документов.

⁵⁶ О характеристиках организации западных коммунистических партий, не находящихся у власти, см. статьи в *Milorad M. Drachkovich, ed., The Revolutionary Internationals, 1864–1943* (Stanford: Stanford University Press for the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, 1966).

⁵⁷ *David A. Wilson* «Nation-Building and Revolutionary War», in *Karl W. Deutsch and William J. Fortz, eds., Nation-Building* (New York: Atherton Press, 1963), 89.

⁵⁸ *Robert A. Scalapino*, «Communism in Asia: Towards a Comparative Analysis», in *Scalapino, ed., The Communist Revolution in Asia: Tactics, Goals, and Achievements* (Englewood: Prentice-Hall, 1959), 19.

⁵⁹ *Mao Tse-Tung on Guerilla War*, trans., S. B. Griffiths (New York: Praeger, 1961), 77.

⁶⁰ В дополнение к работам, цитируемым выше, см. также *Régie Debray, Revolution in the Revolution? Armed Struggle and Political Struggle in Latin America*, trans. Bobbye Ortiz (New York: Grove Press, 1969), где дается критическая оценка применимости техники азиатских коммунистов в условиях Латинской Америки; *Vo-nguen-Giap, People's War, People's Army* (New York: Praeger, 1962); *Johnson, Revolution and the Social System*, 57–69; *Chalmes A. Johnson, Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China, 1937–1945* (Stanford: Stanford University Press, 1962); and *Douglas Pike, Viet Cong: The Organization and Techniques of the National Liberation Front of South Vietnam* (Cambridge: MIT Press, 1967).

⁶¹ Ранее не публиковавшиеся результаты, резюмируемые в *Gurr and Rutenberg*.

⁶² *Arthur Kornhauser, Harold L. Sheppard, and Albert J. Mayer*, *When Labor Votes: A Study of Auto Workers* (New York: University Books, 1956), 194–195.

⁶³ *Arthur G. Neal, and Melvin Seeman*, «Organizations an Powerlessness: A Test of the Mediation Hypothesis», *American Sociological Review*, XXIX (April 1964).

⁶⁴ *Templeton*, 249–261. Общий обзор см. в *Joel D. Aberbach* «Alienation and Political Behavior», *American Political Science Review*, LXIII (March 1969), 86–99. Основы и корреляты вместе с документами опросов по ряду стран см. в *Seymour*

M. Lipset, *Political Man: The Social Base of Politics* (Garden City: Doubleday, 1960), chap. 5.

⁶⁵ Cohn, 316.

⁶⁶ Johan Galtung, «Institutionalized Conflict Resolution: A Theoretical Paradigm», *Journal Peace Research*, No. 4, 1965, 348–397.

⁶⁷ Литература о природе и разрешении конфликта весьма обширна. Три теоретические работы, репрезентирующие социологические, экономические и антропологические подходы: Coser, *The Functions of Social Conflict*; Kenneth E. Boulding, *Conflict and Defense: A General Theory* (New York: Harper, 1962); Alan R. Beals and Bernard J. Siegel, *Divisiveness and Social Conflict: An Anthropological Approach* (Stanford: Stanford University Press, 1966).

⁶⁸ David Easton, *A Systems Analysis of Political Life* (New York: Wiley, 1965), 122.

⁶⁹ John Israel, *Student Nationalism in China, 1927–1937* (Stanford: Hoover Institution, Stanford University, 1967).

⁷⁰ Leon Wolf, *Lockout: The Story of the Homestead Strike of 1892* (New York: Harper and Row, 1965).

⁷¹ G. H. Appell, «The Structure of District Administration, Anti-Administration Activity and Political Instability», *Human Organization*, XXV (Winter 1966), 312–320. Общую интерпретацию обратной связи в политических системах см. в David Easton, *A Framework for Political Analysis* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1965), 127–130.

⁷² Harry Eckstein, «On Etiology of Internal Wars», *History and Theory*, IV (No. 2, 1965), 156.

⁷³ Harold Lasswell, *Psychopathology and Politics*, (Chicago: University of Chicago Press, 1930, 1930), 173–196, quotation from 13, 193.

⁷⁴ Frank Tannenbaum, «On Political Stability», *Political Science Quarterly*, LXXV (June 1960), 168.

⁷⁵ Charles A. Ellwood, *The Psychology of Human Society: An Introduction to Sociological Theory* (New York: Appleton, 1925), 254.

⁷⁶ Mark A. May, *A Social Psychology of War and Peace* (New Haven: Yale University Press, 1943), 188–191, quotation 191.

⁷⁷ Обобщающая теория смещения предлагается в Neal E. Miller, «Theory and Experiment Relating Psychoanalytic Displacement to Stimulus-Response Generalization», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, XLVIII (April 1948), 155–178. Резюме теоретических и некоторых экспериментальных свидетельств приведены в Leonard Berkowitz, *Aggression: A Social Psychological Analysis* (New York: McGraw-Hill, 1962), 106–129.

⁷⁸ См., например: Albert Bandura, and Richard H. Walters, *Adolescent Aggression: A Child Training Practices and Family Interrelationships* (New York: Ronald Press, 1959), and Berkowitz, *Aggression*, 128–129.

⁷⁹ Neal E. Miller, and R. Bugelski, «Minor Studies of Aggression: II The Influence of Frustrations Imposed by the In-Group and Attitudes Expressed toward Out-Groups», *Journal of Psychology*, XXV (April 1948), 437–442.

⁸⁰ Berkowitz, *Aggression*, chap. 6.

⁸¹ Некоторые данные такого рода резюмированы в Leonard Berkowitz, «The Concept of Aggressive Drive: Some Additional Considerations», in Berkowitz, ed., *Advances in Experimental Psychology*, Vol. II (New York: 1965), 325–327.

⁸² Rudé, 49, 79–91.

⁸³ Carl Iver Howland, and Robert R. Sears, «Minor Studies of Aggression: VI. Correlations of Lynching with Economic Indices», *Journal of Psychology*, IX (April 1940), 301–310.

⁸⁴ Franz Alexander, «The Psychiatric Aspects of War and Peace», *American Journal of Sociology*, XLVI (1941), 504–520.

⁸⁵ Harold Lasswell, «World Politics and Personal Insecurity», in *A Study of Power* (Glencoe: The Free Press, 1934, 1950), 25.

⁸⁶ Samuel P. Huntington, «Patterns of Violence in World Politics», in Huntington, ed., *Changing patterns of Military Politics* (New York: The Free Press, 1961), 40–41.

⁸⁷ Eckstein, 155.

⁸⁸ Rudolph E. Rummel, «Testing Some Possible Predictors of Conflict Behavior within and between Nations», *Peace Research Society Papers*, I (1963), 79–111; Jonathan Wilkenfeld, «Domestic and Foreign Conflict Behavior of Nations», *Journal of Peace Research*, No. 1, 1968, 56–69.

⁸⁹ J. D. Barnhart, «Rainfall and the Populist Party in Nebraska», *American Political Science Review*, XIX, (August 1925), 527–540.

⁹⁰ Robert Marshall, «Precipitation and Presidents», *The Nation*, CXXIV (March, 23, 1927), 315–316, quotation 16.

⁹¹ W. B. Simon, «Motivation of a Totalitarian Mass Vote», *British Journal of Sociology*, X (December 1959). Данные 1932 г. — из Frederick L. Schuman, *The Nazi Dictatorship: A Study in Social Pathology and the Politics of Fascism* (New York: Knopf, 1935), 182.

⁹² F. Solomon et al., «Civil Rights Activity and Revolution in Crime among Negroes», *Archives of General Psychiatry*, XII (March 1965), 227–236.

⁹³ См., например: Kenneth Little, «The Organization of Voluntary Associations in West Africa», *Civilizations*, IX (No. 3, 1959), 283–300.

⁹⁴ Hobsbawm, chap. 7; См. также G. Dimond, *The Psychology of the Methodist Revival* (London: Oxford University Press, 1926), chap. 2.

⁹⁵ S. Dickey, «Some Economic and Social Conditions of Asia Minor Affecting the Expansion of Christianity», in S. J. Case, ed., *Studies in Early Christianity* (New York: Century, 1928), summarized in Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: The Free Press, 1963), 326.

⁹⁶ Pitirim A. Sorokin, *Man and Society in Calamity* (New York: Dutton, 1942), 200–226.

⁹⁷ M. J. Field, *Search for Security: Ethno-Psychiatric Study of Rural Ghana* (Evanston: Northwestern University Press, 1960), 87, 105–133.

⁹⁸ Fernandez, quotation 535.

⁹⁹ Резюмирующую дискуссию и цитаты см. в *Smelser*, 365–366.

¹⁰⁰ См. *George Shepperson and Thomas T. Price, Independent African: John Chilembwe and the Origins, Setting and Significance of the Nyasaland Native Uprising of 1915* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1948), especially 127–187; and *Fernandez*, 539, 542.

¹⁰¹ *Reuben de Hoyos*, «The Catholic Church and the Army in the Argentine Revolution of 1955» (Ph.D. Dissertation, Department of Politics, New York University, 1969).

¹⁰² *Crane Brinton, The Anatomy of Revolution* (New York: Norton, 1938).

¹⁰³ *Smelser*, 359.

¹⁰⁴ *Hans Toch, The Social Psychology of Social Movements* (New York: Bobbs-Merrill, 1965), 214, 227–228.

¹⁰⁵ *Smelser*, 359–361; Wallace and Wilson.

¹⁰⁶ *Arthur M. Ross and George W. Hartmann, Changing Patterns of Social Movements* (New York: Wiley, 1960).

¹⁰⁷ *Kerr et al.*, 208–210, quotation 208–209.

¹⁰⁸ *Clark Kerr*, «Changing of Social Structures», in *Wilbert E. Moore and Arnold S. Feldman, eds., Labor Commitment and Social Change in Developing Areas* (New York: Social Science Research Council, 1960), 353; изложение подобных взглядов и документов об актах индустриального процесса см. в *Reinhard Bendix, Work and Authority in Industry* (New York: Wiley, 1950), 434–437; *W. Kornhauser*, 150–156; *Rudé*, chap. 4; *Neil Smelser, Social Change in Industrial Revolution* (Chicago: Chicago University Press, 1959), 245–263.

¹⁰⁹ *Philip Taft and Philip Ross*, «American Labor Violence: Its Causes, Character and Outcome», in *Graham and Gurr, eds.*, 221–302.

ГЛАВА 10

Причины и процессы политического насилия: заключение

Если мы и избегаем насилия, то не вследствие каких-то моральных императивов, а просто потому, что насилие не может изменить человеческие существа.

Джайпракаш Нарайан'

Политическое насилие является эпизодическим в истории наиболее организованных политических общностей и хроническим во многих других обществах. Ни одна из стран современного мира не была избавлена от него на протяжении более чем одного поколения. Однако оно не является неотвратимым выражением человеческой природы или неизбежным следствием самого существования политической общности. Оно представляет собой специфический род отклика на особые условия социального бытия. Для применения насилия биологически присущего людям выступают не их потребности, а те возможности, которыми они располагают. Предрасположенность к политическому насилию зависит от того, насколько грубо общество нарушает экспектации людей относительно целей и средств их действий — в том смысле, в каком они ожидают этого от своего общества. Это недовольство можно смягчить с помощью социально насаждаемых аттитюдов, которые осуждают насилие, направленное на политическую систему. Эти аттитюды могут извлекаться из соответствующих доктрин и опыта, который предлагает свою оправданность и полезность. Гражданское насилие может вспыхнуть в любом типе политической общности. С наибольшей вероятностью оно возникает в тех обществах, которые полагаются на подавление для того, чтобы поддерживать порядок, вместо того, чтобы обеспечить адекватные паттерны ценностно-удовлетворяющего действия. Использование насилия для обслуживания любой коллективной цели имеет тенденцию вызывать антагонизм и увеличивать сопротив-

ление тех, против кого оно направлено, — этот принцип применим к политическим элитам, равно как и к тем, кто им противостоит. И напротив, если неудовлетворенные люди получают в свое распоряжение конструктивные средства для достижения своих социальных и материальных целей, лишь немногие из них прибегнут к насилию. Вероятно, только те, кто уже разъярены, предпочтут насилие, несмотря на доступность эффективных ненасильственных средств для удовлетворения своих экспектаций.

Такой подход к объяснению политического насилия был документально подтвержден в предшествующих главах с привлечением множества разнообразных свидетельств — теоретических и эмпирических, точных и основанных на впечатлениях, психологических и социетальных. Используя ряд аналитических методов, мы исследовали психологические и социетальные причины насилия и синтезировали их в системе взаимосвязанных гипотез. Кроме того, гипотезы эти носят не столько детерминистический, сколько вероятностный характер. Сделаны оценки относительной важности каждой из независимых переменных; указано, что их связи с непосредственно зависимыми от них переменными носят либо прямолинейный, либо криволинейный характер. На основе сравнительного исследования в будущем можно было бы более точно оценить относительные веса переменных и природу их взаимосвязей. Например, из психологических данных можно сделать вывод, что потенциал коллективного насилия — это скорее энергетическая, нежели линейная функция интенсивности RD^2 . Если мы обнаруживаем, что социальные отношения постоянны или, что более вероятно, изменчивы, но в относительно малой степени, необходимо констатировать те части нашей теории, которые звучат как вероятностные законы.

В этой главе моя цель состоит в том, чтобы синтезировать предполагаемые отношения и связи. Гипотетические отношения интегрируются, прежде всего, в форме каузальных моделей такого рода, которые можно подвергнуть эмпирической оценке³. Комплексные каузальные модели показывают детерминанты каждой из трех первичных переменных в базовой теоретической модели: потенциал коллективного насилия, потенциал политического насилия и величину политического насилия. Затем из взаимосвязей между независимыми переменными выводятся простые модели. Предлагаются и аналогичным образом режюмируются дополнительные гипотезы о формах политического насилия. Далее из предполагаемых связей дедуктивным образом выводится процесс моделирования политического насилия. Многое в этом

обсуждении является в силу необходимости абстрактным и техническим. В том разделе, который является более политически релевантным, процесс моделирования используется иллюстративно — для того, чтобы в общих чертах набросать оптимальные стратегии для достижения трех типов социальных целей: поддержания политической стабильности, достижения насильственной революции и максимизации ценностного ублаговления неудовлетворенных групп. Наконец, отмечаются и разъясняются некоторые наиболее часто встречающиеся неправильные истолкования причин и последствий насилия.

Детерминанты политического насилия

Базовые каузальные связи в генезисе политического насилия схематически показаны на рис. 15. Суммарный перечень гипотез и выводов, разработанных в этом исследовании, приведен в приложении. Социально-психологический потенциал коллективного насилия представляет собой диффузную предрасположенность к агрессивному действию, первичную переменную, для которой непосредственными детерминантами в коллективности являются интенсивность и масштаб RD. RD определяется с психологической точки зрения как воспринимаемое расхождение между ценностными экспектациями людей и их ценностными возможностями, т. е. расхождение между теми благами и жизненными условиями, которыми, как им кажется, они должны обладать, с одной стороны, и теми благами и условиями, которыми, по их мнению, они реально располагают, с другой стороны. Мотивационным последствием такого расхождения является предрасположенность к агрессивному действию, именуемому в этом анализе неудовлетворенностью или гневом. Потенциал к насилию в коллективности варьирует вместе с интенсивностью неудовлетворенности, которая простирается от умеренного неудовольствия до ярости, а также с долей членов этой коллективности (масштабом), которые являются интенсивно неудовлетворенными (гипотеза V.1).

Неудовлетворенность имеет потенциально политические последствия в той степени, в какой люди убеждены в том, что насилие, направленное против политических деятелей, оправдано в нормативном смысле и потенциально полезно для улучшения или отстаивания их ценностных позиций. Потенциал политического насилия, вторая из первичных переменных, это сфокусированная предрасположенность к использованию (или угрозе) насилия против политических акторов, которые рассматриваются как ответственные за их ошибки в совер-

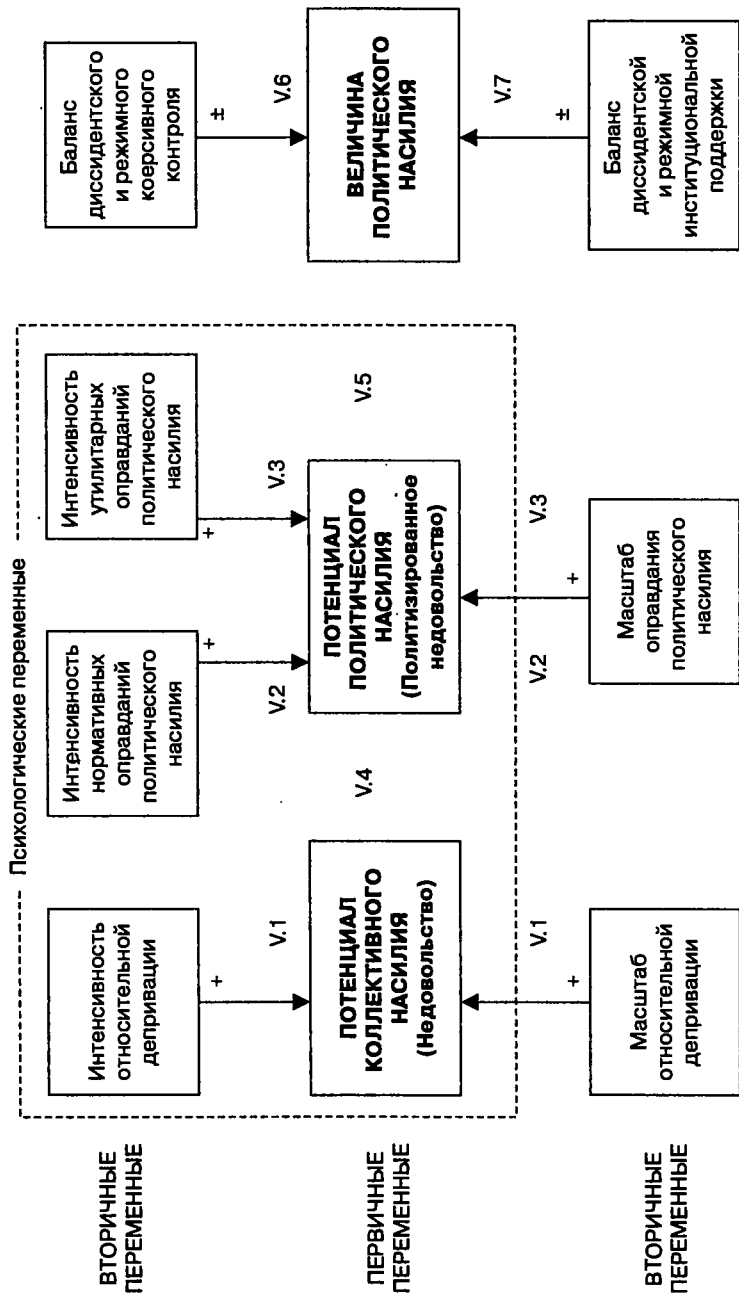

Рис. 15. Кausalная модель первичных и вторичных детерминант величины политического насилия

Примечание. Все переменные определены и обсуждены в предыдущих главах. Гипотезы (обозначенные V.1, V.2 и т. д.) идентифицируют все показанные каузальные связи, некоторые из которых являются положительными (+), некоторые — криволинейными (±). См. приложение и главы, где эти гипотезы разрабатывались.

шении определенных деяний (или, напротив, в бездействии), приводящие к возникновению депривующих условий. В каузальной модели потенциал политического насилия (с мотивационной точки зрения — политизированная неудовлетворенность) является результатом общей неудовлетворенности (гипотеза V.4) и ряда вторичных переменных, носящих когнитивный характер: интенсивность и масштаб нормативных и утилитарных оправданий политического насилия (гипотезы V.2 и V.3). Когнитивные переменные — нормативные и утилитарные оправдания — являются формально зависимыми от мотивационной переменной — неудовлетворенности. Убежденность в полезности и желательности насилия может мотивировать людей к тому, чтобы организовываться и участвовать в политическом насилии только в том случае, если они уже являются в определенной степени неудовлетворенными.

Актуализация политизированной неудовлетворенности в политическом насилии видоизменяется с помощью паттернов коерсивного контроля и институциональной поддержки. Величина политического насилия, третья из первичных переменных, определяется с точки зрения той доли коллективности, которая участвует в нем, его деструктивности и его продолжительности. На этой конечной стадии каузальной модели потенциал политического насилия выступает необходимым, но еще не достаточным условием возникновения политического насилия. Величина политического насилия сильно изменяется в зависимости от масштаба и интенсивности политизированного недовольства (гипотеза V.5), но она минимизируется до той степени, в какой режим обладает или очень высокой, или очень низкой степенью коерсивного контроля и институциональной поддержки в сравнении с диссидентами (гипотезы V.6, V.7). Диссиденты обычно бывают активно нацелены на применение политического насилия. Если они обладают широко распространенной организационной поддержкой и высокой степенью коерсивной способности в сравнении с режимом, они, как правило, могут захватить власть или достичь более ограниченных целей с минимальным применением насилия. Государственные перевороты, как правило, происходят, и политические уступки с наибольшей готовностью даруются элитами под угрозой насилия, когда баланс социального контроля и поддержки складывается в пользу диссидентов. Однако если диссидентские контроль и поддержка приближаются к тем показателям, которыми обладает режим, политическое насилие с большой степенью вероятности затягивается и интенсифицируется.

Первичные связи, определенные в этих гипотезах, иногда можно исследовать прямо, однако они являются слишком общими для большинства типов анализа и интерпретации. Масштаб и интенсивность психологических переменных могут быть установлены для большинства современных стран с использованием, например, техники опросов, а величина политического насилия — измерена путем применения кодировочных процедур. Однако политические элиты настроены заведомо негативно относительно изучения нелояльности своих граждан, а историческое исследование должно иметь дело с различными типами информации. Кроме того, одной из детерминант адекватности теоретического обобщения является та степень, до которой оно интегрирует более специфические объяснения и наблюдаемые регулярности. Полезность базовой каузальной модели для синтеза информации о политическом насилии и более продвинутого объяснения зависит от точной спецификации психологических и социетальных условий, которые детерминируют такие вторичные переменные как интенсивность RD и баланс институциональной поддержки. Большая часть нашего исследования была посвящена идентификации таких условий, суммированию данных для них и установлению того, почему и до какой степени они оказывают влияние на эти вторичные переменные. В следующих трех разделах каждая из трех первичных переменных, показанных на рис. 15, — потенциал коллективного насилия, потенциал политического насилия и величина политического насилия — трактуется как зависимая переменная в каузальной модели; вторичные переменные тракуются как интервентные переменные; а соответствующие им детерминанты изображены схематически. Выражаясь более парсимонически, простые модели выводятся из связей между детерминантами. Рассматриваются также общие вопросы эмпирического применения.

Два различных уровня анализа — психологический и социетальный — представлены третичными переменными на рис. 15 и 16. Для некоторых аналитических целей переменные умонастроений можно оценивать как интервентные переменные, а каузальные связи обозначены прямо между социетальными переменными. Однако в теоретических объяснениях на протяжении всего анализа учитываются оба этих уровня. Ни один из них нельзя сколько-нибудь полно интерпретировать без учета его соотношения с другим, как неоднократно демонстрировалось, и ни один из них отдельно не в состоянии дать такого объяснения причинам и процессам политического насилия, которое было бы «адекватным» в том смысле, что оно принимает в расчет все наблюдаемые регулярности.

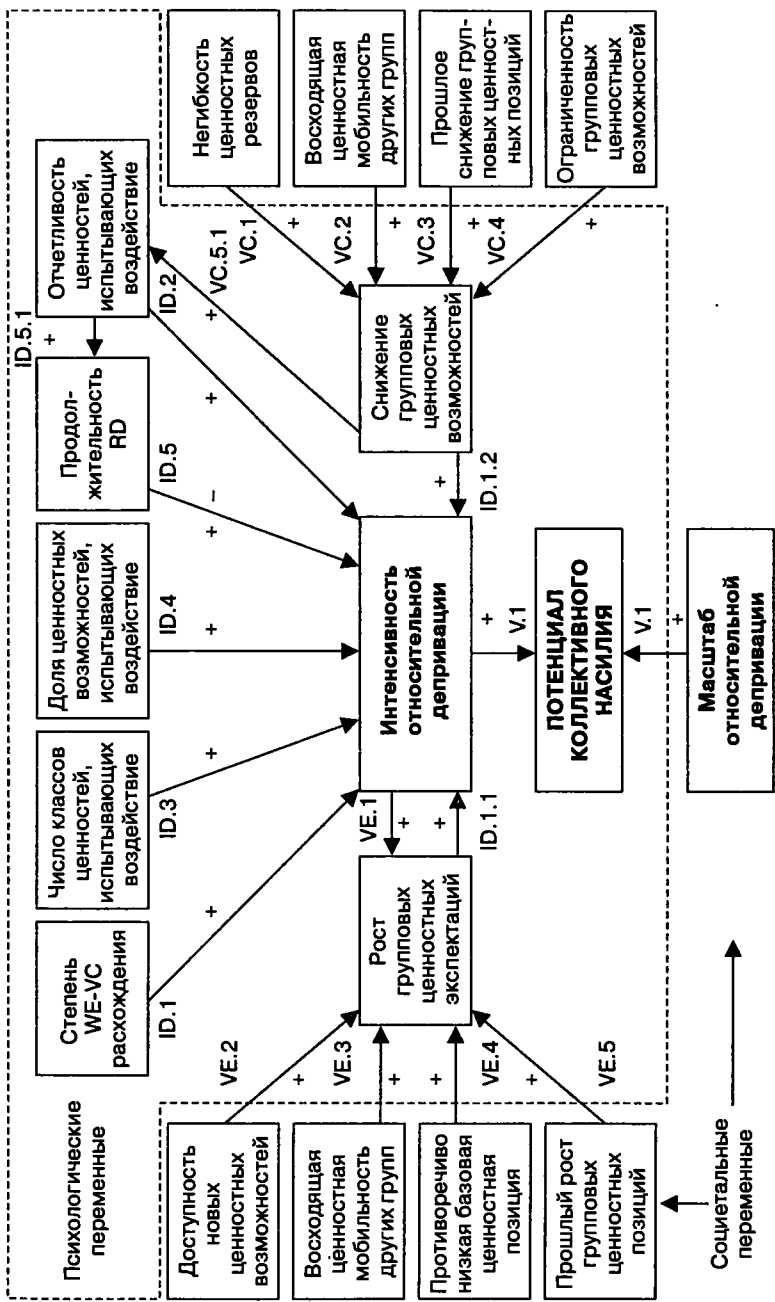

Рис. 16. Комплексная каузальная модель психологических и социальных детерминант потенциала коллективного насилия

Примечание. Все переменные определены и обсуждены в предыдущих главах. Гипотезы (обозначенные как V.1, VE.5 и т. д.) и выводы (обозначенные как ID.1.1 и т. д.) идентифицируют все показанные каузальные связи. См. приложение.

Детерминанты потенциала коллективного насилия

Все детерминанты интенсивности RD, как психологические, так и социальные, приведены на рис. 16. Для более нетерпеливых читателей, которых может раздражать его сложность, на рис. 17 приведена упрощенная модель; она объясняется ниже. Дефиниция RD как степени расхождения между коллективными ценностными ожиданиями и ценностными возможностями дает возможность определить некоторые главные детерминанты силы последующего импульса к действию, обращаясь к психологической теории и данным о связях фрустрации-агрессии. Эти психологические детерминанты обсуждались в главе 3, и их влияние на интенсивность RD схематически отображено в верхней части рис. 16. Те воздействия, которые оказывают эти переменные на коллективности, интерпретируются в дистрибутивных терминах, например: чем больше *среднее значение* расхождения между ценностными ожиданиями и возможностями среди членов группы (ID.1), тем больше среднее значение интенсивности RD.

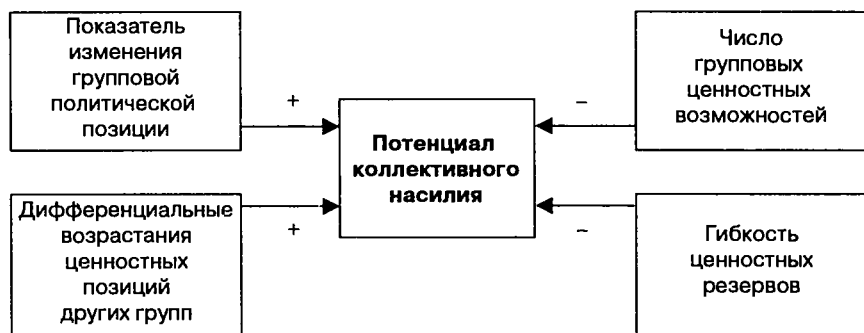

Рис. 17. Упрощенная каузальная модель социальных детерминант коллективного насилия (недовольства) в любой субнациональной группе

Примечание. Эта модель выведена из связей, определенных между детерминантами в групповых ценностных ожиданиях и возможностях, показанных на рис. 16 (см. в тексте). Переменные определены и обсуждены в предшествующих главах. Гипотезы, резюмирующие связи, не предлагаются формальным образом, а могут утверждаться с тех позиций, которые аналогичны гипотезам, разработанным в главах 4 и 5.

Одним из методов оценивания психологических переменных является опросное исследование; другим — систематизированное заключение на основе нарративных** и агрегированных статистических

* Распределительных. — *Примеч. пер.*

** Повествовательных. — *Примеч. пер.*

данных. Альтернативным или дополнительным подходом к исследованию конкретных обществ или кейзов является анализ классовой или групповой конфигурации с использованием специфически социетальных переменных. Гипотезы о ценностных ожиданиях и возможностях, выведенные в главах 4 и 5, идентифицируют некоторые общие последствия относительных уровней и изменений в групповых представлениях о социальных благах с влиянием этих представлений на RD членов данных групп. В обществах можно выделять — аналитически, структурально или субъективно — различные группы или классы и вероятную степень их RD, испытывающую влияние таких условий, как общий объем благ, доступных для распределения в обществе, изменения в тех средствах, которыми располагает каждая группа для получения этих благ, и изменение уровней достижения этих благ в сравнении с их прошлым, а также с тем, чем располагают в этом смысле другие классы.

Более простая формулировка социетальных детерминант потенциала коллективного насилия выводится путем комбинирования параллельных социетальных переменных и прямого соотнесения их с зависимой переменной, как показано на рис. 17. К примеру, восходящая ценностная мобильность других людей и социально значимых групп ведет к повышению уровня и отчетливости ожиданий в собственной группе (VE.3). До той степени, в какой группа, испытывающая восходящую мобильность, все больше монополизирует обладание социальными благами, которые представляются фиксированными в своем объеме (такими, например, как политическая власть и статус), — ценностные возможности собственной группы представляются одновременно снижающимися (VC.2). Более общая связь, которая охватывает обе упомянутые, состоит в том, что любое отличительное увеличение ценностных позиций одной группы влечет за собой возрастание RD среди других групп. Один из недостатков этой гипотезы состоит в том, что она не учитывает двух основных оговорок, вводимых в отдельных гипотезах и подтверждаемых значительным числом эмпирических данных. Во-первых, о том, что восходящая мобильность одной группы, например преуспевающего профессионального класса, проявляет возрастание ценностных ожиданий только тех классов, которые идентифицируют себя с ним. Это классическая проблема литературы по RD: какие из групп побуждают других выбирать себя в качестве референтной группы? Во-вторых, восходяще мобильные группы воспринимаются как угроза возможностям собственной группы лишь в том случае, если общий объем благ представляется неизменным. Были резюмированы

данные о том эффекте, что представления о гибкости ценностных резервов в значительной степени варьируют от одной культуры к другой (глава 5). В некоторых обществах что-то из того, о чем думают как о компонентах хорошей жизни, представляется бесконечно увеличивающимся, в других все это выглядит неизменным. Поэтому более общая связь окажется в состоянии объяснить меньше, нежели две связи по отдельности. Однако простота объяснения обычно достигается за счет точности в специфических случаях.

Еще одна параллель связи детерминант между ожиданиями и возможностями пролегает между двумя постулируемыми эффектами изменений прошлого опыта группы. Изменения, происходившие в прошлом, порождают ожидания относительно будущих возрастных (VE.5), спады в прошлом уменьшают воспринимаемые возможности (VC.3). Общая связь, которая включает в себя обе, состоит в том, что RD изменяется вместе с показателем изменения ценностной позиции группы: чем выше показатель прошлых изменений в каком бы то ни было направлении, тем более вероятно возникновение RD; чем ниже этот показатель, тем, соответственно, ниже RD. Третья параллель, которая, по-видимому, предлагает возможность для более парсимонического обобщения, это очевидно противоречивые эффекты, предполагаемые для ценностных возможностей. Если возможности малы, то и о достижениях можно сказать то же самое (VC.4); открытие новых возможностей гипотетически увеличивает ожидания (VE.2). Если эти две связи аннулируются, то увеличение ценностных возможностей будет оказывать слабое воздействие на RD, ни интенсифицируя, ни снижая его. Однако предыдущая связь (VC.4) сильная, последняя — более умеренная. Кроме того, гипотетическое возрастание ожиданий, которое следует за открытием новых возможностей, имеет место лишь в особом случае «конверсии», т. е. сдвига групповых перспектив со старого образа жизни на новый. Такой сдвиг происходит только при условии предшествующей интенсивной неудовлетворенности. В наиболее общем случае расширение ценностных возможностей, вероятно, поведет к возрастанию воспринимаемых шансов для удовлетворения этих ожиданий. Аналогичным образом, вероятно, интенсивность RD будет ниже, если группа обладает скорее большим, нежели меньшим числом ценностных возможностей, и будет еще сильнее снижаться, если ценностные возможности возрастают.

Упрощенная каузальная модель, изображенная на рис. 17, принимает в расчет эти три обобщенных взаимосвязи плюс негибкость общего объема ценностей. Эффекты расхождений между относительным

групповым достижением различных ценностей (VE.5) исключаются, поскольку их влияние носит лишь умеренный характер (см. главу 4). Эффект взаимодействия между интенсивностью RD и ростом ценностных экспектаций (VE.1) аннулируется. Таким образом, общая оценка потенциала коллективного насилия для какой-либо группы теоретически может быть произведена путем определения: показателя изменения любого класса ценностей в абсолютном значении; степени, до которой другие группы в том же обществе испытывают более быстрый рост ценностных позиций; степени, до которой ценности способны увеличиваться в объеме (или воспринимаются таковыми); и числа альтернативных направлений ценностно-увеличивающих действий, открытых для членов группы. Оценка потенциала насилия для общества в целом потребует проведения такого рода анализа для каждого класса или группы с учетом их пропорционального размера. Любой детальный анализ общества или оценка его потенциала в отношении конкретных форм политического насилия, потребует идентификации классов или групп, в которых концентрируется RD. Здесь не предполагаются никакие детерминанты масштабов RD, а лишь предлагаются средства для его оценивания.

Детерминанты политического насилия как такового

Вторая ступень базовой модели показывает, как распространяющееся недовольство фокусируется на политических объектах. Диаграмма на рис. 18 резюмирует детерминанты интенсивности и масштаба оправданий для политического насилия, идентифицированные в главах 6 и 7. Эти детерминанты носят социетальный характер, хотя эффекты некоторых из них — легитимность режима, а также аффективного и утилитарного содержания символических лозунгов — заставляют предполагать наличие интервентных психологических переменных, которые могут быть изучены с помощью психологических методик (интервью и опросы), равно как исторических и социологических (контент-анализ доктринальных воззваний, оценка политической поддержки режима). Две из числа вторичных переменных: нормативные и утилитарные оправдания политического насилия — также могут быть прямо определены с помощью дорогостоящих и нечасто применяемых на практике опросных методик. Но некоторые из социальных детерминант определяются для того, чтобы облегчить оценку при помощи неопросных методов. Очевидная сложность каузальных связей показана как следствие приведенных в главах 6 и 7 аргументов о том, что нормативные и утилитарные оправдания насилия связаны между собой и что некоторые

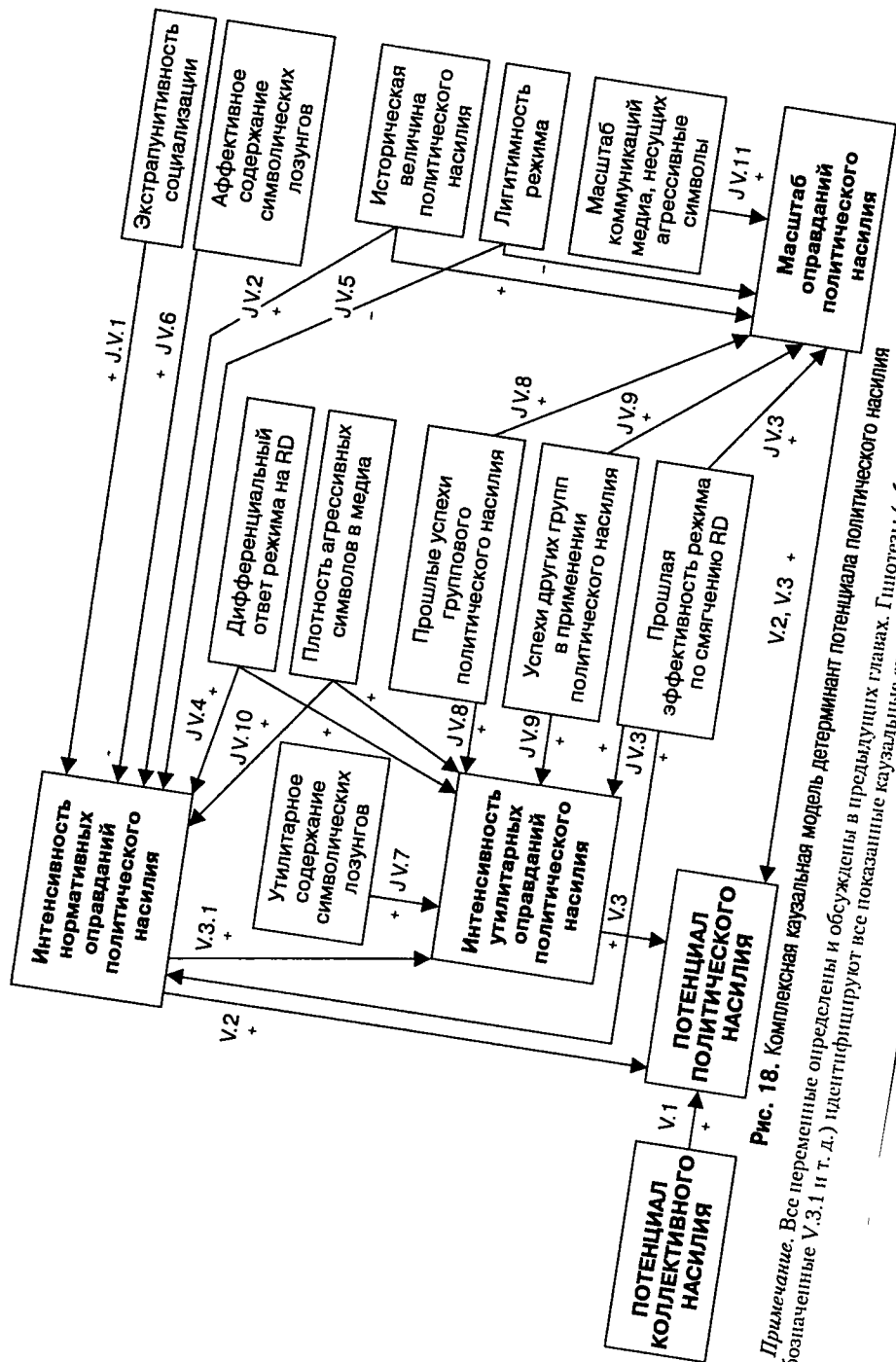

Рис. 18. Комплексная каузальная модель детерминант потенциала политического насилия

Примечание. Все переменные определены и обсуждены в предыдущих главах. Гипотезы (обозначенные V.1, J.V.3 и т. д.) и выводы (обозначенные V.3.1 и т. д.) идентифицируют все показанные каузальные связи. См. приложение.

из их социальных детерминант оказывают первичное влияние более чем на одно из них. Объяснение было бы проще, если оба рода оправданий трактовались как одно. Однако такое редуцирование теоретически не оправдано для детального анализа: неудовлетворенность дает изначально нерациональный (но широко рационализируемый) импульс к насилию, эмпирически и аналитически отличимый от оценки насилия, которую дают ему акторы. Сюда включены различные психологические процессы, и их социальные эффекты явно различимы — как различаются, например, буйные вспышки мятежей и революционный захват власти. Различие между детерминантами дает возможность раздельного изучения их эффектов.

Между независимыми переменными имеются несколько важных каузальных связей, которые необходимо принимать в расчет математически, чтобы оценить теоретическую модель количественно, причем здравый смысл подсказывает, что их следует рассматривать в исследованиях приблизительно. Они допускают также существенное упрощение каузальной модели. Наиболее тесная связь существует между исторической значимостью (JV.2) и успешностью прежней или нынешней группы в применении политического насилия (JV.8, JV.9). Успех насилия увеличивает вероятность его возобновления; чем больше историческая протяженность насилия, тем больше вероятность того, что какие-то группы сочтут его эффективным. Аналогичную связь можно отметить между использованием экстрапунитивной практики в той или иной культуре или субкультуре (JV.1) и прошлым опытом политического насилия. Эти два условия с течением времени предположительно усиливают друг друга; аттитуды экстрапунитивности, приобретаемые в ходе социализации, имеют тенденцию увеличивать склонность людей к участию в политическом насилии; широко распространенное возникновение такого насилия, вероятно, приводит к внедрению в сознание детей его участников и сторонников таких аттитудов, которые благоприятствуют некоторым видам насилия. Поэтому переменные социализации и группового успеха могут быть удалены из обобщенной модели.

Вероятно также, что чем больший успех имели группы в использовании политического насилия, тем больше утилитарных моментов содержится в символических лозунгах, оправдывающих насилие (JV.7). Большинство таких лозунгов обладают и утилитарным, и аффективным содержанием; поэтому две эти переменные — JV.6 и JV.7 — могут быть скомбинированы в одну, более общую детерминанту потенциала

* Излишне карательной. — *Примеч. пер.*

политического насилия. Плотность агрессивных политических символов в медиа (JV.10) и масштаб распространения тех медиа, которые их в себе несут (JV.11), также взаимосвязаны. Наличие таких медиа в существенных масштабах является предпосылкой к восприятию и дальнейшему распространению такого рода символов. Более общая связь состоит в том, что потенциал политического насилия изменяется с плотностью и масштабами коммуникации символов.

Три других, номинально независимых, но каузально связанных переменных это: эффективность режима в смягчении RD (JV.3), дифференциальные отклики режима на неудовлетворенность различных групп (JV.4) и легитимность режима (JV.5). Одним из источников высокого уровня легитимности правительства является его эффективность в разрешении RD. Аргумент для первой связи (JV.3) состоит в том, что чем больше прошлый масштаб правительственной акции, тем сильнее специфически политическая враждебность неудовлетворенных групп, если режим терпит неудачу в улучшении их нынешней ситуации. Учитывая такие исторические корни экспектаций, можно утверждать, что неадекватные отклики режима поведут к снижению его легитимности. Аналогичным образом, если режим дает сегодня дифференциальные отклики на RD (JV.4), его легитимность будет, вероятно, снижаться в глазах членов менее привилегированных групп. Поэтому, вообще говоря, чем более эффективны режимы в своих откликах на RD, тем выше уровень их легитимности и тем ниже потенциал политического насилия: Эти обобщенные связи резюмированы в упрощенной каузальной модели на рис. 19. Парсимония достигается опять же за счет утраты информации, необходимой для интерпретации специфических типов событий.

Оценка масштабов оправданий политического насилия является решающей, независимо от того используется ли для анализа детализированная или обобщенная модель. Потенциал политического насилия будет наибольшим, если в числе неудовлетворенных групп окажутся те, кто придерживается наибольших аттитудных оправданий насилию. Определению масштабов политического насилия помогает спецификация некоторых его детерминант (рис. 18) и тот факт, что большинство этих детерминант являются также детерминантами интенсивности оправданий; и те и другие можно оценить одновременно. Оценка может быть еще более упрощенной, если она предполагается, следуя выводу V.4.1 — о том, что оправдания являются наиболее последовательными для тех, кто не удовлетворены. Если можно идентифицировать интенсивно неудовлетворенные группы или классы в обществе, не будет

необходимости оценивать легитимность режима, прошлые успехи в применении насилия или содержание символических воззваний для общества в целом, а только (или в первую очередь) в соотнесении с этническими группами.

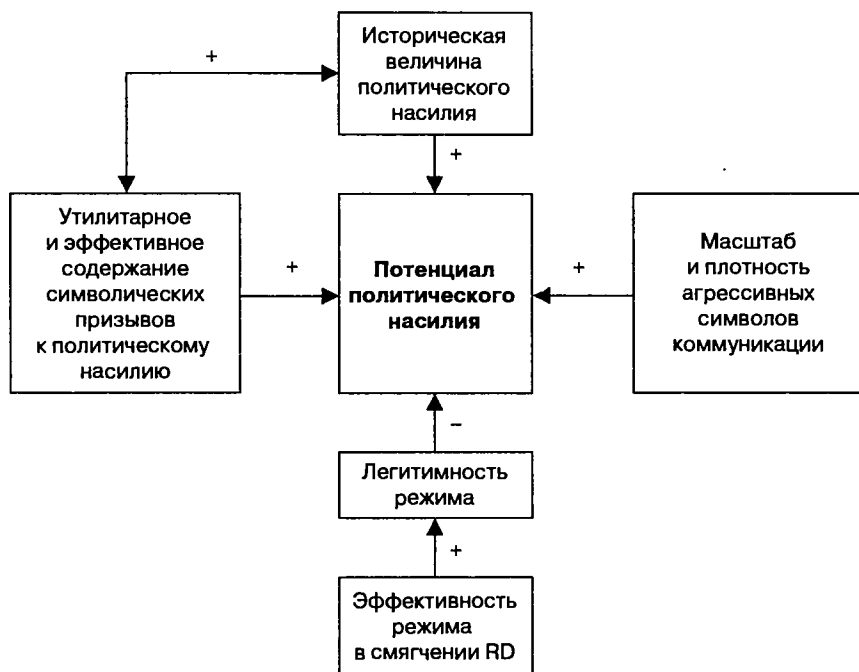

Рис. 19. Упрощенная каузальная модель социальных детерминант потенциала политического насилия

Примечание. Эта модель выводится из связей, выявленных между детерминантами масштаба и интенсивности нормативных и утилитарных оправданий политического насилия, показанных на рис. 18 (см. текст). Переменные определены и обсуждены в предыдущих главах. Гипотезы, резюмирующие связи, не являются формально предположенными, а могут быть установлены с позиций, аналогичных гипотезам, разработанным в главах 6 и 7. Потенциал коллективного насилия как необходимое предварительное условие здесь не показан; см. рис. 18.

Детерминанты величины политического насилия

Конечный этап базовой модели, отображенный на рис. 20, показывает, как паттерны социального контроля и поддержки минимизируют или продвигают насильственные плоды политизированного недовольства. Величина политического насилия будет, вероятно, наибольшей, когда режимы

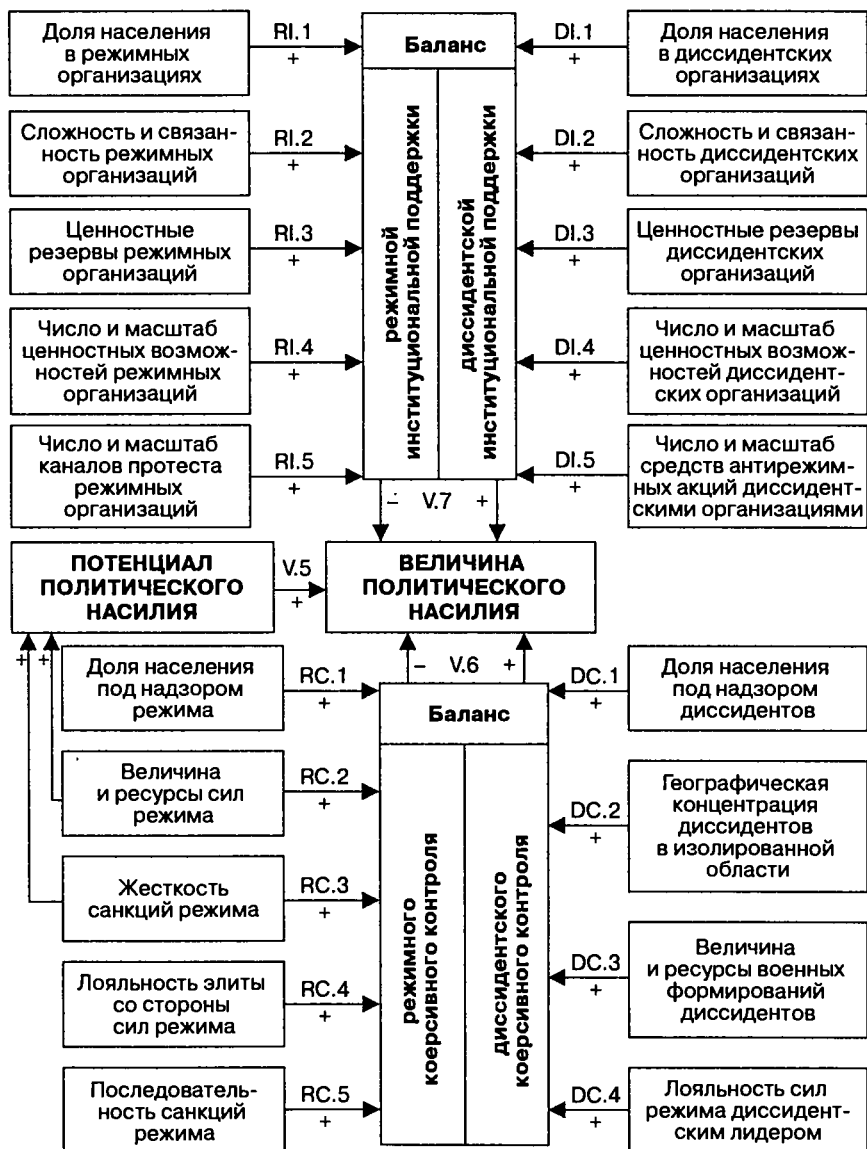

Рис. 20. Каузальная модель социальных детерминант величины политического насилия

Примечание. Все переменные определены и обсуждены в предшествующих главах. Гипотезы (обозначенные RI.1, DI.1 и т. д.) идентифицируют все показанные каузальные связи, некоторые из которых положительные (+), некоторые отрицательные (-). См. приложение.

и их восставшие оппоненты более или менее равно противостоят друг другу в коерсивном контроле и институциональной поддержке. Детерминанты режимной и диссидентской институциональной поддержки почти точно соответствуют друг другу, подразумевая тем самым, что, комбинируя их, можно достичь формальной парсимонии. Баланс между некоторыми параметрами переменных имеет суммарно-нулевые характеристики: в предельном случае одна из групп — режимная или диссидентская — может повысить свою позицию только за счет другой. Это наиболее очевидно для масштабов организационного членства: в обществе, в котором вся популяция принадлежит либо к режимным, либо к диссидентским организациям, без какого-либо перекрывающегося членства, масштаб диссидентских организаций является составной частью режимных организаций. Однако в реальном мире это условие не выполняется. Обычно существует определенное, достаточно большое число людей, чье поведение в первую (или хотя бы во вторую) очередь определяется нейтральными или амбивалентными институтами. Такой же ограничительный кейз предполагается для некоторых редко встречающихся и негибких типов благ (ценностных резервов), таких как вооружение или транспортное оборудование. И диссиденты, и режимы, как правило, могут увеличивать свои абсолютные и относительные позиции по оставшимся трем парам переменных без прямого влияния на позицию других — хотя поступая таким образом, например, расширяя число и масштаб ценностных возможностей, одна сторона может косвенно воздействовать на другую, обращая ее последователей из лояльности в диссидентство, или наоборот.

Существует несколько меньший параллелизм между детерминантами режимного и диссидентского контроля — вследствие различия для режимов и для диссидентов функций и эффектов подавления. Наиболее важное различие состоит в том, что чем выше уровень коерсивной активности режима и чем более жесткие санкции он насаждает, тем сильнее возрастает активность граждан, которые испытывают на себе эти воздействия. Если коерсивные силы очень велики и эффективны, а санкции очень жесткие, в обществе имеется тенденция подавлять враждебность на коротком промежутке времени, поощряя тем самым коерсивный контроль (RC.2.3). Диссиденты, напротив, используют свои потенциальные возможности в групповой защите и в напаках на режим и политических оппонентов; следовательно, коерсивная способность диссидентов (DC.3) обладает более или менее единообразно позитивным эффектом в усилении диссидентского коерсивного контроля. Две пары детерминант

коерсивного контроля являются относительно прямыми двойниками друг друга: масштабы тех долей популяции, которые находятся под контролем режима и под контролем диссидентов (RC.1, DC.1), и лояльности сил режима политической элите или диссидентским лидерам (RD.5, DC.4). Однако ни одна из них не является просто составной частью другой. Некоторые сегменты популяции могут не находиться под контролем ни одной из сторон. Аналогичным образом силы режима могут быть более или менее нелояльными к правящей элите, но оставаться в то же время нейтральными или даже интенсивно враждебными по отношению к диссидентам.

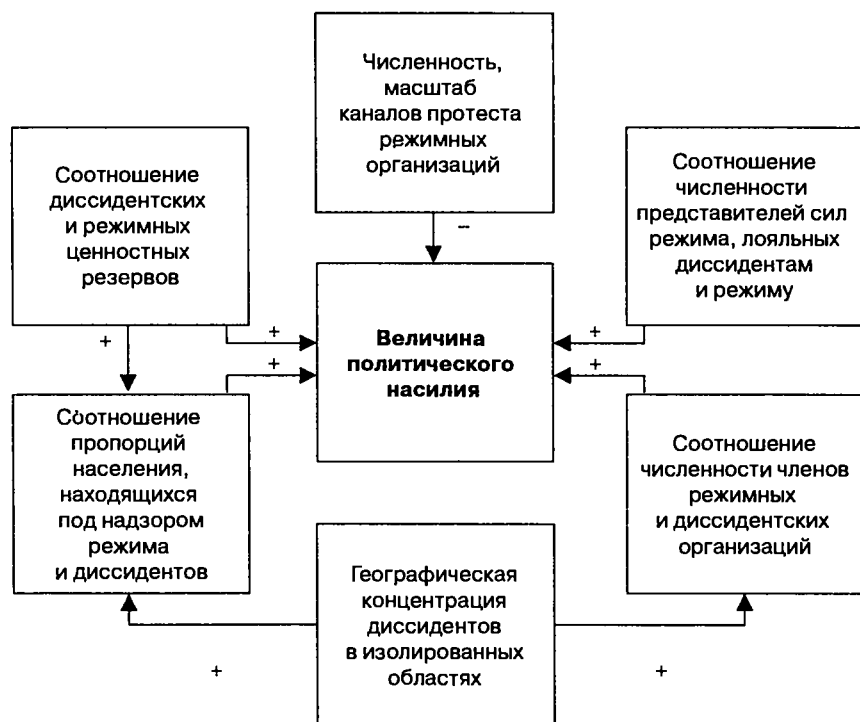

Рис. 21. Упрощенная каузальная модель социальных детерминант величины политического насилия

Примечание. Эта модель выводится из связей, выявленных между детерминантами баланса режимного и диссидентского институционального и коерсивного контроля, показанных на рис. 20 (см. текст). Переменные определены и обсуждены в предыдущих главах. Гипотезы, резюмирующие связи, не являются формально предположенными, а могут быть установлены с позиций, аналогичных гипотезам, разработанным в главах 8 и 9.

Важные связи удерживаются между рядами детерминант режимного контроля и поддержки и диссидентского контроля и поддержки. Сложность и согласованность организаций (RI.2, DI.2) и ценностные возможности (RI.4, DI.4), которые они обеспечивают своим членам, отчасти детерминируются их ресурсами (ценностными запасами — RI.3, DI.3). Что касается диссидентских организаций, то их средства для проведения антирежимных акций (DI.5) и возможности их военных формирований (DC.3) аналогичным образом зависят от ресурсов, которыми они располагают. Географическая концентрация диссидентов в изолированных районах (DC.2) создает тенденцию к наращиванию доли населения в диссидентских организациях (DI.1) и под диссидентским контролем. Для режима размеры и ресурсы режимных сил (RC.2) являются отчасти функцией общих ценностных резервов, которыми он располагает (RI.3). Возможности этих сил оказывают влияние на масштабы популяции, находящейся под контролем режима и последовательность применяемых им санкций (RC.5).

Если эти связи переменных режимного и диссидентского социального контроля комбинируются с суммарно-нулевыми связями между несколькими парами режимных и диссидентских переменных, обозначенных выше, становится возможно сконструировать упрощенную, состоящую из шести переменных, модель структурных детерминант политического насилия, показанную на рис. 21. Конечно же, эта парсимония достигается за счет снижения точности. Такие переменные, как сложность и сплоченность организаций и их ценностные возможности, лишь отчасти детерминируются организационными ресурсами; исключение их — вследствие частичной зависимости от ценностных ресурсов — устраняет необходимость оценивания независимых эффектов. Подобно этому, размеры ценностных ресурсов являются лишь лимитирующим условием коерсивных способностей; реальное вложение ресурсов в военную активность правящими элитами и диссидентами сильно варьирует в рамках этого лимита. Упрощенная каузальная модель может облегчить общий сравнительный анализ: она в меньшей степени подходит для детальных сравнений и кейз-стади. Отметим, что одна из независимых переменных — жесткость санкций режима ни прямо, ни косвенно не представлена в упрощенной модели, поскольку ее эффекты имеют криволинейный характер. Делается и другое упрощение; пропорции показаны таким образом, чтобы иметь скорее линейные, нежели криволинейные воздействия на величину политического насилия. Предположение состоит в том, что в огромном большинстве случаев масштабы режимного контроля и пропорциональные ценностные

ресурсы, принадлежащие режиму, равны тем показателям, которыми обладают диссиденты или превосходят их. В тех редких случаях, когда диссиденты имеют существенное преимущество, связи становятся обратными: величина политического насилия будет снижаться, по мере того будет падать способность режима к сопротивлению. Здесь опять же упрощение получается за счет применимости к некоторым специфическим случаям.

Детерминанты общих форм политического насилия

Три обобщенных формы политического насилия, различаемых в этом исследовании, таковы: *беспорядки*, представляющие собой относительно спонтанное, неструктурированное политическое насилие с преобладающе народным участием; *заговор* — высоко организованное, относительно маломасштабное политическое насилие; *внутренняя война* — широкомасштабное организованное насилие, преследующее своей целью свержение режима или аннулирование действующего государственного состояния и сопровождаемое экстенсивным применением насильственных действий. Эти категории могут быть определены таким образом, чтобы под них подпадали почти все случаи политического насилия⁴. Подобная категоризация тем не менее носит довольно произвольный характер, поскольку она основывается на комбинации дихотомизированных переменных — степенях организации и масштаба насилия, которые фактически являются непрерывными: Некоторые события беспорядков протекают более организованно, нежели другие, — к примеру, всеобщие забастовки бывают более упорядоченными, чем большинство мятежей. Аналогичным образом варьируют в степени своей организованности заговоры; перевороты обычно бывают высокоорганизованными, а террористические акты — в гораздо меньшей степени. Три рода аргументов оправдывают использование этих типов насилия как отдельных объектов объяснения: эмпирические данные, резюмированные в главе 1, о том, что они имеют тенденцию возникать отдельно среди различных народов; существенные различия в их воздействии на политические системы; и теоретические аргументы по поводу того, что они имеют, как правило, различные причины. Их каузальные переменные не отличаются от тех, которые детерминируют величину политического насилия, но они являются скорее комбинациями конкретных уровней или степеней этих переменных. Некоторые из общих воздействий баланса коерсивного контроля и институциональной поддержки на вероятность возникновения той или иной формы насилия определены в главах 8 и 9. Типы

и классы RD также систематически соотнесены с формами политического насилия, как это предполагается в нижеследующих аргументах и гипотезах. Затем схематически резюмируются детерминанты вероятности этих трех форм и иллюстрируются с помощью нескольких недавних случаев (кейзов).

Сфера действия относительной депривации и формы насилия

Сравнительные исследования, резюмированные в главе 1, предполагают, что в современных странах три типа насилия имеют тенденцию возникать независимо друг от друга. Страны, в которых разражаются внутренние войны, обычно имеют относительно низкий уровень беспорядков, а страны с высокими уровнями беспорядков проявляют относительно низкий уровень насилия, связанного с заговорами. Принципиальными формальными различиями между беспорядками и гражданской войной являются вариации в степени организации и сфокусированности насилия. Оба этих типа имеют тенденцию мобилизовать большое число людей, оба устойчивы на протяжении длительных периодов: беспорядки — эпизодически, внутренняя война — систематически. Однако беспорядки характеризуются диффузностью и недостатком организации, а внутренняя война — противостоянием сторон. Правдоподобное объяснение для явной взаимозаменяемости, но нечастой одновременности этих двух форм насилия состоит в том, что если революционные организации активны в обществе, они служат в качестве средства для выражения народной неудовлетворенности, которая в ином случае привела бы к беспорядкам. Активность заговорщиков имеет тенденцию быть высокой в тех странах, где нет ни внутренних войн, ни экстенсивных беспорядков. Основное различие между внутренней войной и заговором — это их масштабы, и здесь опять же существует правдоподобное объяснение: если в обществе возникает интенсивное массовое недовольство, революционные лидеры с большей степенью вероятности будут склонны развязывать внутренние войны; если неудовлетворенность ограничена в значительной степени размерами революционной элиты, наиболее вероятно, что они прибегнут к заговорам. Если существование высокой степени организации среди диссидентов атрибутируется наличию интенсивного недовольства среди сегментов элиты можно использовать таблицу, изображенную на рис. 22, чтобы произвести категоризацию и предположить гипотезы об общих детерминантах основных форм политического насилия.

		Интенсивность и масштаб массовой RD	
		низкий	высокий
Интенсивность и масштаб элитной RD	низкие	минимальное насилие	беспорядки
	высокие	заговор	внутренняя война

Рис. 22. Распределение относительной депривации и форм политического насилия

Гипотеза Т.4. Вероятность возникновения беспорядков прямо изменяется с интенсивностью и масштабом массовой относительной депривации и обратно — с интенсивностью и масштабом элитной относительной депривации.

Элита состоит из индивидов, которые приобрели или унаследовали такие персональные характеристики и которым культурно предписано все, что необходимо для занятия высоких ценностных позиций, независимо от того, приобрели ли они реально эти позиции. В западных обществах такие характеристики обычно включают в себя высокую степень интеллектуального развития, специальную техническую подготовку, менеджерские способности, амбиции, а также навыки межличностного общения. Массы включают в себя индивидов, обладающих этими характеристиками в меньшей степени. Элитная RD, возможно, в большей степени распространена среди тех людей, которым свойственны элитные характеристики, но которые не обладают достаточно высокими ценностными позициями — внутренняя элита, по выражению Парето, — например, полубезработная интеллигенция в слаборазвитых странах или компетентные мужчины и женщины в западных обществах, отстраненные от возможностей продвижения по дискриминационным соображениям. Элитная RD также достаточно часто бывает распространена среди многих членов внешних (пришлых) элит: политических лидеров, отстраненных от электоральной активности, предпринимателей, подверженных законодательным ограничениям, военных офицеров, оказавшихся перед лицом неадекватных ресурсов.

Эти три гипотезы базируются на предположениях о том, что лидерство является существенным для развития организации и что лидерские умения и навыки можно с большей вероятностью обнаружить среди представителей элит или, по меньшей мере, среди людей, обладающих существенным опытом в направлении деятельности других людей. Первое предположение (убедительно), но трудно поддается определению, второе требует определенного документального подтверждения. Эмпирические

исследования революционного лидерства предполагают, что существенное большинство лидеров были выходцами из средних и более высоких страт своих обществ. В своем исследовании участия крестьян во внутренних войнах Алрой утверждает, что общераспространенной характеристикой является «их зависимость от тех, кто не является крестьянами для политических, военных и других лидерских навыков, зависимость, которая возрастает вместе с ростом масштаба повстанцев». Почти ничего неизвестно о «крестьянских войнах» или сельских революционных движениях, возглавлявшихся самими крестьянами. Хотя некоторые из них имели сельское происхождение, как например, Кейд (лидер английского восстания в 1450 г.), Пугачев (вождь русского крестьянского бунта в 1772 г.) и Мао Цзедун, которые, прежде чем стать революционными лидерами, приобрели значительный военный и организационный опыт⁵. Обширные исследования участия и лидерства во Французской революции показывают преобладание профессионалов среди ее лидеров, а также квалифицированных рабочих и книготорговцев среди активистов. Вайлс, анализируя лидерство в четырех революционных правительствах между 1789 и 1792 гг., показывает, что от 70 до 100 % в составе каждого из них были профессионалы, бизнесмены или квалифицированные ремесленники, с преобладанием профессионалов⁶. Из примерно 1300 членов Гражданских и Революционных комитетов по всей Франции, а также среди ополченцев в других местных революционных организаций значительное большинство были мелкими торговцами, лавочниками или ремесленниками. «Бакалейщики, трактирщики, столяры, портные, сапожники, парикмахеры — все они составляли соседство революционеров»⁷. Революционные миллениаристские лидеры в средневековой Европе были, главным образом, представителями низшего духовенства и мирянами с религиозным образованием, «фрустрированной и весьма униженной интеллигенцией»⁸. Революционные активисты в Бенгалии на протяжении первых двух десятилетий XX в. почти полностью происходили из высших каст 90 % личностей, осужденных или казненных комиссией по «революционной преступности» между 1907 и 1917 гг., были членами трех самых высоких каст, которые в совокупности составляли менее 6 % населения в целом⁹. В Бирме и Индонезии на протяжении 1930-х гг. активисты коммунистических движений рекрутировались, преимущественно из молодых, националистически настроенных членов туземной элиты¹⁰.

Революционные лидеры могут быть маргиналами в том смысле, что они чувствуют свою социальную позицию и перспективы продвижения ненадежными, но они редко появляются из низших классов. Отличи-

тельной характеристикой революционных движений и внутренних войн вообще является существенное участие в них высших классов, в особенности на уровне лидерства. Бринтон и другие ученые, которые исследовали классические европейские революции, подчеркивали, что неудовлетворенность была широко распространена не только среди простых людей, но и среди больших сегментов высших и средних классов. «Дезертирство интеллектуалов» неоднократно упоминается как предвестник революции. Тилли показывает, что вооруженные толпы, которые принимали участие в контрреволюции в Вандее в 1793 г., состояли из крестьян и ремесленников примерно в тех же пропорциях, как они были распределены в составе сельского населения, но они вербовались также из многих представителей буржуазии, равно как и старой элиты¹¹. Сетон-Уотсон в общем обзоре революционных и заговорщических движений XX в. приходит к выводу, что лидерство в них первично исходило от интеллигенции, какой бы ни была база народной поддержки¹². Он также последовательно полагает в соответствии с предыдущим утверждением, что заговорщические движения наиболее вероятны в тех случаях, когда массы «отсталые», под этим он подразумевает недостаточное осознание ими реалий современного мира. «По мере того как массы становятся более богатыми, более квалифицированными и более образованными, возрастает возможность широких массовых движений и лидерство интеллектуалов становится менее существенным... Именно комбинация отсталости масс, экстремизма интеллектуалов и деспотии бюрократии в наибольшей степени способствует возникновению заговорщических движений»¹³.

Сравнительные свидетельства дифференциального классового участия в различных типах политического насилия можно получить из данных 1961–1965 гг. о примерно 1000 событий, связанных с гражданской борьбой. В частности, о том, что группы рабочего класса принимали участие в трех из четырех случаев беспорядков и во всех внутренних войнах. Группы «среднего класса» участвовали в трех из пяти случаев беспорядков (участниками которых в большинстве случаев были студенты) и в двух из трех внутренних войн. «Режимные классы», включая силы безопасности и членов политических элит, почти никогда не были втянуты в беспорядки, но играли активную роль в семи из десяти заговоров и в половине внутренних войн. В действительности беспорядки в современных обществах мобилизуют низшие классы, но с существенной активизацией со стороны участников средних классов. Заговоры весьма значительно втягивают в себя участников со стороны политической оппозиции, состоящей из представителей режима

и среднего класса, внутренние войны вовлекают в себя людей из всех социоэкономических классов¹⁴.

Типы относительной депривации и формы политического насилия

Революциям и восстаниям всегда предшествует народное недовольство, касающееся многих проблем: абсолютный или относительный спад экономических условий жизни, слом установившихся паттернов общинной организации и верований, демонстративная неспособность правительств к поддержанию социального порядка или проведению корректирующих акций. Моска пишет, что революция возможна только в том случае, «если массы взбаламучены великим духовным беспокойством»¹⁵. Джонсон говорит, что множественные дисфункции и разбалансировки являются необходимой предпосылкой революционной войны¹⁶. Я предполагал в главе 3, что интенсивность RD изменяется вместе с долей ценностей, подвергшихся воздействию (гипотеза ID.3). Здесь выдвигается предположение о том, что внутренняя война наиболее вероятна в случае, если RD интенсивна в отношении разнообразных ценностей. Предлагаемая в главе 3 в одном из следствий связь состоит в том, что отчетливость или важность ценности имеет тенденцию изменяться с величиной, вкладываемых в нее усилий (следствие ID.2.2). Неудовлетворенные ожидания относительно тех ценностей, которые никогда не достигаются, вносят свой вклад в недовольство меньшей интенсивности, нежели вмешательство с достигнутой ценностной позиции. Поэтому убывающие и прогрессивные паттерны деприваций, описанные в главе 2, с большей вероятностью увеличивают потенциал коллективного насилия, нежели устремленная RD. Этот момент является достаточно общим местом в литературе. Дэвис атрибутирует революцию прогрессивной RD, т. е. падению производства национального продукта после периода более или менее устойчивого роста¹⁷. Центральный тезис теории революции Соула состоит в том, что на протяжении периодов социального изменения те классы, которые находятся на подъеме, приобретают все возрастающую власть и старые элиты предпринимают попытки лишить их этой власти. «Важное революционное насилие происходит тогда, когда те, кого оттолкнули от власти, стараются вернуть ее себе. Оно применяется для защиты революции, которая была совершена или фактически совершена»¹⁸. Чаплин, комментируя неудачный крестьянский мятеж в Перу в 1965 г., отмечает, что «крестьян можно легче радикализировать угрозой потери приобретенных благ, нежели просто вдохновляя их на новые достижения»¹⁹. Эти наблюдения

наводят на две гипотезы о типах RD, которые с определенной вероятностью приводят к внутренним войнам.

Гипотеза I.6. Вероятность внутренней войны изменяется с долей классов ценностей, испытывающих на себе воздействие интенсивной относительной депривации.

Гипотеза I.7. Вероятность внутренней войны будет наибольшей, если относительная депривация убывающая или прогрессивная, и меньше, если она устремленная.

Гипотеза I.6 поддерживается свидетельствами, собранными в кросс-национальном исследовании, о котором шла речь в предыдущих главах при изучении первичных мотивов участия во внутренних войнах, происходивших на протяжении 1961–1965 гг. Многочисленные мотивы — политические, экономические и социальные — были характеристиками почти всех внутренних войн (см. табл. 4 в главе 6). Инициаторы различных случаев беспорядков, таких как бунты, демонстрации и политические стачки, обычно имели более специфические мотивы, например, к предпринятию действий, направленных против определенной политики или лидеров, или на то, чтобы отстоять свою общину от внешней угрозы.

К этому утверждению требуется одна важная оговорка. Анализ специфических мотивов, приписываемых заговорщикам или высказываемых ими, предполагает, что они обладают даже более узким спектром мотивов, нежели рядовые участники беспорядков. Заговорщики с гораздо меньшей степенью вероятности обладают публично выраженными экономическими и социальными мотивами, нежели бунтовщики, и с огромной степенью вероятности (что было идентифицировано в более чем половине из 343 событий заговоров) мотивируются первично или исключительно стремлением к захвату политической власти²⁰. Они могут желать этой власти необязательно во имя нее самой, но скорее как базовой ценности для улучшения своего статуса или экономического благосостояния; Клинг предполагает, что это является принципиальным мотивом для переворотов в Латинской Америке²¹. Тем не менее RD в отношении ценностей власти представляется более вероятным для заговорщиков, нежели для участников любой из других общих форм политического насилия. Более того, желание ценностей участия и в особенности контроля является особо отчетливым для элит, а не для большинства других людей. Свидетельства, резюмируемые в главе 3, предполагают, что большинство людей более непосредственно заинтересованы в приобретении минимально адекватного стандарта благосостояния и в поддержании стабильных семейных и общинных отношений, нежели в приобретении власти (вывод ID.2.1). Когда они стремятся к политическому участию, то это редко бывает во имя самой власти, а скорее для того, чтобы защитить свои материальные и общинные интересы. Элиты и те, кто рвутся

к обладанию формальным элитным статусом, с большей степенью вероятности стремятся приобрести контроль во имя него самого; до той степени, в какой заговорщики обладают элитными характеристиками (гипотеза С.4), они с большей вероятностью, нежели другие люди, будут мотивированы фрустрированным желанием власти. Из этих аргументов можно извлечь две гипотезы о формах политического насилия.

Гипотеза Т.5. Вероятность беспорядков изменяется обратно пропорционально доле класса ценностей, испытывающих на себе воздействие интенсивной относительной депривации.

Гипотеза С.5. Вероятность заговора изменяется с интенсивностью ценностной депривации его участников.

Каузальные модели детерминант форм

Общие условия, которые максимизируют вероятность политических беспорядков, схематически изображены на рис. 23. Если интенсивное недовольство обнаруживается среди обычных людей, а не элиты, и если это недовольство лишь на некоторые условия жизни, потенциал бунта будет достаточно высоким, но потенциал заговора или внутренней войны будет низким (Т.4, Т.5). Каким бы ни был уровень RD, вероятность беспорядков будет высока, если политически неудовлетворенные члены общества плохо организованы (Т.3), а режим обладает высокими коерсивными способностями в сравнении с ними (Т.1). Если диссиденты концентрируются в областях, находящихся под плотным контролем режима, например, в городских районах, заселенных рабочим классом, их возможности как для развития эффективных оппозиционных организаций, так и для приобретения противостоящих коерсивных способностей, будут низкими (Т.2).

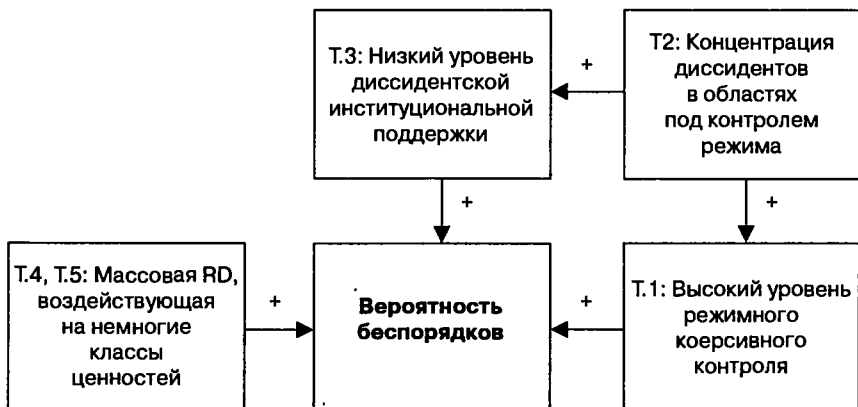

Рис. 23. Условия максимизации вероятности беспорядков

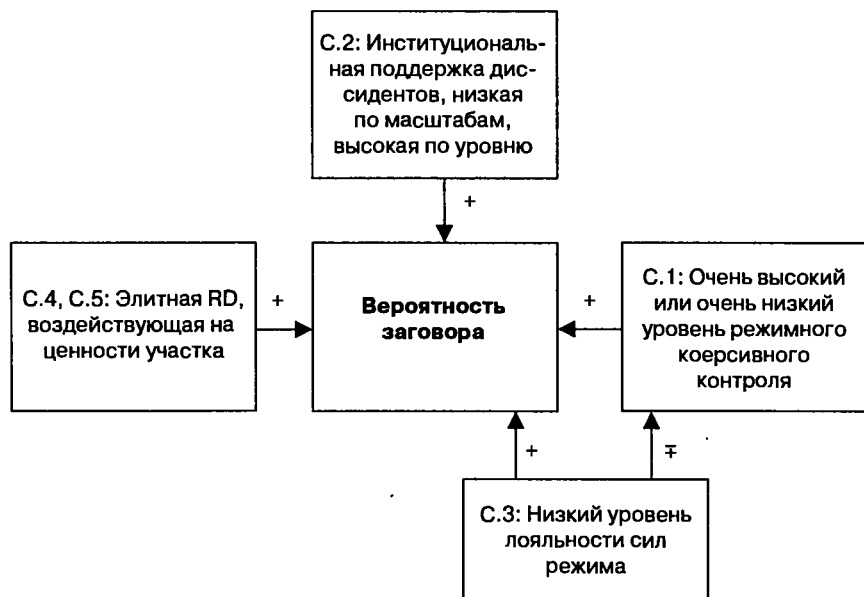

Рис. 24. Условия, максимизирующие вероятность заговора

Потенциал заговорщических атак на режим будет наибольшим, как это показано на рис. 24, если группы, обладающие элитными характеристиками, являются интенсивно неудовлетворенными по поводу недостатка своего политического влияния, а недовольство народа умеренно (С.4, С.5). Деятельность заговорщиков выполняется наилучшим образом, если неудовлетворенные элиты могут использовать тесно связанные с ними организации (С.2). До той степени, в которой народное недовольство низко (С.4), а подавление режимом оппозиционной активности является жестким (С.1), заговорщики вряд ли окажутся способными расширить масштаб своей институциональной поддержки. В таких обстоятельствах наилучший шанс их успеха состоит в том, чтобы привлечь на свою сторону силы режима (С.3). Если они сумеют заручиться поддержкой большинства или всех этих сил, коерсивный контроль режима упадет до низкого уровня и становится возможным успешный государственный переворот. Если же силы режима непоколебимо лояльны по отношению к правящей элите, заговорщики могут прибегнуть к терроризму или маломасштабной партизанской войне с тактическими целями разрушения сил режима в долгосрочной перспективе и усиления народного недовольства и наращивая таким образом вероятность развязывания внутренней войны.

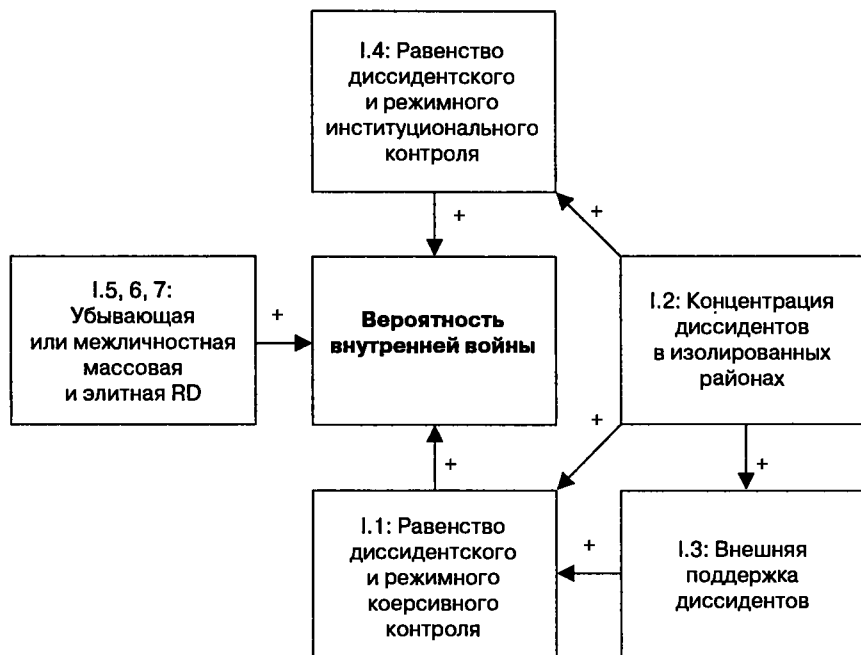

Рис. 25. Условия максимизации вероятности внутренней войны

Массовые революционные и сепаратистские движения развиваются с наибольшей вероятностью (рис. 25), если недовольство интенсивно и широко распространено как среди элиты, так и в массах, в результате относительного или абсолютного ухудшения многих условий социального существования (I.5, I.6, I.7). Беспорядки и заговоры могут, вероятно, возникать одновременно в периоды, непосредственно следующие за возникновением таких паттернов недовольства. В течение более продолжительных промежутков времени среди диссидентов будут, вероятно, проявляться определенные усилия к достижению договоренности о совместных действиях, установления лидерства в широкомасштабных организациях и приобретения военного потенциала, что делает возможным проведение совместных революционных акций. Чем ближе их коерсивные и институциональные возможности будут приближаться к аналогичным возможностям режима, тем более затянутым и интенсивным будет, вероятно, политическое насилие (I.1, I.4). Два структуральных условия, идентифицированных в главе 8, имеют непрямые воздействия на вероятность внутренней войны. Концентрация диссидентов в областях, находящихся вне сферы эффективного контроля

режима, содействует распространению и институциональной поддержки, и коерсивного контроля диссидентов (I.2). Доступность для диссидентов иностранной и военной поддержки обеспечивается с наибольшей легкостью, если они контролируют изолированные области базирования; такая поддержка содействует экспансии их коерсивных способностей (I.3).

Эти модели носят вероятностный характер, как и все модели, разрабатываемые в этой главе: определяемые переменные не детерминируют всецело вероятность того, что возникнет какая-то конкретная форма насилия. Различия могут быть по форме или по степени — организации и масштаба, — но не по типу, как подчеркивалось выше. Более того, существует относительно мало социетальных ситуаций, в которых поддерживаются все условия, определяемые для конкретной формы насилия. В любой момент времени данное общество характеризуется смешанными паттернами. До той степени, в какой эти условия варьируют на протяжении времени, могут изменяться и вероятности возникновения конкретных форм политического насилия. Несколько примеров чистых и смешанных паттернов социетальных условий иллюстрируют модели и некоторые процессы, посредством которых одна форма насилия может трансформироваться в другую.

Условия черных американцев в начале и середине 1960-х гг. аппроксимировали к модели «беспорядков». Интенсивное недовольство было широко распространено среди обитателей городских гетто и стало результатом экономической и статусной депривации. Недовольство наиболее интенсивно развивалось среди низших слоев черных американцев, меньше — среди черной буржуазии, ориентированной преимущественно на белое общество и имевшей более широкие возможности для личной мобильности, нежели менее удачливые негры. Большинство негритянских ассоциаций были озабочены обеспечением ценностных возможностей для своих членов; организации, лидеры которых были привержены насильственной политической оппозиции, составляли несущественное меньшинство. Концентрация негров в гетто облегчала полицейский контроль, который был относительно высоким, несмотря на его непоследовательность (глава 8). На протяжении середины и конца 1960-х гг. паттерны RD среди черных существенно изменились, сдвинувшись в направлении тех условий, которые необходимы для внутренней войны. Вновь артикулированные призывы к единству черных и гордости за свою расу и интенсифицировали недовольство черной элиты, равно как и частичная неудача проведения политических акций через общепринятые каналы. Провал попыток получить быстрые

и адекватные действия режима по смягчению RD добавил обиды к экономическому и статусному недовольству всех классов негритянского общества. Начальный паттерн полицейского ответа на мятежи — терпимого, но совершенно непоследовательного еще более интенсифицировал недовольство. Однако ни одно из структурных условий, способствующих внутренней войне, не получило развития. Хотя многие черные организации были радикализированы, институциональный и коерсивный контроль режима оставался достаточно высоким. Были основаны несколько тайных радикальных организаций, очень небольших по численности, но обладающих высокой степенью организованности, которые содействовали оборонительному и наступательному заговорщическому насилию. Но представляется крайне невероятным, чтобы военизированные черные организации могли получить существенную иностранную поддержку или развить до высокого уровня коерсивный контроль. Тот факт, что черные американцы составляют 12 % населения, сам по себе является препятствием для получения значительной институциональной поддержки, что в ином случае сделало бы возможной затяжную внутреннюю войну. Следовательно, наиболее вероятными формами черного политического насилия стали хронические беспорядки и заговоры, и они будут продолжаться до тех пор, пока не будут разрешены лежащие в их основе неудовлетворенности. Если бы черным диссидентам действительно удалось развить меру институциональной поддержки и ресурсов в гетто, на чем настаивают многие из черных и некоторые из белых лидеров, наиболее вероятным долгосрочным эффектом этого было бы снижение депривации посредством процессов, исследованных в главе 9.

Куба в 1957 г. являла собой пример модели «заговора» и иллюстрацию процессов, с помощью которых заговор может развиваться в успешную внутреннюю войну. Самыми недовольными среди кубинцев в середине 1950-х гг. были студенты и буржуазия, которых в 1952 г. лишили политических свобод и общепринятых средств политического участия. Куба, вне всякого сомнения, не была раем для рабочих, однако экономические условия жизни народа были лучше, чем в большинстве стран Латинской Америки, и продолжали улучшаться; народное недовольство экономическими и политическими проблемами было значительным, но не интенсивным. Почти все повстанцы, высадившиеся в провинции Ориенте в декабре 1956 г., были представителями политически недовольной буржуазии, как и те люди, которые предприняли неудачную попытку переворота в Гаване 13 марта 1957 г. Партизанское движение, основанное теми повстанцами, которые выжили после

высадки в Ориенте, состояло из типично заговорщических организаций, вначале малых по численности, но высокоорганизованных и крепко спаянных дисциплиной. Коерсивные возможности режима Батисты первоначально были весьма высокими в сравнении с партизанами, хотя и не настолько высокими, чтобы устранить их. Таким образом, из пяти упоминавшихся условий, детерминирующих вероятность заговора, четыре были характерны для Кубы 1957 г. Успешная партизанская война имела несколько прямых и косвенных эффектов, которые сдвинули социетальные условия в направлении событий, обладавших типичными признаками внутренней войны. Во-первых, режим Батисты, опираясь на политическую полицию, становился все более репрессивным и все более террористическим в полицейской и военной тактике. Результатом было нарастание убывающей RD среди городских жителей и крестьян Сьерра-Маэстры, которым надоело принимать на себя удары военных репрессий. Как следствие этого в 1957 и 1958 гг., все больше и больше городских ассоциаций — профсоюзов, партий, студенческих групп — сдвигалось от пробатистских ориентаций в направлении нейтралитета и открытой оппозиции. Партизанское движение постепенно наращивало масштабы своего контроля в сельской местности. В военном отношении партизаны никогда не были сильны, располагая к концу 1958 г. самое большее 1500 человек под ружьем, но они использовали эти силы с таким тактическим блеском — в сравнении с тактикой режима, что моральный дух и лояльность военных стремительно падали. Таким образом, к концу 1958 г. на Кубе имелись в наличии шесть из семи условий, ассоциирующихся с внутренней войной: широко распространенная и интенсивная убывающая RD, относящая ко многим ценностям; концентрация эффективных вооруженных диссидентов в областях, находящихся вне сферы режимного контроля; и баланс институциональной поддержки и коерсивного контроля между режимом и повстанцами, который быстро приближался к равенству в конце 1958 г. Батиста, осведомленный о том, что сдвиг коерсивного контроля развивается не в его пользу, предпочел покинуть страну, нежели продлевать войну до ее почти неизбежной развязки²².

Паттерн условий, предшествовавших Египетской «революции» 1952 г., был промежуточным между условиями заговора и внутренней войны. RD была характерной для предреволюционной ситуации: широко распространенное и интенсивное экономическое недовольство, ставшее результатом семилетнего цикла кризиса; межличностная RD среди лишенных корней крестьян, мигрировавших в города; и враждебность как среди масс, так и среди элиты, к некомпетентному политическому

режиму. Главной оппозиционной организацией было традиционалистское Мусульманское братство, но ни оно, ни какая-либо из других ассоциированных групп не могли мобилизовать в свои ряды большого сегмента египетского народа. Институциональная поддержка и режима, и диссидентов была низкой по своим масштабам; наиболее высокоорганизованными секторами египетского общества были бюрократия и военные. Решающим условием в этом кейзе была лояльность армии. Беспорядки в 1951 и 1952 гг. носили хронический характер; предположительной причиной упадка коерсивного контроля режима в январе 1952 г. были его безволие или бездарность. Большая часть офицерского корпуса выглядела нейтральной, их недовольство было в скорее вызвано некомпетентным управлением в ходе Палестинской войны 1948 г., нежели позитивной нелояльностью. Тем не менее этот нейтралитет сделал возможным успех государственного переворота, совершенного 23 июля тайной группой Свободных офицеров во главе с полковником Насером. Сам переворот получил широкую народную поддержку, дав возможность новому режиму начать широкомасштабную мирную социоэкономическую трансформацию, которая обещала разрешение революционной ситуации²³.

Французская всеобщая забастовка в мае и июне 1968 г. дает нам последний пример наличия условий, промежуточных между теми, что ведут к беспорядкам, и теми, которые вызывают внутреннюю войну. Этот случай RD проявляет больше характеристик беспорядков, нежели внутренней войны. Наиболее интенсивно проявляли свое недовольство студенты, которые изначально требовали глобальных политических изменений. Имело место существенное экономическое недовольство среди многих фермеров и рабочих; средние и высшие классы были по большей части (если не с энтузиазмом, то в целом) удовлетворены политическими и экономическими условиями. Но баланс институциональной поддержки благоприятствовал революции. Если бы лидеры двенадцати миллионов бастующих рабочих были привержены революционным целям и возымели желание сотрудничать со студентами в преследовании этих целей, была бы предпринята попытка внутренней войны. Если бы недовольство рабочих проявлялось более интенсивно, а режим — настроен менее терпимо, и революционные цели были бы более четко сформулированы, диссиденты могли бы решиться на нее. Результат внутренней войны в таком случае сильно зависел бы от баланса коерсивного контроля. Диссиденты не располагали ни базовыми областями, ни внешней поддержкой; они могли надеяться лишь на уравнивание коерсивного баланса, чтобы обеспечить себе лояльность

или, по крайней мере, нейтралитет армии и сил безопасности. Маловероятно, чтобы они могли поступить таким образом, зная враждебность полиции по отношению к студентам и верность армии генералу де Голлю. Хотя люди, толковавшие о революции во Франции в 1968 г., думали, что они уже начали ее. При условиях, сложившихся во Франции в это время, вряд ли было вероятно выйти за пределы беспорядков и еще менее вероятно, что революция, если бы она началась, увенчалась успехом.

Процессы политического насилия

Различные модели «революционных процессов» предлагались, к примеру, Хоппером, Бринтоном и Шварцем²⁴. Наиболее строго разработанной является десятистадийная модель, предложенная Шварцем. Об этом процессе говорится, что он начинается с политического отчуждения, сопровождаемого развитием революционной организации, артикуляцией революционных лозунгов, периодом революционной коалиции и строительства движения, за которым следует период ненасильственной политики, а затем взрыв революционного насилия. Идентифицируются также четыре постнасильственных стадии²⁵. Каузальный анализ количественных данных был использован при попытках детерминировать следствия условий, внесших свой вклад в нестабильность в Латинской Америке. Например, Мидларски и Тантер вывели доказательство того, что иностранное экономическое присутствие ведет к возрастанию уровней экономического развития, что, в свою очередь, имеет своим следствием возникновение революционного насилия²⁶.

Аналитические цели таких моделей различны. Некоторые из них, включая те, что ставили перед собой Хоппер и Бринтон, и идентифицированные в каузальном анализе, являются, в сущности, описанием наблюдаемых или подразумеваемых регулярностей. Надель обращается к положению Бринтона о стадиях революции как к своего рода дефиниции, которая может быть использована для того, чтобы определить, могут ли другие события считаться «революцией», и посредством этого объяснять их²⁷. Модели, подобные той, которую разрабатывает Шварц, имеют имплицитную цель предсказания последствий конкретных условий: если определенный ряд условий содержится в момент времени X , то в момент Y вероятно возникновение некоторых специфических условий. Однако в этих моделях редко принимается в расчет более, чем одно или два условия, которые могли бы содержаться в момент X ;

об условиях, релевантных для момента X , редко можно сказать, что они релевантны на последующих стадиях и эффекты «обратной связи» от возникновения Y на предшествующих стадиях нечасто удается идентифицировать. В результате в подобных моделях политическое насилие анализируется как некий однонаправленный процесс. Здесь же предпринимается попытка разработать абстрактную модель, которая преодолевает некоторые из этих ограничений. Одно из ее применений заключается в том, чтобы идентифицировать оптимум стратегий для режимов и их оппонентов.

Модель процесса

Модель процесса, изображенная на рис. 26, предполагает существование определенного потенциала коллективного насилия в любой политической общности в любое данное время. Она базируется на десяти каузальных переменных, которые выглядят наиболее приемлемо для краткосрочного изменения, вызванного усилиями либо диссидентов, либо правящих элит. Эта модель не является ни всеобъемлющей, ни достаточно точной; она в лучшем случае предварительная. Нерепрезентативные переменные, такие как историческая величина политического насилия и показатели групповой ценностной мобильности также приемлемы для запланированного или незапланированного изменения, но обычно изменения происходят лишь постепенно и редко являются объектом социальной инженерии со стороны правящих элит или диссидентов. Восемь из десяти каузальных переменных, используемых в модели, оказывают одновременное воздействие на две из первичных переменных. Необходимо отметить, что модель процесса дает возможность оценить и воздействие различных типов политики на потенциал и на величину непосредственно политического насилия, и на влияние этих типов на потенциал последующего насилия. В следующих параграфах связи, показанные в модели процесса протекания насилия, обсуждаются в соотнесении с предшествующими теоретическими аргументами.

При данном наличии потенциала коллективного насилия диссидентам легче всего сфокусировать его на политических целях путем артикуляции новых символических лозунгов, которые предлагают оправдания политического насилия (JV.6, JV.7). Обобщенное недовольство может быть одновременно увеличено до той степени, которая обеспечивает оправдания диссидентских лозунгов для новых или интенсифицированных экспектаций (ID.1, ID.2) и определяет средства для их достижения (VE.2). Наиболее потенциально эффективная краткосрочная

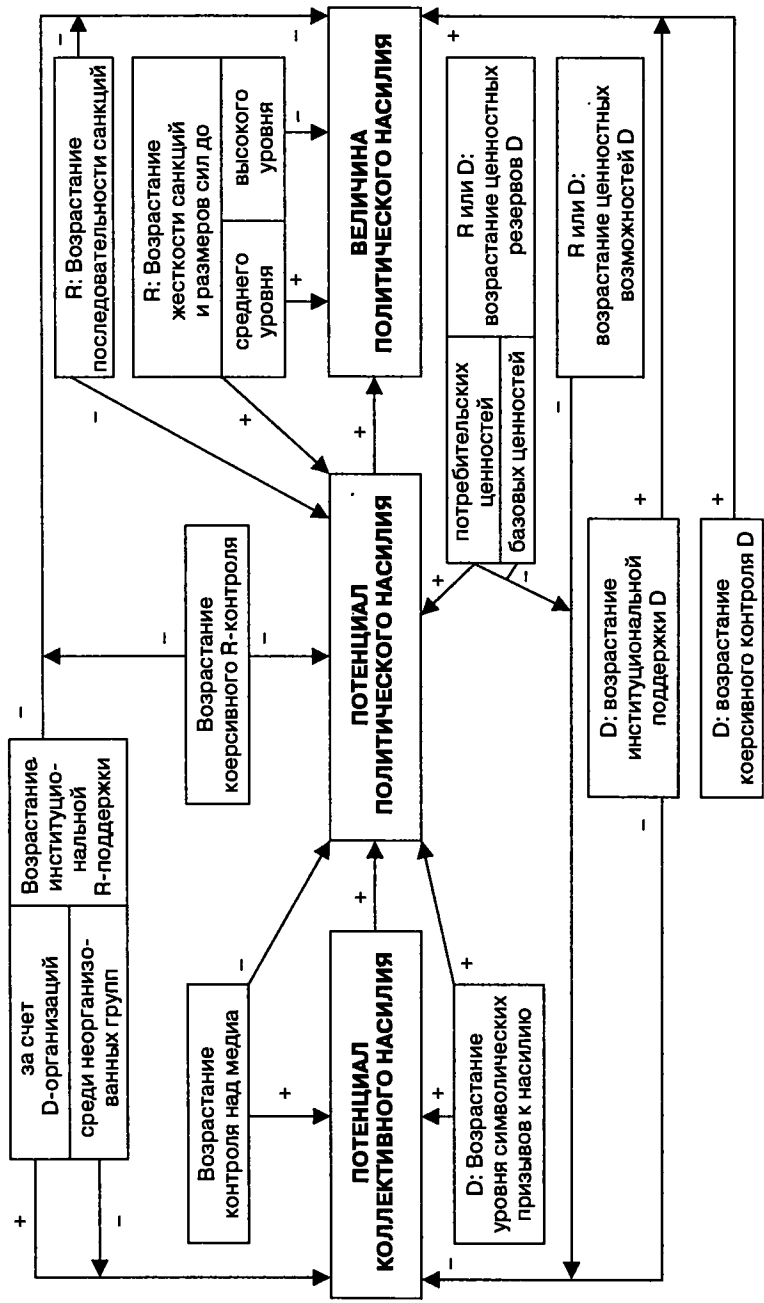

Рис. 26. Процессуальная модель политического насилия, показывающая некоторые эффекты альтернативных ответов режима и диссидентов на потенциал и возникновение насилия. Легенда: R = режим; D = диссиденты

тактика при предрасположенности режима к минимизации политизации недовольства состоит в том, чтобы контролировать содержание медиакоммуникаций (JV.10, JV.11). Подобная политика может увеличить недовольство, если в обществе ценится свобода выражения (ID.2), и она ограничивается контролем со стороны медиа (ID.1.1). Следует указать, что ни изменения в контроле над медиа, ни использование символических лозунгов, не оказывают решающего воздействия на потенциал политического насилия; более результативными являются другие его основные детерминанты (см. рис. 18 и 19).

Каким бы ни был начальный уровень политизированного недовольства, социальный контроль как со стороны режима, так и со стороны диссидентов можно изменить такими способами, которые оказывают воздействие на все три первичные переменные. Режимы, увеличивая институциональную поддержку, осуществляемую через режимно-ориентированные организации (RI.1–RI.5), могут снизить величину политического насилия. Распространение режимных организаций среди недиссидентских групп, вероятно, приведет к повышению их ценностных возможностей (VC.4), уменьшая тем самым недовольство (ID.1.1). Однако распространение режимных организаций среди диссидентских групп, вероятно, подорвет ценностные паттерны действия, интенсифицируя их недовольство. Тем не менее такая политика представляется более эффективной в минимизации насилия, нежели надежды режима на увеличение коерсивного контроля, который, вероятно, ненадолго воспрепятствует открытому насилию (V.6), но усилит и политизирует враждебность недовольных людей, подвергаемых интенсифицированному контролю (RC.2, RC.3). Более того, если усиление коерсивного контроля окажет воздействие на прежде удовлетворенные группы или ограничивая свободу их действий, или требуя, чтобы они пожертвовали своими скудными ценностями для поддержки сил режима, это вызовет возникновение дополнительного недовольства (ID.1.2).

Увеличение диссидентской институциональной поддержки (ID.1.2) оказывает компенсирующее воздействие на первичные переменные. Если диссиденты непоколебимо привержены насильственному противостоянию, увеличение их институциональной поддержки наращивает величину политического насилия (V.7). Но увеличение институциональной поддержки, вероятно, включает в себя и установление ценностно-повышающих курсов действия, которые минимизируют межличностную депривацию (см. главу 9). Поэтому на коротких промежутках времени усиление диссидентской институциональной поддержки приведет к возрастанию величины насилия, но в обозримой перспективе

может уменьшить потенциал коллективного насилия. Увеличение диссидентского коерсивного контроля (DC.1–DC.4) наращивает величину политического насилия (V.6) без значительных эффектов обратной связи с другими переменными. (Криволинейные связи, предполагаемые для эффектов баланса коерсивного контроля и институциональной поддержки режима и диссидентов в V.6 и V.7, не учитываются в модели процесса на основе упрощенного предположения о том, что диссидентские контроль и поддержка редко превосходят то, чем обладает режим. Этот криволинейный эффект нетрудно при необходимости инкорпорировать в более сложную модель процесса.)

Реальное возникновение политического насилия оказывает различные воздействия на потенциал будущего насилия, изменяясь в зависимости от степени успеха диссидентов и типов ответа режима на него. У режима, столкнувшегося с политическим насилием, существуют базовые альтернативы: либо усилить коерсивные меры, либо пойти навстречу всем или некоторым из требований диссидентов. Если режимы наращивают свои силы и ужесточают санкции до предела, то на короткое время это может удержать людей от применения насилия, однако не менее вероятно, что подобная тактика интенсифицирует и продлит недовольство (ID.5), породит новое недовольство среди людей, испытывающих на себе прямое воздействие этих мер (RC.2, RC.3), усилит их волю к сопротивлению и обеспечит отчетливыми объектами для атаки (глава 6). Если силы и санкции возрастают лишь в средней степени, это обычно имеет дисфункциональные последствия для режима. Средние уровни силы и ее применения интенсифицируют недовольство диссидентов и волю к сопротивлению, но вряд ли удержат их (RC.2, RC.3). Однако если режимы усиливают последовательность, с которой применяются санкции, дальнейшее нарастание уверенности в неотвратимости кары, вероятно, может удерживать диссидентов (RC.5) и будет способствовать легитимности режима, снижая тем самым потенциал дальнейшего политического насилия (JV.5).

Диссиденты могут «преуспеть» в защите своих ценностей или в захвате новых ценностей или в получении уступок и выгод. Если ресурсы (ценностные резервы), получаемые диссидентами, представляют собой потребительские ценности, т. е. используются скорее для непосредственного удовлетворения депривации, нежели для того, чтобы создавать новые ресурсы, бенефициарии* могут вновь укрепиться в своей предрасположенности к атакам на режим, когда ресурсы иссякнут

* Те, кто пользуется пожертвованиями или благодеяниями. — *Примеч. пер.*

(JV.8). Если получаемые ресурсы являются базовыми ценностями, такими, которые диссиденты могут использовать для того, чтобы создавать новые ценностные возможности и блага, потенциал коллективного насилия уменьшается (VC.1, VC.4, ID.1.1). Тот же аргумент применим к увеличению ценностей, получаемых через применение насилия: результатом будет увеличение ценностных возможностей и последующее уменьшение насилия.

Это упражнение в «если... то...» можно завершить предложением оптимальных стратегий социального действия людей, обладающих консервативными и революционными мотивами. В обществе, для которого характерны высокие уровни неудовлетворенности, вероятно, можно обнаружить три довольно различающихся типа мотивов в отношении политического насилия. Первичный мотив действующей политической элиты состоит обычно в том, чтобы минимизировать насилие и максимизировать порядок и в ближайшем, и в более отдаленном времени. Наиболее интенсивно неудовлетворенные диссиденты, вероятно, желают максимизировать насилие во имя удовлетворения самого своего гнева, однако они могут и рационализировать этот импульс. Другие диссиденты, включая менее неудовлетворенных и просто моралистов, вероятно, в большей степени желают минимизировать свою RD, нежели дать выход своему гневу; их мотивация изначально инструментальна. Модель процесса и общие каузальные модели предлагают оптимальные стратегии для каждой из этих групп.

Стратегия для инкамбентов

Цель, атрибутируемая здесь типичной инкамбентской элите, состоит в поддержании стабильности, независимо от того, максимизирует это или нет удовлетворенность других граждан. Для того чтобы минимизировать потенциал коллективного насилия, существуют следующие альтернативы: во-первых, минимизировать изменения групповых ценностных позиций, другими словами поддерживать статус-кво в сложившемся распределении социальных, экономических и политических благ. Во-вторых, если же элита привержена прогрессу или вынуждена следовать ему, выгоды от этого прогресса должны распределяться поровну. Ни одна из групп, по крайней мере ни одна из недовольных групп, не должна получать их менее быстро, нежели другие. Ограниченные ресурсы могут тормозить значимый прогресс для всех групп; или же политика развития может диктовать, чтобы предпринимательский или бюрократический класс получали больше того, что они получают. Перед лицом такой необходимости недовольство может быть снижено

увеличением числа и масштаба ценностных возможностей для менее удачливых групп. Люди, которые имеют мало, могут быть удовлетворены, по крайней мере, временно, если они располагают средствами для того, чтобы работать на достижение своих целей — если они обладают определенной степенью контроля над своими ресурсами и судьбами, если они приобретают квалификацию, в которой нуждаются для продвижения самих себя, если они не натываются ни на какие дискриминационные барьеры на пути к прогрессу. Конечно, они должны иметь возможность получать определенные выплаты. Если они не получают этого, несбывшиеся надежды будут иметь более разрушительные последствия, чем надежды, которые никогда не зарождались.

Даже если недовольство уже получило широкое распространение, правящая элита может предотвратить насилие против себя, символически укрепляя свою легитимность, подвергая цензуре тех, кто ведет агитацию против нее и обеспечивая отвлекающие средства для выражения враждебности. Помогают также уступки недовольным, но выгоды от этих уступок должны равномерно распределяться среди всех под угрозой вызвать возмущение тех, кто получает мало: уступки будут наиболее эффективными, если они вносят свой вклад в увеличение способности недовольных самим помогать себе.

Если политизированное недовольство относительно умеренно, оптимальный паттерн для поддержания коерсивного контроля будет состоять в том, чтобы свести к минимуму численность сил и ресурсов внутренней безопасности и применять санкции как последовательно, так и с возможной терпимостью. Последовательность санкций даже еще более важна в тех случаях, когда недовольство носит ожесточенный характер; санкции, применяемые редко и неравномерно, с большей вероятностью интенсифицируют оппозицию. Однако комбинация терпимости и минимального надзора не сдержит интенсивно недовольных, и без плотного контроля за их действиями к ним не должны применяться никакие последовательные санкции. В таком случае наилучшей стратегией будет максимизировать надзор, но проводить политику относительной терпимости. Такая политика, вероятно, усилит враждебность в меньшей степени, нежели сочетание максимума контроля и жестких санкций. Вероятно, необходимо также «удерживать крышку прикрытой» достаточно долго, чтобы в течение этого времени могли быть приняты исправляющие меры. Практика исправляющей деятельности включает в себя здравомыслящее распределение благ и средств, как было описано выше. Они включают также установление или экспансию эффективной организационной системы, в рамках которой могли бы

распределяться эти блага и возможности, а также обеспечение регулярных каналов для выражения обид и их возмещения.

Стратегия для революционеров

Предполагаемым здесь «революционным» мотивом является стремление к насильственному разрушению старого порядка — мотив, который почти всегда коренится в непримиримой ненависти к старому и который наилучшим образом удовлетворяется с помощью насилия. Для таких мотивов могут существовать и утилитарные причины: некоторые правящие элиты активно сопротивляются изменениям, отвечая репрессиями на любые выражения народного недовольства. В таких обстоятельствах диссиденты, вероятно, имеют лишь два выбора: молчаливое согласие или революция. Режим, который отвечает на их требования одними лишь подавлениями, будет интенсифицировать их враждебность и тем самым, вероятно, ускорит собственное разрушение. Тактика, описанная здесь, с наибольшей вероятностью обеспечит это разрушение.

Если недовольство интенсивно и широко распространено в обществе, революционные задачи упрощаются; если нет, то существуют средства, с помощью которых его можно увеличить. Наилучшим средством для этого являются идеологические лозунги — в той степени, в какой их содержание предназначается для того, чтобы оправдать новые устремления и определить средства для их достижения. Потенциальной аудиторией для таких лозунгов является любая группа, оказавшаяся в невыгодном положении. Однако наличие объективной депривации еще далеко от того, чтобы стать эффективным для восприятия таких лозунгов. Группами, которые с наибольшей вероятностью откликнутся на них, являются те, которые уже подвергались воздействию изменений и являются недовольными определенными аспектами своей жизни. Одним из лучших индикаторов потенциала для конверсии к революционным ожиданиям является групповой опыт абсолютного снижения ценностных позиций; такое снижение более определенно показывает существование недовольства, нежели мнение неомарксистов о том, что члены группы должны быть недовольны, потому что они имеют меньше, чем другие. Относительно невезучие люди, которые недавно начали взаимодействовать с членами более процветающих групп или находятся в регулярных контактах с такими группами, либо находятся у них в регулярном подчинении, также восприимчивы к конверсии. Чем теснее такая их ассоциация с более преуспевающими группами, чем меньше объективные (и субъективно воспринимаемые) возможности для улучшения своего собственного статуса, тем легче их убедить в оправданности устремлений к лучшей

жизни и в необходимости революционных действий для ее достижения. Подчиненные городские классы, новые мигранты в города и люди, оказавшиеся на обочине экспансии современной экономики, представляют собой более податливый материал для потенциального рекрутирования в революционные движения, нежели сельские жители, которые все еще запутаны в неизменяемой паутине традиционной жизни.

Наиболее эффективные революционные лозунги предлагают такие средства и оправдания насилия, которые совместимы с реальным недовольством и культурным опытом своей потенциальной аудитории. Эти лозунги способствуют усилению революционных настроений в той степени, в какой им удается убедить людей в ответственности правящей элиты за их недовольство, не желающей и не способной смягчить его и приверженной такой политике, которая жертвует угнетенными. Символическая и явная демонстрация того, что революционное насилие может быть с успехом использовано, поддерживает эффективность лозунгов. Революционные мотивы усиливаются, если режим можно побудить предпринять репрессивные акции, которые на практике подтверждают идеологические аргументы диссидентов. Сам факт агитации к насилию часто приводит в действие такие акции: медиа могут подвергаться цензуре, гражданские свободы ограничиваться, диссидентские лидеры водворяются в тюрьмы, а их организации подавляться, государственные пособия отниматься у последователей диссидентов. На какое-то время это, может быть, минимизирует способности диссидентов к действию; более продолжительный эффект их будет состоять в подтверждении правильности революционных призывов, оправдывая, таким образом, более интенсивную оппозицию в будущем.

Если режим не очень слаб, сами инкаumbенты заставляют революционеров организовываться для групповой обороны и возможных атакующих действий. Организация должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к репрессиям со стороны режима и выжить и достаточно обширной по масштабам, чтобы она смогла мобилизовать большое число людей для действий или, по меньшей мере, затруднить поддержку ими режима. Организационные ресурсы должны направляться в первую очередь на приобретение коерсивных средств и агитационную деятельность, а не на удовлетворение материальных деприваций лидеров и их последователей. В противном случае диссидентская организация рискует превратиться в самоцель, обеспечивая внутреннее удовлетворение, которое притупляет революционный импульс. Участие в революционных организациях должно в достаточной степени обеспечивать их участников межличностными ценностями, в особенности

ценностями товарищества и разделяемых целей, чтобы не только обеспечить длительную приверженность последователей, но и требовать от них жертв во имя долгосрочных целей, чтобы оправдывать и интенсифицировать продолжительную оппозицию режиму. Конечно, должен также обеспечиваться определенный минимум безопасности для ее последователей; они должны чувствовать, что имеют неплохие шансы на выживание и успех. Коерсивным способностям революционеров могут способствовать ниспровержение режима или деморализация сил режима, ходатайство внешней поддержки и создание изолированных зон, населенных симпатизирующими жителями, — в той степени, в какой такая тактика выполнима.

Козырной туз революционеров — само насилие. Даже если их коерсивные способности низки в сравнении с режимом, для демонстрации того, что режим не в состоянии защитить своих граждан, может использоваться выборочный терроризм. Такой терроризм будет дисфункциональным для дела революции, если он действует на нейтральных или невинных людей; он становится более эффективным, когда направлен против тех, кто вызывает широкую антипатию. Насилие наиболее эффективно, когда оно вызывает жесткие, но непоследовательные карательные ответные меры режима, которые производят эффект отчуждения среди тех, кто мог бы в противном случае поддерживать режим. Открытая революционная война — это конечная тактика революционеров, но она в современном государстве затруднена, крайне дорога и неопределенна по перспективам. Это последний шанс в борьбе против сильных режимов, необязательный против слабых, и главная тактика только в тех случаях, когда режим уже ослаблен, а революционные способности высоки.

Стратегия для недовольных

Большинство недовольных людей — это не революционеры. Они могут быть обозленными, но, вероятно, предпочитают мирные средства для достижения своих целей превратностям и рискам революционной деятельности. Исходя из предположения, что их первичным мотивом является скорее повышение собственного благосостояния, нежели удовлетворение своего гнева через насилие, оптимум их стратегии лежит где-то посередине между тактикой элиты, которая стремится к поддержанию порядка, и революционеров, которые стремятся к разрушению этого порядка, чтобы установить новый. Недовольные вряд ли будут озабочены минимизацией или уравниванием показателей группового прогресса (это тактика, которую, скорее, могли бы использовать режимы)

или интенсификацией своей неудовлетворенности. Их цель состоит в том, чтобы улучшить собственную жизнь, насколько это возможно. Для этого они должны искать новые средства и ресурсы. Поэтому политическое насилие не исключается из общего репертуара их тактик достижения этой цели. При определенных обстоятельствах применение каких-то типов насилия может оказаться необходимым. Но один из первичных интересов недовольных, независимо от того, прибегают они к насилию или нет, состоит в том, чтобы минимизировать акции возмездия в ответ на свои действия.

При данном наличии потенциала коллективного насилия оптимальная политика недовольных заключается не в том, чтобы увеличить потенциал политического насилия как такового, а поставить этот потенциал на службу конструктивным целям. Символические призывы диссидентов должны быть двух видов: один — предназначен для мобилизации потенциальных последователей, другой — для оправдания своих обращений к режиму и тем социальным группам, от которых они могут с наибольшей вероятностью получить уступки. В таком контексте ограниченное политическое насилие имеет несколько применений. Оно может драматизировать обращения, давать выход враждебности своих последователей и тем самым способствовать институциональной поддержке для диссидентских организаций, а также может служить сигналом режиму об угрозе более разрушительного насилия, если обращения будут отвергнуты. Однако это рискованная тактика, причем более рискованная для одних политических систем, нежели для других. Насилие имеет тенденцию стимулировать контрнасилие — принцип, который применим и к диссидентам, и к их оппонентам. Угроза насилием имеет такой же эффект. Вследствие таких вызовов режим может направлять большее количество ресурсов на коерсивный контроль, нежели на оздоровительные мероприятия. Поэтому диссидентские лидеры обязаны быть настолько же внимательными и здравомыслящими в применении насилия, насколько и элиты — в применении контрнасилия. Возможно, наилучшая тактика лидеров в тех случаях, когда насилие уже разразилось, — представить акты этого насилия как эксцессы со стороны своих последователей, над которыми они готовы установить контроль, если будут предоставлены требуемые уступки.

Та степень, в которой лидеры могут фактически контролировать действия своих последователей и сделать эффективным применение каких бы то ни было средств и ресурсов, которыми они располагают, детерминирована степенью их институциональной поддержки. В то время как первая задача революционеров состоит в том, чтобы интенсифицировать

недовольство и сфокусировать его на политической системе, наиболее существенная задача прагматичных диссидентов состоит в том, чтобы организовываться: расширить масштабы своих организаций, разработать их внутреннюю структуру, усилить у членов этой организации ощущение общей цели и максимизировать свои коллективные ресурсы — не для насильственных акций, а для ценностно-улучшающей деятельности. Учреждение таких организаций может обеспечить удовлетворение многих потребностей ее членов: в ощущении контроля над событиями своей жизни, в чувстве общности и цели, в повышении статуса для лидеров и безопасности для последователей. Такие организации с гораздо более высокой степенью вероятности, нежели неорганизованные коллективности, могут предпринимать эффективные политические акции, получать все, что может быть получено через общепринятые переговорные политические процессы. Если необходимо использовать демонстративное насилие с расчетливым риском, чтобы повысить свои позиции в переговорном процессе, то наиболее эффективно это может быть проделано в условиях высокой институциональной поддержки. Наиболее важные из ценностных возможностей и ресурсов, получаемых путем сделки или иным путем, могут быть эффективно использованы для удовлетворения недовольства в хорошо разработанном организационном контексте.

Если диссидентские организации оказываются эффективны при использовании средств и получаемых от режима ресурсов в оздоровительных акциях, они редко остаются в оппозиции надолго. Более вероятно, что они будут все более прочно вписываться в существующий политический порядок, а их лидеры инкорпорируются в его элиту. Но если режимы несокрушимо враждебны и репрессивны при предъявлении им претензий от диссидентских организаций, как это бывает в слишком многих странах, те же организационные возможности могут быть обращены на революционные цели. Если же революция совершилась, то результат будет, в конечном счете, одним и тем же: диссидентские лидеры становятся элитой нового порядка, а те из их последователей, кто сумел выжить, — новыми верноподданными. Диссидентам лучше всего судить, стоит ли такой курс полученных приобретений и выгод, — на ставке находятся их жизни.

Теоретические модели, разработанные в этом анализе, не ставят своей целью дать, на манер готового платья, объяснение любому акту политического насилия. В мои намерения входило осуществить разумно парсимонический синтез разнообразных размышлений и свидетельств об истоках, протяженности и формах группового насилия в политике

и проделать это такими способами, которые внесли бы вклад в дедуктивное и эмпирическое исследования для развития более хорошей теории. С одной из эпистемологических точек зрения, об ее адекватности можно судить по логической связности, парсимоничности и элегантности теоретических рассуждений; точность теории и неопределенна, и несущественна. Однако в реальном мире существует непреодолимая потребность в способности антиципировать политическое насилие и последствия различных откликов на него — потребность, общая и для повстанцев, и для инкамбентов, и просто для тех, кто хочет прожить свою жизнь в мире. Там, где я сталкивался с тем, что представлялось выбором между «сказать об этом так, как оно выглядит на самом деле», и тем, что диктуют связность, парсимония или элегантность, я выбирал первое — на том основании, что нынешняя неадекватность систематического понимания насилия и потребность в таком понимании являются более плодотворным и полезным направлением. Предлагаемые здесь теоретические утверждения, равно как и их дедуктивная протяженность и эмпирическая оценка, нуждаются в очищении. Однако с такой точки зрения эти процессы должны протекать, скорее, совместно, нежели по отдельности, как это слишком часто бывало в прошлом.

Если центральные теоретические тенденции точны по своей сути, некоторые интерпретации природы политического насилия демонстративно неадекватны и в научном смысле, и в действительности политических курсов, базирующихся на них. Здесь вы не найдете особой поддержки тому взгляду, согласно которому политическое насилие изначально является прибежищем дефективных, криминальных, девиантных, невежественных или слабо социализированных людей. Мужчины и женщины какого бы то ни было социального происхождения, действующие в контексте любой социальной группы, на основе неопределенно разных мотивов, прибегали к насилию против своих правителей. Политическое насилие не вызывается пагубными доктринами или, по крайней мере, одними только доктринами. Неудовлетворенные люди гораздо более восприимчивы к конверсии к новым убеждениям, нежели удовлетворенные люди. Не все новые убеждения и верования дают оправдания насилию, а большинство из тех, что делают это, извлекаются, скорее, из собственного исторического опыта народа, нежели из чуждых источников. Убеждение в том, что некоторые из типов социальных устройств или политических институтов внутренне иммунны от насилия или способны удовлетворить все человеческие желания, — это лишь частичная истина. Разрушительное насилие может возникнуть — и возникло — в каждой из политических общностей XX в. Однако ни один

из паттернов коерсивного контроля, каким бы интенсивным и последовательным он не был, не смог удержать от насилия всех разъяренных людей, за исключением геноцида. Ни один из существующих паттернов социальной и политической инженерии не кажется способным удовлетворить все человеческие устремления и разрешить все человеческие неудовлетворенности кратковременного или долгосрочного типа.

Политическое насилие не является единообразно и непоправимо деструктивным для благосостояния людей. Многие группы прибегали к политическому насилию на той или иной стадии своего исторического развития с позитивными долгосрочными результатами: разрешение сепаратистских конфликтов, защита от угрозы своим интересам, приобретение средств, с помощью которых их члены могли эффективно и мирно работать во имя своей безопасности и благосостояния. Еще меньше можно сказать в пользу того революционного взгляда, в соответствии с которым насилие обладает особой действенностью, несравнимой с другими средствами, или в пользу прямо сравнимого утверждения консервативных сторонников авторитарной власти о том, что массированное применение силы — это лучшее средство для поддержания порядка. Насилие инспирирует контрнасилие против тех, кем оно направляется. Оно потребляет скудные ресурсы, которые в ином случае могли бы быть направлены на удовлетворение нужд людей. Хуже всего то, что оно физически потребляет людей в качестве своих жертв, а ментально — тех, кто практикует его, приучая их к насилию как к средству и цели своей жизни. Чем более интенсивно и широко распространено применение силы, тем менее вероятно, что те, кто используют ее, повстанцы или режимы, в состоянии достичь своих целей, за исключением того, что достигается через тотальную победу. А исходя из тех ресурсов, которыми располагают современные правительства и современные революционные движения, тотальная победа с высокой степенью вероятности окажется пирровой победой.

Общепринятая мудрость по поводу средств разрешения насильственных конфликтов также оказывается ложной. Одно только подавление явно неэффективно для разрешения насильственных конфликтов в долгосрочной перспективе, если не в краткосрочной, поскольку оно с большей вероятностью инспирирует не согласие, а сопротивление. Не более точным является и предположение о том, что недовольство имеет первично физические источники, следовательно, лекарством от него является удовлетворение материальных потребностей. Люди стремятся ко многим условиям жизни, иным, нежели физическое благосостояние, не последними из которых являются безопасность,

статус, чувство общности и право самим управлять своими делами. Если удовлетворяются базовые физические потребности, для минимизации насилия, по меньшей мере, столь же важно обеспечение и этих устремлений. Если люди обладают существенно большими физическими ресурсами, нежели статусом или свободой, они могут использовать первые для достижения вторых, используя, если необходимо, насильственные средства. В предположении о том, что для минимизации недовольства должны удовлетворяться все желания, также содержится заблуждение. Недовольство — это функция расхождения не между тем, что люди хотят, и тем, что они имеют, а между тем, чего они хотят, и тем, чего они, по их убеждению, способны достичь. Если их средства малы или подвергаются угрозе, они, вероятно, восстанут; если они получают новые средства, то будут работать, чтобы удовлетворить свои желания. Однако уступки также могут иметь непреднамеренные эффекты. Временные паллиативы могут подкрепить возврат к насилию, как только пройдет их наркотический эффект. Если люди сражаются, чтобы сохранить то, что они имеют, достаточно уступок, чтобы отодвинуть эту угрозу. Если они бунтуют, чтобы удовлетворить новые или интенсифицированные экспектации, единственной эффективной уступкой будет обеспечение их средствами, адекватными этим экспектациям.

Когда люди прибегают к насилию, это отчасти неразумно, но без причин этого не бывает. Среди этих причин почти всегда присутствует неведение: иногда это незнание последствий теми, кто прибегает к нему, но чаще это невежество тех, кто создает и поддерживает такие условия жизни, которые инспирируют насилие. Но политическое насилие постижимо с тех позиций, которые не делают его ни необходимым, ни неизбежным, но позволяют быть доступным для разрешения.

Примечания

¹ «The Nature of Revolutionary Situation Around the World» (Address delivered the National Conference on the United States in a Revolutionary World, Princeton University, April 2, 1968), 3.

² См. *Roberts L. Hamblin et al.*, «The Interference-Aggression Law?» *Sociometry*, XXVI (June 1963), 190–216.

³ Каузальные модели того типа, который разрабатывается здесь, подлежат оценке и пересмотру с использованием каузального анализа корреляционных данных. Соответствующая базовая техника описана в следующих работах: *Hubert M. Blalock, Jr.*, *Causal Inferences in Non-experimental Research* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964); *Herbert A. Simon*, *Models of Man* (New

York: Wiley, 1957); *Otis Dudley Duncan*, «Path Analysis: Sociological Examples», *American Journal of Sociology*, LXXII (July 1966), 1–16. Политические приложения см в: *Hayward R. Alker, Jr.*, «Causal Inference and Political Analysis», in *J. Bernard, ed., Mathematical Applications in Political Sciences* (Dallas: Southern Methodist Press, 1967); *H. D. Forbes and Edward R. Tuffe*, «A Note of Caution in Causal Modeling», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1258–1264. Некоторые данные о политическом насилии и нестабильности можно найти в: *Manus Midlarsky and Raymond Tanter*, «Toward a Theory of Political Instability in Latin America», *Journal of Peace Research*, № 3, 1967, 209–227; *Ted Gurr*, «A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices», *American Political Science Review*, LXII (December 1968), 1104–1124; *Ted Gurr*, «Urban Disorder: Perspectives from the Comparative Study of Civil Strife», *American Behavioral Scientist*, XI (March–April 1968), 50–55.

⁴ Взаимно исключающий ряд субкатегорий каждой из этих трех базовых форм для эмпирических исследований можно найти в: *Ted Gurr with Charles Ruttenberg*, *Cross-National Studies of Civil Violence* (Washington, D.C.: Center for Research on Social Systems, American University, 1969), Appendix A.

⁵ *Gil Carl Alroy*, *The Involvement of Peasants in Internal Wars* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, Research Monograph, No. 24, 1966), 16–19, quotation 16.

⁶ *Perry Viles*, «Participants and Elites in French Revolutionary Politics, 1789–1795» (Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, University of Pennsylvania, 1968), dittoed.

⁷ Данные резюмируются в: *Charles Tilly*, «Reflections on the Revolution of Paris: An Essay on Recent Historical Writing», *Social Problems*, XII (Summer 1964), 113.

⁸ *Norman R. C. Cohn*, *The Pursuit of Millenium*, 2nd edn., rev. (New York: Harper, 1957, 1961), 318.

⁹ *Leonard A. Gordon*, «Portrait of a Bengal Revolutionary», *Journal of Asian Studies*, XXVII (February 1968), 207.

¹⁰ *Ruth McVey*, «The Southeast Asian Insurrectionary Movements», in *Cyril Black and Thomas P. Thornton, eds., Communism and Revolution: The Strategic Uses of Political Violence* (Princeton: Princeton University Press, 1964) especially 147–154.

¹¹ *Charles Tilly*, *The Vendee* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), 326–327. Обобщенный обзор данных о природе революционного лидерства см. в *Carl Leiden and Karl M. Schmitt*, *The Politics of Violence: Revolution in the Modern World* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968), 75–89.

¹² *Hugh Seton-Watson*, «Twentieth Century Revolutions», *Political Quarterly*, XXII (July 1951), 263.

¹³ *Ibid.*, 258.

¹⁴ Основано на данных, о которых более детально сообщается в *Ted Robert Gurr* «A Comparative Study of Civil Strife», in *Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, eds., Violence in America: Historical and Comparative Perspectives* (Washington, D.C.: National Commission on the Causes and Prevention of Violence, 1969), 443–495.

¹⁵ *Gaetano Mosca, The Ruling Class*, trans. Hannah D. Kahn (New York: McGraw-Hill, 1896, 1939), 220.

¹⁶ *Chalmers Johnson, Revolution and the Social System* (Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, 1964).

¹⁷ *James C. Davies, «Toward a Theory of Revolution»*, *American Sociological Review*, XXVII (February 1962), 5–19.

¹⁸ *George Soule, The Coming American Revolution* (New York: Macmillan, 1935), 70.

¹⁹ *David Chaplin, «Peru's Postponed Revolution»*, *World Politics*, XX (April 1968), 411.

²⁰ См. *Gurr, «A Comparative Study»*.

²¹ *Merle Kling, «Towards a Theory and Political Instability in Latin America»*, *Western Political Quarterly*, IX (March 1956), 21–35.

²² Резюмирующий учет событий, предшествовавших победе Фиделя Кастро, см. в: *Boris Goldenberg, The Cuban Revolution and Latin America* (New York: Praeger, 1965), part II.

²³ Краткую интерпретацию предпосылок Египетской революции см. в: *Davies*, 13–14. Более полный учет ее предпосылок и последствий содержится в *Leiden and Schmitt*, chap. 9.

²⁴ *Rex D. Hopper, «The Revolutionary Process»: A Frame Reference for the Study of Revolutionary Movements*, *Social Forces*, XXVIII (March 1950), 270–279; *Crane Brinton, The Anatomy of Revolution* (New York: Norton, 1938); *David C. Schwartz, «A Theory of Revolutionary Behavior»*, in *James C. Davies, ed., When Men Revolt and Why* (New York: The Free Press, 1970). Другие примеры анализа революционных процессов см. в: *Lloyd P. Edwards, The Natural History of Revolutions* (Chicago: Chicago University Press, 1927); *George S. Pettee, The Process of Revolution* (New York: Harper, 1938); and *Louis Gottschalk, «Causes of Revolution»*, *American Journal of Sociology*, L (July 1944), 1–9. Исследованием процессов переворотов является работа *Charles Wheatly, «Military Coups and their Effects in Terms of Political Development»* (Princeton: Center of International Studies, Princeton University, 1968).

²⁵ *Schwartz*.

²⁶ *Midlarsky and Tanter*, см. также *Putnam*.

²⁷ *George Nagel, «The Logic of the Anatomy of Revolution, with Reference to the Netherlands Revolt»*, *Comparative Studies in Society and History*, II (July 1960), 475–476.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Суммарный перечень гипотез и следствий

Примечание: гипотезы перечислены в соответствии со своими зависимыми переменными, приведенными в следствиях, следующих за гипотезами, которые их определяют. Гипотезы, устанавливающие связи между первичными и вторичными переменными и детерминантами форм политического насилия, обозначаются однобуквенной приставкой, напр.: V.1, T.3. Гипотезы, определяющие детерминанты вторичных переменных, обозначаются двухбуквенными приставками, напр. ID.1, DI.2. Следствия пронумерованы путем добавления порядкового номера, следующего за номером соответствующей гипотезы; напр., C:ID.3.1 — это вывод из гипотезы H:ID.3.

Цифры в круглых скобках после каждой гипотезы и вывода означают номер главы, в которой они предлагаются.

Связи между первичными и вторичными переменными

Гипотеза V.1. Потенциал коллективного насилия существенно меняется с интенсивностью и масштабом относительной депривации среди членов данной коллективности. (2)

Гипотеза V.2. Потенциал политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом нормативных оправданий политического насилия среди членов коллективности. (6)

Гипотеза V.3. Потенциал политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом утилитарных оправданий политического насилия среди членов коллективности. (6)

Следствие V.3.1. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется с интенсивностью и масштабом утилитарных оправданий политического насилия в коллективности.

Гипотеза V.4. Потенциал специфически политического насилия сильно изменяется с потенциалом коллективного насилия вообще. (6)

Следствие V.4.1. Чем больше интенсивность и масштаб RD, тем сильнее связь между интенсивностью и масштабом нормативных и утилитарных оправданий политического насилия и величиной политического насилия. (6)

Гипотеза V.5. Величина политического насилия сильно изменяется с потенциалом политического насилия. (8)

Гипотеза V.6. Величина политического насилия сильно и прямо изменяется с величиной отношения коерсивного контроля диссидентов к величине коерсивного контроля режима до точки равновесия, а за пределами ее — обратно. (8)

Гипотеза V.7. Величина политического насилия изменяется сильно и прямо с изменением соотношения институциональной поддержки диссидентов к институциональной поддержке режима до точки равенства и обратно — за ее пределами. (9)

Детерминанты интенсивности относительной депривации

Гипотеза ID.1. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется в зависимости от средней степени воспринимаемого расхождения между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. (3)

Следствие ID.1.1. Любое возрастание среднего уровня ценностных ожиданий в коллективности, не сопровождаемое ростом ценностных возможностей, увеличивает интенсивность относительной депривации. (3)

Следствие ID.1.2. Любое снижение среднего уровня ценностных возможностей в коллективности, не сопровождаемое снижением уровня ценностных ожиданий, увеличивает интенсивность относительных деприваций. (3)

Гипотеза ID.2. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется со средним значением отчетливости данного класса ценностей, в отношении которого испытывается расхождение. (3)

Следствие ID.2.1. В любой гетерогенной популяции интенсивность относительной депривации наиболее велика по отношению к расхождениям действующих экономических ценностей, несколько меньшая по отношению к ценностям коллективности и безопасности и наименьшая относительно ценностей участия, самореализации, статуса и идеациональной связи.

Следствие ID.2.2. Отчетливость ценностей имеет тенденцию к изменению с размерами среднего усилия, вложенного в достижение или поддержание позиции, желаемой для данной ценности.

Следствие ID.2.3. В случаях устремленной депривации отчетливость ценности имеет тенденцию к изменению с воспринимаемой близостью

желаемой ценностной позиции в момент впервые испытываемого расхождения.

Гипотеза ID.3. Интенсивность относительной депривации умеренно изменяется пропорционально классам ценностей, в отношении которых испытывается расхождение. (3)

Следствие ID.3.1. Чем большей интенсивностью относительной депривации относительно ценностей благосостояния, власти, статуса и коммунальных ценностей, тем более вероятно снижение идеациональной согласованности. (5)

Гипотеза ID.4. Интенсивность относительной депривации сильно изменяется с удельным весом ценностных возможностей, в отношении достижения которых испытывается или предвосхищается препятствие. (3)

Следствие ID.4.1. Интенсивность относительной депривации умеренно возрастает по мере увеличения числа активно преследуемых ценностных возможностей, в отношении которых испытывается или предвидится препятствие. (3)

Гипотеза ID.5. Интенсивность относительного лишения изменяется криволинейно на протяжении времени, следующего за началом расхождения. (3)

Следствие ID.5.1. Чем больше отчетливость ценности, вызванная расхождением, тем дольше продолжается существование RD. (3)

Детерминанты групповых ценностных экспектаций

Гипотеза VE.1. Восприимчивость группы к конверсии возрастающих ценностных экспектаций через символический показ нового образа жизни сильно меняется по мере изменения интенсивности и масштаба предшествующей относительной депривации в группе. (4)

Гипотеза VE.2. Восприимчивость групп к конверсии возрастания ценностных экспектаций умеренно изменяется с воспринимаемой доступностью ценностных возможностей для достижения этих экспектаций. (4)

Гипотеза VE.3. Показатель роста групповых ценностных экспектаций сильно изменяется с изменением показателя прироста ценностей наиболее быстро выигрывающей группы, имеющей однородный экономический статус. (4)

Гипотеза VE.4. Показатель умеренного возрастания ценностных экспектаций относительно противоречиво низких ценностных позиций соответствует той степени, до которой противоречиво низкая ценность являет собой базовую основу для других ценностей. (4)

Гипотеза VE.5. Показатели возрастания групповых ценностных экспектаций сильно изменяются с продолжительностью прошлого обла-

дания группой ценностными выгодами, за исключением групп, занимающих максимально выгодные ценностные позиции. (4)

Следствие VE.5.1. Маргинальные увеличения ценностных возможностей среди депривированных групп имеют тенденцию к усилению отчетливости групповых ценностных экспектаций. (4)

Детерминанты групповых ценностных возможностей

Гипотеза VC.1. Воспринимаемые ценностные возможности сильно варьируют в той степени, до которой ценностные резервы в обществе воспринимаются как гибкие. (5)

Гипотеза VC.2. До той степени, в которой резервы любой ценности воспринимаются как негибкие, воспринимаемые групповые возможности для этой ценности изменяются сильно и обратно пропорционально восходящей мобильности других групп по этой ценности. (5)

Гипотеза VC.3. Воспринимаемые ценностные возможности изменяются сильно и обратно пропорционально показателю прошлого группового опыта ценностных потерь. (5)

Гипотеза VC.4. Воспринимаемые ценностные возможности сильно варьируют в зависимости от числа и протяженности ценностных возможностей, открытых членам группы. (5)

Следствие VC.4.1. Чем выше в обществе показатель экспансии ценностных резервов, тем больше интенсивность относительной депривации среди групп с дифференциально низкими ценностными возможностями. (5)

Детерминанты оправданий политического насилия

Гипотеза JV.1. Интенсивность нормативных оправданий политического насилия умеренно изменяется со степенью смещения на экстрапунктивность в процессе социализации. (6)

Гипотеза JV.2. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия сильно изменяются с исторически сложившейся величиной политического насилия в коллективности. (6)

Следствие JV.2.1. Чем чаще проявление конкретной формы политического насилия в коллективности, тем больше ожидание того, что оно будет повторяться. (6)

Следствие JV.2.2. Если ожидание насилия велико, интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия будет сильно меняться с интенсивностью и масштабом относительной депривации. (6)

Гипотеза JV.3. Интенсивность и масштаб нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяются с эф-

фективностью и масштабами прошлой деятельности режима, направленной на смягчение относительной депривации. (6)

Гипотеза JV.4. Интенсивность нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяются пропорционально разности в размещении ресурсов режима для смягчения относительной депривации различных групп. (6)

Гипотеза JV.5. Интенсивность и масштаб нормативных оправданий политического насилия изменяются сильно и обратно пропорционально интенсивности и масштабу легитимности режима. (6)

Гипотеза JV.6. Интенсивность нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется со степенью, до которой символические призывы предлагают правдоподобные объяснения источников относительной депривации, определяют политические мишени насилия и дают символы групповой идентификации. (7)

Гипотеза JV.7. Интенсивность утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяется с той степенью, до которой новые символические призывы предписывают политическое насилие как эффективную ценностно-благоприятствующую возможность для повышения ценностных позиций. (7)

Гипотеза JV.8. Интенсивность и масштаб утилитарных оправданий политического насилия сильно меняется в зависимости от той степени, до которой коллективность в прошлом повышала средний уровень своих ценностных позиций через политическое насилие. (7)

Гипотеза JV.9. Интенсивность и масштаб утилитарных оправданий политического насилия в коллективности умеренно изменяется с той степенью, до которой аналогичные коллективности в любом другом месте представляются повысившими свои средние ценностные позиции через политическое насилие. (7)

Гипотеза JV.10. Интенсивность нормативных и утилитарных оправданий политического насилия умеренно изменяется с плотностью символов агрессии в содержании коммуникаций. (7)

Гипотеза JV.11. До той степени, в которой плотность символов политической агрессии в содержании коммуникаций высока, масштаб утилитарных и нормативных оправданий политического насилия сильно изменяется с числом и масштабом средств коммуникации. (7)

Детерминанты режимного коерсивного контроля

Гипотеза RC.1. Коерсивный режим контроля умеренно изменяется с долей населения, подверженного регулярному надзору и сдерживанию. (8)

Гипотеза RC.2. Коерсивный контроль режима криволинейно изменяется с размерами и ресурсами его вооруженных сил и сил внутрен-

ней безопасности, имея наименьшее значение, когда размеры и ресурсы находятся на среднем уровне. (8)

Гипотеза РС.3. Коерсивный контроль режима изменяется криволинейно с жесткостью направляемых режимом санкций, являясь наиболее слабым при средних уровнях жесткости. (8)

Гипотеза РС.4. Коерсивный контроль режима сильно меняется со степенью лояльности режиму его коерсивных сил. (8)

Гипотеза РС.5. Коерсивный контроль режима сильно изменяется со степенью последовательности «постоянства» осуществляемых режимом административных санкций. (8)

Детерминанты диссидентского коерсивного контроля

Гипотеза ДС.1. Коерсивный контроль диссидентов умеренно изменяется с размерами доли населения, подверженной их регулярному надзору и устрашению. (8)

Гипотеза ДС.2. Диссидентский коерсивный контроль сильно изменяется с той степенью, до которой диссиденты географически концентрируются на территориях с ограниченным доступом для сил режима. (8)

Гипотеза ДС.3. Коерсивный контроль диссидентов сильно изменяется с размерами, обученностью и ресурсами их военных формирований в сравнении с размерами, обученностью и ресурсами сил режима. (8)

Гипотеза ДС.4. Диссидентский коерсивный контроль сильно меняется со степенью лояльности коерсивных сил режима к лидерам диссидентов. (8)

Детерминанты режимной институциональной поддержки

Гипотеза РИ.1. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с долей популяции, принадлежащей к режимно-ориентированным организациям. (9)

Гипотеза РИ.2. Институциональная поддержка режима сильно изменяется в зависимости от уровня сплоченности и сложности режимно-ориентированных организаций. (9)

Гипотеза РИ.3. Институциональная поддержка режима умеренно изменяется с размерами ресурсов, находящихся в распоряжении режимно-ориентированных организаций. (9)

Гипотеза RI.4. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с числом и масштабом ценностных возможностей, предоставляемых режимно-ориентированными организациями. (9)

Гипотеза RI.5. Институциональная поддержка режима сильно изменяется с числом и масштабом упорядоченных каналов протеста, предоставляемых режимно-ориентированными организациями. (9)

Детерминанты диссидентской институциональной поддержки

Гипотеза DI.1. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с долей популяции, принадлежащей к диссидентски-ориентированным организациям. (9)

Гипотеза DI.2. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется в зависимости от уровня сплоченности и сложности диссидентски-ориентированных организаций. (9)

Гипотеза DI.3. Институциональная поддержка диссидентов умеренно изменяется с размерами ресурсов, находящихся в распоряжении диссидентски-ориентированных организаций. (9)

Гипотеза DI.4. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с числом и масштабом ценностных возможностей, предоставляемых диссидентски-ориентированными организациями. (9)

Гипотеза DI.5. Институциональная поддержка диссидентов сильно изменяется с числом и масштабом средств для антирежимных акций, предоставляемых диссидентски-ориентированными организациями. (9)

Детерминанты внутренней войны

Гипотеза I.1. Вероятность внутренней войны возрастает по мере того, как соотношение коерсивных контролей диссидентов и режима приближается к равенству. (8)

Гипотеза I.2. Вероятность внутренней войны изменяется со степенью географической концентрации диссидентов в областях, к которым силы режима имеют ограниченный доступ. (8)

Гипотеза I.3. Вероятность внутренней войны изменяется со степенью иностранной поддержки, оказываемой диссидентам. (8)

Гипотеза I.4. По мере приближения к равенству диссидентской и режимной институциональной поддержки вероятность внутренней войны возрастает. (9)

Гипотеза I.5. Вероятность внутренней войны изменяется прямо с интенсивностью и масштабом элитной и массовой RD. (10)

Гипотеза I.6. Вероятность внутренней войны изменяется с долей классов ценностей, испытывающих на себе воздействие интенсивной относительной депривации. (10)

Гипотеза I.7. Вероятность внутренней войны будет наибольшей, если относительная депривация убывающая или прогрессивная, и меньше, если она устремленная. (10)

Детерминанты беспорядков

Гипотеза T.1. Вероятность беспорядков возрастает по мере того, как отношение коерсивного контроля диссидентов к коерсивному контролю режима приближается к нулю. (8)

Гипотеза T.2. Вероятность возникновения беспорядков варьирует со степенью концентрации диссидентов в тех областях, где сосредоточены силы режима. (8)

Гипотеза T.3. Вероятность беспорядков изменяется обратно степени институциональной поддержки диссидентов. (9)

Гипотеза T.4. Вероятность возникновения беспорядков прямо изменяется с интенсивностью и масштабом массовой относительной депривации и обратно — с интенсивностью и масштабом элитной относительной депривации. (10)

Гипотеза T.5. Вероятность беспорядков изменяется обратно пропорционально доле класса ценностей, испытывающих на себе воздействие интенсивной относительной депривации. (10)

Детерминанты заговора

Гипотеза C.1. Вероятность возникновения заговора изменяется со степенью расхождения между коерсивным контролем диссидентов и коерсивным контролем режима. (8)

Гипотеза C.2. Вероятность заговора изменяется обратно пропорционально лояльности коерсивных сил режима.

Гипотеза C.3. Вероятность заговора изменяется в той мере, в какой степень диссидентской институциональной поддержки высока, а ее масштабы низки. (9)

Гипотеза C.4. Вероятность заговора прямо изменяется с интенсивностью и масштабом элитной RD и обратно — с интенсивностью и масштабом массовой RD.

Гипотеза C.5. Вероятность заговора изменяется с интенсивностью ценностной депривации его участников.

Т. Р. Гарр
Почему люди бунтуют
Перевел с английского В. Анурии

Главный редактор	<i>Е. Строганова</i>
Зам. главного редактора (Москва)	<i>Е. Журавлёва</i>
Заведующая редакцией (Москва)	<i>Т. Калинина</i>
Руководитель проекта	<i>Н. Кулагина</i>
Литературный редактор	<i>Ю. Гудым</i>
Художник	<i>Р. Яцко</i>
Корректоры	<i>Л. Макарова, И. Чепелкина</i>
Верстка	<i>О. Валиуллина</i>

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

ООО «Питер Принт», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93,
том 2; 95 3005 — литература учебная.

Подписано в печать 23.07.04. Формат 60 × 90/16. Усл. п. л. 29.
Тираж 4000. Заказ № 1012.

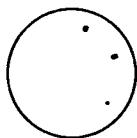
Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, С.-Петербург, Киришская ул., 2.

Тед Роберт Гарр — американский исследователь политических процессов, доктор философии, профессор Университета штата Мэриленд, Колледжа Парка, учредительный директор проекта «Меньшинства в опасности», который проводит мониторинг динамики политических статусов и деятельности более чем 300 общинных групп по всему миру. В последнее время активно занимается исследованиями этнополитических внутригосударственных конфликтов.

Тед Роберт Гарр уже более четырех десятилетий остается верен своей стержневой теме — исследованию проблем внутривнутриполитической гражданской борьбы, в том числе выяснению причин и механизмов процессов межнациональных столкновений различных этнических групп, входящих в состав одного государства. Несмотря на свою сугубо политическую направленность, перед нами — исследование, носящее отчетливо выраженный социологический характер: теоретические изыскания Гарра опираются на огромный объем эмпирических данных, приведенных в работах других ученых, в том числе социологов, историков и социальных психологов.

Почему одни могут жить впроголодь и не испытывать при этом никаких страданий? И почему другие люди в других обществах (или социальных стратах), находясь в более благополучном по сравнению с первыми состоянии, ощущают глубокую неудовлетворенность и даже фрустрацию? Для объяснения их мотивации и предсказания возникающего вследствие этого политического насилия Гарр развивает общую концепцию относительных деприваций.

Книга адресована социологам, политологам, специалистам в области иных гуманитарных наук, а также студентам, аспирантам, всем интересующимся проблемами конфликтов.

ПИТЕР
WWW.PITER.COM

Посетите наш web-магазин:

www.piter.com

ISBN 5-469-00134-2

9 785469 001348